

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

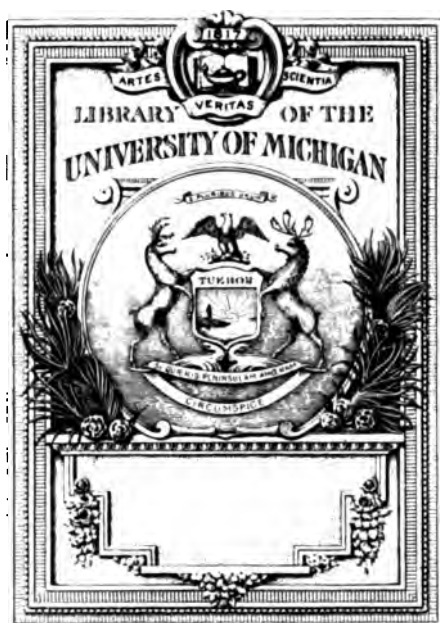
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Монгол-Лхай Истори
МОНГОЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ᠡᠷᠳᠡᠨᠢᠶ᠋ᠨ ᠡᠷᠢᠬᠡ
„ЭРДЭНИЙНЪ ЭРИХЭ“.

PL
121
273
P84

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ СЪ ЦЕРЕВОДОМЪ И ПОЯСНЕНИЯМИ,

ЗАКЛЮЧАЮЩИМИ ВЪ СЕБѢ

МАТЕРІАЛЫ ДЯ ИСТОРИИ ХАЛХИ

СЪ 1636 ПО 1736 Г.

А. ПОЗДНЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. О., 9 л., № 12.)

1883.

PL
421
Z73
P89

Напечатано по определению факультета Восточныхъ языковъ.
С.-Петербургъ, 10 Февраля 1883 г.

Деканъ *В. Васильевъ*.

Lib. Com.
French Bl. Binding
31384
11-19-1935-

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловіе.....	vii—xxxviii
Текстъ.....	1— 50
Разночтенія, поправки и дополненія къ тексту....	51— 53
Переводъ.....	54— 92

Поясненія:

I. Взглядъ на состояніе Халхи во второй половинѣ XVI и начальныхъ годахъ XVII в.

Раздѣленіе монголовъ по смерти Даянтъ-сэцэнъ-хана.— Гэрэсанцза, родоначальникъ халхаскихъ князей — Раздѣленіе Халхи по смерти Гэрэсанцзы и причины возвышенія въ Халхѣ трехъ княжескихъ родовъ.— Постепенное возрастаніе числа халхаскихъ княжествъ.— Взаимныя отношенія халхаскихъ князей.— Внѣшняя дѣятельность халхасовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій.— Господствующія религіозныя ученія въ Халхѣ.— Появленіе ламаизма и причины его успѣховъ въ народѣ.— Основаніе Эрдэни-цзу.— Первые сношенія монголовъ и халхасовъ съ маньчжурами..... 93—118

II. Царствованіе Дэгэдү эрдэмтү.

Различные способы лѣтоисчисленія у китайцевъ, маньчжуровъ, тибетцевъ и монголовъ.— Рожденіе Ундуръ гэгэна.— Присоединеніе маньчжурами чохарскаго аймака и его послѣдствія.— Отношенія сэцэнъ хана къ китайцамъ и маньчжурамъ.— Начало сношеній съ маньчжурами цзасакту хана.— Первые законоположенія маньчжуровъ по отношенію къ халхасамъ.— Значеніе для Халхи чжунгарскаго сейма 1640-го года.— Халхаскія посольства къ Далай ламѣ и возведеніе на кааэдру Ундуръ гэгэна..... 118—136

III. Царствованіе Эйѣ-бэръ цзасагчи.

Возмущеніе сунитовъ и содѣйствіе, оказанное имъ халхасами. — Набѣгъ тушѣту хановцевъ на бариньскій аймакъ. — Первый походъ маньчжуровъ на Халху и его послѣдствіи. — Политика маньчжуровъ въ отношеніяхъ къ Халхѣ. — Проведеніе границъ между Халхою и землями южныхъ цзасаговъ Монголіи. — Заботы халхасовъ о буддизмѣ и построеніе новыхъ монастырей. — Перемѣны въ характерѣ халхасовъ и покорность ихъ маньчжурамъ. — Новое дѣленіе Халхи. — Результаты мирныхъ отношеній къ маньчжурамъ. . . . . 136 — 166

IV. Царствованіе Энхэ амугулан'а.

Мирное время Халхи въ первые годы этого царствованія. — Хотохойты и смуты, произведенныя въ Халхѣ ихъ правителемъ. — Борьба за столъ цзасакту хановскій. — Первые дѣйствія Галдана бошокту. — Споръ тушѣту хана и цзасакту хана за данниковъ. — Сеймъ курѣнъ-бальчирскій. — Первый походъ Галдана на Халху. — Принятіе маньчжурами въ подданство халхасовъ и расселеніе этихъ послѣднихъ въ южной Монголіи. — Заботы маньчжуровъ о прекращеніи смутъ въ Халхѣ и введеніи должнаго порядка между халхасами. — Пораженіе Галдана при Уланъ-бутун'ѣ. — Сеймъ долонъ-норскій и новые халхаскіе порядки. — Новые нападенія Галдана на Халху. — Приготовленія Канси къ походу на чжунгаровъ. — Второй походъ Галдана на Халху. — Пораженіе чжунгаровъ при Чжао-модо. — Политика Канси въ отношеніи къ Галдану. — Смерть Галдана-бошокту. — Возвращеніе халхасовъ на сѣверъ Гоби. — Положеніе Халхи послѣ Галдановскаго погрома. — Заботы халхасовъ о возсозданіи своего внутренняго благоустройства. — Расширеніе халхаскихъ земель и новое увеличеніе числа халхаскихъ хошуновъ. — Притязанія Цэванъ-рабтана на земли, занятыя халхасами. — Маньчжуро-халхаскіе походы на чжунгаровъ 1715, 1717 и 1719 гг. — Состояніе Халхи въ періодъ войнъ Цэванъ-рабтана. — Новые постановленія Канси по отношенію къ управленію Халхи и его содѣйствіе къ просвѣщенію халхасовъ. . . . . 166—305

V. Царствованіе Найралту туб'а.

Милости новаго императора халхаскимъ князьямъ и хутухтѣ. — Смерть Ундуръ гэгэна. — Предпредѣленіе маньчжуровъ относительно перерожденія втораго халхаскаго хубилгана Чжэбцунъ-дамба-хутухты. — Возмущеніе урянхасовъ и блѣотовъ въ Халхѣ. — Возстаніе Лубсанъ-даньцзиня въ Хуху норѣ и участіе халхасовъ въ усмиреніи этого возстанія. — Рожденіе втораго халхаскаго хубилгана Чжэбцунъ-дамба-хутухты. —

Преобразованія въ Халхѣ. — Учрежденіе сайнъ нояновскаго аймака. — Паденіе ханской власти въ Халхѣ. — Возведеніе на кааедру Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. — Новыя войны маньчжуровъ съ чжунгарами. — Участіе халхасовъ въ походахъ на Галданъ-цэрэна. — Основаніе Кобдо. — Неудачный походъ маньчжуро-халхасовъ на чжунгаръ въ 6-й лунѣ 1781-го года. — Пораженіе чжунгаровъ при Сухэ-алдаху. — Основаніе новыхъ халхаскихъ крѣпостей на Цаганъ сүлѣ, Туѣ, Онгинѣ и Байдарикѣ. — Походъ Галданъ-цэрэна на Халху въ 1782 году и пораженіе, нанесенное халхасами войскамъ его при Эрдэни-пзу. — Состояніе Халхи въ періодъ войнъ Галданъ-цэрэна. — Переговоры объ условіяхъ мира съ чжунгарами. — Основаніе крѣпости на Орхонѣ. — Командированіе эфу Цэрэна для заключенія мира съ чжунгарами. . . . . 306—366

Приложенія:

I. Дорожная записъ слѣдованія войскъ на сѣверъ по Монголіи придворнаго вельможи Ма-сы-ха. . . . . 366—378

II. Краткая записка ти-ду Инъ-хуа-синъ о походѣ на западъ. . . . . 378—392

III. Погодичная записъ цзунъ-ду чжилійской провинці Юй-чэнь-лун'а. . . . . 393—396

IV. Краткія записки о походѣ за границу, составленныя Цянь-лянъ-цзѣ изъ Чанъ-шу. . . . . 397—401

Алфавитный указатель собственныхъ и географическихъ именъ. . . . . 401—421

Хронологическая таблица.

ОПЕЧАТКИ

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
80	22	чжиб'а	чжаб'а
101	20	Пакирь	Цакирь
—	25	потребности	потребности
278	19	сопредѣльные	сопредѣльныя
300	42	Тирты я обращенія	тирты и обращенія
309	27	ве указывали	не указывали
311	14	Канси	Юнъ чжэна
315	1	Халих	Халхи
323	22	Чусалакчи	тусалакчи
349	32	Цзампигъ	Яньпигъ
392	17	Даньэзила	Даньцзила

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Два года тому назадъ, когда я издалъ первый выпускъ своего труда „Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ“ и старался познакомить въ немъ читателей какъ съ современною поэзіею халхасовъ, такъ и съ характеромъ этого народа, большинство интересующихся изученіемъ жизни востока моихъ соотечественниковъ отнеслось къ сдѣланнымъ мною сообщеніямъ какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Ультра-буддійское направленіе большинства представленныхъ мною образцовъ народныхъ пѣсенъ, ясно свидѣтельствовавшее о совершенномъ поглощеніи халхаскихъ умовъ буддійскими идеями; какое то приниженное, угнетенное и до апатичности равнодушное ко всему совершающемуся состояніе народнаго духа, которое также картинно обрисовывали въ халхасахъ представленные мною образцы; — все это значительно разнилось отъ сложившихся у насъ общихъ представленій о монгольскомъ народѣ. По старой памяти славныхъ для Монголіи временъ Чингисъ-хана, у насъ невольно еще сохранялось представленіе о халхасахъ какъ о потомкахъ нашихъ грозныхъ завоевателей, какъ о націи бодрой духомъ и тѣломъ; мы думали, что этотъ народъ, если и не заявлялъ ни чѣмъ о своей жизни и дѣятельности за послѣднее время, то во всякомъ случаѣ хранитъ еще въ своей душѣ остатки той суровой и дикой отваги, которая, проявившись во время оно, привела въ ужасъ не только цѣлую Азію,

но и всю Европу. И вдругъ вмѣсто этого представленія оказывается, что халхасы теперь не только утратили свою старую мощь, но, повидимому, потеряли даже и ту насущную энергію духа, которая необходима для обычной гражданской жизни и дѣятельности каждому народу. Переворотъ дѣйствительно страшный и поразительный! Нѣтъ ничего удивительнаго отсюда, что первое обстоятельное извѣстіе о немъ однихъ поставило въ недоумѣніе по вопросамъ — когда же, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ совершилась эта перемѣна; а у другихъ зародило подозрѣніе — вполнѣ ли основательны мои взгляды, не составляютъ ли они результатъ односторонняго изученія монголовъ и не явились ли они какъ плодъ того, что, познакомившись съ однимъ только классомъ монгольскаго общества, я распространяю его особенности на цѣлую монгольскую народность? Я не обратилъ особеннаго вниманія на эти подозрѣнія (хотя они высказывались и публично, — въ печати), потому что всѣ тѣ черты характера монголовъ, которыя были указаны мною и которыя отпечатлѣлись въ представленныхъ мною образцахъ халхаскихъ народныхъ пѣсенъ, въ разное время и по частямъ были давно уже подмѣчены нашими путешественниками и излагались въ ихъ запискахъ ко всеобщему свѣдѣнію европейскаго міра; такимъ образомъ полное и основательное изученіе европейской литературы о монголахъ должно было бы показывать, что все сказанное мною, по своей сущности, вовсе не было новостью. Но гораздо важнѣе и существеннѣе для дѣла были пытливые вопросы: „когда же, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ совершилась эта перемѣна въ характерѣ монголовъ?“ На вопросы эти нельзя было не обратить вниманія; такъ какъ они имѣли за собою и полное основаніе въ силу того, что въ европейской литературѣ о монголахъ дѣйствительно не находится на нихъ до сего времени еще ни какихъ отвѣтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ уясненію хода событій монгольской жизни намъ было извѣстно до нынѣ только два монгольскихъ памятника, это — лѣтопись Саманъ-сэцэна и Алтанъ-тобчи. По сказаннымъ памятникамъ кое какъ и съ значительными пропусками мы могли еще слѣдить за исторіею монголовъ до второй половины XVII вѣка, или что то же, до эпохи вступленія на китай-

скій престолъ дайчиньской династїи; но эпохою этою объ помянутыя лѣтописи оканчиваются, и со времени подданства монголовъ дайчиньскому дому изъ жизни ихъ извѣстно намъ только три, четыре факта. А между тѣмъ несомнѣнно, что именно въ этотъ періодъ двухсотъ, двухсотъ пятидесяти лѣтъ и совершились всѣ тѣ событія, которыя, залегши тяжелымъ гнетомъ на духовную природу халхасовъ, измѣнили ее настолько, что въ халхасахъ, повидимому, не осталось и тѣни предпрїимчивыхъ и храбрыхъ воиновъ Чингисъ-хана. Понятно, какой интересъ представляютъ собою эти невѣдомые для насъ два съ половиною вѣка жизни Халхи! Ради высокой важности этого интереса я рѣшился отложить на время свое изданіе „Образцовъ народной литературы монголовъ“ и, удовлетворяя выраженнымъ мнѣ вопросамъ, обратиться къ сообщенію свѣдѣній по исторїи Халхи за помянутый періодъ. Это еще казалось мнѣ необходимымъ какъ потому, что не хотѣлъ я быть бездоказательнымъ и недостаточно яснымъ въ своихъ рѣчахъ; такъ и особенно потому что самое изслѣдованіе народной литературы халхасовъ въ дальнѣйшихъ своихъ частяхъ постоянно требовало указаній на историческія событія, а событія эти между тѣмъ оставались положительно неизвѣстны.

Вотъ обстоятельства, ближайшимъ образомъ побудившія меня покинуть начатое дѣло и отъ изслѣдованія народной литературы халхасовъ обратиться къ изложенію событій ихъ жизни за два послѣдніе вѣка. Само собою разумѣется, что писать исторію Халхи, при полной неразработанности для нея данныхъ, въ настоящее время положительно не возможно; и оттого я предполагаю только собрать и упорядочить достовѣрнѣйшіе матеріалы для исторїи халхасовъ, изложить общій ходъ событій и указать на главнѣйшія перемѣны въ жизни Халхи. Исполнить все это я опять таки могу на столько, на сколько позволяютъ мнѣ имѣющіяся у меня подъ руками средства и главное — время, которымъ могу располагать я для этой работы.

Разбирая прїобрѣтенные мною въ Халхѣ памятники монгольской исторической литературы, я, для удобнѣйшаго выполненія задуманнаго плана, предположилъ издать въ текстѣ и переводѣ одну, и при томъ самую обширную изъ имѣющихся нынѣ у насъ историческихъ

рукописей, именно лѣтопись — „Эрдэнийнъ эрихэ“, во второмъ ея изданіи; для дополненія же ея рассказовъ — составить поясненія на основаніи другихъ, изслѣдованныхъ мною памятниковъ по исторіи монголовъ и изданныхъ частію на монгольскомъ языкѣ, а частію на китайскомъ, маньчжурскомъ и олѣтскомъ, или калмыцкомъ.

Лѣтопись „Эрдэнийнъ эрихэ“ была приобрѣтена мною въ Халхѣ въ двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ первое (хранящееся нынѣ въ библіотекѣ СПб Университета и записанное въ отдѣлѣ коллекціи Позднѣева подъ № 1548) составляетъ точную копію съ оригинала, принадлежащаго сану (казнохранилищу) ургинскаго хутухты; а второе (по тому же каталогу и отдѣлу № 1549) исполнено было перепискою въ кочевьяхъ самого автора лѣтописи и съ подлинника ему лично принадлежавшаго. Авторъ лѣтописи, тайчжи Галданъ славился между халхасами какъ человекъ, ловко владѣвшій перомъ и долгое время исполнялъ обязанности тусалакчи (помощника правителя) хошуна Далай-тушѣ-гуна въ тушѣту хановскомъ аймакѣ. Я познакомился съ нимъ въ началѣ 1879-го года, когда онъ былъ уже дряхлымъ и слабоумнымъ по преклонности лѣтъ своихъ старцемъ, — ему считали тогда 84 года. Исторію составленія лѣтописи отъ него было трудно добиться: онъ говорилъ, что первое изданіе ея было написано имъ лѣтъ двадцать тому назадъ и якобы съ спеціальною цѣлью, чтобы по книгѣ этой могъ ознакомиться съ прошедшею жизнью Халхи, ея современныи бытомъ и отношеніемъ къ Китаю седьмой хубилганъ ургинскаго хутухты. Насколько справедливо это показаніе судить довольно трудно. Въ текстѣ самой лѣтописи авторъ говоритъ, что онъ „сокращенно писалъ въ порядкѣ годовъ только о томъ, въ какомъ году преобладали нояны шести хошуновъ: Тушѣту хана, Амбанъ-бэйсэ, Уйцзанъ-вана, Хошой цинъ-вана, а также своихъ (т. е. находящихся въ ближайшемъ родствѣ къ нему хошуновъ) Мэргэнъ-вана и Далай-тушѣ-гуна“; такимъ образомъ очевидно, что цѣлью Галдана было писать исторію не всей Халхи, а только шести ея хошуновъ. Въ тоже время онъ приглашаетъ другихъ халхаскихъ нояновъ, если бы кто либо пожелалъ изъ нихъ, продолжать и пополнять его лѣтопись; это обстоятельство, повидимому, указываетъ на то, что авторъ.

составляя свой трудъ, не имѣлъ опредѣленной цѣли — сдѣлать изъ него учебникъ для Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, а придавалъ ему, такъ сказать, общественное значеніе и предполагалъ, что лѣтопись его должна разойтись повсюду. И такъ утверждать положительно, составлена ли „Эрдэнийнъ эрихъ“ съ показанною опредѣленною цѣлію, или же просто явилась она какъ литературный трудъ любознательнаго халхаскаго тусалакчи, невозможно, ибо въ ней самой нѣтъ для сего никакихъ точныхъ указаній; судя же по характеру монголовъ, возможно допустить и то и другое предположеніе. Очень можетъ быть, что Галданъ, составляя свою лѣтопись, по первоначально вовсе и не имѣлъ цѣлью приготовить пособіе къ изученію исторіи Халхи для Чжэбцзунъ-дамба-хутухты; но какъ послѣдній прочиталъ эту лѣтопись, то тѣмъ самымъ и далъ возможность ея автору утвердить за нею очень выгодную въ Монголіи славу учебника халхаскаго первосвященника; очень можетъ быть и то, что, будучи извѣстнымъ въ средѣ халхасовъ по своимъ знаніямъ и бойкости своего пера, Галданъ дѣйствительно получилъ приглашеніе составить для гэгэна краткую исторію Халхи, но что частію по однообразію халхаской жизни, частію изъ желанія прославить своихъ родовичей, онъ описалъ главнымъ образомъ ихъ исторію. За большую вѣроятность этого послѣдняго предположенія стоитъ пожалуй еще и то, что хотя Галданъ, по его собственнымъ рѣчамъ, и намѣревался писать исторію только шести хошуновъ, однако же въ дѣйствительности съ не меншею полнотою рассказываетъ онъ и о другихъ княжескихъ домахъ, въ разное время выдававшихся своему дѣятельностию.

Обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія лѣтописи „Эрдэнийнъ эрихъ“, мы находимъ, что какъ и большинство другихъ монгольскихъ лѣтописей, она начинается свои рассказы отъ временъ Чингисъ-хана. Въ началѣ рукописи приложено раздѣленіе лѣтописи на главы. Въ самомъ текстѣ и особливо во второмъ изданіи лѣтописи это раздѣленіе на главы помѣчено одними цифрами и иногда не вполне ясно и точно (т. е. не вполне соотвѣтственно тѣмъ строкамъ, съ которыхъ дѣйствительно начинаются главы); но конечно такого рода помѣтки не имѣютъ особеннаго значенія, ибо содержаніе лѣтописи во всемъ и

безусловно соотвѣтствуетъ ея оглавленію. Намѣреваясь послѣдовательно издать всю лѣтопись, я, при настоящемъ обзорѣ содержанія ея, не буду дѣлать выписки изъ самаго текста; но представляю точный переводъ ея оглавленія, тѣмъ болѣе, что переводъ этотъ въ достаточной степени знакомитъ насъ какъ съ предметомъ изслѣдованія, такъ и съ характеромъ „Эрдэнийнъ эрихэ“.

Глава I рассказываетъ о рожденіи младшихъ братьевъ борджигитскаго Чингиса, называемаго сыномъ бодисатвы.

II—о томъ, какъ родился сынъ тэнгрія, принадлежащій къ роду Борджигитъ, — Чингисъ-ханъ, прозванный Тэмучиномъ и какъ женился онъ на дочери Дай сэцэна.

III—о томъ, какъ Чингисъ-ханъ, Тэмучинъ, получилъ печать хасъ-бао и сѣлъ на ханскій престолъ и какъ потомъ печати хасъ-бао (ихъ было три) находились у тэнгріевъ и драконовъ.

IV—о томъ, какъ Тогонъ тэмуръ ханъ, внукъ потомка Чингисъ-ханова въ восьмомъ колѣнѣ, потерялъ печать хасъ-бао и какъ потомъ получили ее мудрые ханы маньчжурскіе.

V—о томъ, какъ Чингисъ, согласно древнему предопредѣленію (бошокъ), подчинилъ своей власти 12 хановъ и представился къ Хормустъ тэнгрію, отцу своему.

VI—о томъ, кто были подчиненные Чингисъ-хану пятицвѣтные (табунъ унъгэ) и четыре чуждые (дүрбэнъ хари).

VII—о томъ, какъ сыновья, рожденные отъ Чингисъ-хана, сѣли ханами и князьями во многихъ странахъ.

VIII—о томъ, кто были четыре младшіе брата Чингиса и девять его урюковъ.

IX—о монгольскихъ ханахъ, жившихъ въ періодъ отъ Чингиса до Тогонъ тэмюра.

X—о 21 поколѣніи хановъ, жившихъ послѣ Тогонъ-тэмюра.

XI—о родахъ, отъ которыхъ произошли семь халхаскихъ хошуновъ.

- Глава XII—о томъ, какъ монгольскіе ханы приняли буддійскую вѣру, приказали изобрѣсти монгольскую письменность и построили Пекинъ.
- XIII—о миньскихъ ханахъ, владѣвшихъ правленіемъ монголовъ.
- XIV—о маньчжурскихъ ханахъ.
- XV—о десяти хошунахъ царим'скаго сейма: Хорчинъ, Цзалаитъ, Дурбэтъ и Хорлосъ.
- XVI—о пяти хошунахъ сейма йосоту: Харачинъ и Тумэтъ.
- XVII—объ одиннадцати хошунахъ сейма цзү-уда'скаго: Аоханъ, Баринъ, Цзаргутъ, Найманъ, Хөшиктэнъ, Ару-хорчинъ и Онютъ.
- XVIII—о хошунѣ халхаскихъ бэйлэ.
- XIX—о десяти хошунахъ сейма Силинъ гол'скаго: Учжумцинь, Сунитъ, Хүчинъ, Абага и Абаганаръ.
- XX—о шести хошунахъ сейма Уланъ-цаб'скаго: Дурбэнъ-хүхэтъ, Уратъ, Мао-минганъ и Халха.
- XXI—о семи хошунахъ ордос'скихъ Тхө цзү'скаго сейма.
- XXII—о тумэтскихъ гунахъ, управляемыхъ въ городѣ, построенномъ для умиротворенія отдаленныхъ.
- XXIII—о наименованіи Халхи (исторія и причины).
- XXIV—о 21-мъ хошунѣ сейма Ханъ-улы — тушѣту хановскомъ.
- XXV—о 23-хъ хошунахъ сейма Барсъ-хото хэрулэн'скаго—сэцэнъ-хановскихъ.
- XXVI—о 19-ти хошунахъ сейма цзакъ-гол'скаго — цзасакту хановскихъ.
- XXVII—о 24-хъ хошунахъ сейма цэцэгликъ гол'скаго—сайнъ нояновскихъ.
- XXVIII—о принадлежностяхъ чингисханидовъ.
- XXIX—о 29-ти хухунорскихъ хошунахъ, управляемыхъ властями, живущими въ Силинѣ.
- XXX—о хошунѣ алашаньскаго вана.

Глава XXXI—о 19-ти хошунахъ, управляемыхъ хобдоскимъ начальствомъ.

XXXII—о 13-ти хошунахъ, управляемыхъ илийскимъ цзянь-цзюнемъ.

XXXIII—о томъ, почему четыре ойрата назвались олб-тами.

XXXIV—о цзасакахъ (правителяхъ), происшедшихъ отъ Чингиса, его четырехъ братьевъ и девяти урюковъ.

XXXV—объ аймакахъ западнаго Цзу (Тибета).

XXXVI—о гунахъ, живущихъ у чахаръ, у Хара мурани и въ столицѣ, а также объ олотахъ, потомкахъ Давацы.

XXXVII—о хамійскихъ аймакахъ.

XXXVIII—о временахъ отъ Тогонъ-тэмуръ хана до халхаскаго Абатай-сайнь-хана.

XXXIX—о томъ, какъ Абатай по свиданіи съ Далай ламою принялъ буддійскую вѣру и основалъ Эр-дэни цзу.

XI—о первомъ перерожденіи Чжэбцунъ-дамбы въ Халхѣ и о первыхъ хубилганахъ его въ Индіи и Тибетѣ.

XII—о возведеніи на каѳедру халхаскаго хубилгана Чжэбцунъ-дамба-ламы и о событіяхъ, случившихся въ года правленія маньчжурскихъ императоровъ Дэгэду эрдэмту и Эйъ бэръ-цзасакчи; объ устройствѣ хураловъ, принесеніи халхаскими цзасаками дани (маньчжурамъ) и объ учрежденіи 8-ми хошуновъ.

XIII—о сооруженіи многихъ хураловъ Чжэбцунъ-дамба-ламою, обстоятельствахъ подданства монголовъ Китаю, учрежденіи хошуновъ и сумуновъ и о назначеніи князей правителями.

XIV—о дѣяніяхъ гэгэна и монгольскихъ князей въ

года правленія Найралту түб'а (Юнь чжэна) и о возмущеніяхъ, происходившихъ при Сухэ алдаху и Эрдэни-цзу.

Глава XLIV—о дѣяніяхъ гэгэна и монгольскихъ князей въ года правленія Тенгриинъ тэтхухсэн'а (Цань луна).

XLV—о дѣяніяхъ гэгэна и монгольскихъ князей въ года правленія Сайшіялту иругэлту (Цзя-цина).

XLVI—о дѣяніяхъ гэгэна и монгольскихъ князей въ года правленія Түрү гэрэлту (Дао-гуана).

Не смотря на заманчивый, повидимому, интересъ въ вопросахъ, составляющихъ предметъ разсмотрѣнія начальныхъ главъ, мы должны сказать, что отвѣты на эти вопросы представляются въ лѣтописи далеко не удовлетворительными для европейскаго серьезнаго и критическаго взгляда. Всѣ тѣ рассказы, на которыхъ сосредоточивается по преимуществу вниманіе лѣтописца и въ которыхъ онъ обстоятеленъ и подробенъ, въ большинствѣ случаевъ не выходятъ изъ круга баснословныхъ преданій и повѣрій народа; положительные же факты исторіи наоборотъ излагаются имъ такъ кратко, что ихъ даже нельзя назвать и рассказами: это просто голословный перечень событій съ громадною номенклатурою лицъ, участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ и лѣтъ, въ которыхъ онѣ совершались. Впрочемъ, не смотря на краткость упомянутыхъ извѣстій, для насъ является важнымъ даже и голословное свидѣтельство монголовъ хотя бы наприимѣръ о владѣчествѣ чингисханидовъ на западѣ, въ странахъ Восточнаго Туркестана, Малой Азіи, Арменіи, Россіи и другихъ мѣстахъ; важно оно не только для сличенія съ сказаніями мусульманскихъ писателей, но и какъ фактъ, что халхасы дѣйствительно хранятъ еще у себя преданія объ этомъ владѣчествѣ, тогда какъ на основаніи лѣтописей Сананъ-сэцэна и Алтанъ-тобчи можно было утверждать совершенно противное. Не болѣе обширно ведетъ свои рассказы „Эрдэнийнъ эрихъ“ и объ исторіи собственно халхасовъ во времена миньской династіи, хотя здѣсь мы опять таки встрѣчаемъ значительное число если не рассказовъ, то по крайней мѣрѣ указаній на факты, которые

до сего времени положительно не были намъ извѣстны, даже и при изученіи историческихъ записокъ китайцевъ и блотоу. Но самую важную, существенную и вмѣстѣ съ тѣмъ обширную часть лѣтописи „Эрдэнийнъ эрихэ“ неоспоримо составляютъ послѣднія семь главъ ея, которыя занимаютъ изложеніемъ исторіи Халхи со времени подданства маньчжурамъ: здѣсь авторъ слѣдитъ за исторіею всей страны и почти каждый годъ отличаетъ какимъ либо событіемъ изъ жизни того или другого халхаскаго хошуна. Нѣтъ сомнѣнія, что самый выборъ обстоятельствъ, которыя, по взгляду автора, являлись достойными того, чтобы найти себѣ мѣсто на страницахъ его лѣтописи, долженъ показаться намъ черезъ чуръ мало удовлетворяющимъ требованіямъ исторіи. Мы напрасно старались бы искать въ „Эрдэнийнъ эрихэ“ подробныхъ и обстоятельныхъ описаній внутренней, домашней и мирной жизни халхасовъ, ибо ей совершенно чужды рассказы о состояніи народнаго быта, или о совершавшихся въ немъ переиѣнахъ даже въ годины всеобщихъ переворотовъ; вниманіе лѣтописца останавливаютъ на себѣ главнымъ образомъ дѣянія халхаскихъ князей и оттого онъ никогда не упуститъ случая отмѣтить, что въ извѣстномъ году такой-то князь былъ награжденъ такимъ то титуломъ, или пониженъ изъ одного званія въ другое. Впрочемъ таковъ уже характеръ монголовъ вообще, а слѣдовательно и ихъ историковъ: намъ не понятна важность того, предъ чѣмъ способны они преклоняться, а посему мы готовы вовсе исключить то, чему даютъ они пространное мѣсто; привыкнувъ же къ симпатіямъ монголовъ и примирившись съ ними, мы естественно считаемъ „Эрдэнийнъ эрихэ“ за одну изъ самыхъ полныхъ монгольскихъ лѣтописей. Оцѣнивая лѣтопись тусалакчи Галдана какъ памятникъ историческій, я скажу, что въ большинствѣ случаевъ она, безспорно, ничтожна по своему содержанію; но своимъ обиліемъ хотя бы то и ничтожныхъ, въ нашемъ воззрѣніи, фактовъ, она во первыхъ наталкиваетъ насъ на вопросы, а во вторыхъ даетъ возможность болѣе или менѣе правильно ориентироваться въ размѣщеніи тѣхъ событій, которыя узнаемъ мы изъ другихъ монгольскихъ лѣтописей, столько же безсвязныхъ и отрывочныхъ въ изложеніи свѣдѣній, какъ и „Эрдэнийнъ эрихэ“. Пустое извѣстіе о наградѣ какого либо князя

титоломъ побуждаетъ насъ отыскивать причины этой награды и, смотришь, таковыми причинами являются иной разъ сраженіе, или даже цѣлый походъ; иной разъ отличіе князя въ дѣлѣ благотворительности, въ свою очередь вызванной тѣмъ или другимъ народнымъ бѣдствіемъ; иной разъ заслуга князя по содѣйствію въ развитіи той или другой отрасли цивилизаціи и т. д. и т. п. Нельзя не замѣтить при этомъ, что, скудная изложеніемъ событій внутренней жизни халхасовъ, „Эрдэнійнъ эрихэ“ въ разсказахъ о внѣшнихъ дѣлахъ ихъ, въ описаніи войнъ и разнаго рода сношеній съ Китаемъ является уже болѣе подробною и не рѣдко ведетъ свои повѣствованія изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а иногда и изъ дня въ день. Въ предлагаемомъ отрывкѣ такого рода разсказы идутъ наприимѣръ о курѣнъ бѣльчирскомъ сѣздѣ, сеймѣ долонъ-норскомъ и войнахъ Галдана-бошокту. Для полной характеристики лѣтописи добавимъ, что чѣмъ ближе подходитъ она къ нашимъ днямъ, тѣмъ обстоятельнѣе и подробнѣе становятся ея разсказы.

Но въ историческихъ сочиненіяхъ вообще помимо полноты при описаніи событій имѣетъ еще болѣе важное значеніе достовѣрность самаго повѣствованія. Чтобы принять за истину сказанія историка или лѣтописца, необходимо знать, откуда получилъ онъ свои свѣденія и насколько внушаютъ къ себѣ довѣріе матеріалы, послужившіе источникомъ для его разсказовъ. Въ этомъ отношеніи конечныя семь главъ лѣтописи „Эрдэнійнъ эрихэ“, на которыя по преимуществу и по первоначальному обращаемъ мы свое вниманіе, приобрѣтаютъ многое въ свою пользу, потому что при составленіи ихъ авторъ пользовался исключительно официальными документами, которые находилъ онъ въ разнаго рода изданіяхъ маньчжурскаго правительства и въ маньчжуро-халхаскихъ ямуняхъ (присутственныхъ мѣстахъ). Въ нашей лѣтописи, какъ на заглавномъ листѣ ея, такъ и на послѣдней страницѣ рукописи, находится въ краткихъ словахъ перечисленіе всѣхъ источниковъ, послужившихъ для автора матеріаломъ къ составленію его труда. Изъ этого перечня мы узнаемъ, что вообще тусалакчи Галданъ составилъ свою лѣтопись, принявши за основаніе „1) сказанія Сэцэнь-цзорику-батуръ хунтайчжя, 2) сочиненія астрономическія,

3) законы, 4) словари, 5) илэхэль шастру и 6) другія многоразличныя бумаги“. Представлять полный критическій разбор и оцѣнку всѣхъ этихъ источниковъ мы конечно не имѣемъ возможности, но нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что Галданъ бралъ свои рассказы именно изъ упомянутыхъ имъ сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, въ сказаніяхъ о временахъ Чингиса и его преемниковъ „Эрдэнийнъ эрихъ“ носить на себѣ несомнѣнное вліяніе лѣтописи Сэцэнъ-цзорику-батуръ-хунтайчжіа, или, какъ его называютъ у насъ, Сананъ-сэцэна; это черезъ чуръ уже ясно обнаруживается при сличеніи текста „Эрдэнийнъ эрихъ“, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ представляетъ дословныя выписки изъ Сананъ сэцэна. Указанія Галдана на сочиненія астрономическія какъ на источникъ его лѣтописи, можетъ показаться для насъ страннымъ; но въ этомъ случаѣ необходимо помнить, что астрономія (чжирухай) понимается у монголовъ далеко не въ такомъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ принимаемъ его мы. Астрономія монголовъ обнимаетъ собою всѣ царства видимаго и невидимаго міра, — весь „саба иртыңу“, или всю вселенную; и нужно сказать, что сочиненій, относящихся къ отдѣлу „чжирухай“, распространено въ Монголіи особенно много, хотя историческаго матеріала обыкновенно не находится въ нихъ никакого, за исключеніемъ голословнаго перечня княжескихъ родовъ. Главы 9 и 10, окончаніе 13-й и вся 14-я служатъ лучшею характеристикой историческихъ свѣдѣній монголовъ въ ихъ астрономическихъ сочиненіяхъ и я полагаю, что именно эти то главы и заимствованы авторомъ изъ какого нибудь чжирухайнъ ном'а. Маньчжуро-монгольскіе законы для историковъ Халхи также точно всегда и несомнѣнно должны представлять собою одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ матеріаловъ къ составленію исторіи. Извѣстно, что у монголовъ, помимо только нѣкоторыхъ общихъ постановленій, относящихся до правъ и обязанностей князей, которыя изложены въ мало мальски логическомъ порядкѣ, еще и до сего времени нѣтъ систематически изданныхъ законовъ. Почти со времени подданства маньчжурамъ монголо-халхасы обязаны были каждое, болѣе выдающееся дѣло своего какъ уголовного, такъ и гражданскаго судопроизводства представлять въ маньчжурскую палату вѣншихъ

сношеній, и послѣдняя въ свою очередь должна была, разсмотрѣвъ дѣло, или утвердить рѣшеніе монгольскихъ властей, или же составить по нему свое опредѣленіе. Сборникъ этихъ опредѣленій и рѣшеній, изложенныхъ въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ которомъ каждое изъ нихъ состояло и составляетъ монгольскіе законы; при этомъ еще каждое рѣшеніе или опредѣленіе непременно помѣчается у нихъ тѣмъ годомъ, мѣсяцомъ и числомъ, въ которые обнародовано оно къ исполненію. Понятно теперь, почему въ монгольскихъ законахъ на ряду съ постановленіемъ о наказаніи за грабежъ стоитъ законъ о содержаніи почтовыхъ станцій, а за этимъ послѣднимъ слѣдуютъ правила о распашкѣ земель въ округѣ Кюбдо. Руководствоваться такими законами судьямъ, конечно, весьма трудно; но для историка они даютъ неоцѣненный матеріалъ, по которому онъ можетъ изучить какъ положеніе страны въ каждое данное время, такъ равно и слѣдить за всѣми переменами, совершавшимися въ ея бытѣ. Но самый основной матеріалъ для лѣтописи несомнѣнно доставила Галдану „Илѣтхѣль шастра“. О различныхъ изданіяхъ и содержаніи этого официальнаго сочиненія мы поговоримъ подробно нѣсколько ниже, теперь же замѣтимъ только, что Илѣтхѣль шастра по своему характеру есть ничто иное, какъ сборникъ формулярныхъ списковъ всѣхъ монгольскихъ князей съ обстоятельнымъ перечисленіемъ всѣхъ ихъ дѣяній, заслугъ, проступковъ, отличій и пожалованій. Дополняемая время отъ времени, какъ и формулярные списки нашихъ чиновниковъ, мѣстнымъ начальствомъ, т. е. совѣтомъ цѣлаго сейма халхаскихъ князей, Илѣтхѣль шастра представляется потомъ къ утвержденію маньчжурскому министерству, а за симъ становится официальнымъ документомъ для сужденій о томъ или другомъ князѣ, его заслугахъ, правахъ и преимуществахъ. Что касается „многообразныхъ бумагъ“, на которыя также указываетъ Галданъ какъ на матеріалы для его лѣтописи, то подъ этимъ названіемъ несомнѣнно разумѣтъ онъ тѣ официальные акты и документы, которые найдены были имъ въ архивахъ монгольскихъ ямуней и изъ которыхъ подѣлялъ онъ выписки для пополненія своихъ лѣтописныхъ сказаній. Это были доклады, записки и проекты маньчжурскихъ и халхаскихъ чиновни-

ковъ по разнаго рода дѣлопроизводствамъ, а равно рѣшенія палаты вѣдшихъ сношеній по вопросамъ, относящимся какъ до управленія и быта Халхи, такъ и до сношеній съ иностранцами. Въ представляемомъ отрывкѣ мы видимъ такого рода выписки напр. о курѣнь-балчирскомъ сѣвдѣ, позднѣе тоже самое найдемъ въ дѣлахъ о возмущеніи Цэн-гунь-чжаба, войнахъ съ Амурсаною и проч. Общее количество этихъ архивныхъ выписокъ у Галдана правда не велико, но тѣмъ не менѣе ими только и обусловливается различіе двухъ изданій его лѣтописи. По собственнымъ словамъ Галдана, первое изданіе „Эрдэнийнъ эрихэ“ было написано имъ въ Ургѣ, куда онъ былъ вызванъ для обычной очередной службы при ямунѣ ургинскаго амбана; но какъ въ Ургѣ сосредоточено главное управленіе только двухъ халхаскихъ аймаковъ, т. е. тушѣту хановскаго сэцэнъ хановскаго, то первое изданіе лѣтописи и трактуетъ посему главнымъ образомъ объ этихъ двухъ аймакахъ, и только на основаніи Илэтхаль пастры рассказываетъ оно нѣкоторыя изъ событій въ хошунахъ и аймакахъ западной Халхи. Впослѣдствіи Галдану удалось попасть на очередную же службу въ ямуну улясутайскаго амбана и побывать въ Кобдо. Это обстоятельство доставило ему возможность ознакомиться съ архивами улясутайскимъ и кобдоскимъ, а вѣстѣ съ симъ дополнить свою лѣтопись и исправить недостатки перваго ея изданія. Такимъ образомъ второе изданіе лѣтописи „Эрдэнийнъ эрихэ“, повторяя (впрочемъ съ нѣкоторыми перемѣнами и сокращеніями) первое, прибавляетъ новыя свѣденія собственно о событіяхъ въ аймакахъ цзасакту-хановскомъ и сайнъ-новоскомъ, рассказываетъ о построеніи городовъ и учрежденіи округовъ Улясутая и Кобдо съ изложеніемъ послѣдующей судьбы ихъ, съ болѣею подробностію разсматриваетъ отношенія Китая къ монголамъ и оютамъ при Цянь-лунѣ и сообщаетъ особенно интересныя историко-статистическія свѣденія о ходѣ хлѣбопашества на казенныхъ пашняхъ округа Кобдо; наконецъ во второмъ же изданіи лѣтописи „Эрдэнийнъ эрихэ“ сохраняются для насъ и тексты надписей на памятникахъ кобдоскаго Шара сумэ, нынѣ уже совершенно вывѣтрившіеся и погибшіе для чтенія.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что тусалакчи Галданъ, составивъ

„Эрдэнийн эрихэ“, имѣлъ у себя подъ руками массу неоцѣненныхъ и совершенно недоступныхъ для насъ матеріаловъ, при помощи которыхъ онъ дѣйствительно могъ во всей полнотѣ и ясности изложить состояніе Халхи и ходъ событій въ этой странѣ особенно за время по преимуществу интересующее насъ, — періодъ послѣдняго 200-лѣтія. Не смотря на то, лѣтопись Галдана, при всей относительной полнотѣ ея, очевидно является черезъ чуръ малосодержательною и еще болѣе перепутанною, а потому сбивчивою и неудопонятною. Причины всего этого лежатъ во 1-хъ въ томъ, что авторъ, по своимъ, чисто монгольскимъ взглядамъ на дѣло, не могъ какъ слѣдуетъ оцѣнить имѣвшійся у него матеріалъ, не умѣлъ выбрать и отличить представляющаго собою дѣйствительный и существенный интересъ для исторіи; а во 2-хъ въ томъ, что не умѣлъ онъ воспользоваться даже и избраннымъ, — достойнымъ, по его мнѣнію, быть занесеннымъ въ лѣтопись. Читая „Эрдэнийн эрихэ“, мы очень скоро убѣждаемся, что лѣтописецъ совершенно не изучалъ своего матеріала: онъ не думалъ уяснить себѣ ходъ событій халхаской жизни; но выписывалъ и ставилъ въ своей лѣтописи извѣстія о событіяхъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ попадались онъ ему на глаза при просмотрѣ различныхъ источниковъ. Кажется въ высшей степени курьезнымъ, но въ тоже время и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторъ излагалъ различные эпизоды изъ жизни Халхи, слѣдя не за хронологическою ихъ послѣдовательностію, а механически придерживаясь того порядка, въ которомъ лежали раскрытые передъ нимъ лѣтописи и историческіе акты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы прослѣдимъ для примѣра хотя то, какъ передаетъ „Эрдэнийн эрихэ“ извѣстіе о походѣ Галдана-бошокту въ 1688-мъ году на халхаскія владѣнія. Извѣстно, что Галданъ шелъ на Халху съ запада, изъ Чжунгаріи и, постепенно двигаясь на востокъ, подчинялъ себѣ одно за другимъ владѣнія цзасаковъ халхаскихъ; послѣдніе, будучи вытѣсняемы изъ своихъ земель, уклонялись на югъ и поддавались Китаю. Ясно отсюда, что Галданъ по первоначалу долженъ былъ придти въ аймакъ цзасаку-хана, затѣмъ перейти въ сайнъ-нояновскій, составлявшій въ ту пору нераздѣльное цѣлое съ аймакомъ тушѣту-хана и наконецъ

явиться на Кэрулэнь, къ сэцэнь-хану. Что же видимъ мы въ „Эрдэ-
ніинъ эрихэ“? Начинаетъ она свой рассказъ о 1688-мъ годѣ прямо
извѣстіемъ о нападеніи Галдана на аймакъ тушѣту хана, затѣмъ
передаетъ о подданствѣ тушѣту хана маньчжурамъ, о благосклонномъ
пріемѣ его маньчжурами, разсѣленіи его аймака въ границахъ маньч-
журскихъ владѣній и о выдачѣ хлѣба несчастнымъ тушѣту-ханов-
цамъ. „За симъ, говоритъ лѣтописъ, Галданъ дошелъ до р. Кэрулэна“
(„за симъ“!.. какъ будто это было уже послѣ всѣхъ вышеописанныхъ
событій?) и начинаеть снова рассказъ о подданствѣ маньчжурамъ
сэцэнь-хана, приставляя сюда же сказанія о томъ, какъ знакомили
маньчжуры халхасовъ съ „законами и постановленіями срединнаго го-
сударства“ (а это было чуть не черезъ годъ послѣ подданства!). Еще
далее, продолжаютъ „Эрдэніинъ эрихэ“, когда дошелъ Галданъ до
горъ хангайскихъ, взволновался аймакъ цзасакту хановскій и также
поддался Китаю; въ концѣ концовъ упоминаетъ она о Сайнь-ноянѣ.
Спутанность и анахронизмъ событій здѣсь буквально поразительны.
Незнакомый съ дѣломъ, слѣдя за такого рода извѣстіями, можетъ и
въ самомъ дѣлѣ подумать, что Галданъ-бошокту сначала завоевалъ
сѣверо-восточную Халху, а потомъ уже явился на сѣверо-западъ; мо-
жетъ недоумѣвать о движеніяхъ Галдана, — дать совершенно иное
направленіе походу, — предполагать, что Галданъ-бошокту шелъ изъ
Чжунгаріи по тому же пути, какимъ напалъ на Халху спустя 50 лѣтъ
сородичъ его Галданъ-цэрэнь. Но ничего подобнаго не бывало и все
дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ. Свѣденія о походѣ Га-
лдана-бошокту заимствовались авторомъ „Эрдэніинъ эрихэ“ изъ Илэт-
хэль шастры. Последняя излагаетъ исторію Халхи въ 32-хъ кни-
гахъ, изъ коихъ 8 первыхъ посвящаетъ она исторіи хошуновъ тушѣ-
ту хановскаго аймака; въ 8 послѣдующихъ разсматриваетъ исторію
хошуновъ сэцэнь хана; дальнѣйшія 8 посвящаются ею цзасакту ха-
новскому аймаку и наконецъ 8 послѣднихъ — хошунамъ сайнь
нояна. Сдѣлавъ въ своей лѣтописи помѣтку 1688-го года, тусалакчи
Галданъ очевидно перебиралъ подрядъ книги Илэтхэль шастры и
выписывалъ все, что находилъ въ нихъ отнесеннымъ къ 1688-му
году; тоже самое продѣлывалъ онъ и въ отношеніи многихъ

послѣдующихъ годовъ и вотъ весь процессъ составленія его лѣтописи.

Скажу теперь нѣсколько словъ о поясненіяхъ, составленныхъ мною къ лѣтописи тусалакчи Галдана и о сочиненіяхъ, послужившихъ матеріаломъ для этихъ поясненій.

Послѣ представленной характеристики „Эрдэнийнъ эрихэ“ я не считаю уже нужнымъ говорить о томъ, какъ мало даетъ эта лѣтопись сама по себѣ средствъ къ полному уразумѣнію дѣйствительнаго хода событій халхаской жизни. Другіе, монгольскіе же источники для исторіи Халхи если и пополняютъ рассказы тусалакчи Галдана обиліемъ новыхъ фактовъ, то тѣмъ не менѣе страдаютъ тою же безсвязностію и отрывочностію въ своемъ изложеніи; а потому, перечитавши десятки монгольскихъ лѣтописей, можно набить голову массою фактовъ и все таки не знать исторіи монголовъ, или, по крайней мѣрѣ, гадательно судить о связи ея событій. Въ это именно положеніе поставленъ былъ и я, когда, задумавъ комментировать „Эрдэнийнъ эрихэ“, ознакомился съ имѣющимися у насъ памятниками монгольской исторической литературы: они обогатили меня знаніемъ отдѣльныхъ событій, но почти ровно ничего не дали для систематизированія этихъ событій, для познанія ихъ связи и взаимнаго соотношенія. Крайняя бѣдность и неразработанность нашихъ географическихъ свѣдѣній о Монголіи естественно порождали при этомъ еще больше вопросовъ и вызывали у меня подъ часъ полное недоумѣніе. Я глубоко благодаренъ моему многоуважаемому учителю В. П. Васильеву, который одинъ только и помогъ мнѣ выйти изъ этихъ недоумѣній, и, съ своею ему обязательностію, не только указалъ мнѣ на китайское сочиненіе Шэнь-у-цзи, какъ на могущее разъяснить возникшіе у меня вопросы, но даже и сообщилъ нѣсколько листовъ своихъ переводовъ этого сочиненія. Дѣйствительно, Шэнь-у-цзи оказалось единственнымъ, упорядоченнымъ и обработаннымъ китайскимъ памятникомъ, по которому можемъ мы ознакомиться съ исторіею нынѣ царствующей въ Китаѣ дайцинъской династіи. Буквальный переводъ вышепомянутаго заголовка этого сочиненія означаетъ — „Записки о священныхъ войнахъ“; но такой заголовокъ только въ незначительной степени характери-

зуетъ самое содержаніе сочиненія. Начиная свои повѣствованія отъ временъ перваго возвышенія маньчжурскаго дома, Шэнъ-у-цзи въ передовыхъ своихъ главахъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательно рассказываетъ о томъ, какъ путемъ долговременной борьбы подчинены были маньчжурами всѣ земли, входящія теперь въ составъ обширной монархій дайкиновъ; но за сими съ неменьшею же полнотою объясняетъ оно и самый строй китайской имперіи при маньчжурахъ, говоритъ о доходахъ и расходахъ Китая, объ узаконенныхъ нынѣ въ этой странѣ податяхъ и налогахъ, о военныхъ силахъ и вооруженіи Китая и пр. и пр. Что касается до Монголіи, то исторія ея занимаетъ собою третью цзюань, или главу всего сочиненія, при чемъ глава эта распадается на слѣдующіе отдѣлы:

1) о внутреннихъ монголахъ вообще, съ болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ о корциньскомъ (Хорчинъ) аймакѣ.

2) о 4-хъ сеймахъ внѣшнихъ монголовъ, съ болѣе обстоятельнымъ рассказомъ только объ аймакѣ Сайнъ-нояна.

3) о кукэнорскихъ монголахъ и алашаньскихъ.

4) о походахъ Канси противъ чжунгарь.

Въ приложеніи къ этому отдѣлу въ Шэнъ-у-цзи помѣщены еще подорожныя записки китайцевъ: а) Ма-сы-ха, б) Инъ-хуа-синъ, с) Юй-чэнъ луна и д) Цянъ-лянъ-цаѣ.

5) о двухъ походахъ при Юнъ-чжэнъ на элютовъ (т. е. въ Куку-норъ и въ Чжунгарію).

Уже судя по одному только количеству имѣющихся у меня ссылокъ на это сочиненіе, читатели могутъ полагать, что Шэнъ-у-цзи дало мнѣ не мало матеріала для исторіи Халхи. Съ своей стороны я считаю долгомъ сказать, что сочиненіе это буквально служило для меня руководящею нитью, держась за которую единственно и была возможность разобраться въ массѣ фактовъ, безсвязно и отрывочно изложенныхъ во всѣхъ вообще монгольскихъ лѣтописяхъ послѣдняго изданія. Другія, китайскія же историческія сочиненія, какъ напр. — „Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле“, были конечно полезны для меня, какъ сообщившія мнѣ нѣсколько новыхъ фактовъ; но по характеру своего изложенія они совершенно сходны и едва ли даже не представляютъ собою прототипъ безсвязныхъ лѣтописей монгольскихъ.

Маньчжурская литература памятниками для истории монголовъ сравнительно очень не богата вообще, мнѣ же, ограничиваемому въ разсмотрѣніи монгольской истории только Халхою, да еще извѣстными періодами времени, пришлось воспользоваться для своихъ цѣлей только двумя сочиненіями на маньчжурскомъ языкѣ. Первое изъ нихъ озаглавляется „Хэсэй токтобуха тулэрги монгу хуйсэ аймани ванъ гун-сай илэтунь улабунъ“. Это то же самое, что Илэтхэль шастра, издаваемая на монгольскомъ языкѣ (смотри стр. XXIX); но какъ СПбургскій Университетъ не имѣетъ у себя цѣльнаго изданія монгольской Илэтхэль шастры, то я, по необходимости, долженъ былъ восполнять недостающее въ монгольскомъ изданіи свѣденіями, почерпаемыми изъ изданія маньчжурскаго. Второе сочиненіе — „Варги амарги ба-бо нэчихъмо токтобуха бодохон-и битхэ“ на монгольскомъ языкѣ не извѣстно во все, но оно представляетъ собою капитальнѣйшій источникъ для изслѣдованій о маньчжуро-халхаскихъ войнахъ съ чжунгарами, или собственно съ Галданомъ бошокту, въ царствованіе императора Канси. Сказанія о войнахъ съ Галданомъ это сочиненіе начинаетъ съ 16-го года правленія Канси и доводитъ ихъ до 38-го года того же правленія, когда, съ извѣстіемъ о подчиненіи Арабтана, окончательно уничтожены были мятежныя силы Галдана. Свѣдѣнія свои излагаетъ оно точнымъ представленіемъ текста рескриптовъ императора, указовъ и донесеній главнокомандующихъ маньчжурскими арміями, рапортовъ низшихъ чиновниковъ и пр. и пр. Всѣ эти рескрипты, указы, донесенія и рапорты расположены въ хронологическомъ порядкѣ и подлинный текстъ ихъ составилъ собою 48 книгъ сочиненія. Понятно отсюда, что „Бодохон-и битхэ“ есть ничто иное, какъ сборникъ всѣхъ государственныхъ актовъ, относящихся до войнъ Китая съ Галданомъ.

Изъ числа собственно монгольскихъ историческихъ сочиненій, доставившихъ мнѣ матеріалъ для уясненія истории Халхи и составленія комментарія къ лѣтописи „Эрдэнийнъ эрихэ“, я укажу на слѣдующія:

І. Йэхэ монголь ундусунъ алтанъ тобчи.

(Рукопись, принадлежащая библіотекѣ СПб. Университета и хранящаяся въ отдѣлѣ коллекція Позднѣева подъ № 1550).

Сочиненіе это раздѣляется на двѣ части и по собственному свидѣ-

тельству его, окончено составленіемъ въ 1766-мъ году. Собственно для исторіи Халхи за два послѣдніе вѣка даетъ оно не много (а именно выясняетъ только характеръ отношеній монголовъ къ блѣтамъ, начиная отъ временъ Тайцзунъ-хана, такъ что этотъ единственно отдѣлъ и былъ пригоденъ мнѣ для составленія моего комментарія); но вообще „Йэхэ монголъ ундусунъ алтанъ тобчи“ въ средѣ другихъ монгольскихъ лѣтописей является произведеніемъ весьма оригинальнымъ. Отличительное богатство новыхъ фактовъ у него, какъ произведенія монгольскаго, относится до исторіи Индіи и въ частности исторіи рода Шакья. Все сочиненіе раздѣляется на 32 главы, изъ которыхъ:

1-я составляетъ введеніе, или предисловіе, объясняющее необходимость исторіи вообще и въ частности рассказываетъ о причинахъ, побудившихъ автора писать это произведеніе.

2-я—повѣствуетъ о происхожденіи міра и человѣка съ нѣкоторыми отличіями отъ рассказовъ по этому предмету Сананъ-сэцэна и съ большими противъ него подробностями особливо о происхожденіи человѣка.

3-я—рассказываетъ о постепенномъ паденіи человѣчества за время до кончины Маха-самади-хана.

4-я—передаетъ событія отъ временъ сына и преемника Маха-самади-хана до Годамы (Гаутама) тойна.

5-я—излагаетъ легенды о жизни Годамы и разладъ его съ братьями.

6-я—излагаетъ легенды о происхожденіи рода Шакья.

7-я—исчисляетъ поколѣнія индійскихъ хановъ и переноситъ ихъ въ Тибетъ.

8-я—продолжаетъ перечисленіе поколѣній тибетскихъ хановъ.

9-я—описываетъ обстоятельства изъ царствованія Срондзанъ-гамбо-хана.

10-я—продолжаетъ тоже описаніе и въ частности рассказываетъ событія при введеніи буддизма въ Тибетъ.

11-я—излагаетъ событія изъ царствованія Олонтая и перечисляетъ преемниковъ его до хана Хэчжигэту.

12-я—рассказываетъ объ отношеніяхъ Хэчжигэту къ китай-

скимъ императорамъ Тан'ской династіи и о рожденіи Ти-сронгъ-дэ-цзана.

13-я—о возрожденіи буддизма въ Тибетѣ и первоначальной дѣятельности Падма Самбавы.

14-я—о преемникѣ Падма-самбавы Гамала-шяла и о судьбѣ Тибета послѣ Ти-сронгъ-дэ-цзана.

15-я—заключаетъ въ себѣ историко-филологическія изслѣдованія о личности перваго правителя монголовъ—Буртэ-чоно.

16-я глава начинается собою вторую часть сочиненія и описываетъ обстоятельства, совершившіяся въ Монголіи отъ времени прибытія въ Монголію Буртэ-чоно до рожденія Водонцара.

17-я—излагаетъ исторію Водонцара.

18-я—событія отъ Хабичи хана до преемниковъ Бартамъ-багатура.

19-я—повѣствуетъ о дѣтяхъ Йэсугѣй-багатура, сличаетъ сказанія о нихъ различныхъ историковъ и обращаетъ особенное вниманіе на Хабуту-хасара.

20-я—разсказываетъ о первоначальныхъ подвигахъ Хабуту-хасара, битвахъ его съ поколѣніемъ Самагутъ и о воцареніи Чингиса.

21-я—о враждѣ съ Сэцэнъ-бухэ и о походахъ Хасара на Наймановъ.

22-я—о ванъ-ханѣ Кэрайтскомъ и объ обстоятельствахъ подчиненія его поколѣнія Чингисъ-хану.

23-я—продолжаетъ повѣствованіе о битвахъ съ Найманами, излагаетъ легенды о Тататунгѣ и о началѣ у монголовъ уйгурскаго письма.

24-я—разсказываетъ о побѣдахъ Чингиса надъ мэркитами и завоеваніи Хасаромъ царства Цзинь, а равно и о раздорахъ Чингиса съ Хасаромъ.

25-я—описываетъ смерть Хасара и исторію его потомковъ до войнъ Адай-хана съ ойратами.

26-я—излагаетъ событія при Тайцзунъ-ханѣ и послѣдующую борьбу олотовъ съ монголами.

27-я—начинаетъ перечисленіе потомковъ Адай-хана.

28-я—перечисляет княжескіе роды, происходящіе отъ Ноянъ-болота.

29-я, 30-я, 31-я и 32-я главы продолжаютъ тоже перечисленіе.

Оригинальность этого сочиненія состоитъ въ томъ, что оно представляетъ собою едва ли ни единственный образецъ монгольскаго произведенія, написаннаго, какъ можно думать по его содержанію и транскрипціи именъ, почти исключительно на основаніи китайскихъ источниковъ. Имя автора этого „Алтанъ тобчи“ остается неизвѣстнымъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ почти за достовѣрное считать, что разсматриваемое сочиненіе появилось въ одномъ изъ харачинскихъ хошуновъ и порукою за это являются намъ какъ особенности его языка, такъ и еще болѣе самый характеръ разсказовъ. Замѣчательнѣйшею и ярко бросающеюся въ глаза особенностію, проходящею чрезъ все жизнеописаніе Чингиса, представляется здѣсь то, что всѣ важнѣйшіе подвиги, совершенные Чингисомъ, даже всѣ чудесныя легенды, которыми обыкновенно окружаютъ личность Чингиса съ самаго дня его рожденія монгольскіе историки, все это перенесено здѣсь на Хабуту-хасара, брата Чингисъ-ханова и основнаго предка харачиновъ. За симъ не менѣе интересными для уясненія понятій монголовъ объ исторіи и чрезвычайно характеристичными для изученія направленія монгольской исторической литературы представляются тѣ разсужденія и резонерства, которыя въ разныхъ мѣстахъ разсыпаны по всему этому сочиненію.

II. Тэнгри гацзар-унъ анъха тохтохсанъ-эцэ хагад-унъ эцэлэхсанъ хагучинъ хѹхэ дэбтэръ.

(Рукопись СПб. Университета по тому же каталогу и отдѣлу № 1551).

Для исторіи Халхи за два послѣдніе вѣка это сочиненіе также точно представляетъ нѣкоторый матеріалъ только своими послѣдними главами, но вообще оно почитается у халхасовъ чрезвычайно важнымъ какъ памятникъ историческій и пользуется большою извѣстностію у монгольскихъ историковъ. Имя автора „Хѹхэ дэбтэръ“ и время написанія этой хроники не извѣстно; содержаніе же ея составляютъ разсказы: 1) объ устройствѣ міра и блаженныхъ временахъ его при ханахъ чакравартинахъ; 2) явленіи буддъ; 3) историческихъ судъ-

бахъ Индіи, при чемъ обращается особенное вниманіе на происхожденіе рода Шакья. Далѣе слѣдуетъ 4) изложеніе біографіи Шакьямуни и 5) судьбы его ученія въ Индіи; 6) исторія развитія буддизма въ Тибетѣ съ болѣе подробнымъ изложеніемъ судьбы Тибета послѣ временъ Лангъ-дармы (этотъ отдѣлъ исторіи Тибета разсмотрѣнъ въ Хухэ дэбтэр'ѣ даже болѣе подробно, чѣмъ въ „Гэгэнъ толи“ калмыцкаго изданія); 7) жизнеописаніе Цзонхавы; наконецъ 8) перечисленіе хубилгановъ Аминдавы (Баньченъ эрдэни) отъ временъ Шакьямуни и 9) таковое же перечисленіе хубилгановъ Арія-бало (Далай-лама).

Исторія монголовъ начинается въ Хухэ дэбтэр'ѣ перечисленіемъ современныхъ хошуновъ, а потомъ переходитъ къ разсказу о мнѣнческомъ предкѣ монгольскихъ хановъ — Буртэ чоно. Въ разсказахъ вообще довольно разностей отъ повѣствуемаго въ извѣстныхъ доселѣ Европѣ монгольскихъ лѣтописяхъ, но подробное перечисленіе и указаніе всѣхъ этихъ особенностей Хухэ дэбтэра не можетъ конечно войти въ составъ нашего настоящаго обзора. Далѣе слѣдуетъ перечень родовъ до Бодонцара, о божественномъ происхожденіи котораго идетъ цѣлое разсужденіе; повѣствованіе о хубилганахъ Вачиръ вани до Чингиса; краткая исторія Чингиса и разсужденіе о его смерти и божественности; изложеніе событій, послѣдовавшихъ за смертью Чингиса и — постановленія монголовъ о храненіи гробницы Чингиса потомками Богорчу; біографія сего послѣдняго; свѣденія о потомкахъ Чингиса при мин'ахъ и маньчжурахъ; изложеніе послѣдней судьбы блбтовъ и перечень родовъ князей южныхъ монгольскихъ хошуновъ.

III. Цзарликъ-Йэр тохтогахсанъ гадагаду монголь, ходонъ аймаг'ун ванъ гунг'-уд'-унъ илэтхэлъ шастиръ.

(Сочиненіе принадлежащее бібліотекѣ СПб. Университета и хранящееся въ отдѣлѣ коллекціи Попова подъ № 47).

и продолженіе этого сочиненія подъ заглавіемъ:

Цзарликъ-Йэр тохтогахсанъ цзалачжу цзохіяхсанъ гадагаду мучжинъ монголь, ходонъ аймаг'унъ ванъ гунг-уд'-унъ илэтхэлъ шастиръ.

(Хранится въ бібліотекѣ СПб. Университета въ отдѣлѣ коллекціи Позднѣева подъ № 1555-мъ).

Это та самая Илэтхэль шастра, которая служила и тусалакти Галдану для составленія лѣтописи „Эрдэнийнъ эрихъ“. Выше я говорилъ уже, что, взятая по отношенію къ Монголіи, Илэтхэль шастра своимъ содержаніемъ представляетъ ничто иное, какъ сборникъ подробнѣйшихъ формулярныхъ списковъ монгольскихъ князей, который составляется собственно на монгольскихъ саймахъ, но потомъ его обыкновенно утверждаетъ и обнародуетъ къ употребленію маньчжурская палата вѣдѣній. Первое изданіе Илэтхэль шастры относится по своему составленію въ Монголіи къ 44-му году правленія Цянь-луна; въ Пекинѣ за симъ сочли нужнымъ еще дополнить это сочиненіе, а потому и появилось оно впервые напечатаннымъ на трехъ языкахъ (китайскомъ, монгольскомъ и маньчжурскомъ) уже въ 60-мъ году цянь-лунова правленія (1796 г., около этого же времени палата вѣдѣній и разослала это сочиненіе въ количествѣ 360 экземпляровъ по всѣмъ монгольскимъ аймакамъ и хошунамъ). Илэтхэль шастра изданія Цянь-луна есть самое подробное и обширное изъ всѣхъ изданій Илэтхэль-шастры. Роды и дѣянія халхаскихъ князей обстоятельно и подробно проводятся имъ отъ временъ Далянъ-сэцэнъ-хана по 50-й годъ правленія Цянь-луна включительно; такимъ образомъ историческіе рассказы его обнимаютъ собою періодъ около 180 лѣтъ. Второе изданіе Илэтхэль шастры было предпринято при императорѣ Сай-шіялту иругѣлту (Цзя-цинъ), въ 7-мъ году его правленія (1803 г.), а разослано оно было по монгольскимъ хошунамъ въ 19-мъ году (1815 г.) того же правленія. Этотъ экземпляръ былъ составленъ совершенно по образцу перваго изданія, но значительно короче его; ибо онъ не повторяетъ собою описанія дѣяній всѣхъ монгольскихъ князей отъ временъ Далянъ-сэцэнъ-хана, но, излагая исторію каждого хошуннаго владѣтеля, ограничивается лишь поименованіемъ двухъ его предковъ, во 1-хъ того, который поддался миньчжурамъ, и во 2-хъ того, на которомъ остановилась Илэтхэль шастра изданія Цянь-лунова. Дальнѣйшимъ своимъ содержаніемъ оно, подобно цянь-луновской Илэтхэль шастрѣ, излагаетъ всѣ болѣе или менѣе выдающіяся дѣянія каждого князя. При Дао гуанѣ докладъ о новомъ переизданіи Илэтхэль шастры былъ представленъ на усмотрѣніе императора въ

средней осенней лунѣ 16-го года правленія (1837 г.) и, согласно резолюціи богдохана, Илэтхэль шастра была снова просмотрѣна, дополнена и явилась своимъ третьимъ изданіемъ въ 1840-мъ году. Роды и дѣянія князей были перечислены въ ней по 10-й годъ правленія Дао гуана вѣлочно. 2-го числа 1-й луны 29-го года правленія Дао гуана (1850) сановники Ли-фань-ляня, основываясь на томъ, что прежнее изданіе Илэтхэль шастры уже устарѣло и не удовлетворяетъ своему назначенію представили къ императору докладъ о новомъ переизданіи Илэтхэль шастры; при этомъ предполагали они издать ее не только въ сокращенномъ видѣ, по образцу изданія Цзя-цина, но и, въ видахъ экономическихъ расчетовъ, оставить еще по исчисленіи родовъ и дѣяній каждого хошуннаго правителя по нѣскольку листовъ для вписыванія новыхъ именъ и дѣяній князей на будущее время. Императоръ согласился и такимъ образомъ явилось 4-е изданіе Илэтхэль шастры. Со времени 1850-го года Илэтхэль шастра болѣе не издавалась, роды же монгольскихъ князей и дѣянія ихъ вписываются на халхаскихъ сеймахъ частію на листовкахъ приложенныхъ къ Илэтхэль шастрѣ этого послѣдняго изданія, частію въ особыя книги, извѣстныя подъ именемъ „турулъ тайчи-нар’унъ түхэ“.

Порядокъ, въ которомъ разсматриваетъ Илэтхэль шастра роды и дѣянія монгольскихъ князей, слѣдующій.

Хошуны внутреннихъ монголовъ: 1) Хорчинъ (кн. 17—20), 2) Чжалаитъ (кн. 21), 3) Дурбэтъ (кн. 21), Хорлосъ (кн. 22), 5) Харачинъ (кн. 23—25), 6) Аоханъ (кн. 26), 7) Найманъ (кн. 27), 8) Баринъ (кн. 28), 9) Чжарутъ (кн. 29), 10) Ару-хорчинъ (кн. 30), 11) Онютъ (кн. 31—32), 12) Кэшиктэнъ (кн. 33), 13) Халханъ цзунъ-гаръ (кн. 34), 14) Учжумуцинъ (кн. 34), 15) Хүчинъ (кн. 35), 16) Сунитъ (кн. 36), 17) Абага (кн. 37), 18) Абаганаръ (кн. 38), 19) Дүрбэнъ хүхэтъ (кн. 30), 20) Мүминганъ (кн. 40), 21) Уратъ (кн. 41) и Халханъ барунъ гаръ (кн. 42-я). Далѣе слѣдуютъ монголы ордосскихъ аймаковъ (кн. 43—44); за симъ Халха въ раздѣленіи на аймаки: тушѣту хановскій (21 хошунъ, кн. 45—52), сэцэнъ хановскій (23 хошуна, кн. 53—60), цзасагту хановскій (19

хошуновъ, кн. 61—68) и сайнъ нояновскій (24 хошуна, кн. 69—76), съ присоединеніемъ къ нему двухъ хошуновъ ѳлѳтскихъ (кн. 77—78). Далѣе разсматривается исторія князей хошуна алашаньскихъ ѳлѳтовъ (кн. 79—80), букаѳнорскихъ ѳлѳтовъ (кн. 81—90); за симъ слѣдуетъ исторія князей тибетскихъ (кн. 91—94), князей дурбѳтскихъ чоросской кости (кн. 95—100), князей торгутскихъ (кн. 101—105); князей хошуутскихъ (кн. 106—107), правителей хамійскихъ сартовъ (кн. 108—109), правителей турфаньскихъ татаръ (кн. 110—120).

Въ полномъ изданіи Илѳтхѳль шастры имѣются еще историческія извѣстія о кпязяхъ тумѳтскихъ, живущихъ около Хуху-хото; хошутскихъ, живущихъ между чахарани; ѳлѳтскихъ, живущихъ на Амурѣ; цзахаѳинскихъ, живущихъ близъ Кобдо; туркѳстанскихъ, живущихъ въ Пекинѣ и туркѳстанскихъ живущихъ на Новой линіи; но СПб. Университетъ не имѣетъ у себя этого изданія, да и мнѣ, во время пребыванія моего въ Монголіи, не удалось отыскать его.

IV. Шидаръ-туръ ябуху халхаинъ цзэгѳнъ гаръ-унъ цѳриг-и цзахираху тусалакчи цзянь-цзюнь, нигѳнъ цзѳргѳ нѳмѳхсѳнъ, халхаинъ вачирай Бату тушѳтѳ хѳнъ хошигун-у тѳрѳл тайчжи-нар-ун тѳѳхѳ.

(Рукопись библіотеки СПб. Университета по отдѣлу коллекціи Позднѣева подъ № 1554).

Это родовая записъ князей тушѳту хановскаго аймака. Она пріобрѣтена изъ якуна тушѳту хана какъ образецъ родовыхъ записей у халхаскихъ сеймовыхъ даругъ, по которымъ рѣшаютъ они всякаго рода мѣстническіе споры между халхаскими князьями. Болѣе подробнаго свода родословной халхасы у себя не имѣютъ и въ этомъ отношеніи разсматриваемый историческій памятникъ, хотя онъ и ограничивается однимъ только сухимъ перечнемъ родовъ, представляетъ особенный интересъ; ибо при посредствѣ его мы можемъ всегда ясно прослѣдить какъ родственныя отношенія цѣлыхъ хошуновъ, такъ и связь отдѣльныхъ князей между собою. По постановленіямъ халхасовъ, „тѳрѳл’ѳн тѳѳхѳ“ ведутся начальниками сеймовъ, при чемъ въ нихъ вписываются всѣ новорожденные и никогда не вычеркиваются умершіе; для отли-

чія же умершихъ отъ живыхъ, имена первыхъ пишутся всегда черною тушью, а вторыхъ—киноварью, или красною тушью. Имена хубилгановъ, гэгэновъ и хутухтъ, какъ существъ никогда не умирающихъ, въ „турул-унъ тэүхэ“ пишутся всегда кинварью.

V. Ойратъ улус-унъ эртэ болохсанъ хагучид-унъ тобчи тўчжи.

(Рукопись СПб. Университета по тому же каталогу и отдѣлу № 1556).

Эта краткая исторія ойратовъ начинается перечисленіемъ поколѣній торгоутскихъ князей; за симъ перечисляетъ она роды хошуотовъ, начиная отъ Хабуту-хасара брата Чингисъ-ханова и оканчивая вторымъ сыномъ Гуши-хана — Далай-хунъ-тайчжіемъ; наконецъ перечисляетъ роды дурбѣтскіе, предварительно рассказавъ легенду, доказывающую божественность происхожденія дурбѣтскихъ князей. Изъ историческихъ рассказовъ далѣе особенно обращаютъ на себя вниманіе рассказы: о борьбѣ ойратовъ съ монголами; — о постановленіяхъ ойратскихъ князей, собиравшихся для изданія законовъ; — о введеніи у ойратовъ буддизма и о началѣ ойратскаго духовенства; — объ отношеніяхъ къ Тибету и объ избраніи ойратами Далай ламы главою церкви; — о сбывшихся предсказаніяхъ ойратскихъ хановъ; — о причинахъ благоденствія ойратовъ въ старое время; — о раздѣлахъ имущества ойратскими князьями между своими дѣтьми; — объ ойратскихъ княгиняхъ; о подвигахъ великодушія ойратскихъ князей; — доблести ойратскихъ вельможъ и проч. и проч.

VI. Халха монголунъ орон-ду анъха бурханъ шашинъ эхи олохсанъ тўрўл тўхэ; баса Йэхэ адистит-ту шитўгәнъ эрдэни-цзу-инъ бўтўгэхўй Йэхэ тўчжи.

(Рукопись, принадлежащая библиотекѣ СПб. Университета и записанная по тому же каталогу и отдѣлу подъ № 1552).

По своему главному содержанію сочиненіе это можетъ быть названо лѣтописью Эрдэни-цзу'скаго монастыря; тѣмъ не менѣе въ полномъ составѣ оно раздѣляется на двѣ части, или на два отдѣленія, изъ которыхъ первое излагаетъ обстоятельства принятія буддизма монголами при Чингисъ ханѣ и послѣдующую судьбу этой религіи при преемникахъ Чингисъ-хана; а второе — повѣствуетъ о возрожденіи буддизма въ Халхѣ при Абатай-сайнъ-ханѣ, когда собственно и былъ

основанъ монастырь Эрдэни-цзу. Въ частности, первое отдѣленіе, упомянувъ о призваніи Годаномъ сакьяскаго ламы Гунга-чжалцана и о дѣятельности этого послѣдняго, болѣе подробно рассказываетъ объ отношеніяхъ Хубилай хана къ Пакба ламѣ, равно какъ о состязаніяхъ и побѣдахъ, одержанныхъ Пакба-ламою надъ противниками буддизма. Второе отдѣленіе начинается свой рассказъ жизнеописаніемъ Абатай-хана и изложеніемъ его характеристики, при чемъ упоминается между прочимъ и о походахъ его на Ѡлотовъ; за сими излагаются обстоятельства возрожденія въ Халхѣ буддизма; путешествія Абатай въ Хуху-хото для свиданія съ Далай ламою; построенія въ 1586 году храмовъ Цзу; освященія этихъ храмовъ и первой проповѣднической дѣятельности въ Халхѣ Шиддиту-габжу. Отсель лѣтопись уже въ хронологическомъ порядкѣ рассказываетъ обо всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ, совершавшихся въ этомъ монастырѣ, какъ то: о построеніи храмовъ и обновленіи ихъ, объ увеличеніи числа монастырскихъ бурхановъ, о послѣдовательномъ обогащеніи монастырской бібліотеки книгами; о введеніи того или другаго обычая при богослуженіяхъ, жертвоприношеніяхъ, или въ жизнь принадлежащихъ этому монастырю ламъ, о посѣщеніяхъ Эрдэни-цзу Чжэбцзунъ-дамбахутухтою и пр. и пр. Въ числѣ историческихъ событій, относящихся какъ до монастыря, такъ равно и до исторіи всей Халхи, записаны также нападенія Галдана-бошовту и чрезвычайное посольство халхасовъ въ Индію, относящееся къ 1776-му году; цѣлью этого посольства было точное изученіе богослуженій бурхану Гомбо-гуру. Заключение лѣтописи содержитъ въ себѣ текстъ надписей на субурганахъ, окружающихъ Эрдэни цзускій монастырь.

VII. Халха монгол-унъ оронъ-ду анъха бурхан-у шажинъ эхи олохсанъ, баса Чжэбцзунъ-дамба гэгэну тўрўл-унъ тэўхэ.

(По тому же каталогу и отдѣлу № 1558).

„Повѣствованіе о томъ, какъ получила начало буддійская вѣра въ Халхѣ и о перерожденіяхъ Чжэбцзунъ-дамба-гэгэна“. Какъ видно изъ самаго этого заглавія, настоящее сочиненіе должно раздѣляться на двѣ части и дѣйствительно первая изъ нихъ кратко повѣствуетъ о

распространеніи буддизма въ Монголіи, о путешествіяхъ Абатай-сайнь-хана въ Куку-хото и Тибетъ и о построеніи ихъ Эрдэни-цзу. Вторая — говорить собственно о первыхъ трехъ хубилганахъ гэгэна. Все сочиненіе изложено въ духѣ буддійскаго ученія. Трактатъ о распространеніи желтой вѣры въ Халхѣ заключаетъ въ себѣ сравнительно не большое число фактовъ, относящихся до дѣйствительности, но за то щеголяетъ сборомъ легендъ о чудесахъ, которыя обыкновенно рассказываются ламами какъ событія, дѣйствительно сопровождавшія первоначальное распространеніе буддизма. Тоже обиліе легендъ замѣчается и въ біографіяхъ гэгэновъ, которыя по преимуществу составляютъ предметъ разсмотрѣнія сочиненія. Преслѣдуя чисто религіозныя цѣли, сочиненіе обращаетъ особенное вниманіе на церковную дѣятельность гэгэновъ и достоинство его по данному отдѣлу заключается въ томъ, что оно выясняетъ намъ понятія монголовъ о значеніи и причинахъ халхаскихъ нововведеній въ буддійской каноникѣ. Съ этой стороны „Чжэбцунъ дамба гэгэнү түрүл-үнъ түхэ“ представляется можно сказать единственнымъ сборникомъ для указанія и выясненія нѣкоторыхъ буддійскихъ обрядовъ и обычаевъ, принятыхъ исключительно въ Монголіи.

VIII. Дэгэдү шашинъ эрдэни-бэръ монъголь орон-и түгэгүлүхсэнъ үг'и үцзэгүлүхсэнъ ирагу хэлэн'ү хургирэлъ нэрэтү.

(По тому же каталогу и отдѣлу № 1559).

Сочиненіе это сообщаетъ историческія свѣденія объ отношеніяхъ монголовъ къ Тибету и о развитіи у нихъ буддизма при Чингисъ ханѣ, Мункэ ханѣ, Хубилаѣ и послѣдующихъ юаньскихъ императорахъ до Тогонъ тэмуря; за симъ переходитъ къ рассказамъ о блестящемъ состояніи желтой вѣры въ Монголіи при Алтанъ ханѣ и о введеніи и развитіи ученія Цзонхавы въ Халхѣ при Абатай ханѣ, его преемникахъ и первыхъ хубилганахъ Чжэбцунъ-дамба-хутухты. Исторія буддизма въ Чжунгаріи разсматривается здѣсь только со времени Зая-пандиты и составляетъ самый слабый отдѣлъ сочиненія.

IX. Цзүгэлэнъ итэгэлъ шашин-у цзула маха-бацзаръ-дара

чжанчжа-чжишисъ-бсдамбхи-ргіял-мцанъ-шріи-бадра'инъ
түрүл-үнъ үйѣсъ-луге сельтэинъ цадикъ, — гурбанъ орони
үцзэгүләнъ болгахчи, гахца чимэкъ сайнъ номлал-унъ чин-
даманіинъ эрихэ.

(По тому же каталогу и отдѣлу № 1560).

Біографія Чжанчжа хутухты. Впервые она была составлена и издана на тибетскомъ языкѣ придворнымъ ламою китайскаго богдохана Лубсанъ-ринлай-намчжиломъ, имѣвшимъ титулъ Дарханъ-ханбо, а потомъ переведена на монгольскій языкъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Цзасакъ-хамбо-ламы Шарабъ-оцзер'а, нѣкоторымъ Чжампо, да-ламою и цзасакомъ управленія шабинаровъ Чжанчжа-хутухты. Первая часть сочиненія заключаетъ въ себѣ собственно біографическія свѣденія о хубилганахъ Чжанчжа хутухты отъ временъ Шакъямуни, но при этомъ начальныя главы, заключающія въ себѣ собственно сказанія о первыхъ, древнѣйшихъ хубилганахъ, почти безсодержательны. Болѣе полныя біографіи начинаются со времени перерожденій Чжанчжа хутухты въ Тибетъ и изъ числа ихъ особенно обширною представляется біографія 10-го перерожденія, когда Чжанчжа хутухта дѣйствовалъ въ лицѣ Пакба-ламы. Наконецъ самыя обстоятельныя біографіи начинаются съ 16-го перерожденія, когда Чжанчжа былъ призванъ на постоянное жительство въ Китай. Здѣсь заслуживаютъ вниманія описанія путешествій Чжанчжа хутухты и его маршруты въ Тибетъ и Ордосъ (1683 г.) а равно въ Халху (въ 1673-мъ году), не менѣе важными представляются сказанія изъ политической исторіи, какъ напр. о возмущеніи Кукэнора въ 1713-мъ г., о смутахъ въ Халхѣ Цэнгунъ-чжаба и др.; здѣсь же находимъ мы наконецъ свѣдѣнія объ успѣхахъ буддизма въ Китаѣ и Монголіи, переводѣ различныхъ священныхъ книгъ, основаніи монастырей и проч.

Вторая часть въ первыхъ своихъ главахъ не касается личности личности Чжанчжа хутухты, но излагаетъ сначала происхожденіе и краткую исторію Китая (до временъ маньчжуровъ), Монголіи до временъ Тогонъ тамура (съ приложеніемъ краткихъ сказаній объ блотахъ вообще и болѣе подробныхъ о Гуши-ханѣ), а потомъ предлагаетъ

исторію возвышенія маньчжуровъ. Въ этихъ трактатахъ обращаютъ на себя вниманіе картинное описаніе изслѣдуемыхъ странъ и особенно Китая (собственно чжильской провинціи и Пекина), южной Монголіи и Маньчжуріи. За сими авторъ снова переходитъ къ дополнительнымъ рассказамъ о дѣятельности Чжанчжа хутухты во времена маньчжуровъ.

Вотъ главнѣйшія произведенія монгольской исторической литературы, въ которыхъ находилъ я матеріалъ для составленія комментарія къ лѣтописи „Эрдэнйнъ эрихъ“. Изъ самаго текста этого комментарія читатели увидятъ, что сообщаемыя мною свѣденія заимствовались и еще изъ десятковъ разнаго рода монгольскихъ же сочиненій, такъ же точно не извѣстныхъ европейскому міру; но представлять здѣсь содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій кажется мнѣ частію неудобно, а частію вовсе не умѣстно. Причины этого лежатъ въ томъ, что одни изъ помянутыхъ сочиненій, собственно историческія, излагаютъ свои свѣденія такъ кратко и отрывочно, захватываютъ въ своемъ содержаніи такъ много жизненныхъ сторонъ и написаны такъ не систематично, что легче кажется сдѣлать полный переводъ ихъ, чѣмъ правильно очертить въ краткихъ словахъ предметъ ихъ сообщеній; другія же, хотя я и съ успѣхомъ пользовался ими для своей цѣли, вовсе и не принадлежатъ къ отдѣлу историческихъ. Для людей, которые знакомы съ характеромъ монгольской литературы вообще, это не покажется страннымъ; ибо они хорошо знаютъ, что у монголовъ также легко встрѣтить историческія свѣдѣнія въ книгахъ богословскихъ, какъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ найти отвлеченные трактаты, всецѣло относящіеся къ догматическому ученію буддизма.

Очень можетъ быть, что, читая представленныя мною историческія свѣденія, нѣкоторые все таки упрекнутъ меня въ недостаточной полнотѣ ихъ, скажутъ, что я не воспользовался тѣмъ, чѣмъ съ пользою для дѣла и легко могъ бы воспользоваться въ книгахъ своихъ предшественниковъ, излагавшихъ исторію халхасовъ. Безъ сомнѣнія, о томъ періодѣ, который излагаетъ эта книга, можно найти многое въ сочиненіяхъ и переводахъ, касающихся исторіи Чжунгаріи и Китая и обнародованныхъ въ Европѣ трудами о. Іакина, г. Леонтьева,

Шнидта, Дюгальда, Палласа, Майля, наконецъ въ многочисленныхъ трудахъ русскихъ писателей, излагавшихъ отношенія Россіи къ Китаю; но повторяю, что я и не думалъ писать полную исторію Халхи, — компилировать все то, что было уже написано и напечатано. Задачею настоящаго труда было именно представить свѣденія новыя, находящіяся въ китайскихъ, монгольскихъ и маньчжурскихъ сочиненіяхъ, но не извѣстныя еще ни въ русскихъ, ни въ европейскихъ переводахъ. Думаю, что люди, интересующіеся судьбами Монголіи, не посѣтуютъ на меня за то, что я избралъ именно этотъ способъ изданія историческихъ свѣденій: компилировать могутъ многіе, — своею же обязанностию я почиталъ дать матеріалъ для изученія жизни Халхи, обнародовать то, что не было извѣстно и трудно къ пріобрѣтенію по рѣдкости знанія у насъ восточныхъ языковъ вообще.

Въ концѣ книги мною представлены въ видѣ приложеній дневники китайскихъ офицеровъ, веденные ими въ разное время походовъ чрезъ Халху. Помимо интереса для исторіи въ разъясненіи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, дневники эти будутъ конечно весьма не бесполезны для географіи Монголіи; потому что, представляя общій очеркъ характера этой страны, они указываютъ еще и довольно большое число опредѣленныхъ пунктовъ, значеніе же этихъ послѣднихъ едва ли ниже тѣхъ ручейковъ и колодцевъ, на которыхъ останавливались путешественники нашего времени и которые теперь исключительно наносятся на вновь составляемыя у насъ карты Монголіи.

А. Позднѣвъ.

1- תשלום המעסיק לאגף 2 מ"ד ?

[illegible][illegible][illegible]

[illegible]

॥ देव्यै नमः ॥

[illegible]

"...האם אתם חושבים שיש להם זכות? האם יש להם זכות לומר שהם רוצים להיות חלק מהמדינה? האם יש להם זכות לומר שהם רוצים להיות אזרחי המדינה?"

[illegible][illegible]

۱. "بہارِ نبویؐ" : ایک جامع اور مفصل کتاب ہے جس میں نبی کریم ﷺ کی زندگی، آپ کی تعلیمات، آپ کی شخصیت اور آپ کی خدمت میں آنے والے لوگوں کی کہانیاں بیان کی گئی ہیں۔ یہ کتاب مسلمانوں کے لیے ایک قیمتی سرمایہ ہے۔
 ۲. "تاریخِ اسلام" : ایک جامع اور مفصل کتاب ہے جس میں اسلام کی تاریخ، اسلام کی ترقی، اسلام کی فتوحات اور اسلام کی خدمت میں آنے والے لوگوں کی کہانیاں بیان کی گئی ہیں۔ یہ کتاب مسلمانوں کے لیے ایک قیمتی سرمایہ ہے۔
 ۳. "سیرتِ نبویؐ" : ایک جامع اور مفصل کتاب ہے جس میں نبی کریم ﷺ کی زندگی، آپ کی تعلیمات، آپ کی شخصیت اور آپ کی خدمت میں آنے والے لوگوں کی کہانیاں بیان کی گئی ہیں۔ یہ کتاب مسلمانوں کے لیے ایک قیمتی سرمایہ ہے۔
 ۴. "تاریخِ اسلام" : ایک جامع اور مفصل کتاب ہے جس میں اسلام کی تاریخ، اسلام کی ترقی، اسلام کی فتوحات اور اسلام کی خدمت میں آنے والے لوگوں کی کہانیاں بیان کی گئی ہیں۔ یہ کتاب مسلمانوں کے لیے ایک قیمتی سرمایہ ہے۔
 ۵. "سیرتِ نبویؐ" : ایک جامع اور مفصل کتاب ہے جس میں نبی کریم ﷺ کی زندگی، آپ کی تعلیمات، آپ کی شخصیت اور آپ کی خدمت میں آنے والے لوگوں کی کہانیاں بیان کی گئی ہیں۔ یہ کتاب مسلمانوں کے لیے ایک قیمتی سرمایہ ہے۔

[illegible][illegible]

[illegible]

۱. در این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۲. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۳. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۴. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۵. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۶. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۷. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۸. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۹. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.
 ۱۰. این کتاب، به بررسی نقش زنان در جامعه ایران پرداخته شده است.

[illegible]

ایک طرف سے وہ کہتا ہے "میں نے اپنے آپ کو بہت سے چیزیں یاد دلوائی ہیں، لیکن میں نے ان میں سے کوئی ایک بھی نہیں یاد دلوائی ہے۔" دوسری طرف سے وہ کہتا ہے "میں نے اپنے آپ کو بہت سے چیزیں یاد دلوائی ہیں، لیکن میں نے ان میں سے کوئی ایک بھی نہیں یاد دلوائی ہے۔"

15

میں نے اپنے آپ کو بہت سے چیزیں یاد دلوائی ہیں، لیکن میں نے ان میں سے کوئی ایک بھی نہیں یاد دلوائی ہے۔ میں نے اپنے آپ کو بہت سے چیزیں یاد دلوائی ہیں، لیکن میں نے ان میں سے کوئی ایک بھی نہیں یاد دلوائی ہے۔ میں نے اپنے آپ کو بہت سے چیزیں یاد دلوائی ہیں، لیکن میں نے ان میں سے کوئی ایک بھی نہیں یاد دلوائی ہے۔

مجبوریت و سکو دڼ دتمهېسې، "دېر ژمن م دوه شعريو ټولگي په سکو په مجبوریتو سر کولای شول چې په ټول
 مجبوریتونو مجبوریت سره له دڼ دتمهېسې، "په دېر سر کولای شول چې په مجبوریتو په دڼ دتمهېسې، "وکه
 مستقیمیتو سره په مجبوریتو سره کولای شول چې په مجبوریتو سره کولای شول چې په مجبوریتو سره کولای شول چې
 دڼ دتمهېسې په مجبوریتو سره کولای شول چې په مجبوریتو سره کولای شول چې په مجبوریتو سره کولای شول چې

1

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

16

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

1

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه دتمهېسې په دڼ دتمهېسې، "وکه

[illegible]

3

[illegible]

[illegible]

అలాగే మనకు తెలియజేస్తున్నట్లుగా “

[illegible]

אם אתה רוצה להצטרף לרשימת החדשות שלנו, אנא מלא את הפרטים שלך:

[illegible][illegible][illegible]

[illegible][illegible][illegible]

“ସବୁକୁ ଯେଉଁ ଯେଉଁ ଶକ୍ତି ଦେଖିଲୁ, ସେଇ ଶକ୍ତିର ସମସ୍ତ ଶକ୍ତି ସେଇ ଶକ୍ତିର ସମସ୍ତ ଶକ୍ତି”

॥ ॐ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 श्रीगणेशाय नमः ॥

ಪರಿಣಿತರ ಸಲಹೆಯಂತೆ ನಗರ ಸರ್ಕಾರದಿಂದ ಈಗ

[illegible][illegible][illegible][illegible]

4
 and the second and third are the same as the first and second.

[illegible]

[illegible][illegible]

എന്നു പറഞ്ഞപ്പോൾ അദ്ദേഹം "എന്താ? എന്താ? എന്താ?" എന്ന് ചോദിച്ചു.

26

[illegible][illegible]

சென்னை நகராட்சி நிர்வாகப் பேரவை

සමස්ත ප්‍රතිචාරයන් සඳහා ස්වදේශික සහ අන්තර්ජාතික ප්‍රතිපත්ති සංවිධානයන්ගේ සහයෝගය සඳහා මම මිතුරු සහයෝගයක් ලෙසට ස්තූතියාදායක වෙමි.

ಕೂಡಲೆ ಕೂಡಲೆ ಸರ್ಕಾರದಿಂದ "ನಿರ್ದಿಷ್ಟ" ಮತ್ತು "ನಿರ್ದಿಷ್ಟ" ಆಯ್ಕೆಗಳನ್ನು ಮಾಡುವ ಕಾರ್ಯವನ್ನು ಆರಂಭಿಸುವಂತೆ ಕೋರಲಾಗಿದೆ.

അയ്യോ! എന്താ? എന്താ?

مدرسه‌ها، و هر یک از آنها و آنچه را که در آن می‌گذشت و می‌دید و می‌شنید،
 می‌نوشتند. و آن مدرسه را که در آن می‌نویشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند
 و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند

و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند
 و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند
 و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند

و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند

و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند
 و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند
 و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند
 و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند
 و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند و می‌نوشتند و می‌خواندند

دوتوسا پیستیم لکوه عین قوهین عتوه قوهوه یان دیو جاسوسیم راندر ن حکم راندرهوه و ه ریسر
 عیلم ن عتوهیم صخره وعت م پیستیم کن ختیهوه قوهین راندرهوه ؛ وهه نیکم نهمه وعتیم عتیه
 عوهه ریسر ؟ دن عتیهیم " راندر عتیهیم راندرهوه و راندر ؟ وعتیم نین م عتیهیم عتیهیم م عتیه
 درلک راندرهوهیم یان ؟ هه راندرهوهیم راندرهوهیم و راندر عتیهیم م یاندر عتیهیم م راندرهوهیم ؟
 عتیهیم ن

| دتیهیم کن عتیهیم درلک م عتیهیم م م م کن راندرهوهیم ختیهیم پیستیهیم ؛ وهه نیکم ریسر ؟ دن
 عتیهیم کن ییوهیم وعتیهیم م عتیهیم ن عتیهیم م عتیهیم ن

| دتیهیم کن عتیهیم درلک م عتیهیم م راندرهوهیم کن راندرهوهیم ختیهیم پیستیهیم " راندر ختیهیمیم م یاندرهوهیم
 راندرهوهیم م عتیهیمیم راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم دن دتیهوهیم راندرهوهیم راندرهوهیم " وعتیهیم م عتیهیم
 عتیهیم م م

دتیهیم وعتیهیمیم عتیهیم " وه یاندرهوهیم " وعتیهیمیم راندرهوهیمیم م عتیهیم م عتیهیمیم راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم
 راندرهوهیمیم عتیهیمیم م راندرهوهیمیم " راندر کن راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم
 راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم م عتیهیم ن راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم راندرهوهیمیم

...درآمدن و ... در ...

... در ...

... در ...

... در ...

... در ...

... در ...

...

... در ...

...

... در ...

... در ...

... در ...

... در ...

... در ...

... در ...

[illegible][illegible]

[illegible][illegible][illegible][illegible][illegible]

27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

[illegible]

پیشتر که می‌فرمودند که عین الله در آن روز و آن ساعت در آن مکان
در آن روز و آن ساعت در آن مکان

و این که می‌فرمودند که عین الله در آن روز و آن ساعت در آن مکان
در آن روز و آن ساعت در آن مکان

و این که می‌فرمودند که عین الله در آن روز و آن ساعت در آن مکان
در آن روز و آن ساعت در آن مکان

و این که می‌فرمودند که عین الله در آن روز و آن ساعت در آن مکان
در آن روز و آن ساعت در آن مکان

و این که می‌فرمودند که عین الله در آن روز و آن ساعت در آن مکان
در آن روز و آن ساعت در آن مکان

و این که می‌فرمودند که عین الله در آن روز و آن ساعت در آن مکان
در آن روز و آن ساعت در آن مکان

و این که می‌فرمودند که عین الله در آن روز و آن ساعت در آن مکان
در آن روز و آن ساعت در آن مکان

Adaptation to the "new" environment and the "new" environment.

[illegible][illegible][illegible][illegible][illegible][illegible]

הם גם מנסים להסביר את המצב "הוא לא משתפר" וזהו מצב של חוסר אונים.

ପ୍ରଶ୍ନ ୭ : କେଉଁ କ୍ଷେତ୍ରରେ ଉପକରଣର ବ୍ୟବହାର ହେଉଛି ?

ଆମେ କିପରି ଏହି ସମସ୍ୟାକୁ ସମାଧାନ କରିବା ?

[illegible][illegible]

ආර්ථිකයේ ස්ථාවරත්වය සහ වර්ධනය සඳහා අපි කෙරෙහි විශ්වාසයක් ඇති බව ප්‍රකාශ කරමු.

دوسر کون پانچواڻي پيڻي ۾ ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟
 ڪيئن ڪم ٿيندو؟

پانچواڻي پيڻي ۾ ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟
 ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟

ڪيئن ڪم ٿيندو؟

ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟

ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟

ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟
 ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟

ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟
 ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟ ڇا ڪيئن ڪم ٿيندو؟

אלה הם המצבים הכלכליים והחברתיים של ישראל. המצב הכלכלי הוא מצב של
 תלות כלכלית מוחלטת במערב. המצב החברתי הוא מצב של
 תלות חברתית מוחלטת במערב. המצב הכלכלי והחברתי
 של ישראל הוא מצב של תלות מוחלטת במערב.

[illegible][illegible][illegible][illegible]

ಪ್ರತಿಭಾಷಣೆಗೆ ಸಿದ್ಧರಾಗಿರುವುದರಿಂದ

[illegible]

۱۰۰
 ۱۰۱
 ۱۰۲
 ۱۰۳
 ۱۰۴
 ۱۰۵
 ۱۰۶
 ۱۰۷
 ۱۰۸
 ۱۰۹
 ۱۱۰
 ۱۱۱
 ۱۱۲
 ۱۱۳
 ۱۱۴
 ۱۱۵
 ۱۱۶
 ۱۱۷
 ۱۱۸
 ۱۱۹
 ۱۲۰
 ۱۲۱
 ۱۲۲
 ۱۲۳
 ۱۲۴
 ۱۲۵
 ۱۲۶
 ۱۲۷
 ۱۲۸
 ۱۲۹
 ۱۳۰
 ۱۳۱
 ۱۳۲
 ۱۳۳
 ۱۳۴
 ۱۳۵
 ۱۳۶
 ۱۳۷
 ۱۳۸
 ۱۳۹
 ۱۴۰
 ۱۴۱
 ۱۴۲
 ۱۴۳
 ۱۴۴
 ۱۴۵
 ۱۴۶
 ۱۴۷
 ۱۴۸
 ۱۴۹
 ۱۵۰
 ۱۵۱
 ۱۵۲
 ۱۵۳
 ۱۵۴
 ۱۵۵
 ۱۵۶
 ۱۵۷
 ۱۵۸
 ۱۵۹
 ۱۶۰
 ۱۶۱
 ۱۶۲
 ۱۶۳
 ۱۶۴
 ۱۶۵
 ۱۶۶
 ۱۶۷
 ۱۶۸
 ۱۶۹
 ۱۷۰
 ۱۷۱
 ۱۷۲
 ۱۷۳
 ۱۷۴
 ۱۷۵
 ۱۷۶
 ۱۷۷
 ۱۷۸
 ۱۷۹
 ۱۸۰
 ۱۸۱
 ۱۸۲
 ۱۸۳
 ۱۸۴
 ۱۸۵
 ۱۸۶
 ۱۸۷
 ۱۸۸
 ۱۸۹
 ۱۹۰
 ۱۹۱
 ۱۹۲
 ۱۹۳
 ۱۹۴
 ۱۹۵
 ۱۹۶
 ۱۹۷
 ۱۹۸
 ۱۹۹
 ۲۰۰
 ۲۰۱
 ۲۰۲
 ۲۰۳
 ۲۰۴
 ۲۰۵
 ۲۰۶
 ۲۰۷
 ۲۰۸
 ۲۰۹
 ۲۱۰
 ۲۱۱
 ۲۱۲
 ۲۱۳
 ۲۱۴
 ۲۱۵
 ۲۱۶
 ۲۱۷
 ۲۱۸
 ۲۱۹
 ۲۲۰
 ۲۲۱
 ۲۲۲
 ۲۲۳
 ۲۲۴
 ۲۲۵
 ۲۲۶
 ۲۲۷
 ۲۲۸
 ۲۲۹
 ۲۳۰
 ۲۳۱
 ۲۳۲
 ۲۳۳
 ۲۳۴
 ۲۳۵
 ۲۳۶
 ۲۳۷
 ۲۳۸
 ۲۳۹
 ۲۴۰
 ۲۴۱
 ۲۴۲
 ۲۴۳
 ۲۴۴
 ۲۴۵
 ۲۴۶
 ۲۴۷
 ۲۴۸
 ۲۴۹
 ۲۵۰
 ۲۵۱
 ۲۵۲
 ۲۵۳
 ۲۵۴
 ۲۵۵
 ۲۵۶
 ۲۵۷
 ۲۵۸
 ۲۵۹
 ۲۶۰
 ۲۶۱
 ۲۶۲
 ۲۶۳
 ۲۶۴
 ۲۶۵
 ۲۶۶
 ۲۶۷
 ۲۶۸
 ۲۶۹
 ۲۷۰
 ۲۷۱
 ۲۷۲
 ۲۷۳
 ۲۷۴
 ۲۷۵
 ۲۷۶
 ۲۷۷
 ۲۷۸
 ۲۷۹
 ۲۸۰
 ۲۸۱
 ۲۸۲
 ۲۸۳
 ۲۸۴
 ۲۸۵
 ۲۸۶
 ۲۸۷
 ۲۸۸
 ۲۸۹
 ۲۹۰
 ۲۹۱
 ۲۹۲
 ۲۹۳
 ۲۹۴
 ۲۹۵
 ۲۹۶
 ۲۹۷
 ۲۹۸
 ۲۹۹
 ۳۰۰
 ۳۰۱
 ۳۰۲
 ۳۰۳
 ۳۰۴
 ۳۰۵
 ۳۰۶
 ۳۰۷
 ۳۰۸
 ۳۰۹
 ۳۱۰
 ۳۱۱
 ۳۱۲
 ۳۱۳
 ۳۱۴
 ۳۱۵
 ۳۱۶
 ۳۱۷
 ۳۱۸
 ۳۱۹
 ۳۲۰
 ۳۲۱
 ۳۲۲
 ۳۲۳
 ۳۲۴
 ۳۲۵
 ۳۲۶
 ۳۲۷
 ۳۲۸
 ۳۲۹
 ۳۳۰
 ۳۳۱
 ۳۳۲
 ۳۳۳
 ۳۳۴
 ۳۳۵
 ۳۳۶
 ۳۳۷
 ۳۳۸
 ۳۳۹
 ۳۴۰
 ۳۴۱
 ۳۴۲
 ۳۴۳
 ۳۴۴
 ۳۴۵
 ۳۴۶
 ۳۴۷
 ۳۴۸
 ۳۴۹
 ۳۵۰
 ۳۵۱
 ۳۵۲
 ۳۵۳
 ۳۵۴
 ۳۵۵
 ۳۵۶
 ۳۵۷
 ۳۵۸
 ۳۵۹
 ۳۶۰
 ۳۶۱
 ۳۶۲
 ۳۶۳
 ۳۶۴
 ۳۶۵
 ۳۶۶
 ۳۶۷
 ۳۶۸
 ۳۶۹
 ۳۷۰
 ۳۷۱
 ۳۷۲
 ۳۷۳
 ۳۷۴
 ۳۷۵
 ۳۷۶
 ۳۷۷
 ۳۷۸
 ۳۷۹
 ۳۸۰
 ۳۸۱
 ۳۸۲
 ۳۸۳
 ۳۸۴
 ۳۸۵
 ۳۸۶
 ۳۸۷
 ۳۸۸
 ۳۸۹
 ۳۹۰
 ۳۹۱
 ۳۹۲
 ۳۹۳
 ۳۹۴
 ۳۹۵
 ۳۹۶
 ۳۹۷
 ۳۹۸
 ۳۹۹
 ۴۰۰
 ۴۰۱
 ۴۰۲
 ۴۰۳
 ۴۰۴
 ۴۰۵
 ۴۰۶
 ۴۰۷
 ۴۰۸
 ۴۰۹
 ۴۱۰
 ۴۱۱
 ۴۱۲
 ۴۱۳
 ۴۱۴
 ۴۱۵
 ۴۱۶
 ۴۱۷
 ۴۱۸
 ۴۱۹
 ۴۲۰
 ۴۲۱
 ۴۲۲
 ۴۲۳
 ۴۲۴
 ۴۲۵
 ۴۲۶
 ۴۲۷
 ۴۲۸
 ۴۲۹
 ۴۳۰
 ۴۳۱
 ۴۳۲
 ۴۳۳
 ۴۳۴
 ۴۳۵
 ۴۳۶
 ۴۳۷
 ۴۳۸
 ۴۳۹
 ۴۴۰
 ۴۴۱
 ۴۴۲
 ۴۴۳
 ۴۴۴
 ۴۴۵
 ۴۴۶
 ۴۴۷
 ۴۴۸
 ۴۴۹
 ۴۵۰
 ۴۵۱
 ۴۵۲
 ۴۵۳
 ۴۵۴
 ۴۵۵
 ۴۵۶
 ۴۵۷
 ۴۵۸
 ۴۵۹
 ۴۶۰
 ۴۶۱
 ۴۶۲
 ۴۶۳
 ۴۶۴
 ۴۶۵
 ۴۶۶
 ۴۶۷
 ۴۶۸
 ۴۶۹
 ۴۷۰
 ۴۷۱

— 45 —

45 —

_____

[illegible][illegible]

[illegible][illegible]

[illegible]

۱ | ...
 ۲ | ...
 ۳ | ...
 ۴ | ...
 ۵ | ...
 ۶ | ...
 ۷ | ...
 ۸ | ...
 ۹ | ...
 ۱۰ | ...
 ۱۱ | ...
 ۱۲ | ...
 ۱۳ | ...
 ۱۴ | ...
 ۱۵ | ...
 ۱۶ | ...
 ۱۷ | ...
 ۱۸ | ...
 ۱۹ | ...
 ۲۰ | ...
 ۲۱ | ...
 ۲۲ | ...
 ۲۳ | ...
 ۲۴ | ...
 ۲۵ | ...
 ۲۶ | ...
 ۲۷ | ...
 ۲۸ | ...
 ۲۹ | ...
 ۳۰ | ...
 ۳۱ | ...
 ۳۲ | ...
 ۳۳ | ...
 ۳۴ | ...
 ۳۵ | ...
 ۳۶ | ...
 ۳۷ | ...
 ۳۸ | ...
 ۳۹ | ...
 ۴۰ | ...
 ۴۱ | ...
 ۴۲ | ...
 ۴۳ | ...
 ۴۴ | ...
 ۴۵ | ...
 ۴۶ | ...
 ۴۷ | ...
 ۴۸ | ...
 ۴۹ | ...
 ۵۰ | ...
 ۵۱ | ...
 ۵۲ | ...
 ۵۳ | ...
 ۵۴ | ...
 ۵۵ | ...
 ۵۶ | ...
 ۵۷ | ...
 ۵۸ | ...
 ۵۹ | ...
 ۶۰ | ...
 ۶۱ | ...
 ۶۲ | ...
 ۶۳ | ...
 ۶۴ | ...
 ۶۵ | ...
 ۶۶ | ...
 ۶۷ | ...
 ۶۸ | ...
 ۶۹ | ...
 ۷۰ | ...
 ۷۱ | ...
 ۷۲ | ...
 ۷۳ | ...
 ۷۴ | ...
 ۷۵ | ...
 ۷۶ | ...
 ۷۷ | ...
 ۷۸ | ...
 ۷۹ | ...
 ۸۰ | ...
 ۸۱ | ...
 ۸۲ | ...
 ۸۳ | ...
 ۸۴ | ...
 ۸۵ | ...
 ۸۶ | ...
 ۸۷ | ...
 ۸۸ | ...
 ۸۹ | ...
 ۹۰ | ...
 ۹۱ | ...
 ۹۲ | ...
 ۹۳ | ...
 ۹۴ | ...
 ۹۵ | ...
 ۹۶ | ...
 ۹۷ | ...
 ۹۸ | ...
 ۹۹ | ...
 ۱۰۰ | ...

[illegible][illegible]

РАЗНОЧТЕНІЯ, ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

1) Въ рукописи перваго изданія имя это пишется . Это различіе въ написаніи, безсомнѣнія, происходитъ отъ того, что монголы въ послѣднее время усваиваютъ себѣ обычай писать тибетскія слова согласно тому, какъ произносятъ они ихъ въ живой рѣчи, а не по образцу тибетскаго правописанія, какъ то дѣлали они прежде. Въ тибетскихъ рукописяхъ имя Ундуръ гэгэна сполна пишется — вЛо-вЗанъ вДаньбій-рГьял-мцанъ.

2) Кят. Цунъ-чжэнь. Знакъ ཅ, до сего времени не извѣстный еще въ монгольскихъ грамматикахъ, принятъ монголами для обозначенія глухаго звука э, скорѣе и ближе подходящаго къ нашему ъ; употребленіе этого знака принадлежитъ исключительно транскрипціи словъ китайскихъ и при томъ именно при знакахъ ཨ, ས и ཅ, — когда знаки эти назначаются для выраженія звуковъ с, ч и чжэ въ связѣ съ глухою гласною э.

3) По рукописи перваго изданія

4) По рукописи перваго изданія правильно

5) По рукоп. 1-го изд. . Тибетское прозваніе монастыря снова транскрибируется согласно монгольскому произношенію; въ правописаніи же тибетскомъ это имя монгольскими ламами нѣсколько сокращенно выражается такъ: „Риво дГэ-рГьясь-гЛинъ“.

6) по первому изд.

7) По 1-му изд. вмѣсто одного слова стоитъ

последняя фраза върѣе первой какъ по логической связи разсказа, такъ и по грамматическому построенію рѣчи; оттого въ нашемъ текстѣ здѣсь можно видѣть описку писца, хотя описка эта, собственно говоря, и не измѣняетъ общаго смысла рѣчи.

22) вм. *ᲙᲗᲗᲗ ᲙᲗ* по Илѣтхаль шастирѣ кн. 46. *ᲙᲗᲗᲗ Თ*

23) слова *ᲙᲗᲗᲗ ᲙᲗᲗ ᲙᲗᲗᲗᲗᲗᲗ* заимствованы изъ рукописи перваго изданія, почему и поставлены въ скобкахъ; — въ издаваемой нами рукописи они пропущены очевидно по небрежности переписчика.

24) вм. *ᲙᲗᲗᲗ* по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗᲗᲗ*

25) вм. *ᲙᲗᲗᲗ* по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗᲗᲗᲗᲗ* "

26) вм. *ᲙᲗᲗᲗ* по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗᲗᲗ*

27) вм. *ᲙᲗ Თ* " по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗᲗᲗ* "

28) вм. *ᲙᲗᲗᲗ* по Илѣтх. шаст. *ᲙᲗᲗᲗ* "

29) вм. *ᲙᲗᲗᲗ ᲙᲗᲗᲗ* по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗᲗᲗᲗᲗ ᲙᲗᲗᲗ* "

30) вм. *ᲙᲗᲗᲗᲗᲗ ᲙᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗ* по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗᲗᲗᲗᲗ ᲙᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗ*

31) вм. *ᲙᲗ* по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗ*

32) пропущено слово *ᲙᲗᲗᲗ Თ* " находящееся въ рукоп. 1-го изд.

33) вм. *ᲙᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗ* по рукоп. 1-го изд. *ᲙᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗ* "

34) частица мѣстнаго надежа *ᲙᲗᲗ* въ настоящемъ случаѣ является совершенно излишнею въ рѣчи и какъ въ рукописи перваго изданія ея не находится вовсе, то полагаемъ, что въ нашей рукописи она написана также ошибочно.

ПЕРЕВОДЪ.

Ундуръ гэгэнъ, въ шестнадцатомъ перерожденіи Чжэбцун-дамба хутухты именовавшійся *Лубсанъ-дамба-чжамцанъ*, — родился въ халхаской странѣ, въ домѣ тушѣту хана *Гомбо-дорчжи* отъ супруги его *Хангду-чжамцо*, въ урочищѣ *Усун изуил*, въ годъ синеватой свиньи, который называется „исполненнымъ жизни“ и приходится въ кругу одиннадцатаго (шестидесятилѣтняго цикла, начинающагося отъ) года огня и зайца, именуемаго „совершеннымъ“. (1636 г.). Это есть восьмой годъ (правленія) шестнадцатаго китайскаго императора *Чунъ-чжэнь* и первый годъ (правленія) маньчжурскаго императора — *Джэддү-эрдэмтү*.

За сими въ второе лѣто *Джэгдү-эрдэмтү*, въ годъ красной мыши (1637) халхаскіе: тушѣту ханъ *Гомбо-дорчжи*, сэцэнъ ханъ *Шолой* и цзасакту ханъ *Субуди* представили докладъ о добромъ соединеніи съ маньчжурскимъ императоромъ, тай-цзуномъ, свѣтлымъ и величественнымъ хуанди.

3-е лѣто, годъ красноватой коровы (1638). Отправивъ посла, представили верблюда, лошадь, беркутовые перья, а также и русское ружье. Съ этого времени высочайшимъ повелѣніемъ обязали трехъ халхаскихъ хановъ ежегодно представлять по одному бѣлому верблюду и по восьми бѣлыхъ лошадей и постановили (это) всегдашнимъ закономъ, назвавъ „данью (состоящую изъ) девяти бѣлыхъ“.

Чжэбизун-дамба, на четвертомъ году отъ роду, въ годъ желтаго барса (1639), дозволилъ поправить свой усниръ и принялъ отъ *Цзамбал-цамба* номуъ хан'а обѣты гэнин'а.

На пятомъ году, въ годъ желтоватаго зайца (1640), принялъ отъ *Ванши-Бүрүлэгу* ламы обѣты рабчжун'а. Въ томъ-же году, въ

Халхѣ, всѣ халхасы совокупно впервые посадили его на каеэдру въ урочищѣ *Ширѣтү Цаган нур* и, поднеся ему титулъ „гэгэна“ и желтопоясую палатку, оказывали верховныя почести. Прозваніе *Цаган нур*’а — *Ширѣтү нур*’омъ установилось послѣ этого.

Отсюда начинаются года (правленія) Эйѣ бэр цзасакчи.

1-е лѣто (правленія) Эйѣ-бэр цзасакчи, годъ дерева и обезьяны (1644). Халхаскій тушѣту ханъ и прочіе, отправивъ посла съ привѣтствіемъ правительственного событія, поднесли мѣстныя произведенія, каковы: лошади, верблюды, соболи.

3-е лѣто, годъ красноватой собаки (1646). Предводитель Сунитскаго аймака *Тиннисъ* возмущенъ и бѣжалъ. Эрхэ цинь-ванъ *Додо*, взявъ войска, преслѣдовалъ и истреблялъ (его). Послѣ того какъ дошелъ онъ (*Додо*) до (урочища) *Цзачжи булакъ*, тушѣту ханъ *Гомбо*, *Рахуми* и другіе, собравъ двадцать тысячъ войска, послали на помощь *Тиннисъ*’у, но, будучи разбиты великою арміею и потерявъ болѣе тысячи верблюдовъ и лошадей, бѣжали.

Эрхэ Цохоръ былъ родственникъ *Гомбо*. Вслѣдствіе того, что онъ самовольно произвелъ захватъ людей и скота Баринскаго аймака, по высочайшему повелѣнію, отправили (къ *Гомбо*) посла и сдѣлали выговоръ. Въ ту пору *Эрдэни-тойнг* вышепоминаемаго (т. е. тушѣту хановскаго) аймака прибылъ для представленія лошадей; но, по высочайшему повелѣнію, его отправили съ словами: „возвратившись назадъ, внуши своимъ ханамъ: пусть поймаютъ и выдадутъ они *Тэнниса*, а равно захваченное ими пусть возвратятъ они Баринь’цамъ“.

4-е лѣто годъ красноватой свиньи (1647). *Чжэбизун - дамба* впервые началъ постройкою и основалъ въ Халхѣ западный хурѣнь, извѣстный подъ именемъ *Рэбун гзчжи гандан шатдублин*.

5-е лѣто (1648). Когда *Цзасакту ханъ* и *Номунъ ханъ* пришли, чтобы имѣть высочайшую аудіенцію, то присутствовали на пиру во дворцѣ „великаго согласія“.

Тушѣту ханъ и *Шолой ханъ* представили 1000 лошадей и 100 верблюдовъ.

Послѣ того какъ *Тэннисъ* покорился, *Гомбо* съ товарищами представилъ докладъ, прося прощенія (его) вины. Когда же высочайшимъ

указомъ поручено было выслать каждому изъ нихъ на аудіенцію своихъ сыновей и младшихъ братьевъ, они, говорятъ, не послушались.

6-е лѣто, годъ желтоватой коровы (1649). *Чжэбизун-дамба*, отъ правившись въ Западное цзу, въ годъ бѣлаго барса (1650) принялъ обѣты гѣцуля отъ Банченъ эрдэни *Лубсанз-чой-чжамцо* въ мѣстности *Даши хлумбо*ской.

Въ томъ-же году, въ Тибетъ, въ мѣстности *Бутала*ской, онъ получилъ отъ далай ламы *Наванз-лубсанз-чжамцо* титулъ „*Чжэбизун-дамба хутухту*“ и право пользоваться зонтомъ изъ желтой шелковой матеріи. Отъ многочисленныхъ мудрецовъ, начиная съ тѣхъ самыхъ Банченъ эрдэни и Далай ламы, онъ принялъ *Вачирз-дара эрхэ'инз ванз*, посвященія и глубокомысленное ученіе въ совершенной полнотѣ, подобно тому какъ бы перелилась вода изъ сосуда; (за снѣ) въ сопровожденіи тибетскаго духовенства, (начиная) отъ бакши, шанцотбы, гѣбгуя, сойбуновъ, кончая мастеровыми и прочими (всего) по пятидесяти личностей, онъ возвратился въ годъ бѣловатаго зайца (1651). Пришедши, онъ соорудилъ множество монастырей и кумировъ, во главѣ которыхъ были *Вачирз дара* и *Табунз иззапурту*, художественно произведенные собственными его руками. За снѣ, подобно тому какъ въ древности *Цзамьянз цорчжи* учредилъ семь дацановъ въ *Брайбун*ѣ, онъ распространилъ вѣру, основавъ въ духовной великой обители (большомъ курѣнѣ) *Рибогчжилинз* — семь аймаковъ: *Амдунарз*, *Чжиса*, *Сангай*, *Цзѣгай*, *Хухэнз ноян*'а, *Дарханз эми*, *Урлют*ской и прочіе.

Въ томъ-же году *Гомбо-ханз* и его аймачный народъ не возвратили *Баринь*скихъ людей и скотъ; когда же, представивъ только 10 верблюдовъ и 100 лошадей, пришли они на поклонъ, то по высочайшему повелѣнію, сдѣлали имъ внушеніе, объявивъ строгій выговоръ.

10-е лѣто, годъ черноватой змѣи (1653). Когда, по высочайшему повелѣнію, командировавъ члена совѣта министерства *Билингу*, послали (его) побудить къ производству слѣдствія о похищенныхъ и захваченныхъ *баринь*скихъ людяхъ и скотѣ, *Гомбо* и его сообщники, скрывши (похищенное), не выдали всего сполна. Въ то время снѣ

Рахуми — тайчи *Бунтаръ*, взявши многихъ, пришелъ поддаться. Его возвели въ достоинство цзасака цинь-вана и посадили на кочевье по рѣкѣ *Таргунъ*, за *Калганомъ* ¹⁾. Вслѣдствіе этого *Гамбо* сдѣлалъ докладъ и ложно говорилъ: „*Бунтаръ* сполна взялъ *Бариньскихъ* людей и скоть; вѣроятно вы получили съ нимъ? За симъ *Бунтаръ* а съ товарищами возвратите ли обратно?“

Резолюція (на этомъ докладѣ) была слѣдующая:

„Вы, нарушивъ высочайшее повелѣніе, не пришли на поклонъ, пославъ своихъ сыновей и младшихъ братьевъ; за тѣмъ въ настоящемъ году не пришли для доставленія податныхъ „девяти бѣлыхъ“; не возвратили сполна *Бариньскихъ* людей и скоть; (теперь) вы представляете докладъ, домогаясь, чтобы, отпустивъ эти три проступка, вамъ возвратили человека, пришедшаго искать защиты(?) Это въ высшей степени не согласуется съ тѣмъ, что должно быть. Теперь хотя бы и пришли на поклонъ ваши сыновья и братья, хотя бы и отдали вы сполна *Бариньскихъ* людей и скоть, я все таки не пришлю обратно *Бунтаръ* а и его сотоварищей. Знайте вы!“

Въ томъ же году, осенью, они отправили пословъ и, поправляя свою ошибку, пришли для представленія „девяти бѣлыхъ“. Послѣ того какъ дошли они до *Камана*, высочайшее повелѣніе: „не принимайте“ — заставило (ихъ) возвратиться.

11-е лѣто, годъ синей лошади (1654) *Чжэбизун-дамба* на южной сторонѣ *Гэнтея* началъ постройкою монастыря.

12-е лѣто, годъ синеватой овцы (1655). — Лѣто. — Тунгъту ханъ *Чигунъ-дорджи*, сдѣлавшійся вслѣдъ за *Гамбо*, отцомъ своимъ, даргою на восточной сторонѣ и одного рода съ нимъ *Мэрэнъ-ноянъ*, *Дарханъ-ноянъ*, *Дангизинъ-лама* и другіе, соединившись, поднесли всеподданнѣйшій докладъ, отправивъ на аудіенцію своихъ сыновей и младшихъ братьевъ. Когда они пришли послѣдовало такое высочайшее повелѣніе:

---

¹⁾ Стоящее здѣсь въ текстѣ прозваніе   есть буквальный переводъ маньчжурскаго имени и китайскаго *Чжанъ-цзя-коу*. Прозваніе *Калгана* таковымъ именемъ встрѣчается у монголовъ весьма рѣдко.

„Такъ какъ вы, согласно моему приказанію, пришли, сознавая свою вину; то я не буду уже упрекать за прошлое. Надлежащее къ выдачѣ *Баринъ* цамъ и недостающее (число) людей и скота, я великодушно извинилъ сполна. Отселѣ впредь если придетъ вашъ бѣглець, опять таки возвращайте назадъ безъ задержки“.

Зима. — Отправивъ пословъ, представили просьбу о приведеніи къ присягѣ. Высочайшимъ повелѣніемъ приказано исполнить и, удостоивая милости, дозволили (имъ) принести присягу въ княжескомъ приказѣ.

Въ томъ-же году постановили восьмью цзасаками халхаскихъ: *Тушъту хана*, *Сэцэнг хана*, *Даньцзинъ ламу*, *Мэргэнг нояна*, *Биширэлъту хана*, *Лубсанг нояна*, *Сэцэнг нояна* и *Хундулэнг тойна*.

Въ томъ-же году, раздѣливъ (Халху) на два крыла восточное и западное, по высочайшему повелѣнію, поручили въ полное завѣдываніе *Тушъту-хану* и *Мэргэнг-нояну* по одному цзасаку восточнаго крыла. Ежегодное представленіе установленнаго количества дани, приносимой халхаскими ханами, чжинунами, нойонами и тайчжіями — по восьми бѣлыхъ лошадей и по одному бѣлому верблюду, называлось данью „девяти бѣлыхъ“. Это именно и есть годовая подать. Помимо того, что касается незначительныхъ тайчжіевъ и табунановъ, то они должны были представлять, не различая масти и безъ разсчета числа, смотря потому что имѣеть каждый; это назвали „податью по состоянію“. Вслѣдъ за составленіемъ положеній объ этомъ, установили правила объ отвѣтныхъ наградахъ и точно опредѣлили для цзасаковъ роды серебряныхъ сосудовъ, серебряныхъ чашъ, шелка, полотна; для другихъ, малыхъ тайчжіевъ, а равно и для посланцовъ, также установили послѣдовательный порядокъ выдачи въ награду шелковыхъ матерій и полотна. Со (времени) установленія этихъ положеній халхаскіе ханы съ особеннымъ стараніемъ и покорностію, исполняя намѣренія, ходили, ежегодно доставляя дань и посылая пословъ.

Кромѣ того *Чжэбизун-дамба сэцэнг* былъ удостоенъ похвалы, представивъ великому хану подарки, во главѣ которыхъ были развѣртываемыя и литыя изображенія кумировъ, исполняющія смысла, лишь только (на нихъ) посмотришь.

Въ томъ же году гэгэнъ въ теченіе семи сутокъ доѣхалъ до *Западнаго цзу* и, поднеши дансукъ *Баньчэнъ-эрдэни*, прослушалъ отъ него священное ученіе. Отсюда онъ отправился въ *Брайбунъ* и прослушалъ многоразличные номы отъ Далай-ламы. — Это нѣчто очень новое и удивительное!

13-е лѣто, годъ красной обезьяны (1656). (Чжэбцун - дамба) прибылъ изъ Западнаго цзу.

14-е лѣто, годъ красноватой курицы (1657). Всѣ халхасы, поднеши дансукъ гэгэнъу въ (монастырѣ) *Эрдэни-цзу*, совершали великій йороль и круговращеніе *Майдари*. Всѣ духовные и свѣтскіе, подъ предсѣдательствомъ халхаскихъ правителей, слушали священное ученіе.

16-е лѣто, годъ желтоватой свиньи (1659). Гэгэнъ отправился въ урочище, называемое *Улцэйтунъ цананъ нуръ*. Начиная съ *Цзалаханцзы* всѣ (составляющіе) семь хошунъ князя, духовные и свѣтскіе слушали священное ученіе; (гэгэнъ) пожаловалъ титулы ламамъ и князьямъ западныхъ аймаковъ.

Отсюда начались года (правленія) Энхэ амугуланъа.

Въ годъ воды и барса (1662) сѣлъ на престолъ императоръ Энхэ амугуланъ.

10-е лѣто, годъ бѣловой курицы (1671). Гэгэнъ принесъ изъ *Западнаго цзу* ганчжуръ *Димбинъ*скаго образца.

За симъ въ 19-е лѣто, въ годъ бѣлой обезьяны (1680), окончивъ постройкою *Гэнтэй*скій монастырь *Рибогэчжи*, воздвигли (въ немъ) кумирн.

20-е лѣто, годъ бѣловой курицы (1681). Пригласивъ гэгэна въ *Эрдэни-цзу*, подносили дансукъ, служили великій йороль и совершали круговращеніе бурхана *Майдари*.

Въ то же лѣто, въ день бѣловой коровы 8-й луны, халхаскій *Лубсанъ-тайчжи*, по старому порядку, прибылъ для представленія дани.

Въ 12-е лѣто (правленія) Эйфъ бэр цзасакчи, когда въ *Халху* постановили восемь цзасаковъ и опредѣлили приносить годовую дань, *Лубсанъ-тайчжи* сдѣлалъ цзасакомъ. Въ 1-е лѣто (правленія) Энхэ амугуланъа *Цзасакту-ханъ* и *Лубсанъ-тайчжи*, (правители) западной стороны *Халхи*, произвели между собою раздоръ. Разоривъ

хошунъ *Цзасакту-хана* и убивъ его самаго, *Лубсанъ-тайчжи* бѣжалъ и передался на сторону *Ѣйтскаго Галдана*. Въ 1-е лѣто (правленія) по особому высочайшему повелѣнію сына цзасакту ханова преемственно возвели въ званіе цзасакту хана, а сына *Ахай-тайчжи'ева* — *Ахай-дайчин'а* постановили цзасакомъ, пожаловавъ ему титулъ „уважающаго обычай *Пуницукъ-тайчжи*“ и, давъ обоимъ имъ печати и наказы, заставили приносить годовую дань. Теперь *Галданъ*, основываясь на томъ, что *Лубсанъ-тайчжи* былъ цзасакомъ, опять привелъ его для представленія дани, отъ (богдоханскаго же) величества ему дозволили ходить.

22-е лѣто, годъ черноватой свиньи (1683). Гэгэнъ поднесъ святому государю (богдо - хану) три кумира, во главѣ которыхъ былъ бурханъ Дова-дондоѣ.

Изъ *Западнаго изу* онъ (гэгэнъ) принесъ ганчжуръ; и, полагая его въ основу (=подлинникомъ) исполнилъ (еще) два ганчжура. Гэгэнъ соорудилъ множество кумировъ, во главѣ которыхъ были три предмета поклоненія: *Вачиръ-дара*, *Табунъ ниурту* и восемь серебряныхъ субургановъ, (сдѣланные его) руками.

23-е лѣто, годъ синей мыши (1684). Въ день бѣлой мыши второй луны отъ (богдоханскаго) величества послали *Ачиту излуна* съ товарищами и поручили имъ доставить высочайшую грамоту къ *Далай ламѣ*.

Напередъ сего, со времени возникновенія смутъ *Лубсана* въ первомъ году (правленія) Энхэ амугулан'а, сыновья и младшіе братья *Цзасакту хан'а*, (правителя) западной стороны Халхи, въ весьма значительномъ количествѣ переходили въ (предѣлы и владѣнія, составляющія) восточную сторону. Нооднократно искали и требовали возвратить (ихъ; но) такъ какъ ихъ не выдавали, то (цзасакту хановцы) подали письменную жалобу *Далай ламѣ*. *Далай лама* обнародовалъ по семи хошунамъ (такую) рѣчь: „Вашияъ семи хошунамъ должно почитать *Цзасакту хана*; выдайте сполна сыновей, младшихъ братьевъ и данниковъ (его), которые, разбѣгаясь со времени возникновенія смутъ, входили въ (предѣлы) восточной стороны“. Такъ говоря, онъ командировалъ *Ярбунай'я*; когда же собрали сейтъ, *Тушъту ганъ* не пришелъ. (Цзасакту хановцы) говоря: „высокій ханъ ради нашего народа начи-

наеть этокое дѣло“, двукратно представляли докладъ, доводя до высочайшаго свѣденія. Теперь (богдоханское) величество, вспомнивъ о томъ, что халхасы преемственно въ потомствахъ и въ теченіе долгихъ лѣтъ старательно и мирно приносили дань, и будучи не въ состояніи выносить погибели и разъединенія его (цзасакту хановскихъ) сыновей, младшихъ братьевъ и данниковъ, командировалъ *Ачиту измуна* и поручилъ ему доставить высочайшую грамоту, приказывая *Далай ламу*, отправивъ посла, примирить и соединить (халхасовъ). Текстъ высочайшей грамоты былъ слѣдующій:

„Я, ради управленія (всѣми) совокупно живущими во вселенной, не утомляюсь воевать и сражаться съ внѣшними и внутренними (народами) и, уничтожая разбѣяніе, разъединеніе и голодъ, желаю привести все множество одушевленныхъ существъ къ миру и довольству. Въ недавнее время *Цзасакту ханъ*, съ просьбами, нѣсколько разъ письменно докладывалъ мнѣ о томъ, что принадлежащихъ къ западной сторонѣ сыновей, братьевъ и данниковъ его, которые, разбѣявшись, ушли въ предѣлы восточной стороны, не отдали ему, когда онъ домогался получить ихъ. Лама, ты въ силу великихъ добродѣтелей, стяжанныхъ изначала, всегда съ истинно сердобольнымъ милосердіемъ дѣйствовалъ на благо всѣхъ одушевленныхъ существъ и потому нѣтъ никого, кто, прославляя (твое) имя и почтительно одобряя (твою) высокую дѣятельность, не хвалилъ бы тебя. Халхаскіе ханы и бѣисы всѣ, чествуя тебя, ламу, исповѣдуютъ твою религію и почитаютъ (твои) обряды и вѣроученіе; ко мнѣ ты также приходишь непрерывно, чтобы съ истинными намѣреніями и почтительно представить дань. Теперь живущіе во вселенной совершенно покойны и единственно только вслѣдствіе того что не возвращены еще отдѣлившіеся цзасактухановскіе данники, во мнѣ возбуждается сильное соболѣзнованіе и состраданіе. Какъ подумаешь, въ средѣ ихъ непремѣнно находятся разъединившіеся отцы и дѣти, старшіе и младшіе братья, кость и мясо. Невозможно опредѣлить навѣрное, что, раздувъ между собою дѣло, не станутъ они тягаться, (достигая своихъ цѣлей) взаимными сраженіями и убійствомъ другъ друга. Если же разъ возбудятъ они военныя дѣйствія, то не говоря уже о страданіяхъ и бѣдственномъ

состояніи подданнаго народа, какиѣмъ образомъ *Цзасакту ханъ* и *Тушуту ханъ* будутъ въ состояніи жить вмѣстѣ? Они изначала почтительно и мирно исполняя намѣренія, приходили ко мнѣ, а также давно уже сдѣлались милостынедателями и для тебя, лама; какиѣ же образомъ допустимъ мы (ихъ) до этого конца, смотря равнодушно и относясь легко?! Если же мы, отправивъ пословъ и заставивъ выдать обратно отдѣлившихся данниковъ *Цзасакту хана*, примиримъ на всегда обѣ стороны, то это будетъ согласно съ моими конечными намѣреніями, взирающими одинаково милосердо, а также будетъ согласоваться и съ твоею мыслію, размышляющею о четырехъ безграничійхъ и дѣйствующею по шести связямъ. Ты, лама, выбравъ одного ламу позначительнѣе, пошли (его) оттуда (т. е. изъ Тибета, — отъ себя), а настоящему посланному человѣку обозначъ мѣсяцъ, день и мѣсто, на которомъ можно соединиться по сю сторону халхаской границы; я отсюда также, выбравъ посла, отправлю его въ условное мѣсто, чтобы онъ встрѣтился съ посломъ (вашего) ламства“.

Въ день бѣлой мыши послѣдней зимней луны того же года *Ачиту изунъ* принесъ докладъ *Далай ламы*, который онъ сообщалъ въ отвѣтъ на высочайшій рескриптъ. Въ докладномъ писемѣ *Далай ламы* (заключалось слѣдующее):

„Высокому императору почтительно докладываю:

Могущественное величіе, которое, соединивъ пожеланія всѣхъ ^{въ} неисчислимыхъ буддъ, совмѣстило (ихъ) воедино, которое гуманно приводитъ къ совершенству (все) множество одушевленныхъ существъ совокупно, проявляя (тѣмъ) чудеса высокой опоры—Маньчжурія, достигло до всѣхъ и по всюду! Милосердо признательный къ обитающимъ во вселенной, по поводу правительственныхъ событій въ восточной и западной сторонахъ Халхи, я отправлялъ *Ярбунай*’я. На сеймѣ сперва не соглашалась западная сторона, потомъ не согласилась и восточная сторона, — соединить было невозможно. То, что высокій императоръ, соединяя раздѣлившихся и разсѣявшихся, относится къ многочисленнымъ одушевленнымъ существамъ съ родительски сердобольнымъ чувствомъ, весьма хорошо. Теперь, согласно высочайшему повелѣнію, я послалъ отсюда *Шамба-цэмбу хутухту*, наказавъ ему придти

ь халхаскимъ улусамъ въ послѣдней зимней лунѣ. Командировать *анчжимба-Лубсанг-норбо* и *Ладунг-наванг-лабѣ* и почтительно представляя докладную записку, я довелъ (объ этомъ) до свѣденія Вашего“.

Въ то время Цзасакту ханъ *Цэнгунь* умеръ. Между тѣмъ *Галамъ*, по происхожденію *Олѣтъ*, съ малолѣтства принявъ духовное ваніе и отдѣлившись, отправился подъ покровительство къ *Далай ламѣ*. Впослѣдствіи онъ возвратился къ Чжунгарскимъ *Олѣтамъ* и бманомъ заставилъ разславлять, будто бы *Далай лама* далъ ему титулъ „Бошокту хана“. Намѣреваясь овладѣть Халхою, онъ, обольтивъ сына *Цэнгунь*-ева-*Шара*’я, предложилъ ему повоевать *Чихунь-орчи* хан’а и послѣ (этого предложенія) *Шара* отправился на свиданіе съ *Галданомъ* въ урочище *Гурбанг хэнэри*. Такъ какъ вслѣдъ за нимъ пошли родственники *Шара*’я, тайчжи *Дэждэхэй*, *Цзотба* и другіе, то *Чихунь дорчи* ханъ разсердился, и, погнавшись за *Шара*, *Дэждэхэй*’емъ и прочими, схватилъ и убилъ (ихъ).

24-е лѣто годъ синеватой коровы (1685). Въ день синей мыши 1-ой луны *Ачиту гэлуну* возвели въ званіе *Цорчи* и снова командировали къ *Далай ламѣ*.

Согласно высочайшаго повелѣнія командированный *Далай ламою* для содѣйствія къ примиренію семи халхаскихъ хошуновъ *Дамба-цэмбу хутухту*, дошедши до *Хуху хото*’ской мѣстности, слѣдствіе болѣзни скончался. Послѣ сего отъ (его богдоханскаго) вѣличества *Ачиту гэлуну* снова поручили доставить высочайшую грамоту и командировали его для переговоровъ относительно этихъ обстоятельствъ. Такъ какъ *Ачиту гэлунг* уже неоднократно получалъ командировки въ западныя страны и ревностно исполнялъ службу, то и дали ему званія *цорчи*.

Текстъ высочайшей грамоты, данной *Далай ламѣ*:

„Прежде халхаскій Цзасакту ханъ докладывалъ мнѣ слѣдующее: „Тышѣту ханъ обѣщался отдать мнѣ моихъ данниковъ и не отдалъ, обѣщался собрать сеймъ и не собралъ“. — Полагая, что восточная и западная стороны, при несогласіяхъ, непременно дойдутъ до бѣдствія междоусобной вражды и военныхъ дѣйствій, до несчастія разъ-

единенія и разсѣянія, я нарочито отправилъ наказъ къ тебѣ, лама, предлагая, посодѣйствовать ихъ примиренію, командировавъ своихъ пословъ. Такъ какъ ты, лама, заботяся о гражданскомъ правленіи и о вѣрѣ, дѣйствуешь милосердо и сострадательно, то ты и отправилъ *Шамба-цэмбу хутухту*. За это я похвалилъ (тебя) и, выславъ сановника, командировалъ его для встрѣчи. *Шамба-цэмбу хутухту*, прибывши въ урочище *Бурасутай Хүхүхото*ской (провинціи), неожиданно скончался, (такимъ образомъ) на самомъ дѣлѣ получилось, что Цзасаку хана и Тушѣту хана мы не примирили и не соединили. Теперь снова, старымъ порядкомъ отправимъ пословъ. Ты, лама, вторично вышли ламу, и отправь его, обусловивъ и установивъ день, мѣсяцъ и мѣсто, гдѣ сойдтись на халхаской границѣ; я, выславъ сановника, командирую его, приказавъ сойтись въ условленномъ мѣстѣ¹⁾.

Въ томъ же году, въ день красноватаго зайца девятой лунн *Ачиту цорчжи* пришелъ обратно изъ мѣстъ Далай ламы. Тогда въ докладной запискѣ Далай ламы (оказалось написаннымъ) слѣдующее:

„Прежде, когда было дано высочайшее повелѣніе о томъ, что по дѣлу халхаскаго Цзасаку хана необходимо послать нарочнаго ламу, я не преступилъ (этого повелѣнія) и тотчасъ же командировалъ *Шамба-цэмбу хутухту*. Онъ, прежде чѣмъ пришелъ къ мѣсту назначенія, на дорогѣ скончался. Теперь снова, послѣдую высочайшему повелѣнію о необходимости для тамошнихъ одушевленныхъ существъ хорошаго и способнаго ламы, я, такъ какъ въ *Тибетѣ* нѣтъ нѣкого значительнаго *Галданг-шириту*я, отправилъ его. Сובлаговолите ли воззрѣть милосердо“!

Относительно этого президенту *Аранам* было дано высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

„Выславъ изъ вашего присутственнаго мѣста двухъ цзангиновъ¹⁾ и, отправивъ ихъ по почтовымъ станціямъ, пошли курьерами въ *Хухэ-норь*. Изъ *Си-нина* взявъ сотню барановъ, крупы, муки и чаю, смотря по тому сколько слѣдуетъ, дай провѣянтное содержаніе *Галданг-шириту*ю, а равно сдѣлай распоряженіе въ такихъ словахъ: если вы

---

¹⁾ Оберъ-офицеровъ.

(лама) прибудете въ Халху этою зимою или весною, нашъ посолъ ~~также~~ также точно. Но халхасы кочуютъ каждый на своемъ отъбищѣ; такъ какъ время плохое, то когда нужно будетъ, они безъ сомнѣнія не придутъ. Если же (вы) скоро, отправитесь такъ, чтобы прибыть въ четвертой удущаго года, нашъ посолъ также поѣдетъ (съ тѣмъ, четвертою или пятою луною. Собирать сеймъ сообразно времени, также легко. Поэтому я послалъ (курьера ради того, чтобы освѣдомиться о благополучіи (ваши доставить вамъ провѣантное содержаніе“.

(1686). Въ день синеватой курицы, 1-го числа 4-й лунны въѣшнихъ сношеній, которая откомандировывала сайгайчжювѣ для собранія сейма въ Халхѣ, представленъ о томъ, что отправленный Далай ламою Галданг-ши-и-и-и прибыть въ земли халхаскаго Мэргэнз нояна въ луну четвертой луны этого года; и такъ какъ теперь дни шли, то надлежитъ командировать сановниковъ для со-
ма. Высочайшій приказъ повелѣвалъ отправиться прези-
майю, тайчжю Бадма-иши, Ыликту ламъ и Ачиту.
За симъ въ виду того, что семь халхаскихъ хошуновъ об-
пространны, командировали въ западную сторону: къ Цза-
сакту - анунзъ Хүхү-хото—Омбо-данзинъ-чжамсо гэлунъ и млад-
шаго секретаря (министерства) ¹⁾ Номчитайъ; къ Эрдені-Чжинунъ
Пунцукъ рабтанъу командировали Дэмчи-дарханъ-гэлунъ и млад-
шаго секретаря (министерства) Мати; къ Сэрэнз-ахай тайчжю ко-
мандировали Гомбо гэлунъ и младшаго секретаря (министерства) Ар-
битху; къ Дарма-шири нояну командировали да-ламу Даньзинъ
гэлунъ и младшаго секретаря (министерства) Баясхуланъ; къ „ува-
жающему обычаю“ Пунцукъ тайчжю командировали дэмчи Цзотба-
тарачжя гэлунъ и младшаго секретаря (министерства) Салайъ; къ
одному нояну командировали Самданъ гэлунъ и младшаго секретаря
(министерства) Баянту; въ восточную сторону: къ Чжэбизун-дамба

¹⁾ Монг. Тусулакчи-тушимэлъ; Маньчжур. Айсилаку-хафани. и Китайск. Юань-вай-ланъ.

хутухтѣ и *Тутуту хану* командировали да-ламу *Цойизунг* гэлун'а и совѣтника (министерства) ¹⁾ *Хара'я*; къ *Сэцэнг хану* командировали *Рикба* гэлун'а и младшаго секретаря (министерства) *Раху*; къ бату дагамдагу *Эрхэ дайчинг* нояну командировали *Дамба-сарчжи* гэлун'а и младшаго секретаря (министерства) *Боцзо*; къ *Мэринг* нояну командировали *Эмчи* гэлун'а и совѣтника (министерства) *Амбулу*.

Текстъ высочайшаго рескрипта, дарованнаго ханамъ, чжинунамъ, ноянамъ и тайчжямъ семи хошуновъ халхаскихъ:

„Я ради управленія (всѣми) совокупно живущими во вселенной, желаю, чтобы и внутренніе и вѣшніе сполна, въ мирѣ и довольствѣ находили радости, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ жили бы покойно и въ согласіи. Говорятъ, что ваши правители западной стороны произвели другъ съ другомъ междоусобицы; ихъ братья и данники вошли въ предѣлы восточной стороны, а братья и данники правителей восточной стороны въ свою очередь перешли на западную сторону. Теперь, если будете вы въ средѣ вашихъ братьевъ взаимно скрывать (своихъ перебѣжчиковъ), то въ будущемъ времени непременно возникнутъ у васъ взаимныя неудовольствія и смуты и оттого возбуждается во мнѣ состраданіе и жалость. Поэтому въ 23-е лѣто правленія Энхэ амугулан'а я послалъ высочайшую грамоту Далай ламѣ, предлагая ему совмѣстно послать пословъ для вашего соединенія. Далай лама, почитая весьма хорошимъ то, что я при правительственныхъ обстоятельствахъ отношусь къ одушевленнымъ существамъ съ милосердіемъ, какъ бы родительскою заботливостью, нарочито отправилъ *Гилданъ-ширптуя*; а я также нарочито командировалъ президента *Аранай'я*, тайчжя *Бадма иши*, *Биликту* ламу и *Ачиту* цорчжя и послалъ ихъ вмѣстѣ (съ посломъ Далай ламы). Ваши ханы, чжинуны, нояны и тайчжи! Если, согласуясь съ моимъ конечнымъ желаніемъ благодѣтельствовать вамъ, приходившимъ добромъ, старательно и мирно принося дань въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, и (если, согласуясь) съ милосердіемъ, размышляющею о четырехъ безграничіяхъ и дѣйствующею по шести

---

¹⁾ Шитхэхчи-тушимэль Китайск. Лянъ-чжунъ.

связать мыслью Далай ламы, покончите вы сполна свои прежніе ссоры, возвратите вашихъ братьевъ и данниковъ каждого его родовому правителю и будете жить въ дружбѣ и согласіи, то не будетъ и іоты противорѣчія моему повелѣнію и желаніямъ Далай ламы; и такъ какъ въ вашихъ семи хошунахъ не будетъ страданій разъединенія, отдѣленія, скорби, спора и вражды, то исполненіе счастья и блага будетъ (у васъ) поистинѣ безгранично“.

Въ ту пору представили докладъ съ просьбою о томъ, что такъ какъ Цзасакту ханъ западной стороны Халхы умеръ, то не благоугодно ли будетъ сыну его *Галданъ-тайжжі*’ю доставить преемство въ званіе его отца? Высочайшимъ приказомъ повелѣвалось *Аранай*’ю по тому же попутью доставить (эту) милость.

Въ томъ же году, въ день синеватаго зайца 6-й луны *Чжэбизун-дамба хутухту*, согласно высочайшему рескрипту, представилъ отвѣтное письмо. Прежде, когда отправлялся да-лама *Цойцзунъ* гэлунъ, отъ его величества было сказано: „передай мое повелѣніе, — пусть *Чжэбизун-дамба* также отправится на этотъ сеймъ и переговоры они всѣ вмѣстѣ“. Теперь *Чжэбизун-дамба хутухту* докладывалъ слѣдующее:

„Я, благородный, съ малолѣтства основываясь на наставленіяхъ Далай ламы и имени *Чжэбизун-дамбы*, съ намѣреніемъ принести пользу множеству, распространялъ здѣсь законъ Будды, рѣшалъ споры хановъ, облегчалъ страданія данниковъ, и еще прежде, разслѣдовавъ, приказалъ выдать сыновей, внуковъ и подчиненныхъ данниковъ Цзасакту хана, остальныхъ-же вызвалъ и производилъ слѣдствіе. Въ настоящее время святой повелитель, милостиво обративъ вниманіе на несогласія между халхаскими семью хошунами, командировалъ человека къ Далай ламѣ, а Далай лама, вызвавъ *Галданъ-ширпту*’я, отправилъ его на сеймъ. Такъ какъ высочайшимъ приказомъ повелѣно было и мнѣ, благородному, отправиться на тотъ сеймъ и переговорить со всѣми, то я, благородный, послѣдуя высочайшему приказанію, тотчасъ-же, отправившись на сеймъ и переговоривъ по иѣрѣ своихъ силъ, постараюсь согласить (всѣхъ) съ волею святаго повелителя“.

Высочайшимъ приказомъ повелѣвалось послать бумагу, сообщивъ объ этомъ письмѣ президенту *Аранай'ю* и *Галданъ-ширѣту'ю*.

За симъ въ день желтой лошади десятой луны президентъ *Аранай* и *Галданъ-ширѣту* представили докладъ съ извѣстіемъ, что семь халхаскихъ хошуновъ, согласно высочайшему повелѣнію, приняли присягу и примирились. Въ докладѣ, представленномъ *Аранай'емъ* (говорилось слѣдующее):

„16-го числа 8-й луны мы, вельможи, собрали хановъ, чжинунъ, нояновъ и тайчжѣевъ восточной и западной сторонъ Халхи и прочитали имъ высочайшую грамоту. 22-го числа мы, вельможи, снова собрали народъ и, внушая, объявили (ему) слѣдующее: При нашемъ приходѣ былъ дарованъ высочайшій наказъ. Наказъ (этотъ таковъ): „Ваши ханы, чжинуну, нояны и тайчжи присвоиваютъ себѣ (чужихъ) данниковъ и отъ того между братьями возникли несогласія. Вы, будучи по происхожденію дѣтьми и внуками одного родоначальника, пришли во взаимное несогласіе между собою и ежели начали вы это дѣло, то непрежѣнно дойдете до того, что сдѣлаетесь какъ угли и пепелъ. Я, живучи, да гляючи, не могу выносить (этого) и потому нарочито послалъ рескриптъ. И такъ нужно вамъ немедленно же примириться между собою. Если вы примиритесь, будетъ польза; если не примиритесь, не скажу, что мнѣ будетъ невыгодно, развѣ только то, что вы преешвенно въ поколѣніяхъ, довершая старательность и миръ, приносили дань. Въ моемъ милосердіи возрѣніи нѣтъ различія между внутренними и внѣшними и потому я желаю, чтобы вы примирились“. Такъ говоря, когда передали мы высочайшее повелѣніе, *Сэрэнг-ахай-тайчжи* и другіе, ставъ на колѣна, сказали: „Наши халхасы семи хошуновъ всѣ суть дѣти и внуки одного родоначальника и изначала между собою (были хороши. Со времени смутъ Лубсана) начали присвоивать себѣ другъ у друга данниковъ и потому, сопротивляясь другъ другу, пришли въ разладъ. Нынѣ, когда святой повелитель и Далай лама нарочито послали вельможъ и ламъ и когда, примиривъ наше множество, желаютъ они, чтобы мы жили, наслаждаясь довольствомъ, такимъ маленькимъ людямъ какъ мы не остается ничего, какъ только радоваться; тѣмъ не менѣе покончить

ли нашъ споръ, примирившись между собою и почтительно послѣдовавъ повелѣнію высочайшаго государя, или не оканчивать, все это сполна находится (въ рукахъ) у нашихъ хановъ обоихъ сторонъ.“ — *Шыдашири багатуръ - тайчжи*, младшій братъ *Тушъту - хана*, ставъ на колѣна, сказалъ: „Наставленіе, дарованное ради насъ святымъ повелителемъ, весьма справедливо. Взаимная вражда нашихъ обоихъ хановъ возникла цѣликомъ отъ лести и наущничества маленькихъ людей. Нынѣ, если оба хана будутъ принимать слова людей честныхъ, и отвергать рѣчи наущниковъ, да будутъ вразумлять насъ по мѣрѣ нашихъ силъ, то дѣйствительно есть возможность примириться.“ Хань обоихъ сторонъ сказали: „высокій повелитель желаетъ, чтобы мы примирились и жили счастливо; неоднократно наставляя насъ въ своемъ святомъ пожеланіи, онъ вразумляетъ наше глупое невѣжество, — и это весьма достойно! Какимъ-же образомъ мы безстрашно не будемъ слѣдовать этому съ почтительностію?!“ Послѣ сего мы, вельможи, свели *Цзасанту-хана* и *Тушъту-хана* и, заставивъ ихъ освѣдомиться другъ у друга о благополучіи, приказали имъ обняться, равно и многочисленные тайчжи восточной и западной сторонъ всѣ, обнимаясь другъ съ другомъ, спрашивали другъ друга о благополучіи. 23-го числа той же луны мы вызвали хановъ, чжинуновъ, родовыхъ тайчжievъ и подчиненныхъ имъ хорошихъ и честныхъ цзайсановъ, избравъ ихъ въ количествѣ свыше шестидесяти, и, повѣсивъ изображеніе будды предъ *Галданъ-ширъту’емъ* и *Чжэбизундамба* хутухтою, заставили ихъ принести клятву въ тяжкихъ выраженіяхъ; (за симъ) приказали возвратить перемѣшавшихся обоихъ сторонъ тайчжievъ и данниковъ каждого его родовому правителю и всѣ должествующіи быть поконченными дѣла, сполна изслѣдовавъ, покончили. За симъ снова заставили чжинуновъ, нояновъ и тайчжievъ стать на колѣна передъ бурханомъ и поклясться тяжкими словами, говоря: отселѣ впредъ мы, навсегда примирившись, будемъ жить въ согласіи. Признавая, что все это произошло отъ удивительнаго величія и мудрости Хуанди, я представляю докладъ, почтительно доводя до высочайшаго свѣдѣнія.

Когда *Галданъ-ширъту* также сдѣлалъ докладъ объ окончаніи

примиренія, то въ высочайшей резолюціи было сказано: „То, что ханы, чжинуны, нояны и тайчжи восточной и западной сторонъ *Халхы*, почтительно послѣдовавъ моему наказу, тотчасъ же присягнули и примирились, — похвально; извѣстить (объ этомъ) подлежащее присутственное мѣсто“.

При этихъ событіяхъ, въ то время, когда *Далай лама* отправилъ *Галданз-ширтыя Лодой-чжамцо*, а *Энхэ амуланз ханз* — алиха амбана ¹⁾ и когда, собравъ семь халхаскихъ хошуновъ въ мѣстности *Хүрр бэлчиръ*, составили они великій сеймъ, *Олѣтскіе-чжунгарскіе* князья и данники примирились и приняли отъ *Чжэбизун-дамба хутухты* священное ученіе и посвященія. Въ ту пору, согласно высочайшему повелѣнію, сѣдалище *Чжэбизун-дамбы* готовили ровно и одинаково съ *Галданз-ширты* евыми. Тогда ойратскій *Галданз*, прозываемый „Бошокту“, вслѣдствіе того что *Чжэбизун-дамба хутухта* сидѣлъ рядомъ съ *Галданз ширты* емъ и не выразилъ ему ни малѣйшаго удовольствія, разсердился, утверждая, что онъ не оказываетъ уваженія къ *Далай ламѣ*; за сѣмъ, выставляя на видъ, что *Чихунъ-дорджи* напередъ сего помогалъ *Очирту-хану* и ходилъ войною на него (*Галдана*), что сверхъ того онъ выдавалъ въ замужество дочь за *Лубсанъ-гомбо-рабтана*, племянника *Очирту-хан*’ова, вознегодовалъ, послалъ письмо и, ругая (*Чихунъ-дорджи*’я), разслаивалъ, что, собравъ народъ, пойдетъ (на него) войною. Всѣ халхаскіе (ханы) чжинуны, нояны, тайчжи и данники, услышавъ объ этомъ, пришли въ негодованіе, а *Чихунъ-дорджи* тотчасъ-же представилъ высочайшій докладъ съ просьбою, что онъ лично пойдетъ въ походъ. На докладъ высочайшая резолюція (была слѣдующая): „Соблюдайте прежнюю клятву и не возбуждайте военныхъ дѣйствій съ *Галданомъ*“.

Въ ту же осень *Цзасакту ханъ Шара*, а равно *Джэдэхэй, Цзотба* и другіе отправились для вступленія въ дружественныя отношенія къ *Галдану* и по этой причинѣ *Чихунъ-дорджи* пошелъ преслѣдовать

---

¹⁾ *Алиха* — отъ маньчжур. *алимби* — управляю; «*алиха амбанъ*» тоже, что монгольское «*эрхэлэхсэн сайт*», — предсѣдатель министерства; — дѣло идетъ здѣсь о президентѣ *Аранаѣ*.

ихъ, вступилъ въ сраженіе и разбилъ. Когда объ этомъ довели до высочайшаго свѣдѣнія, то высочайшимъ приказомъ поручили: передать Далай ламѣ, чтобы онъ взялъ обратно *Галдана* и кромѣ того командировавъ вице-президента *Баяра* и другихъ, послали бы ихъ внушить, чтобы *Чихунъ-дорджи* прекратилъ военныя дѣйствія. Но еще за нѣсколько времени до ихъ прибытія *Чихунъ-дорджи* ханъ, схвативъ *Шара* хана и *Джэдэхэй*'я, убилъ ихъ; затѣмъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ *Лубсанъ-юмбо-рабтан*'омъ онъ преслѣдовалъ и убилъ *Дорджи-чжаба* младшаго брата *Галданова*; (наконецъ) подступивъ и расположившись лагеромъ (въ) мѣстностяхъ *Хара эрхэкъ* и *Цаганъ эрхэкъ*, столкнулся съ *Галданомъ*.

26-е лѣто (правленія) совершенный двѣнадцатый годъ огня и зайца (1687) Дибя *Санитай-чжамо* составилъ *Виндурья-карто*.

Въ докладной запискѣ, представленной въ день красной обезьяны той же бѣлой луны Тушѣту ханомъ *Чихунъ-дорджи* и *Сэцэнъ-ханомъ* Норбо (заключалось слѣдующее):

Оба халхаскіе хана съ тайчжіями семи хошуновъ докладываютъ предъ величествомъ великаго богдохана: „Государь, вѣдая обстоятельства временъ, чтобы установить спокойствіе отдаленныхъ, послалъ посла и издалъ высочайшее повелѣніе Далай ламѣ, а потомъ, командировавъ президента, собралъ хановъ, чжинуновъ, нояновъ и тайчжіевъ и, соединивъ ихъ вмѣстѣ съ великимъ ламою семи хошуновъ — *Чжэбизун-дамба* хутухтою, даровалъ (свое) милостивое повелѣніе. Посему наше множество не рѣшилось безстрашно не покорствоваться и, съ почтительностію, цѣликомъ послѣдовало наставленіямъ святаго (хана). Для народа (это) полезно и (все) воспользовались великимъ довольствомъ; правленіе сдѣлалось мирнымъ и вѣра просіяла. Такъ какъ вообще мы не въ силахъ отплатить за великія милости святаго государя и даже не въ состояніи выразить (чувствъ своей благодарности) словами, то во изъявленіе сущей справедливости просимъ (дозволенія) поднести почетный титулъ. Милостиво внимая (просьбѣ) соблаговолите - ли принять“?

На докладъ высочайшая резолюція говорила:

„Я узналъ истинное расположеніе, съ которымъ многочисленные

халхаскіе ханы и бэйлэ, будучи признательны за мои всегда милостивыя благодѣянія, представили докладъ, прося (дозволенія) съ преданностью и покорностію поднести почетный титулъ. Многочисленные ханы и бэйлэ внимательно замѣтили поступокъ, по которому я, сообразно своимъ конечнымъ пожеланіямъ — благотворить одинаково, не взирая на различіе внутреннихъ и внѣшнихъ, издалъ высочайшій указъ и побудилъ ихъ къ примиренію и соединенію. Если же послѣ сего будутъ они жить между собою безъ шалостей и придировокъ, мирнымъ образомъ, сохраняя всегда спокойствіе и довольство, то это для меня гораздо лучше, чѣмъ поднесеніе почетнаго титула. Прежде я не далъ хода докладу, въ которомъ многочисленные внутренніе и внѣшніе ханы, бэйлэ и вельможи просили (у меня позволенія) поднести почетный титулъ, посему нѣтъ мѣста дать ходъ и этому (вашему) представленію. Изъ палаты внѣшнихъ сношеній, истолковавъ эти обстоятельства, послать объяснительную записку“.

Въ день синеватой змѣи Тушѣту ханъ представилъ докладъ, прося о выдачѣ наказа и печати. Тушѣту ханъ докладывалъ слѣдующее:

„Нашъ халхаскій народъ, искони представлялъ почетные подарки, доставлялъ дань, почтительно слѣдовалъ наставленіямъ, пользовался милостями и жилъ въ мирѣ и довольствѣ. Въ недавнее время хотя и было то, что мы сдѣлали незначительные проступки, но точно также, послѣдую указаніямъ (вашего) величества, исправились. Прежде въ нашихъ странахъ не было ученія Будды,—было невѣжество и иракъ. Напередъ меня, когда прадѣдъ мой отправился на поклоненіе къ Далай ламѣ, (тотъ) оказавъ ему высокія милости, далъ титулъ „Вачирай сайнъ ханъ“; поэтому вѣра будды просіяла въ нашихъ странахъ какъ солнце и звѣзды. Въ мое время, когда я отправился на поклоненіе къ Далай ламѣ, (послѣдній) также оказалъ мнѣ милость, преподавъ великую науку о вѣрѣ и правленіи и даровавъ мнѣ имя, титулъ, грамоту и печать. Хуанди также доставлялъ мнѣ довольство и радость, благосклонно удостоивая меня важныхъ милостей и наградъ. Теперь нарочитая просьба моя въ томъ, чтобы, для яснаго отличія изъ среды правителей и хановъ тьмы отдаленныхъ народовъ, дали бы

мнѣ золотую печать и яшмовый знакъ и желаю я, чтобы твердо закрепили и дозволили бы сохранять (ихъ) преемственно моимъ дѣтямъ и потомству“.

На докладѣ отъ (его) величества было приказано:

„Возвративъ назадъ представленный докладъ, словесно передать такое повелѣніе: такъ какъ дѣло о выдачѣ и полученіи данниковъ обонхъ сторонъ *Халхи* еще не окончено, то выдать въ настоящее время наказъ и печать невозможно“.

Въ день красной мыши 2-й луны по высочайшему повелѣнію старшаго сына Сэцэнъ хан’ова *Ильдэнъ рабтана* постановили преемственно ханомъ.

Такъ какъ въ то время *Сэцэнъ ханъ* заболѣлъ и умеръ, то старшій сынъ его *Ильдэнъ рабанъ* отправилъ посла и довелъ до высочайшаго свѣдѣнія. На докладѣ (его) величествомъ было сказано: „ради того, чтобы не замедлилось примиреніе и соединеніе семи халхаскихъ хошуновъ невозможно задерживать вакансію Сэцэнъ хана. Отправивъ высочайшій приказъ *Тушѣту хану*, *Чжэбизун дамба хутухтѣ* и *Цзасакту хану* немедленно утвердить преемственно ханомъ *Имденъ рабтана*, старшаго сына Сэцэнъ ханова“. Далай ламѣ также для свѣдѣнія объ этомъ отправили высочайшую грамоту.

Текстъ высочайшей грамоты, данной *Тушѣту хану* и прочимъ:

„Какъ подумаю я, то изстари великіе ваны, совокупно управляя живущими во вселенной и одинаково благотворя дальнимъ и ближнимъ, взирали съ особеннымъ предпочтеніемъ и милостью на тѣхъ, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ приходили представлять дань, старательно и мирно довершая истинную преданность. Прошло уже много лѣтъ, какъ, смѣняясь преемственно въ поколѣніяхъ, вы съ несприворнымъ желаніемъ и признавая справедливымъ, отправляете пословъ, старательно и мирно приходите для представленія дани. Я постоянно весьма одобрялъ (это), какъ вдругъ, услыхавъ, что Сэцэнъ ханъ умеръ, я былъ весьма опечаленъ и, нарочито командировавъ вельможу, приказалъ ему совершить помянки. Не давно я, смотря съ состраданіемъ на взаимные раздоры, происшедшіе въ средѣ вашихъ халхасовъ, издалъ высочайшій приказъ и командировалъ

вельможу. Для того, чтобы не замедлилось примирение и соединение, не возможно задерживать вакансію Сэцэнъ хана. Такъ какъ по нашимъ халхаскимъ законамъ долженствуетъ передавать преемство старшему сыну, а я слышалъ, что *Имдэнз-рабтанз* тайчжи, будучи старшимъ, довольно справедливъ, то посадите его преемствовать. Поскорѣе, согласно повелѣнію, введите его въ должность.

Въ высочайшей грамотѣ, дарованной Далай ламѣ говорилось тоже самое.

27-е лѣто, годъ желтаго дракона (1688). Весною ойратскій *Галданз*, прозываемый *Бошокту*, собравъ 30-ть тысячъ войска и вооружившись, съ западныхъ границъ Халхи вошелъ въ средину ея и произвелъ смуты. *Чихунъ дорчжи* ханъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ *Галданз дорчжи* встрѣтили его, когда онъ шелъ, выступивъ изъ Хангайскихъ горъ и собравшись воедино, въ урочищѣ *Тэмурз* сразились, но не побѣдили и потому отступили къ урочищамъ *Онгим*. *Галданз Бошокту*, прослышавъ, что *Чжэбизун-дамба* хутухту живетъ въ *Эрдэни цзу*, раздѣливъ отсюда свои войска и, переправившись чрезъ рѣку *Толу*, отправился по восточной сторонѣ на *Кэрулэнз* и шелъ, разграбляя кочевья Сэцэнъ хана. Помимо сего онъ, командировавъ своего подчиненнаго офицера *Данызинъ-омбо*, отправилъ его изъ урочища *Хара цзуртунз*, чтобы повоевать *Эрдэни цзу*. Поэтому *Чжэбизун-дамба* хутухту, взявъ жену и дѣтей *Чихунъ-дорчжи* хана, бѣжалъ и поселился въ урочищѣ *Эймүрз*. Впослѣдствіи, услышавъ, что кочевья Сэцэнъ хана разграблены, онъ ушелъ отсюда на югъ, къ границамъ Сунитскаго аймака, и поспѣшно извѣстилъ о (своихъ) бѣрныхъ обстоятельствахъ. Тогда, согласно высочайшему повелѣнію, вызвали войска *Абаганар*'скаго аймака и послали ихъ сторожить вокругъ *Гоби*. Осенью, когда *Галданз*, возвратившись съ *Кэрулэна*, шелъ, разграбляя мѣста по р. *Толъ*, *Чихунъ дорчжи* ханъ, собравъ все множество (своихъ людей), изъ *Нилинту* пришелъ къ озеру *Улугай* и здѣсь сражался три дня, но былъ побѣжденъ и такъ какъ все множество его обратилось въ бѣгство, то *Чихунъ дорчжи* ханъ изъ урочища *Хѹль*, перешелъ *Гоби* и соединившись съ *Чжэбизун-дамба* хутухтоу, началъ съ нимъ совѣщаться. Гэ-

гѣнь *Чжэбизун-дамба* хутухты, зная, что пришли уже ко времени (подданства), переговорилъ съ халхасами и далъ знать о вступленіи въ подданство. Тогда изъ цзургана былъ представленъ докладъ такого содержанія:

„Учреждающій почтовныя станціи вице-президентъ министерства ¹⁾ Удэ извѣстилъ, что посолъ *Чжэбизун-дамба* хутухты, будучи посланъ для переговоровъ, пришелъ съ такими словами:

„Святой повелитель, повсемѣстно раздавая милости, указалъ мнѣ заботиться о порядкѣ священнаго ученія. Тщательно послѣдуя высочайшему повелѣнію, я прилежно читалъ священныя книги. Неожиданно пришли Олбты, подложили огонь подъ мои храмы и священныя книги истребили и уничтожили въ конецъ; теперь я уже не знаю буду ли я въ состояніи или нѣтъ дѣйствовать согласно высочайшему повелѣнію святаго государя. Уже нѣсколько прежде было у меня намѣреніе пойти показаться въ небесную имперію; но я думалъ, что, пожалуй, и не въ состояніи буду сдѣлать доклада, ибо родился въ мѣстахъ за вѣншей границей и въ рѣчахъ грубъ и невѣжествененъ; поэтому то я и не приходилъ. Мои ученики весьма многочисленны и если будутъ они жить, склонившись подъ мирное правленіе святаго государя, то мое завѣтное желаніе исполнится. Святой, ради милости ко мнѣ, соблаговолить ли дать мнѣ земли, хорошей пастбищами и водою? За снѣгъ я прошу еще о новомъ возстановленіи храмовъ. Кромѣ того всѣ тайчжи восточной и западной сторонъ, почитая меня учителемъ, ламоу, говорили, если хутухта намѣревается войти въ подданство, мы также поддадимся; равно и находящіеся у карауловъ *абаганар'*-скіе тайчжи тоже говорили—мы поддадимся. На рѣчи ихъ я отвѣчалъ: принятіе мною важныхъ милостей отъ владыки черезчуръ значительно и намѣреніе мое весьма твердо. Если есть у васъ намѣреніе поддаться съ истинною преданностью, пусть будетъ то по вашему желанію; мнѣ же докладывать за васъ не подобаетъ“.

Когда 8-го числа 9-й луны 27-го года (правленія) Энхэ амугулан'а объ этомъ сообщеніи былъ представленъ высочайшій докладъ,

¹⁾ 郵政大臣 寄. шим-ланъ.

высочайшая резолюція повелѣвала, чтобы хабей ваны, бэйлэ и амбани переговорыли (объ этомъ) совокупно.

Вслѣдъ за симъ въ тотъ-же году въ лѣто желтаго дракона *Чжэбизун-дамба* хутухту, именуемый *Лубсанг-дамба-чжамцанъ*, *Ундуръ изэнъ*, на 54-мъ году своей жизни, халхаскій тушѣту ханъ *Чихунъ дорчжи* и прочіе, заставивъ послѣдовать за собою халхасовъ, принесли девять бѣлыхъ и вошли въ подданство, склонившись подъ правленіе *Шэнъ цзу ѳрѳушнѣнту хуанди*.

Послѣ того какъ *Чихунъ дорчжи* виѣстъ съ родственными братьями своими *Гурушики*, взявъ своихъ данниковъ, пришли въ подданство, высочайшимъ приказомъ повелѣно было отвести имъ кочевья по границамъ *Сунит'*скаго аймака и выдать хлѣба, взявъ его изъ магазиновъ города *Хѳхѳу хото*.

Засимъ *Галданъ* дошелъ до рѣки *Кэрулэна*, — кочевьевъ *Сэцэнъ* хана. Въ ту пору *Норбо* и старшій сынъ его *Имдэнъ рабтанъ* одинъ за другимъ умерли. Такъ какъ внукъ его (т. е. *Норбо*) *Умѳхэй* былъ малолѣтенъ, то тайчжи *Намчжилъ* и другіе, взявъ вѣбитанъ его (т. е. семью его данниковъ) всего свыше 100,000, пришелъ въ подданство. Высочайшимъ приказомъ посадили ихъ на кочевье, присоединивъ къ границамъ *Учжумуцинъ*'скаго аймака и *Умѳхэй*'ю передали по преемству тотъ-же ханскій титулъ. Вслѣдъ за симъ изъ палаты виѣшнихъ сношеній было сдѣлано представленіе о томъ, что людей, пришедшихъ въ подданство, мало по малу сдѣлалось много и что должно *Намчжилъ*'а сдѣлать цзасакомъ и поставить на управленіе. (Высочайшимъ приказомъ повелѣно исполнить).

Когда, по высочайшему повелѣнію, командировавъ *Хорчинъ*'скаго цинь-вана *Шачжина* и другихъ, послали ихъ для объясненія законовъ и постановленій срединнаго государства, то при этомъ дарованъ былъ высочайшій указъ такого содержанія:

„Вслѣдствіе того, что вы подверглись нападеніямъ *Олотовъ*, я сжалился и принялъ васъ. Теперь, какъ посмотрю я, такъ у васъ вовсе нѣтъ законовъ, которыми вы могли бы строго управлять низшими людьми. По всей вѣроятности (у васъ) бываютъ грабежи, споры и разбой; а нѣтъ

этого, такъ очень много разбрѣдшихся по кочевьямъ. И такъ я, намѣреваясь, чтобы каждый изъ васъ въ отдѣльности старательно сохранялъ бы правила общежитія, даровалъ высочайшій наказъ; учредилъ цзасаковъ, увеличивъ число ихъ; ввелъ управленіе, раздѣливъ (народъ) на хошунъ и части; и уничтожилъ воровство и несправедливости, наказывая (за нихъ) смертною казнью. Если вы по истинѣ послѣдовали (мнѣ), то не будете начинать воровства и браней, не дѣлать страданій и смуть. И когда это дѣйствительно будетъ, вы можете присоединиться къ моимъ конечнымъ пожеланіямъ: развитіе подчинившихся мнѣ теперь людей заботиться о физическомъ довольствѣ всѣхъ одушевленныхъ.

Послѣ того какъ *Галданъ*, собравъ 30-ть тысячъ воиновъ *Халху*, дошелъ до *Ханай*скихъ горъ, народъ аймака западной стороны (т. е. Цзасакту хановскаго) бежалъ и младшій братъ *Шара*я — *Цзэанъ-чжабъ* вмѣстѣ со своимъ *Сэрэнъ-ахай*емъ и прочими пришелъ къ *Галдану*. По высочайшему повелѣнію ихъ посадили на кочевье, присоединивъ къ границамъ *Урат*'скаго аймака.

Въ томъ же году, когда *Галданъ* разграблялъ *Халху*, пришелъ поддаться, взявъ своихъ родовыхъ людей и *Шамба*. Высочайшимъ повелѣніемъ имъ приказано было кочевать по границамъ *Урат*'скаго аймака.

28-е лѣто, годъ желтоватой змѣи (1689). Командировавъ придворнаго вельможу *Пяну* въ тушѣту хановскій аймакъ, приказали раздать по частямъ.

Придворнымъ вельможамъ было дано высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

„Какъ послушаю я, — люди тушѣту хановскаго аймака сильно изнуряются, удручаемы голодомъ и смертность у нихъ, говорятъ, также имѣется. Поэтому я очень сожалею о нихъ. Хотя *Пяну* и купилъ (для нихъ) скотъ, но онъ идетъ у нихъ на нужды настоящаго дня. Взявъ хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ *Балгана*, поскорѣ доставьте его на вьючныхъ и раздайте по частямъ. Такъ какъ при

раздатъ (хлѣба) на одинъ мѣсяцъ возможно будетъ замѣнить (имъ) скотъ, то является возможность доставить облегченіе многимъ¹⁾.

За снѣ въ томъ-же году было даровано такое высочайшее повелѣніе:

„Мэргэнъ ноянь *Гурушики* съ самаго начала (сношеній) былъ старымъ халхаскимъ цзасакомъ. Прошло много лѣтъ, какъ онъ приносить дань; въ настоящее время вслѣдствіе того, что люди его аймака подверглись смутамъ, онъ, собравъ народъ, пришелъ поддаться. Какъ посмотрѣть (на все это), такъ онъ дѣйствительно не порочить своего титула „Мэргэнъ ноянь“. Я съ величайшею радостью выражаю ему похвалу. Изъ нояньовъ произведя его въ чжинуны, опредѣлите его мѣсто непосредственно вслѣдъ за тремя ханами.

29-е лѣто (1690). По высочайшему приказу, произведя разслѣдованіе о семействахъ бѣдныхъ данниковъ тушѣту хановскаго аймака, послали ихъ въ *Каманъ* для снисканія пропитанія¹⁾.

Въ томъ-же году выбравъ солдатъ сэцэнъ - хановскаго аймака, отправили ихъ въ мѣстность рѣки *Толи* и поручили (имъ). сопровождая президента *Араная*, помогать въ развѣдкахъ о *Галданѣ*.

30-е лѣто, годъ бѣловатой овцы (1691). Весна. Послѣ того какъ пришелъ для принятія подданства ханъ *Чихунъ - дорчжи*, а вслѣдъ за нимъ пришли Сэцэнъ ханъ *Умухэй* и сынъ Цзасаку хана *Цэнгуна* — *Цэанъ чжабъ*, всѣ халхаскіе аймаки сполна пришли въ подданство. (Императоръ) полагалъ, что необходимо смѣнить и установить заново цѣликомъ всѣ правила, по которымъ производились въ чины (ихъ правители) и постановлялись (у нихъ) чиновники, и что помимо того нужно еще преподать (имъ, монголамъ) уголовные законы и постановленія и внушить о'долженствующемъ быть соблюденіи (этихъ законовъ), такъ какъ нѣсколько десятковъ тысячъ (семей) жили смѣшанно между собою. Чтобы доставить имъ возможность вести себя согласно обрядамъ, по которымъ происходятъ сеймовныя собранія въ *Долонъ*

---

¹⁾ Стоящій въ текстѣ глаголъ *ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ* соответствуетъ манчжурскому выраженію *ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*

нуръ, (императоръ) при отправленіи своемъ, издалъ высочайшее повелѣніе палатѣ внѣшнихъ сношеній и приказалъ, чтобы *Чихунъ дорчжі*’я съ товарищами и въ сопровожденіи цзасаковъ 49-ти хошунъ собрали тамъ (въ Долонъ нуръ) нѣсколько раньше и заставили ихъ дожидаться. Президентъ *Мачи*, во исполненіе указа, отправившись для переговоровъ объ обрядахъ, установилъ правила, по которымъ производятся награды, и порядокъ сидѣть въ девять рядовъ измѣнилъ въ семирядный, а *Чихунъ дорчжі*’я поставилъ по порядку во главѣ. Въ 1-й лѣтней лунѣ императоръ прибылъ въ *Долонъ нуръ*. Послѣ сего въ 5-й лунѣ того-же (года), втораго числа впервые домогаясь благодѣяній *Шэнъ-изу ѵрѹшіпълтѹ хуанді*’я, *Чжэбизундамба* хутухту представилъ на высочайшую аудіенцію каждаго по одиночѣ (всего) тридцать пять человѣкъ изъ халхаскихъ хановъ, чжинуновъ, нояновъ и тайчжіевъ. Тогда Императоръ низпослалъ такую рѣчь: „Всѣ вы братья, но подвергнувшись междоусобицѣмъ притѣсненіямъ, грабежамъ и раздорамъ и будучи угнетаемы, многіе аймаки довели себя до разсѣянія и разъединенія. При такихъ обстоятельствахъ, если бы многочисленные цзасаки 49-ти хошунъ забрали ваши общества, ваши халхасы давно уже перестали бы существовать. Въ силу того однако, что мое сердце склонно оживотворять рожденныхъ, я не могъ выносить, видя ваши раздоры и погибель: давши вамъ землю и упорядочивъ, посадилъ (я васъ) и пропитывалъ. Искони вѣку никто не поступалъ такъ помогая и такъ гуманно способствуя успѣхамъ, какъ я! Такимъ образомъ я, прибывъ лично, удостоилъ (васъ) милостей, вразумляя, наставляя и вмѣстѣ съ тѣмъ награждая васъ. Когда, выѣхавши на сеймъ, посмотрѣлъ я, — ваши признательныя намѣренія совершенно истинны и потому, доставляя (вамъ) особенную милость, я поставляю васъ въ положеніе 49-ти хошунъ. Поймите вы мое сердце, одинаково благосклонно взирающее безъ различія на внутреннихъ и внѣшнихъ“.

Вслѣдъ за симъ, согласно высочайшему повелѣнію *Чжэбизундамба* хутухту возвели въ достоинство великаго ламы и дали ему въ управленіе желтую вѣру; а тридцать пять человѣкъ, которыхъ представилъ онъ въ этотъ разъ на аудіенцію, подѣляли ванами, бэйлэми

и тайчжіями, смѣнивъ старыя титулы (ихъ) — чжинуна и ноюна. Въ частности при возведеніи въ степени достоинства были пожалованы:

Чихунъ-дорчжи — тушѣту ханомъ; изъ среды его родственниковъ: *Гурушики* и *Галданъ-дорчжи* — цзасака, тѹрѹйнъ хэцзюнь ванами; *Шидашири* — цзасака, тѹрѹйнъ бэйлэ'мъ; *Шибтуй-хатанъ-ба туръ* — улусъ тур тусалакчи гун'омъ; *Цамиукъ-намчжилъ*, *Баранъ*, *Банизуръ-дорчжи*, и *Цэрэнъ* — цзасака, тайчжіями 1-й степени; ихъ подчинили въ управленіе тушѣту хану *Чихунъ-дорчжи*. Всѣхъ цзасаковъ и хошуновъ учредили девять, а вполсѣдствіи одиннадцать цзасаковъ и хошуновъ прибавили.

Умухэй'я пожаловали сэцэнъ ханомъ; изъ среды его родственниковъ: *Намчжил'а* — цзасака, тѹрѹйнъ хэцзюнь ваномъ; *Цэбдэн'а* — цзасака, тѹрѹйнъ бэйлэ'мъ; *Пуницук'а*, *Бода-чжаб'а*, *Тарн'я*, *Цэбдэн'а* и *Ананду* — цзасака хошуну-бэйсэ'ми; *Цэрэнъ-даши'я*, *Гуру-чжаб'а*, *Сэрэнъ-даши'я* и *Арабтан'я* — цзасака, тайчжіями 1-й степени; ихъ подчинили въ управленіе сэцэнъ хану *Умухэй'ю*. Всѣхъ цзасаковъ и хошуновъ постановили двѣнадцать, а вполсѣдствіи одиннадцать хошуновъ прибавили.

Цэванъ-чжаб'а пожаловали цзасака, хошой цинь-ваномъ; изъ родственниковъ его: *Пунсукъ-рабтан'а* — цзасака, тѹрѹйнъ хэцзюнь ваномъ; *Цэотба'я* — цзасака, тѹрѹйнъ бэйлэ'мъ; *Бубэй'я* — цзасака, хошуну бэйсэ'мъ; *Кишик'а* — улусъ-туръ тусалакчи гун'омъ; *Сономъ-чжиб'а*, *Кукчин'а* *Эрдэни-омбо* и *Нурчин'а* — цзасака, тайчжіями 1-й степени; ихъ отдали въ управленіе цинь вану *Цэванъ-чжаб'у*. Въ виду того, что (этотъ, *Цэванъ-чжаб'у*) подлежащій аймакъ подвергся опустошенію, будучи разоряемъ влѣдствіе военныхъ дѣйствій, по высочайшему повелѣнію, его защитили, умиротворили и успокоили. Всего постановили восемь цзасаковъ и хошуновъ, а вполсѣдствіи прибавили вмѣстѣ съ однимъ хойтскимъ цзасакомъ (всего) одиннадцать цзасаковъ и хошуновъ. — Въ 40-мъ году (правленія Энхэ амугулан'а) *Цэванъ-чжаб'а* повысили и возвели въ достоинство Цзасаку хан'а.

Шамбу и *Гомбо* пожаловали цзасака, тѹрѹйнъ хэцзюнь ванами; *Тодо-эрдэни'я*, *Судэй'я* и *Имьдэн'а* — цзасака, тѹшѣ гун'ами; *Аюши*,

Тоба и *Данизинь-эрдэни* я — цзасаки, тайчжіяи 1-й степени; ихъ отдали въ управленіе Тушѣту хану. Всего постановили семь цзасаковъ и хошуновъ, а въ послѣдствіи съ двумя хошунами ѳлѳтскихъ бэйсэ, всего прибавили семьнадцать цзасаковъ и хошуновъ. Въ 3-мъ году правленія *Найралту тѳб* а (1725) цинь вана *Дини-дондоб* а сопричислили титулу „сайнъ ноина“ и, поручивъ его завѣдыванію цзасаковъ его рода, обосновали отдѣльный аймакъ и сдѣлали его не подчиненнымъ Тушѣту хану.

Изъ числа всѣхъ тридцати пяти человѣкъ, посящихъ высшія достоинства, въ Халхѣ постановили тридцать четыре цзасака и, сформировавъ въ роты подчиненныхъ людей каждаго (изъ этихъ цзасаковъ), дали (еще каждому изъ цзасаковъ) слугъ для отбыванія натуральныхъ повинностей. Многочисленныхъ тайчжіевъ, принадлежавшихъ къ ихъ роду, наградили, возведя въ степени, владѣтельныхъ и невластѣльныхъ вановъ, бэйлэ, бэйсэ, гуновъ, цзасаковъ первой, а равно второй, третьей и четвертой степеней тайчжи; каждому изъ нихъ пожаловали (при томъ) и слугъ для отбыванія натуральныхъ повинностей. Въ настоящее время въ Халхѣ, вмѣстѣ съ Хойтскими и ѳлѳтскими тремя хошунами, образовалось всего 86 хошуновъ. Такъ какъ о родахъ, поколѣніяхъ и заслугахъ ихъ можно знать изъ составленной по высочайшему повелѣнію, *Илѣтхэлъ* шастры, то я не писалъ здѣсь многого и сокращенно писалъ только въ порядкѣ годовъ о томъ, въ какомъ году преобладали нояны шести хошуновъ: Тушѣту хана, Амбанъ бэйсэ, Уйцзанъ-вана, Хошой-цинъ-вана, а также своихъ: Мэргэнъ-вана и Далай-тушѣ-гуна. Если кто изъ другихъ нояновъ пожелаетъ писать такимъ-же образомъ, можетъ писать также точно по порядку годовъ.

30-е лѣто того же (правленія) Энхэ амугулан'а (1691) *Чжэб-цзун-дамба* гэгэнъ изъ *Долонъ-нур* а отправился въ Пекинъ и въ монастырь *Шаря* совершилъ освященіе золотаго ганьчжура и бур-хана *Шигэмуни*, воздвигнутаго прежде при тайцзу *Гао-цзунъ*.

31-е лѣто, годъ черной обезьяны (1692). Тушѣту хановскій аймакъ постановили сѣвѣрною халхаскою дорогою, сэцэнъ хановскій

аймакъ — восточною халхаскою дорогою. а цзасакту хановскій аймакъ — западною халхаскою дорогою.

Въ томъ же году гэгэнъ отправился въ *Жэ-хо*.

32-е лѣто, годъ черноватой курицы (1693). По случаю болѣзни императора, *Чжэбизун-дамба*, отправившись въ *Пекинъ*, читалъ туй-тукчинъ *Дара эхэ* и заставилъ болѣзнь утихнуть.

Въ томъ же году *Лидара* постановили цзасакомъ и тайчжіемъ 1-й степени.

Что касается (происхожденія и исторіи этого) *Лидара*, (то они таковы):

Младшій братъ *Абатай-сайнъ-хана* былъ *Абуху-мэргэн-ноянъ*. Сынъ его — *Рахули-далай-ноянъ*. Отъ *Рахули* родилось пять сыновей: старшій *Бунтаръ*, второй *Бумбаиши*, третій *Сайн-гариза-далай-дайчинъ*, четвертый *Цзамсу* и пятый *Эринчинъ*. Въ 10-е лѣто правленія *Эйъ-бэр* цзасакчи (1653) *Бунтаръ*, *Бумбаиши*, *Цзамсу* и *Эринчинъ* вошли въ подданство и указано имъ было мѣсто для кочевья за *Каманомъ*. Они находятся при *Уланъ цаб'свожъ* сеймѣ и суть халхаскіе дарханъ бэйлэ. — *Данизи-дилай дайчинъ*, именуемый *Сайн-гариза*, оставшись, жилъ въ Хангаѣ. Сынъ его *Норбо* именовался по прозвищу *Эрхэ-ахай*, онъ именпо и есть отецъ *Лидара*. Въ 27-е лѣто (правленія) *Энхэ амугулана* (1688 г.) онъ (*Норбо*), взявши своихъ данниковъ, пришелъ поддаться и такъ какъ халхаскій *Цинь-ванъ Ноной* былъ сыномъ *Бунтара*, то (*Норбо*) просилъ посадить его на кочевье въ одной мѣстности. Въ 28-е лѣто правленія сдѣлали его цзасакомъ и, поручивъ *Ноною*, преподали ему законы и правила срединной имперіи. Въ 29-е лѣто, когда послали его сопровождать генерала¹⁾ *Унъ-да* для развѣдокъ о *Гамданъ*, *Норбо* умышленно пустилъ на волю тысячу слишкомъ человекъ своихъ данниковъ и допустилъ ихъ угнать лошадей съ почтовыхъ станцій. Императоръ, снисходя къ его неразумію, не рѣ-

---

¹⁾ Стоящій здѣсь въ текстѣ титулъ «дэдъ сайтъ» соответствуетъ маньчжурскому «асхани амбанъ», что значитъ собственно должность члена совѣта министерства.

нился его обвинить (достойнымъ казни) и, командировавъ *Чагар*'скія войска, приказалъ распредѣлить ихъ между (войсками Норбо), подчинивъ (последнія ихъ) завѣдыванію. Въ 31-е лѣто, когда императоръ, отправившись въ *Долонъ-нуръ*, жаловалъ важныя достоинства халхасамъ, *Норбо*, вслѣдствіе того что былъ виновнымъ, не былъ возведенъ въ степень. Въ 32-е лѣто, послѣ того какъ *Норбо* умеръ, *Лидаръ*, принявъ на себя вину, пришелъ представиться императору и тогда, сдѣлавъ его цзасакъ тайчжіемъ 1-й степени, пожаловали ему печать, которая была приготовлена еще прежде. Вскорѣ онъ умеръ и старшаго сына его *Ваниуки* возвели преемственно цзасакъ, тайчжіемъ 1-й степени. Въ 6-е лѣто правленія Найрамту туб'а, такъ какъ онъ (Ванцукъ) сдѣлался боленъ, то въ томъ-же году возвели преемственно цзасакъ тайчжіемъ 1-й степени втораго сына его *Даша бала*. Въ 19-е лѣто (правленія) Тэнгріинъ тэтхухсэн'а его возвели въ степень улусъ-туръ тусалакчи гуна; въ 21-е лѣто, повысивши, возвели въ степень хошуну бэйсэ и пожаловали заурядъ Бэйлэ'мъ. Вслѣдъ за тѣмъ, повысивши, возвели въ степень заурядъ Хэцзюнь-вана. Въ 42-е лѣто онъ умеръ. Четвертаго сына его *Дань-цзинъ-рамбала* возвели преемственно въ званіе хошуну бэйсэ въ 43-е лѣто (правленія), а въ 46-е утвердили преемство (этого званія) въ поколѣніяхъ его непрерывно. Въ 57-е лѣто за то, что допустилъ онъ прикрыть дѣло объ убійствѣ человека, его понизили и сдѣлали улус-унъ тушъ гуномъ, а вскорѣ послѣ сего онъ скончался. Въ 58-е лѣто старшаго сына его *Сономъ ваниука* возвели преемственно въ званіе—улус-унъ тушъ гуна. Въ 18-е лѣто правленія Туру гэрэлтү по болѣзни его отставили и въ томъ-же году званіе—цзасакъ улус-унъ тушъ гуна передали преемственно третьему сыну его *Балданъ-дорцжи*. Объ этомъ я и написалъ здѣсь вкратцѣ.

33-е лѣто того же (правленія) Энхэ амугулан'а, годъ синей собаки (1694). *Чжэбизун-дамба* отправился въ *Жэ-хо*.

Пробитые (попортившіеся) при прежнихъ смутахъ (кумпы), главнѣйшими изъ которыхъ были *Табунъ ицагурту* и восемь субургановъ, онъ поновилъ снова и совершилъ (надъ ними) освященіе.

34-е лѣто, годъ синеватой свиньи (1695). *Чжэбизун-дамба*

вмѣстѣ съ халхасами изъ урочища *Ару элэсѣтѣй*, находящагося въ предѣлахъ *Сунит'*скихъ, пришелъ на сѣверъ.

Въ томъ же году *Чжэбизун-дамба* отправился въ *Жэ-хо*.

35-е лѣто, годъ красной мыши (1696). Въ первой лѣтней лунѣ богдоханское величество отправился, чтобы повоювать *Галдана*. Въ средней лѣтней лунѣ великое войско, разбивъ *Галдана* въ мѣстности *Цзу модо* при рѣкѣ *Толъ*, совершило подвиги и (императоръ) возвратился назадъ.

Въ томъ же году *Чжэбизун-дамба* отправился въ *Жэ-хо*.

Въ томъ же году цзасака *Цамцукъ-намчжиа* возвели въ званіе улусъ-тур тусалакчи гуна.

36-е лѣто (правленія) годъ красноватой коровы (1697). Когда императоръ отправился въ *Салу*, то во время возвращенія своего вызвалъ *Чжэбизун-дамбу* и отъ рѣки Бургасутая, за *Калганомъ*, они поѣхали вмѣстѣ.

Въ томъ же году въ зимней лунѣ хэцзюнь-вана *Дондобъ-дорчжи* сочетали бракомъ съ царевной *Тѹлѣнь хичѣньгѣй* и сдѣлали его хошой эфу.

Въ томъ же году Ойратскій *Галданъ*, прозываемый *Бошокту*, бѣжалъ и умеръ, а халхаскіе три хапа, вапы, бэйлэ, бэйсэ и тайчжи возвратились въ свои собственныя кочевья, гдѣ каждый изъ нихъ жилъ. Возстановивъ свои старые порядки, они собрались на сеймѣ. Когда устроили пиръ и игры, *Пуниукъ тонаръ* приготовилъ свою единственную лошадь и пустилъ ее въ бѣгъ, вмѣстѣ со многими лошадьми; а когда она опередила, то *Дарханъ-цинъ-ванъ*, восхваляя ее, составилъ стихи, извѣстные подъ заглавіемъ „Түмэнү эхи“. На пиру играли на музыкальныхъ инструментахъ и устраивали забавы.

Въ томъ же году *Чжэбизун-дамба* отправился въ *Жэ-хо*.

37-е лѣто, годъ желтаго барса (1698). 1-го числа 1-й луны Императоръ и *Чжэбизун-дамба*, совершивъ поклоненіе *Цзанданъ цзу*, сидѣли на одномъ сѣдалищѣ; отсюда они вмѣстѣ отправились въ *У-тай-шань*.

38-е лѣто, годъ желтоватаго зайца (1699). Будучи принужденъ встрѣтить новый годъ въ *Пекинѣ* (*Чжэбизун-дамба*) по случаю

смерти Вачирай-бату-тушѣту-хана *Чихунъ-дорджи* и *Цэвинъ-дорджи* предпринялъ поѣзду назадъ (въ Халху) для совершенія поминокъ.

Въ томъ же году, осенью, онъ отправился въ *Жэ-хо*.

Тою же зимою отправился въ *Пекинъ*.

39-е лѣто, годъ бѣлаго дракона (1700). Разсказываютъ, будто императоръ *Энхэ амугуланъ* троекратно говорилъ Далай ламѣ, что онъ не видалъ духовной особы выше *Чжэбизун-дамба-ламы*.

Въ томъ же году *Дондобъ-дорджи* эфу наслѣдовалъ по преемству хэцзюнь ванское достоинство отца своего *Галданъ дорджи*'я. (За сямъ) повысивши, возвели его въ званіе Цинь-вана и доставили ему въ преемство тушѣту-ханство.

40-е лѣто, годъ бѣловатой змѣи (1701) *Чжэбизун-дамба*, обновивъ *Эрдэни-цзу*, въ послѣдней зимней лунѣ отправился въ *Пекинъ*.

41-е лѣто, (1702). Второму сыну *Чихунъ дорджи* хана *Дорджи-эрдэни-ахай*'ю доставили въ преемство тушѣту ханство; а *Дондобъ дорджи*'я, исключивъ изъ Тушѣту-хановъ, заставили наслѣдовать его родовое званіе хэцзюнь-вана.

45-е лѣто, годъ красной собаки (1706). *Чжэбизун-дамба* въ жѣстности, называемой *Цэцэрликинъ эрдэни тологой* осповаль кумирню *Дара-эхэ* и главный храмъ *эруанчинъ-ганданъ-шат-дуб-линъ*.

Въ томъ же году скончался младшій братъ *Чжэбизун-дамба* гэгэна, — Цзасакъ, туруйнъ бэйлэ *Шидашири*.

Въ томъ же году второго сына его *Дамьзинъ-дорджи*'я возвели по преемству въ достоинство цзасакъ, туруйнъ бэйлэ.

49-е лѣто, годъ бѣлаго барса (1710). *Цзамьянъ-шатбайнъ гэнэ* основалъ монастырь *Дашин-чинъ*.

50-е лѣто, годъ бѣловатаго зайца (1711). Родился императоръ *Тэнригънъ тэтхухсэнъ*.

Основали восточную хурѣ *Шатдубъ-чойнхоръ-линъ*.

Въ томъ же году *Ванчимъ дорджи*'я, старшаго сына тушѣту хана *Дорджи эрдэни ахай*'я возвели по преемству въ званіе тушѣту хана.

53-е лѣто, годъ синей лошади (1714). Случилось обстоятель-

ство, что къ годамъ рожденія *Тэнгрийнъ тэтхулсэи* прибавили три и рѣшили считать отъ года желѣза и зайца.

54-е лѣто, годъ синеватой овцы (1715). Командировавъ къ *Алтаю* аймачные войска халхаскаго *Туиштү хана*, поселили ихъ тамъ для охраны.

56-е лѣто, (1717). Войска тушѣтү хановскаго аймака, слѣдуя за „распространяющимъ величіе“ цзянь-цзюнемъ *Бурду*, были посажены для охраны по (рѣкамъ) *Кунуй* и *Цзабхан*у.

57-е лѣто, годъ желтой собаки (1718). Въ рескриптѣ *Шенъизу үрүшиштү хуанди*, данномъ 14-го числа 5-й луны въ *Хурьнъ*, говорилось: „Беззаконія Чжунгаровъ, по которымъ убили онъ большихъ и малыхъ ламъ западной страны (Тибета), достигли предѣловъ крайности. Нѣтъ никого помимо тебя, кто приносилъ бы пользу современной вѣрѣ; кромѣ то и мнѣ слѣдуетъ напомнить, (что) относиться легко (къ обстоятельствамъ) — не возможно. Поэтому, я послалъ (къ тебѣ этотъ рескриптъ), парочито написавъ собственною рукою и приказавъ перевести по монгольски.

Согласно (этому) высочайшему рескрипту (*Чжэбцзунъ-дамба*), увѣщая и поучая, неоднократно посылалъ пословъ къ *Цеванъ-рабтан*у, (хану) Чжунгарскихъ *Өлөтовъ*, возмущавшихъ вѣру въ Западномъ Цзу.

58-е лѣто, годъ желтоватой свиньи (1719). Войска тушѣтү хановскаго аймака, сопровождая защищающаго западныя страны цзянь-цзюня лѣваго крыла *Пяиу*, возвели стѣны крѣпостей на *Цзакъ* и *Байдарикъ*.

Въ томъ же году *Большой хурьнъ* Чжэбцзунъ-дамбы построили въ *Даланъ дэлъ*.

59-е лѣто, годъ бѣлой мыши (1720). *Большой хурьнъ* построили на *Сэгэръ*.

60-е лѣто, годъ бѣловатой коровы (1721). Согласно прошенію *Чжэбцзунъ-дамба* хутухты, тушѣтү хану *Ванчжилъ дорджи* пожаловали печать съ надписью, гласящею „халхаскій Вачирай бату тушѣтү ханъ“ и высочайшимъ приказомъ поручили ему управлять и разслѣдовать пограничныя дѣла русскія.

61-е лѣто, годъ чернаго барса (1722). *Большой хурънь* построили на *Тамирь*.

Энхэ амугуланъ ханъ скончался.

Отсюда начинаются года правленія *Найралту тѹб'а*

Годъ черноватаго зайца (1723). Сѣлъ на престолъ императоръ *Найралту тѹбъ*.

Большой хурънь изъ *Хангая* построили въ *Чжиргаланту*, а отсѣлъ перенесли въ (урочище) *Ибэнъ*.

Эфу хэцзюнь-вана *Дондобъ-дорчжі'я* возвели въ званіе цинь-вана и, повысивши, сдѣлали улус-унъ-эфу.

Еще цзасагъ, бэйлэ *Даньизинь-дорчжі'я* возвели въ степень хэцзюнь вана; равно улусъ-тур тусалакчи гуна *Цамицукъ-намчжил'а* возвели въ званіе тѹрѹйнь-бэйлэ.

Въ томъ же году дождавшись милости *Шэнъ-цзунъ тулубту-хуанді'я*, пришедшей въ награду изъ столицы 21-го числа 2-й луны *Чжэбцзун-дамба* хутухтѣ, получилъ онъ золотую печать и грамоту на золотомъ листѣ, въ которой назывался онъ „Чжэбцзун-дамба ламою просвѣтителемъ вѣры“.

Чжэбцзун-дамба Лубсанъ-дамба-чжамцанъ въ томъ же году, въ столицѣ, будучи восьмидесяти девяти лѣтъ отъ роду, перемѣнилъ одѣяніе.

Имя 17-го перерожденія *Чжэбцзун-дамба-хутухты Лубсанъ-дамба-донми*. Онъ переродился во второе лѣто правленія *Найралту-туб'а*, въ годъ синяго дракона (1724), въ Халхѣ, отъ княгини *Цаганъ-дара-баярту*, въ домѣ улус-унъ-эфу *Дондобъ-дорчжи*.

Въ томъ же году большой хурънь сначала построили въ урочищѣ *Чжиргаланъ*, а потомъ основали на *Ибэн'ѣ*.

Въ томъ же году, при отозваніи великой арміи, по высочайшему повелѣнію, собрали двѣ тысячи халхаскихъ войскъ и поселили ихъ по Алтаю. Раздѣливши, предоставили управленіе ими вану *Даньизинь-дорчжи*, а равно эфу хэцзюнь-ван'у *Цэрэн'у* и Бэйлэ *Бубэй'ю*, поставивъ (ихъ) помощниками цзянь-цзюней. При этомъ войска тушѣту хановскаго аймака, отдавъ въ завѣдываніе, посадили на кочевье въ *Цаганъ сѹл'ѣ*, а также по *Цаку* и *Байдарику*. Отсюда

получило начало существованіе въ вышепомянутомъ аймакѣ (должности) тусалакчи цзянь-цзюня.

3-е лѣто, (1725). Хошой цинь-вана *Дашин-дондобъ* а, сопричислили титулу дѣда его *Тумэнкина* — „Сайнь-ноянъ“ и, сдѣлавъ его не подчиненнымъ Тушѣту хану, составили особый аймакъ. Съ этихъ поръ, говорятъ, въ Халхѣ (существуетъ) четыре аймака.

Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію, войскамъ *Дангизинь-дорчи* я предоставили право употреблять значки желтаго съ каймою знамени и вслѣдъ за симъ пожаловали наказъ. Войскамъ эфу *Цэрэна* пожаловали въ пользованіе значки простаго желтаго знамени; а войскамъ бэйлэ *Бубэй* я предоставили право употреблять значки простаго бѣлаго знамени. Въ то время *Дангизинь-дорчи* былъ (тусалакчи цзянь-цзюнемъ) тушѣту хановскаго аймака, эфу *Цэрэнгъ* — сайнь-нояновскаго аймака, а бэйлэ *Бубэй* — цзасакту хановскаго аймака. Войскамъ цзянь-цзюня сэцэнъ-хановскаго аймака также точно были пожалованы значки простаго краснаго знамени.

4-е лѣто (1726). Эфу *Цэрэна* командировали изслѣдовать состояніе и положеніе мѣстностей (сайнь-нояновскаго) аймака, прилежащихъ къ *Алтаю*, а равно и земель пограничныхъ съ Чжунгарами.

5-е лѣто, годъ красноватой овцы (1727). Высочайшимъ указомъ повелѣвалось, чтобы, ради прекращенія взаимной торговли, не пропускать русскихъ за границу рѣки *Чикой*.

Въ томъ же году эфу *Цэрэнгъ* вмѣстѣ съ китайскимъ сановникомъ *Бэсынэ*, отправившись на р. *Чикой*, ходили вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ *Савою* для постановки камней и составленія карты.

5-е лѣто, годъ красноватой овцы (1727). Согласно высочайшему повелѣнію, командировавъ амбана въ урочище, называемое *Ибэнгъ* и пославъ сто тысячъ ланъ серебра изъ государственнаго казначейства, опредѣлили построить большую обитель на мѣстѣ монастыря, гдѣ первоначально жилъ Чжэбцун-дамба и, собравши хувариковъ, установили религіозные диспуты и совершеніе молебствій согласно обычаямъ, находящимся въ западной странѣ (Тибетѣ) Далай ламы и Баньчэнь-эрдэни.

Въ томъ же году Тушѣту хана *Ванчжилъ дорджи* постановили начальникомъ сейма.

Существованіе начальниковъ сейма въ этомъ аймакѣ началось съ этого времени.

6-е лѣто, годъ желтой обезьяны (1728). *Чжэбизун дамба* принялъ въ Халхѣ отъ Донхоръ-хутухту *Наванъ-лубсан*'а обѣты генин'а.

Въ томъ же году *Цэбдэнъ Банцзур*'а постановили преименуемо Сэцэнъ ханомъ и пожаловали ему печать съ надписью: „Хатунъ - сэцэнъ ханъ“.

7-е лѣто, годъ желтоватой курицы (1729). Всѣ халхасы, призвавъ *Чжэбизун-дамба-хутухту* въ Хурънь, посадили его на каедръ и принесли почести.

Въ томъ же году *Болшой Хурънь*, построивши въ *Хучжирту булукъ*, или въ *Арилинту*, построили за симъ на *Бургултаъ*.

8-е лѣто, годъ бѣлой собаки (1730). Такъ какъ существуетъ сказаніе, что при покореніи великою арміею западныхъ границъ, осмотрѣвъ мѣстность по р. *Хобдо* построили здѣсь крѣпость и посадили въ ней охранный гарнизонъ и (съ другой стороны) такъ какъ именно въ этомъ году повелѣно было употреблять необходимое при производствѣ утрамбовки хобдоской крѣпости желѣзо, привозя его изъ Халхи, то (надо полагать, что) Хобдоскую крѣпость основали въ этомъ году.

Въ томъ же году тусалакчи цзянь-цзюня и цзасака, хэцзюнь-вана *Даньизинъ-дорджи* повысили и возвели въ достоинство хошой цинъ-вана. Вслѣдъ за симъ сына его *Дорджи-Сэбтэн*'а возвели въ званіе хошуну бэйсэ.

9-е лѣто годъ бѣловатой свиньи (1731). „Распространяющій величіе“ цзянь-цзюнь *Бурданъ*, взявъ войска, поселился въ *Хобдо*.

Эфу хэцзюнь ванъ *Цэрен*'а сдѣлали халхаскимъ великимъ цзасакомъ, а вслѣдъ за симъ ему пожаловали титулъ „отличнаго богатыря“.

Въ томъ же году возвели *Тамирскую крѣпость* и, построивъ дома и юрты, посадили (въ ней) *Цэрэна*.

Тою же зимою сдѣлали его улусъ-унъ-эфу.

Въ томъ же году *Даньизинь-дорчжи*'я командировали вслѣдъ за Эбтэй цинь-ваномъ *Шибу* для охраны мѣстъ *Цаганъ сѹмъ*'скихъ и образовали *хобдо*'скій вспомогательный, охранный отрядъ.

Въ томъ же году, когда мятежный предводитель Чжунгаровъ, сотоварищъ бывшаго *Галдана - Бошокту*, предпринялъ намѣреніе ограбить Халху, цинь-ванъ *Даньизинь-дорчжи* вмѣстѣ съ эфу *Цэрэнмэ* въ послѣднемъ зимнемъ мѣсяцѣ стянули войска въ *Цаганъ сѹлю* и оттуда пошли войною на *Чжунгаръ*. Въ ту пору предводитель мятежниковъ *Большой Цэрэнъ-дондобъ*, командировавъ низшихъ себя даругъ *Хайлунъ*'а, *Манчжи* и другихъ, приказалъ имъ захватить тайкомъ алтайскую дорогу и, раздѣливъ мѣста по *Кэрулэну* и *Урхай-хара-усу*, разграбить (ихъ); самъ же онъ, взявши двадцать слишкомъ тысячъ войска, отправился на соединеніе изъ урочища *Сухэ алдаху*. Халхаскій цзянь-цзюнь ванъ *Даньизинь-дорчжи* пошелъ усиленнымъ маршемъ для сраженія и, дошедши до *Удэнъ цѹмъ*, поручилъ тайчжи *Бахай*'ю 600 человекъ воиновъ. Затѣмъ ночью вступивъ въ лагерь инсургентовъ, убилъ предводителя мятежниковъ *Гунцукъ-чжабъ-хара-бѣтура*; остальные мятежники пришли въ смятеніе и *Большой Цэрэнъ-дондобъ* равно какъ *Хайлунъ Манчжи* бѣжали.—

Въ томъ же году хошой цинь-вану *Даньизинь-дорчжию* пожаловали въ награду десять тысячъ ланъ серебра.

10-е лѣто, годъ черной мыши (1732). *Дундукъ-дорчжи*'я, второго сына тушѣту хана *Ванчжилъ-дорчжи*'я, возвели преимущественно въ званіе тушѣту хана.

Большой Хуртъ построили на *Соноръ*.

Такъ какъ возникли измѣны и безпокойства, то *Чжэбизун-дамба-хутухтѣ* приказали переселиться въ *Долонъ нуръ*.

Лѣтомъ того же года предводительствующій мятежники *Малый Цэрэнъ дондобъ* снова собралъ тридцать тысячъ мятежниковъ и, выступивъ съ южной стороны *Цаганъ-Сѹля*, ограбилъ мѣстности по горамъ хангайскимъ, (а равно) намѣревался разграбить владѣнія *Чжэбизун-дамба хутухты*. *Даньизинь дорчжи* и эфу *Цэрэнъ*, полагали, что разъ преградили они дорогу и разбили непріятеля при *Кэрсэнъ чилу*; но (мятежники) собрали войска и направились къ *Эрдэни цзу*.

Провѣдавъ, что непріятель обращенъ въ бѣгство, они сильно поразили бѣгущихъ. Въ этотъ приходъ мятежниковъ къ *Эрдэни цзу* кумирь *Гомбо-чуру*, стоящій передъ (статуею) *Цзу*, согнулся и высунулся, а когда каменные львы начали издавать рычаніе, то многочисленные мятежники оттого обратились въ бѣгство и, бросаясь въ рѣку *Орхонъ*, находящуюся у *Эрдэни Цзу*, погибали въ ней; это и есть обстоятельство, по которому рѣка *Орхонъ* называется *Тушъ-цунмъ*.

Въ томъ же году цинь вана *Даньцинъ-дорчжі* я пожаловали титуломъ „мэргэнъ батур'а и поясомъ красновато-желтаго цвѣта; а вслѣдъ за симъ его поставили начальникомъ сейма.

Въ томъ же году повелѣно было ему, сопровождая „устроющаго пограничныхъ“ цзянь-цзюня западной стороны *тубшинъ*, хэцзюнь вана *Бубина*, помогать въ рѣшеніи дѣлъ монгольскихъ.

Въ 1-й зимней лунѣ того же года особливимъ высочайшимъ указомъ сына его (т. е. Даньцинъ дорчжіева) бэйсэ *Дорчжи-Сэбтэна* пожаловали въ достоинство *Ши-цзы*. По установленнымъ законамъ въ „ши-цзы“ возводились только сыновья родовыхъ (императорскихъ) цинь-вановъ; существованіе же ши-цзы у постороннихъ вановъ началось съ *Дорчжи Сэбтэн'а*. Это по истинѣ дѣстойная удивленія милость!

Въ томъ же году хшой цинь-вана *Даньизинъ-дорчжи*, вмѣстѣ съ сыномъ его *Дорчжи-сэбтэн'омъ* ши-цзы, разжаловали и *Даньизинъ-дорчжі* я сдѣлали хэцзюнь-ваномъ“.

Цзасакъ, тўрўинъ бэйлэ *Цамицукъ намжила*, такъ какъ онъ умеръ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ догонку возвели въ званіе тўрўинъ хэцзюнь ван'а.

Въ томъ же году старшаго сына его *Цэнгунъ чжаб'а* возвели въ званіе цзасакъ тўрўинъ бэйлэ.

11-е лѣто, годъ черноватой коровы (1733). Послѣ того какъ „устроющій пограничныхъ“ великій цзянь-цзюнь *тубшинъ*, хэцзюнь ванъ *Бубинъ*, собравъ великую армію, поселился въ *Улясутанъ*, эфу *Цэрэна* отправили въ *Хобдо* и поручили ему имѣть при себѣ печать „устроющаго пограничныхъ тусалакчи цзянь-цзюня западной стороны“.

Въ томъ же году *Большой Хуртъ* построили на *Тэрэлъжж*.

Лама *Донхоръ-манъчжуири* на южной сторонѣ *Ханъ улы* началъ постройку храма тибетской архитектуры величиною въ 80 чжанъ.

Въ томъ же одиннадцатомъ году, когда сэцэнъ-ханъ *Цойчжабъ*, получивъ по преемству званіе, представилъ всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою, не будетъ ли (ему) положено жалованье, дана была резолюція такого содержанія: „То, что тремъ халхаскимъ ханамъ прежде не было положено содержаніе (имѣло въ своемъ основаніи) убѣжденіе, что, живя по ихъ собственнымъ, отдѣльнымъ, старымъ монгольскимъ порядкамъ, они сами собою усмотрятъ (его) отъ многочисленныхъ цзасаковъ. Нынѣ вслѣдствіе того, что *Цойчжабъ* представилъ просьбу о дарованіи (ему) жалованья, — дать ему содержаніе цинь-вана и ежегодно награждать прибавкою въ 2500 ланъ. Отправивъ бумагу къ тушѣту хану и цзасаку хану спросить также (и ихъ), если они пожелаютъ получить содержаніе, поступить съ ними также точно.

Въ томъ же году Тушѣту хану *Дундукъ дорчжи* пожаловали цинь-ванское содержаніе, а равно серебро и шелковыя ткани.

12-е лѣто, годъ синяго барса (1734). Въ средней весенней лунѣ, основываясь на томъ, что разстояніе *Улясутайской* мѣстности отъ *Хобдо* дальнее, постановленія относительно выступленія въ походъ сполна поручили эфу *Цэрэну* и дали ему власть рѣшать все дѣла.

Въ средней лѣтней лунѣ его вызвали въ столицу и приказали участвовать въ совѣщаніяхъ относительно военныхъ дѣлъ.

Въ 1-й осенней лунѣ, стянувъ хобдоскія войска, похѣстили ихъ для охраны въ *Цаганъ сѣлѣ*.

13-е лѣто, годъ синеватаго зайца (1735). Съ *Олотами* установили границы: отъ *Хамчикъ ханъ тэнри* держась по *Алтайскому хребту*, спускаясь внизъ по перевалу *Солби* и пересѣкая многочисленныя рѣчки между *Хабтакъ Байтак'омъ*; — отъ *Лобъ-нора* (границу) провели до *Хасъ амсаръ*; засимъ мѣстность отъ *Хосунъ-тохай'я* до *Баруцака* сплошь сдѣлали свободнымъ (нейтральнымъ) пространствомъ.

Въ томъ же году при отозваніи великой арміи войска тушѣту хановскаго аймака посадили для охраны по *Орхону* и въ *Улясутанѣ*.

Въ томъ же году *Большой Хуртъ* построили на *Улясутаѣ*.

ПОЯСНЕНІЯ.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТОЯНІЕ ХАЛХИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVI И НАЧАЛЬНЫХЪ ГОДАХЪ XVII В.

Извѣстно, что Сананъ сэцэнъ хунъ тайчжи, оставившій намъ свое лѣтописное сказаніе о поколѣніяхъ монгольскихъ хановъ, довелъ его до 1651 года и такимъ образомъ настоящая лѣтопись, по-видимому, должна была бы являться прямымъ продолженіемъ историческихъ разсказовъ о монголахъ ордосскаго лѣтописца. Но это было бы такъ, если бы Сананъ сэцэнъ, составляя свою лѣтопись, излагалъ въ ней дѣйствительно судьбу всѣхъ монгольскихъ поколѣній; на дѣлѣ же оказывается, что занятый главнымъ образомъ повѣствованіемъ о жизни и дѣяніяхъ своихъ предковъ и сородичей, онъ уже со временъ Даянъ-сэцэнъ-хана (1470—1543) оставилъ совершенно въ сторонѣ исторію сѣверной Монголіи и велъ свой разсказъ исключительно о событіяхъ, совершавшихся въ южныхъ областяхъ этой страны. Такимъ образомъ, изъ лѣтописи Сананъ сэцэна мы узнаемъ только, что по смерти Даянъ-хана сѣверная Монголія, или Халха, досталась въ удѣлъ сыну его Гэрэсанцза цзалаиръ хунъ тайчжію¹⁾ и за симъ въ разсмотрѣніи судебъ ея, передъ нами залегаетъ на цѣлую сотню лѣтъ періодъ полнѣйшаго историческаго мрака. Въ теченіе этого періода халхаскія поколѣнія несомнѣнно состояли, какъ то было и прежде, подъ властію своихъ родовыхъ князей, а въ политическомъ отношеніи дѣлялись на различныя, независимыя одно

¹⁾ Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. 1829. s. 205.

отъ другого княжества; но несомнѣнно также и то, что съ увеличеніемъ владѣльческихъ родовъ въ Халхѣ умножалось и число княжествъ, поколѣнія же халхаскія въ силу условій и обычаевъ родового быта должны были то распадаться на болѣе мелкія части, то снова соединяться и притомъ въ разнообразныхъ новыхъ сочетаніяхъ. Все это мы можемъ считать за несомнѣнный фактъ, потому что въ извѣстный намъ періодъ войнъ Галдана, мы встрѣчаемъ въ Халхѣ уже цѣлый рой самостоятельныхъ князей, чего никогда не бывало здѣсь въ старое время; а отдѣльные роды халхасовъ находимъ кочующими далеко не на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ сидѣли они при Даянѣ ханѣ. Какимъ образомъ возникали въ Халхѣ эти независимыя княжества, какъ и когда образовались въ ней тѣ три ханства, которыя и до сего времени играютъ первенствующую роль въ явленіяхъ самостоятельной внутренней жизни халхасовъ, когда и въ силу какихъ обстоятельствъ произошли наконецъ въ Халхѣ эти перекочевки и переселенія цѣлыхъ родовъ; все это вопросы, на которые мы совершенно не можемъ отвѣчать положительно и подробно, ибо объясненіемъ ихъ должны послужить событія, происшедшія въ Халхѣ въ помянутый столѣтній періодъ. Основательный разборъ этого періода не можетъ входить въ задачу нашего настоящаго труда, да и по характеру своему онъ долженъ составить цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, лучшимъ и едва-ли не единственнымъ пособіемъ для котораго можетъ служить китайское сочиненіе У-бянь-дянь-цѣ; тѣмъ не менѣе ради уясненія положенія Халхи въ то время, съ котораго начинается наша лѣтопись, мы считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ относительно этого темнаго періода и указать хотя-бы только на главнѣйшія событія, происшедшія въ Халхѣ въ это время.

Маньчжурское лѣтописное сказаніе о монголахъ положительно увѣряетъ насъ, что Даянъ сэцэнъ ханъ кочевалъ по сѣверной сто-

---

¹⁾ У-бянь-дянь-цѣ — «Дѣла по пяти границамъ». Китайское сочиненіе это составлено при Миньской династіи и заключаетъ въ себѣ между прочимъ документы, касающіеся сношеній Миньцевъ съ Монголами; здѣсь же собраны донесенія и доклады пограничныхъ китайскихъ мандариновъ о событіяхъ, совершавшихся въ Монголіи.

ровѣ Гоби у подошвы Хангайскихъ горъ¹⁾, а по Сананѣ сэцэну намъ извѣстно, что Даянъ ханъ имѣлъ у себя одиннадцать сыновей, для которыхъ и раздѣлилъ онъ на удѣлы свои владѣнія²⁾. По смерти Даянъ хана старшіе сыновья его Туру-болотъ, Барсъ-болотъ, Арцу-болотъ и Очиръ-болотъ перекочевали къ югу чрезъ великую степь (шамо) и, основавъ свое мѣстопребываніе у великой стѣны³⁾, сдѣлались родоправителями поколѣній, принадлежащихъ нынѣ цзасакамъ, такъ называемыхъ, внутреннихъ монгольскихъ хошуновъ⁴⁾; самый-же младшій изъ сыновей Даянъ хана — Гэрэсанцза, согласно обычаю монголовъ, остался у очага своего отца и жилъ на старыхъ его кочевьяхъ у отроговъ Хангайскихъ горъ, получивъ въ удѣлъ 13 родовъ или отоковъ, кочевавшихъ въ Халхѣ⁵⁾. Имя Гэрэсанцзы до настоящаго времени звучитъ на устахъ всѣхъ халхасовъ, какъ имя основнаго родоначальника ихъ князей и тѣмъ не менѣе, въ силу неопредѣленности монгольскаго письма, мы не знаемъ даже и правильнаго произношенія этого имени. Шмидтъ въ изданной имъ лѣтописи Сананѣ сэцэна читаетъ его — Гэрэсанцза⁶⁾, Алтанъ-тобчи изображаетъ его въ формѣ Гэрэсэицза⁷⁾, маньчжуры транскрибируютъ какъ Гэрэсэицза⁸⁾, а китайцы уже совершенно не похоже, — какъ Гэху-

¹⁾ Хэсэй токтобуха тузэрги монгу хуйсэ аймани... плэтунь улабунъ дэх. сунджаши дэбт. 2.

²⁾ Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. s. 196.

³⁾ Тушѣту хяну аймаг'ун шастирун хуріянгуи, т. 45, стр. 2.

⁴⁾ Подъ именемъ «внутреннихъ монгольскихъ хошуновъ» извѣстны монголы, въ политическомъ отношеніи раздѣляющіеся на 49-ть княжествъ и кочующіе отъ границъ Халхи къ югу вплоть до великой стѣны. Названіе «внутреннихъ» они сохраняютъ и до настоящаго времени, хотя теперь оно уже и потеряло свой смыслъ. Монголы эти по своему происхожденію были родственны халхасамъ, но вступили въ подданство къ маньчжурамъ гораздо ранѣе подчиненія Халхи; оттого маньчжуры, въ то время какъ Халха была еще независима, считали кочевья этихъ монголовъ своею землею, или что тоже полагали ихъ кочующими внутри границъ своего государства; отсюда то и возникло названіе этихъ монголовъ «внутренними».

⁵⁾ Эрхэиийнъ эрихъ л. 77.

⁶⁾ Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. s. 205.

⁷⁾ Алтанъ тобчи стр. 185—10.

⁸⁾ Хэсэй токтобуха... плэтунь улабунъ 45—2.

шань¹⁾. Сами халхасы въ настоящее время пишутъ и произносятъ это имя какъ — Харасанца²⁾, но весьма вѣроятно, что слоги „хара“ явились у нихъ только въ силу наклонности ихъ языка къ ассимиляціи звуковъ въ каждомъ отдѣльномъ имени или словѣ. Нужно замѣтить однако, что у современныхъ халхасовъ Гэрэсанца не столько извѣстенъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, сколько подъ своимъ прозвищемъ „Цзалаиръ хунъ тайчжи“, въ которомъ послѣднія слова — хунъ-тайчжи суть титулъ, дававшійся у монголовъ ихъ родовымъ князьямъ, а слово — „цзалаиръ“ обозначаетъ принадлежность Гэрэсанцы цзалаирскому поколѣнію, такъ какъ мать его была взята Даянъ ханомъ изъ этого поколѣнія³⁾. При жизни своей Гэрэсанца имѣлъ у себя данниковъ свыше 10,000 человекъ и, умирая, онъ снова раздѣлилъ ихъ по числу своихъ сыновей на семь хошуновъ или удѣловъ, обосновавъ при томъ дѣленіе Халхи на двѣ стороны — правую и лѣвую⁴⁾. По болѣе подробному разсказу объ этомъ раздѣлѣ мы узнаемъ, что старшій сынъ Гэрэсанцы — Ашихай получилъ въ удѣлъ отоки или поколѣнія Унагэть и Цзалаиръ; второй — Ноянтай — два поколѣнія — Басутъ и Эрчжигэть; третій — Нунуху — два поколѣнія — Хэрэгуть и Хорлосъ; четвертый Аминъ — два поколѣнія — Хорога и Хуръ-Цѡхоръ; пятый Тарни — два поколѣнія — Хухайтъ и Хатагинъ; шестой Далданъ — два поколѣнія — Тангутъ и Сартагулъ и седьмой Саму-буйма — одно поколѣніе — Урянхаевъ⁵⁾. Въ настоящее время всѣ халхаскіе князья ведутъ свое происхожденіе отъ этихъ семи сыновей Гэрэсанцы, но главѣйшими изъ нихъ они признаютъ старшаго сына его Ашихая, имѣвшаго титулъ — дарханъ хунъ тайчжи, третьяго — Нунуху, или по титулу — Вайцзанъ нояна и четвертаго, болѣе полно называемаго Аминъ-дураломъ. Такое предпочтеніе помянутымъ сыновьямъ Гэрэсанцы въ настоящее время, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ своей основѣ то, что

---

1) Шань-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 12-й.

2) Эрдэнийнъ эрхэ л. 76.

3) Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen s. 205.

4) Тушѣту хану аймагунъ шаст. хуріян. 45—2.

5) Эрдэнийнъ эрхэ л. 77-я.

отъ ихъ именно колѣнъ происходитъ потомство современныхъ трехъ халхаскихъ хановъ; но и помимо того несомнѣнно, что эти три сына уже въ самое первое время являлись болѣе самостоятельными владѣльцами, чѣмъ остальные четыре. Въ самомъ дѣлѣ, значеніе перваго изъ нихъ — Ашихая обуславливалось весьма естественно его старѣйшинствомъ въ родѣ: по праву своего первородства онъ наследовалъ власть своего отца и подобно цзалаиръ хунъ тайчжію кочевалъ въ горахъ Хангайскихъ, наблюдая отсюда за своими братьями. Мы не можемъ утверждать положительно, разнился-ли чѣмъ либо количествомъ или качественно улусъ его отъ улусовъ другихъ его братьевъ, кочевавшихъ также въ Хангаѣ, каковы — второй сынъ цзалаиръ хунъ тайчжія — Ноянтай хатанъ батуръ, пятый — Тарни, шестой — Дадданъ хундүлэнъ и седьмой Саму буйма, болѣе извѣстный подъ именемъ Отхонъ нояна; но если-бы даже владѣнія его и были одинаковы съ наследствомъ его братьевъ, то все таки за нимъ всегда стояло его старѣйшинство, безусловно дававшее ему перевѣсъ въ значеніи предъ всѣми другими родственными ему правителями. Это значеніе собственно говоря сохранилось за Ашихаемъ даже и до нынѣ: четыре упомянутые князя представляются теперь родоначальниками правителей цзасакту хановскаго аймака; но поколѣніе цзасакту хановъ, т. е. верховныхъ владыкъ въ цѣломъ аймакѣ, ведетъ свое начало именно отъ Ашихая. Что касается двухъ остальныхъ сыновей цзалаиръ хунъ тайчжія — Нунуху и Аминъ дурала, то значеніе ихъ по первоначалу, несомнѣнно, обуславливалось тѣмъ положеніемъ, которое выпало имъ на долю, или которое, можетъ быть, они избрали себѣ и сами. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за кончиною цзалаиръ хунъ тайчжія, они не остались на старыхъ кочевьяхъ его, а должны были перекочевать на востокъ къ доставшимся въ удѣлъ ихъ поколѣніямъ и образовали своими владѣніями лѣвую сторону Халхи, границу которой на западѣ составляли мѣста по р. Толѣ¹⁾. Отдѣлившись такимъ образомъ отъ своего старшаго брата, они уклонились и отъ его

---

¹⁾ Цзасакту хяну аймагун шастирун хуріангуй. Т. 61, стр. 2.

главенства надъ собою, а потому естественно являлись гораздо болѣе самостоятельными, чѣмъ другіе ихъ братья, оставшіеся кочевать въ Хангаѣ и жившіе бокъ-о-бокъ съ первороднымъ Ашихаемъ. Перекочевавъ къ востоку, Нунуху и Аминъ дураль скоро подѣлились между собою въ земляхъ, такъ что уже у сына Аминъ дуралова — Муру буймы мы находимъ границы кочевьевъ совершенно опредѣленными отъ владѣній Нунуху; и именно первый съ подчиненными ему поколѣніями основалъ свои кочевья по р. Кэрулэну¹⁾, между тѣмъ какъ потомки Нунуху занимали главнымъ образомъ мѣста по среднему и нижнему теченію р. Толы²⁾, верховьямъ Орхона³⁾ и еще далѣе на западъ по р. Тамиру⁴⁾. Такъ почти непосредственно за смертью цзалаиръ хунъ тайчжіа очертился контуръ границъ будущихъ трехъ халхаскихъ ханствъ, равно какъ и опредѣлились дѣмы, которымъ суждено было играть первенствующую роль въ политической жизни Халхи, это были дѣмы Ашихая, Нунуху и Аминъ дурала. Каково было отношеніе этихъ верховныхъ халхаскихъ владѣтелей къ ихъ сородичамъ, обитавшимъ на югѣ Монголіи, мы не можемъ опредѣлить этого въ точности по недостатку историческихъ свидѣтельствъ. Въ біографіи сэцэнъ хановъ къ объясненію этого вопроса есть одно только лаконическое извѣстіе о томъ, что халхасы по первоначально были данниками чахаровъ⁵⁾ и это конечно не можетъ обозначать ничего иного, какъ то, что халхаскіе правители, въ теченіе первыхъ двухъ, трехъ поколѣній признавали старѣйшинство надъ собою владѣтелей южной Монголіи, какъ происходящихъ отъ старшихъ сыновей Даянъ сэцэнъ хана. Это однако и не могло быть иначе, при господствѣ родового быта у монголовъ вообще. Согласно понятіямъ, воспитываемымъ этимъ бытомъ, всѣ монгольскіе князья почитали своимъ владыкою первороднаго въ старшемъ колѣнѣ своего общаго родоначальника и утверждали за нимъ только однимъ титулъ хана, а

¹⁾ Сэцэнъ хяну аймагун шастирун хуріянгуй. Т. 53, стр. 2.

²⁾ Туш. х. айм. шаст. хур. 45, стр. 2.

³⁾ Эрдэни цэуинъ тѹхэ л. 14, 15.

⁴⁾ Чжэбцзун дамба хутухтуйн тѹрѹдун тѹхэ намтаръ л. 2-й.

⁵⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хур. Т. 53, стр. 4.

сами именовались лишь князьями управляемых ими удѣловъ. Тоже самое было по первоначалу и въ Халхѣ, какъ ни удалена была эта страна отъ кочевья чахаровъ: халхаскіе владѣтели, не смотря на свое полное господство въ управляемыхъ ими улусахъ, также точно не носили титула хановъ, и скромно назывались ноянами, или даже даргами аймаковъ, такъ что титула „ханъ“ въ Халхѣ не существовало вовсе ¹⁾. Несомнѣнно однако, что родоправители халхаскіе были полными владыками своихъ данниковъ: при своей жизни они по волѣ дѣлили принадлежащіе имъ удѣлы на болѣе или менѣе мелкія части, раздавая ихъ въ управленіе своимъ сыновьямъ и родственникамъ, носившимъ общее названіе тайчжи, а иногда назначали такими же правителями и отличившихся изъ своихъ данниковъ, при чемъ послѣдніе получали титулы „цзайсана“ или „хошигучи“. Такимъ образомъ одинъ изъ родоначальниковъ Атаган'скаго рода нашихъ забайкальскихъ бурятъ, еще въ то время когда буряты жили въ Халхѣ, получилъ отъ тушѣту хана титулъ „хошигучи“ и управленіе отокомъ (родомъ) за свою богатырскую силу и ловкость въ борьбѣ ²⁾; другой бурятскій-же родоначальникъ Ундунъ-улцэйтү почти одновременно съ этимъ былъ отличенъ титуломъ за воспитаніе одного изъ сыновей тушѣту хана ³⁾. Въ болѣе позднѣе время мы находимъ, что цзасакту ханъ Цэнгунъ, не поладивши съ своимъ хошуннымъ правителемъ Дорчжи, отнялъ у него титулъ чжингуня и передалъ этотъ титулъ другому, болѣе угождавшему ему правителю, — Самади. Всѣ эти факты ясно указываютъ намъ, что въ первое время халхаскіе нояны имѣли у себя полное право награждать одного и наказывать другого и держали исключительно въ своемъ завѣдываніи главенство по распоряженіямъ какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ строемъ жизни халхасовъ. Умирая, они обыкновенно дѣлили свои владѣнія между своими сыновьями и въ этомъ-то обычаѣ лежитъ причина возникновенія того множества князей и княжествъ, которое встрѣчаемъ мы въ

---

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. хур. Т. 45, стр. 4.

²⁾ Ломбо цэрэн'ова атаганъ цзон'у түүхэ л. 7-й.

³⁾ Ломбо цэрэн'ова. Буряты улусун түүхэ л. 12-й.

Халхъ въ періодъ войнъ Галдана. Возьмемъ для примѣра возрастаніе хотя-бы то одного рода Нунуху, перекочевавшаго, какъ мы видѣли, въ мѣстность р. Толы. Нунуху имѣлъ у себя пять сыновей; старшій изъ нихъ былъ Абатай, имѣвшій въ послѣдствіи свой удѣлъ въ мѣстахъ около Эрдэни цзу¹⁾; второй Абуху маргэнь ноянь кочевалъ съ своими данниками по урочищу Хүхэ-бороту²⁾; третій — Тарни также имѣлъ свой удѣлъ, но не имѣлъ по себѣ нисходящаго потомства, а потому о мѣстожителствѣ его намъ ничего не извѣстно; четвертый — Тумэнкинъ жилъ съ своимъ родомъ по р. Тамиру³⁾; пятый Барни занималъ съ своими данниками мѣста по урочищу Унгү-Бурхатай⁴⁾. Во второмъ поколѣніи мы не можемъ уже указать хотя-бы приблизительно мѣста кочевковъ каждаго князя, о потомствѣ-же ихъ въ Илэтхель-шастрѣ говорится, что:

У Абатая было два сына — старшій Шибхудай, прозывавшійся Улцэйтү хунъ тайчжи и кочевавшій въ урочищахъ Баянь-гү⁵⁾, а второй Эрѣхэй маргэнь ханъ, который остался кочевать по среднему теченію р. Толы близъ монастыря Эрдэни-цзу.

У Абуху было три сына; старшій Анъхахай, который кочевалъ въ Хүхэ-бороту, на мѣстахъ кочевьевъ своего отца и второй Рахули, получившій въ удѣлъ урочища на западныхъ границахъ аймака, у отроговъ Хангая⁶⁾; — о третьемъ-же сынѣ его мы ничего не знаемъ.

У Тумэнкина было тринадцать сыновей: α) Цзотба, кочевавшій съ своимъ родомъ около урочищъ Хурѣнь-бэличирь⁷⁾; β) Даньцзинь-

---

¹⁾ Чжебцзун-дамба-хутухтуйнъ турул'унъ тѹхэ л. 5-й.

²⁾ Туш. хан. айм. шастиръ т. 47, л. 2-й; урочище это, какъ можно предполагать изъ различныхъ сличеній, находится въ земляхъ нынѣшняго Маргэнь ванновскаго хошуна.

³⁾ Шэн-у-йзи. Цзюань 3-я л. 15-й.

⁴⁾ Сани ноян'у аймагун шастиръ. Т. 72-й, л. 84-й.

⁵⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 2-й. Урочище это въ другихъ мѣстахъ называется Баянь уланъ, оно лежитъ къ В. отъ р. Толы.

⁶⁾ Ibid. Т. 51-й, л. 1-й.

⁷⁾ Сайн ноян'у айм. шаст. Т. 74-й, л. 20-й. Подъ именемъ Хурѣнь-бэличир'а извѣстны у халхасовъ мѣста по верхнему теченію р. Байдарика.

лама, поселившійся по Онгийнъ голу въ урочищѣ Хойоркѣинъ¹⁾; γ) Цэрэнъ; δ) Луякъ; ε) Чжіякъ-вайцзанъ-ноянъ; ζ) Цзамбанъ; η) Цаскибъ кундүлэнъ; θ) Даньцзинъ-банцзуръ; ι) Бималикиридай-ба-туръ-эрдэни-ноянъ, кочевавшій при горѣ Харуна²⁾; κ) Шинараксать-хунъ-тайчжи кочевавшій по р. Кэрүлэну³⁾; λ) Сайнхарцза-Нэльдэнъ-хошүчи; μ) Хүхэн-бацзаръ; ν) Гомбо-кундүлэнъ бошокту.

У Барни былъ одинъ сынъ — Гарма.

Такимъ образомъ отъ одного князя во второмъ поколѣніи было уже восемнадцать потомковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой отдѣльный улусъ, а въ третьемъ колѣнѣ, или что тоже отъ этихъ 18-ти князей явилось уже 38 потомковъ, а слѣдовательно 38 князей и 38 удѣловъ. Получая удѣлы, или хошүны, эти мелкіе родовые владѣльцы становились также точно самовольными распорядителями своей судьбы, и полноправными господами находившагося въ ихъ управленіи народа; тѣмъ не менѣе, вѣрные родовому быту и родовымъ обычаямъ, они признавали надъ собою главенство старшихъ въ родѣ, и несомнѣнно доставляли имъ дань, если не какую-нибудь опредѣленную, то по крайней мѣрѣ въ видѣ подарковъ и приношеній; такъ, въ лѣтописныхъ сказаніяхъ бурятъ сохраняется извѣстіе, что начальникъ Атаганскаго рода Пакирь, поймавши барса, принесъ его монгольскому хану, за что и получилъ отъ него титулъ Барсъ-богатур'а⁴⁾. Впрочемъ это признание младшими главенства старшихъ основывалось, кажется, гораздо болѣе на порождаемыхъ родовыми обычаями убѣжденіяхъ и, такъ сказать, на укоренившейся у халхасовъ нравственной потребности въ повиновеніи и уваженіи къ старшимъ, чѣмъ на какихъ-либо внѣшнихъ причинахъ, каковы — гражданскій строй цѣлой страны, или организація союзовъ съ цѣлью самозащиты, добыванія военныхъ добычъ путемъ хищническихъ набѣговъ и пр. Мы видимъ, что князья хошүна Учжумуцинь, состоявшіе подъ покровительствомъ и кочевавшіе въ земляхъ настоящаго сэцэнъ-хановскаго

¹⁾ Сайн ноян'у айм. шаст. Т. 69-й, л. 13-й.

²⁾ Ibid. Т. 75-й, л. 2-й.

³⁾ Ibid. Т. 74-й, л. 1-й.

⁴⁾ Атаганъ цзон'у тухэ л. 1-й.

аймака, отдѣляются отъ тогдашняго сэцэнъ хана Шолоя и входятъ въ подданство къ маньчжурамъ¹⁾; позднѣе, уже наша лѣтопись передаетъ намъ фактъ, что тайчжи Бунтарь, поссорившись съ тушѣту ханомъ Гомбо, отдѣляется отъ него и также уходитъ къ маньчжурамъ. Слѣдовательно халхаскіе мелкіе владѣльцы распоряжались своею судьбою совершенно самостоятельно: требованія хана не могли быть для нихъ обязательны, они могли противорѣчить имъ, отказываться отъ ихъ исполненія и, въ крайнемъ случаѣ, производить совершенный раздоръ и отдѣляться. Мы имѣемъ даже основаніе заключать, что не только такіе князья, какъ владѣльцы хошунъ, а даже гораздо низшіе какъ правители отоковъ и тѣ считали себя самостоятельными въ своихъ поступкахъ: начальники Атаганскаго рода бурятъ — Цакиръ-барсъ-багатуръ и Гайкинъ, по сказанію бурятскихъ лѣтописей, оказали какую-то услугу монгольскому хану и, обидѣвшись за то, что не получили отъ него достойной награды, въ сопровожденіи своихъ родовичей отдѣлились и перешли на кочевье въ русскіе предѣлы²⁾. Такимъ образомъ Халха въ теченіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія представляла собою отдѣльныя, одно отъ другаго независимыя княжества, число которыхъ возрастало по мѣрѣ увеличенія княжескихъ родовъ и образованія вслѣдствіе того новыхъ удѣловъ. По своей внутренней жизни эти княжества были совершенно самостоятельны и независимы одно отъ другаго: они не имѣли у себя никакихъ общихъ постановленій и вся связь ихъ обосновывалась на понятіяхъ родоваго быта, въ которыхъ воспитывались халхасы вообще, но какихъ-либо внѣшнихъ условій или договоровъ, которыя связывали-бы халхаскія княжества во единое цѣлое и образовывали-бы изъ нихъ стройный союзъ племенъ, у нихъ не было. Каждый князь былъ главою своихъ поступковъ, онъ самостоятельно управлялъ своими данниками, самовольно чинилъ у нихъ судъ и расправу, руководствуясь только обычаями и своимъ личнымъ произволомъ, по своему желанію вступалъ въ связь или въ непріязненные отношенія съ тѣмъ

---

¹⁾ Гадагаду монгол. аймагун ван гунгудун илэтхэлъ шастир Т. 84-й, л. 4-й.

²⁾ Атаган цз. тух. л. 1-й.

или другимъ изъ своихъ владѣтельныхъ сородичей. По частнымъ вопросамъ или въ какихъ-либо отдѣльныхъ случаяхъ, имѣвшихъ впрочемъ общественное значеніе, халхаскіе князья собирали общіе сеймы и составляли союзы, но постановленія этихъ сеймовъ не были обязательны для тѣхъ, кто не соглашался на нихъ, равно какъ и каждый участникъ составленнаго союза могъ выдѣляться изъ него, если видѣлъ, что другія стороны дѣйствуютъ не въ его интересахъ и не по его желаніямъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что халхасы сообща изгоняютъ изъ своихъ земель, учжумуцинскаго Цокту-нояна¹⁾; который бѣжалъ въ Халху, спасаясь отъ притѣсненій чахарскаго Ликданъ-батур'а²⁾, ерго у халхасовъ бывали дѣла общественныя, предпринимаемыя цѣлыми аймаками; съ другой стороны письменность сохранила намъ фактъ, что урянхайскій Сайнъ-мачжикъ, заключившій союзъ съ монгольскимъ Убаши хунъ тайчжіемъ для нападенія на Ойратовъ, разорвалъ этотъ союзъ, когда онъ оказался ему невыгоднымъ, и хотя послѣдствіемъ этого разрыва была гибель Убаши хунъ тайчжія и монгольскихъ войскъ, тѣмъ не менѣе исторія и народное мнѣніе не обвиняютъ Сайнъ-мачжика въ измѣнѣ и слѣдовательно поступокъ этого рода считался въ порядкѣ вещей³⁾.

Внѣшняя дѣятельность халхасовъ въ теченіе XVI и начала XVII вв. выражалась почти исключительно въ хищническихъ набѣгахъ ихъ на сосѣдніе народы и особенно на ойратовъ, борьба съ которыми начата была у монголовъ еще со второй половины XIV вѣка и съ тѣхъ поръ продолжалась съ самыми незначительными промежутокками вплоть до временъ Даянъ сэцэнъ хана. По смерти Даянъ хана и съ раздѣленіемъ монголовъ на южныхъ и сѣверныхъ, вся тяжесть этой борьбы должна была естественно достаться на долю сѣверной Монголіи, или Халхи, какъ сосѣдищей кочевьямъ ойратскимъ, и мы дѣйствительно видимъ первыхъ халхаскихъ князей почти непрестанно воюющими съ ойратами. Такимъ образомъ мы знаемъ, что

---

¹⁾ Чиндаманійя-эрихъ. Біографія Чжанчжа хутухты Т. 2-й, л. 207-й.

²⁾ Изэтхэлъ шастиръ Т. 34-й, л. 4-й.

³⁾ Труды Вост. отд. Археол. Общ. Т. VI, стр. 222.

съ ойратами воевать предокъ правителей настоящаго цзасакту хановскаго аймака Лайхоръ ханъ и послѣ битвы, происходившей при Шара-хулусун'ѣ, близъ устья р. Эмнэлъ, заключилъ съ ними договоръ, по которому обѣ стороны обязались не предавать смерти людей, служившихъ тому или другому шпионами¹⁾. Но съ особенною удачею воевалъ противъ ойратовъ старшій сынъ Нунуху — Абатай, родившійся въ 32-е лѣто правленія минскаго императора Цзя-цзиня (1534 г.). Поразивъ ойратовъ при урочищѣ Кубкэр-гарійнъ, Абатай подчинилъ ихъ своей власти и сына своего Субагатая посадилъ ханомъ въ ихъ кочевьяхъ²⁾. Къ какому именно году относится это обстоятельство мы не можемъ опредѣлить съ точностію, но несомнѣнно, что оно имѣло свое мѣсто до 1577 г. Съ тѣхъ поръ борьба съ ойратами пріостановилась до самой смерти Абатая, случившейся въ 1586 г. Воспользовавшись смертью Абатая, ойраты возстали снова, схватили и умертвили Субагатай хана и объявили себя независимыми³⁾. Весьма вѣроятно, что походъ Убаши хунъ тайчжія, который геройское преданіе монголовъ относитъ къ 1587-му году, былъ именно результатомъ этого возстанія⁴⁾.

Господствующими религіозными ученіями въ Халхѣ въ эпоху перваго раздѣленія халхасовъ по смерти Даянъ хана были шаманство и буддизмъ въ формѣ секты красношапочниковъ; но вскорѣ за симъ въ Халху начали проникать и пропагандисты желтаго ученія или ламаизма и повели здѣсь дѣло распространенія своей секты необычайно удачно. Главнѣйшія причины ихъ успѣха лежали конечно прежде всего въ самомъ ученіи и дѣятеляхъ пропаганды, которые

¹⁾ Ibid. Т. VI, стр. 219.

²⁾ Эрденійинъ эрихъ л. 77-й; Ли-дай-ванъ-нянь-бяо. Бэнь-цзы IV л. 16-й.

³⁾ Эрденійинъ эрихъ л. 78-й.

⁴⁾ Что касается личности Убаши хунъ тайчжія, то это былъ несомнѣнно князь, полное имя котораго было Шолой убаши хунъ тайчжи и который приходился двоюроднымъ братомъ Лайхоръ-хану. Полная генеалогія этого князя такова: отецъ его былъ Тумэнъ-дара, второй сынъ Ашихая, старшаго сына Даянъ-сэцэнъ-ханова. Убаши хунъ тайчжи жилъ и владѣлъ землями Хотохойтовъ, лежащими на СЗ границѣ халхаскихъ владѣній. Смѣшанно съ дайнниками его жили и Урянхан, правителемъ которыхъ преданіе называетъ Сайнъ-мачжика (Сличн Цс. хан. айм. шаст. Т. 61—3; 63—2).

очевидно дѣйствовали гораздо энергичнѣе и были ловчѣе, чѣмъ представители красношапочнаго толка. Намъ извѣстно, что ламы устраивали въ Халхѣ публичные диспуты и это было однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ, при которыхъ новыя, проповѣдуемыя ими идеи проникали въ народъ. Привлечь за тѣмъ народныя симпатіи для ламаистовъ было также не трудно и это будетъ весьма понятно для насъ, если мы представимъ, что грубому и циничному аскетизму красношапочниковъ они противопоставили заманчивую для малоразвитыхъ людей, пышную обрядность желтой вѣры и въ тоже время проповѣдывали идеи, которыя не могли не подходить подъ вкусъ народа, какъ далеко не дышавшія тою безнадежностью въ дѣлѣ спасенія и тѣмъ аскетизмомъ, которыми щеголяли красношапочники. Но еще болѣе успѣхъ ламаизма въ народѣ въ первое время обусловливался тѣмъ, что на сторонѣ этого пропагандируемаго ученія почти всегда являлись верховные халхаскіе правители. По сказаніямъ „Шэнь-у-цзи“ мы знаемъ, что уже сынъ Нунуху — Тумэнкинъ, прослушавъ состязаніе учителей красной и желтой вѣры, отдалъ предпочтеніе этой послѣдней и съ тѣхъ поръ старался высказывать ея преимущество и давать ей всевозможныя льготы¹⁾; если же ламаизмъ нашель себѣ покровительство у одного князя, то несомнѣнно о немъ не могли не знать и другіе правители, особливо въ то время, когда всѣ они были между собою родными братьями. Ламы искусно воспользовались вниманіемъ Тумэнкина: они извѣстили о благотворной дѣятельности халхаскаго князя далай ламу и послѣдній тотчасъ-же послалъ Тумэнкину грамоту на золотомъ листѣ и золотую печать, пожаловалъ ему титулъ сайнъ-ноина и провозгласилъ его отличнѣйшимъ изъ халхаскихъ правителей²⁾. Это предпочтеніе, оказанное Тумэнкину имѣло по себѣ два важныхъ послѣдствія: съ одной стороны оно было принято халхасами и утвердило особенное уваженіе ихъ не только къ личности самого Тумэнкинъ, но, какъ мы увидимъ то ниже, и къ его потомству; а съ другой оно подняло шансы на успѣхъ желтой

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3-я, гл. 15.

²⁾ Сайн ноинъ-у аймаг. шаст. хуріянг. Т. 63, гл.

вѣры, ибо очевидно что такого рода отличія привлекали честолюбивыхъ халхасовъ къ дѣятельности на пользу ламаизма ни чуть не меньше, какъ и самое его ученіе, взятое въ совокупности съ ловкостью его проповѣдниковъ. Таковы, по нашему мнѣнію причины успѣховъ развитія ученія Цзонхавы между халхасами. Сами халхасы первоначальное принятіе ими ламаизма стараются представить дѣломъ случая и окружить его различными чудесами. Лѣтописныя и легендарныя сказанія ихъ по сему предмету сводятся, собственно говоря, къ двумъ различнымъ редакціямъ. По одной, старшій сынъ Нунуху Абатай галцзѹ тайчжи въ 1577 г., прослышавъ, что Далай лама пріѣхалъ къ Алтанъ хану тумэтскому, отправился повидаться съ нимъ и при этомъ наиѣревался „если онъ (Далай лама) человекъ подходящий, войти съ нимъ въ дружественныя сношенія, а нѣтъ, такъ повоевать съ нимъ“¹⁾. Прибывши въ кочевья тумэтовъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца, Абатай сдѣлалъ визитъ Далай ламѣ вечеромъ и, по обычаю монголовъ, поднесъ ему черный хадакъ; за симъ второй визитъ сдѣлалъ въ новомѣсячіе и принесъ бѣлый хадакъ. Въ разговорѣ Далай лама объяснилъ Абатаю благое предназначеніе подарковъ и говорилъ, что принесеніе чернаго хадака въ концѣ мѣсяца и бѣлаго съ наступленіемъ новой луны имѣетъ таинственное значеніе окончанія жизни и дѣятельности халхасовъ по пути черныхъ грѣховъ и наступленія новаго періода, когда они будутъ ходить по пути бѣлыхъ добродѣтелей. Послѣ сего первосвященникъ желтой вѣры подарилъ халхаскому князю нѣкоторые предметы буддійской святыни и пожаловалъ титулъ „Вачирай Сайягъ хана“. Абатай, возвратившись на родину, началъ постройку перваго монастыря въ Халхѣ — Эрдэни-цзу. По другой легендѣ, Абатай сначала отправился въ походъ на Ѳлоотовъ, и, одержавъ надъ ними побѣду, взялъ плѣнныхъ болѣе тысячи человекъ. Спусти нѣсколько времени одинъ изъ этихъ плѣнниковъ, якобы нашелъ хонхо, или колокольчикъ, употребляемый при буддійскихъ богослуженіяхъ, и принесъ его въ подарокъ Абатаю. Звукъ колокольчика понравился князю и, когда

¹⁾ Чжебизун ламба хуцхутиин турулынн туха, л. 3-й.

онъ началъ спрашивать объясненія этой вещи, то какой-то торговецъ изъ тѣмѣтскихъ монголовъ, истолковывая ему истинное значеніе и употребленіе хонхо, въ то же время воспользовался случаемъ для сообщенія Абатаю свѣденій о далай ламской вѣрѣ. Прослушавъ рассказъ, говорятъ монголы, Абатай возблаговѣлъ предъ тремя драгоценностями и получилъ непреодолимое желаніе видѣть самого Далай ламу. Случай скоро представился и когда Алтанъ ханъ тѣмѣтскій пригласилъ къ себѣ буддійскаго первосвященника, Абатай отправился къ нему на свиданіе. Прибывъ въ Хѹхѹ хото, Абатай представился Далай ламѣ и послѣдній провозгласилъ его хубилганомъ Очиръ-вани и пожаловалъ титулъ „Вачирай сайнъ хана“. Вслѣдъ за сѣмъ, продолжаетъ преданіе, намѣренія хана и великаго ламы соединились ¹⁾ и Абатай, прослушавъ отъ него священное ученіе, изъявилъ желаніе построить въ своей странѣ монастырь съ тремя статуями будды. Далай лама, обрадовавшись этому, подарилъ Абатай-хану часть мощей будды, величиною съ большой палецъ и другіе предметы буддійской святыни. Возвратившись въ Халху, Абатай началъ постройкою Эр-дэни-цзу. Сличая эти рассказы и сопоставляя ихъ съ другими извѣстными намъ событіями изъ жизни халхасовъ, мы можемъ придти къ заключенію, что новое религіозное движеніе въ Халхѣ началось прежде всего въ мѣстахъ настоящаго тушѣту-хановскаго аймака, влияние же буддизма проникло сюда главнымъ образомъ съ запада изъ Чжунгаріи и съ юга изъ внутреннихъ монгольскихъ хошуновъ. Въ этомъ послѣднемъ предположеніи не можетъ быть и сомнѣнія, ибо намъ достовѣрно извѣстно, что почти каждый изъ болѣе уважаемыхъ и прославившихся своею дѣятельностію въ Чжунгаріи ламъ непремѣнно посѣщалъ Халху и своею проповѣдью способствовалъ здѣсь къ распространенію ламаизма; таковы, Нэйчжи-тойнъ, Майдари хутухту, Манцзушири хутухту, Зая-пандита и др. Но сила была собственно говоря не въ этихъ проповѣдникахъ, которые бродили съ толпою своихъ учениковъ по Халхѣ, значеніе ихъ въ дѣлѣ развитія буддизма можетъ быть было также невелико, какъ незначительно было

---

¹⁾ Эр-дэни цзуйн тѹхъ л. 17-й.

и пребываніе ихъ въ каждой отдѣльной мѣстности; по нашему мнѣнію, на принятіе и распространеніе желтаго вѣроисповѣданія между халхасами несомнѣнно гораздо большее вліяніе имѣли такіа событія, какъ то, которое сопоставляетъ намъ легендарное сказаніе, именно фактъ постоянныхъ столкновеній съ блѣтами, столкновеній, являвшихся хотя бы то въ видѣ борьбы съ ними и набѣговъ на ихъ кочевья. Мы видимъ, что Абатай захватываетъ въ плѣнъ болѣе тысячи блѣтовъ и конечно эти плѣнные, будучи переселены въ аймакъ Абатай, по старому, оставались поклонниками секты Цзонхавы, имѣли здѣсь своихъ ламъ, совершали свои богослуженія и проч. Живучи бокъ-о-бокъ съ своими почти одноплеменниками, халхасы естественно должны были постоянно приглядываться къ ихъ религіозному культу и въ силу уже вышеуказанныхъ причинъ, заключавшихся какъ въ самомъ культѣ такъ и въ его представителяхъ, не могли не почувствовать къ нему симпатіи. Но опять таки повторяемъ, что на большинство халхасовъ новое вѣроисповѣданіе должно было производить вліяніе только своею внѣшнею, обрядовою стороною. По легендѣ, симпатію Абатай заслуживаетъ колокольчикъ и въ самомъ дѣлѣ въ первое время ни что не могло такъ обратить на себя вниманіе халхасовъ, какъ блестящая, торжественная обстановка ламайскихъ богослуженій, поразительные по своимъ звукамъ и не вѣдомые доселѣ халхасамъ трубы, бубны и колокольчики. Въ этомъ отношеніи и тибетцы, съ Далай ламой во главѣ, какъ творцы и изобрѣтатели всей этой обрядности и обстановки, не могли не обратить на себя вниманія халхасовъ и невольно должны были являться въ ихъ представленіи народомъ гораздо высшимъ по образованію, чѣмъ они сами. Весьма вѣроятно, что такое представленіе о тибетцахъ было одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ для халхасовъ было лестно получать титулы отъ Далай ламы и во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы халхасовъ могло въ то время притягивать къ Тибету что либо помимо простого любопытства. Сказанію Сананъ-сэцэна, а вслѣдъ за нимъ и другихъ монгольскихъ бытописателей о томъ, что Абатай явился къ Далай ламѣ, движимый благоговѣніемъ къ его священной особѣ, что онъ пришелъ въ Хүүхү хотя съ нарочитою цѣлью покло-

«Благословеніе отъ буддійскаго первосвященника¹⁾

ибо благоговѣніе предъ ламами въ то время такъ сильно и распространено въ Халхѣ; го-го при господствѣ сказанныхъ понятій о тибетавился къ далай ламѣ именно съ тѣми намѣре-ь наивной простотѣ рассказываетъ первая изъ на- . е. съ естественнымъ для кочеваго правителя же-омиться съ иноземнымъ владѣтелемъ и „если онъ оба-ькомъ подходящимъ, то войти съ нимъ въ дружествен-ныя отно-ія; а нѣтъ — такъ повоевать съ нимъ“. Встрѣтившись съ далай ламою, Абатай былъ принятъ имъ дружественно и съ поче-томъ, но изъ подробнаго рассмотрѣнія легендъ дѣлается очевиднымъ, что Далай лама съ перваго-же раза отнесся къ монголо-халхаскому князю съ нѣкоторымъ отѣнкомъ покровительства. Буддійскій перво-священникъ прежде всего радовался за счастье Абатая, по которому судьба назначила этому послѣднему въ удѣлъ повстрѣчаться съ его божественною личностію; а такъ какъ это счастье не дается простымъ смертнымъ, то тотчасъ-же провозгласилъ Абатая хубилганомъ бурхана Очиръ-вани. Для монгольскаго тайчжія было конечно весьма пріятно получить такое отличіе и узнать, что онъ также принадлежитъ къ перерожденіямъ божества, и что-же оставалось ему дѣлать, чѣмъ от-платить за сдѣланный почетъ, какъ ни объявить себя покровителемъ ламаизма въ своей странѣ; къ тому-же и религія эта, какъ намъ из-вѣстно, пользовалась уже симпатіею халхасовъ. Дѣйствительно, Абатай въ то же время заявляетъ Далай ламѣ, что онъ построить у себя буддійскую обитель и Далай лама, подаривъ ему нѣкоторые святыни для имѣющаго быть построеннымъ храма, въ то же время пожаловалъ еще Абатаю титулъ „Сайнъ-хана“. Вотъ обстоятельства, при кото-рыхъ ламаизмъ впервые проникъ въ Халху и сдѣлалъ свой первый шагъ къ упроченію здѣсь своего существованія.

Абатай, возвратившись въ Халху, сдержалъ свое слово и въ 1585 г. началъ, а въ 1586 г. окончилъ постройкою первый изъ

¹⁾ Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. S. 252.

халхаскихъ монастырей Эрдэни цзу¹⁾. Мѣсто для сооруженія этого монастыря, по сказанію монгольскихъ лѣтописей, было указано самимъ Далай ламою при свиданіи его съ Абатаемъ; это было то самое урочище, на которомъ Эрдэни цзу стоитъ и до нынѣ и которое находится тамъ, гдѣ двѣ незначительныхъ рѣчки, извѣстныя подъ именами Хѳшинъ-орхона и Цзалу-орхона, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ одну, уже довольно многоводную рѣку Орхонъ²⁾. Такъ какъ халхасы въ то время не имѣли еще и понятія о постройкѣ постоянныхъ, каменныхъ зданій, то Эрдэни цзу было возведено по плану и архитектурѣ монастырскихъ храмовъ въ Хүхү-хото³⁾ и, по всей вѣроятности, мастеровыми изъ тѣмѣтскихъ-же монголовъ. Что касается до верховнаго распорядителя постройкою, то исторія Эрдэни-цзускаго монастыря положительно говоритъ, что таковымъ былъ вызванный отъ Алтанъ-хана тѣмѣтскаго санъяскаго лама Гуми-нансу⁴⁾, а біографія Чжабцунъ-дамба хутухты называетъ его Донхоръ-манцзушири Цзамьянь-чжамцо⁵⁾. Этотъ лама, по окончаніи постройки, совершилъ и малое освященіе храма, но, по словамъ его, такового освященія было недостаточно и, для полнаго блага вѣры, нужно было совершить еще освященіе великое (йэхэ рабнай). Чтобы окружить это таинство большею торжественностію и святостію, Абатай ханъ вознамѣрился пригласить для совершенія его Далай ламу и въ 1586 году снова предпринялъ поѣздку на свиданіе съ духовнымъ владыкою ламаистовъ, при чемъ долженъ былъ проѣхать уже въ Тибетъ. Санаяъ сэцэнъ относитъ къ этому времени первую поѣздку Абатай

¹⁾ Эрдэни цзуйн тѣхэ л. 15-й.

²⁾ Чжабцунъ-дамба хутухт. түрүл. тѣхэ, л. 3-й; Эрдэнийн эрихэ л. 76-й. Это послѣднее сочиненіе еще точнѣе опредѣляетъ мѣсто построенія Эрдэни-цзу, именно у горы Шарга ачжирга и говоритъ, что монастырь этотъ возведенъ былъ на мѣстѣ развалинъ того города, который былъ построенъ Угэдэй-ханомъ и служилъ его резиденціею; впоследствии будто-бы этотъ городъ былъ поновленъ и жилъ въ немъ изгнанный изъ Китая Тогонъ тэмуръ, но послѣ Тогонъ тэмүра городъ этотъ опять таки пришелъ въ развалины. Вотъ оно и мѣстонахожденіе Каракорума!

³⁾ Чжабцун дамба хутухт. түрүл. тѣхэ л. 4-й.

⁴⁾ Эрдэни цзуйн. тухэ л. 14-й.

⁵⁾ Чжабцаун-дамба хутухт. түрүл. тѣхэ л. 4-й.

къ Далай ламѣ¹⁾, но очевидно, что ордосскому лѣтописцу не были извѣстны во всей точности и полнотѣ обстоятельства, происходившія въ то время въ Халхѣ: по слухамъ онъ зналъ, вѣроятно, что Абатай былъ у Далай ламы, что принесъ ему такіе-то и такіе-то подарки и въ свою очередь получилъ отъ него ханскій титулъ и разныя святыни; но онъ не зналъ, что Абатай ѣздилъ къ Далай ламѣ два раза, сначала въ 1577, а потомъ въ 1586 году, оттого въ описаніи поѣздки 1586 года рассказываетъ онъ тѣ событія, которыя имѣли свое мѣсто во время поѣздки первой. Между тѣмъ эти двѣ поѣздки были совершенно не похожи одна на другую. Мы видѣли, что въ первую изъ нихъ Абатай ѣхалъ къ Далай ламѣ какъ равный къ равному, намѣреваясь или подружиться, или повоевать съ нимъ; во вторую — Абатай являлся къ Далай ламѣ уже какъ духовный сынъ его, ѣхалъ именно на поклонъ, съ просьбою и подарками. Сананъ сэцэнъ въ общихъ словахъ говоритъ, что Абатай принесъ въ это время въ подарокъ Далай ламѣ юрту, сдѣланную изъ собольихъ шкуръ и десять тысячъ головъ скота, но въ біографіи Чжэбцзунъ-дамба-хутухты объ этомъ рассказывается подробнѣе и очевидно, что кромѣ упомянутыхъ подарковъ Абатай совершалъ еще въ Тибетѣ молебствія, извѣстныя подъ именемъ „дансукъ“ и въ первое молебствіе, которое служилъ онъ за очищеніе своихъ грѣховъ, принесъ Далай ламѣ серебряный мандалъ²⁾, 100 бѣлыхъ хадаковъ и 100 бѣлыхъ мериновъ, а во второе молебствіе, отправленное за распространеніе желтой вѣры, онъ принесъ золотой мандалъ, 100 желтыхъ хадаковъ и 100 соловыхъ мериновъ; кромѣ того еще 1000 мериновъ разныхъ мастей, различныя драгоценности и множество шелковыхъ тканей³⁾. Объяснивъ обстоятельства своего прибытія, Абатай приглашалъ за тѣмъ Далай ламу посѣтить Халху; но тибетскій первосвященникъ отказался отъ этого путешествія и послалъ вмѣсто себя ламу, именовавшагося по

---

¹⁾ Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. S. 253-II.

²⁾ Объясненіе словъ: «мандалъ», «дансукъ», «хадакъ», читатели найдутъ въ моемъ сочиненіи «Ургинскіе хутухты» на стр. 55, 31, 32, 65, 78. Золотой мандалъ, подносимый Далай ламѣ, приблизительно стоитъ около 15000 р. с.

³⁾ Чжэбцзунъ-дамба хутухтунъ намтар л. 7-й.

своему титулу „Шиддиту габчжу“. Этот лама отправился въ путь вмѣстѣ съ Абатаемъ и, прибывъ въ Халху, увѣковѣчилъ свою память въ средѣ монголовъ своею дѣятельностію на пользу буддизма и духовнаго развитія халхасовъ. Мы не будемъ здѣсь передавать всѣхъ разсказовъ объ его путешествіяхъ по Халхѣ и проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ томъ или другомъ хошунѣ; но не можемъ не остановиться на томъ, что этотъ лама былъ однимъ изъ первыхъ, сознавшихъ необходимость для халхасовъ научнаго знакомства съ ламаизмомъ, а потому и заявившихъ о настоятельной нуждѣ для Халхи въ увеличеніи числа грамотныхъ людей и школъ. Предполагать, вмѣстѣ съ авторомъ лѣтописи Эрдэни цзу'скаго монастыря чтобы монгольская письменность въ то время была вовсе забыта халхасами и совершенно неизвѣстна имъ у насъ нѣтъ никакого основанія; но достоверно, что грамотность тогда была здѣсь въ страшномъ упадкѣ и считалась достояніемъ только самого незначительнаго числа людей. Вскорѣ къ халхасамъ прибылъ посолье отъ чахарскаго Ликданъ-хана и Шиддиту габчжу, провѣдавъ отъ него объ успѣхахъ развитія монгольской письменности у южныхъ монголовъ, убѣдилъ халхасскихъ князей отправить къ чахарамъ нѣсколько молодыхъ людей съ тѣмъ, чтобы они изучили тамъ монгольскую письменность и литературу¹⁾. Событіе это имѣетъ свое мѣсто по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ XVII вѣка, т. е. въ то время, когда чахары уже настолько славились своею ученостію, что считали себя способными предпринять полное изданіе на монгольскомъ языкѣ гавьжура. Понятно, что изъ школы такихъ учителей должны были выдти достойные ученики и вотъ почему не удивительно заключеніе лѣтописей, что по возвращеніи изъ командировки упомянутыхъ молодыхъ людей, которые принесли съ собою „писанія святыхъ“, халхасы совершенно вступили на путь буддійскихъ бѣлыхъ добродѣтелей и стали весьма прилежны къ дѣяніямъ высокородныхъ—святыхъ.

Дѣйствительно почти невозможно представить себѣ ту жадность,

---

¹⁾ Эрдэни цзуйн түүхэ л. 16-й; Эрдэнийн эрхэ, глава 39-я. л. 77-й.

съ которою схватились за ламаизмъ халхаскіе монголы съ самаго перваго времени его введенія. Мы знаемъ, что мастеровне, строившіе храмъ Эрдэни цзу, по окончаніи своихъ работъ надъ постройкою этого зданія, не могли возвратиться на родину и немедленно по окончаніи соборнаго храма начали постройку еще двухъ молитвенныхъ домовъ, которые называются теперь „гэгэн’у сүмэ“; за симъ въ теченіе перваго же десятилѣтія послѣ основанія Эрдэни цзускаго храма, въ этомъ монастырѣ воздвигли нѣсколько храмовъ и субургановъ чиновники Абатай хана; наконецъ сынъ его Эрѣхэй мэргэнъ ханъ также построилъ два храма и два субургана¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что если эти чиновники и князья строили храмы въ монастырѣ, то они устраивали ихъ и дома, въ своихъ кочевьяхъ и такимъ образомъ Халха начинала все больше и больше наполняться ламскими кумирнями съ толпами буддійскаго духовенства, заботившагося только объ увеличеніи числа своихъ поклонниковъ. Съ этою послѣднею цѣлью оно употребляло все средства, лишь-бы „насадить сѣмена вѣры“ въ сердца халхасовъ. Мы знаемъ, что Нэйчи тойинъ, явившись въ Монголію, для большаго привлеченія къ буддизму объявлялъ официально, что каждому, изучившему „хуріянгуи“, будетъ выдана лошадь и каждому, выучившему „ямандагу“, будетъ выдана корова²⁾; мудро-ли что при такого рода предложеніяхъ и наградахъ векорѣ все халхасы, руководимыя тѣми или другими побужденіями, начали изучать буддійскія молитвы? Сочувствіе лучшихъ людей изъ среды самихъ халхасовъ развитію буддизма въ первое время было весьма естественно; ибо они не могли не сознать, что буддизмъ является прекраснымъ, просвѣтительнымъ и облагораживающимъ началомъ для невѣжественнаго народа. При вліяніи этой религіи постепенно должны были образовываться

---

¹⁾ Эрдэни цзуйнъ түүхэ л. 17-й.

²⁾ Когда Нэйчи тойинъ далай манизушринъ домохъ л. 46-й. Въ объясненіе термина „хуріянгуи“, по буквальному переводу значущаго „сокращеніе“, мы имѣемъ сказать, что подъ этимъ именемъ разумѣется въ настоящее время у халхасовъ молитва, вкратцѣ излагающая основные догматы буддизма, — это тоже самое, что у насъ символъ вѣры; а ямандага, по всей вѣроятности, обозначаетъ молитву къ этому божеству.

грубыя понятія черни и мы видимъ, что халхасы въ самомъ дѣлѣ съ перваго же времени познакомились съ устройствомъ прекрасныхъ зданій, музыкою, живописью и другими искусствами. Конечно, эта архитектура, музыка и живопись могутъ почитаться нами также грубыми и стоящими на самой низкой степени совершенства, но не надобно забывать того, что халхасовъ несомнѣнно возвышали и эти грубыя формы. Еще болѣе пользы принесъ буддизмъ, распространяя въ народѣ грамотность и письмо и въ этомъ заслуга его останется на всегда предъ халхасами. Завсѣмъ тѣмъ никто не зналъ, что возвращая это деревцо, халхасы возвращаютъ смертоносный маншинель, который своимъ ядомъ долженъ былъ отравить все ихъ существо и въ самой его основѣ. Теперь впрочемъ это деревцо только ласкало ихъ зрѣніе, произращать же свои губительные плоды и отуманивать существо несчастныхъ халхасовъ оно начало только со времени перерожденія въ Халхъ хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты.

Почти одновременно со введеніемъ въ Халхъ буддизма, — силы, которая въ настоящее время всецѣло поработила себѣ духъ халхасовъ и заставила ихъ помышлять только о загробной жизни; о-богъ съ халхаскими кочевьями возникала и годъ отъ года становилась крѣпче другая сила, которой также суждено было имѣть громадное вліяніе на жизнь халхасовъ и поработить себѣ ихъ физическое существо; — то было возрождавшееся могущество маньчжуровъ. Начиная съ 1583-го года тайцзу, или верховный предокъ настоящей дайцинской династіи, ежегодно совершая рядъ побѣдъ, все болѣе и болѣе расширялъ свои владѣнія и къ концу 1616 года сдѣлался уже не только единодержавнымъ правителемъ всѣхъ, собственно маньчжурскихъ поколѣній, но и распространилъ свои владѣнія отъ береговъ Восточнаго океана до Монголіи и отъ великой стѣны до Амура. Извѣстно, что основатели династій изъ кочевыхъ народовъ всегда стремились направлять свои набѣги на осѣдлыя государства, которыя представляли собою гораздо большую наживу для кочевниковъ. Въ маньчжурахъ мы не находимъ исключенія изъ этого общаго историческаго закона и потому тайцзу ихъ династіи, немедленно по объединеніи подъ своею властію собственно маньчжурскихъ поколѣній, обра-

тилъ свое вниманіе не на сосѣдственную кочевую Монголію, а на Китай. При таковыхъ условіяхъ весьма вѣроятно, что Монголія еще на долго оставалась-бы странюю независимою отъ маньчжуровъ, если-бы въ ея собственной внутренней жизни не явилось причинъ, приведшихъ ее къ маньчжурскому подданству. Мы видѣли уже, что Халха представляла собою въ то время отдѣльныя, независимыя одно отъ другого княжества; таковою же была и южная Монголія съ тою только разницею, что здѣсь владѣльцы аймаковъ, кажется, еще болѣе привыкли руководиться своимъ произволомъ: они самостоятельно располагали своими дѣйствіями и каждый аймакъ по своей волѣ принималъ у нихъ набѣги въ ту, или въ другую сторону, входилъ въ дружественныя сношенія или враждовалъ съ тѣмъ или другимъ чуждымъ ему поколѣніемъ, или народомъ. Такимъ образомъ въ 1593-мъ году мы видимъ Корциньскихъ тайчжѣевъ помогающими аймакамъ Дада, Ула, Хойфа, и другимъ въ ихъ битвахъ съ маньчжурскимъ тайцзу, а въ 1608 году сообщниками уласкаго князя Бузантай'я, въ то время еще отстаивавшаго свою независимость отъ тайцзу¹⁾. Въ 1604-мъ году на ханскій престолъ въ южной Монголіи вступилъ предприимчивый Ликданъ-ханъ²⁾, получившій за свою храбрость отъ современниковъ прозваніе—батыра. Съ самыхъ первыхъ годовъ своего правленія онъ хотѣлъ возстановить древнія права единодержавія, принадлежавшія его роду и началъ требовать отъ родственныхъ ему аймачныхъ владѣльцевъ южной Монголіи не союза, а безусловной покорности. Это покушеніе на свободу естественно должно было встрѣтить оппозицію со стороны аймачныхъ владѣльцевъ и они всѣми силами стали отстаивать свою независимость. Ликданъ долженъ былъ взяться за оружіе, чтобы при помощи его, какъ говоритъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей возвышенія маньчжурскаго дома, достигнуть уже не одного утвержденія своего верховнаго вліянія надъ прочими владѣльцами, но и истребленія всѣхъ ослушныхъ вассаловъ, осмѣлившихся бороться съ

---

¹⁾ Илэтхэмъ шастиръ. Т. 17-й, л. 5-й.

²⁾ Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen S. 418.

своихъ повелителемъ¹⁾. Ожесточенные этою борьбою и притѣсненіями аймачные владѣльцы рѣшили совершенно оставить Ликдана и бѣжать отъ его постоянныхъ нападеній. Такимъ образомъ учжумуцинскій Цокту ноянь въ періодъ этихъ войнъ перекочевалъ на сѣверъ Гоби въ Халху, а потомъ, когда у халхаскихъ князей возникли междоусобицы, ушелъ въ Хүхү-норь²⁾; владѣтели сунитскіе³⁾, хучитскіе⁴⁾ и абагаскіе⁵⁾, перекочевавъ къ Хэрүлэну, передались сэцэнъ хану. Эти то передавшіеся халхасамъ южные монголы безъ сомнѣнія и явились главною побудительною причиною возникновенія сношеній между Халхою и маньчжурами. Мы знаемъ, что еще живы на югѣ, эти монголы входили въ соприкосновеніе съ возвышающимися владѣтелями Цзянь-чжоу и потому не могли не знать объ его возрастающемъ могуществѣ; въ послѣдствіи, сосѣдя съ маньчжурами, они конечно гораздо прежде халхасовъ должны были слышать и узнавать о новыхъ геройскихъ подвигахъ и завоеваніяхъ маньчжурскаго владыки; естественно потому, что они первые принесли въ Халху положительныя свѣдѣнія о маньчжурахъ и распространяли за симъ вѣсти объ ихъ новыхъ успѣхахъ. Нужно-ли говорить что назива путемъ захвата военной добычи считается у кочевниковъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ способовъ обогащенія и что поэтому жажда брани и постоянные дикіе набѣги составляютъ для нихъ буквально жизненную стихію: одушевляемые желаніемъ этихъ набѣговъ они всегда ждутъ себя только искуснаго предводителя, храбраго полеводца и всегда готовы склониться на его сторону, стать въ ряды его сподвижниковъ, ибо видятъ въ этомъ соединеніи достиженіе своихъ завѣтныхъ цѣлей. При таковыхъ общихъ вѣсѣмъ кочевымъ народамъ взглядахъ, понятно, что слухи о постоянныхъ удачныхъ походахъ и богатыхъ добычахъ должны были притягивать и вышепомянутыхъ кочевыхъ монголовъ къ общенію съ маньчжурскими владыками и что монголы эти не замед-

¹⁾ Горскій. — Начало и первая дѣла маньчжурскаго дома, стр. 102.

²⁾ Чиндаманійинъ-эрихъ. Біографія Чжанчжа хутухты Т. 2-й, л. 208-й.

³⁾ Илэтхэлъ шастиръ Т. 34-й, л. 5-й.

⁴⁾ Ibid. Т. 35-й, л. 3-й.

⁵⁾ Ibid. Т. 37-й, л. 3-й.

лили дѣйствительно искать этого общенія. Первыми изъ таковыхъ искателей естественно явились тѣ аймаки, которымъ ближе всего были извѣстны геройскіе подвиги тайцзу и тайцзуна и которые прежде сражались противъ этихъ обоихъ владыкъ, это — Хорцинъ, Аоханъ, Найманъ, Харачинъ и другіе; за ними потянулись и всѣ остальные монгольскіе улусы, жившіе на югѣ и наконецъ перекочевавшіе на сѣверъ — Учжумуцинъ, Сунитъ, Абага и пр. Въ 9-мъ году правленія Сурэ-хана (1634) эти послѣдніе аймаки явились къ маньчжурамъ уже вмѣстѣ своимъ сюзереномъ — халхаскимъ сэцэнъ ханомъ Шолой'емъ и, представивъ подарки изъ мѣстныхъ произведеній, заявили тайцзуну о своемъ желаніи заключить съ нимъ дружественный договоръ. Такимъ образомъ изъ числа халхаскихъ правителей первымъ, начавшимъ искать общенія съ маньчжурами, былъ ближайшій къ нимъ по сосѣдству сэцэнъ ханъ¹⁾, за симъ въ порядкѣ географической постепенности къ нимъ явились тушѣту ханъ Гомбо и цзасакту ханъ Сүбуди²⁾. Это общеніе было однако далеко не то что подданство: халхасы видѣли въ немъ только пріобрѣтеніе для себя богатаго, сильнаго и предприимчиваго сообщника, который могъ при нуждѣ защищать ихъ и подъ главенствомъ котораго они рассчитывали произвести когда либо лишній удачный набѣгъ въ ту или другую сторону; но вступая въ связь съ маньчжурами и до нѣкоторой степени признавая ихъ силу и главенство надъ собою, халхаскіе князья тѣмъ не менѣе не давали маньчжурамъ ни права вмѣшиваться въ свою внутреннюю жизнь, ни ограничивать своего произвола во внѣшней дѣятельности. Это собственно говоря былъ актъ обыкновенной дипломатической тактики кочевниковъ, при помощи которой они всегда эксплуатировали своихъ сильныхъ сосѣдей и обогащались на ихъ счетъ. Такого рода тактикою они обходили напримѣръ китайцевъ и, получая отъ нихъ богатую наживу, въ тоже время вели совершенно самостоятельную и независимую жизнь, преслѣдуя исключительно свои собственные интересы и до такой степени, что иногда нападали на

---

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріянгуй Т. 53, л. 4-й.

²⁾ Цзасакту хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 61-й, л. 4-й.

своихъ же сообщниковъ. Событія первыхъ временъ послѣ возникновенія сношеній съ маньчжурами ясно показываютъ намъ, что и на этотъ разъ халхасы хотѣли приложить ту же политику и если она не удалась имъ, то главнѣйшими причинами для сего было во 1-хъ то, что они начали вести дѣло также точно съ кочевниками, ясно прозрѣвавшими всѣ ихъ планы и намѣренія; а во 2-хъ то, что халхаскіе князья скоро измельчали при вліяніи на нихъ буддизма и не могли устоять предъ хитрою политикою и силою маньчжуровъ. Въ такомъ положеніи застаемъ мы Халху въ тотъ періодъ, съ котораго начинается наше изданіе лѣтописи. Для яснаго представленія о халхаскихъ князьяхъ того времени и родственныхъ отношеніяхъ ихъ между собою мы представляемъ здѣсь родословную таблицу главнѣйшихъ ихъ родовъ.

II.

ПАРСТВОВАНІЕ ДЭГЭДҮ ЭРДЭМТҮ.

1636-й годъ, которымъ начинается наше изданіе лѣтописи Эрденійнъ эрихэ, есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ годовъ въ исторической жизни халхаскихъ монголовъ. Значеніе его не обусловливается какимъ либо переворотомъ, совершившимся въ Халхѣ въ ту пору, — въ свое время напротивъ этотъ годъ прошелъ для халхасовъ почти

также незамѣтно, какъ и многіе другіе годы; но за всѣмъ тѣмъ въ дни его имѣли свое мѣсто такіа событія, которымъ въ послѣдствіи суждено было имѣть громаднѣйшее вліяніе на всѣ стороны жизни халхасовъ. Нашъ лѣтописецъ, обозначая этотъ годъ въ своемъ твореніи, считалъ необходимымъ отличить его по всѣмъ извѣстнымъ ему способамъ лѣтосчисления, а именно, по способамъ китайскому и маньчжурскому, гдѣ историческая хронологія одинаково ведется по годамъ правленія императоровъ и наконецъ по способу лѣтосчисления монгольскому, или собственно тибетскому, который состоитъ изъ 60-ти лѣтняго цикла и будучи всецѣло принятъ монголами отъ тибетцевъ, постоянно практикуется ими въ обыденной жизни до нынѣ и въ такой степени, что календарь маньчжурскій, которому монголы обязаны слѣдовать теперь въ силу своей политической зависимости отъ этого народа, употребляется ими только въ официальной, государственной перепискѣ. Въ объясненіе этихъ различныхъ способовъ лѣтосчисления мы должны сказать, что китайцы и маньчжуры въ своей исторической хронологіи, равно какъ и вообще въ жизни гражданской пользуются лѣтосчисленіемъ по годамъ правленія императоровъ. Каждый императоръ при вступленіи своемъ на престолъ даетъ у нихъ особое названіе своему правленію и послѣдовательный порядокъ годовъ этого правленія отъ начала до конца его составляетъ собою хронологическій отдѣлъ въ общей исторіи китайцевъ и маньчжуровъ; новый императоръ даетъ также точно новое названіе своему правленію и царствованіе его начинается собою новый хронологическій отдѣлъ; совокупность же всѣхъ царствованій и слѣдовательно всѣхъ отдѣловъ представляетъ собою полную ихъ исторію и слѣдовательно полную хронологію. Такимъ образомъ 1636-й годъ китайскіе историки называютъ девятымъ годомъ правленія Чунъ-чжэнь, подъ каковымъ именемъ извѣстно было у нихъ царствованіе шестнадцатаго императора изъ Миньской династіи¹⁾;

П о я с н е н і я на стр. 64.

¹⁾ Ли-дай-ванъ-нянь-бяо. Цзюань 4-я. л. 28-й. Что касается до разногласія между китайскими историками и монгольскимъ лѣтописцемъ, по которому первые 1636-й годъ считаютъ девятымъ годомъ правленія Чунъ-чжэнь, а послѣдній восьмымъ, то оно весьма могло произойти или по незнанію монгольскаго лѣтописца, или же въ силу того, что монголы въ данномъ случаѣ считали годъ дѣйствительный, а китайцы номинальный.

54. у маньчжуровъ въ этомъ году тайцзунъ далъ названіе годамъ своего правленія Чунъ-дэ (въ переводѣ на монгольскій языкъ — дэ-гэдү эрдэмтү, т. е. года правленія „высокодобродѣтельнаго“) и потому 1636 годъ составляетъ для маньчжурскихъ историковъ первый годъ этого правленія. Что касается тибетско-монгольского способа лѣтосчисленія, состоящаго изъ 60-ти лѣтняго цикла, то онъ, собственно говоря, есть общій способъ лѣтосчисленія китайцевъ, маньчжуровъ, тибетцевъ и монголовъ; но китайцы и маньчжуры употребляютъ его теперь почти исключительно въ сочиненіяхъ астрономическихъ, пользуясь во всѣхъ другихъ случаяхъ счетомъ времени по годамъ правленія императоровъ; тибетцы же и монголы знаютъ только 60-ти лѣтній циклъ и по нему исключительно ведутъ свое лѣтосчисленіе. Въ позднѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ эпохѣ настоящей дайцинской династіи и заимствованныхъ съ китайскаго, мы правда встрѣчаемъ иногда и у монголовъ счетъ по годамъ правленія императоровъ, но это объясняется собственно дословностью переводовъ съ китайскаго или маньчжурскаго языковъ. Разсматривая теперь составныя части этого 60-ти лѣтняго цикла у всѣхъ вышепомянутыхъ народовъ, мы находимъ въ нихъ весьма много сходнаго. У китайцевъ для обозначенія каждаго изъ годовъ 60-ти лѣтняго цикла берется одинъ изъ 10-ти такъ называемыхъ небесныхъ пней (гань) и одна изъ 12-ти земныхъ вѣтвей (чжи), во всемъ же циклѣ они повторяются, чередуясь въ послѣдовательномъ порядкѣ, шесть разъ, а вѣтви — пять, пока такимъ образомъ не составитъ 60-ти лѣтній циклъ. Маньчжуры отвергли у себя употребленіе китайскихъ „пней“ и замѣнили ихъ наименованіемъ цвѣтовъ (синій, — синеватый, красный — красноватый, желтый — желтоватый, бѣлый — бѣловатый и черный — черноватый); тибетцы же, а вслѣдъ за ними и монголы, въ соотвѣтствіе маньчжурскому названію цвѣтовъ, употребляютъ названія пяти стихій (земля, вода, огонь, желѣзо, дерево), передъ каждой изъ которыхъ ставится сперва мужескій а потомъ женскій родъ. Въмѣсто китайскихъ двѣнадцати „вѣтвей“ у маньчжуровъ, равно какъ у тибетцевъ и монголовъ употребляются названія двѣнадцати животныхъ, которыя надобно принимать въ смыслѣ зна-

ковъ зодіака и которыя сами по себѣ могутъ составлять малый, 12-ти лѣтній циклъ. Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ шестидесятилѣтнемъ циклѣ я прилагаю въ концѣ этой книги полную таблицу составляющихъ его 60-ти годовъ, съ обозначеніемъ соотвѣствующихъ имъ годовъ нашего лѣтосчисленія, теперь же продолжу о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя были сдѣланы въ вышепомянутомъ 60-ти лѣтнемъ циклѣ тибетцами для того, чтобы придать большую ясность и точность своему времясчисленію. Нѣтъ сомнѣнія, что, занимаясь исторіею, буддійскіе ученые въ Тибетѣ не могли не замѣтить тѣхъ неудобствъ и недостатковъ 60-ти лѣтняго цикла, по которымъ вслѣдствіе частаго повторенія однихъ и тѣхъ же годовъ, трудно было приурочивать то или другое событіе къ извѣстному году, особливо когда дѣло касалось отдаленной старины. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, они постановили 1027-й годъ по Р. Х. считать эрою своего лѣтосчисленія и какъ этотъ годъ приходился у нихъ подъ названіемъ огня и зайца, то годъ огня и зайца называли они рабчжуномъ, или начальнымъ годомъ своего лѣтосчисленія. Монголы также точно усвоили себѣ это нововведеніе тибетцевъ, а потому, записывая въ своихъ хроникахъ тѣ или другія событія и желая точно обозначить ихъ время, они иначе уже и не дѣлали хронологическихъ указаний, какъ съ обозначеніемъ счета рабчжуна. Такъ напр. рассказывая о времени первыхъ сношеній Чингисъ хана съ Тибетомъ и первоначальнаго распространенія буддизма въ Монголіи, они говорятъ, что событія эти имѣли свое мѣсто въ четвертомъ году огня и зайца¹⁾; другими словами, это будетъ означать, что сношенія Чингисъ хана съ Тибетомъ начались въ первомъ году четвертаго шестидесятилѣтія послѣ 1027-го года, или что тоже въ 1207 году. По нашей лѣтописи годъ рожденія Чжэбцунъ дамба хутухты относится къ году синеватой свиньи, приходящемуся въ одиннадцатомъ кругу шестидесятилѣтняго цикла. По таблицѣ этого цикла оказывается, что годъ синеватой свиньи есть девятый въ общемъ цикловомъ кругѣ; а потому,

Бл. стр. 54. Поясненія

¹⁾ Дэгэду шашинъ эрдэни бэр монгол орон-и түгэгүдүхсөн үги үцзэгүдүхсээн л. 2-й.

П о я с н е н і я н а с т р. 54.
зная, что эроу тибетско-монгольского лѣтосчисленія служить 1027 годъ, мы для отысканія года христіанскаго лѣтосчисленія, который со- отвѣтствовалъ бы году рожденія Чжэбцзунъ дамбы, должны взять: 1027 + 600, или десять шестидесятилѣтнихъ цикловъ, да изъ один- надцатаго цикла + 9; все это и составитъ 1636-й годъ. Таковъ самый обыкновенный и общій способъ лѣтосчисленія у монголовъ и тибетцевъ: впрочемъ есть у нихъ и еще одна особенность, касающаяся 60-ти лѣт- няго цикла, но практикующаяся только въ ученomъ мѣрѣ и въ ученыхъ сочиненіяхъ. По этой особенности каждому изъ годовъ 60-ти лѣтняго цикла, обозначавшихся по первоначально названіемъ рода стихіи и живот- наго, дано еще особое, какъ говорятъ монголы, „титулованное названіе“; такъ, первый годъ 60-ти лѣтняго цикла, или рабчжунъ, получилъ у нихъ прозвище „совершеннаго“; девятый — „исполненнаго жизни“; тринадцатый — „побѣдоноснаго“; двадцать второй — „исполненнаго препятствій“; двадцать пятый — „радостнаго“; тридцать пятый — „добродѣтельнаго“; пятьдесятъ третій — „свирѣпаго“; пятьдесятъ шестой — „изрыгающаго кровью“ и пр. Эти послѣднія прозвища или титулы годовъ основываются уже на системѣ гаданій, по крайней мѣрѣ такое значеніе придаютъ имъ современные монголы; если же мы знаемъ, что какъ у тибетскихъ такъ и у монгольскихъ ученыхъ знанія астрономіею неразлучны съ занятіями колдовствомъ и гаданіями. то намъ нѣтъ и причины сомнѣваться въ истинности указаннаго про- исхожденія этихъ названій, тѣмъ болѣе что логическій смыслъ ихъ нисколько не противорѣчитъ сказанному объясненію. Таковы всѣ, извѣстные намъ способы лѣтосчисленій, усвоенные монголами и пол- ное примѣненіе которыхъ мы встрѣчаемъ въ опредѣленіи нашимъ авторомъ перваго года нашего изданія составленной имъ лѣтописи.

Обращаясь теперь къ изложенію событій этого года, мы необходимо должны вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ признать важ- нѣйшимъ изъ нихъ рожденіе у тушѣту хана Гомбо дорджи сына, который впослѣдствіи былъ объявленъ хубилганомъ Чжэбц- зунъ-дамба-хутухты, сдѣлался главою буддійской церкви въ Халхѣ и своею дѣятельностію имѣлъ громадное вліяніе на политическую жизнь халхасовъ. Событіе это совершилось 25-го числа 9-й

хуны¹⁾ въ урочищѣ Усунъ цзунлѣ, мѣстонахожденіе котораго намъ не извѣстно въ точности и не обозначается ни на одной изъ европейскихъ и китайскихъ картъ, но которое, по преданію халхасовъ называлось прежде Чжисунъ цзунлѣ, а настоящее свое имя получило въ память чудеснаго явленія Далай ламы, представившагося здѣсь Абатаю подѣ видомъ простаго монаха²⁾. Отличая вмѣстѣ съ авторомъ Эрдэніи-эрихэ это событіе изъ числа происшествій 1636 года въ Халхѣ, мы оговариваемся однако въ томъ, что придаемъ ему значеніе только по послѣдствіямъ и думаемъ, что въ свое время оно обратило на себя вниманіе развѣ только семьи тушѣту хана, да лицъ близкихъ къ нему. Что касается остальныхъ халхасовъ, то для нихъ рожденіе ребенка въ домѣ тушѣту хана не имѣло ничего особеннаго, ибо за этимъ ребенкомъ въ то время еще не признавали они никакого чудеснаго происхожденія. И такъ халхасы продолжали свою обычную жизнь, перекочевывая со своими стадами съ мѣста на мѣсто и прислушиваясь къ вѣстямъ о событіяхъ въ сосѣднихъ государствахъ, на счетъ которыхъ они никогда не упускали случая поживиться.

Въ этихъ сосѣднихъ государствахъ между тѣмъ жизнь текла бурнымъ потокомъ. Въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ сряду тайцзунъ маньчжурской династіи ежегодно предпринималъ набѣги на югъ въ предѣлы китайской имперіи и такимъ образомъ халхасамъ приходилось съ одной стороны слышать о постоянныхъ нападеніяхъ маньчжуровъ, а съ другой быть свидѣтелями постоянной обороны и самозащиты со стороны китайцевъ. Годъ отъ года эта борьба восточныхъ и южныхъ сосѣдей Халхи обострялась все болѣе и болѣе, положеніе съ той и съ другой стороны становилось все болѣе и болѣе натянутымъ, но для монголовъ все это имѣло важность лишь потому, что рано или поздно тайцзунъ на своемъ пути къ овладѣнію Китаемъ непремѣнно долженъ былъ столкнуться съ главнѣйшимъ въ то время монгольскимъ поколѣніемъ — чахарами. Столкновеніе это было тѣмъ болѣе несомнѣнно, что чахары не только стояли на пути маньч-

Поясненія на стр. 34.

¹⁾ Чжэбцзун-дамба хутух. тўруз'ун тўхэ л. 10-й.

²⁾ Чжэбцзун-дамба хутухтуйнъ тўрўлмйнъ тўхэ л. 8.

П о я с н е н і я   н а   с т р . 54.
журовъ къ Китаю, но еще, получая дары отъ китайцевъ, были вѣрными сообщниками послѣднихъ и, съ одной стороны охраняли границы срединной имперіи, а съ другой доставляли китайцамъ изъ своихъ прекрасныхъ табуновъ лошадей для конницы и артиллеріи. Въ 1634-мъ году тайцзунъ, желая возможно болѣе подорвать силы Китая, дѣйствительно отправилъ свои войска на чахаровъ и разбилъ на голову ихъ хана Лиедана, послѣ чего побѣжденный владыка монголовъ своею смертію закончилъ поколѣніе монгольскихъ хановъ на югѣ Гоби. Сынъ его Эчжэ въ слѣдующемъ 1635-мъ году правда попытался было возстановить чахарскій аймакъ, но тайцзунъ тотчасъ же послалъ на него новыя войска, которыя возвратились, окончательно побѣдивъ чахаровъ и захвативъ въ плѣнъ несчастнаго Эчжэ со всѣми его вѣрными сообщниками¹⁾. Съ паденіемъ чахарскаго аймака китайская имперія осталась еще болѣе беззащитною на своихъ границахъ, а при постоянныхъ войнахъ съ маньчжурами въ своихъ внутреннихъ областяхъ, должна была прежде всего почувствовать недостатокъ въ пополненіи лошадьми своихъ войскъ. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи китайцамъ ничего не оставалось болѣе, какъ искать помощи со стороны другихъ богатыхъ скотоводствомъ кочевниковъ, каковыми и представлялись для нихъ теперь халхасы. И вотъ вслѣдъ за подчиненіемъ чахаровъ маньчжурскому дому, Миньскій дворъ началъ свои сношенія съ халхаскимъ сэцэнъ ханомъ, въ разсматриваемомъ же нами 1636-мъ году сэцэнъ хановцы уже начали мѣновую торговлю лошадьми съ Китаемъ. Этотъ фактъ можетъ показаться для насъ страннымъ, ибо мы знаемъ, что сэцэнъ ханъ еще до сего времени заключилъ союзъ съ маньчжурами; но я говорилъ уже, что вѣроломство составляло отличительную черту характера халхасовъ: исполненіе условій всякихъ договоровъ и союзовъ халхасы никогда не считали для себя священнымъ; они стремились лишь къ достиженію собственныхъ интересовъ и потому обыкновенно не придавали рѣшительно никакого значенія ни данному слову, ни принятой клятвѣ, если обстоятельства договора перестали быть для нихъ вы-

---

¹⁾ Горскій. — Начало и первая дѣла маньчжур. дома, стр. 148.

годными. Тайцзунь однако далеко не такъ взглянулъ на это дѣло и лишь только провѣдалъ онъ о доставленіи сэцэнъ хановцами лошадей миньскому дому, какъ тотчасъ же напомнилъ халхасамъ о заключенномъ съ ними союзѣ и послалъ отъ себя грозную грамоту сэцэнъ хану. „Миньцы, писалъ онъ весною 1636 года къ сэцэнъ-хановскимъ тайчжіямъ, мои ненавидимые враги. Прежде чахарскій Лигданъ-ханъ, польстившись на подарки, выдаваемые ежегодно миньцами, не вступалъ со мною въ союзъ, не допускалъ меня повоевать миньцевъ и сверхъ того еще помогалъ имъ, посылая свои войска. Оттого я двинулъ свою армію и побѣдилъ чахаровъ. Небо не благоволило чахарамъ и потому отдало мнѣ ихъ народъ. Нынѣ вы мѣняете лошадей съ миньцами, а это точно также есть выраженіе вспомошествованія миньцамъ. Слѣдовало-бы вамъ усвоить себѣ примѣръ чахаровъ. Измѣнитесь!“¹⁾ Шолой, еще прежде признававшій силу маньчжуровъ, получивъ эту грамоту, не могъ не обратить вниманія на ея внушительно строгій тонъ: зижю того же 1636-го года онъ отправилъ на аудіенцію къ императору Вайцзанъ ламу и приказалъ доложить, что сэцэнъ хановцы не будутъ уже болѣе вести мѣнковой торговли съ Китаемъ. Тайцзунъ, съ своей стороны не желая раздражать халхасовъ, изъяснилъ вновь свое расположеніе къ сэцэнъ хану и, отправивъ отъ себя Цаганъ ламу, послалъ Шолой'ю подарки, состоявшіе изъ собольей курмы, четокъ, лука, меча, золота и шелковыхъ тканей²⁾.

Всѣ эти сношенія сэцэнъ хана съ маньчжурами не могли конечно ускользнуть отъ вниманія прочихъ халхаскихъ хановъ, а принятіе императорскаго титула тайцзуномъ несомнѣнно еще болѣе возвысило этого послѣдняго въ глазахъ халхасовъ. Вотъ почему представляется весьма естественнымъ, что вскорѣ послѣ описаннаго и такъ удачно окончившагося столкновенія маньчжуровъ съ сэцэнъ ханомъ и именно по сказаніямъ нашей лѣтописи, уже во 2-мъ году правленія Дэгэдү эрдэнтү (1637), къ маньчжурамъ потянулись посольства какъ отъ тушгту хана, такъ и отъ цзасакту хана. Соображая обстоятельства,

¹⁾ Сэцэнъ хану аймаг. шаст. хуріанг. Т. 53, л. 4.

²⁾ Ibid. 53—5.

54. мы видимъ, что посольства эти были, собственно говоря, самымъ прямымъ результатомъ желаній, одушевлявшихъ въ то время халхасовъ, правительственное же событіе принятія тайцзуномъ императорскаго титула явилось въ данномъ случаѣ для халхаскихъ хановъ только счастливымъ предлогомъ, чтобы отправить къ новому владыкѣ своихъ людей и подарки, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявить ему чувства своей преданности. И такъ, въ сказанномъ сообщеніи лѣтописи мы видимъ изложеніе событій, весьма логически вытекавшаго изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ халхаской жизни; но въ то же время въ насъ невольно возбуждаетъ сомнѣніе одинъ фактъ, который утверждаетъ наша лѣтопись, — именно фактъ представленія доклада о союзѣ въ 1637-мъ году цзасакту-ханомъ Субуди. Официальная біографія тушѣту хановъ положительно увѣряетъ насъ, что въ 1637-мъ году докладъ о союзѣ былъ представленъ только сэцэнъ ханомъ Шолой'емъ и тушѣту ханомъ Гомбо¹⁾ и совершенно умалчиваетъ о цзасакту ханѣ; точно также молчитъ о представленіи доклада въ 1637 г. и спеціальная біографія цзасакту хановъ, хотя конечно она не могла-бы опустить такого важнаго событія; наконецъ въ совершенную противоположность сообщенію нашей лѣтописи эта послѣдняя біографія заявляетъ, что цзасакту ханъ Субуди представлялъ свой докладъ уже послѣ тушѣту хана²⁾ и слѣдовательно не одновременно съ нимъ, какъ объ этомъ сообщаетъ, повидимому, наша лѣтопись. Примирить эти противорѣчія можно развѣ тѣмъ предположеніемъ, что халхаскія посольства въ ту пору довольно часто посѣщали Маньчжурію (такъ относительно сэцэнъ хана мы знаемъ, что помимо посольства совмѣстнаго съ тушѣту ханомъ, онъ въ томъ-же 1637-мъ году отправлялъ еще отъ себя отдѣльнаго посла къ тайцзуну и представилъ ему въ подарокъ дикаго барана, водящагося въ сэцэнъ хановскомъ аймакѣ и извѣстнаго у монголовъ подъ именемъ — тэкэ³⁾); отсюда возникаетъ вѣроятіе что и цзасакту ханъ первый докладъ съ извѣщеніемъ о своемъ присоединеніи къ маньчжурамъ представилъ хотя и въ томъ же 1637 году, но уже послѣ тушѣту хана, —

¹⁾ Тушѣту хяну айм. шаст. хуріянг. Т. 45, л. 5-й.

²⁾ Цзасакту хяну айм. шаст. хуріянг. Т. 61, л. 4.

³⁾ Сэцэнъ хяну айм. шаст. хуріянг. Т. 53, л. 5-й.

въ отдѣльномъ посольствѣ. Но всего естественнѣе думать, что заяв-
леніе цзасакту хана послѣдовало въ самомъ началѣ слѣдующаго 1638-го
года, только представлено оно было нѣсколько ранѣе того общаго
посольства халхаскихъ хановъ, о которомъ упоминаетъ подъ этимъ
годомъ наша лѣтопись и которое привезло съ собою въ Халху по-
становленіе маньчжуровъ о внесеніи дани халхасами. По біографіи
цзасакту хановъ намъ извѣстно, что зимою въ 1637-го года, цза-
сакту ханъ, собравъ войска своего аймака, намѣревался идти на
разграбленіе Хүхэ хото. Тайцзунъ, прослышавъ о готовящемся на-
паденіи халхасовъ на мѣста, которыя успѣли уже признать надъ
собою маньчжурское господство, отправилъ свою армію для отра-
женія набѣга. Цзасакту хановцы, приведенные въ ужасъ движе-
ніемъ на нихъ маньчжурскихъ войскъ, разбѣжались и тогда то
Субуду счелъ необходимымъ отправить своихъ пословъ къ тайцзуну,
прося у него извиненія за доставленное безпокойство. Императоръ
принялъ посольство и въ отвѣтъ на подарки цзасакту хана послалъ
ему письмо, которое по времени написанія своего несомнѣнно отно-
сится къ 1638 году, а своимъ содержаніемъ съ одной стороны пре-
красно характеризуетъ намъ первоначальныя отношенія маньчжуровъ
къ халхасамъ, а съ другой свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мѣтко про-
зрѣвали маньчжуры всѣ планы и надежды не хитрыхъ степныхъ пол-
птиковъ. „На виновныхъ, писалъ тайцзунъ, я посылаю войска и повое-
вываю ихъ, а невинныхъ привожу въ покорность мудростию. Един-
ственно за то что я дѣйствую по справедливости, небо благословляетъ
меня и отдало мнѣ всецѣло монгольскіе и чахарскіе улусы. Что ка-
сается васъ, то вы состояли въ ихъ (т. е. чахарскомъ) вѣденіи, —
справедливость требуетъ, чтобы вы, собравшись вмѣстѣ, пришли под-
даться, или же, по просту, внимательно блюли бы свои границы и кон-
чено. Ссоры со мной, грабежи и разбойничества безъ сомнѣнія суть
результатъ (вашей) надежды на то, что „мы-де и къ сѣверу и къ югу
живемъ далеко и до насъ не дойдутъ“. Теперь я дѣлаю вамъ внушеніе и
отселѣ впредь не добывайте вы себѣ вины вторженіями въ Хүхэ хото“¹⁾.

Поясненія на стр. 64.

¹⁾ Цзасакту хану аймаг. шаст. хуріанг. Т. 61-й, л. 6-й.

Таковы были обстоятельства первых сношеній цзасакту хана съ маньчжурами по сказаніямъ спеціальной исторіи цзасакту хановскаго аймака. Несомнѣнно, что при постепенно завязывавшихся полу-дружественныхъ и полу-зависимыхъ отношеніяхъ тушѣту хана и сэцэнъ хана къ дайцинамъ, цзасакту-хановцы рано или поздно должны были также войти въ подобную связь; но за всѣмъ тѣмъ изъ разсмотрѣнія представленнаго факта очевидно, что въ данномъ случаѣ со стороны Сүбуди не было никакой дѣйствительной попытки начать сношенія съ маньчжурами, такъ что отправляясь въ походъ на Хүхэ хото, Сүбуди едва-ли предполагать, что результатомъ этого похода будетъ связь его съ иноземнымъ владыкою, предъ которымъ онъ волей неволей долженъ былъ преклониться и слава о подвигахъ и могуществѣ котораго уже поселила робость въ душахъ трусливыхъ халхасовъ. Мы видимъ, что едва услыхали цзасакту-хановцы о движеніи войскъ тайцзуна, какъ тотчасъ же обратились въ бѣгство, — очевидно что борьбу съ маньчжурами они считали для себя невозможною. Но тайцзунъ вообще былъ страшенъ для халхасовъ не одною своею силою: они видѣли въ немъ еще и проницательнаго политика, отъ котораго не скрываются ни ихъ планы, ни ихъ надежды; они не могли не замѣтить въ немъ наконецъ ту стойкость въ достиженіи своихъ цѣлей и ту зоркость къ совершающемуся вокругъ, при которыхъ онъ не пропуститъ имъ даромъ ни одного шага. Правда, халхаскимъ князьямъ еще впервые приходилось встрѣчаться съ такого рода силою и самыя отношенія ихъ къ маньчжурамъ были еще черезъ чуръ малозначительны и кратковременны для того, чтобы совершенно убѣдиться имъ въ невозможности если не бороться, то тѣмъ или другимъ способомъ провести маньчжуровъ; но за всѣмъ тѣмъ военные успѣхи тайцзуна, равно какъ и содержаніе писемъ его къ цзасакту хану и сэцэнъ хану не могли не внушать халхасамъ опасенія за вѣрность ихъ предположеній о полной невозможности противустоять маньчжурамъ. Вотъ почему сознавая въ душѣ свою полную немошь, халхасы въ послѣдующіе за симъ годы могли только преклоняться предъ грозною силою маньчжуровъ, а во вѣшнихъ отношеніяхъ не нашли для себя ничего лучшаго, какъ только льстить этой силѣ, надѣясь или поживиться на ея

счетъ, или же какъ нибудь закрыть ей глаза своею преданностію и ласкательствами для того, чтобы обдѣлать свои дѣла гдѣ-нибудь на сторонѣ. Въ свою очередь тайцзунъ вполне понималъ и положеніе, и намѣренія халхасовъ. Онъ зналъ, что халхасы никогда не начнутъ открытой и серьезной борьбы съ нимъ, ибо они были безсильны для этого; зналъ, что, сознавая свое безсиліе для борьбы, халхасы будутъ готовы исполнять все его требованія, какъ-бы ни были онѣ унижительно для ихъ чести, но лишь-бы только онѣ не лишали ихъ надежды на возможность достиженія мелочныхъ интересовъ. Понимая это общее направленіе степныхъ политиковъ, тайцзунъ въ интересахъ своей династіи постоянно стремился съ одной стороны къ поддержанію и большому упроченію своего вліянія на халхасовъ, а съ другой заботился объ урегулированіи отношеній къ себѣ халхаскихъ князей и главнымъ образомъ объ ограниченіи ихъ навязчивости и вымогательства. Мы видимъ, что не будучи въ состояніи поживиться на счетъ маньчжуровъ путемъ набѣговъ и грабежей, халхасы приняли для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей другую политику; они посылали къ тайцзуну свои постоянныя посольства, которые нужно было принимать и угощать; представляли подарки, за которые нужно было отдаривать конечно вдвое. Тайцзунъ хорошо понималъ и въ этомъ случаѣ всю невыгоду своего положенія, а потому не дальше какъ въ слѣдующемъ 1638-мъ году, ограничилъ принесеніе халхаскими князьями ихъ многочисленныхъ подарковъ, каждый изъ которыхъ требовалъ соотвѣтственной отплаты. Объ относительной величинѣ расходовъ по сему предмету мы не можемъ судить только потому, что передаетъ наша лѣтопись: дары, которые перечисляетъ она подъ 1638 годомъ принадлежать, по всей вѣроятности, только тушѣту хану, а о сэцэнъ ханѣ подъ тѣмъ же годомъ рассказывается, что онъ представилъ лошадей, латы, шлемъ, соболей и беркутовые перья; туркестанскіе: лукъ, вооруженіе, сѣдло и узду; армаскій (?) топоръ, горностаевую шубу и мѣхъ черной тапгутской лисицы¹⁾. Понятно чего стоило маньчжурамъ отплатить за эти рѣдкости, чтобы не ударить себя лицомъ въ

Поясненія на стр. 64.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хур. Т. 53, л. 6-й.

54. грязь! Нужно еще замѣтить при томъ, что посольства ходили не
отъ однихъ хановъ, какъ можно подуматъ объ этомъ по нашей лѣ-
тониси: посылали своихъ пословъ и свои подарки всѣ владѣтельные
на стр. князья монгольскіе; такъ въ 1637-мъ году являлись съ подарками
владѣтели сунитскіе и тайцзунъ для того чтобы отдарить ихъ, дол-
женъ былъ выдать имъ все, что получилъ онъ въ дань съ Кореи¹⁾;
въ 1638 году вмѣстѣ съ посольствомъ халхаскихъ хановъ, ходило
еще и посольство Даньцзинь-ламы, сына Туменькинаева²⁾, о чемъ
также умалчиваетъ лѣтопись и это посольство конечно также требо-
вало своихъ расходовъ. Принявши делегатовъ Халхи въ 1638 году,
тайцзунъ распорядился, чтобы монголы не тратились такъ много на
доказательства своей преданности; онъ обязалъ ихъ приносить дань
изъ „девяти бѣлыхъ“ и помимо сего воспретилъ всякое приношеніе
подарковъ³⁾. Для халхасовъ конечно это ограниченіе было весьма
тяжело, хотя, въ сознаніи своего безсилія противустоять ему, они
должны были перенести этотъ гнетъ и подуматъ объ изобрѣтеніи
какихъ либо новыхъ средствъ къ удовлетворенію своихъ корысто-
любивыхъ цѣлей. Но значеніе этого законоположенія маньчжуровъ
въ отношеніи къ халхасамъ не исчерпывалось одними только ма-
териальными убытками, долженствовавшими быть результатомъ огра-
ниченія ихъ эксплуатаціи; гораздо важнѣе для халхасовъ было то,
что они должны были отказаться отъ своей политики, — не могли
настоять на своемъ. Уступка маньчжурамъ въ данномъ случаѣ была
важна особенно потому, что она показывала несостоятельность
халхасовъ, обнаруживала ихъ безсиліе предъ всѣми другими мон-
гольскими племенами. Тѣ самые южные монголы, которые не за-
долго передъ симъ искали своей опоры въ халхасахъ, теперь уже не
могли смотрѣть на нихъ съ такою увѣренностію и мы дѣйствительно
замѣчаемъ, что союзъ халхаскихъ князей съ этого времени начинаетъ
распадаться. Не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1639-мъ году владѣ-
тели сунитскіе уже отдѣлились отъ своего бывшего покровителя сэ-

¹⁾ Изэtxэмъ шастиръ Т. 36, л. 3-й.

²⁾ Сайн нояну айм. шаст. хур. Т. 69-й, л. 5.

³⁾ Сэн. хан. айм. шаст. хуріян. Т. 53, л. 6-й.

цэнъ хана и перешли въ полное подданство къ маньчжурамъ¹⁾, а вслѣдъ за ними примѣру ихъ послѣдовали и тайчжи абагаскіе²⁾. Халхасы должны были опять таки терпѣливо переносить это распаде-
ніе своего союза и равнодушно смотрѣть на постоянное усиленіе маньч-
журовъ. Будучи не въ силахъ противустоять маньчжурамъ, они должны
были уступать имъ во всемъ и соглашаться на всѣ ихъ требованія до
самой смерти тайцзуна въ 1644-мъ году тѣмъ болѣе, что могущест-
венный и предприимчивый основатель дайцинъской династіи не давалъ
имъ возможности забывать о своей строгости, правотѣ и наблюда-
тельности, но время отъ времени посылалъ ханамъ свои то похваль-
ныя³⁾, то порицательныя⁴⁾ и во всякомъ случаѣ вселяющія почти-
тельное уваженіе къ нему письма.

О событіяхъ изъ внутренней жизни халхасовъ въ помянутый пе-
ріодъ мы знаемъ весьма не многое, изъ разсмотрѣнія же дальнѣйшей
исторіи ихъ можемъ почти съ достовѣрностію предположить, что хал-
хасы въ это время не предпринимали рѣшительно ничего для своего
внутренняго благоустройства. Правда, мы знаемъ, что главнѣйшіе изъ
правителей Халхи въ 1640 году принимали участіе на сеймѣ, кото-
рый созванъ былъ чжунгарскимъ Батуръ-хунъ-тайчжіемъ⁵⁾ главнымъ
образомъ въ виду того, чтобы установленіемъ внутренняго порядка
обезпечить внѣшнюю безопасность монгольскихъ поколѣній; знаемъ,
что правители эти утверждали законы, выработанные на помянутомъ
сеймѣ; но роль ихъ, по всей вѣроятности, была здѣсь совершенно
пассивною, ибо тѣ стремленія, осуществленія которыхъ добивались
ойраты, были не въ характерѣ халхасовъ. У халхасовъ не было той
самоувѣренности и бодрости, которая одушевляла чжунгаровъ, оттого
они никогда не могли ратовать за идеи, которыя проводили чжун-
гары и въ жизни своей никогда не рѣшались идти прямымъ путемъ
къ достиженію своихъ цѣлей, согласно примѣру своихъ западныхъ

¹⁾ Илэтхэлы шастиръ Т. 36-й, л. 5-й.

²⁾ Ibid. Т. 37-й, л. 4.

³⁾ Сайн ноёну аймаг. шаст. хуріян. Т. 69, л. 5-й.

⁴⁾ Цзасакту хану аймаг. шаст. хуріян. Т. 61, л. 6.

⁵⁾ Голстунскій, Монголо-Ойратскіе законы 1640 года. Стр. 37, 97—98.

М. единоплеменниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы халхасы были убѣж-
денны въ необходимости политическаго сплоченія монгольскихъ пле-
менъ, добиться котораго главнымъ образомъ хотѣлъ сеймъ 1640
года, если бы они вѣрили въ пользу для себя этого сплоченія, то для
насъ осталось-бы совершенно необъяснимымъ почему, выработавъ из-
вѣстные законы, они, какъ увидимъ мы ниже, тотчасъ же идутъ въ
совершенный разрѣзъ съ постановленіями этихъ законовъ въ своей
жизни? Не даетъ ли это намъ права съ полною достовѣрностью ут-
верждать, что халхасы въ упомянутый періодъ оставались безучастны
къ своему гражданскому благоустройству? Тщательное разсмотрѣніе
историческихъ намятниковъ выясняетъ намъ, что за весь періодъ отъ
1636 по 1644 г. вниманіе халхасовъ во внутренней жизни было
обращено главнымъ образомъ на содѣйствіе къ процвѣтанію буддизма;
хотя это содѣйствіе проявлялось у нихъ также своеобразно. Мы ви-
дѣли, что халхасы по началу ревностно припались за построеніе
храмовъ и монастырей; знаемъ, что по совѣту Шиддиту габчжу они
начали было уже готовить людей для перевода буддійскихъ
книгъ на монгольскій языкъ; можно было думать отсюда что они
преуспѣють серіозно въ дѣлѣ развитія буддизма; но со смертію
Шиддиту габчжу на дѣло переводовъ и научнаго изученія буд-
дизма уже не встрѣчается никакихъ указаній и религіозная ревность
халхасовъ выражалась, повидимому, въ одномъ только стремленіи
блестнуть внѣшнею стороною благосостоянія религіи. Понятно, что
все это сводится опять таки къ угодѣ праздности, невѣжеству и шар-
латанству. Блестящіе храмы, трехсаженные кумиры, шумныя рели-
гіозныя торжества и церемоніи, вотъ что увлекало халхасовъ и съ
этой стороны они и заботились о преуспѣяніи своей новой вѣры.
Чтобы представить себѣ какъ сильно занимались они дѣломъ внѣш-
няго благоустройства своихъ обитателей, достаточно сказать, что еще
въ періодъ управленія Эрдэни цзускиныхъ монастырей Шиддиту габч-
жу въ одномъ только храмѣ Цзу насчитывалось 1037 главныхъ бур-
хановъ, не говоря уже о другихъ, второстепенныхъ¹⁾. Для полного

¹⁾ Эрдэни цзуйнъ түүхэ л. 16-й.

процвѣтанія религіи халхасамъ, по ихъ понятіямъ, не доставало только одного, это первосвященника, который имѣлъ бы притомъ божественное происхожденіе и добыть такого первосвященника они заботились постоянно, принимая для сего всевозможныя мѣры. Первѣйшею личностію для поклонниковъ секты желтошапочниковъ въ Халхѣ былъ конечно тибетскій Далай лама, но выше уже было говорено о томъ, что онъ отказался ѣхать въ Халху еще при Абатай ханѣ; халхасы такимъ образомъ, отчаявшись видѣть у себя Далай ламу по своей личной просьбѣ, старались добиться его пріѣзда въ Халху черезъ маньчжуровъ и въ 1637-мъ году нарочито отправляли къ тайцзуну свое посольство, прося его приказать Далай ламѣ пріѣхать къ нимъ¹⁾. Не извѣстно какъ поступилъ тайцзунъ съ этой просьбой, но лѣтописи сохранили намъ сказаніе о томъ, что въ 1640-мъ году халхасы опять отправляли пословъ въ Тибетъ, чтобы пригласить и привезти Далай ламу и что послѣдній опять таки не исполнилъ ихъ просьбы²⁾. Весьма вѣроятно, что послѣ этого отказа халхасы рѣшились наконецъ замѣстить вакантную у нихъ каедрю первосвященника сыномъ тушѣту хана, поставляя такимъ образомъ главою своей церкви лицо если не божественнаго, то по крайней мѣрѣ высокороднаго, княжескаго происхожденія. Этотъ малютка, извѣстіемъ о рожденіи котораго въ 1636 г. начинается наша лѣтопись, въ 1639-мъ году принялъ обѣты гэнгпа или убаши³⁾, и въ то время получилъ имя Цзанабазаръ, а въ 1640-мъ году былъ окончательно посвященъ въ монашество ламою Ванши бурулэгу, или Вансу бурлигу, какъ называетъ его біографія Чжэбцзунъ дамба хутухтъ; при этомъ послѣднемъ посвященіи ребенокъ получилъ новое имя Лубсанъ дамба чжамцанъ, которое и оставалось съ нимъ до конца дней его⁴⁾. Въ 1640-мъ году Лубсанъ дамба чжамцанъ былъ только по пятому году, но не смотря на то халхасы провозгласили его главою

и о с т р . 54.

¹⁾ Барагунъ цзуйнъ шастирун хуріянгуй Т. 91, л. 10-й.

²⁾ Ibid. Т. 91, л. 11.

³⁾ О значеніи этого слова смотр. наше сочин. «Ургинскіе хутухты». стр. 77, 78.

⁴⁾ Чжэбцзун-дамба-хутухт. турул. түүхэ л. 12-й.

55. своей буддйской церкви въ Халхѣ и посадили его ширѣту'емъ, т. е. настоятелемъ монастыря, не задолго предъ тѣмъ построеннаго при Цаганъ-нурѣ. Въ трактатѣ объ обстоятельствахъ этого возведенія его на кафедру мы по различнымъ сочиненіямъ находимъ нѣсколько противорѣчивыхъ сказаній. Такъ, по словамъ нашей лѣтописи, халхасы одновременно съ призваніемъ Лубсанъ дамба чжамцана на кафедру, поднесли ему титулъ гэгэна, между тѣмъ изъ специальной біографіи ургинскихъ хутухъ видно, что будущій хубилганъ Чжэбцзунъ дамбы имѣлъ этотъ титулъ гораздо раньше и именно получилъ его на второмъ году отъ роду отъ сэцэнъ хана. Яснѣе это дѣло представляется такъ. Сэцэнъ ханъ Шолой, какъ и многіе другіе изъ халхаскихъ правителей, имѣлъ у себя нѣсколько титуловъ: въ его полномъ прозваніи „Гэгэнъ, Маха-самади, Сэцэнъ ханъ“ первые три титула суть приставочные къ основному титулу „ханъ“. На второмъ году по рожденіи Лубсанъ дамба чжамцана, къ отцу его, тушѣту хану Гомбо, пріѣхалъ въ гости этотъ имепитый Шолой и былъ принятъ имъ какъ родственникъ и равноправный владѣтель халхаскихъ поколѣній. Въ домашнихъ бесѣдахъ относительно судьбы Лубсанъ дамба чжамцана ханы въ то время порѣшили, что ребенокъ долженъ быть посвященъ въ духовное званіе и Сэцэнъ ханъ, держа однажды на рукахъ этого будущаго великаго ламу, подарилъ ему свой титулъ гэгэна: „свое прозваніе гэгэна я подношу тебѣ свѣтлорожденному“, сказалъ сэцэнъ ханъ¹⁾. Это обстоятельство, описанное въ сочиненіи „Чжэбцзун-дамба хутухтуйнъ тѹрѹлынъ тѹхэ“, кажется намъ достойнымъ довѣрія прежде всего потому, что Сэцэнъ ханъ, до сего времени именуемый иногда въ историческихъ сочиненіяхъ „гэгэнъ, сэцэнъ ханомъ“, съ этихъ поръ уже не называется титуломъ „гэгэна“, хотя остальные его прозвища какъ „маха-самади“ и „сэцэнъ“ остаются за нимъ и неизмѣнно встрѣчаются еще и до нынѣ при его имени; къ тому же фактъ передачи халхаскими князьями права пользоваться ихъ титулами и отличіями другимъ лицамъ является въ исторіи халхасовъ довольно обыденнымъ: такимъ образомъ мы знаемъ, что ту-

1) Чжэбцзунъ-дамба-хутухт. тѹрѹл. тѹхэ л. 11-й.

ширѣ ханы, носившіе на своей шапкѣ какъ особый знакъ отличія золотое изображеніе вачира, впоследствии передали это отличіе тому же Чжэбцун-дамба-хутухтѣ. — По лѣтописи Эрдэни цзускаго монастыря, халхасы, возведши Лубсанъ-дамба чжамцана на каѳедру, послали извѣстить объ этомъ событіи Далай ламу и послѣдній будто-бы вслѣдъ за этимъ извѣщеніемъ провозгласилъ новопоставленнаго ширитя хубилганомъ Чжэбцунъ-дамба-хутухты; такимъ образомъ оказывается, повидимому, то, что Лубсанъ-дамба почти одновременно съ возведеніемъ на каѳедру былъ провозглашенъ и хубилганомъ¹⁾. Но это единственное и выраженное чрезвычайно обще свидѣтельство лѣтописи Эрдэни цзускаго монастыря едва-ли можетъ быть для насъ убѣдительнымъ, ибо изъ разсказовъ другихъ извѣстныхъ намъ источниковъ мы узнаемъ всѣ подробности объявленія Лубсанъ-дамба-чжамцана хубилганомъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это объявленіе состоялось гораздо позже при личномъ свиданіи Лубсанъ-дамбы съ Далай ламою въ Тибетѣ. Такимъ образомъ изъ сличенія всѣхъ означенныхъ сказаній явствуетъ какъ несомнѣнное, 1) что халхасы по первоначально вовсе не предполагали дѣлать Лубсанъ-дамба чжамцана главою буддйской церкви въ Халхѣ и 2) что хотя при возведеніи Лубсанъ-дамбы на каѳедру халхасы и воздавали ему почести какъ главѣ своей церкви, но самое торжество возведенія сопровождалось только религіозными церемоніями. Сами халхасы не подносили своему ширѣту'ю гэгэнскаго титула и отъ далай-ламы они не получали никакихъ извѣстій о томъ, чтобы этотъ ширѣту'й ихъ былъ какого либо сверхъестественнаго происхожденія. Единственнымъ отличіемъ новаго главы халхаской церкви отъ прочаго высшаго духовенства Халхи было то, что онъ жилъ съ этого времени въ „желтопоясой палаткѣ“, которая и до нынѣ служитъ исключительнымъ отличіемъ жилища хубилгановъ ургинскаго хутухты. — Это простая монгольская юрта, сдѣланная изъ бѣлаго войлока и отличающаяся отъ обыкновенныхъ монгольскихъ юртъ только тѣмъ, что поясъ или тесьма, облегающая эту юрту вокругъ и пригнетающая вой-

бб.
на стр.
Поясненія

¹⁾ Эрдэни цзун тѣх. л. 17-й.

55. локъ къ деревянному остову этого подвижнаго зданія, представляла
стр. собою, вмѣсто бурой, желтую полосу нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}$ аршина шириною.

П о я с н е н і я   н а

III.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЭЙФЪ-БЭРЪ ЦЗАСАКЧИ.

10-го сентября 1643-го года скончался тайцзунь¹⁾, сурово величественною политикою котораго такъ пригнетены были въ послѣдніе годы халхаскіе князья. Въ маньчжурской династіи началось царствованіе новаго императора, года правленія котораго китайцы на своемъ языкѣ называютъ Шунь-чжи; маньчжуры — Ичжисхунь дасань; а монголы — Эйфъ-бэръ цзасакчи, что въ переводѣ одинаково означаетъ — „мирно правящаго“. Халхаскіе князья отправили къ новому императору съ поздравленіемъ свои посольства, представили ему союзническія грамоты и подарки, однимъ словомъ наружно оставались преданными слугами маньчжуровъ; но въ душѣ ихъ въ то же время несомнѣнно воскресли надежды на улучшеніе своего быта, которое видѣли они въ укрѣпленіи своей уже расшатавшейся и упавшей власти и въ приобрѣтеніи большей свободы для своихъ хищническихъ предпріятій. Халхасы не знали еще каковыя явятся по своей дѣятельности новыя владыка маньжуровъ и потому имѣли полное право предполагать, что онъ не будетъ похожъ на своего могущественнаго предшественника. И такъ первою задачею сѣверо-монгольскихъ владыкъ было возсоздать свое значеніе въ средѣ другихъ монгольскихъ поколѣній, возратить свою старую вліятельность на жизнь ихъ. Сэцэнъ ханъ, какъ болѣе потерпѣвшій, первый началъ это дѣло; онъ не могъ забыть отдѣленія отъ своего аймака поколѣній южныхъ монголовъ и перехода ихъ въ подданство маньжуровъ; оттого уже во второмъ году новаго царствованія онъ начинаетъ интриговать вер-

¹⁾ Горскій. О началѣ и возвышеніи маньчжур. дома, стр. 186.

ховнаго предводителя сунитовъ — Тингиса¹⁾, убѣждая его возвра- титься къ старой, независимой жизни. Тингисъ вѣроятно не согла- шался по первоначалу на предложеніе своего бывшаго сюзерена, тѣмъ болѣе что въ согласіи съ маньчжурами удерживали его и родственныя отношенія къ маньчжурскому дому, возникшія путемъ брака его съ дочерью тайцзуна²⁾; но когда потомъ въ 1646-мъ году онъ разо- рился съ могущественнымъ жуй-цинъ-ваномъ³⁾, то началъ дѣйстви- вать рѣшительнѣе и дѣйствительно объявилъ свое владѣніе незави- симымъ. Вслѣдъ за нимъ возмущились и прочіе мелкіе правители су- нитскіе, каковы, младшій братъ Тингиса — Тэнгитэй и тайчжи: Убантай, Дорчжиска, Мангусъ, Эрми, Кэшидэ и др.⁴⁾. Бунтовщики собрали свое имущество и отправились на сѣверъ, въ Халху, извѣ- стивъ объ этомъ халхасовъ⁵⁾, а послѣдніе давно уже дожидались на- ступившаго теперь и заветнаго для нихъ времени смутъ. Въ айма- кахъ тушѣту хана и сэцэнъ хана повсюду ходили глашатаи, призы- вая мелкихъ князей вооружиться и идти на защиту своихъ единопле- менниковъ противъ маньчжуровъ. Вскорѣ оба аймака почти цѣлкомъ были подняты и явились къ своимъ ханамъ готовыми идти въ бой, такъ что изъ тушѣту хановцевъ остался только одинъ тайчжи Лаб- даръ, да братъ его Эрхэ дайчинъ, которые не только не согласились помогать измѣннику маньчжурской власти, но лишь только получили вѣсть о готовившейся помощи Тингису, какъ тотчасъ же командировали своего посланца съ извѣстіемъ къ маньчжурамъ, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ ко двору и глашатаевъ, присланныхъ къ нимъ отъ тушѣту хана и сэцэнъ хана. Императоръ наградилъ своихъ вѣрныхъ слугъ⁶⁾, а халхасы между тѣмъ двинулись черезъ сэцэнъ хановскій аймакъ на встрѣчу къ Тингису. Главнѣйшими вождями этого похода были самъ сэцэнъ ханъ Шолой и сынъ его Бумба⁷⁾, шедшіе во главѣ 30-ти

Поясненія на стр. 55

1) Сэц. хяну айм. шаст. хуріян. Т. 53, л. 7.

2) Изэтхэнь шастиръ Т. 86, л. 14.

3) Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 12-й.

4) Монгу хуйсэ... изэдунъ улабунъ Т. 26, л. 14.

5) Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я л. 12-й.

6) Тушѣту хяну аймаг. шаст. Т. 51-й л. 7-й

7) Сэц. хян. айм. шаст. хуріянг. Т. 53. л. 7-й.

Поясненія на стр. 55.
тысячнаго войска; но большая дѣятельность, повидимому, принадлежала тушѣту хановцамъ. Выступивъ за предѣлы Халхи, тушѣту хановцы разграбили Баринскій аймакъ, захватили скоть и взяли въ плѣнъ множество бариныцевъ, послѣ чего отягченные добычей они должны были возвратиться въ свои кочевья, оставивъ на время свою первоначальную цѣль — помогать Тингису¹⁾. Маньчжуры, получившіе первую вѣсть о возмущеніи и бѣгствѣ Тингиса отъ одного изъ сунитскихъ же, непослѣдовавшихъ за Тингисомъ, тайчжэи²⁾ — Гармы³⁾ еще прежде, увидѣли теперь, что безпорядки въ Халхѣ принимаютъ все большіе и большіе размѣры и что одна смута порождаетъ за собою другую, къ тому же они не могли равнодушно перенести отпаденіе сунитовъ тѣмъ болѣе, что послѣдніе захватили съ собою и императорскую дочь, бывшую замужемъ за Тингисомъ. Лѣтомъ 1646-го года императоръ назначилъ дэ-юй-цинъ-вана До-до, проявляющимъ величіе цзянь-цзюнемъ и отправилъ его съ своими войсками для усмиренія бунтовщиковъ⁴⁾. Войска монгольскихъ аймаковъ, оставшихся вѣрными маньчурамъ, были также призваны къ оружію и имъ указано было собраться у Кэрулэна, но почти всѣ они присоединились къ арміи Додо гораздо раньше; таковы участвовавшіе въ этомъ походѣ, хорчинскіе, тушѣту ванъ Бадари⁴⁾, дарханъ цинъ-ванъ Цорчи⁵⁾, хэцзюнь ванъ Баисхаль⁶⁾ дүрбэтскій тусалакчи гунъ Сэрэпъ⁷⁾, уратскій тусалакчи гунъ Ёбанъ⁸⁾ и др. Въ 6-й лунѣ соединенныя силы маньчжурскихъ и монгольскихъ войскъ дошли до горы Ингарцакъ и здѣсь получили извѣстіе, что Тингисъ укрѣпился своимъ станомъ въ урочищѣ Гунъ-Кару⁹⁾. Здѣсь дано было первое сраженіе

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 13-й.

²⁾ Сунит. аймаг. шаст. Т. 36, л. 38.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 13-й.

⁴⁾ Монгу хуйсэ... илэдунь улабунъ Т. 17, л. 19.

⁵⁾ Ibid. Т. 19-й, л. 7-й.

⁶⁾ Ibid. Т. 20-й, л. 5-й.

⁷⁾ Ibid. Т. 21-й, л. 15-й.

⁸⁾ Ibid. Т. 41-й, л. 16-й.

⁹⁾ Эти обстоятельства и названія мѣстностей передаемъ мы такъ, какъ находимъ ихъ записанными въ «Монгу хуйсэ аймани... илэдунь улабунъ»; но китайское сочиненіе Шэнь-у-цзи сообщаетъ о семъ нѣсколько иначе; подлѣ

и разбитый на голову Тингисъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Маньчжуры не довольствовались однако этимъ поражениемъ: они откомандировали изъ рядовъ арміи часть своихъ войскъ и подъ начальствомъ цзянь-цзюна Маньчжушири и фу-ду-туна Минь-ань-да-ли послали ихъ преслѣдовать непріятеля. Отряды, выступивъ отъ рѣки Гунь-галутай, гнали за бѣжавшими мятежниками два дня и три ночи, подобрали въ плѣнъ множество оставшихъ, получили въ добычу несмѣтное количество скота и наконецъ догнали Тингиса къ утру третьяго дня. Немедленно дано было новое сраженіе, въ которомъ Тингисъ опять таки потерпѣлъ поражение. Изъ числа монгольскихъ князей въ этомъ бою отличился дурбэтскій тусалакчи гунь Сэрэнъ, которому удалось убить одного изъ важнѣйшихъ сообщниковъ Тингиса — Мухая¹⁾, но самъ Тингисъ и отсюда успѣлъ бѣжать и скрыться. Сраженіе это, по словамъ монгольскихъ и маньчжурскихъ лѣтописныхъ сказаній, происходило при горѣ Удэнъ²⁾, китайцы же

55.
на стр.
Полненіи

взяли слова его таковы: «въ 6-й лунѣ войско дошло до горы Га-рл-ча-кэ. Тингисы пріютились у Гунь-га-лу-тай». По другимъ китайскимъ историкамъ находимъ, что Гунь-галутай есть названіе рѣки. Существуетъ-ли такая рѣка и гдѣ именно мы не знаемъ въ точности; но дѣло въ томъ, что въ названіи Гунь-галутай несомнѣнно два слова: первое изъ нихъ «Гунь» одинаково какъ у монгольскихъ и маньчжурскихъ, такъ и у китайскихъ писателей; второе же у монголовъ и маньчжуровъ пишется «Кару», а у китайцевъ «Галутай». Такъ какъ китайцы не могутъ на своемъ языкѣ произносить слога «ру» и замѣняютъ его слогомъ «лу», то слѣдовательно въ словѣ «Галутай» мы также можемъ видѣть «Гарутай». По слову «Кару» на маньчжурскомъ языкѣ обозначаетъ «пограничный караулъ», такимъ образомъ въ словахъ Гунь-Кару, равно какъ и въ китайской транскрипціи ихъ Гунь-га-лу-тай, мы склонны принимать только первое слово—Гунь, какъ собственное имя мѣстности, а второе въ значеніи «пограничный караулъ», пикетъ. Къ этому заключенію еще приводитъ насъ и то, что іероглифъ «тай» употребленный въ словѣ Галу-тай—обозначаетъ также—«дозорную башню», пикетъ; весьма вѣроятно, что китайскіе писатели и ставятъ его при словѣ «Кару» къ поясненію маньчжурскаго названія. Отсюда смыслъ разсматриваемаго нами историческо-географическаго извѣстія тотъ, что Тингисъ укрѣпился станомъ на самой границѣ Халхи и южной Монголіи при пикетѣ Гунь. Это мнѣніе подкрѣпляется, пожалуй, и современными обстоятельствами, ибо если-бы Тингисъ прошелъ дѣйствительно даѣе въ Халху, а не стоялъ на самой границѣ южной Монголіи, то какимъ образомъ и тушѣ хановъ стояли-бы съ Баринскимъ аймакомъ?

¹⁾ Монгу хуйсэ анмани... изд. улаб. Т. 21, л. 15.

²⁾ Ibid. 21, л. 16; Излѣх. шаст. Т. 36, л. 16-й.

въ своихъ историческихъ запискахъ транскрибируютъ названіе этой горы, какъ Оу-кэ-тэ¹⁾, что на монгольскомъ языкѣ должно-бы звучать, повидимому, Укэть, но о мѣстонахожденіи этой горы мы не можемъ сказать ничего положительнаго. Главнѣйшимъ результатомъ этой битвы было то, что маньчжуры отняли здѣсь у сунитовъ свою принцессу и возвратили ее назадъ, въ предѣлы Китая; такимъ образомъ одна изъ цѣлей посольства арміи была достигнута, осталось теперь только наказать мятежниковъ и потому, преслѣдуя ихъ, маньчжуры отъ помянутой горы Удэнь, или Укэть переправились чрезъ р. Толу и продолжали погоню. Въ урочищѣ Бурхату произошла новая стычка и здѣсь маньчжуры захватили въ плѣнъ семью Тингиса, обозъ его и скота болѣе 10 тысячъ головъ; убили сыновей Тэнгитэй'евыхъ Дорджи, Бату и Шачжина; племянниковъ Тенгисовыхъ Гарму, Тэжтэй'я, Буянту и др.²⁾. Въ 8-й лунѣ маньчжурскія войска отъ рѣки Толы дошли до урочища Чжа-цзи булаэ и здѣсь повстрѣчали и разбили 20-ть тысячъ войска тушѣту хана Гомбо и двоюроднаго брата его Рахули, сына Абуху мэргэнъ ноян'ова³⁾; на другой день они поразили армію сэцэнъ хана Шолоя, которая еще превосходила первую своею численностью и простиралась до 30-ти тысячъ человекъ⁴⁾. Такимъ образомъ достигнута была до нѣкоторой степени вторая цѣль, но возвратить Тингиса маньчжурамъ не пришлось, ибо войска ихъ были утомлены и полководцы волей неволей должны были объявить имъ возвращеніе.

Настоящій походъ маньчжуровъ на Халху былъ важенъ особенно потому, что онъ разъяснилъ собою обоимъ сражавшимся сторонамъ ихъ собственное положеніе и опредѣлилъ каждой изъ нихъ какія именно политическія отношенія должны быть соблюдаемы ею въ сношеніяхъ съ другою на будущее время для сохраненія и достиженія

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 13.

²⁾ Илэткаль шаст. Т. 63, л. 17 и Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 13-й. По «сунить аймаг'унъ шастиръ» въ этомъ сраженіи при Бурхату былъ убитъ и тайчи Мухай, но мы видѣли уже что это было нѣсколько раньше.

³⁾ Эрдэнийн эрихэ гл. 20.

⁴⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 13-й.

своихъ интересовъ. Такимъ образомъ маньчжурамъ этотъ походъ прежде всего давалъ увѣренность въ томъ, что они поддерживали въ Халхѣ свое значеніе и что халхасы теперь уже не будутъ такъ легко относиться ко всему, что касается интересовъ маньчжурскаго дома; но съ другой стороны походъ этотъ долженъ убѣдить политиковъ и финансистовъ дайцинской имперіи, что подобное предпріятіе какъ движеніе войскъ въ Халху дѣло далеко не легкое. Мы не можемъ опредѣлить съ точностію въ какую именно сумму обошлось маньчжурамъ это движеніе, но конечно содержаніе армій въ походѣ по степямъ въ теченіе пяти слишкомъ мѣсяцевъ было весьма не дешево. Къ тому же въ это время маньчжуры не успѣли еще всецѣло подчинить себѣ гораздо болѣе важныя для нихъ владѣнія собственнаго Китая и должны были вести войны разомъ въ двухъ, трехъ пунктахъ. Вотъ почему они, повидимому, опредѣлили на будущее время, избѣгать военныхъ дѣйствій противъ халхасовъ и стараться поддерживать въ средѣ ихъ свое значеніе только грозными посланіями, да оскорбительными для чести халхасовъ отказами въ принятіи ихъ делегатовъ, явившихся съ представленіями подарковъ. Что касается халхасовъ, то они безъ сомнѣнія убѣдились теперь, что маньчжуры, со вступленіемъ на престолъ новаго императора, ни на іоту не уклонились и не уклонятся съ того пути, на который вступили они еще во времена тайцзуна, что они ни мало не поступятся своею властію и что нанесеніе ущерба интересамъ маньчжурскаго дома не можетъ проходить безнаказанно для нихъ — халхасовъ. Это убѣжденіе, какъ мы увидимъ то ниже, особенно укрѣнилось въ умахъ молодого поколѣнія, какъ болѣе чуткаго къ воспріятію новыхъ впечатлѣній и воспитавшагося при жизненныхъ условіяхъ, почти совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ выросли главные халхаскіе дѣятели настоящей войны. Но и эти послѣдніе, т. е. халхаскіе старѣйшины, чрезъ тотъ же походъ маньчжуровъ на Халху должны были понять, что успешная борьба съ привыкшими къ сраженіямъ и пріобрѣтшими въ нихъ навѣкъ маньчжурскими войсками положительно не возможна для ихъ нестройныхъ полчищъ и потому вынуждены были также держаться мирной политики и стараться хитростію, да ловкими притязаніями достигать своихъ цѣлей.

55. Надеждъ на удачу, правда, было не много и въ этомъ случаѣ, ибо халхасы должны были давно уже видѣть и убѣдиться, что маньчжуры ясно проникають ихъ планы; такимъ образомъ если въ послѣдующіе за симъ немногіе годы мы видимъ у халхасовъ продолженіе ихъ стараго образа дѣйствій по отношенію къ маньчжурамъ, то это, какъ намъ кажется, объясняется единственно тѣмъ, что въ теченіе этихъ лѣтъ верховными распорядителями судебъ Халхи являлись еще тѣ самыя завзятые кочевые хищники, которые, по укоренившимся уже у нихъ взглядамъ и привычкамъ, не могли ни измѣнить своимъ хищническимъ наклонностямъ, ни отказаться отъ надеждъ на удачу пріемовъ своей старой политики.

Побѣдоносныя войска маньчжуровъ возвратились въ Китай въ концѣ того же 1646-го года, въ которомъ и объявленъ былъ походъ на Халху. Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ дайцины теперь не скрываютъ уже отъ насъ, что армія Додо должна была возвратиться вельдствіе утомленія и истощенія ея силъ¹⁾; но въ то время, само собою разумѣется, не только нельзя было обнаружить этого передъ халхасами, а напротивъ основною задачею маньчжуровъ было отклонить отъ халхасовъ всякую тѣнь къ разгадкѣ истинныхъ причинъ прекращенія военныхъ дѣйствій. Мы знаемъ за симъ, что войска, вернувшись изъ похода, не достигли одной изъ своихъ цѣлей, т. е. не возвратили Тингиса и бѣжавшихъ съ нимъ сунитскихъ поколѣній, для самолюбія же и интересовъ маньчжуровъ это было весьма важно. Добиваясь теперь исполненія обоихъ указанныхъ задачъ, императоръ въ слѣдующемъ 1647-мъ году отправилъ свои письма къ халхаскимъ ханамъ, о содержаніи которыхъ мы можемъ судить по одному, дошедшему до насъ такому письму, адресованному на имя сэцэнъ хана. „Суниты, писалъ императоръ, по первоначально были подвластны чахарамъ. Внимая нашимъ наставленіямъ, они пришли и поддались намъ, а ты ухищреніями возмущилъ ихъ. Когда, отправляя войска, я хотѣлъ преслѣдовать и уничтожить ихъ, мною опять таки было сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи посылать вспомогательныя войска чаха-

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 13.

рамъ; а ты, не смотря на это, дерзостно призывалъ къ оружію создать для поддержанія мятежа. Высокое небо осудило тебя и ты скоро дошелъ до пораженія. Если бы я въ то время не издалъ приказа воротить свою армію, то разъ дошла она до вашихъ границъ, какая же трудность была вступить въ нихъ? Теперь, если ты раскаиваешься и хочешь искупить свою прежнюю вину, поскорѣ схвати Тингиса и представь его¹⁾». Такого рода письмами императоръ очевидно хотѣлъ съ одной стороны поддержать значеніе своей арміи и скрыть истинныя причины ея отступленія, а съ другой онъ рассчитывалъ достигнуть безъ всякихъ затратъ и усилій выдачи ему мятежнаго Тингиса. Въ силу постоянного отсутствія между халхаскими князьями солидарности въ достиженіи интересовъ ихъ страны, Шунь-чжи не безосновательно разсылалъ свои письма о выдачѣ Тингиса къ различнымъ, даже не причастнымъ этому дѣлу правителямъ, — онъ всегда рассчитывалъ на какую нибудь междоусобицу въ средѣ халхасовъ, которая хотя и косвенно, но могла содѣйствовать исполненію его желанія: такимъ образомъ мы видимъ, что онъ посылалъ свои письма и требованія о захватѣ Тингиса къ владѣльцамъ сайнъ нояновскаго аймака²⁾ и къ цзасакту хану, который, какъ извѣстно, не имѣлъ ни каковаго отношенія ни къ самой войнѣ 1646-го года, ни къ ея причинамъ. Что касается тушѣту хана, то за нимъ въ это время была еще и другая вина — это разграбленіе его людьми бариньскаго аймака, оттого, по словамъ нашей лѣтописи, послу его былъ переданъ наказъ объ удовлетвореніи маньчжуровъ по обоимъ означеннымъ искамъ, т. е. какъ по выдачѣ Тингиса, такъ и по удовлетворенію потерѣвшихъ бариньцевъ. Подлежавшіе дѣйствительно отвѣту халхаскіе князья старались обойти адресованныя къ нимъ требованія молчаніемъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, по прежнему посылали пословъ къ маньчжурамъ съ увѣреніями о своихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ; а между тѣмъ, чтобы скорѣе замѣть разбойническое дѣло тушѣту хана въ бариньскомъ аймакѣ и совершенно уклониться отъ возмѣщенія убыт-

Поясненіи на стр. 56.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріян. Т. 53, л. 7.

²⁾ Сайн. нояну аймаг. шаст. хуріян. Т. 69, л. 5.

55. Поясненія на стр. ковъ маньчжурѣ, у нихъ составилъ уже планъ, по которому цзасакту ханъ долженъ былъ содѣйствовать примиренію спорящихъ сторонъ и вести переговоры, какъ непричастный къ дѣлу посредникъ. Для этого конечно ему прежде всего нужно было добиться у маньчжуровъ признанія своего достоинства и вотъ, въ отвѣтъ на вышеупомянутое посланіе къ нему маньчжурскаго императора о выдачѣ Тингиса, онъ въ 1647 году совмѣстно съ старѣйшимъ изъ своихъ родственниковъ — Омбо-эрдэни отправилъ письмо къ маньчжурѣ съ изъясненіемъ своей преданности. Согласно сказанному плану бумага его была написана съ полнымъ выраженіемъ ханскаго величія, отличалась надменностію и вообще выражала собою отношенія равнаго къ равному: цзасакту ханъ не обозначилъ въ ней точно даже и своего имени, полагая, что оно не можетъ быть не извѣстно получателю; но маньчжурское министерство съ юй-цинъ-ваномъ во главѣ не только отвергло это письмо и предложенія, но еще и послало цзасакту хану строгій выговоръ¹⁾. Увидавъ, что и этотъ маневръ не удался, халхасы, по старому уклоняясь и отмалчиваясь, продолжали являться ко двору съ представленіемъ своихъ ничтожныхъ подарковъ, ибо находили, что для нихъ выгодно подбирать у маньчжуровъ даже и тѣ жалкія крохи, которыя падали къ нимъ отъ стола этихъ господъ. Цзасакту ханъ, такъ недавно писавшій свое гордое письмо къ императору, повидимому, совершенно незамѣтно перенесъ оскорбительный для него выговоръ, данный даже не отъ лица самаго императора, а отъ его министровъ. По свидѣтельству нашей лѣтописи, уже въ слѣдующемъ 1648-мъ году онъ не преминулъ раболѣпно явиться къ императору, а потомъ вѣсть съ номуна ханомъ²⁾ угощался у маньч-

¹⁾ Шэнь-у-пзи. Цз. 3-я, л. 13-й; Цзасак. хан. шаст. хур. Т. 61, л. 6-й.

²⁾ Номунъ ханъ, съ титуломъ котораго мы впервые встрѣчаемся здѣсь, былъ никто иной, какъ Даньцинъ лама, тогдашній владѣтель поколѣній, принадлежавшихъ сайнъ нояновскому аймаку. Дѣло въ томъ, что титулъ сайнъ нояна въ то время еще не былъ такъ закрѣпленъ за потомками Тумэнкина, какъ утвердился тогда уже титулы туншѣту хана за потомками Абатая, или сэцэнъ хана за потомками Шолоя; оттого преемники Тумэнкина для пріобрѣтенія себѣ титуловъ всякій разъ должны были ѣздить къ Далай ламѣ и послѣдній давалъ имъ прозвище по собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ по смерти Тумэнкина сыну его Даньцинъ ламѣ онъ далъ титулъ «Но-

журовъ во дворцѣ, который, по китайскому обычаю, имѣлъ свое особое имя и назывался дворцемъ „великаго согласія“. Маньчжуры, принимая и угощая халхасовъ, очевидно, не хотѣли только раздражать ихъ и приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ для удовлетворенія своихъ требованій, но они далеко не оставили этихъ требованій совершенно. Въ теченіе цѣлаго года не проходило у нихъ ни одной аудіенціи, не было ни одного письма, въ которомъ они не напомнили бы халхасамъ о выдачѣ Тингиса и о возвращеніи разграбленнаго имущества бариньскаго аймака, а за снмъ они начали предпринимать и болѣе дѣйствительныя средства къ удовлетворенію своего иска. Однимъ изъ такихъ средствъ безспорно былъ подрывъ халхаскихъ союзовъ; ибо мы знаемъ, что маньчжуры въ то время воспретили имѣть какія-бы то ни было сношенія съ Халхою алашаньскому Очирту хану¹⁾; наконецъ они начали и сами посылать пословъ къ Тингису, убѣждая его возвратиться и обѣщая за то полное прощеніе. Къ концу 1648-го года Тингисъ дѣйствительно согласился принять снова подданство маньчжурамъ и отправился на аудіенцію къ императору вмѣстѣ съ склонившимъ его къ этому подданству маньчжурскимъ посломъ Та-дэ орчжиту, но получить прощеніе своей вины ему пришлось уже послѣ смерти, такъ какъ немедленно по прибытіи въ Китай онъ умеръ²⁾.

По добровольномъ возвращеніи Тингиса въ подданство къ маньчжурамъ халхаскимъ князьямъ, чтобы выпутаться изъ своего щекотливаго положенія, не оставалось дѣлать ничего болѣе, какъ только явиться ко двору съ просьбою объ извиненіи ихъ проступка: такъ и поступили они, хотя конечно эта просьба далеко не была сознательнымъ раскаяніемъ и потому не вела къ исправленію, а представляла собою со стороны халхасовъ только обыкновенный дипломатическій пріемъ, послѣ котораго они могли опять и даже съ болѣею свобо-

---

мунъ хана», т. е. «владыки священнаго ученія»; титулъ сына этого Данызинъ ламы—Таскиб'а намъ не извѣстенъ, а внукъ его Шамба прозывался «Итгэмжиту эйѣтэй эрхэ дайчинъ», т. е. вѣрный, миролюбивый и могущественный воевода.

¹⁾ Алашан'и олэт айман'и изэдунь улабун'и шушухунъ Т. , т. 4-й.

²⁾ Изэтхэзъ шастирь. Т. 36-й, т. 15-й.

55. Поясненія на стр. доу продолжать отправленіе своихъ посольствъ въ Китай и пожив-
ляться на счетъ маньчжуровъ. Министры богдохана конечно вполнѣ
поняли это истинное значеніе нарочитой и не урочной визитаціи хал-
хасовъ, такъ же точно какъ убѣждены они были и въ томъ, что по-
вторись на-завтра исторія Тингиса, халхасы опять таки съ готовно-
стію поддержать возмущеніе противъ маньчжуровъ. Чтобы положить
наконецъ предѣлъ этому возникновенію смутъ, маньчжуры, въ отвѣтъ
на извиненія халхасовъ, потребовали отъ халхаскихъ князей выдачи
въ заложники ихъ сыновей, или братьевъ, не преминувъ вмѣстѣ съ
тѣмъ напомнить тушѣту-хану и о необходимости возвращенія раз-
грабленнаго имущества баринцевъ. Само собою разумѣется, что
мѣра, придуманная маньчжурами къ ограниченію халхаскаго своево-
лія, была одною изъ самыхъ существенныхъ и лучшихъ мѣръ, но вер-
ховники Халхи не исполнили ея также точно, какъ и тушѣту ханъ
пропустилъ межъ ушей это новое повтореніе стараго требованія маньч-
журовъ. Послать заложниками своихъ сыновей значило для халха-
скихъ князей на всегда отказаться отъ всякаго рода разбойничьей
поживы въ маньчжурскихъ владѣніяхъ, а это, какъ говорилъ я уже
выше, было не въ характерѣ тогдашнихъ правителей Халхи: они съ
малолѣтства воспитались на хищническихъ набѣгахъ и полагали въ
нихъ какъ всю поэзію своей жизни, такъ и главную статью своихъ
доходовъ. Набѣги, повторю снова, были жизненною стихіею тогдашнихъ
халхаскихъ князей, оттого они могли прекратиться только съ ихъ
смертію и маньчжуры, собственно говоря, совершенно бесполезно ис-
тощались въ изысканіи косвенныхъ мѣропріятій противъ этого зла.
Можно было напередъ предугадать, что ни какія мѣропріятія въ дан-
номъ случаѣ не принесутъ пользы, ибо онѣ не будутъ выполнены и
что для отвращенія зла нужно было сдѣлать только одно, это — ли-
шить всякой силы и дѣятельности тогдашнихъ халхаскихъ правите-
лей, а безъ сего спокойствіе маньчжуровъ никогда не могло быть
обезпечено. Въ самомъ дѣлѣ, не далѣе какъ черезъ годъ послѣ этого
извиненія, т. е. въ 1650 г., князь цзасакту хановскаго аймака Омбо-
эрдэни, подъ предлогомъ облавной охоты, вошелъ въ предѣлы Хуху-
хото и, точно также какъ тушѣту хановцы въ баринскомъ аймакѣ,

произвелъ грабежъ, угнавъ стада рогатаго скота и табуны лошадей. Маньчжурамъ снова пришлось послать своего чиновника, требовать возврата захваченнаго и начать новую тяжбу по грабежу; но политика халхасовъ въ данномъ случаѣ значительно измѣняется и безъ сомнѣнія потому, что на цзасакту хановское мѣсто сѣлъ тогда новый, молодой правитель, именно сынъ Субуди — Норбо (который, замѣтимъ кстати, вмѣсто титула цзасакту хановскаго принялъ новое прозваніе — Биширэлту хана = благоговѣйнаго хана). Норбо, подобно своимъ предшественникамъ, почиталъ долгомъ отстаивать интересы своего аймака, но онъ былъ первымъ изъ халхаскихъ князей, который не имѣлъ у себя на столько силы духа, чтобы рѣшиться, какъ бывало то прежде, упорно молчать передъ маньчжурами и не исполнять ихъ требованій; — въ тяжбѣ съ дайцинскимъ домоу онъ думалъ выиграть свое дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ. И такъ вмѣсто немедленнаго возвращенія хүүхү-хотоскаго имущества чиновнику, о посольствѣ котораго маньчжурами мы сейчасъ только упомянули, Норбо представилъ чрезъ него докладъ, въ которомъ, ни слова ни говоря о самомъ набѣгѣ, объяснилъ, что захватъ хүүхү-хотоскаго скота хотя и былъ дѣйствительно произведенъ халхасами, но дѣяніе это было, такъ сказать, вынужденнымъ маньчжурами и являлось прямымъ результатомъ несправедливостей со стороны самого дайцинскаго правительства, которое одинаково позволяло себѣ обижать халхасовъ, укрывая ихъ бѣглецовъ и принимая подъ свою власть и покровительство данниковъ халхаскихъ, безъ всякихъ соглашеній съ халхаскими правителями. Ничто конечно не могло раздражить болѣе маньчжуровъ, какъ напоминаніе имъ объ ихъ собственныхъ несправедливостяхъ: въ гордомъ презрѣніи оправданій халхаскаго владыки они не сочли нужнымъ даже написать Биширэлту хану отдѣльный отвѣтъ на его бумагу, а когда при наступленіи 1651 г. Норбо прислалъ въ Китай особое посольство, извѣщавшее маньчжурскій дворъ о вступленіи его Норбо въ управленіе цзасакту хановскимъ аймакомъ и намѣреніи поддерживать прежнія дружественныя отношенія, то императоръ, не отвергая его дружбы, послалъ ему гнѣвное письмо такого содержанія: „Я всегда принималъ ваше соединеніе со мною путемъ мира и, прощая

56. самое преступленіе приказалъ только разслѣдовать и доставить ограб-
ленное. Теперь вы говорите, что я съ намѣреніемъ удерживалъ у
себя вашихъ бѣглецовъ; это что за мысль?! И владѣю сполна (про-
странствомъ между) четырьмя морями, а вы, такой сякой, маленький
народецъ, кичитесь тамъ въ своихъ отдаленныхъ степяхъ! Возьмите
же ваши лукавыя рѣчи и не приводите къ гибели вашихъ дѣлъ¹⁾.
Это письмо ясно показываетъ намъ, что маньчжуры годъ отъ года
становились грубѣе въ отношеніи халхасовъ и, сознавая слабыя сто-
роны послѣднихъ, не стѣснялись выражать имъ свое презрѣніе. И за-
мѣчательно, съ этого времени чѣмъ дальше, тѣмъ больше обнаружи-
вается это отношеніе маньчжуровъ къ халхасамъ. Маньчжуры теперь
какъ будто-бы при каждомъ новомъ случаѣ сношеній съ Халхою
убѣждались въ томъ, что имъ, для достиженія своей цѣли — вліянія
на Халху, надо прежде всего поразить воображеніе халхасовъ, надо
показаться сильными, не допуская ни іоты колебаній, послабленій и
мягкости; министры богдохана какъ будто-бы исполнѣ поняли теперь,
что всякое колебаніе, послабленіе и заискиваніе халхасы считаютъ за
слабость, и что, подобно всѣмъ слабымъ, они уважаютъ сильныхъ и
покоряются имъ, слабыхъ же презираютъ и дозволяютъ себѣ съ ними
вольничать. При таковомъ сознаніи ограниченіе и суровость естественно
должны были сдѣлаться девизомъ для политики маньчжуровъ и прави-
тельство ихъ дѣйствительно приняло такую политику; а какъ халхасы
оказались не въ состояніи противустоять ей, то она и привела дайцинъ-
скій домъ къ желанному успѣху. Весь расчетъ маньчжуровъ въ то
время обосновывался на ихъ глубоко правдивомъ убѣжденіи, что у
халхасовъ не хватитъ достаточно ни силъ, чтобы отплатить имъ за
наносимыя униженія; ни воли, чтобы удержаться отъ желанія пожи-
виться на счетъ богатаго произведеніями Китая. И дѣйствительно,
получая самыя грубыя оскорбленія, халхасы по старому продолжали
ходить къ маньчжурамъ и здѣсь, при дворѣ маньчжурскомъ, постоянно
обнаруживали презрительную мелочность своего характера то жад-
ностью въ захватѣ выдаваемыхъ имъ крохъ, то наглою ложью, кото-

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хуріанг. Т. 61, л. 7.

рою были проникнуты каждое ихъ слово и каждое дѣяніе. Являясь въ Пекинъ, халхасы унижались обыкновенно до самаго постыднаго торга изъ за куска какого либо полотна, назначаемого въ подарокъ хану или князю, а за прибавку въ число даровъ лишняго цибика чаю готовы были принять присягу въ томъ, что не только не будутъ нарушать они мира съ маньчжурами, но еще будутъ помогать имъ, еслибы кто другой возмутился противъ маньчжурской власти; возвращаясь въ Халху всѣ эти обѣщанія халхасы какъ-бы забывали снова и опять правители различныхъ хошуновъ Халхи вѣстѣ съ своими данниками начинали беспокоить подчинившіеся дайцинскому дому аймаки внутреннихъ монголовъ, то открыто производя въ нихъ вторженія и разграбляя цѣлыя хошуны, то незамѣтно перекочевывая на ихъ земли отдѣльными хотонами и воруя тамъ и сямъ по двѣ и по три скотины. Маньчжуры, повидимому, рѣшили теперь совершенно покончить со всѣми этими унижительными для ихъ достоинства проявленіями дерзости и самоволія халхасовъ; оттого лишь только явились къ нимъ въ слѣдующемъ 1652 году послы отъ сэцэнъ хана для обычнаго представленія дани въ день новолѣтія и лишь только начали эти послы пустые споры объ отвѣтныхъ дарахъ, императоръ тотчасъ же приказалъ прогнать ихъ и, объявивъ сэцэнъ хану строгій выговоръ, уничтожилъ вовсе представленіе дани отъ сэцэнъ хановскаго аймака¹⁾. Этотъ урокъ былъ какъ нельзя болѣе поучителенъ для всѣхъ остальныхъ халхасовъ: споры, торги и выпрашиванія, весьма обыкновенныя доселѣ при полученіи даровъ, съ этого времени прекратились вовсе, — халхасы должны были брать и дѣйствительно брали то, что имъ даютъ, не смѣя претендовать ни на незначительность даровъ, ни на сравнительно дурное ихъ качество. Стремясь упорядочить за сими отношенія халхасовъ къ владѣніямъ дайцинской имперіи, министры богдохана сочли первою необходимостью положить конецъ переходамъ халхасовъ для кочевокъ на земли внутреннихъ или южныхъ монголовъ, такъ какъ эти переходы всего болѣе давали поводъ къ междоусобнымъ смутамъ, и разбоямъ для обоихъ враждовавшихъ

56.
и а с т р.
П о я с н е н і я

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріинг. Т. 53, л. 8.

56. между собою сторонъ. Но чтобы провести этотъ новый порядокъ на законныхъ основаніяхъ, не вызвать новыхъ споровъ, или новыхъ пререканій, естественно потребовалось самое точное изслѣдованіе о земляхъ, которыми владѣлъ тотъ или другой хошунъ на правахъ общественной собственности. Обстоятельство это побудило маньчжуровъ въ 1653-мъ году командировать въ Халху одного изъ членовъ палаты, завѣдывавшей пограничными сношеніями, — Биликту и поручить ему сначала собрать преданія монголовъ о правахъ пользованія ихъ землями, а потомъ установить точныя и опредѣленныя границы между хошунами внутреннихъ цзасаковъ и халхасами. Въстѣ съ симъ тому же Биликту, какъ то видно изъ нашей лѣтописи, приказано было заѣхать по пути и къ тушѣту хану чтобы побудить его къ скорѣйшему окончанію иска по дѣлу объ удовлетвореніи ограбленныхъ баринцевъ. Это была послѣдняя мѣра маньчжуровъ по баринскому дѣлу, вызвавшая собою и послѣднюю ложь по этому дѣлу со стороны халхасовъ. Подробности выясняемыхъ обстоятельствъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ то самое время какъ Биликту работалъ надъ опредѣленіемъ границы земель халхаскихъ и наконецъ уладилъ это дѣло съ халхасами и монголами, постановивъ такъ называемую Гарбай гоби предѣломъ для кочевья съ сѣверной стороны халхасовъ, а съ южной — внутреннихъ монголовъ¹⁾, въ Халхѣ одинъ изъ тайчиѣевъ тушѣту-хановскаго аймака Бунтаръ, поссорившись съ тушѣту ханомъ Гомбо, собралъ своихъ братьевъ и данниковъ въ количествѣ тысячи слишкомъ семей и отправился къ маньчжурамъ, гдѣ и былъ принятъ въ подданство²⁾. Аймакъ этого тайчи составляеть въ настоящее время такъ называемое халхаское правое крыло въ средѣ сорока девяти хошуновъ внутреннихъ монголовъ³⁾. Когда Биликту,

¹⁾ Сайн ноян. айм. шаст. хуріинг. Т. 69, л. 11.

²⁾ Халхайн барагун гарунт. шастиръ Т. 42, л. 3.

³⁾ Хошуны халхаскаго праваго крыла располагаются нынѣ своими кочевьями къ сѣверо-западу отъ Чжанъ-цзи-коу или Калгана на разстояніи 700 китайскихъ ли (около 350 нашихъ верстъ) отъ этого пункта и отстоятъ на 1130 ли (около 560 верстъ) отъ Пекина. Съ востока на западъ они занимають протяженія всего только на 120 ли, а съ сѣвера на югъ на 130 ли. Къ востоку они граничатъ съ кочевьями аймака Дүрбэнъ хүхэтэ (сы-цзы-бу-ло); къ

покончивъ свои пограничныя дѣла, прибылъ къ тушѣту хану и началъ производить слѣдствіе, тушѣту ханъ выдалъ ему только незначительное число скота, объявивъ, что все остальное было взято Бунтаромъ для передачи по принадлежности маньчжурамъ. Биликту, получивъ выданное ему, возвратился, везъ съ собою и оправдательный документъ, переданный ему отъ тушѣту хана къ императору. Содержаніе и резолюція этого документа или доклада извѣстны намъ изъ лѣтописи дословно (стр. 56 — 57); читая же ихъ и сопоставляя содержаніе ихъ съ послѣдующими обстоятельствами, мы положительно недоумѣваемъ съ одной стороны предъ систематическою ложью и наглостію халхасовъ, а съ другой предъ дерзки-суровымъ, насмѣшливымъ и позорнымъ отношеніемъ къ нимъ маньчжуровъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей резолюціи маньчжурскій императоръ упрекалъ тушѣту хана за его вѣроломство и неисполненіе обѣщаній; выставялъ ему на видъ и какъ вину то, что онъ не явился для представленія обычной дани изъ девяти бѣлыхъ; когда же почти вслѣдъ за сѣмъ тушѣту ханъ отправилъ своихъ пословъ, ихъ возвратили, отказавъ пропустить даже и въ ворота срединной имперіи. Это издѣвательство было достойной наградой презрѣнной политики халхасовъ; но рѣшиться совершить его съ расчетомъ не только не потерять прежнихъ

поясненія въ стр. 156.

западу съ аймакомъ Маоминганьскимъ (по произношенію халхасовъ Мѹ мингань); къ югу доходитъ до аймака Гуй-хуа-чэнскихъ (хуху хото'скихъ) туматовъ, а къ сѣверу до Гоби. (Монгу-ю-му-цэн. Цзюань 5-я, л. 13) Судя по незначительности этого пространства можно предполагать, что все оно и съ перваго времени было отдано въ пользованіе Бунтара. Что касается до р. Таргунъ голъ, о которой упоминаетъ наша лѣтопись, то она и до настоящаго времени существуетъ въ аймакѣ халхасовъ праваго крыла и составляетъ притокъ самой значительной рѣки того же аймака — Айбуха. Эта послѣдняя, по современному разграниченію земель южныхъ монголовъ, служитъ предѣломъ хошуновъ халхаскаго праваго крыла и Мао минганьскаго, имѣетъ свое теченіе на сѣверо-востокъ и вливается въ озеро Азданъ норъ уже въ земляхъ, принадлежащихъ аймаку Дурбанъ хѹхэтъ. Въ административномъ отношеніи аймакъ халхаскаго праваго крыла со времени Бунтара терпѣлъ уже нѣсколько преобразованій и нынѣ раздѣляется на четыре части, изъ коихъ одна управляется княземъ съ титуломъ дарханъ бэйлэ; другая имѣетъ у себя наследственнаго правителя съ титуломъ цзорикутэ бэйсэ; третья вѣдается княземъ въ званіи хошунъ бэйсэ и четвертая княземъ въ званіи улусунъ тушѣ гүна.

56. отношеній, но еще усилить и обратить въ свою пользу старую связь, могли только маньчжуры при ихъ знаніи характера кочевниковъ и хитроумно веденной политикѣ. Отличительныя черты этой политики состояли въ томъ, что маньчжуры, несомнѣнно занятые событіями халхаской жизни и зорко слѣдившіе за направленіемъ мыслей въ Халхѣ, въ тоже время никогда не подавали халхасамъ вида, будто сношенія съ ними въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою какой либо интересъ для ихъ дайсиньскаго дома. Зная за снмъ корыстолюбивую и вѣроломную натуру халхасовъ, маньчжуры, чтобы обезпечить спокойствіе своего государства, заинтересовать собою халхасовъ и поставить ихъ въ нѣкоторую зависимость отъ себя, въ тайнѣ рѣшили по возможности не скупиться для нихъ своими дарами; но въ дѣйствительныхъ и открытыхъ сношеніяхъ съ Халхою они съ самаго перваго раза утвердили за собою высокую роль покровителей истины и добра и всегда выдерживали ее съ необычайною точностію. Чтобы примирить возникавшіа повидимому двѣ крайности, по которымъ маньчжуры съ одной стороны какъ-бы не нуждались ни въ какихъ сношеніяхъ съ халхасами, а съ другой старались задобрить ихъ подарками, чтобы не показать халхасамъ истинной причины этихъ подарковъ, однимъ словомъ не возбудить въ нихъ мысли о заискиваніи, маньчжуры тѣмъ или другимъ способомъ но постоянно давали знать халхасамъ, что если-де правительство ихъ и снисходитъ до сношеній съ Халхою, то это единственно въ силу своего призванія дѣлать добро и съ цѣлью доставлять благодѣянія, — „проявлять истину во вселенной“, какъ выражались всегда маньчжурскіе императоры въ своихъ рѣчахъ и рескриптахъ. Понятно, что подъ прикрытіемъ этихъ благородныхъ стремленій маньчжурамъ всего удобнѣе и легче было лавировать между всякаго рода затрудненіями, поддерживать о себѣ добрую славу и съ пользою для себя оканчивать всякое предпріятіе. При томъ продажничествѣ и при той жадности, которыя всегда присущи были духу халхасовъ, успѣхи маньчжуровъ могли обезпечиваться еще болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, выставивъ идею о справедливости въ основу своихъ сношеній, маньчжуры никогда не прерывали своей связи со всею Халхою: если одинъ какой либо изъ цзасаковъ халхаскихъ провиніался предъ императоромъ, не исполнялъ

его требованій и такимъ образомъ оказывался не благодарнымъ, то, само собою разумѣется, чѣмъ же виновать былъ въ этомъ дѣлѣ другой? И маньчжуры, „исполняя справедливость“, отвергали перваго, но не отказывали въ своихъ благодѣяніяхъ второму, по старому посылали ему дары и прилагали къ нему только новую просьбу содѣйствовать къ приведенію на путь истины отпавшаго. Таковъ былъ самый обыкновенный образъ дѣйствій маньчжуровъ, при посредствѣ котораго добивались они отъ халхасовъ исполненія всѣхъ своихъ требованій; такимъ же точно образомъ поступили они и въ данномъ случаѣ, когда провинился предъ ними тушѣту ханъ въ частности тѣмъ, что не выдалъ имущества бариньцевъ и всѣ вообще главные халхаскіе правители тѣмъ, что не выслали ко двору императора въ заложники своихъ дѣтей и младшихъ братьевъ. Вѣрные своей политикѣ, повторяю снова, маньчжуры съ 1653 года прекратили пріемъ во дворѣ тушѣту хана и сѣченъ хана, какъ оскорбившихъ императора не исполненіемъ его требованій; но относясь съ суровостію и какъ-бы не желая имѣть никакого дѣла съ противниками своей власти, они въ тоже время не переставали добиваться исполненія своихъ желаній, тѣмъ или другимъ способомъ постоянно посылая въ Халху свои письма. Такимъ образомъ послѣ отказа осенью 1653 года тушѣту хану въ принятіи его пословъ, маньчжуры не задумались черезъ нѣсколько мѣсяцевъ принять посольство Даныцзинь-ламы, владѣльца сайнъ нояновскаго аймака, болѣе извѣстнаго у насъ подѣ своимъ титуломъ номунъ хана. Посольство это прибыло въ Китай по случаю новолѣтія 1654-го года и, по обычаю, представило императору грамоту отъ Даныцзинь-ламы съ изъясненіемъ чувствъ его преданности и ежегодно обусловленную дань. Императоръ милостиво принялъ пословъ, щедро награждалъ ихъ своими подарками, а къ Даныцзинь ламѣ отправилъ отвѣтное письмо слѣдующаго содержанія: „Ты пишешь, что сполна завѣдуешь четырьмя хошунами восточной стороны Халхи и что нѣтъ никого въ Халхѣ, кто не слушался-бы твоихъ приказаній; отдай же тотчасъ распоряженіе къ даргамъ халхаскихъ аймаковъ, чтобы они выслали и представили на аудіенцію своихъ сыновей. Если будутъ непослушные, то немедленно доложи объ

56. этомъ¹⁾. Неизвѣстно объявлялъ-ли халхасамъ Даньцинь лама это порученіе, возложенное на него маньчжурами; но несомнѣнно, что если оно и было объявлено, то халхаскіе князья также точно не обратили на него вниманія, какъ равнодушно отнеслись они и къ оскорбленію, нанесенному имъ отказомъ въ пріемъ ихъ пословъ. По старой привычкѣ они надѣялись, что пройдетъ еще нѣсколько времени и имъ снова можно будетъ продолжать ту же игру на будущее время. Вскорѣ однако смерть прекратила дни этихъ старыхъ халхаскихъ дипломатовъ, а вмѣстѣ съ ними умерла и ихъ политика.

Такова была вся внѣшняя дѣятельность халхасовъ въ этотъ десятилѣтній періодъ отъ 1644-го по 1654-й годъ; говорю все потому, что помимо вышеизложенныхъ отношеній къ маньчжурамъ монгольскія лѣтописи не представляютъ намъ за это время ни одного факта сношеній халхасовъ съ какимъ либо другимъ изъ сосѣдящихъ съ ними народовъ; даже вѣковыя враждебныя отношенія къ ѳлотамъ прекратились въ это время и, по сказанію лѣтописи эрдэни цзу'скаго монастыря, отъ времени сейма 1640-го года, на которомъ халхасы и ѳлоты пришли въ согласіе какъ по дѣламъ своего гражданскаго, такъ и церковнаго благоустройства, у нихъ не было столкновеній вплоть до возникновенія смутъ Галдала²⁾. Что касается внутренней жизни халхасовъ, то слѣдя за направленіемъ ея по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ сказаніямъ, мы снова не замѣчаемъ никакихъ преобразованій и нововведеній въ области гражданскаго устройства Халхи. Проведеніе границъ между Халхою и землями внутреннихъ монгольскихъ цзасаковъ, о которомъ такъ много хлопотали за этотъ періодъ маньчжуры, имѣло значеніе болѣе для внѣшней, чѣмъ для внутренней политики Халхи и при томъ эта формальность для халхасовъ, собственно говоря, была даже дѣломъ совершенно чуждымъ и излишнимъ; ибо мы не видимъ, чтобы de facto сами они не знали этихъ границъ по преданіямъ, чтобы они безъ особеннаго умысла переходили ихъ когда либо съ своими кочевьями и чтобы у монголовъ

¹⁾ С. ноян. айм. шаст. хуріян. Т. 69, л. 6.

²⁾ Эрдэни цзуйнъ түүхэ л. 21-й.

вообще возбуждался когда либо и какой либо споръ о земляхъ. Если въ послѣдствіи халхасы и возставали когда противъ устройства этихъ пограничныхъ линій, то единственною причиною для этого было конечно то, что онѣ стѣняли ихъ въ производствѣ набѣговъ на внутренніе хошунъ. Такимъ образомъ условія внутренней гражданской жизни халхасовъ за настоящій періодъ оставались неизмѣнными. Въ совершенную противоположность этому мы постоянно встрѣчаемся въ лѣтописныхъ сказаніяхъ съ изложеніемъ примѣровъ народной заботливости о религіозныхъ интересахъ, съ фактами народнаго содѣйствія развитію буддизма и стремленій довести его до возможной степени совершенства. Но, какъ я говорилъ уже выше, это понятіе о совершенствѣ съ перваго же времени начало отличаться у халхасовъ своею особенностію: они заботились только о внѣшней, обрядовой сторонѣ буддизма и на развитіе этой стороны было обращено все ихъ вниманіе. Позднѣе, изъ разсмотрѣнія дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ монголовъ, оказывается, что халхасы годъ отъ года все болѣе и болѣе увлекались внѣшностію и вскорѣ дошли уже до того, что и въ самой внѣшности ограничивались исполненіемъ одного мелочнаго формализма. Мы видѣли наприимѣръ, что разсадникомъ буддизма у халхасовъ явился монастырь Эрдэни-цзу. Построенный главнымъ образомъ на средства Абата, монастырь этотъ считался родою обителью тушѣту хановъ, получалъ отъ нихъ средства къ существованію и ими преимущественно поддерживался. Неоспоримо далѣе, что и во весь разсмотрѣнный нами періодъ монастырь этотъ занималъ первое мѣсто въ ряду остальныхъ халхаскихъ китовъ какъ по своему великолѣпію, такъ и по хранящимся въ немъ святынямъ и за всѣмъ тѣмъ изъ лѣтописи этого монастыря не видно, чтобы народъ продолжалъ обращать на него такое же вниманіе, какое посвящалъ онъ ему прежде, дѣлалъ въ него вклады, или воздвигалъ въ немъ новые храмы и кумиры. Объясненіе этого обстоятельства мы видимъ въ томъ, что халхасы вскорѣ начали заботиться даже и не о качествахъ или совершенствѣ своихъ монастырей, а только о количествѣ ихъ. Самое болѣе о чемъ старались ламы послѣ устройства какого либо монастыря это то, чтобы передать его въ хорошія руки, или ка-

36. кимъ либо другимъ образомъ упрочить его существованіе. Ровно че-
резъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія Эрдэни цзу, какъ мы уже
знаемъ, въ Халхѣ родился первый хубилганъ Чжэбцунъ-дамба ху-
тухты. Опъ былъ сыномъ Тушѣту хана и казалось гдѣ-бы всего при-
личнѣе жить ему, какъ ни въ родовомъ монастырѣ тушѣту хановъ.
славномъ своими святынями — Эрдэни цзу? Однако мы видимъ что
патилѣтнѣй Лубсанъ-дамба-чжамцанъ возводится на каеэдру въ мо-
настырѣ ширѣту-цаганъ-нѣр'скомъ, и это безъ сомнѣнія для того,
чтобы дать средства къ существованію этому монастырю, тогда какъ
Эрдэни цзу былъ уже обезпеченъ по своему положенію. Еще далѣе и
мы не встрѣчаемъ уже никакихъ извѣстій о томъ, чтобы и этотъ ши-
рѣту-нѣрскій монастырь какъ либо расширялся, или благоустроивался,
чтобы хотя самъ каеэдральный лама этого монастыря сколько нибудь
позаботился о благолѣпнѣи своего обиталища; напротивъ Лубсанъ-
дамба, ничего не дѣлая для своей каеэдры, въ тоже время начинаетъ
построеніе новыхъ буддійскихъ обителей. Такимъ образомъ въ
1647-мъ году онъ полагаетъ основаніе западному курѣню, — мона-
стырю, разросшемуся нынѣ до большихъ размѣровъ и по количеству
ламъ занимающему одно изъ видныхъ мѣстъ въ средѣ монастырей
монгольскихъ¹⁾. Почти рядомъ съ нимъ обосновывается другой китъ —

¹⁾ Западный курѣнь или Барѣн-хурѣ въ настоящее время лежитъ вер-
стахъ въ 25 къ юго-востоку отъ Эрдэни-цзу при рѣкѣ Сарайнъ голь, заклю-
чаетъ въ себѣ до 1800 ламъ и раздѣляется на 4 аймака, или монастырскихъ
части. Старѣйшимъ изъ этихъ аймаковъ по времени происхожденія почи-
тается — Дорчижи-линъ, которымъ будто бы положено было п самое основаніе
монастыря; отъ него впоследствии отдѣлился Тойисун-линъ, отъ этого послѣд-
няго — Дашин-линъ и наконецъ, въ періодъ жизни 5-го вида Чжэбцунъ-дамба
хутухты, въ Барѣн хурѣ образовался четвертый аймакъ Шат-дуб-линъ. Всѣхъ
храмовъ въ монастырѣ считается нынѣ 13-ть, а именно, кромѣ 4-хъ аймач-
ныхъ здѣсь есть еще храмы — Цокчинъ, Цанитскій, Манлы, Чжудскій и
Бурхана Майдари. Всѣ помянутые храмы принадлежатъ ургинскому хутухтѣ
и содержатся на его счетъ; остальные 4 храма принадлежатъ хошуннымъ
правителямъ тушѣту хановскаго аймака. Не смотря на такое обиліе храмовъ
въ Барѣн-хурѣ, ежедневное богослуженіе совершается здѣсь только въ
двухъ и именно, одинъ разъ въ сутки въ Цокчинѣ, и дважды въ Цанит-
скомъ; въ остальныхъ дугумахъ читаютъ молитвы очередные ламы (чжиса).
Цокчинскій дугумъ въ Барѣн-хурѣ по внѣшнему виду совершенно подобенъ
ургинскому (см. Города Сѣв. Монголіи А. Позднѣва стр. 20—27), въ немъ со-

Пунцукъ-дорджи-линъ¹⁾ и такъ далѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что увеличеніе числа буддійскихъ обителей много зависѣло и отъ того, что Лубсанъ дамба, повидиному, въ первое время не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія и хотя официально онъ считался ширѣтуемъ цаганъ нур'скаго монастыря, однако живалъ въ немъ рѣдко и постоянно перемѣщалъ изъ одного кита въ другой. Будучи ребенкомъ и отрокомъ, Лубсанъ дамба постоянно посѣщалъ своихъ родителей, кочевья которыхъ располагались всегда близъ монастыря Эрдэни цзускаго (отсюда и сравнительно частое посѣщеніе Лубсанъ-дамбою Эрдэни-цзу, гдѣ, какъ мы увидимъ то ниже изъ лѣтописи, халхасы постоянно чествовали его разнаго рода жертвами²⁾). Этикетъ требовалъ отъ монаха постоянной жизни въ монастырѣ; но прїѣзжая къ родителямъ, гэгэнъ опять таки не жилъ въ Эрдэни цзу, и оттого для мѣстопребыванія его, для совершенія имъ богослуженій и упражненія его въ созерцаніяхъ, халхасы, по его предложенію, должны были построить еще отдѣльный монастырь, верстахъ въ 4-хъ къ сѣверу отъ Эрдэни-цзу, близъ горы Шибѣту³⁾. Монастырь этотъ, существующій и до нынѣ подъ своимъ первоначальнымъ именемъ — „Гэгэнэй бѣтѣлѣйн сѣмэ“ также какъ и Эрдэни цзу вскорѣ значительно разросся; а въ періодъ подданства халхасовъ Китаю въ 1688 г., служилъ мѣстопребываніемъ для ламъ, количество которыхъ значительно переходило сумму 300. Только со времени путешествія въ Тибетъ (1650 г.), когда Лубсанъ дамба былъ уже признанъ Далай ламою за хубилгана Чжэбцунъ-дамба

Поясненія на стр. 56.

стоитъ 4 гзбгуя и 16 унзатовъ. Цанитъ основанъ здѣсь ургинскими ламами въ 1820 г. Курсъ его ниже ургинскаго и изучающіе цанитъ получаютъ здѣсь только двѣ степени: гзбши и габчжу; для полученія высшихъ степеней желающіе должны отправляться въ Ургу, гдѣ по выдержаніи испытанія и утверждаются въ искомой степени Чжэбцунъ дамбою.

¹⁾ Пунцукъ дорджи линъ отстоитъ версты на четыре отъ Барѹн-хурѣ и въ настоящее время имѣетъ въ себѣ до 300 ламъ. Онъ находится подъ верховнымъ управленіемъ хубилгана Нонинъ-ламы, прибывшаго изъ Тибета въ 30-хъ гг. нынѣшняго столѣтія, до сего же времени монастырь Пунцукъ дорджи линъ находился какъ и Барунъ-хурѣ подъ вѣдѣніемъ ургинскаго хутхты и управлялся поставленнымъ отъ него Цорчжіемъ. (Извлечено изъ неизданнаго дневника веденнаго мною во время путешествія по Монголіи).

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 2-й,

³⁾ Эрдэни цзуйнъ тухэ л. 18-й.

П о я с н е н і я   н а   с т р .   56—57.
хутухты, начинаетъ онъ заботиться о своемъ великолѣпіи, избираетъ своимъ жилищемъ Большой Курѣнь и устраиваетъ его на подобіе тибетскаго Брайбунскаго кита. Весьма вѣроятно, что всему этому научили его тибетцы, несомнѣнно прибывшіе съ нимъ въ Халху въ очень большемъ количествѣ. Въ этомъ отношеніи сказаніе нашей лѣтописи по первому разу можетъ показаться преувеличеннымъ: гэгэнъ, по ея словамъ, бралъ съ собою изъ Тибета въ Халху по пятидесяти лицъ изъ каждого ламскаго чина; но не надо забывать, что, по преданіямъ халхасовъ, изъ этихъ тибетцевъ въ Ургѣ составлялись цѣлые монастырскіе аймаки¹⁾, а по мимо того тибетскіе ламы несомнѣнно расходились еще и по всѣмъ, по крайней мѣрѣ, главнымъ монастырямъ Халхи и такимъ образомъ по всей Халхѣ разносили чудесные рассказы о Далай ламѣ и святости его желтаго ученія. По иниціативѣ тѣхъ же тибетцевъ начата была хутухтою постройка Гэнтэйскаго монастыря, о которой упоминаетъ наша лѣтопись подъ 1654-мъ годомъ. Монастырь этотъ, въ настоящее время извѣстный въ Халхѣ болѣе подъ именемъ Брэвэнъ-хита, располагается неподалеку отъ сѣвернаго подножія горъ Бавинъ цзурухъ; онъ представляетъ собою совершенное подобіе монастырей тибетскихъ и всѣ храмы его построены на тибетскій образецъ: въ административномъ отношеніи онъ раздѣляется нынѣ на 6 аймаковъ и содержитъ въ себѣ до 1500 ламъ²⁾.

При такомъ содѣйствіи къ успѣхамъ и заботамъ о развитіи буддизма въ Халхѣ, выражаемыхъ халхаскими дѣятелями первой половины XVII вѣка, понятно, что молодое поколѣніе тогдашнихъ халхасовъ воспитывалось исключительно подъ вліяніемъ буддійскихъ идей, а вмѣстѣ съ симъ оно незамѣтно утрачивало въ своей душѣ бодрость и отвагу своихъ отцовъ, теряло ихъ прежнюю воинственность и жажду къ славѣ. Пропитываясь ученіемъ буддизма, это молодое поколѣніе мало по малу становилось все болѣе и болѣе апатично къ дѣятельности гражданской и, увлекаясь пустотою выполненія религіозныхъ обрядовъ, въ которыхъ всегда находило оно пріят-

¹⁾ Поздифевъ. Города Сѣверной Монголіи, стр. 4.

²⁾ Незданный дневникъ, веденный авторомъ во время путешествія по Монголіи.

ное для себя развлеченіе, постепенно отвыкало отъ трудностей боевой жизни. Какъ результатъ этихъ новыхъ, руководящихъ жизни стремленій и привычекъ, у халхаской молодежи того времени не замедлили обнаружиться потеря самоувѣренности въ своихъ силахъ и нежеланіе втягиваться во вражду съ сильнымъ соперникомъ, такъ что если всѣ эти молодые халхасы и унаслѣдовали еще отъ своихъ отцовъ жажду къ добычѣ, то удовлетворять этой потребности, въ силу развившихся теперь новыхъ чертъ ихъ характера, они рѣшались опять таки уже не путемъ молодецкой отваги, дикаго, удалаго набѣга, а только путемъ пожны на счетъ слабаго, захвата имущества у безсильнаго сосѣда. Таковымъ представляется намъ характеръ халхаскихъ дѣятелей второй половины XVII вѣка и справедливость этого взгляда, повидимому, ясно вытекаетъ изъ обзора событій халхаской исторіи этого періода.

Въ 1655-мъ году, какъ говоритъ наша лѣтопись, скончался тушѣту ханъ Гомбо и мѣсто его занялъ старшій сынъ его Чихунь-дорджи¹⁾; почти одновременно съ этимъ событіемъ въ тушѣту-хановскомъ аймакѣ, въ томъ же 1655-мъ году, умеръ и сэцэн ханъ Шолой, передавъ свою власть по преемству сыну своему Бабу²⁾; правитель цзасакту-хановскаго аймака, какъ мы уже видѣли, былъ въ это время также молодой и вступилъ на престолъ цзасакту-хановскій только на четыре съ небольшимъ года раньше своихъ сотоварищей. Получивъ въ свои руки власть надъ Халхою, молодые правители прежде всего измѣняютъ старой политикѣ въ отношеніяхъ къ маньчжурамъ и, позорно оканчивая искусно затягивавшееся ихъ отцами дѣло по выдачѣ дайцинскому правительству заложниковъ, въ первомъ же году своего правленія высылаютъ въ Пекинъ своихъ дѣтей и братьевъ. Этотъ поступокъ принадлежитъ не однимъ правителямъ тушѣту

¹⁾ Китайцы въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ транскрибируютъ это имя какъ — Чахунъ дорджи и весьма вѣроятно что это произношеніе будетъ правильно, такъ какъ въ монгольскомъ правописаніи гласная «и» въ первомъ слогѣ могла явиться для показанія того что буква «ц» должна быть произнесена за «ч». Нилыѣ однако халхасы читаютъ Чихунь-дорджи (Мэнгу-ю-му цзи. Цз. 7, л. 10.

²⁾ Сэц. хан. аймаг. шаст. хуріяи. Т. 53, л. 8.

57—58. хановскаго аймака, какъ можно подумать по словамъ нашей лѣтописи: въ дѣйствительности тоже самое исполнилъ и сэцэнъ ханъ Бабу, отправивъ сына своего Муцзанъ-мэргэнъ-цохора ¹⁾, и цзасагту ханъ Норбо; послѣдніе при томъ, какъ виновные въ недавно совершенныхъ проступкахъ, униженно просили еще извиненія за старыя дѣянія своихъ сородичей ²⁾. Маньчжуры были конечно удовлетворены этою покорностію: они получили требуемое и могли теперь уже гораздо менѣе опасаться за спокойствіе на своихъ границахъ; а потому и разсыпались въ своихъ милостяхъ къ халхасамъ. Ихъ благосклонный отвѣтъ, относящійся одинаково ко всѣмъ халхаскимъ ханамъ, уже извѣстенъ намъ изъ лѣтописи, сэцэнъ хану же помимо того еще возвращено было право представлять маньчжурскому двору дань изъ „девяти бѣлыхъ“, и пользоваться отвѣтными дарами богдохана ³⁾. Съ своей стороны и халхасы, будучи пожалованы такими милостями, во изъявленіе своего ревностнаго стремленія къ миру съ маньчжурами, просили у нихъ позволенія клятвою засвидѣтельствовать свою преданность. Зимой того же 1655 года имъ даровали присягу и, какъ-бы въ знакъ особаго благоволенія къ халхасамъ, императоръ распорядился о совершеніи этого клятвеннаго обряда въ зданіи Цзунъ-жень-фу ⁴⁾, т. е. княжескаго приказа, или того судебнаго учрежденія, въ которомъ исключительно ведутся дѣла родственниковъ императора. Монголы на своемъ языкѣ называютъ это правительственное мѣсто „Уксагайги цзацираху ямунъ“, заимствуя такое имя прямо съ маньчжурскаго названія — „уксунъ бо кадалара ямунъ“.

Заручившись этою покорностію халхасовъ, маньчжуры впервые начали простираť свое вліяніе на внутреннее управленіе Халхи и прежде всего они увеличили здѣсь число цзасаковъ, или главнѣйшихъ халхаскихъ правителей. До сего времени въ Халхѣ еще сохранялись во всей своей полнотѣ дѣленія, установленныя Гэрэсанцза-цзалаиръ хунъ-тайчжємъ, это во 1-хъ дѣленіе на двѣ стороны восточную и

¹⁾ Ibid. Т. 53, л. 9-й.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хур. Т. 61, л. 7.

³⁾ Сэц. хан. аймаг. шаст. хур. Т. 53, л. 9.

⁴⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3, л. 13.

одну, и во 2-хъ дѣленіе на семь хошуновъ или удѣловъ, по числу сыновей Гэрэсанцзы. Маньчжуры оставили теперь это первое дѣленіе на стороны, но измѣнили старый порядокъ дѣленія на хошунъ семи правителямъ прибавили еще одного. Такимъ образомъ учре-лось въ Халхѣ восемь удѣловъ и цзасаковъ; имена которыхъ пере-ляются въ нашей лѣтописи и къ сказанному въ ней намъ остается ько прибавить, что первые четыре изъ этихъ поименованныхъ асаковъ принадлежали къ числу правителей восточной стороны алхи, а послѣдніе къ западной¹⁾. Что касается личностей этихъ вержденныхъ дайцзинамъ правителей, то съ нѣкоторыми изъ нихъ ь уже знакомы, таковы старѣйшіе на восточной сторонѣ — тушѣту и, сэцэнъ ханъ и Даныцзинъ лама; что же касается личности иргэнъ-нояна, то титулъ этотъ въ то время носилъ тайчжи Гүру-ики, который приходился троюроднымъ племянникомъ тушѣту хана ихунъ-дорчжи и велъ свое происхожденіе отъ Анъхахая (стр. 100) резъ втораго сына его Сономъ-дайчина, который и былъ отцемъ Гү-ушки²⁾. Титулъ „мэргэнъ нояна“, принятый по первоначалу Анъ-ахай'омъ переходилъ отъ него наследственно къ старшему въ родѣ и сохраняется у анъхахаевцевъ собственно говоря и до нынѣ съ тою ьлько разницею, что теперь анъхахаевцы титулуются уже не мэ-ргэнъ-ноянами, а мэргэнъ-ванами; эта послѣдняя переменъ произо-шла съ тѣхъ поръ какъ маньчжуры, уничтоживъ у халхасовъ преж-ніе ихъ титулы, дали имъ свои; Гүрушки былъ переименованъ тогда изъ „чжинуновъ“ въ „вани“ и званіе вановъ сдѣлалось съ того вре-мени у анъхахаевцевъ также наследственно, какъ и ихъ прежній ти-тулъ „мэргэнъ“. Бипирэлту ханъ, пятый изъ поименованныхъ прави-телей, былъ никто иной какъ владѣтель цзасакту хановскаго аймака— Норбо; къ его же роду принадлежалъ и шестой изъ обозначенныхъ князей — Лубсанъ-ноянъ, или Лубсанъ-тайчжи. Оба эти прозванія не составляютъ однако собственнаго имени упоминаемаго князя и, какъ увидимъ мы то впоследствии, онъ назывался Эрнчинномъ и былъ сыномъ

Поясненія на стр. 58.

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 3-я, л. 5-й.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 3.

88. Поясненія на стр. Омбо эрдэни, извѣстнаго своими набѣгами на Хүхү-хото. Изъ сказаній Илэтхаль-шастры необходимо предполагать, что еще при жизни отца этотъ Эринчинъ былъ провозглашенъ правителемъ хотохойтовъ, которые хотя номинально и состояли подъ зависимостью цзасагту хановъ. но въ дѣйствительности, вслѣдствіе своей отдаленности отъ общихъ кочевьевъ халхаскихъ, представляли собою совершенно отдѣльный аймакъ¹⁾. Кто такой былъ седьмой правитель мы не можемъ опредѣлить точно, ибо не имѣемъ для сего никакихъ положительныхъ данныхъ, титулъ же сэцэнъ-нояна, подъ которымъ упоминается онъ въ лѣтописи, принадлежалъ въ то время тайчжію Цзотба, — старшему сыну сайнъ-нояна Тумэнкина и родному брату Даньцинь ламы. Но мы знаемъ уже, что сайнъ нояновцы въ то время нераздѣльно съ аймакомъ тушѣту хана входили въ составъ восточной стороны Халхи, а между тѣмъ сэцэнъ-ноянъ былъ несомнѣнно западнымъ правителемъ. Можно предположить посему, что сэцэнъ-ноянъ, упоминаемый въ нашей лѣтописи, есть никто иной какъ тайчжи Хонхоръ, внукъ Ноянтай-хатанъ-батура (стр. 97), носившій титулъ сэцэнъ чжингуна; видѣть ошибку нашей лѣтописи въ этомъ имени мы имѣемъ полное основаніе, такъ какъ Илэтхаль шастра, перечисляя поставленныхъ маньчжурами правителей, называетъ именно сэцэнъ-чжингуна, а не сэцэнъ-нояна. Титулъ хундуленъ тойна принадлежалъ тайчжію Дамба, который по своему происхожденію былъ также сородичемъ цзасагту-хановъ²⁾. Удержавъ за симъ дѣленіе Халхи на двѣ стороны, маньчжуры измѣнили въ этомъ отношеніи порядокъ тѣмъ, что уничтожили равноправность даже главныхъ халхаскихъ правителей, подчинивъ въ восточной сторонѣ всѣхъ ихъ тушѣту хану и мэргэнъ нояну; такимъ образомъ эти два лица являлись отвѣственными не только за свои хошуны, но и за хошуны своихъ сородичей. Наконецъ, какъ говоритъ наша лѣтопись, въ это же время были составлены точныя положенія о дани и соотвѣтственной за нее отплатѣ со стороны маньчжурскаго правительства и со времени утвержденія

¹⁾ Цзасак. хан. аймаг. шастиръ. Т. 63, л. 3.

²⁾ Ibid. Т. 68, л. 1-й.

этихъ положеній, заключаетъ она, халхаскіе князья съ особеннымъ стараніемъ и покорностію ходили, ежегодно представляя дань и посылая свои посольства.

Дѣйствительно, это было первое, исполнѣ мирное время между халхасами и маньчжурами съ тѣхъ поръ, какъ пришли они въ столѣновеніе между собою. Не желая прерывать этого затишья, халхасы, помимо обычнаго представленія дани, чуть ни каждый годъ униженно являлись въ Пекинъ и заявляли о своей преданности маньчжурамъ: чтобы еще болѣе придать значенія этимъ заявленіямъ, они ходили теперь уже не какъ прежде, каждый цзасакъ или правитель отъ себя, но посылали представителей отъ цѣлыхъ сеймовъ. Такимъ образомъ въ 1657-мъ году цзасакту ханъ Норбо, сэцэнъ чжинунъ и хундулэнъ-тойнъ представляли всеподданнѣйшій докладъ, напоминая, что прежніе проступки въ отношеніи маньчжуровъ, которые дѣлали ихъ отцы, при нихъ уже не повторяются. Маньчжуры по этому поводу выразили свое расположеніе цзасакту-хановцамъ и увѣрили, что они не помнятъ и прощаютъ имъ старое¹⁾. Тѣже заявленія несомнѣнно слѣдовали къ пекинскому двору и изъ восточной Халхи, ибо мы знаемъ, что въ 1658 году маньчжуры отправляли своихъ пословъ къ тушѣту хану и къ сэцэнъ хану съ подарками и грамотами²⁾ и съ высоты своего величія проповѣдовали халхасамъ о своемъ человеколюбіи, стремленіи къ истинѣ и желаніи устроить счастье всѣхъ одушевленныхъ существъ. „Я вижу, писалъ маньчжурскій императоръ къ тушѣту хану, что вы уразумѣли предопредѣленіе неба, дали клятву съ чистымъ сердцемъ и теперь, мирно проживая, неуклонно слѣдуете всѣмъ моимъ повелѣніямъ. Отселѣ впредь, довершая болѣе и болѣе правоту и истину, да держась моихъ благосклонныхъ милостей, присоединитесь къ моимъ задуманнымъ и конечнымъ пожеланіямъ. Если вы будете поступать тщательно и осмотрительно, то, вѣруя въ милость неба и счастье династіи, можете на всегда, изъ рода въ родъ, жить мирно и благополучно и наслаждаться добродѣтелью³⁾“. Въ 1659-мъ

Поясненія на стр. 68.

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 8.

²⁾ Сэц. хан. аймаг. шаст. хуріян. Т. 53, л. 8.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 45, л. 10.

58. году также съ дарами и съ таковою же грамотою маньчжуры посы-
лали пословъ къ цзасакту хану Норбо¹⁾, а въ 1661 году Даныцзинь-
ламѣ, владѣльцу сайнѣ нояновскаго аймака, пожаловали титулъ —
„уважающаго разумность и послѣдующаго за справедливостью“²⁾.
Обольщаемые этимъ вниманіемъ и доказательствами милостиваго рас-
положенія со стороны маньчжуровъ халхасы, повидимому, считали
свое благосостояніе совершенно упроченнымъ и не предпринимали рѣ-
шительно ничего для своего политическаго и гражданскаго совершен-
ствованія. Они сполна отдались охватившей ихъ духъ ревности къ
буддизму и вся жизнь ихъ въ это время сосредоточилась на заботахъ
о совершеніи религиозныхъ празднествъ и церемоній, да на слушаніи
ламскихъ разсказовъ о чудесахъ, совершаемыхъ при посредствѣ могу-
щественной вѣры въ будду. Въ 1655 году Чжэбцзунъ-дамба хутухту
предпринималъ новое путешествіе въ Тибетъ, и пробылъ тамъ около
года; поѣздка эта не представляла собою конечно ничего особеннаго
и была дѣломъ совершенно обыкновеннымъ, но при тогдашнемъ поло-
женіи Халхи и общемъ настроеніи халхаскихъ умовъ, она изукрасилась
въ разсказахъ халхасовъ непрерывнымъ рядомъ чудесъ. Ламы разгла-
шали, что гэгэнъ въ передній свой путь достигъ до Тибета въ семь сутокъ
и что рѣшительно непостижимо какимъ образомъ совершенъ былъ этотъ
путь, ибо, для однихъ, видѣвшихъ отправлявшихся въ Тибетъ пут-
никовъ, казалось, что ѣдутъ семеро всадниковъ, а другіе видѣли въ
нихъ семь летящихъ ангировъ (турпановъ); разсказывали за симъ,
что прибывъ въ Тибетъ, Чжэбцзунъ-дамба засталъ умершимъ бань-
чэнь-богдо Лубсанъ-чойчжи-чжамцана, но желая прослушать отъ него
священное ученіе, онъ воскресилъ умершаго святителя своею молит-
вою и что баньчэнь богдо, преподавъ Чжэбцзунъ-дамбѣ буддійскую
мудрость, прожилъ послѣ того еще двадцать лѣтъ и т. д. и т. д.³⁾.
Подобныхъ разсказовъ въ то время очевидно ходило много и всѣ они
воспламеняли собою младенчествующій и склонный къ вѣрованіямъ

¹⁾ Цзас. хан. айм. шаст. хуріян. Т. 61, л. 9.

²⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. хуріян. Т. 69, л. 6.

³⁾ Чжэбцзун-дамб. хутухт. турул намт. л. 13—15.

въ чудесное духъ халхасовъ. Маньчжуръ, замѣтивъ наклонность халхасовъ къ буддизму, начали поощрять развитіе ихъ въ религіозномъ направленіи и первымъ средствомъ для сего избрали распространеніе въ средѣ народа религіозныхъ сочиненій. Плодомъ этой заботливости было изданіе по высочайшему повелѣнію императора Шуньчжи сочиненія „Алтанъ гэрэлъ“ на монгольскомъ языкѣ и книга эта впервые была обнародована въ Пекинѣ въ 1659 году. Но халхасы собственно говоря въ дѣлѣ преусиженія на поприщѣ вѣры и не требовали ни какой заботы: лѣтописныя сказанія о томъ времени изъ года въ годъ не передаютъ намъ ничего другаго, кромѣ извѣстій о совершеніи то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ религіозныхъ церемоній, о сооруженіи храмовъ и кумировъ, чествованіяхъ гэгэна, священныхъ ламъ и пр. Таковымъ представляется положеніе дѣлъ въ Халхѣ и характеръ халхасовъ въ это время изъ разсмотрѣнія монгольскихъ лѣтописей и сопоставленія съ ними нѣкоторыхъ постороннихъ извѣстій. Европейскіе путешественники не передаютъ намъ ни объ одномъ изъ этихъ событій и оттого сказаніями ихъ мы не можемъ провѣрять того, что говорятъ историки китайскіе и монгольскіе; но мы знаемъ, что почти около этой поры познакомился съ халхасами іезуитскій миссіонеръ Жербильтонъ и, сообщая намъ свѣдѣнія о тогдашнихъ халхасахъ, онъ, какъ христіанскій вѣропроводникъ, съ чувствомъ горькаго сожалѣнія характеризуетъ ихъ слѣдующими словами: „Они весьма ревностны къ своему ложному вѣроученію и почти каждый изъ нихъ имѣетъ на шеѣ четки, по которымъ совершаетъ свои молитвы. Кажется они могли бы быть ревностными христіанами, если бы приняли истинную вѣру; нужно однако дѣйствительно сказать о нихъ, что они такъ повинуются своимъ ламамъ, или жрецамъ и заблужденія ихъ вкоренились въ нихъ такъ сильно, что остается очень мало надежды на обращеніе этого народа, развѣ только Божіе милосердіе приведетъ ихъ къ этому чрезъ какое нибудь чудо. Его всемогуществу все возможно; ибо и изъ камней можетъ онъ воздвигнуть чада Аврааму.

Нѣтъ ни одного такого монгольскаго владѣльца, продолжаетъ далѣе Жербильтонъ, который - бы не имѣлъ кумир-

ни въ своемъ вѣдомствѣ, хотя-бы у него не было и своего дома¹⁾.

Поясненія на стр. 59.

IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЭНХЭ АМУГУЛАН'А.

Изъ подробнаго рассмотрѣнія сказаній Илэтхэль шастры для насъ дѣлается совершенно яснымъ, что тотъ же характеръ внутренней жизни и внѣшнихъ отношеній сохранялся въ Халхѣ и въ первые двадцать два года новаго царствованія въ Китаѣ императора Канси, имя котораго маньчжуры на своемъ языкѣ называютъ Элхэ тайфинь, а монголы — Энхэ амугулань²⁾ и которое началось съ 1662-го года нашего лѣтосчисленія. Халхасы по старому небрегли за все это время дѣлами своего гражданскаго быта и были всецѣло поглощены заботами о буддизмѣ; маньчжуры какъ и прежде различными способами старались усыплять политическія доблести халхасовъ и продолжали издавать для нихъ буддійскія книги на монгольскомъ языкѣ³⁾; а гэгэнъ выписалъ изъ Тибета ганьчжуръ, который у нашего лѣтописца отличается, по всей вѣроятности какъ произведеніе рѣдкое, прозваніемъ „динбинг'скаго“. Прозваніе это, какъ можно полагать, есть китайское и происходитъ отъ китайскихъ словъ — „динъ-бэнъ“, что значитъ — „тетрадь, книжка“, и слѣдовательно ганьчжуръ этотъ представлялъ собою ту особенность, что былъ изданъ отдѣльными книжками, тогда какъ обыкновенно тибетцы и монголы печатаютъ свои

¹⁾ Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine. T. W. p. 46.

²⁾ т. е. мирное спокойствіе.

³⁾ Изъ числа сочиненій, изданныхъ Кансіемъ за упомянутый періодъ, извѣстны намъ: 1) отъ 5-го года правленія (1667). Хутухту сайнь цагунъ нэрэту йэхэ хулгэну судуръ; 2) отъ 10-го года (1672). Хутухту Банцза ракша хэмэху табунъ сакъя нэрэту йэхэ хулгэну судуръ; 3) отъ 21-го года (1682). Дологанъ сайбэр одоксади тахихуйн цзанъ йосу луга нойлэхуй хусэлн санагахчи.

священные книги на особыхъ, не связанныхъ между собою листахъ. За сѣмъ въ теченіе этихъ же двадцати двухъ лѣтъ гэгэнъ окончилъ постройку Гэнтэйскаго монастыря и воздвигъ множество кумировъ; наконецъ въ 22-мъ году царствованія Канси (1683) выписалъ онъ изъ Тибета еще новый ганьчжуръ и приказалъ списать съ него двѣ копии. Очевидно стало быть, что за все это время буддизмъ все болѣе и болѣе развивался въ Халхѣ и буддійская литература, хотя и преимущественно на тибетскомъ языкѣ, продолжала распространяться въ народѣ. Но если всѣ эти событія обращаютъ на себя по преимуществу вниманіе нашего лѣтописца и если большинство халхасовъ жило въ это время также точно увлекаясь буддизмомъ, то тѣмъ не менѣе въ эти 22 года началось и созрѣло великое дѣло, имѣвшее своимъ конечнымъ результатомъ совершенное паденіе политической самостоятельности Халхи. На дѣло это халхасы, очевидно, по первоначально не обратили ни какого вниманія: оно началось незначительной междоусобицей, весьма обыкновенной тогда въ халхаской жизни и оттого у историковъ ихъ существуетъ по сему поводу самое темное и сбивчивое понятіе; такъ что полное разъясненіе событій этого періода возможно теперь только путемъ сличенія и собранія разнородныхъ сказаній и не только монгольскихъ, но равно китайскихъ и даже тибетскихъ.

Вдоль сѣверныхъ границъ западной и отчасти средней Халхи, начиная отъ блѣтской границы, по отлогостямъ Танну'скаго хребта и почти вплоть до истоковъ р. Селенги, лежатъ дикая и лѣсистая страна, которую заселяли въ то время монгольскія поколѣнія хотохойтовъ и урянхаевъ. Поколѣнія эти кочевали смѣшанно между собою¹⁾, и въ образѣ своей жизни значительно отдѣлялись отъ халхасовъ, равно какъ различествовали отъ нихъ и по своему характеру. Обитая по лѣсамъ и дебрямъ помаянутой гористой страны, хотохойты были такъ же дики и угрюмы какъ и окружавшая ихъ природа дѣйственныхъ и вѣковыхъ лѣсовъ, они мало занимались скотоводствомъ, и любимое занятіе ихъ составляли звѣринные промыслы, которые до-

¹⁾ Цзасагту хану айм. шаст. Т. 63-й, л. 2.

59. ставляли имъ и главные средства къ пропитанію. Съ ранняго дѣтства
пріучаясь къ охотѣ на дикихъ звѣрей, привыкая владѣть лукомъ,
копьемъ и различнаго рода мечами, хотохойты были воинственны,
оттого они постоянно нападали на сосѣдящихъ съ ними халхасовъ,
угоняли ихъ стада, уводили въ плѣнъ ихъ женъ и дѣвицъ и главное
все это совершали они въ большинствѣ случаевъ вовсе безнаказанно,
ибо подѣ защитою своихъ лѣсовъ они легко спасались отъ всякихъ
преслѣдованій. Хотохойты считались данниками цзасакту хана,
но изъ сказаннаго порядка вещей дѣлается совершенно яснымъ, что
зависимость ихъ была чисто номинальною и что въ дѣйствительности
они представляли собою совершенно отдѣльный аймакъ. Китайскіе и
монгольскіе лѣтописцы единогласно подтверждаютъ это мнѣніе и
увѣряютъ, что, хотохойты „если бывала у нихъ нужда получить жа-
лованье, являлись вѣрными слугами и вооружались на защиту своего
халхаскаго владыки, а пѣтъ,—такъ грабили его самого“¹⁾. Эта харак-
теристика отношеній со стороны китайскихъ лѣтописцевъ, конечно,
какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о самоволіи хотохойтскихъ кня-
зей. Въ 1655-мъ году, когда маньчжуры постановили въ Халхѣ во-
семь цзасактовъ, правитель хотохойтовъ Эринчинъ, болѣе извѣстный
у халхасовъ подѣ именемъ Лубсанъ тайчжия, былъ также провозгла-
шенъ однимъ изъ числа этихъ главныхъ халхаскихъ правителей и съ
тѣхъ поръ самостоятельность хотохойтскихъ князей начала еще бо-
лѣ проявляться и конечно получила для себя еще болѣе основаній; —
Эринчинъ началъ открыто возвышать свой голосъ на сеймахъ и, со-
вершенно не въ примѣръ прочимъ хошуннымъ правителямъ Халхи,
никогда не отступалъ отъ своего мнѣнія, стараясь поддерживать его
въ крайнихъ случаяхъ и силою оружія. Примѣровъ этого рода въ періодъ
отъ 1655 по 1662 годъ было не мало, но съ особенною силою та-
кая тактика Эринчина выразилась именно въ 1662-мъ году, когда
въ цзасакту хановскомъ аймакѣ возникъ споръ о престолонаслѣдіи.
Въ частности событія эти представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Въ 1661-мъ году умеръ цзасакту ханъ Норбо и мѣсто его за-

---

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63-й, л. 2.

нялъ второй сынъ его Ваншукъ, между тѣмъ какъ старшій сынъ, прозывавшійся Цу-мэргэнъ, былъ обойденъ, какъ нелюбимый народомъ. Это нарушеніе порядка наслѣдія по праву первородства, по рассказамъ халхасовъ, возбудило Эринчина и, желая отстаивать права Цу-мэргэна, онъ въ 1662-мъ году собралъ своихъ хотохойтовъ и напалъ на цзасакту хана ¹⁾. Произошло сраженіе, на которомъ Ваншукъ былъ убитъ и такимъ образомъ цзасакту хановскій аймакъ остался снова безъ правителя. Первымъ дѣломъ аймачныхъ тайчжи было конечно защищать свои владѣнія отъ набѣга хотохойтовъ. Одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ цзасакту хана — Ахай-дайчинъ отправился за сборомъ войскъ въ сосѣдніе аймаки түшѣту-хана и сайнъ-нояна ²⁾ и, согласно его призыву, тогдашніе правители этихъ аймаковъ Чихунъ дорчи и Данъзинъ лама не замедлили послать своихъ людей для наказанія мятежника и подавленія смуты ³⁾. Изъ числа отправившихся въ этотъ походъ халхаскихъ тайчжѣевъ особенно отличился уже престарѣлый въ то время, 13-й сынъ сайнъ-нояна Түмэнкина — Гомбо: онъ неоднократно нападалъ на Лубсана и, каждый разъ разбивая его войска, обращалъ ихъ въ бѣгство. Впослѣдствіи түшѣту ханъ выразилъ ему свое одобреніе, назвавши его „ярымъ богатыремъ“ (хурца батуръ) и пожаловалъ ему титулъ „хүндүлэнъ бошокту“ ⁴⁾. Лубсанъ тайчжи, будучи не въ состояніи бороться съ совокупными силами трехъ аймаковъ, бѣжалъ, и по словамъ нашей лѣтописи, „передался на сторону блотскаго Галдана“. Это замѣчаніе однако кажется намъ не совсемъ вѣрнымъ и едва-ли лѣтописецъ не помѣстилъ здѣсь имени Галдана только потому, что привыкъ соединять его имя съ именемъ блотовъ. Илэтхэлъ шаstra въ своихъ многократныхъ рассказахъ объ этихъ событіяхъ говоритъ обыкновенно, что Лубсанъ тайчжи просто „бѣжалъ къ блотамъ“ (Т. 61, л. 9; л. 22; Т. 62, л. 2) и это безъ сомнѣнія правдивѣе, такъ какъ Галданъ въ то время не игралъ еще никакой роли между блотами и выступаетъ въ исторіи ихъ по крайней

¹⁾ Ibid. Т. 61-й, л. 20.

²⁾ Ibid. Т. 66, л. 1-й.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-лс. Цзюанъ 3-я, л. 6-й.

⁴⁾ Сайн-ноян. айм. шаст. Т. 71-й, л. 24-й.

59. мѣръ десятию годами позже этихъ событій¹⁾. Точно также погрѣ-
шаетъ наша лѣтопись и въ опредѣленіи времени вступленія на цза-
сакту хановскій престолъ Цэнгуля, относя это событіе къ первому
году правленія Канси (1662): въ дѣйствительности смутами, возник-
шими вслѣдствіе убіенія Ваншука и войнъ съ хотохойтами, воспользо-
вался старшій братъ Ваншука Цу-мэргэнъ, изъ за котораго соб-
ственно и началось все дѣло. Онъ провозгласилъ себя ханомъ немед-
ленно по убіеніи Ваншука и съ того времени въ теченіи цѣлыхъ
восьми лѣтъ носилъ титулъ цзасакту хановскій. Какъ не любимый на-

П о я с н е н і я   н а   с т р .
¹⁾ Галданъ, прозванный Бошкту ханомъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, по свидѣтельству о. Іакинна, былъ шестымъ сыномъ чжунгарскаго Батуръ-хунъ-тайчжія (Іакиннъ. Историч. Обзор. ойрат. стр. 68): но о. Іакиннъ, сообщая намъ свои свѣденія о Галданѣ и ойратахъ, ведетъ свой рассказъ исклю-чительно на основаніи китайскихъ источниковъ и не съ достаточною полно-тою, а потому почти современныя тѣмъ событіямъ показанія Жербилова, кажется намъ въ значительной степени поясняютъ обстоятельства способ-ствовавшія возвышенію Галдана.

«По смерти Батуръ-хунъ-тайчжія, говоритъ Жербиловъ, у него оста-лось много дѣтей и старшій изъ нихъ по имени Ончонъ наслѣдовалъ ему во владѣніи (а не Сэнгъ, какъ говоритъ о. Іакиннъ). Этотъ владѣтель, воюя съ хасакъ-бурутами или узбекскими татарами, въ лагерь заболѣлъ оспою: а такъ какъ монголы, по своимъ обычаямъ, держатся такого смѣшного и без-человѣчнаго убѣжденія, что всѣхъ заболѣвающихъ этою болѣзнію людей, должно удалиться, то и Ончоново войско при этомъ случаѣ тотчасъ же высту-пило изъ лагеря и оставило своего государя одного въ палаткѣ, такъ что при немъ не осталось ни одного челоуѣка для услуженія.

«Татары магометане, которые стояли противъ оловоу, увидали, что всѣ непріатели ихъ отступили и на другой же день вошли въ оставленный ими лагерь: нашедши здѣсь больного, они смотрѣли за нимъ такъ внимательно, что онъ снова совершенно выздоровѣлъ.

«Такъ какъ этотъ князь не почелъ нужнымъ объявить свое имя, то та-таре содержали его въ теченіе трехъ лѣтъ какъ простаго плѣнника. Между тѣмъ Сэнгъ второй сынъ Батуръ-хунъ-тайчжія (по о. Іакинну — пятый), полагая, что покинутый старшій братъ его умеръ и, согласно монгольскому обычаю, которымъ сходствуютъ монголы съ жидами, женился на его женѣ —

«По прошествіи трехъ лѣтъ Ончонъ объявилъ себя татарамъ-хасаками и при этомъ поклялся имъ, что онъ никогда не будетъ впоследствии выст-пать противъ нихъ войною, если они позволятъ ему свободно возвратитъ на родину. Послѣ сего онъ получилъ отъ нихъ свободу и для сопрово-денія его до отечества ему было дано 100 челоуѣкъ.

«Пріѣхавши къ границамъ своей области, Ончонъ послалъ гонца брату своему Сэнгъ, чтобы увѣдомить его о происшедшемъ и о своемъ

родомъ, Цу-мэргэнъ однако не былъ признанъ на общемъ сеймѣ цзасакту хановцевъ за законнаго правителя и оттого многіе не соглашались повиноваться ему. Началась борьба партій, ознаменовавшая себя злодѣяніями и насиліями, какъ то всегда бываетъ въ періодѣ междоусобій, соединяющійся съ междоусобною бранью. Оставшись въ существѣ дѣла безъ главы, а потому и безъ всякаго правосудія, цзасакту хановцы грабили другъ друга, отчего болѣе слабые разбѣжались въ другіе аймаки и большая часть этихъ бѣглецовъ удалялась въ аймакъ тушѣту хана¹⁾, какъ сосѣдственный въ то время цзасакту хановскому. Тѣ, которые могли составлять собою цѣли общества, уходили еще далѣе и поддавались маньчжурамъ: такимъ образомъ родной дядя убитаго Ваншука — Гомбо-Ялданъ, не имѣя мѣста куда приклониться, перешелъ черезъ Гоби и поддался дайцинскому дому;

Поясненія на стр.

вращеніи. Братъ его, получивши эту неожиданную вѣсть, пришелъ въ большое удивленіе и тотчасъ же отправился къ женѣ своего брата, которая тогда была уже за нимъ, чтобы узнать отъ нея, какъ намѣрена она поступить въ данномъ случаѣ. Та, будучи совершенно невинною, отвѣчала, что она вышла за него, Сэнгэ, въ твердомъ убѣжденіи, что мужъ ея умретъ; теперь же когда услышала она, что первый мужъ ея живъ, она ни коимъ образомъ не можетъ допустить того, чтобы не жить съ нимъ снова.

«Сэнгэ» не хотѣлось лишиться своей жены и земель своего брата, которыми теперь завладѣлъ онъ и потому онъ тотчасъ же послалъ нѣсколько преданныхъ ему людей, какъ будто-бы на встрѣчу и для оказанія почестей своему брату, а въ дѣйствительности для того, чтобы они, по данному имъ тайному приказу, убили его со всѣми его людьми. По исполненіи этого онъ приказалъ распустить слухъ, что избита партія хасакъ-бурутовъ, не упоминая ничего о своемъ братѣ.

«Дѣло это однакоже не скрывалось долго; поэтому одинъ изъ остальныхъ братьевъ его, т. е. этого убійцы — (Сэнгэ), рожденный отъ одной матери съ Ончономъ, согласился съ роднымъ своимъ племянникомъ, сыномъ Ончона, мстити за это убійство. И такъ они, собравъ старыхъ слугъ князя Ончона и пріискавъ удобный случай, убили Сэнгэ и сына Ончонова сдѣлали владѣльцемъ надъ отцовскими его землями». Это убіеніе князя Сэнгэ, замѣтимъ здѣсь кстати, совершилось въ началѣ 1671 года.

«Галданъ, третій сынъ Батуръ-хунъ-тайчжия и родной братъ Сэнгэ между тѣмъ еще съ малолѣтства сдѣлался ламою и первоначально воспитывался у великаго лама (Далай лама), какъ знатнѣйшій изъ всѣхъ его учениковъ; а въ этотъ періодъ чжунгарскихъ смутъ онъ жилъ при Очирту-цэцэнъ ханѣ въ великомъ почтеніи». — Description... de la Chine T. W. p. 48.

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 61, л. 21.

его посадили въ Цаганъ хошуту, за воротами Баясхуланъ-хадату¹⁾ и кочевье его известно теперь подъ именемъ халхаскаго лѣваго крыла²⁾. Первымъ дѣломъ маньчжуровъ, получившихъ отъ Гомбо йэлдэна самыя подробныя свѣденія о броженіи въ Халхѣ, было защитить свои владѣнія отъ вторженій возмущенныхъ халхасовъ, оттого уже въ 3-мъ году правленія Канси (1664) они разослали свои письма ко всѣмъ халхаскимъ правителямъ, напоминая имъ о томъ, что они не должны выходить за южныя предѣлы Гарбай-гоби³⁾; къ этому же времени относится по всей вѣроятности и первая постановка маньчжурами карауловъ на сѣверной границѣ кочевьевъ внутреннихъ монголовъ⁴⁾. А броженіе въ Халхѣ между тѣмъ разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. Проходили года; Цу-мэргэнъ, въ противность установившимся уже въ то время обычаямъ, все еще не только не явился на аудіенцію къ Канси, но даже и не представилъ ему доклада объ утвержденіи его въ цзасагту хановскомъ званіи⁵⁾. Въ 1667-мъ году умерли одинъ за другимъ правители сайнъ-нояновскаго аймака — Даньзинъ лама и сынъ его Таскибъ. Наслѣдовавшій этому послѣднему сынъ его Шамба, немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, отправилъ посольство къ маньчжурамъ и пекинскій дворъ, утвердивъ новаго правителя въ его званіи, прислалъ ему титулъ „итэгэмжиту эййтэй эрхэ дайчинъ“ (вѣрнаго и мирнаго могущественнаго вождя⁶⁾). Примѣръ Шамбы также точно прошелъ незамѣченнымъ для Цу-мэргэна. Маньчжуры конечно не могли равнодушно смотрѣть на этого самозваннаго хана и если они допускали теперь его существованіе, то это безъ со-

1) Переводъ маньчжурскаго названія «Ургунъ хаданга» и китайскаго Си-фынь коу. — Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ло. Цзюань 3-й, л. 6-й.

2) Изътх. шастр. Т. 33-й, л. 11. Что касается кочевьевъ хошуна халхаскаго лѣваго крыла, то въ настоящее время онѣ лежатъ на разстояніи 840 ли къ СВ отъ Си-фынь-коу. Съ В на З протяженіе ихъ равняется 125 ли, а съ С на Ю 230 ли. На В онѣ граничатъ съ хорчиньскимъ аймакомъ, на З съ найманьскимъ, на Ю съ тумэтскимъ, а на С съ чжаротскимъ и онытскимъ. (Мэнгу-ю-му-цзи. Цз. 3-я, л. 29-й).

3) Сайн. ноян. айм. шаст. хуріян. Т. 69, л. 6.

4) Ibid. Т. 69, л. 14.

5) Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ло. Цз. 3-й, л. 6-й.

6) Сайн. ноян. айм. шаст. хуріянгуй. Т. 69, л. 7-й.

миѣнія въ виду того, чтобы, продолживъ смутное время, ослабить силы халхасовъ, которые все таки могли казаться имъ опасными; за всѣмъ тѣмъ лишь только явился имъ со стороны самихъ халхасовъ самый незначительный поводъ низвергнуть этого самозванца, они не замедлили имъ воспользоваться. Въ 9-мъ году правленія Канси, при обычной аудіенціи халхаскихъ князей, тайчи цзасакту хановскаго аймака Ахай дайчинъ представилъ докладъ къ императору, прося его предоставить законное преемство цзасакту хановскаго званія младшему брату убитаго Ваншука — Цэнгуню. Императоръ тотчасъ же приказалъ низвергнуть Цу-мэргэна и утвердилъ Цэнгуня цзасакту ханомъ, а Ахай-дайчина, похваливъ за вѣрность интересамъ своей родины и маньчжурскаго дома, возвелъ въ званіе цзасака и дозволилъ ему вмѣсто бѣжавшаго Эринчина какъ приносить дань „девяти бѣлыхъ“, такъ и пользоваться соотвѣстственными за нее подарками. Такимъ образомъ оказывается, что Цэнгунь былъ возведенъ въ званіе цзасакту хана не въ 1662-мъ году, какъ говоритъ наша лѣтопись, а въ 1670-мъ¹⁾. Что касается Ахай-дайчина, то будучи пожалованъ цзасакомъ въ томъ же 1670-мъ году, онъ умеръ въ 1677-мъ и тогда его званіе цзасака преемственно перешло къ сыну его Цунпуку, которому и былъ пожалованъ титулъ „чжируми эрхим-леху“ (=уважающаго обычаи)²⁾. Извѣстіе это до невозможности перепутано въ нашей лѣтописи, но эта путаница разсказа, вмѣстѣ съ братскою въ описаніяхъ событій этого относительно важнаго и богатаго переворотами періода показываютъ намъ, какъ мало знаютъ и слѣдовательно обращаютъ вниманія халхасы на свою гражданскую жизнь.

Со вступленіемъ на цзасакту-хановскій престолъ Цэнгуня междоусобныя смуты этого аймака прекратились, но спокойствіе его все таки не было восстановлено, ибо вмѣсто междоусобной брани внутренней, теперь начались здѣсь новыя неудовольствія, вызванныя тяжбою цзасакту хана съ тушѣту ханомъ. Мы видѣли уже выше, что въ

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 61, л. 21.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 4.

60. П о я с н е н і я   н а   с т р . смутный періодъ самозванца Пу-мэргэна многіе изъ цзасакту хановскихъ данниковъ перекочевали во владѣнія тушѣту хана. Цэнгунъ, немедленно по обнаруженіи его законнымъ владѣтелемъ земель цзасакту хановскихъ, предъявилъ свои права тушѣту хану на этихъ перекочевщиковъ и просилъ его возвратить ихъ въ аймакъ по принадлежности; а корыстолюбивый Чихунъ-дорчжи желалъ удержать народъ за собою, и затягивалъ дѣло то упорнымъ молчаніемъ, то уклончивыми отвѣтами и просьбами подождать, покуда произведетъ онъ разслѣдованіе объ этихъ людяхъ и о принесенномъ ими имуществѣ. Такъ протекло болѣе десяти лѣтъ, въ которые цзасакту хановцы, наскучивъ своими ожиданіями, начали приносить наконецъ жалобы на тушѣту хана сначала Далай ламѣ, а потомъ и маньчжурамъ. Дѣятельное вмѣшательство этихъ третейскихъ судей въ тяжбу халхасовъ началось однако не ранѣе 1682-го года; въ теченіе же предыдущихъ двѣнадцати лѣтъ споръ велся исключительно между двумя тяжущимися сторонами, годъ отъ года поднимая ихъ большее и большее неудовольствіе и усиливая ихъ взаимную вражду другъ къ другу.

Такимъ образомъ завязались раздоры въ самой срединѣ Халхи. На западѣ ея, въ Чжунгаріи, между тѣмъ возникла еще болѣе ужасная борьба, ознаменовавшаяся несравненно большими злодѣяніями и повлекшая за собою громадныя перевороты какъ въ судьбѣ самой Чжунгаріи, такъ и особенно въ сосѣдственной съ нею Халхѣ, хотя халхасы по первоначалу и не принимали никакого участія въ дѣлахъ чжунгарскихъ. Мы говоримъ о смутахъ Галдана. Время возникновенія этихъ смутъ относится несомнѣнно къ 1671-му году и, на основаніи опредѣленныхъ хронологическихъ указаній монгольскихъ лѣтописей, мы никакъ не можемъ согласиться съ предположеніемъ о. Іакина, относящаго начало мятежныхъ и воинственныхъ подвиговъ Галдана къ 1667-му году. Приводить всѣ доказательства нашего заключенія и разсматривать подробно исторію Галдана здѣсь конечно неумѣстно, ибо это значило бы говорить о событіяхъ Чжунгаріи, а не Халхи; тѣмъ не менѣе такъ какъ исторія первоначальныхъ войнъ Галдана тѣсно вяжется съ исторіею халхасовъ, мы не можемъ не сказать о ней нѣсколькихъ словъ.

Галданъ, по сказаніямъ монголовъ, былъ седьмымъ сыномъ Бă-туръ-хунъ-тайчжіа и, съ малолѣтства, принявъ духовное званіе, воспитывался сначала у Далай ламы, а потомъ жилъ при Очирту ханѣ. Въ 1671-мъ году, получивъ извѣстіе объ убіеніи брата своего Сѣнгэ, Галданъ обратился къ Далай ламѣ съ просьбою разрѣшить ему оставить духовное званіе для того, чтобы отмстить за смерть братнюю и, когда эта просьба его была уважена, собралъ войско частію изъ своихъ же, преданныхъ Сѣнгэ чжунгарцевъ, а частію позаимствовавъ ратниковъ отъ Очирту хана. Быстрымъ движеніемъ напалъ онъ за симъ на убійцъ своего брата и предалъ ихъ смерти, а потомъ овладѣлъ всѣмъ имѣніемъ и землями Сѣнгэ, прямой наслѣдникъ которыхъ Цэванъ рабтанъ съ семью приближенными слугами своего отца бѣжалъ въ Турфанъ и отсюда отправилъ своихъ пословъ къ маньчжурамъ, прося послѣднихъ принять его въ подданство¹⁾. Галданъ между тѣмъ не довольствовался сдѣланными успѣхами, — движимый властолюбіемъ онъ желалъ полного объединенія подъ своей властью всѣхъ чжунгарскихъ поколѣній и потому въ томъ же 1671-мъ году предпринялъ новый походъ противъ своего дяди Цохоръ-убаши. Походъ этотъ хотя и былъ неудаченъ для Галдана по своему исходу, такъ какъ войска его были разбиты тогда на голову, но тѣмъ не менѣе высоко поднялъ Галдана во мнѣніи тогдашнихъ ойратскихъ владѣльцевъ и всѣ они увидѣли въ немъ предприимчиваго и храбраго князя. Очирту ханъ, желая, вѣроятно, упрочить свой союзъ съ Галданомъ, тогда же выдалъ за него въ замужество одну изъ своихъ племянницъ²⁾, но эта политика не спасла его отъ властолюбивыхъ замысловъ Галдана. Въ 1676 году Галданъ напалъ на своего дядю по женѣ и овладѣлъ его аймакомъ, а Очирту ханъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Нужно сказать, что жена Очирту ханова была дочерью торгутскаго Аюки хана и приходилась родною сестрою бабки халхаскаго тушѣту хана Чихунъ-дорчжи³⁾. Это родство было совер-

Поясненія на стр. 60.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 52.

²⁾ Алашану Угэлюдунъ шастир Т. 79, л. 5.

³⁾ Ibid. Т. 79, л. 6-й; т. е. Эрхэй мэргэнъ ханъ былъ также женатъ на дочери Аюки хана.

60
П о я с н е н і я   н а   с т р .
шенно достаточнымъ предложемъ для того, чтобы тушѣту хану предпринять теперь походъ противъ Галдана на защиту Очирту хана. Въ первый походъ однако войска, командированныя Чихунь-доржіемъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не достигли своей цѣли и кажется во все не вступали въ битву съ Галданомъ¹⁾: послѣдній свободно преслѣдовалъ бѣжавшаго Очирту хана и наконецъ поймалъ и убилъ его. Сдѣлавшись такимъ образомъ полнымъ владѣльцемъ земель Толинскихъ, Галданъ немедленно же послалъ извѣстить объ этомъ маньчжурскій дворъ и при этомъ отправилъ въ подарокъ къ императору всю добычу, которую захватилъ онъ въ набѣгъ на Очирту хана. Канси, не смотря на это явное выраженіе почтительности, за всѣмъ тѣмъ далеко не благовидно посмотрѣлъ на этотъ поступокъ и въ императорскомъ указѣ его, данномъ по этому случаю придворнымъ, сухо и строго говорилось: „И Очирту ханъ, и Галданъ всегда одинаково приносили мнѣ дань; теперь Галданъ убилъ Очирту, но поднесенныхъ мнѣ вещей, луковъ и оружія я не могу принять, — возвратите ихъ назадъ“. Это видимое недовольство императора Галданомъ ободрило тушѣту хана и, подъ предложемъ шеніи за Очирту, онъ вознамѣрился предпринять новый разбойническій набѣгъ на Галдана. Въ слѣдующемъ году онъ собралъ 300 человекъ своихъ воиновъ и, поручивъ ихъ командѣ своего тайчжіа Сэрэнъ-даши, отправилъ противъ Галдана. Этотъ немногочисленный отрядъ, конечно, никогда не имѣлъ въ виду начинать серьезное дѣло и потому, когда удалось ему разграбить отправленный Галданомъ караванъ къ маньчжурамъ, считалъ свое назначеніе оконченнымъ и возвратился. Императоръ, получивъ вѣсть объ этомъ событіи, тотчасъ же позаботился о примиреніи враждующихъ: онъ уговорилъ ихъ оставить военныя дѣйствія и возстановить прежнія отношенія, давъ клятву другъ другу во взаимной вѣрности²⁾. Галданъ согласился на этотъ миръ, хотя можетъ быть только потому, что ему нужно было въ это время доканчивать еще объединеніе подъ своею властію племенъ древняго ойратскаго союза: въ душѣ онъ помнилъ обиду, нанесенную ему халхасами и по-

¹⁾ Ibid. Т. 79, л. 6-й.

²⁾ Тушѣту хан. аймаг. шаст. Т. 46, л. 9.

тому лишь только подчинилъ онъ себѣ Восточный Туркестанъ и овладѣлъ вполне племенами ѳлѣтскими, какъ тотчасъ же возвратился въ Чжунгарію и началъ готовить войска, выжидая вмѣстѣ съ тѣмъ и удобнаго случая для нападенія на халхасовъ. Такъ протекло около шести лѣтъ, въ теченіе которыхъ силы предприимчиваго и дѣятельнаго Галдана значительно окрѣпли, а Халха между тѣмъ все болѣе и болѣе хирѣла и истощалась во взаимныхъ смутахъ.

Главнѣйшею причиною халхаскихъ междоусобій въ это время было алчное корыстолюбіе халхаскихъ князей, проявлявшееся у нихъ всегда или въ насиліяхъ и угнетеніи низшихъ, или въ разбойническихъ на сосѣднія страны набѣгахъ, которые въ свою очередь вызывали такіе же набѣги и на ихъ собственныя области. Маньчжуры, по первоначально снисходительно смотрѣли на эти смуты, ибо видѣли въ нихъ источникъ желаннаго ими ослабленія силъ Халхи; но когда внутреннія броженія въ Халхѣ начали отзываться потомъ и на южныхъ монголахъ, т. е. коснулись владѣній самихъ маньчжуровъ, то понятно, что дайчинское правительство уже не могло относиться къ этимъ раздорамъ халхаскихъ князей равнодушно, и постоянно старалось о прегражденіи ихъ, то ограничивая властолюбіе халхасовъ, то воспрещая имъ набѣги. Такой образъ дѣйствій со стороны маньчжуровъ мы одинаково видимъ по отношенію ко всѣмъ халхаскимъ аймакамъ, также точно какъ и въ дѣятельности всѣхъ халхаскихъ князей находимъ одно и тоже общее направленіе. Такимъ образомъ въ аймакѣ сэцэнъ хановскомъ мы встрѣчаемъ прежде всего постоянную междоусобицу съ внутренними монголами, при чемъ халхасы являются нападающими на послѣднихъ. Въ 1665 году абаганары, перекочевавъ съ юга Гоби, подошли къ карауламъ и поселились близъ горъ Чоно тологой; халхасы тотчасъ же напали на нихъ и стали притѣснять такъ, что абаганары должны были обратиться съ просьбою о защитѣ къ маньчжурскому правительству. Канси простилъ абаганарамъ ихъ самовольную перекочевку и приказалъ возвратиться на старыя мѣста, а халхасамъ указалъ сдѣлать границею своихъ кочевьевъ Гарбай Гоби, объявивъ ихъ князьямъ, что впредь, если кто изъ халхаскихъ данниковъ переступитъ эту границу, то уже не будетъ воз-

60. возвращаемъ родовымъ правителямъ, какъ это было прежде¹⁾. На сѣ-
верѣ сэцэнъ хановскаго аймака велась между тѣмъ не менѣе постоян-
ная борьба халхасовъ съ русскими. Извѣстно, что кочевья баргут-
скаго хошуна сэцэнъ хановскаго аймака въ то время граничили съ
землями нашихъ албазинскаго и нерчинскаго округовъ. Баргуты,
сначала какъ сосѣди завели торговлю съ русскими, вымѣнивая у
нихъ скотъ, жизненные продукты и звѣриныя шкуры; а потомъ на-
чали дѣлать и разбойническія вторженія въ русскія земли. Русскіе ко-
нечно не оставались у нихъ въ долгу и въ свою очередь платили имъ
такими же набѣгами, при чемъ отличились такою изворотливостію и
проворотствомъ, что вскорѣ всѣ начали называть ихъ Лоча²⁾. Маньч-
журы неоднократно удерживали халхасовъ отъ этихъ набѣговъ, нако-
нецъ въ 1681-мъ году, когда у Канси возникла мысль овладѣть Аму-
ромъ, поручили сэцэнъ хану Норбо прекратить всякія сношенія его
аймака съ русскими³⁾. Приказаніе было исполнено, но лишь только
окончились набѣги на сѣверъ, сэцэнъ хановцы начали еще съ боль-
шими силами нападать на югъ. Въ слѣдующемъ 1682-мъ году тѣже
баргуты самовольно произвели грабежъ на границахъ учжумуцинъ-
скаго аймака и маньчжурамъ приходилось отстаивать уже свои соб-
ственныя земли. Съ этою цѣлью палата виѣшнихъ сношеній распоря-
дилась объ увеличеніи пограничныхъ карауловъ⁴⁾ и предлагала какъ
своимъ данникамъ, такъ и халхасамъ охранять границы строго и тща-
тельно; когда же за симъ отъ сэцэнъ хана и его хошунныхъ прави-
телей прибылъ посолъ для представленія обычной годовой дани, то
ему выдана была грамота на имя сэцэнъ-хановцевъ слѣдующаго со-
держанія: „По слухамъ, ваши аймачные люди производятъ взаимные
грабежи съ монголами, воруютъ и обижаютъ другъ друга. Полагая,
что это отзовется вредно на вашемъ быту, я издавъ приказъ вну-
треннимъ монголамъ, чтобы они не выходили изъ границъ и не про-
изводили попусту безпокойства. Вамъ также надлежитъ сдерживать

¹⁾ Изѣтх. шаст. Т. 88, л. 4.

²⁾ Лоча — значить «чертъ»; слово это есть маньчжурское извращеніе санскритскаго — ракша, или ракшасъ.

³⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 2.

⁴⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-ю-ле. Цзюанъ 8-я, л. 9-й.

свой народъ, охранять границы и жить мирно. Если будутъ бунтовщики, тотчасъ же хватайте ихъ и штрафуйте за вину; не помышляйте ни о малѣйшей слабѣ¹⁾. Грамота эта конечно была „гласомъ въ пустынь“ и грабежи сэцэнъ хановцевъ продолжались съ прежнею силою.

Состояніе аймаковъ цзасакту хановскаго и тушѣту хановскаго вмѣстѣ сайнъ нояновскимъ было еще болѣе худшее, ибо въ этихъ аймакахъ тѣ же грабежи, разбои и опустошенія производились между своими же аймачными владѣтелями: сильный давилъ слабого и ханскій произволъ тяготѣлъ надъ всѣми хошунными правителями. Въ 1680-мъ году цзасакту ханъ Цэнгунъ отнялъ у одного изъ своихъ цзасаковъ — Дорчжіа титулъ чжинуна и, пожаловавъ его племяннику этого Дорчжіа — Самади, привелъ послѣдняго къ маньчжурамъ представлять дань — девяти бѣлыхъ. Палата вѣншихъ сношеній, желая ограничить такое властолюбивое своеволие хана, не допустила посла Самади и не признала даннаго ему титула²⁾; такимъ образомъ Самади фактически остался неутвержденнымъ, но обстоятельство это вызвало цѣлую междоусобицу въ средѣ цзасакту хановцевъ: Несомнѣнно за симъ, что три упомянутые аймака не отставали отъ сэцэнъ-хановцевъ и въ набѣгахъ на внутреннихъ монголовъ и на это указываютъ намъ съ одной стороны постоянныя предложенія маньчжуровъ къ ихъ хошуннымъ правителямъ не выходить изъ установленныхъ границъ Халхи³⁾, а съ другой домогательство халхаскихъ нояновъ уничтожить всякія границы и караулы: такимъ образомъ въ 1682-мъ году сайнъ ноянъ Шамба писалъ къ маньчжурамъ, что халхасы, по своимъ старымъ обычаямъ, привыкли жить, подыскивая мѣста, обильныя пастбищами и водою и на этомъ основаніи просилъ уничтоженія карауловъ; но высочайшее повелѣніе приказывало ему снова поддерживать пограничные знаки и не выступать за нихъ⁴⁾. Но главнымъ бѣдствіемъ для упомянутыхъ аймаковъ была конечно про-

60.
Поясненія на стр.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 53, л. 9.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 62, л. 3. — Фань-бу-яо-ле. Цз. 3, л. 7.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 8; Сэц. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 53, л. 11.

⁴⁾ Сайн ноян. айм. шаст. хуріянг. Т. 69, л. 15.

60. должавшаяся междоусобица тушѣту хана и цзасакту хана изъ за данниковъ послѣдняго, которыхъ держалъ у себя и не хотѣлъ выдать цзасакту хану тушѣту ханъ. Борьба эта, получившая свое начало, какъ мы видѣли, еще съ перваго года правленія Канси, не только не прекратилась въ теченіе минувшихъ двадцати лѣтъ, но еще болѣе усилилась, чему способствовала конечно самая продолжительность ея, которая не могла не раздражать страсти у борющихся сторонъ. Съ 20-го года правленія Канси, или съ 1681-го года нашего лѣтосчисленія, эта смута еще болѣе осложнилась обстоятельствомъ, о которомъ упоминаетъ, но которое не рассказываетъ подробно наша лѣтопись, — это дѣло того же Лубсанъ-тайчжія. Мы видѣли, что прогнанный изъ Халхи соединенными силами халхаскихъ князей, Лубсанъ тайчжи бѣжалъ къ ѳлѣтамъ. Впослѣдствіи, когда Галданъ сдѣлался владыкою всей Чжунгаріи, Лубсанъ несомнѣнно призналъ его главенство надъ собою и вотъ, въ 8-й лунѣ 1681-го года. Галданъ, основываясь на томъ, что Лубсанъ-тайчжи былъ прежде утвержденнымъ маньчжурами цзасакомъ, опять привелъ его для представленія дани. Богдоханъ милостиво принялъ Лубсана, простилъ ему прежнюю смуту и дозволилъ приходить ко двору. Эринчинъ, или Лубсанъ тайчжи, казалось, возвратился такимъ образомъ въ свое старое положеніе. Цзасакту ханъ Цэнгунъ, какъ аймачный владѣтель данниковъ лубсановыхъ, а слѣдовательно и самаго Лубсана, подобно маньчжурамъ призналъ въ немъ стараго цзасака и не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1682 г. предложилъ ему идти вмѣстѣ съ нимъ для представленія дани; но Эринчинъ все еще боялся своей прежней вины и предполагалъ, что Цэнгунъ, при личной ставкѣ, отдастъ его на судъ маньчжурамъ, — онъ не могъ думать, что цзасакту ханъ забудетъ старое и считалъ его своимъ всегдашнимъ врагомъ. И такъ, подговоривши русскихъ (?), Эринчинъ предположилъ снова идти войною на Цэнгуна, чтобы убивъ его, обезпечить свою личную безопасность. Цэнгунъ, провѣдавъ объ этомъ, поручилъ сыну своему Шара войско числомъ свыше десяти тысячъ человекъ и, окруживъ со всѣхъ сторонъ Эринчина, схватилъ его. Эринчину однако удалось снова бѣжать къ ѳлѣтамъ, а Цэнгунъ забралъ его юрты, семьи, скоть и имуще-

ство¹⁾. Такимъ образомъ отношенія цзасакту хана къ прежнему его мятежнику Эрнечину еще болѣе обострились, потому что теперь вопросъ о личной мести осложнился еще обстоятельствомъ захвата имущества. Нѣтъ сомнѣнiя при этомъ, что Галданъ постоянно поддерживалъ сторону склонившагося подъ его покровительство мятежнаго владыки хотохойтовъ, и если мы знаемъ, что Эрнечинъ отыскивалъ теперь захваченное у него цзасакту ханомъ имущество, то не иначе какъ при помощи Галдана. Отсюда само собою дѣлается понятнымъ, что войска блотовъ должны были время отъ времени появляться въ Халхѣ, производя грабежи и нападенія на ея мирныхъ обитателей. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Лѣтописныя сказанiя халхасовъ, правда, не сохраняютъ для насъ подробнаго описанiя всѣхъ этихъ набѣговъ т. е. когда именно и на какой улусъ они производились; но въ общихъ фразахъ эти сказанiя все таки замѣчаютъ, что люди болѣе дальновидные и энергичные не могли относиться равнодушно къ чжунгарскимъ вторженiямъ того времени и, видя въ нихъ новый залогъ разслабленiя халхасовъ, возставали противъ этихъ вторженiй, хотя въ большинствѣ случаевъ и безуспѣшно. Такимъ образомъ сайнъ нояновскiй цзасакъ Даныцинъ эрдэни въ 1682 году доносилъ маньчжурамъ о нападенiяхъ Галдана и небрежномъ отношенiи къ этимъ нападенiямъ халхаскихъ князей; маньчжуры въ то время посмотрѣли на это, повидному также холодно и ограничились только распоряженiемъ объ усиленiи карауловъ на границѣ²⁾. Въ лѣтописяхъ нашихъ бурятъ мы находимъ извѣстiе, что въ среднемъ зимнемъ мѣсяцѣ слѣдующаго 1683-го года Галданъ Бошокту отправилъ свои войска на халхасовъ. Ашабагатскiе тайчжи, жившiе тогда съ своимъ родомъ между Алтаемъ и Хангаемъ, сдѣлали нападенiе на два отряда изъ этихъ войскъ, и подстрекали соплеменныхъ имъ халхаскихъ тайчжiевъ возстать противъ общаго врага, но всѣ усилiя ихъ остались тщетны. Изнуривши своихъ лошадей и истомившись, говорить лѣтопись, возвратились они въ свой нутукъ, и, видя

Поясненiя на стр. 60.

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хурiян. Т. 61, л. 22.

²⁾ Сайн ноян. аймаг. шаст. Т. 75, л. 2.

80. отсутствіе всякой солидарности въ дѣйствіяхъ своихъ сородичей, рѣ-
шились отдѣлиться отъ нихъ. По веснѣ 1684-го года они собрали
свой родовой сеймъ и опредѣлили на немъ перейти въ русское под-
данство, что и было исполнено ими въ томъ же году¹⁾. Ту же не-
брежность по отношенію къ защитѣ и благоустройству своей страны
замѣчали и другіе халхасы, ясно предвидя отъ всего этого полное
паденіе своего нутка. Цзасакту хановскій цзасакъ Бубэй, явившись
около этого времени къ маньчжурскому двору для представленія дани,
говорилъ императору: „халхаскіе ваны совершенно бездѣтельны и
сварливы, они несомнѣнно раззорятъ свои владѣнія и дойдутъ до са-
маго крайняго положенія“²⁾. Дѣйствительно халхаскіе правители рѣ-
шительно не думали о томъ, чтобы дать возможность спокойно вздох-
нуть своимъ данникамъ. Тушѣту ханъ, по старому, продолжалъ свою
политику и, повидимому, вовсе не рассчитывалъ возвращать Цэнгуню
захваченныхъ имъ имуществъ и данниковъ послѣдняго. Споръ тянулся
и вскорѣ въ немъ принялъ участіе Далай лама, явившись примирителемъ
и посредникомъ между тяжущимися сторонами. Съ цѣлью уго-
ворить и примирить хановъ Далай лама въ 1682 г. отправилъ своего
посла Ярбунай'я, который прибылъ въ Халху въ то самое время,
когда изъ Халхи вторично бѣжалъ къ блѣтамъ Лубсанъ тайчжи. По
первоначальному плану посолъ тибетскаго первосвященника долженъ
былъ собрать въ Халхѣ сеймъ и на немъ примирить халхасовъ; но
въ дѣйствительности онъ велъ свое дѣло совершенно безуспѣшно, ибо
тушѣту ханъ, какъ говоритъ Илэтхэлъ шастра, не внялъ его словамъ,
а по сообщенію лѣтописи Фань-бу-яо-де, и вовсе не явился на сеймъ,
т. е. не внялъ не только увѣщаніямъ, но и приглашенію ихъ выслушать.
Тогда наконецъ за дѣло примиренія взялись и маньчжуры и до нѣко-
торой степени успѣли въ своемъ предпріятіи. Наша лѣтопись, со свой-
ственною офиціальнымъ документамъ точностію, излагаетъ передъ
нами въ письмахъ, указахъ и донесеніяхъ всѣ событія этого вмѣша-
тельства маньчжуровъ въ дѣло халхаской междоусобицы и съ замѣ-

¹⁾ Ашабагат отог'ун тухэ л. 4-й.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 9.

чательною яркостью рисуетъ картину самаго примиренія халхасовъ (стр. 61—69); но она погрѣшаетъ нѣсколько въ порядкѣ изложенія фактовъ; такъ, убіеніе Чихунь-дорчжіемъ цзасакту хана Шара она ставитъ впереди событій хурѣнь-бальчирскаго сейма, и, какъ то можно думать по ходу разсказа, относитъ это событіе къ 1684-му году, а между тѣмъ Шара только въ 1686-мъ году вступилъ на престолъ цзасакту-хановскій. Это обстоятельство побуждаетъ насъ представить, такъ сказать, общій хронологическій перечень событій, разсказанныхъ въ нашей лѣтописи, дополняя по мѣстамъ то, что не было договорено ею.

Начало вѣншательства маньчжуровъ въ дѣла халхасовъ было вызвано просьбами самихъ цзасакту хановцевъ. Они, какъ упоминаетъ о томъ наша лѣтопись, двукратно дѣлали докладъ императору (стр. 61), прося его помощи и хотя намъ неизвѣстно въ точности, когда именно представлялись эти доклады, однако очевидно, что дѣятельное участіе маньчжуровъ въ примиреніи халхасовъ относится по своему началу не ранѣе 23-го года правленія Канси (1684). Въ этомъ году говоритъ Шэнъ-у-цзи, тушѣту ханъ напалъ на цзасакту хана, отнялъ его наложницу, затѣялъ войну и еще поссорился съ чжунгарами ¹⁾. Весьма вѣроятно, что это обстоятельство было однимъ изъ важнѣйшихъ предлоговъ для маньчжуровъ къ тому, чтобы начать свои увѣщанія халхасамъ и явиться такимъ образомъ ихъ третейскими судьями. Чтобы болѣе обезпечить успѣхъ своего посредничества, императоръ, какъ мы видимъ, пригласилъ къ участію въ этомъ дѣлѣ Далай ламу и предложилъ ему отправить вмѣстѣ съ его императорскимъ посломъ и своего посла въ Халху. Все это происходило въ томъ же 1684-мъ году. Но мы знаемъ далѣе, что первое посольство императора и Далай ламы было безуспѣшно, ибо Шамба-цэмбу хутухту, котораго отправилъ Далай лама, умеръ по дорогѣ въ Халху, въ урочищѣ Бургасутай, близъ города Хуху-хото, а императорскій посолъ не рѣшился уже одинъ продолжать далѣе путь свой. Эта неудача однако не остановила маньчжуровъ и въ слѣдующемъ,

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3-я; л. 13.

61—62. 1685-мъ году, они снова отправили къ Далай ламѣ предложеніе послать своего делегата въ Халху, почему и командированъ былъ изъ Тибета ширѣту, или настоятель Галдановскаго монастыря, а со стороны китайцевъ отправились президентъ палаты внѣшнихъ сношеній ¹⁾ Аранай (или Арни, какъ пишутъ китайцы), тайчжи Бадма-иши, Биликту лама и Ачиту цорчжи. Имъ поручено было собрать въ Халхѣ княжескій сеймъ и уговорить тушѣту хана и цзасакту хана помириться между собою; вмѣстѣ съ симъ порученіе о содѣйствіи къ примиренію халхасовъ дано было Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ и особливymi указами — сэцэнъ хану Норбо ²⁾, цзасакту хановскимъ: тайчжію Пунцукъ-рабтану ³⁾, хунтайчжію Цзотба ⁴⁾, сайнъ ноюну Шамба ⁵⁾ и др. Въ это самое время приготовленій скончался въ Халхѣ цзасакту ханъ Цэнгунъ, и когда въ палату внѣшнихъ сношеній былъ сдѣланъ докладъ о возведеніи на вакантный престолъ сына этого Цэнгуни — Шары, прозывавшагося по титулу Галданъ-тайчжіемъ, то императоръ приказалъ тому же Аранай'ю, по пути на сеймъ, захватить въ цзасакту-хановскія кочевья и исполнить всѣ обряды возведенія на престолъ. Такимъ образомъ на сеймъ отправился уже новый цзасакту ханъ — Шара. Самый сеймъ происходилъ въ урочищахъ Хурѣнь-бэлчирь, которыя и до нынѣ существуютъ подъ этимъ именемъ въ сайнъ-нояновскомъ аймакѣ. На картахъ д'Анвиля именемъ Курѣнь бэлчирь (Kougen pertchil) обозначается нижнее теченіе рѣки Цзака ⁶⁾, какъ будто бы самая эта рѣка въ своемъ нижнемъ теченіи носитъ это прозваніе; но это невѣрно, и въ китайскомъ описаніи халхаскихъ кочевьевъ мы читаемъ, — „рѣка Ча-кэ (Цзакъ или Чжакъ), вытекая изъ сѣверныхъ горъ, принимаетъ въ себя пять рѣчекъ и течетъ къ югу на 300 слишкомъ ли; на этомъ пути она про-

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 3.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 3.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 62, л. 3.

⁴⁾ Ibid. Т. 64, л. 2.

⁵⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. хуріянг. Т. 69, л. 15.

⁶⁾ D'Anville. Nouvel atlas de la Chine; VIII feuille de la Tartarie chinoise.

текаетъ чрезъ земли Ку-лунь-бэ-лэ-цзи-р¹⁾. Очевидно стало быть, что названіе „Курънь бэлчиръ“ принадлежитъ не самой рѣкѣ, а мѣстности, по которой она протекаетъ. Обращаясь за симъ къ самому описанію сейма, мы рѣшительно не можемъ ничего прибавить къ сказаніямъ нашей лѣтописи въ изложеніи самаго акта примиренія халхасовъ, ибо не имѣемъ для сего никакихъ болѣе подробныхъ и лучшихъ данныхъ; считаемъ только долгомъ пояснить, что въ числѣ выдающихся лицъ на сеймѣ лѣтопись указываетъ на тайчжівъ: цзасаку хановскаго аймака — Сэрэнъ-ахай²⁾ и тушѣту хановскаго — Шидашири. Первый изъ нихъ былъ сыномъ Күндулэнь-тойна, одного изъ восьми цзасаковъ халхаскихъ и вмѣстѣ съ отцомъ своимъ имѣлъ родовныя кочевья въ урочищахъ по р. Сарта-голь. Преемствуя отцу въ званіи цзасака, Сэрэнъ-ахай, по свидѣтельству китайцевъ, исправно приносилъ дань и отличался вѣрностію и миролюбіемъ, за что въ 21-мъ году правленія Канси ему пожалованы были императоромъ шапка, платье, поясъ, лукъ, мечъ, сосуды, шелковыя матеріи и другіе подарки; то же желаніе мира видимъ мы и въ рѣчи его сказанной на сеймѣ³⁾. Что касается Шидашири, то онъ былъ младшимъ братомъ тушѣту хана Чихунъ-дорджи и, по первоначальному, былъ извѣстенъ въ средѣ халхасовъ подъ своимъ родовымъ титуломъ — Багатуръ тайчжи, но со времени подданства Китаю, прозваніе это было оставлено имъ и замѣнено маньчжурскимъ званіемъ — бэйла³⁾. Нельзя не замѣтить также, что бэльчирскій сеймъ въ своихъ постановленіяхъ не ограничился однимъ только дѣломъ примиренія халхасовъ: въ это же время маньчжурами было установлено еще и новое дѣленіе Халхи, увеличено число цзасаковъ и измѣнены нѣкоторые правила управленія. Полнаго сборника всѣхъ этихъ постановленій намъ неизвѣстно еще въ монгольской литературѣ, но изъ отрывочныхъ сказаній лѣтописей мы знаемъ, что на курънь-бэльчирскомъ сеймѣ были возведены въ званіе отдѣльныхъ правителей тушѣту хановскій тайчжи Шида-

61—63.
Поясненія на стр.

¹⁾ Мэнгу-ю-му-цзи. Цзюань 8, л. 8.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 68, л. 2—3.

³⁾ Туш. хан. айм. шас. Т. 49, л. 1.

шири¹⁾, старшій сынъ Чихунъ-дорчжия — Галданъ-дорчжи²⁾, наконецъ на мѣсто Лубсанъ-тайчжия, убійцы цзасакту хана Цэнгуна, такъ какъ хотохойты оставались долго безъ правителя, поставленъ былъ тайчжи Гэндунъ³⁾.

Мы видѣли, что президентъ Арни, излагая въ своемъ донесеніи императору результаты бэльчирскаго сейма, говорилъ о совершившемся здѣсь полномъ примиреніи халхасовъ и окончаніи цѣликомъ всѣхъ дѣлъ, которыя должны были быть поконченными въ Халхѣ. Въ дѣйствительности однако это было далеко не такъ: перебѣжчики не были возвращены тушѣту ханомъ на самоѣ сеймѣ, при свидѣтеляхъ; когда же въ концѣ 1686 года сеймъ разѣхался, и для тушѣту хана наступило время передачи цзасакту хановскаго имущества, то онъ, разсчитывая, что Шара едва только вступилъ въ управленіе аймакомъ и потому не знакомъ еще со всѣми аймачными дѣлами, возвратилъ цзасакту хану только половину его данниковъ, а другую половину снова удержалъ за собою⁴⁾. Отсюда мало-по-малу снова возникли несогласія хановъ и такимъ образомъ вражда ихъ не прекратилась послѣ курѣнь-бэльчирскаго сейма: она только стихла на самое непродолжительное время, на тѣ не многіе мѣсяцы, въ которые Шара могъ еще ожидать, что тушѣту ханъ возвратитъ ему его имущество. Но уходили дни, уходили мѣсяцы и снова закипала злоба, и снова возбудились непріязненные отношенія⁵⁾. Этотъ короткій періодъ затишья въ теченіе первой половины 26-го года правленія Канси (1687), какъ видно изъ нашей лѣтописи, ознаменовался только тѣмъ, что тушѣту ханъ вмѣстѣ съ сэцэнъ ханомъ просилъ у императора позволенія поднести его величеству почетный титулъ, а потомъ ходатайствовалъ и о томъ, чтобы за нимъ самимъ всенародно было признано императоромъ то титуло „вачирай-бату тушѣту хана“, которымъ пользовался онъ доселѣ по утвержденію далай ламы; но и въ

¹⁾ Ibid. Т. 49, л. 2-й.

²⁾ Ibid. Т. 47, л. 11-й.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 3-й.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 1. — Фань-бу-яо-ло. Цз. 3-я, л. 10.

⁵⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 24.

той и въ другой просьбѣ тушѣту хану было отказано и очевидно, объ эти просьбы не были уважены маньчжурами именно въ виду того, что не была еще окончена выдача перебѣжчиковъ и слѣдовательно не было обезпечено спокойствіе Халхи, о которомъ такъ много заботился пекинскій дворъ. Въ удовлетвореніи помянутыхъ просьбъ и особливо послѣдней изъ нихъ маньчжуры безъ сомнѣнія видѣли приманку для халхасовъ, при помощи которой могли они настоять на своемъ — возстановить спокойствіе въ Халхѣ, и дипломаты дайчиньскаго дома не дерзали упустить ни одной изъ мѣръ, чтобы имѣть возможность отвратить причины несогласія халхасовъ. Съ этою же цѣлю они торопились возведеніемъ на сѣцэнъ хановскій престолъ Йольдэна, когда умеръ сѣцэнъ ханъ Норбо: маньчжуры безъ сомнѣнія рассчитывали, что молодой правитель съ своей стороны посодѣйствуетъ примиренію халхасовъ; но за всѣмъ тѣмъ ихъ старанія и расчеты были исполнѣ неудачны и безуспѣшны. Новый сѣцэнъ ханъ, повидимому, не имѣлъ никакого вліянія на рѣшеніе спора своихъ сотоварищей, а Чихунъ дорчжи по старому упорствовалъ и вражда все болѣе и болѣе разгоралась въ средѣ халхасовъ. Канси все еще надѣялся соединить Халху и въ концѣ 1687-го года снова разослалъ свои увѣщательныя грамоты какъ къ халхаскимъ ноинамъ, такъ и къ Далай ламѣ¹⁾, ему хотѣлось видѣть спокойствіе на своихъ границахъ и единственнымъ средствомъ для сего онъ почиталъ утвержденіе добраго согласія между самостоятельными халхаскими владѣльцами, но достигнуть этого не удалось ему и дни самостоятельности мятежныхъ халхасовъ были уже сочтены въ это время.

Но не отъ взаимной междоусобной смуты суждено было однако же пасть Халхѣ, потерять свою независимость и признать себя рабою чуждаго владычества. Паденіе ея, совершившееся не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1688-мъ году, обусловливалось внѣшнею причиною и именно новымъ нападеніемъ со стороны чжунгаровъ; что же касается усобицы, то она только ослабила Халху и тѣмъ дала возможность непріятелю съ большою легкостію покорить ее.

¹⁾ Леонтьевъ. Увѣдомленіе о войнѣ бывшей у китайцевъ съ зенгорцами, стр. 13-я.

73. Поясненія на стр. Галданъ Бошокту, какъ мы видѣли уже выше, подчинивъ себѣ всѣ поколѣнія древняго ойратскаго союза, возвратился въ Чжунгарію и въ теченіе семи послѣднихъ лѣтъ постоянно кочевалъ по берегамъ Или въ сосѣдствѣ съ Халхю. Распри халхасовъ и зависящее отъ сего постоянное и общее истощеніе силъ ихъ страны не могли конечно укрыться отъ вниманія властолюбиваго владыки чжунгаровъ и не возбудить въ немъ желанія воспользоваться слабостью своихъ сосѣдей. Задумавъ полное покореніе Халхи, Галданъ приблизилъ къ себѣ храбрѣйшихъ изъ чжунгарскихъ родоправителей: Даньцзилу, Арабтана, Данызинъ-омбо и Гэлэй гуйэна и въ сообществѣ ихъ обдумывалъ планъ нападенія на Халху¹⁾, во исполненіе же этого плана самъ онъ еще около 1685-го года перекочевалъ съ своимъ родомъ отъ р. Или на востокъ, къ горамъ Алтайскимъ²⁾, а дурбетамъ приказалъ подвинуться еще далѣе до р. Хобдо и основать здѣсь колоніи, въ которыхъ должны они были заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, для снабженія провіантомъ его будущей арміи³⁾. Но, подготавливая такимъ образомъ походъ на Халху, Галданъ все таки старался не подавать объ этомъ никакого вида халхасамъ. Чжунгарскіе делегаты, какъ и монгольскіе князья присутствовали въ Халхѣ на сеймѣ курѣнь-бэльчирскомъ и мало того, по замѣчанію нашей лѣтописи, блѣтскіе князья и данники въ это время даже примирились съ халхасами и приняли отъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты священное ученіе и посвященія. Надо думать однако, что все это было только ловкимъ дипломатическимъ маневромъ Галдана и послы его, по увѣренію китайскаго сочиненія Шэнь-у-цзи, были въ дѣйствительности на сеймѣ лишь для того, чтобы ближе и удобнѣе высмотрѣть положеніе халхасовъ. Исполнивъ свое дѣло, послы эти, само собою разумѣется, не могли принести Галдану ничего, кромѣ отрадной вѣсти о совершенной слабости халхасовъ; когда же за симъ начались новыя распри между тушѣту ханомъ и цзасагту ханомъ, то Галданъ убѣдился, что теперь именно и есть самое удобное время для приведенія

¹⁾ Сайн ноян. айм. шаст. Т. 78, л. 3.

²⁾ Саай ноян. айм. шаст. Т. 77, л. 4.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 29.

въ исполненіе своихъ замысловъ. Онъ началъ ссору съ тушѣту ханомъ пустою придиркою къ тому, что на сеймѣ курѣнь-бальчирскомъ Чжэбцунъ-дамба былъ посаженъ на такомъ же сѣдалищѣ, на какомъ сидѣлъ и далай ламскій посолъ, — ширѣту галдановскаго монастыря: Галданъ доказывалъ на этомъ основаніи, будто халхасы непочитаютъ Далай ламу. Все это мы называемъ пустою придиркою, потому что въ свое время церемоніи ламскаго мѣстничества прошли совершенно незамѣченными и наконецъ на сеймѣ безъ сомнѣнія всѣмъ и каждому было извѣстно, что такой поступокъ имѣлъ свое основаніе въ высочайшемъ повелѣніи китайскаго богдохана. Къ этому предлогу для ссоры Галданъ присоединилъ еще свою тяжбу изъ за бывшихъ нападеній тушѣту хана на его, галдановскихъ, людей и на основаніи сказанныхъ причинъ требовалъ отъ тушѣту хана извиненій, грозя ему въ противномъ случаѣ войною ¹⁾). Халхаскіе ханы первоначально вознегодовали было на такое оскорбленіе ихъ достоинства, но когда потомъ получили они отъ маньчжуровъ категорическое воспрещеніе начинать какія бы то ни было военныя дѣйствія, то снова охладѣли. Галданъ между тѣмъ всѣми силами старался втянуть халхасовъ въ нападеніе на него. Чтобы посильнѣе возбудить ихъ, онъ распустилъ слухъ, что занялъ у русскихъ войска, которыя должны скоро придти къ нему на помощь; но халхасы, развѣдавъ, что ничего подобнаго не бывало, не только не слѣшили напасть на своего врага, но и пренебрегли приготовленіями къ защитѣ. Галданъ не переставалъ поддерживать помянутую молву и халхасы, еще больше перестали ей вѣрить. Галданъ наконецъ секретно отправилъ до 1000 человекъ ламъ развѣзжать по Халхѣ, — халхаскіе ханы и на это не обратили вниманія ²⁾). Конечно лучшіе и болѣе дальновидные изъ монгольскихъ князей видѣли во всѣхъ этихъ слухахъ, вѣстяхъ и движеніяхъ крайне не добрыя предзнаменованія и волновались при всякомъ новомъ вторженіи олоотовъ въ ихъ земли; но это, говорю, замѣчалось только болѣе прозорливыми, отсюда и факты оппозиціи противъ дѣйствій Галдана были собственно говоря единичными и ничего незначащими въ дѣлѣ общей политики халхасовъ. За всѣмъ тѣмъ очевидно,

Поясненія на стр. 74.

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 8-я, л. 10.

²⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 29.

74. что состояніе Халхи было тогда на столько возбужденное, что по кочевьямъ ихъ трудно было проѣхать и шайкѣ народа, чтобы не произвести смущенія въ обитателяхъ. Вотъ почему когда, съ наступленіемъ 27-го года правленія Канси (1688), придворный вельможа маньчжурскаго императора Сонготу долженъ былъ отправиться съ войсками на р. Селенгу для переговоровъ съ русскими о границѣ, то Канси напередъ распорядился послать въ Халху къ тайчжію Гурушики и Чжэбцунъ-дамбѣ высочайшій рескриптъ, излагая въ немъ свое порученіе внушить людямъ тушѣту хановскаго аймака, чтобы они не боялись этого китайскаго отряда и жили спокойно¹⁾.

Но если халхаскіе ханы являлись вообще небрежными въ отношеніи къ поступкамъ Галдана, то маньчжуры вскорѣ выполнѣ ясно прозрѣли его властолюбивые замыслы; оттого, отправивъ къ халхасамъ грамоту съ воспрещеніемъ заводить военныя дѣйствія съ блѣтами, Канси одновременно командировалъ гонца къ Далай ламѣ, прося послѣдняго сдѣлать увѣщаніе Галдану и снова посодѣйствовать водворенію мира въ Халхѣ. Далай лама немедленно отправилъ къ блѣтамъ свое посольство, во главѣ котораго стоялъ Цицикъ далай ханбо, но посольство это не имѣло никакого успѣха²⁾, — оно не могло отклонить отъ войны Галдана, который тогда былъ уже совершенно готовъ къ нападенію и даже назначилъ срокъ выступленія своимъ войскамъ.

Чтобы возможно больше облегчить себѣ завоеваніе Халхи Галданъ рѣшилъ еще воспользоваться для своихъ выгодъ самими халхасами, успѣху же его въ данномъ случаѣ способствовала междоусобная брань ихъ. Нужно замѣтить, что сестра цзасакту хана Шары была выдана замужъ за Рабтана, родственника галданова и оттого, по праву свойства, сношенія Галдана съ цзасакту ханомъ не прекращались во все время вражды его съ тушѣту ханомъ. Ведя частные переговоры съ цзасакту ханомъ, Галданъ еще въ исходѣ 1687-го года отправилъ между прочимъ своего посла къ Шарѣ и приглашалъ его къ соединенію для борьбы съ общимъ недругомъ, а Шара, почитая себя обиженнымъ

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 4.

²⁾ Барагунъ цзуйн. шаст. хуріянг. Т. 90, л. 25.

тушѣту ханомъ, согласился. Въ 8-й лунѣ собралъ онъ свой отокъ и вмѣстѣ съ подвластными своими цзасаками — Цзотба и Дэкдэхей'емъ предпринялъ перекочевку къ Рабтану. Чихунъ-дорчжи, провѣдавъ о готовящемся противъ него союзѣ, погнался за перекочевывавшими, вступилъ съ ними въ битву и убилъ Шару и Дэкдэхей'я, а Цзотба спасся бѣгствомъ¹⁾. Это было новымъ предлогомъ для Галдана, чтобы выступить войною противъ тушѣту хановцевъ и теперь, уже не задумываясь, онъ отправилъ въ Халху съ войсками своего младшаго брата Дорчжи чжаба, а вслѣдъ за нимъ и самъ приготовился къ движенію на халхасовъ. Походъ Дорчжи чжаба, успѣшный по началу²⁾, былъ однако совершенно неудаченъ по окончанію. Чихунъ дорчжи разбилъ на голову чжунгаровъ, самъ Дорчжи чжабъ былъ убитъ въ сраженіи и разгромленныя войска его обратились въ бѣгство, а тушѣту ханъ преслѣдовалъ ихъ. Узнавъ о пораженіи своего брата, Галданъ лѣтомъ 1688 года во главѣ отборной 30-ти тысячной конницы привелъ въ исполненіе свое намѣреніе перейти чрезъ хангайскія горы: онъ вторгнулся въ великую халхаскую орду, причемъ кочевавшіе въ Халхѣ ламы помогали ему извнутри страны³⁾. Первый по пути аймакъ цзасакту хана не могъ представить Галдану ни какихъ серіозныхъ препятствій. Намъ извѣстно уже, что еще прежде онъ весь былъ истощенъ междоусобною войною Шары съ Чихунъ дорчжіемъ, теперь, по случаю смерти Шары, онъ пришелъ еще въ большее смятеніе и если какая часть его оставалась нѣсколько болѣе другихъ спокойною и менѣе истощенною, то это былъ одинъ только хопунъ хотохойтовъ. Новопоставленный правитель его Гэндунъ дѣйствительно рѣшился воспрепятствовать вторженію Галдана, но онъ не былъ положительно увѣренъ въ своихъ силахъ и потому счелъ необходимымъ укрыть слабыхъ изъ своего аймака. Такимъ образомъ оставивъ въ своихъ земляхъ только воиновъ и людей способныхъ носить оружіе, Гэндунъ заставилъ всѣхъ остальныхъ своихъ данниковъ съ имуществомъ и скотомъ ихъ перекочевать къ востоку на берега Селенги, а самъ съ войсками

Поясненія на стр. 74.

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 3. Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 77, л. 5.

²⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 29.

³⁾ Ibid. Цз. 3, л. 29.

74. ожидалъ непріятелей. Счастіе однако покровительствовало Гѣндуну: отряды галдановскихъ войскъ, вступившіе въ земли хотохойтовъ подъ предводительствомъ даругъ Чжиракъ'а, Вайцзанъ'а и Хашигъ'а были совершенно разбиты Гѣндуномъ въ сраженіи и обращены въ бѣгство¹⁾. Остальная армія Галдана, шедшая очевидно южнѣ хотохойтскихъ владѣній, не терпѣла уже никакихъ пораженій въ цзасакту хановскомъ аймакѣ, напротивъ она сама являлась побѣдоносною, ибо ей приходилось имѣть дѣло именно съ тѣми истощенными и обезсиленными людьми, которые не могли конечно не желать отстаивать свою свободу, но не имѣли къ тому никакихъ средствъ и, начиная сопротивленіе, шли почти на вѣрную гибель. Такимъ образомъ когда Галданъ вступилъ въ предѣлы Хангая, ему противустоялъ тайчжи Гунцзанъ, но въ первомъ же сраженіи онъ былъ совершенно разбитъ и бѣжалъ къ югу²⁾. Продолжая путь, Галданъ забралъ въ цзасакту хановскомъ аймакѣ жену бывшаго своего сообщника Шары — Бунидару (которая вмѣстѣ съ своими сыновьями Баранъ'омъ, Хүнгэ'емъ и Хэшигъ'омъ и безъ того уже собиралась идти по стопамъ своего покойнаго мужа въ Чжунгарію) и отправилъ ее кочевать къ южной подошвѣ Алтая; младшій же сынъ Шары — Цэванъ-чжабъ, вмѣстѣ съ матерью своею Цзармо, болѣе года скитался по Халхѣ, уклоняясь только отъ свирѣпыхъ войскъ Галдана и будучи совершенно отдѣленъ отъ своихъ сородичей³⁾.

Миновавъ безъ особенныхъ затрудненій аймакъ цзасакту хана, Галданъ вступилъ за сѣмь въ кочевья тушѣту хановскія. Тушѣту ханъ, растерявшись, бѣжалъ къ востоку собирать войска, а старшій сынъ его Галданъ-дорчжи, бывшій въ то время уже самостоятельнымъ правителемъ, вмѣстѣ съ тайчжіемъ Эрхинъ-дайчинъ'омъ столкнулись съ Галданомъ въ урочищѣ Тэмуръ и вступили въ сраженіе, вздумавъ было сопротивляться⁴⁾. Попытка была однако совершенно безуспѣшна: оба халхаскихъ тайчжи были сильно разбиты и, побросавъ свое иму-

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63-й, л. 3.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 18.

³⁾ Ibid. Т. 61, л. 25.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 12.

иство, бѣжали на востокъ, къ Оягинъ году¹⁾. Галданъ, прослы-
шавъ здѣсь, что Чжэбцзунъ-дамба-хухуху, на котораго слѣдовало
теперь обратить ему свои силы, живетъ въ Эрдэни цзу, намѣревался
уже идти къ этому монастырю, чтобы захватить въ плѣнъ духовнаго
владыку халхасовъ, какъ получилъ онъ другую вѣсть, по которой
узналъ, что сэцэнъ ханъ Йэльдэнъ рабтанъ умеръ и что законный на-
слѣдникъ его Умухэй весьма малолѣтенъ²⁾. Сообразивъ, что воспользо-
зовавшись замѣшательствомъ сэцэнъ хановцевъ, онъ безъ труда мо-
жетъ подчинить себѣ этотъ аймакъ, Галданъ предположилъ отъ уро-
чища Хара-цзургунъ раздѣлить свои силы и одну часть своихъ войскъ
отправилъ на Эрдэни цзу, а съ другою посигѣшилъ перенравиться
черезъ Толу и идти на Кэрулэнъ. Въ большей части этого пути Гал-
данъ также точно не встрѣчалъ себѣ ни какихъ сопротивленій. Съ
появленіемъ его отрядовъ въ какомъ либо мѣстѣ, все населеніе въ па-
ническомъ страхѣ бросало свой скотъ и имущество и разбѣгалось въ
разныя стороны: одни удалялись къ востоку, другіе уходили на сѣ-
веръ, третьи наконецъ переходили съ мѣста на мѣсто, уклоняясь
только отъ пути слѣдованія непріятельскихъ войскъ. Такимъ обра-
зомъ изъ числа тайчжіевъ, кочевавшихъ въ Хангаѣ, Дайчинъ-ноянъ-
хонхоръ, немедленно по полученіи извѣстія что родственникъ его
Аюши подвергся разграбленію, бѣжалъ въ урочище Цокъ, а племян-
никъ его Баранъ ушелъ кочевать на Селенгу къ русскимъ предѣ-
ламъ³⁾; примѣромъ этого послѣдняго воспользовались затѣмъ цза-
сакъ Цэрэнъ-чжабъ съ своими младшими братьями Цибакъ дара и
Цэванъ аюши⁴⁾, а равно троюродный племянникъ тушѣту хана Чи-
хунъ-дорчжи — Вачирай дара хутухту Гунчжи-чжабъ. Собравъ сво-
ихъ данниковъ, число которыхъ простиралось до 600 душъ, помимо
женъ и дѣтей, эти именитые халхасы прошли на сѣверъ даже далѣе
Барана и, переправившись черезъ Селенгу, вступили въ русскіе пре-
дѣлы, гдѣ должны были принять русское подданство. Ясно отсюда,

Поясненія на стр. 74.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, г. 29.

²⁾ Сэцэн. хан. аймаг. шаст. Т. 54, г. 4.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, г. 11.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, г. 3.

74. что на западной сторонѣ тушѣту хановскаго аймака Галданъ не встрѣчалъ для себя ни какихъ сопротивленій и только въ то время когда войска его миновали уже хангайскія горы, одинъ изъ тушѣту хановскихъ цзасаковъ Шибтуй-хатанъ-батуръ, кочевавшій въ урочищѣ Баинъ-гу¹⁾, рѣшился выступить противъ нихъ съ соединенными силами своихъ братьевъ, прозывавшихся — Чинъ-дорджи, Намжилъ-тойнь и Норбо эрхэ. Два хотохойтскихъ тайчжя поклялись Шибтую помогать противъ Галдана, но когда потомъ они измѣнили своей клятвѣ, то Шибтуй-хатанъ-батуръ схватилъ ихъ. Такимъ образомъ въ соединенныхъ силахъ халхаскихъ тайчжя произошелъ разладъ. Галданъ безъ сомнѣнія провѣдалъ объ этомъ и, избѣгая военныхъ дѣйствій, подослалъ къ Шибтуй-хатанъ-батуру своего посла, льстиво склоняя его перейти на свою сторону. Шибтуй съ гнѣвомъ отвергъ это предложеніе и схватилъ посланца галданова; но, не чувствуя себя въ силахъ ни бороться за свободу своей родины, ни мстить за постыдное предложеніе измѣны, онъ отступилъ на Кэрүлэнъ и принесъ сюда страшныя вѣсти о набѣгѣ Галдана сэцэнъ хановцамъ²⁾.

Отступление Шибтуй-хатанъ-батура очистило Галдану дорогу на Кэрүлэнъ и, продолжая свой путь, онъ встрѣтился на дорогѣ съ китайскимъ посланникомъ Чжанъ-пынь-гэ, отправлявшимся съ своею свитою къ русской границѣ чрезъ сэцэнъ хановскій аймакъ. Халхасы, услышавъ о движеніи китайскихъ войскъ, тотчасъ же отправили своихъ пословъ къ Чжанъ-пынь-гэ просить его о помощи, а въ народѣ начали распускать слухъ, что китайское войско спѣшитъ на ихъ спасеніе. Нѣкоторыя черты изъ описанія встрѣчи этого китайскаго посольства съ Галданомъ мы найдемъ въ дневникѣ Цянь-лянь-цзѣ, который былъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія какъ членъ посольства Чжанъ-пынь-гэ, но къ несчастію дневникъ этотъ страдаетъ неопредѣленностью вслѣдствіе своей краткости. Можно вывести изъ него однако, что Чжанъ-пынь-гэ, неожиданно появившись въ мѣста самаго разгара военныхъ дѣйствій, тотчасъ же послалъ гонца къ императору съ увѣдом-

¹⁾ Баинъ гу иначе прозывается въ китайскихъ лѣтописяхъ Баинъ уланъ.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 4.

леніємъ объ обстоятельствахъ и испрашивая у него распоряженій для дальнѣйшаго образа дѣйствій. а самъ между прочимъ объявилъ Галдану о намѣреніи императора оказать помощь халхасамъ. Галданъ остановилъ на время свой походъ, можетъ быть обдумывая, что предпринять ему въ этомъ случаѣ; но счастье благопріятствовало ему: очевидно, что Чжанъ-пынь-гэ не болѣе какъ черезъ нѣсколько дней получилъ отъ Канси указаніе возвратиться за великую стѣну и, вмѣсто дѣйствительной помощи халхасамъ, могъ отправить къ Галдану только своего гонца съ голословнымъ предложеніемъ покончить военныя дѣйствія противъ Халхи¹⁾. Галданъ конечно презрѣлъ это предложеніе также точно, какъ не обратилъ онъ вниманія и на спеціально отправленное къ нему посольство отъ Канси, которое привезло съ собою Галдану императорскую грамоту, повелѣвавшую ему прекратить дальнѣйшее движеніе на халхасовъ: онъ продолжалъ продолжать походъ. Канси между тѣмъ надѣялся на успѣхъ своего посольства и тѣмъ, можетъ быть совершенно неожиданно для себя, поспособствовалъ успѣхамъ Галдана. Дѣло въ томъ, что въ короткій промежутокъ неизвѣстности продолжить ли Галданъ свой походъ далѣе на востокъ Халхи, или возвратится назадъ, къ Канси явился князь алашанскихъ ѳлтовъ Хороли. прося позволенія отправиться на вспомошествованіе къ Чихунъ дорчжію. Императоръ, не зная еще результатовъ своего посольства, отказалъ Хороли въ его просьбѣ. Другой владѣтельный тайчжи изъ числа тѣхъ же алашанскихъ ѳлтовъ — Дубсанъ-гомбо, даже не испрашивая императора, собралъ войска и отправился было на вспомошествованіе халхасамъ; но, повстрѣчавшись по дорогѣ съ императорскимъ посломъ и прослушавъ отъ него содержаніе грамоты Канси къ Галдану, не почелъ нужнымъ идти далѣе и возвратился²⁾. Алашанскіе тайчжи въ то время были сильно возбуждены притѣсненіями Галдана и этимъ объясняется ихъ постоянное желаніе мстить ему. Но счастье, говорю, благопріятствовало Галдану и враги его по той или другой причинѣ обречены были на бездѣйствіе. Удосто-

П о я с н е н і я   н а   с т р .   74.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 52.

²⁾ Алашанъ угэладунъ шаст. хуріян. Т. 79, л. 20.

74. сговѣрившись въ томъ, что китайскія войска шли вовсе не для защиты халхасовъ, Галданъ началъ снова наступать на этихъ послѣднихъ ¹⁾ и вошелъ въ предѣлы сэцэнъ хановскаго аймака. Сэцэнъ хановцы между тѣмъ, еще до вступленія галданова, прослушавъ только вѣсти, принесенныя имъ Шибтуй-хатанъ батуромъ, пришли въ такой ужасъ, что хотѣли было разбѣжаться. Весьма вѣроятно, что паника, овладѣвшая ими, дѣйствительно привела бы ихъ къ этому концу, если бы въ средѣ ихъ не нашлось умнаго и энергичнаго вождя въ лицѣ тайчи Намчжила, дяди новаго сэцэнъ хана Умухэя. Послѣдній собралъ на сеймъ хошунныхъ правителей сэцэнъ хановскаго аймака и здѣсь предложилъ имъ поддаться Китаю. Всѣ тайчи приняли предложеніе Намчжила и вмѣстѣ съ своими данниками потянулись теперь на югъ, къ великой стѣнѣ, ища заступничества у китайцевъ. Такимъ образомъ мѣста по Кэрулэну, вплоть до города Барсъ-хото, остались свободными. Галданъ шелъ, собирая по нимъ добычу и захватывая плѣнныхъ. Здѣсь между прочимъ захватилъ онъ нѣкоего Далай-цзайсана, одного изъ чиновниковъ сэцэнъ хановскаго цзасака Хонхоръ-дайчина, кочевья котораго располагались въ то время къ югу отъ Кэрулэна въ урочищахъ Муруй хошу и Мататъ ²⁾. Обласкавъ Далай-цзайсана, Галданъ узналъ отъ него, что Хонхоръ-дайчинъ не поддался Китаю вмѣстѣ съ другими сэцэнъ хановцами и полагая отсюда, что онъ не солидаренъ съ своими сородичами, написалъ къ нему письмо и отправилъ съ тѣмъ же Далай цзайсаномъ, которому далъ полную свободу. Хонхоръ дайчинъ отвергъ предложеніе Галдана присоединиться къ чжунгарскимъ войскамъ, выраженное въ этомъ письмѣ и счелъ за лучшее послѣдовать примѣру своего аймачнаго правителя, т. е. сэцэнъ хана: онъ послалъ просьбу о принятіи его въ подданство. Въ ту пору императоръ, какъ и всегда въ лѣтнее время, отправлялся къ своимъ данникамъ, живущимъ за великою стѣною и стоялъ лагеремъ въ урочищѣ Хунъ-цзунъ. Здѣсь пришелъ къ нему Хонхоръ дайчинъ и императоръ, милостиво

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 29.

²⁾ Послѣднее на картахъ д'Анвиля показывается на разстояніи около одного градуса къ югу отъ Кэрулэна и почти въ меридианѣ города Барсъ-хото. d'Anville. Nouv. atl. de la Chine. VIII.

принявъ его, посадить въ урочищѣ Хондо-ташихай у границъ аймака Чжалаантъ¹⁾. Такъ первымъ изъ цзасаковъ халхаскихъ явился предъ Канси сэцэнъ хановскій Хонхоръ дайчинъ; остальные пять сэцэнъ хановскихъ цзасаковъ и родоправителей, кочевавшихъ къ востоку отъ Барсъ хото, бѣжали то на востокъ, въ Маньчжурію, то на сѣверъ, къ русскимъ предѣламъ; изъ числа этихъ послѣднихъ лѣтописи называютъ намъ родоправителей хошуна цзасака Цэбдэна: Цэрэнъ-цо-хора, Вэйчинъ-бурцзая, Гарма-гуйэна, и Дураль-табунана²⁾.

Что касается отряда войскъ галдановскихъ, имѣвшаго своимъ назначеніемъ захватить въ плѣнъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухту, то отрядъ этотъ подъ предводительствомъ Даныцзинъ-омбо направился, какъ мы видѣли, изъ урочища Хара цзургунъ по дорогѣ къ Эрдэни цзу. Лѣтописи эрдэни-цзускаго монастыря, описывая намъ судьбы этой обители въ періодъ войнъ Галдана, не говорятъ подробно были ли на нее нападенія ѳлотовъ и когда именно; но она замѣчаетъ вообще, что войска Галдана въ разное время подступали къ монастырю три раза и тѣмъ не менѣе не только этотъ троекратный приходъ непріятелей, но и совершенное отсутствіе въ монастырѣ обитателей въ теченіе тринадцати лѣтняго періода войнъ галдановыхъ не имѣло для монастыря ни какого значенія: онъ нисколько не измѣнился и не разрушился³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что халхасы передаютъ это событіе какъ особенное чудо, явленное ихъ святынею, но для насъ оно важно какъ доказательство того, что Эрдэни цзу не подвергался военной осадѣ и слѣдовательно Чжэбцзунъ-дамба убрался изъ монастыря еще прежде прихода къ нему войскъ Даныцзинъ-омбо. Такъ оно и выходитъ по сказаніямъ нашей лѣтописи, которая, упомянувъ о движеніи отряда Даныцзинъ-омбо изъ урочища Хара-цзургунъ, тотчасъ же сообщаетъ, что Чжэбцзунъ-дамба, взявъ находившихся при немъ жену и дѣтей тушѣту хана Чихунъ-дорджи, бѣжалъ изъ Эрдэни цзу и поселился въ урочищѣ Эгумуръ, а отсюда перекочевалъ къ гра-

¹⁾ Сэц. хан. аймаг. шаст. Т. 58, л. 2—3.

²⁾ Ibid. Т. 56, л. 4.

³⁾ Эрдэни цзуйн тухэ л. 21.

74. ницамъ сунитскаго аймака. Здѣсь, прибывъ къ самой межѣ китай-
стр. скихъ владѣній, Чжэбцзунь-дамба извѣстилъ императора о стѣсне-
номъ положеніи всѣхъ халхасовъ вообще, а своего въ частности и
просилъ его о помощи, почему Канси нарочитымъ указомъ командиро-
валъ абаганарскихъ тайчжіевъ — Баньди-дайчина и Цэрэнъ-дай-
чина съ двумястами солдатъ специально для охраны хутухты и по-
мимо того, выбравъ 1300 человекъ изъ тѣхъ же абаганаровъ, по-
слалъ ихъ слѣдить за Галданомъ со стороны Гоби¹⁾.

Прослышавъ о выступленіи китайскихъ войскъ, Галданъ остано-
вился въ своемъ движеніи на юго-востокъ, и повернулъ назадъ для
соединенія съ отрядами, который отправилъ онъ прежде въ Эрдені-
цзү. Онъ достигъ уже р. Толы, когда тушгту ханъ Чихунь-дорджи,
удалившійся, какъ мы видѣли, при началѣ нашествія собирать войска,
заслонилъ ему дорогу. Близъ озера Улугай соединенными силами ту-
шгту хана и сайнъ-нояна дано было генеральное сраженіе Галдану²⁾.
Битва продолжалась три дня, но дѣло окончилось опять таки пора-
женіемъ халхасовъ. Разбитый Чихунь-дорджи бѣжалъ вслѣдъ за ху-
тухтой къ сунитскимъ границамъ и здѣсь на сеймѣ, состоявшемся,
по обычаю, подъ предсѣдательствомъ Чжэбцзунь-дамбы и въ при-
сутствіи хошунныхъ правителей его аймака, объявилъ о невозмож-
ности для Халхи продолжать свое существованіе самостоятельно и
необходимости принять чье либо подданство: оставалось теперь рѣ-
шить вопросъ кому поддаться, — русскимъ ли, которые были извѣстны у
монголовъ въ то время подъ именемъ Шара хитатъ, или маньчжу-
рамъ — Хара хитатъ. Біографія Чжэбцзунь-дамба-хутухты, описывая
этотъ сеймъ, замѣчаетъ, что на сказанный вопросъ все собраніе единоглас-
но отвѣчало: „о выборѣ, кому поддаться пусть вѣдаетъ нашъ лама, гэг-
гэнъ“ и выборъ послѣдняго палъ на Китай³⁾. Тогда то безъ сомнѣ-

¹⁾ Абаганар айм. шаст. хурійнг. Т. 38, л. 5. — Необходимо думать, что въ
тоже время хутухта отправлялъ своихъ пословъ и въ Россію съ просьбою
принять его въ подданство, какъ говорится объ этомъ въ нашихъ дипломати-
ческихъ актахъ; но послы его по всей вѣроятности долго пробирались на
сѣверъ Халхи и явились къ Головину только 11-го ноября, т. е. въ то
время, когда всѣ халхасы уже приняли маньчжурское подданство.

²⁾ Сайн. ноян. шаст. Т. 69, л. 14. — Хуанъ-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 3, л. 11-й.

³⁾ Чжэбцзунь-дамба хутухт. турух. түүхэ л. 14-й.

76. берегамъ средняго теченія Кэрулэна¹⁾; Цэбдэнъ, родъ котораго располагался по р. Ушунь²⁾; Бода чжабъ, кочевавшій съ своими данниками по Кэрулэну, въ урочищѣ Бусэ улэгэй³⁾; Дара, жившій къ югу отъ Кэрулэна въ урочищѣ Боро-будасу⁴⁾; Цэбдэнъ тайчжи, родъ котораго заселялъ урочище Балютай, къ сѣверу отъ Кэрулэна⁵⁾; Ананда, занимавшій своимъ родомъ урочище Сухуни, также на сѣверѣ Кэрулэна⁶⁾; Гуру-чжабъ, жившій къ югу отъ Кэрулэна въ урочищѣ Олорай⁷⁾ и др.; однимъ словомъ съ сэцэнъ ханомъ пришли почти всѣ тѣ изъ его данниковъ, которые занимали мѣста отъ истоковъ Кэрулэна вплоть до озеръ Хулунъ и Буирь. Но за всѣмъ тѣмъ и изъ сэцэнъ хановскаго аймака было много разбѣжавшихся; такимъ образомъ часть данниковъ Цэбдэна (ушуньскаго), поддававшегося вмѣстѣ съ другими сэцэнъ хановцами, находился подъ предводительствомъ своихъ родовыхъ тайчжievъ — Цэрэнъ-цохора, Вэйчинъ бурцзая, Гарма гуйзна и Дуралъ табунан'а, боясь быть разграбленными Галданомъ, перешли въ русскіе предѣлы и только спустя три года Цэбдэнъ собралъ этихъ своихъ родовичей, всего числомъ свыше тысячи семей и привелъ ихъ къ китайцамъ⁸⁾. Ниже мы будемъ видѣть, что подобно поминутымъ сэцэнъ хановцамъ приходили къ Канси владѣтельные тайчжи и другихъ аймаковъ также точно спустя довольно долгій періодъ времени послѣ подданства ихъ хаповъ, такъ что можно безошибочно отнести къ 1688 году подданство только главной массѣ халхасовъ, примѣру которой послѣдовали впоследствіи и всѣ разрозненные ея части.

Вообще нужно сказать, что по недостатку историческихъ и статистическихъ данныхъ мы не можемъ опредѣлить съ точностію какіе въ частности изъ владѣтельныхъ халхаскихъ тайчжievъ и какое вообще

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 11.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 2.

³⁾ Ibid. Т. 56, л. 11.

⁴⁾ Ibid. Т. 57, л. 1.

⁵⁾ Ibid. Т. 57, л. 6.

⁶⁾ Ibid. Т. 57, л. 16.

⁷⁾ Ibid. Т. 59, л. 5.

⁸⁾ Ibid. 56, л. 4.

число халхасовъ подалось китайцамъ съ перваго раза; достовѣрно только то, что въ 9-й лунѣ 1688-го года тушѣту хановцы, сэцэнъ хановцы и часть цзасакту хановцевъ прошли уже на югъ Шамо и, тѣсясь у границы, просили принять ихъ въ подданство¹⁾ и указать имъ мѣста для кочевьевъ. Маньчжуры конечно не могли не быть стѣснены этимъ наплывомъ кочевыхъ инородцевъ и отведеніемъ для нихъ удобныхъ пастбищъ, особливо принимая во вниманіе, что халхасы были народомъ, который жилъ прежде отъ Алтайскаго хребта до истоковъ Халхи и пожалуй еще далѣе къ востоку; народомъ, который привыкъ, слѣдовательно, жить широко; народомъ наконецъ хотя и родственнымъ между собою, но въ то же время дикимъ и враждебнымъ другъ другу, — мѣста для такого народа очевидно должно было потребоваться не мало. Съ этой стороны изслѣдованіе вопроса о разселеніи халхасовъ представляется, повидимому, чрезвычайно интереснымъ и данныя къ рѣшенію его свидѣлствуютъ намъ, что основная мысль маньчжуровъ въ этомъ разселеніи была та, чтобы удержать хошуны въ тѣхъ же отношеніяхъ другъ къ другу, въ какихъ жили они въ Халхѣ, оттого и оказывается, что маньчжуры собственно не расселяли халхасовъ, а только дозволили имъ спуститься къ югу отъ своихъ старыхъ кочевьевъ. Изъ самыхъ сказаній лѣтописи мы знаемъ уже, что Чжэбцзунъ-дамба съ своими шабнарами и тушѣту ханъ съ его данниками были посажены въ урочищахъ Ару элэсуту, на границахъ сунитскаго аймака; эти мѣста залегаютъ прямо на югъ кочевьевъ тушѣту хана. Около тѣхъ же урочищъ и на границахъ сунитовъ была посажена и большая часть другихъ тушѣту хановцевъ, за весьма немногими исключеніями. Такъ тайчжи Шидаширі кочевалъ при томъ же урочищѣ Ару элэсуту²⁾; Баранъ, бѣжавшій при первыхъ нападеніяхъ Галдана къ русскимъ границамъ и потомъ пришедшій въ подданство къ китайцамъ съ 700 семей своихъ данниковъ, сидѣлъ также на границахъ сунитскаго аймака въ урочищѣ Унэнчи³⁾; Гурушики, вмѣстѣ съ его подчиненнымъ хошуномъ

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 29-й.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 12.

³⁾ Ibid. Т. 51, л. 11.—Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 3-я, л. 12.

и родовичами ¹⁾ жилъ нѣсколько южнѣ Барана въ урочищѣ Хонхоръ за границами аймака Дурбѣнъ хухэть ²⁾; при немъ же жилъ и братъ его Ноинъ хутухту съ своими шабинарами. Очевидно, что всѣ эти хошунны, собственно говоря, только подвинулись къ югу и жили почти совершенно параллельно своимъ прежнимъ пастбищамъ, имѣя у себя и тѣхъ же самыхъ сосѣдей, съ которыми соприкасались они въ Халхѣ. Вообще, не раздѣлять пришедшихъ прежде въ единеніе хошуновъ, а тѣмъ болѣе не разрознивать аймаковъ было главнѣйшею заботою маньчжуровъ, ибо въ этомъ видѣли они лучшій залогъ для сохраненія мира въ средѣ самихъ стѣсненныхъ халхасовъ. Такова основная мысль, которою руководились маньчжуры въ дѣлѣ расселенія и тѣмъ ближе и важнѣе было единеніе хошуновъ, тѣмъ тѣснѣе присоединяли ихъ одинъ къ другому маньчжуры: родство кровное въ этихъ случаяхъ предпочитали они родству духовному и послѣднее въ свою очередь ставили ниже единенія административнаго. Въ самомъ дѣлѣ, поселивъ почти весь тушѣту хановскій аймакъ у границъ сунитовъ и дурбѣнъ-хухэть, маньчжуры тѣмъ не менѣе отдѣлили данниковъ цзасака Отба и посадили ихъ въ смежности съ хошуномъ халхаскаго праваго крыла: это потому что данники Отбы были въ близкомъ кровномъ родствѣ съ халхасами праваго крыла и самъ цзасакъ Отба приходился не менѣе какъ троюроднымъ братомъ цинь-вану Нунуи'ю, владѣтелю этого праваго крыла халхасовъ ³⁾. Тоже самое видимъ мы и въ отношеніи къ удѣлу Сайнъ-нояна. Кочевья этого аймака въ Халхѣ граничили на югѣ съ аймакомъ уратскимъ и на границахъ уратскаго аймака и были поселены сайнъ нояновцы. Такимъ образомъ самъ сайнъ ноянъ Шамба былъ посаженъ въ урочищѣ Холболчинъ, а подвѣдомные ему цзасаки Йэльдэнъ-цохоръ-убаша въ урочищѣ Олонъ-булакъ; Номчи дайчинъ — въ урочищѣ Тушъ; Хара хуланъ — въ урочищѣ Уги шоронъ; Бунцалъ-жэргэнъ — въ урочищѣ Мүгинъ амсаръ; Аюши-эрхэ-ахай — въ урочищѣ Субурганъ; Арабтанъ-дайчинъ-ахай — въ уро-

¹⁾ Ibid. Т. 52, л. 9.

²⁾ Ibid. Т. 47, л. 4.

³⁾ Ibid. Т. 51.—Нунуй былъ сыномъ Бунтара, который, какъ мы видѣли въ 10-мъ году правленія Шунъ-чжи поддался маньчжурамъ.

чищъ Цубуру; Хонхоръ убаши — въ урочищъ Хара-хошу; всѣ эти урочища соприкасаются границамъ аймака уратскаго¹⁾. Болѣе трудностей пришлось испытать маньчжурамъ только съ аймакомъ сэцэнъ хановскимъ, какъ потому что сэцэнъ хановцы пришли въ самомъ болшемъ количествѣ, такъ и потому что населеніе внутреннихъ монголовъ параллельное ихъ аймаку на югѣ было очень сгущенное. Во всякомъ случаѣ характеръ разселенія сэцэнъ хановцевъ маньчжурами былъ тотъ же самый: правитель аймака сэцэнъ ханъ Ёмъхэй былъ поселенъ съ своимъ хошуномъ по границамъ учжумуцинскаго аймака въ урочищъ Артуинъ²⁾; опекунъ его Намчжилъ, которому въ то время поручено было главное наблюденіе надъ сэцэнъ хановскимъ аймакомъ, помѣстился на разстояніи одного дня ѣзды отъ кочевовъ послѣдняго въ урочищъ Буха-холай³⁾; а вмѣстѣ съ нимъ былъ посаженъ и цзасакъ Пунцукъ-рабтанъ⁴⁾; нѣсколько сѣвернѣе ихъ помѣстился цзасакъ Вода-чжабъ въ урочищъ Удэ-онго-элэсу⁵⁾, а рядомъ съ нимъ, нѣсколько къ востоку, въ Харгилтай-хара-гоби поселился цзасакъ Гуру-чжабъ⁶⁾. Нельзя не повторить однако, что положеніе сэцэнъ хановскаго аймака въ дѣлѣ разищенія было весьма печальное, ибо ему при многочисленности внутреннихъ цзасаковъ почти не доставало мѣста и маньчжуры посему нѣкоторыхъ изъ цзасаковъ сэцэнъ хановскаго аймака не могли принять вовсе. Такимъ образомъ цзасакъ Цзбдэнъ, родовыя кочевья котораго располагались по р. Ушунъ къ югу отъ Кэрулэна, былъ снова возвращенъ на свое кочевье, потому что оно сравнительно недалеко отстояло отъ карауловъ внутреннихъ цзасаковъ⁷⁾; данниковъ другихъ правителей, такъ какъ они были очень многочисленны, маньчжуры по необходимости должны были дѣлить. Такъ, хошунъ цзасака Ананды былъ помѣщенъ: а) въ урочищахъ Шара-шубутай, затѣмъ б) на границахъ учжумуцинскаго аймака въ

1) Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 15.

2) Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 4.

3) Ibid. 55—1.

4) Ibid. Т. 55, л. 11.

5) Ibid. Т. 56, л. 11.

6) Ibid. Т. 59, л. 5.

7) Ibid. Т. 56, л. 2.

76. урочищахъ Түши и Долонь, с) въ урочищахъ Годориху — хўчитскаго
 аймака и наконецъ d) самъ Ананда жилъ у ару-корцинцевъ въ уро-
 чищѣ Хулусутай¹⁾. Тоже самое до нѣкоторой степени было съ хошу-
 номъ Гуру-чжаба, который, какъ мы уже видѣли то выше, самъ былъ
 посаженъ въ Харгилтай-хара-гоби, а владѣтельный родовичъ его
 тайчжи Шакдуръ въ аймакѣ Абага въ урочищахъ Байнь ѳлэнь²⁾.
 Въ самомъ незначительномъ числѣ напротивъ явился къ маньчжурамъ
 аймакъ цзасакту хановскій и это безъ сомнѣнія потому, что цзасакту
 хановцы находились нѣсколько въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ остальные
 халхаскіе аймаки. На сѣверѣ, въ отдаленныхъ земляхъ хотохойтовъ
 цзасакту хановцы были сильны настолько, что могли отражать напа-
 денія ѳлотовъ: хотохойтскій цзасакъ Гэндунъ, какъ мы уже видѣли,
 при самомъ началѣ войнъ Галдана разбилъ нѣсколько отрядовъ его
 и обратилъ ихъ въ бѣгство; отразивши такимъ образомъ враговъ, онъ
 остался мирно кочевать на своихъ пастбищахъ. На югѣ напротивъ
 аймакъ цзасакту хана былъ истощенъ гораздо болѣе другихъ, от-
 того обитатели его болѣе другихъ испугались галданова нашествія
 и болѣе другихъ разбѣгались въ разныя стороны. Такъ мы знаемъ,
 что весь домъ собственно цзасакту хана, его женъ, сыновей, а
 вмѣстѣ съ ними несомнѣнно и данниковъ, также точно весь родъ
 цзасака Цзотбы (отправившагося было при началѣ войнъ на соедине-
 ніе съ Галданомъ и потомъ остановленнаго тушѣту ханомъ) Галданъ
 принялъ подъ свое покровительство и поселилъ ихъ у подножія Ал-
 тая. Изъ числа другихъ цзасакту хановцевъ—Банди, братъ цзасака
 Бубэй'я, подвергшись въ періодъ войнъ Галдана нападеніямъ Луб-
 санъ-эринчина, бѣжалъ въ Куку норъ³⁾, его же примѣру послѣдовалъ
 за нимъ и братъ цзасака Сономъ-иши-чжаб'а — Гэнинъ⁴⁾, данники
 цзасаковъ Мата, Цзорикту и др.⁵⁾. Понятно, что къ маньчжурамъ
 могла придти при такихъ условіяхъ весьма незначительная часть цза-

¹⁾ Ibid. Т. 57, л. 16.

²⁾ Ibid. Т. 59, л. 5.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 4, л. 8.

⁴⁾ Ibid. Т. 64, л. 14.

⁵⁾ Ibid. Т. 65, л. 2.

сакту хановцевъ и изъ числа ихъ лѣтописи упоминають о цзасакѣ Бубэй'ѣ, родовыя кочевья котораго располагались близъ горъ Танну-Онну и котораго маньчжуръ посадили на границахъ уратскаго аймака въ урочищѣ Гурэ модо ¹⁾; — Сономъ-иши-чжаб'ѣ, который пришелъ поддаться изъ урочища Хошү-тохой и былъ посаженъ близъ Хухухото ²⁾; и Гунцзэн'ѣ, который, также точно заявивши о своемъ подданствѣ, поселился въ урочищѣ Сумэту гэръ за границами Маоминьганьскаго аймака ³⁾; здѣсь же посаженъ былъ и цзасакъ Урцзанъ, кочевавшій въ Халхѣ у горъ Гурбанъ сайханъ ⁴⁾.

Между тѣмъ какъ происходило это размѣщеніе халхасовъ, признавшихъ теперь надъ собою власть маньчжурскаго дома, Галданъ оставался въ Халхѣ и, вполне основательно полагая, что ему придется теперь имѣть дѣло уже съ маньчжурами, а не съ халхасами, отправилъ письмо въ Пекинъ, прося Канси не принимать и не защищать халхасовъ, ибо начатыя чжунгарами войны съ Чихунъ дорчжіемъ были вызваны несправедливостями самого Чихунъ дорчжія, который первымъ нарушилъ прежнія дружественныя отношенія, началъ войну и пошелъ убивать невинныхъ данниковъ чжунгарскихъ владѣтелей ⁵⁾. Канси конечно не исполнилъ просьбы и, вмѣсто выдачи тушѣту хана чжунгарамъ, приказалъ Галдану отступить со всѣми его толпами на западъ и возвратить отнятыя у халхасовъ земли. Галданъ, еще и прежде величавшійся соединеніемъ подъ своею властью Туркестана и Хухунора, а теперь въ добавокъ повоювавшій и страны на сѣверѣ Гоби, еще болѣе возгордился и не принялъ повелѣнія, а остался жить въ Халхѣ ⁶⁾. Канси, тѣмъ не менѣе не терялъ надежду покончить дѣло миромъ: онъ отправилъ грамоту къ Далай ламѣ, въ которой убѣждалъ буддійскаго первосвященника снова командировать посла и позаботиться о прекращеніи распри между ольтами и халхасами. Такъ окончился 1688-й годъ.

¹⁾ Ibid. Т. 64, л. 8.

²⁾ Ibid. Т. 64, л. 14.

³⁾ Ibid. Т. 64, л. 18.

⁴⁾ Ibid. Т. 66, л. 7.

⁵⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 3-я, л. 12-й.

⁶⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 45, л. 8.

76. Въ отношеніи къ передавшимся халхасамъ послѣ ихъ размѣщенія первымъ дѣломъ маньчжуровъ было устроить и обезпечить на будущее время въ средѣ ихъ должный порядокъ. Съ наступленіемъ 1689-го года императоръ утвердилъ всѣхъ халхаскихъ цзасаковъ въ ихъ должностяхъ, т. е. призналъ официальное значеніе тѣхъ халхаскихъ правителей, которые существовали въ Халхѣ и прежде, но которые не имѣли никакого отношенія къ маньчжурамъ. Извѣстно, что маньчжуры съ 1655 г. признавали въ Халхѣ 8 хошуновъ, а слѣдовательно и 8 правителей и за симъ въ 1686 г. число ихъ увеличили до 14: этихъ правителей они сами утверждали въ должностяхъ, требовали отъ нихъ годовую подать и имѣли съ ними дѣла. Но помимо сего въ Халхѣ были и еще родоначальники, институтъ которыхъ былъ чисто жѣстный, халхаскій, — это были братья и сыновья главныхъ халхаскихъ цзасаковъ. Приходя въ возрастъ, каждый изъ нихъ получалъ въ свой удѣлъ какой либо родъ, управлялъ имъ, собиралъ съ него дань въ свою пользу и въ свою очередь конечно давалъ подарки своему сюзерену. Официальное значеніе этихъ то послѣднихъ правителей и признали теперь маньчжуры, такъ что только съ этого времени каждый изъ нихъ сдѣлался отвѣтствененъ за своихъ данниковъ предъ палатою внѣшнихъ сношеній. Въ числѣ такихъ цзасаковъ Илэтхаль шастра называется: тушѣту хановскаго родопрavitеля Отбу¹⁾; цзасакту хановскаго Нурчина²⁾; сэцэнъ хановскихъ: Цэбдэнъ сэцэнъ чжинунъ³⁾; Цэбдэнъ далай хунъ тайчжія⁴⁾ и др. Таковы были первыя административныя дѣйствія и распоряженія маньчжуровъ; въ этихъ распоряженіяхъ они не приносили еще къ халхасамъ ничего своего и утверждали только коренное, халхаское. Въ тоже самое время они возвели мэргэнъ ноюна Гурюшики въ званіе чжинуна, о чемъ подробно рассказываетъ наша лѣтопись и это было послѣднимъ возведеніемъ монгольскаго князя въ монгольское же званіе. Установивъ цзасаковъ, маньчжуры почли необходимымъ ознакомить ихъ съ своимъ государственнымъ управленіемъ, по-

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 2.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 66, л. 8.

³⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 57, л. 6.

⁴⁾ Ibid. Т. 56, л. 2.

чему императоръ командировалъ къ халхасамъ лучшихъ изъ правителей внутреннихъ монголовъ и, вручивъ имъ особливо составленный по сему случаю наказъ, приказалъ преподавать новымъ данникамъ законы и постановленія срединнаго государства. Главою этихъ командированныхъ учителей-юристовъ былъ назначенъ, какъ справедливо передаетъ наша лѣтопись, правитель хорчинскаго аймака цинь-ванъ Шачжинъ, но она погрѣшаетъ въ опредѣленіи времени этого событія, относя его къ 27-му году правленія Канси, тогда какъ оно имѣло свое мѣсто уже послѣ официальнаго признанія цзасаконъ, т. е. въ 28 году; это впрочемъ не трудно видѣть и изъ самаго текста грамоты, который лѣтопись не преминула для насъ представить. Главнѣйшимъ преступленіемъ по этимъ, вновь вводимымъ къ халхасамъ законамъ признавалась измѣна государственной власти, — дѣяніе это безусловно влекло за собою смертную казнь; но не менѣе строго по тѣмъ же уложеніямъ наказывались и преступленія противъ частной собственности, т. е. всѣ виды воровства и особливо грабежъ. Справедливость конечно требовала отъ маньчжуровъ, чтобы, вводя всѣ строгости уголовныхъ законовъ, они предупредили могущія быть преступленія противъ нихъ со стороны халхасовъ; — это относилось особливо къ уложенію о наказаніяхъ за преступленія противъ частной собственности, такъ какъ разоренные и оставшіеся почти буквально безъ крова и пищи халхасы едва ли могли и существовать теперь иначе, какъ путемъ грабежа и разбоевъ, а слѣдовательно прямо подпадая подъ кару закона. Императоръ зналъ это и, чтобы облегчить положеніе халхасовъ, открылъ для нихъ хлѣбныя магазины Чжанъ-цзя-коу и Хуху хото. Выдача провіанта въ это время имѣла для халхасовъ особенно важное значеніе, ибо потребленіемъ хлѣба они сохраняли у себя тѣ жалкіе остатки скота, которые пригнали съ собою изъ Халхи и такимъ образомъ пріобрѣтали возможность обезпечить свое положеніе на будущее время. Императоръ несомнѣнно понималъ эту важность, почему и раздачу хлѣба повелѣлъ произвести съ большою рачительностію, командировавъ для сего въ самыя кочевья халхасовъ одного изъ своихъ сановниковъ Фэй-янъ-гу, или Піянгу, какъ называетъ его наша лѣтопись согласно монгольскому произношенію. Въ теченіе 1689-го года выдачи хлѣба производились

Поясненія на стр. 77.

77. Поясненія на стр. два раза и сообщеніе о второй изъ нихъ лѣтопись передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „командировавъ придворнаго вельможу Піянгу въ тушѣту хановскій аймакъ, приказали раздать по частямъ“. Замѣтка эта, стоя безсвязною одиночкой, является темною и почти не имѣющею смысла въ общемъ разсказѣ лѣтописи; но она дословно заимствована авторомъ изъ Илѣтхѣль шастры (кн. 45, листъ 11) и тамъ извѣстіе это записано вслѣдъ за изложеніемъ именнаго указа императора о выдачѣ хлѣба людямъ тушѣту хановскаго аймака изъ казнохранилищъ города Хухухото, причѣмъ соединено съ этимъ послѣднимъ разсказомъ словомъ „баса“ — опять. Такимъ образомъ по Илѣтхѣль шастрѣ дѣлается яснымъ, что въ 1689-мъ году хлѣбъ былъ розданъ тушѣту хановцамъ два раза и въ первый разъ изъ Хухухото, а второй — изъ Калгана.

Пока такимъ образомъ устраивали маньчжуръ халхасовъ, опредѣлились и ихъ будущія отношенія къ Галдану. 1688-й годъ, какъ мы уже видѣли, закончился тѣмъ, что Канси отправилъ письмо кн. Далай ламѣ съ просьбою уговорить Галдана прекратить распри и войны, побудить его собрать общій сеймъ съ халхасами и обсудить дѣла мирно. Далай лама и на этотъ разъ послушался Канси: онъ отправилъ къ Галдану съ своей стороны Чжирунъ-хутухту¹⁾, а Канси въ свою очередь командировалъ также важную духовную особу въ лицѣ Илагуксанъ хутухты. Впрочемъ посольство это, какъ оказалось впоследствии, не только не достигло своей цѣли — восстановленія добрыхъ отношеній, а напротивъ окончательно обнаружило всѣ непріязненные замыслы Галдана. Чжирунъ хутухту, вмѣсто того чтобы склонять Галдана къ миру, совѣщался съ нимъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и, по всей вѣроятности, расчеты заговорщиковъ на успѣхъ борьбы были такъ вѣски, что и посолъ Кансіа Илагуксанъ хутухту соблазнился на нихъ и, измѣнивъ своему императору, передался на сторону Галдана²⁾. Китайцы убѣждены, что въ это время Галданъ рѣшилъ съ хутухтами и свой походъ на юговосточную Монголію въ слѣдующемъ году³⁾; но было ли это такъ въ дѣйствитель-

¹⁾ Барагун цзун шаст. хуріанг. Т. 90, л. 25.

²⁾ Цзасак. хан айм. шаст. Т. 64, л. 19.

³⁾ Барагун цзун. шаст. хуріанг. Т. 90, л. 25.

ности или нѣтъ, мы конечно не можемъ сказать достовѣрно. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что интриги пословъ были замѣчены еще въ самое первое время переговоровъ, потому что тушѣту ханъ Чихунь-дорчжи спустя не болѣе какъ одинъ мѣсяцъ послѣ прибытія хутухтъ въ Халху, представилъ уже свой докладъ къ императору, въ которомъ просилъ о прекращеніи означенныхъ переговоровъ и Канси по этому поводу издалъ своимъ министрамъ рескриптъ слѣдующаго содержанія: „Всякій скажетъ, что я, ради совокупнаго управленія живущими во вселенной, поддерживаю силы всего ослабѣвшаго, продолжаю все прерывающееся, соединяю раздѣлившееся, умиротворяю взаимно поссорившихся и начавшихъ другъ съ другомъ войну, что я намѣренъ привести одушевленныхъ существъ, какъ обитающихъ внутри (нашего государства) такъ и внѣшнихъ, къ миру и довольству. Такъ какъ Чихунь-дорчжи и Галданъ пришли между собою въ несогласіе, то я неоднократно посылалъ къ нимъ своихъ людей и внушалъ имъ прекратить эту вражду; но поелику они не пожелали остановить военныхъ дѣйствій, то данники ихъ разбѣжались, разсѣялись и будучи утѣсняемы пришли въ подданство. Я, зная ихъ какъ людей, искони съ усердіемъ и ревностію приносившихъ дань, сжалился надъ ними, принявъ ихъ въ подданство, поселилъ ихъ, отведши имъ мѣста по границѣ и пожаловалъ имъ хлѣба и провіанта. Между тѣмъ я полагалъ, что если не будутъ прекращены военныя дѣйствія, то не скоро еще найдутъ они себѣ спокойствіе и потому даровалъ высочайшій указъ, повелѣвая имъ переговорить другъ съ другомъ и помириться. Въ настоящее время Чихунь-дорчжи докладываетъ, что собрать сеймъ трудно; я опять таки не принуждаю его, пусть только будутъ извѣстны ему мои намѣренія“¹⁾. Изъ этого рескрипта не видно ясно, почему починалъ трудныя Чихунь-дорчжи собраніе сейма, пожалуй можно даже предполагать, что и самъ онъ не желалъ вести переговоры; но во всякомъ случаѣ дѣло принимало тотъ оборотъ, когда примиреніе является невозможнымъ, а слѣдовательно невозможно и окончаніе брани безъ военныхъ дѣйствій. Къ тому же измѣна Илагуксанъ хутухты

Поясненія на стр. 77—78.

¹⁾ Хуань-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 3-я, л. 15.

Туш. хан. айм. шас. Т. 46, л. 9.

78. ясно указала пекинскому двору, что Галданъ не оставилъ своихъ
воинственныхъ замысловъ. Маньчжурамъ ничего не оставалось дѣлать
на стр. какъ самимъ готовиться къ бою и правительство богдохана соблаго-
волило всѣхъ мѣсть нѣскольکو тысячъ ратниковъ¹⁾.

Приготовленіе къ борьбѣ въ это смутное время должно было
быть особенно трудно для маньчжуровъ и прежде всего потому, что
въ самой средѣ передавшихся халхасовъ постоянно возникали между-
особныя распри. Время отъ времени къ маньчжурамъ продолжали
приходить скитавшіеся въ Халхѣ и отставшіе отъ своихъ сородичей
халхаскіе тайчжи; всѣмъ имъ нужно было указывать мѣста для ко-
чевья, тогда какъ населеніе по границѣ и безъ того уже было ску-
ченно; всѣ они за симъ начинали отыскивать своихъ данниковъ, ко-
торыми обыкновенно успѣвалъ уже за время ихъ отсутствія овладѣть
кто либо другой и вотъ начало междоусобныхъ раздоровъ. Въ періодъ
1689-го и начала 1690-го годовъ къ маньчжурамъ явились тушѣту
хановскій цзасакъ Дайчинъ ноянь²⁾ и выбѣжавшій изъ галдановскаго
плѣна сынъ цзасакту хана Баранъ съ цзасакомъ Цзотба и тайчжиами
Рабтаномъ, Намчжиломъ, Очирь-бинтуемъ и Дайчиномъ³⁾. Вслѣдъ
за ними пришелъ цзасакту хановскій цзасакъ Бубэй. Всѣмъ имъ ука-
заны были кочевья и розданъ былъ хлѣбъ, такъ какъ они являлись
совершенными нищими⁴⁾. Что касается сына цзасакту ханова — Ба-
рана, то ему первоначально были указаны для кочевья мѣста по
урочищамъ Улагунъ, гдѣ жилъ одинъ изъ его родственниковъ Йосоту
ахай⁵⁾. Въ средней лѣтней лунѣ 1690-го года Баранъ снова предста-
вился къ императору и на аудіенціи просилъ его о своемъ утвержденіи
въ званіи цзасакту хановскомъ. Императоръ, зная съ какою осмотри-
тельностью надлежало теперь избрать лицо на эту должность, отка-
залъ Барану въ исполненіи его просьбы тотчасъ же; но отвѣчалъ, что,
съ прискорбіемъ вспоминая о невинномъ убіеніи отца его Шары, онъ
намѣренъ прежде собрать сеймъ, удовлетворить справедливую месть

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, листъ 29.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 11.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 3.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 9.

⁵⁾ Хуань-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 3-я, л. 18—19.

Барана, и тогда уже возведетъ его въ искомое званіе. Волей неволей Баранъ долженъ былъ дожидаться и влачить свое несчастное существованіе безъ пособія со стороны данниковъ и даже безъ возможности собрать свои собственныя имущества¹⁾. Смерть однако скоро пресѣкла дни этого скитальца и тѣмъ, можетъ быть, избавила халхасовъ и маньчжуровъ отъ одной лишней смуты, ибо бѣдность халхасскихъ нояновъ также точно постоянно являлась въ это время хотя косвенною причиною ихъ вражды между собою. Такимъ образомъ въ 1689 году тушѣту хановскій цзасакъ Гурушики началъ споръ съ своимъ хошуннымъ архипастыремъ — Нойнъ-хутухтою изъ за того, что имущество данниковъ перваго перемѣшалось съ имуществомъ шабинаровъ послѣдняго; оба они представили жалобы въ Пекинъ, и маньчжуры, чтобы примирить тяжущихся, должны были откомандировывать своего чиновника для разбора этого дѣла²⁾. Вслѣдъ за симъ тушѣту хановскій же цзасакъ Гаймцукъ представилъ жалобу о томъ, что младшій братъ его Намчжилъ отбиваетъ у него 13 семей его данниковъ и что тотъ же Гурушики содѣйствуетъ и прикрываетъ сдѣланный захватъ. На разборѣ этого дѣла выяснилось, что у Гаймцука отъ мачихи его Лули дамба была сестра по имени Чжидай. Арцзанъ, отецъ Гаймцука, умирая, завѣщавалъ, чтобы всѣ дѣти его жили вмѣстѣ и, по обычаю халхасовъ, повиновались старшему брату своему Гаймцуку. Теперь, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, каждый изъ нихъ естественно хотѣлъ захватить большее и Намчжилъ, старавшійся овладѣть имуществомъ отца, донесъ Гурушики, что Арцзанъ завѣщавалъ ему Намчжилу быть главою. Гурушики повѣрилъ и, пославъ своего приближеннаго — Убаши, захватилъ Чжидай'евы скотъ и людей и отдалъ ихъ Намчжилу, а помимо того захватилъ и нѣсколько семей Гаймцука³⁾. Очевидно, что все дѣло завязалось здѣсь по жадности и недостатку средствъ къ существованію у тяжущихся. Но не одинъ подобныя тяжбы влекла за собою бѣдность: многіе хошуны начали почти исключительно промыслять разбоями и что самое главное — заво-

Поясненія на стр. 78.

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 62, л. 7.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 5.

³⁾ Ibid. Т. 52, л. 12.

78. дили въ то же время связи съ своимъ же недругомъ — Галданомъ. Такимъ образомъ начали производить постоянные грабежи баргуты и когда высочайшимъ указомъ повелѣно было президенту Араню смирить ихъ, то онъ захватилъ между прочимъ и предводителя мятежниковъ баргутской шайки. На допросъ его выяснилось новое обстоятельство, что баргуты ограбили данниковъ цзасака Хонхоръ дайчина и Далай цайсана, а самихъ правителей этихъ выдали Галдану. Поэтому въ хошунъ Хонхоръ дайчина, безъ вѣдома китайцевъ, началъ управлять братъ его Ханду. Палата вѣншихъ сношеній поручила Ханду вмѣстѣ съ его данниками переселиться къ границамъ хорчинскаго аймака, гдѣ кочевалъ извѣстный уже намъ юристъ цинь ванъ Шачжинъ. Ханду исполнилъ порученіе, но, переселившись, въ свою очередь распустилъ народъ и люди его предались грабежу. Тогда маньчжуры принуждены были уже выгнать ихъ изъ за границъ кочевьевъ внутреннихъ цзасаковъ¹⁾.

Между тѣмъ все чаще и чаще начали приходить слухи о новыхъ движеніяхъ и успѣхахъ Галдана, которые повсюду привлекали на его сторону и халхасовъ. Въ концѣ 1689-го года въ Пекинѣ получено было донесеніе, что данники хотохойтскаго Гэндунa, тайчжи — Чибактаръ, Номчи, Цзаланха и Ирцзахай бѣжали отъ Гэндунa, чтобы поддаться Галдану. Гэндунъ преслѣдовалъ ихъ и схватилъ; юрты, семьи, скотъ и имущество ихъ онъ роздалъ своимъ побѣдоноснымъ силамъ, а за симъ, отправившись догонять ѳлотовъ, убилъ даругъ галдановыхъ Цаганъ тайчжи и Ургуна и возвратился²⁾. Конечно такія побѣды бывали не вездѣ и въ большинствѣ случаевъ обезсиленные халхасы приходили еще въ большее разореніе отъ этихъ нападеній Галдана; такъ было напримѣръ съ тушѣту хановскимъ цзасакомъ Хүндүдэнъ-бошокту-гомбо, для избавленія котораго отъ набѣговъ Галдана, посылали маньчжуры старшаго сына тушѣту ханова Галданъ дорчжіа³⁾; но понятно, что этотъ тайчжи ничего не могъ сдѣлать съ своими ничтожными отрядами халхасовъ противъ врага, который сла-

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 58, л. 6.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 3-я, л. 18.—Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 3.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 4.

вился своими и физическими и нравственными силами. Для побѣды надъ нимъ нужны были мужественныя и стройныя рати, послать же таковыя въ Халху маньчжуры успѣли не ранѣе какъ съ наступленіемъ 1690-го года.

Силы маньчжуровъ, первоначально выступившія противъ Галдана въ Халху, сосредоточивались главнымъ образомъ въ двухъ арміяхъ. Первая изъ нихъ подъ предводительствомъ Араная шла восточною дорогою на Кѣрулѣнъ, вторая подъ начальствомъ члена совѣта министерства, генерала Уньда держала путь нѣсколько западнѣе ея и вышла на р. Толу. При той и другой арміи находилось большое число халхаскихъ тайчжѣевъ съ ихъ данниками, а равно и войска внутреннихъ монгольскихъ цзасаковъ. Походъ этотъ съ самаго начала открылся не совсѣмъ удачно и именно вслѣдствіе безпорядочности тѣхъ же халхаскихъ правителей. Одинъ изъ тушѣту хановскихъ цзасаковъ, котораго наша лѣтопись называетъ Норбо, а Илѣтхаль шаstra — Отба, находясь при арміи генерала Уньда, распустилъ болѣе 1000 человекъ изъ числа своихъ вооруженныхъ данниковъ и послѣдніе разграбили скотъ и имущество на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ. Императоръ, не желая обвинять его и, можетъ быть, опасаясь возбудить этимъ обвиненіемъ противъ себя халхасовъ, простилъ Отбѣ его вину, а чтобы лишить его возможности повторить подобный грабѣжъ и въ другой разъ, прикомандировалъ отрядъ его къ войскамъ чахарскимъ и поставилъ его въ непрестанное столкновеніе и зависимость отъ дѣятельности этихъ послѣднихъ. Обезпечивъ этимъ распоряженіемъ внутреннее спокойствіе отрядовъ, маньчжуры продолжали путь и, по прибытіи на мѣсто, разослали монгольскихъ цзасаковъ по разнымъ урочищамъ, чтобы развѣдывать о движеніи Галдана и сторожить его. Такимъ образомъ хорчинскій дарханъ-цинъ-ванъ Банди былъ посаженъ близъ Хулунъ-буира¹⁾, сэцѣнъ хановскій цзасакъ Намчжилъ сторожилъ по Кѣрулѣну²⁾, старшій сынъ тушѣту хана Галданъ дорджи сидѣлъ по р. Толѣ³⁾, здѣсь же располагались станы

Поясненія на стр. 78.

¹⁾ Илѣтхаль шастр. Т. 17, л. 21.

²⁾ Сэц. хан. айм. шастр. Т. 55, л. 22.

³⁾ Туш. хан. айм. шастр. Т. 47, л. 14.

78. тушѣту хановскаго цзасака Гурушики¹⁾ и др. Что касается главныхъ квартирѣ, то одна изъ нихъ, какъ мы уже говорили, была расположена на Кэрулэнѣ, а другая на Толѣ.

Галданъ между тѣмъ, собравъ лучшія войска, вторгнулся на востокъ. Въ 5-й лунѣ императору донесено было, что онъ стоитъ лагеремъ на р. Урхуй²⁾. Президентъ Аранай ударилъ на него съ монгольскими войсками и приказалъ халхасамъ отнимать у ѳлотовъ награбленный ими скотъ. Халхасы, жадные къ добычѣ, бросились на перерывъ, отъ этого строй маньчжурскихъ войскъ поколебался и войска Араная были разбиты ѳлотами. Послѣдніе за симиъ, пользуясь побѣдой, устремились на востокъ, въ земли внутреннихъ монгольскихъ цзасаконъ³⁾,

Въ это время китайская имперія была совершенно спокойна. Незадолго передъ симъ маньчжуры окончательно усамирили трехъ своихъ непокорныхъ вассаловъ; утвердились къ Лунъ-шу, приняли въ подданство Тай-вань (Формозу) и заключили мирный договоръ съ русскими. Императоръ, имѣя въ виду, что Галданъ постепенно усиливается, что, вторгнувшись въ предѣлы имперіи, онъ обнаружилъ тѣмъ свои немалые замыслы, что халхасамъ наконецъ совершенно невозможно кочевать безъ прежнихъ земель, собралъ въ 6-й лунѣ всѣхъ вельможъ, находившихся при дворѣ и объявилъ, что онъ самъ выступаетъ въ походъ. Командованіе лѣвымъ крыломъ поручено было Юн-цинъ-вану Фу-цюаню въ званіи фу-юань-да-цзянь-цзюня (успокоивающаго дальнія страны главнокомандующаго), а помощникомъ ему былъ приданъ императорскій сынъ Юнь-ти; — они выступили изъ Гу-бэй-коу. Гунъ-цинъ-ванъ Чанъ-нинъ въ званіи анъ-бэй-да-цзянь-цзюня (успокоивающаго сѣверныя страны главнокомандующаго) командовалъ правымъ крыломъ и выступилъ изъ Си-фынъ-коу.

Правое крыло, встрѣтившись съ разбойниками въ предѣлахъ

¹⁾ Ibid. Т. 47, л. 4.

²⁾ Урхуй тоже самое что Ульцза; рѣка эта течетъ на сѣверъ отъ Кэрулена и входитъ въ русскіе предѣлы; верхнее теченіе ся протекаетъ по землямъ халхаскаго сэцэнъ хана.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 30.

учжумуцинскаго аймака¹⁾, не имѣло успѣха въ сраженіи и отступило. Чжунгары, пользуясь побѣдой, устремились на югъ. Хорчинскій тушѣту ванъ Шачжинъ, будучи увѣдомленъ, что войска непріятелей находятся неподалеку отъ него, просилъ позволенія сдѣлать наступленіе, но высочайшимъ указомъ ему повелѣно было дожидаться другихъ армій²⁾. Такимъ образомъ Галданъ безпрепятственно проникъ до урочища Улань-бутунъ, которое находится въ 700 ли отъ Пекина. Тогда императоръ остановилъ лѣвое крыло, а канъ цинь-вану Цзѣ-шу приказано было стоять лагеремъ въ Гуй-хуа-чэн'ѣ (Хүхү-хото), чтобы дѣйствовать при отступленіи чжунгаровъ. Въ 8-й лунѣ маньчжурскія войска, находившіяся подъ командой фу-юань-цзянь-цзюня, встрѣтились съ непріятелями въ урочищѣ Улань-бутунъ и здѣсь произошло генеральное сраженіе у маньчжуровъ съ Галданомъ, описаніе котораго находится для насъ какъ въ китайскомъ сочиненіи Шэнъ-у-цзи, такъ и еще болѣе дополняется дневникомъ придворнаго маньчжурскаго вельможи Ма-сы-ха, бывшаго участникомъ этого сраженія. Если вѣрить сказаніяма Ма-сы-ха, то станъ войскъ маньчжуровъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи, раздѣлялся всего на 40 отдѣльных лагерей, которые занимали пространство на 60 ли (почти 30 верстѣ) въ длину, и на 20 ли (около 10 верстѣ) въ ширину; всѣ эти части, говоритъ Масыха, были соединены и стояли крѣпко какъ гора. 30-го числа 7-й луны Галданъ отправилъ въ маньчжурскій лагерь посланникомъ одного изъ своихъ ламъ, чтобы вести переговоры и докладывалъ, что преслѣдуя своихъ халхаскихъ враговъ хотя и перешелъ онъ чрезъ китайскіе караулы, но не смѣетъ дѣйствовать самовольно, а потому проситъ выдать ему тушѣту хава съ братомъ его Чжэбцзунъ-дамба хутухтою и въ такомъ случаѣ онъ возвратится съ войскомъ назадъ. Маньчжурскій главнокомандующій, прослушавъ этотъ докладъ и видя, что Галданъ не имѣетъ намѣренія покориться, далъ приказъ по артиллеріи, конницѣ и пѣхотѣ выстроиться въ боевой

П о л о ж е н і я   н а   с т р . 78

¹⁾ Учжумуцинъ есть одинъ изъ внутреннихъ монгольскихъ аймаковъ онъ находится на западъ отъ предѣловъ Мукдена и въ 900 сл. ли отъ Гу-бэй-коу.

²⁾ Илэтхэнь шастиръ. Т. 17, л. 23.

78. Поясненія на стр. порядок и идти въ наступленіе. Съ развернутыми знаменами и барабаннымъ боемъ на разсвѣтъ 1-го числа 8-й луны прибылъ онъ съ арміею въ Уланъ-бутунъ, чтобы, встрѣясь съ непріятелемъ, вступить съ нимъ здѣсь въ рѣшительную битву. Непріятельская конница въ числѣ 100 слишкомъ тысячъ человѣкъ выстроилась у горныхъ отлогостей, опираясь на лѣсъ и подъ прикрытіемъ рѣчки. Вмѣсто рога-токовъ (которые въ то время имѣли обыкновеніе употреблять китайскія войска для защиты себя отъ стрѣлъ непріятеля) воины Галдана положили на землю съ десятокъ тысячъ верблюдовъ съ связанными ногами, а на спинахъ у этихъ животныхъ были положены ящики, прикрытые смоченными войлоками, — назначеніе послѣднихъ было образовать амбразуры. Такою живою изгородью чжунгары окружились какъ палисадомъ и солдаты ихъ стрѣляли изъ за поминутыхъ амбразуръ изъ луковъ и ружей, наконецъ бросали крючья и копья, чтобы побивать маньчжурскія войска, но не доводить до рукопашной схватки. Укрѣпленіе такого рода называлось „верблюжьей крѣпостью“. Маньчжурскія войска выстроились за рѣчкой и выступили впередъ съ мужествомъ. Затѣмъ придвинули артиллерію и начали издали поражать галдановскія твердыни. Ровный огонь поддерживался отъ часу вѣй (четвертаго) до часу суй (восьмаго) и громъ пушекъ потрясалъ небо и землю. Отъ разсвѣта до вечера верблюды, убиваемые пушками, падали навзничъ и наконецъ строй былъ прорванъ. Тогда и конница и пѣхота маньчжуровъ бросились стремительно на непріятеля и опрокинули лѣвое крыло; сверхъ того, обойдя гору, маньчжуры ударили съ тылу и такимъ образомъ непріятельскіе окопы были разбиты. Враги вздрогнули и, разбѣгаясь, не знали что дѣлать. Воспользовавшись ночью, они убѣжали и укрѣпились на высотахъ и въ неприступныхъ мѣстахъ, а маньчжурскія войска возвратились въ свой лагерь¹⁾. 2-го числа съ разсвѣтомъ маньчжуры снова выстроились въ боевомъ порядкѣ, но Галданъ уже не вступалъ въ битву, а отправилъ въ маньчжурскій лагерь тибетскаго ламу Чжирунъ-хутухту и въ униженныхъ выраженіяхъ просилъ мира. Когда объ этомъ было доведено до император-

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3, л. 30—31.

скаго свѣденія, то императоръ приказалъ немедленно же идти впередъ, чтобы не попасться на хитрость непріятеля. Галданъ однако, не дожидаясь отвѣта, снялъ свой лагерь, и, переправившись на плотахъ черезъ Шара мурень въ кашиктенскомъ аймакѣ, перешелъ чрезъ горы Да-цзи и бѣжалъ, не зная ни дня, ни ночи. Всюду, гдѣ онъ ни проходилъ, все предавалъ онъ огню и разрушенію, чтобы пресѣчь преслѣдованіе. 8-го числа, получивъ приказаніе императора, легкая конница маньчжуровъ пустилась въ преслѣдованіе ¹⁾, но она уже не могла догнать отступающихъ непріятелей. Галданъ отправилъ съ дороги посланца съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, будто, преклонивъ голову предъ величественнымъ и чудотворнымъ буддою, онъ поклялся, что не будетъ вторгаться въ границы, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о прощеніи ²⁾. Люди дальновидные конечно хорошо понимали, что всѣ эти обѣщанія и просьбы суть не болѣе какъ притворство, и что безопасность Халхи со стороны Галдана вполне обезпечится только тогда, когда послѣдній будетъ совершенно уничтоженъ и лишенъ возможности къ нападеніямъ. Въ этихъ видахъ хорчинскій тушѣту ванъ Шачжинъ просилъ еще разъ позволенія гнаться за Галданомъ и, желая задержать его, подослалъ къ нему своего гонца Очира. Подъ видомъ измѣнника китаецамъ, Шачжинъ сдѣлалъ предложеніе Галдану придти къ нему на соединеніе. Галданъ принялъ посланца шачжинова, далъ ему отвѣтное письмо, но не остановился и продолжалъ далѣе свой путь. Такимъ образомъ попытка Шачжина въ настоящее время не имѣла ни какого успѣха, но она дорого было обошлась ему. Въ ту пору цзангинъ уратскаго аймака по имени Биликту намѣревался передаться Галдану и отправился къ его войскамъ. По дорогѣ повстрѣчалъ онъ въ гостинницѣ хорчинскаго посла, напоилъ его пьянымъ и тотъ, вытащивъ отвѣтное письмо Галдана, передалъ его Биликту, чтобы доставить тушѣту вану. Биликту, получивъ письмо, думалъ теперь выслужиться передъ маньчжурами и представилъ это письмо императору. Тушѣту ванъ такимъ образомъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и

П о я с н е н і я   н а   с т р .   79.

¹⁾ Ibid. x. 42.

²⁾ Ibid. x. 31.

76. только черезъ два года послѣ сего при личномъ свиданіи съ импера-
 торомъ ему пришлось доказать свою невинность и вѣрность пре-
 столу ¹⁾. Галданъ между тѣмъ, не остановившійся, какъ мы видѣли,
 по предложенію Шачжина, говоря словами китайцевъ, „какъ сумас-
 шедшій бѣжалъ на сѣверъ Шамо“: онъ совершенно потерялъ своихъ
 вьючныхъ верблюдовъ и весь свой багажъ; по дорогѣ умершихъ отъ
 голода и изнеможенія было у него множество, такъ что въ Кобдо во-
 ротилось только нѣсколько тысячъ ²⁾, остальные войска же его или
 погибли, или же разбѣжались въ разныя стороны. Несчастный Ила-
 гуксанъ хутухту, командированный, какъ мы видѣли прежде, для увѣ-
 щанія Галдана и предавшійся на его сторону, видя теперь совершен-
 ное пораженіе олотскаго воеводы, бѣжалъ вмѣстѣ съ его разстроены-
 мыми войсками, но, не находя для себя возможнымъ слѣдовать за
 ними, скитался близъ великой стѣны и вошелъ въ предѣлы собствен-
 наго Китая. Здѣсь онъ былъ схваченъ однимъ изъ цзасакту-ханов-
 скихъ правителей Гунцзеномъ и представленъ къ императору. Даль-
 нѣйшая судьба этого хутухты намъ не извѣстна, но, по всей вѣроят-
 ности, онъ былъ казненъ маньчжурами ³⁾.

Въ это время императоръ случайно сдѣлался болѣнъ и отъ Боро-
 хото поворотилъ назадъ свою походную колесницу. Генералы не по-
 лучили отъ него никакого приказанія идти-ли впередъ, или остано-
 виться на мѣстѣ. Гуй-хуа-ченское войско западной дороги и хор-
 чинскіе монголы, получивъ отъ Юй-цинъ-вана вѣсть о начавшихся пе-
 реговорахъ, остановили свое преслѣдованіе, такимъ образомъ военныя
 дѣйствія положительно прекратились. Впослѣдствіи Синь-цзюнь-ванъ
 обвинялъ Юй-цинъ-вана въ томъ, что онъ не воспользовался побѣ-
 дой, не преслѣдовалъ и не истребилъ Галдана, а напротивъ остано-
 вилъ движеніе войскъ и довелъ дѣло до того, что изнуренный раз-
 бойникъ успѣлъ ускользнуть; но императоръ, такъ какъ заслуги Юй-
 цинъ-вана были велики, оштрафовалъ его только незначительно и,
 радуясь своей побѣдѣ, въ 8-й лунѣ, при торжественныхъ оваціяхъ

¹⁾ Изэтх. шаст. Т. 17, л. 23.

²⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 31.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 20.

народа, возвратился съ войскомъ въ столицу¹⁾. Вслѣдъ за китайцами къ Канси начали являться съ привѣтствіями и халхаскіе князья и наконецъ прибыло посольство отъ Далай-ламы²⁾ и Ѳлѣтскихъ тайчжівъ, которое вмѣстѣ съ поздравленіемъ принесло къ императору и новую просьбу о дозволеніи поднести его величеству почетный титулъ. Императоръ, какъ это было и прежде, не принялъ почетнаго титула, а на представленную ему просьбу отвѣчалъ слѣдующею, прекрасно выясняющею весь ходъ борьбы халхасовъ и Ѳлѣтовъ резолюціею: „Я, прослышавши, что халхасы находятся между собою въ несогласіи отправилъ посланца къ Далай-ламѣ и приказалъ ему сдѣлать увѣщаніе ханамъ обоихъ сторонъ и примирить ихъ между собою. Далай-лама командировалъ Галданъ-ширѣтуя, но послѣдній не могъ склонить ихъ къ моей волѣ и согласить съ желаніями Далай-ламы. Хотя до нѣкоторой степени онъ и примирилъ халхасовъ между собою; но причины междоусобной вражды халхасовъ съ Ѳлѣтами возникли по истинѣ съ этого времени. Впослѣдствіи прослышавъ, что они (т. е. халхасы и Ѳлѣты) поссорились между собою, и начали военныя дѣйствія, я тотчасъ же командировалъ посла къ Далай-ламѣ. Далай-лама, хотя и выслалъ Цицикъ далай хамбо съ товарищами уговаривать, но эти посланцы, будучи совершенно не въ состояніи прекратить брань, представили имъ воевать другъ съ другомъ по волѣ. Когда халхасы были разбиты, я опять командировалъ посла къ Далай-ламѣ и приказалъ, чтобы онъ, Далай-лама, посодѣйствовалъ прекращенію военныхъ дѣйствій, взявши клятву съ побѣдителей (чжунгаровъ). Далай-лама отправилъ Чжирунъ хутухту, а я — Илагуксанъ хутухту; когда же послѣдніе повели свои переговоры, то, совершенно неожиданно, они не только

Поясненія на стр. 78.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, гл. 32.

²⁾ Китайскіе и монгольскіе историки полагаютъ, что Далай-лама умеръ еще въ 22-мъ году правленія Канси (1682), но что Дибасъ скрывалъ эту смерть и, пользуясь именемъ покойнаго, управлялъ и дѣйствовалъ во всемъ самолично. Такимъ образомъ всѣ тѣ агитаціи противъ китайцевъ и халхасовъ, всѣ тѣ наущенія Галдану со стороны Тибета, которыя имѣли мѣсто въ періодъ войнъ чжунгаровъ съ халхасами, по убѣжденію китайцевъ и монголовъ, происходили не отъ далай-ламы, а отъ дибасы. Въ данномъ случаѣ просьба къ императору влялась такимъ образомъ также собственно не отъ далай-ламы, а отъ дибасы.

78. не посодѣйствовали примиренію своими вразумленіями, а напротивъ побудили ѳлотовъ войти въ пограничныя караулы. Я, выславъ войска, отправился, чтобы наказать этотъ проступокъ, и такъ какъ они (ѳлоты), остановившись, вступили въ битву, то войска моя волей неволей должны были сражаться. ѳлоты были побѣждены и бѣжали. Я вмѣстѣ съ Далай ламою намѣревался гуманно совершенствовать всѣхъ одушевленныхъ существъ, но вслѣдствіе того, что командированные нами чиновники самовольно нарушили наши повелѣнія, дѣло дошло до такихъ размѣровъ. Я обѣщалъ дать почетный титулъ Далай ламѣ, если онъ будетъ въ состояніи по истинѣ примирить халхасовъ и ѳлотовъ. Все дѣло въ томъ, что люди, которые откомандировывались и которымъ поручалось участіе въ дѣлѣ, не могли склонить къ (исполненію) моей воли и желаній Далай ламы и оттого довели они Халху до возмущенія и разоренія, а ѳлотовъ до пораженія и бѣгства. Я весьма сожалѣю объ этомъ. За сѣмъ принятіе почетнаго титула отклоняю. Внѣшите это посланіе, командированнымъ отъ Далай ламы и многочисленныхъ хановъ и тайчжіевъ, а вмѣстѣ съ сѣмъ возвратите и вещи, назначенныя для представленія¹⁾. Отклонивъ однако поздравленія подозрѣваемыхъ въ лицемѣріи тибетцевъ, императоръ не прекращалъ свои торжества и празднованіе побѣды надъ Галданомъ, продолжалось, повидимому, не только въ остатокъ этого 1690-го года, но и въ началѣ слѣдующаго 1691-го.

Между тѣмъ изъ словъ императора, сказанныхъ сыну цзасакту хана Барану (стр. 210) мы видѣли уже, что въ этомъ 1691-мъ году Канси намѣренъ былъ собрать на сеймъ халхасовъ, и въ торжественныхъ церемоніяхъ офиціально принять ихъ въ свое подданство. Мѣстомъ для этого сейма былъ избранъ Долонъ-норъ и въ концѣ 4-й луны Канси прибылъ сюда, вышедши за великую стѣну чрезъ проходъ Ду-ши-коу. Отъ самаго Пекина императора сопровождали нѣкоторые ихъ халхаскихъ цзасаковъ и таковыми наприимѣръ лѣтописи называютъ намъ сына тушѣту ханова Галданъ дорчжіа съ подвѣдомыми ему тайчжіями²⁾. Весь путь императора былъ совершенъ

¹⁾ Бараг. цзунгъ айм. шаст. Т. 90, л. 26.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 14.

при великолѣпной обстановкѣ и въ самомъ Долонъ-порѣ все было приготовлено для него съ подобающимъ величіемъ. Для торжества была избрана громадная равнина, на которой располагались въ должномъ порядкѣ какъ императорскій лагерь, такъ и маньчжурскія войска. Гвардія трехъ маньчжурскихъ знаменъ занимала средину и составляла одинъ изъ центральныхъ лагерей; изъ восьми знаменъ было составлено два лагеря авангардныхъ, десять аріергардныхъ и 4 пушечныхъ, — всего 16 лагерей, раздѣленныхъ на 28 дозоровъ: 10-ть изъ нихъ окружали императорскій лагерь и составляли собственно императорскую стражу¹⁾. Халхасы, не привычныя къ этимъ церемоніямъ, конечно должны были смотрѣть теперь на все представлявшееся ихъ глазамъ съ удивленіемъ и не терпѣливо ожидали великихъ милостей богдохана. Едва только прибылъ онъ на мѣсто, какъ халхасы приступили къ нему съ своими просьбами и умоляли объ удовлетвореніи своихъ нуждъ. Одни жаловались на бѣдность, другіе на расхищеніе ихъ имуществъ, третьи наконецъ, въ угоду своему мелочному честолюбію, хлопотали о своихъ титулахъ и знакахъ отличія. Такимъ образомъ одинъ изъ цзасакту хановскихъ правителей Сономъ-иши-чжабъ просилъ утвердить за нимъ титулъ сэцэнъ чжинуна, который покойный цзасакту ханъ отнялъ у правителя своего Пунцукъ-рабтана и отдалъ отцу этого Сономъ-иши-чжаба — Дорчжію. Пунцукъ рабтанъ въ свою очередь докладывалъ, что онъ искони вѣку назывался эрдэни чжинуномъ, что титулъ этотъ неправильно и насильственно былъ отнятъ у него цзасакту ханомъ, что онъ Пунцукъ давно уже имѣлъ право представлять и дѣйствительно представлялъ дань ко двору и что по всѣмъ этимъ основаніямъ негодится ему быть ниже Сонома²⁾. Императоръ, желая сохранить обычную порядочность и установленный имъ для сейма церемоніаль, отклонилъ отъ себя на время разборъ всѣхъ дѣлъ, споры же халхасовъ о титулахъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе утвердили въ немъ мысль о необходимости совершенно уничтожить всѣ эти старія халхаскія званія и ввести у нихъ новыя, маньчжурскія. Такимъ нововведеніемъ сразу до-

79.
и оясненія на стр.

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3, л. 14.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 62, л. 4.

79. стигались двѣ цѣли: съ одной стороны имъ прекращались всѣ преж-
 нія мѣстныя дѣла халхасовъ, а съ другой въ жизнь ихъ, хотя
 бы то самымъ внѣшнимъ образомъ, все таки вводился маньчжурскій
 порядокъ. Въ назначенный день открытія сейма повсюду были раз-
 ставлены знамена и значки и первымъ дѣломъ императора было при-
 нять въ своей зальной палаткѣ на аудіенцію халхаскихъ князей,
 утвердить за ними новыя званія и назначить правителей. Исполнить
 все это было конечно не легко, ибо вопросы и трудности представля-
 лись здѣсь какъ въ сборѣ халхаскихъ нояновъ, такъ равно въ уясне-
 ніи преимущественныхъ правъ на владѣніе народами того или другаго
 князя, и наконецъ въ политическихъ соображеніяхъ всѣхъ побоч-
 ныхъ обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя наша лѣтопись и говоритъ
 о томъ, что сеймъ долон-норскій былъ обнародованъ халхаскимъ ноя-
 намъ заблаговременно и что они также заблаговременно собрались
 сюда, однако въ дѣйствительности далеко не всѣ изъ нихъ явились къ
 назначенному сроку. Въ отношеніи къ уясненію правъ на владѣніе осо-
 бенныя трудности представлялись по утвержденію наслѣдства цзасакту
 ханова. Старшіе сыновья цзасакту хана Шары—Баранъ (который еще
 прежде сего приходилъ къ императору и просилъ объ утвержденіи въ
 званіи) и послѣдующій за нимъ въ порядкѣ старшинства Хунгэ въ это
 время уже умерли; третій сынъ цзасакту хана отъ старшей его супруги—
 Хэшикъ, которому, по обычаю, должно было предоставить теперь преем-
 ство, вовсе не явился на сеймъ по своему малолѣтству; оставался чет-
 вертый—Цэванъ чжабъ, рожденный уже отъ второй, побочной жены
 цзасакту хана: но послѣдній, разлучившись съ своею матерью и находясь
 въ страшной бѣдности, не имѣлъ за собою ни прямыхъ правъ, ни дѣя-
 тельныхъ ходатаевъ. Родовой старшина Маниту привезъ этого малютку
 на сеймъ въ ручной телѣжкѣ и, какъ говоритъ наша лѣтопись, его воз-
 вели въ цинь-ваны съ порученіемъ завѣдывать аймакомъ. По неопре-
 дѣлимому для насъ рѣшенію Канси, Цэванъ-чжабъ былъ посаженъ на
 сеймѣ даже выше сэцэнъ хана Умүхэй'я, но за всѣмъ тѣмъ званіе цза-
 сакту хана не было пожаловано ему и титулъ этотъ получилъ онъ не ра-
 внѣ какъ черезъ 12 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, когда за него
 была выдана въ замужество императорская дочь и самъ онъ получилъ

званіе хошой эфу¹⁾. Помимо утвержденія новыхъ правителей и увеличенія числа ихъ, равно какъ и числа хошуновъ, до 34 (а по сказанію Шэнь-у-цзи даже до 37)²⁾, особыхъ измѣненій въ управленіи Халхи на Долонъ-норскомъ сеймѣ не послѣдовало. Халхасы, повидимому, должны были завѣдывать своими общественными дѣлами также точно, какъ завѣдывали они и прежде, т. е. сообща, для чего учреждались у нихъ въ каждомъ аймакѣ сеймы и начальство надъ сеймами всецѣло вручалось ханамъ. Только въ сэцэнъ хановскомъ аймакѣ, такъ какъ правитель его Умухэй былъ малолѣтенъ, обязанности сеймоваго старшины были возложены на цзасака Намчжила³⁾. Что касается переселеній, опредѣленныхъ императоромъ въ Долонъ-норѣ, то они коснулись по преимуществу сэцэнъ хановскаго аймака, населеніе котораго, какъ мы говорили, жило особенно скученно. Такимъ образомъ цзасакъ Пунцукъ былъ посаженъ въ урочищѣ Хучжиръ-добронъ⁴⁾; Цэбдэнъ-сэцэнъ-чжинунъ былъ переселенъ въ мѣстности по р. Халхѣ⁵⁾; а вслѣдъ за нимъ въ тѣхъ же мѣстахъ былъ посаженъ и Ханду⁶⁾. Это передвиженіе, хотя и весьма незначительное, должно было казаться теперь истиннымъ благодѣяніемъ для халхасовъ, потому что послѣдніе считали свою скученность однимъ изъ величайшихъ несчастій. Тронутый всѣми обнародованными милостями императора тушѣту ханъ, послѣ пожалованія его и семи сыновей его въ соотвѣтствующія каждому маньчжурскія званія, воскликнулъ: „наши рабскія, приближавшіяся къ гибели существа, по безконечной милости святаго владыки, снова получили силу; отселѣ впредь мы желаемъ только жить спокойно и находить радости и довольство въ мирѣ и согласіи!“⁷⁾.

Таковы главныя постановленія долонъ-норскаго сейма. Помимо сего время проходило здѣсь въ торжественныхъ собраніяхъ: императоръ самъ въ воинскомъ костюмѣ, въ латахъ и шлемѣ производилъ

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хуріян. Т. 61, л. 7.

²⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л.

³⁾ Сэцэн. хан. айм. шаст. Т. 55, л. 2.

⁴⁾ Ibid. Т. 55, л. 11.

⁵⁾ Ibid. Т. 57, л. 7.

⁶⁾ Ibid. Т. 58, л. 8.

⁷⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 10.

79—80. П о я с н е н і я   н а   с т р . смотры и лично объяснял маньчжурскую дисциплину монгольским князьямъ, которые естественно должны были смотрѣть на все съ дѣтскимъ любопытствомъ, поражаясь великолѣпіемъ и порядкомъ царствовавшими у дайциновъ; въ концѣ концовъ маньчжуры начали устраивать для халхаскихъ князей обѣды и игрища, но совершали это опять таки по церемоніаламъ, въ которыхъ съ замѣчательною точностію и полнотою излагались всѣ правила приличія, — запрещалось даже чрезмѣрно смѣяться¹⁾. Халхасы послѣ сего были окончательно очарованы маньчурами: тушѣту ханъ, не стѣсняясь, выражалъ досаду на себя за то, что онъ не поддался прежде; а когда императоръ уже увѣждалъ изъ Долонъ-нора, то проникнутый чувствомъ любви и благодарности къ нему, Чихунъ-дорджи упалъ на землю и плакалъ²⁾. Такое увлеченіе халхасовъ дѣйствительно должно было быть совершенно искренне, ибо маньчжуры въ самомъ дѣлѣ не оставили на этотъ разъ ни одной слабой стороны халхаскаго сердца не удовлетворивъ ее: они успокоили ихъ честолюбіе, улучшили, елико возможно, ихъ бытъ, одарили ихъ богатыми подарками, доставили пріятное развлеченіе разнаго рода церемоніями и парадами, наконецъ не забыли и послѣдней слабости халхасовъ — буддизма. Въ память важнаго событія — принятія халхасовъ въ подданство, императоръ опредѣлилъ построить въ Долонъ-норѣ кумирню Хуй-цзунъ-сы, которая существуетъ здѣсь и до сего времени, будучи извѣстна у монголовъ подъ именемъ Шарасума. По примѣру халхаскаго Эрдэни цзу здѣсь были воздвигнуты три кумира будды и освященіе этого монастыря совершено было въ присутствіи императора и всѣхъ бывшихъ на сеймѣ монгольскихъ правителей Чжанъ-цзя хутухтою; по окончаніи же религіознаго обряда императоръ выразилъ свою волю и свои желанія относительно этого монастыря въ слѣдующей рѣчи: „Такъ какъ я стремлюсь къ созиданію блага въры и одушевленныхъ существъ, къ совершенію пользы всеобщей, а въ особенности къ устроенію довольства живущихъ здѣсь, по близости, восьми чахарскихъ хошуновъ, сорока девяти хошуновъ южныхъ и пятидесяти девяти (?) хошуновъ сѣверныхъ,“

¹⁾ Ibid. Т. 46, л. 11.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-ю-хе. Цз. 8-я, л. 24—25.

я основалъ этотъ храмъ и пусть живетъ здѣсь отъ каждаго изъ многочисленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ хошуновъ по одному ламѣ и читаютъ они здѣсь священныя книги ради блага живущихъ въ мірѣ. Ты, лама (сказалъ онъ обращаясь къ Чжанцзя хутухтѣ) зимнее прохладное время проводи въ Пекинѣ, а въ лѣтніе жары живи здѣсь и управляй здѣшнимъ духовенствомъ¹. Согласно этой выраженной волѣ императора, въ то же время отъ всѣхъ хошуновъ было собрано 180 человекъ духовенства и такимъ образомъ положено было основаніе монастырю Шара сумэ, который и переданъ въ вѣденіе Чжанцзя хутухты¹). Наконецъ въ память самаго основанія монастыря императоръ тогда же поставилъ въ Шара сумэ каменный памятникъ и приказалъ высѣчь на немъ составленную имъ самимъ надпись. Въ этой надписи значеніе Долонъ-нора выражено имъ такъ: „это мѣстность ровная, не подалеку отъ казенныхъ пастбищъ и тутъ же центръ дорогъ въ Китай изъ восточныхъ, сѣверныхъ, западныхъ и всѣхъ аймаковъ Гоби и изъ Лунъ-туй'я)²“.

П о я с н е н і я н а с т р. 80—81.

Но празднества, восторги и радости не могли продолжаться долго, потому что обстоятельства печальной дѣйствительности невольно заставляли какъ халхасовъ, такъ и маньчжуровъ подумывать объ ихъ общемъ врагѣ. Галданъ, въ прошедшемъ году разбитый маньчжурами и бѣжавшій, какъ мы видѣли, на сѣверо-западъ Гоби, не потерялъ еще въ это время надежды на достиженіе своей цѣли — овладѣть халхасами, а потому не возвратился даже и въ Чжунгарію, но остановился въ урочищахъ по р. Кобдо и за сямъ перекочевалъ еще ближе, къ Орхону, чтобы быть въ совершенномъ сосѣдствѣ съ Халхоемъ. Такое исключительное преслѣдованіе интересовъ на чужбинѣ послужило впоследствии одною изъ главныхъ причинъ полнѣйшей гибели Галдана; такъ какъ Цэванъ-рабтанъ, рассчитывая на пораженіе Галдана, на его слабость и наконецъ на удаленность его отъ Чжунгаріи, тайкомъ вернулся теперь изъ Турфана въ Или, и сталъ кочевать по р. Боротала. Мало по малу собралъ онъ съ помощію семи своихъ друзей разсѣявшихся дан-

¹) Чжанцзя гэгэну намтаръ Т. 1. г. 115.

²) Шэнь-у-цзи. Цз. 3, г. 33-й.

80—81.
П о я с н е н і я   н а   с т р .
никовъ своего отца и расширилъ свои владѣнія вплоть до р. Иртыша¹⁾). Но Галданъ не обращалъ на это вниманія: онъ весь поглощенъ былъ страстнымъ желаніемъ завоеванія Халхи и отдавался ему тѣмъ болѣе, что шансы на исполненіе этого желанія постоянно поднимались. Въ самомъ дѣлѣ, неудача при Уланъ-бутунѣ не могла особенно повредить Галдану и слава его была такъ громка, что ряды его арміи не замедлили снова пополниться воинами. Съ наступленіемъ весны 1691-го года владыка чжунгаровъ снова направился на востокъ и уже въ первой весенней лунѣ, въ то самое время какъ халхаскіе нояны праздновали на долонъ-норскомъ сеймѣ, съ рѣки Онона онъ напалъ и разграбилъ кочевья данниковъ тушѣту хановскаго цзасака Гурушики. Маньчжуры тотчасъ же переселили хошунъ Гурушики внутрь своихъ владѣній, за великую стѣну²⁾, но этого было конечно недостаточно и набѣгъ Галдана напомнилъ имъ о необходимости принять болѣе дѣйствительныя мѣры противъ новыхъ нападеній. И такъ немедленно по окончаніи долонъ-норскаго съѣзда пекинское министерство снова откомандировало отряды какъ своихъ, такъ и халхаскихъ войскъ на сѣверъ для развѣдокъ о Галданѣ и для воспрепятствованія его мятежническимъ набѣгамъ. Было очевидно теперь, что Галданъ хочетъ продолжать свою борьбу и что маньчжурамъ не легко будетъ добиться отъ него полного мира. Для пекинскаго двора эта задача — достиженія мира осложнялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ему не было извѣстно, какихъ воззрѣній держатся тѣ изъ халхаскихъ правителей, которые, во время нападеній Галдана бѣжавъ на сѣверъ Халхи, оставались тамъ и не могли ни придти ко двору съ изъявленіемъ своей покорности, ни извѣстить его объ этомъ, будучи заперты расположившимися въ Хангаѣ и параллельныхъ ему мѣстахъ войсками непріятелей³⁾). Перейдутъ-ли эти правители вслѣдъ за своими сородичами на сторону маньчжуровъ, поддадутся ли русскимъ, соединятся ли съ Галданомъ, или наконецъ захотятъ образовать свои независимыя шайки, вотъ что нужно было

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3-я, л. 52.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 5.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 4.

знать маньчжурамъ для большаго спокойствія и правильнаго взгляда на дѣло. Болѣе сильными и энергичными изъ таковыхъ правителей почитались тушѣту хановскій цзасакъ Шибтуй хатанъ-батуръ, и хотохойтскій цзасакъ Гэндунъ; относительно послѣдняго у маньчжуровъ должно было быть еще больше сомнѣній, такъ какъ онъ, еще и за нѣсколько лѣтъ до нападенія Галданова, пересталъ уже представлять дань и посылать свои подданическіе доклады¹⁾. И такъ маньчжуры отправили теперь своихъ пословъ къ Шибтуй хатанъ-батуру и Гэндуну, убѣждая этихъ князей послѣдовать примѣру своихъ родовичей, т. е. признать надъ собою власть дайциньскаго дома и перекочевать за великую стѣну. Отвѣтъ пословъ конечно не могъ получиться скоро; оттого, отправляя свои войска на Толу, маньчжуры повелѣвали имъ еще и позаботиться о приведеніи въ подданство помянутыхъ халхасовъ. Главный отрядъ командированныхъ такимъ образомъ рекогносцировочныхъ войскъ подъ предводительствомъ дэдъ-сайтъ Вадай'я, повидиноу, двигался обычною въ то время дорогою маньчжуровъ чрезъ восточную Халху. При проходѣ Вадая по жѣстностямъ на р. Кэрулэнъ къ нему вышелъ съ своими братьями и множествомъ своихъ данниковъ тушѣту хановскій цзасакъ Шибтуй хатанъ-батуръ и, повидавшись съ этимъ маньчжурскимъ военачальникомъ, изъявилъ ему свое намѣреніе поддаться. Вадай донесъ обо всемъ этомъ императору и послѣдній, одобряя поступокъ Шибтуй хатанъ-батура, пожаловалъ ему рескриптъ слѣдующаго содержанія: „Шибтуй хатанъ-батуръ! Прошло уже много лѣтъ, какъ въ силу родства своего съ тушѣту ханомъ Чихунъ-дорчжи, ты представляешь дань. Когда Галданъ обольщалъ тебя, призывая въ подданство, ты, сознавая истину, не передался ему, хотя и былъ побѣжденъ. Теперь ты, внимая наставленіямъ, пришелъ, чтобы поддаться намъ. Съ величайшею радостью выражаю я тебѣ свое одобреніе и при этомъ нарочитымъ указомъ возвелъ я тебя въ званіе цзасакъ улустуръ тусалакчи гуна; ты же постарайся быть возможно болѣе прилежнымъ“. Успокоенные такимъ образомъ на счетъ вѣрности Шибтуй хатанъ-батура маньчжуры тотчасъ же приказали ему перекочевать съ

30—81.
Поясненія на стр.

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 5.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ге Цз. 4-й, л. 4-й.—Туш. хан. Т. 50, л. 3-й

31. своиими рекогносцировочными войсками на рѣку Толу, чтобы слѣдить здѣсь за движеніями враговъ¹⁾. Мѣстность р. Толы была собственно самымъ важнымъ пунктомъ для достиженія цѣли — истребленія Галдана; ибо она была дорогою, по которой непременно должны были проходить въ передній или обратный путь войска непріятелей. Помимо сего съ тою же цѣлью развѣдокъ о Галданѣ въ Халху были командированы тушѣту хановскіе: цзасакъ Гурушики съ своими войсками и съ пятьюстами своихъ данниковъ цзасакъ Цэрэнъ²⁾, сайн-ноянъ Шамба съ отборными изъ своихъ ратниковъ³⁾ и др. Эти предосторожности имѣли весьма благотѣльное значеніе для маньчжуровъ. Галданъ, сдѣлавъ набѣгъ на хопунъ Гурушики, возвратился на западъ Халхи и больше уже въ теченіе почти четырехъ лѣтъ не переходилъ на восточную часть ея, а это въ свою очередь дало возможность успокоиться халхаскому народу. Надѣясь теперь на охраненіи войска маньчжуровъ, халхасы съ перваго же времени начали чувствовать съ боя спокойнѣе и могли безопасно возвращаться съ сѣвера на югъ для соединенія съ своими сородичами. Такимъ образомъ въ томъ же 1691-мъ году сэцэнъ хановскій цзасакъ Цэбдэнъ собралъ и привелъ въ подданство къ маньчжурамъ болѣе тысячи семей своихъ данниковъ, которые при нападеніи Галдана подъ начальствомъ своихъ родоправителей Цэрэнъ-цохора, Вэйчинъ-бурцзая, Гарма-гуйэнъ-а и Дураль-табунана перешли было въ русскіе предѣлы и приняли русское подданство⁴⁾; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя примѣру его послѣдовалъ и тушѣту хановскій цзасакъ Цэрэнъ-чжабъ; онъ также собралъ до 600 человекъ своихъ данниковъ и привелъ ихъ въ маньчжурское подданство. Прослышавъ, что родственникъ его Шибт-хатанъ-батуръ кочуетъ въ Баинъ-гу, онъ просилъ позволенія, присоединиться къ его улусамъ и это было ему дозволено⁵⁾. Въ слѣдующемъ 1692-мъ году началось уже и обратное движеніе съ юга на

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 4.

²⁾ Ibid. Т. 51, л. 31.

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 17.

⁴⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 4.

⁵⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 2.

сѣверъ: сѣцэнъ ханъ просилъ позволенія возвратиться въ свои халхаскія кочевья и высочайшимъ указомъ ему разрѣшили изъ урочища Арту перекочевать къ оз. Бонрь ¹⁾. Въ сущности дѣло умиротворенія Халхи подвинулось въ это время конечно весьма не много: на защиту Халхи, какъ мы видѣли, былъ посланъ только незначительный отрядъ маньчжурскихъ войскъ, а за симъ ее охраняли тѣже самые халхаскіе ратники, которые такъ недавно постыдно бѣжали отъ чжунгаровъ ²⁾; наконецъ изъ числа даже этихъ командированныхъ въ Халху отрядовъ многіе должны были возвратиться на югъ Монголіи зимою того же года, когда произвелъ тамъ возмущеніе олѣтскій бѣтуръ архэ чжинунъ Хоролъ ³⁾, слѣдовательно защита Халхи ослабѣла еще болѣе; но для халхасовъ важна была та нравственная бодрость, которая воскресла у нихъ теперь при увѣренности, что въ случаяхъ нападеній и обороны они отнюдь не будутъ предоставлены исключительно собственнымъ силамъ. Это значительно подняло духъ халхасовъ. Что касается маньчжуровъ, то внимательство въ дѣла Халхи далеко не обошлось имъ даромъ: казна ихъ значительно опустѣла и министерство финансовъ, въ виду огромныхъ издержекъ на армію для войны съ Галданомъ, просило у императора позволенія даже открыть пріемъ пожертвованій, за которыя выдавалось бы жертвователямъ — званіе студента (гунъ-цзянь), давались бы отпѣтки, прибавлялись и возвращались чины, жаловали бы въ награду титулы и права прежде другихъ опредѣляться на должность. Государь согласился на это представленіе и пріемъ пожертвованій, открытый еще въ 1691-мъ году, прекращенъ былъ только въ 3-й лунъ слѣдующаго года ⁴⁾. Сколько возможно предполагать, закрытіе это обуславливалось прежде всего поднятіемъ фонда казны: путемъ пожертвованій правительство собрало достаточное количество денегъ для того, чтобы не только поднять свою армію, но даже и организовать новые корпуса, въ числѣ которыхъ особенно замѣчателенъ былъ артиллерійскій (хо-ци-инъ), для котораго

Поясненія на стр. 81.

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ге. Цз. 4-я, л. 3-й.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 6

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 12.

⁴⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 32.

82. корейскій король приподнесъ китайцамъ 3000 ружей¹⁾. Съ другой стороны у маньчжуровъ въ это время уже совершенно выработался планъ употреблять свои войска только въ крайнихъ случаяхъ и при серьезномъ дѣлѣ, для рекогносцировокъ же и въ мелкихъ стычкахъ обходиться силами самихъ монголовъ. Съ этою цѣлью главную массу своихъ войскъ они расположили по великой стѣнѣ, а монголовъ отправляли въ степь, обучивъ ихъ предварительно военному дѣлу. Планъ этотъ совершенно явствуетъ изъ тѣхъ наказовъ, которые Канси раздавалъ своимъ военачальникамъ. Такимъ образомъ въ 1693-мъ году, отправляя Фэй-янь-гу въ Хуху-хото, онъ далъ ему высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Фэй-янь-гу! Тебѣ извѣстно, что городъ Хүхү хото представляетъ собою такой важный и необходимый постъ, который можетъ быть названъ пристанищемъ для всѣхъ монгольскихъ степей; оттого ты долженъ напередъ знать, что по прибытіи туда, тебѣ необходимо заблаговременно приготовить все, что могутъ потребовать степи. Ты знаешь также, что находящіеся тамъ теперь монгольскія и туметскія войска, численность которыхъ весьма значительна, не привыкли къ правильному военному строю, и не имѣютъ понятія ни о какихъ боевыхъ порядкахъ. Поэтому ты, какъ специально командированный главный генералъ, присоединивъ всѣ эти войска къ двумъ знаменамъ здѣшнихъ регулярныхъ войскъ, долженъ обучать ихъ всякаго рода военнымъ правиламъ, чтобы они были также искусны въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ и здѣшнія войска и чтобы оружіе ихъ, равно какъ и другія военныя потребности были бы также приведены въ полную исправность. Ты понимаешь, какъ велика можетъ быть въ свое время польза отъ этого обученія и какъ важно поэтому приготовить ихъ теперь такимъ образомъ?! При этомъ тебѣ необходимо усердно заботиться о томъ, чтобы искоренить въ войскахъ всѣ худыя привычки, побуждать всѣхъ къ хлѣбопашеству и содѣйствовать къ увеличенію

¹⁾ Ibid. Цз. 3, л. 32.—Ниже Шэнь-у-цзи сообщаетъ намъ, что за это пожертвованіе китайцы навсегда избавили корейскаго короля отъ ежегоднаго представленія дани, состоявшей въ золотѣ, кубовой краскѣ (?) краеномъ деревѣ, хлопчатой бумагѣ и разнаго рода тканяхъ.

запасовъ хлѣба. Никогда не забывай о необходимости разузнавать тайкомъ движенія непріятеля и какъ только узнаешь что нибудь важное, тотчасъ же доноси государю, но самъ не предпринимай ничего, а дожидайся указа. Во всемъ остальномъ распоряжайся съ совѣта вѣр-ренныхъ твоему начальству чиновниковъ; къ исполненію своихъ обязанностей не щади своихъ силъ съ вѣрнымъ и ревностнымъ сердцемъ. Старайся, чтобы достойнымъ образомъ прославить храбрость нашихъ войскъ и знай, что главная обязанность въ твоей должности состоитъ въ обученіи вышеозначенныхъ войскъ такъ, чтобы они ни въ чемъ не уступали войскамъ здѣшнимъ¹⁾.

Что касается образа дѣйствій Галдана, то они продолжали носить тотъ же характеръ двуличности какой видѣли мы въ его поступкахъ и прежде. Онъ по старому посылалъ свои посольства ко двору, то униженно прося Канси о помощи ему деньгами и намекая на свое подданство, то дерзко требуя отъ Канси выдачи ему халхасовъ²⁾, правъ — торговать чжунгарамъ въ Китаѣ и посылать посольства, въ которыхъ постоянно ограничивали его маньчжуры³⁾. Подробности всѣхъ сношеній этого рода читатели могутъ найти въ выпискахъ изъ китайской исторіи г. Леонтьева, изданныхъ въ 1777-мъ году подъ заглавіемъ „Увѣдомленіе о войнѣ, бывшей у китайцевъ съ зенгорцами“; но г. Липовцевъ, сообщая намъ объ официальныхъ актахъ сношеній Галдана съ маньчжурскимъ домоу, ничего не говоритъ о томъ, что дѣлалъ именно за это время Галданъ съ своими войсками, гдѣ онъ жилъ и каковы были его предпріятія. Изъ сообщеній же монгольскихъ и маньчжурскихъ историковъ ивствуется, что послѣ нападенія на хошунъ Гурушики въ 1691-мъ году, Галданъ снова отко-чевалъ въ западную Монголію и своимъ главнымъ мѣстопробываніемъ избралъ урочище Хунгуй-хатагунъ, а данники его занимали мѣста вплоть до р. Орхона и промышляли землепашествомъ. На этомъ же пространствѣ несомнѣнно разселились съ своими подданными и чжунгарскіе тайчи, сообщники Галдана, хотя точно мы знаемъ о мѣсто-

¹⁾ Варги амарги бабо яэчих. токтоб. Т. 13, л. 16.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4, л. 3-й.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 12.

82. Поясненія на стр. пребываніи только одного изъ нихъ, именно тайчжи Арабтана, который жилъ въ урочищѣ Цаганъ шэгунъ, между тѣмъ какъ родовичи его занимались хлѣбопашествомъ по р. Цзабхану¹⁾. Помимо этихъ мирныхъ занятій Галданъ время отъ времени предпринималъ еще разбойничьи набѣги то на югъ, то на сѣверъ, стараясь или путемъ грабежа, или путемъ хитростей увеличить свои жизненные и боевыя средства. Такимъ образомъ въ 5-й лунѣ 33-го года правленія Канси, т. е. въ 1694-мъ году, тотъ же Фэй-янь-гу доносилъ императору, что онъ получилъ извѣстіе, будто отъ Галдана ѣдутъ къ Канси на поклонъ и съ данью три ламы — Наманъ, Лакъ-балмо и Джама; когда же онъ Фэй-янь-гу, отправилъ свой военный отрядъ на встрѣчу къ этимъ посланцъ, то оказалось, что въ числѣ ихъ находится болѣе 500 человекъ войска и свыше 1000 чжунгаръ съ женами и дѣтьми. Получивъ этотъ докладъ, Канси приказалъ задержать упомянутыхъ чжунгарскихъ людей въ Хүхү хото впредь до новаго его указа и объявить имъ, что они не будутъ пропущены въ Пекинъ, такъ какъ маньчжуры вообще подозрѣваютъ чжунгаровъ въ шпіонствѣ. Отправляя такого рода отряды для нападеній и грабежей въ южной Монголіи, Галданъ самъ уже въ концѣ 1693 года началъ постоянно перекочевывать на пространствѣ между нынѣшними городами Кобдо и Улясутаеми, время отъ времени подвигаясь все болѣе и болѣе къ востоку. Въ этомъ движеніи онъ снова столкнулся съ хотохойтскимъ Гэндунъ-дайчиномъ, который теперь, избѣгая чжунгаръ, долженъ былъ перекочевать отъ р. Селенги на югъ, къ горамъ хангайскимъ. Здѣсь повидался съ нимъ и гонецъ, посланный маньчжурами, чтобы пригласить Гэндуна въ подданство. Возвратившись ко двору, гонецъ этотъ донесъ о перекочевкѣ Гэндуна и намѣреніи его принять подданство, за что и получилъ богатую награду²⁾. Вслѣдъ за нимъ и именно въ средней осенней лунѣ пришелъ ко двору съ изъявленіемъ своей покорности и самъ Гэндунъ-дайчинъ, маньчжуры приняли его съ радостію и, возведя въ званіе түрүинъ бейлэ, съ почетомъ возвратили его къ род-

¹⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 77, л. 8.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 5.

нымъ его кочевьямъ¹⁾. Это былъ послѣдній изъ халхаскихъ цзасаковъ, котораго маньчжуры считали за сильнаго, измѣны котораго они опасались теперь меньше и на котораго могли, пожалуй, даже и разсчитывать какъ на дѣятельнаго союзника. Оставалось слѣдовательно для полнаго успокоенія своихъ владѣній только повоевать Галдана и маньчжуры не замедлили приступить къ этому.

Въ 7-й лунѣ 33-го года правленія Канси императоръ далъ своимъ министрамъ слѣдующее предложеніе:

„Алиха амбань Бантай²⁾ доносилъ мнѣ, писалъ императоръ, что въ прошломъ году Галданъ двукратно, зимою и осенью подсылалъ своихъ людей къ кочевьямъ хотохойтскаго Гэндунъ-дайчина, чтобы развѣдать о состояніи его данниковъ, о мѣстоположеніи, занимаемыхъ ими кочевьевъ и что въ нынѣшнемъ году перекочевалъ онъ въ урочище Хүхэй-шотонъ, поближе къ Гэндунъ-дайчину. Гэндунъ-дайчинъ, видя что Галданъ приближается къ нему, принужденъ былъ удалиться отъ него, подвинуться на югъ и стать на р. Толѣ въ мѣстахъ, занимаемыхъ кочевьями Шибтуй-хатанъ-батура. Соображая всѣ эти обстоятельства, Алиха амбань Бантай полагаетъ, что эта перекочевка Галдана подозрительна, потому что ею ясно выражается намѣреніе Галдана сдѣлать нападеніе или на Гэндунъ-дайчина, или на халхасовъ. Такъ какъ настоящее время весьма удобно для нашей защиты и обороны, лошади наши всѣ откормились и стали бодрѣе, то я думаю послать на Галдана потребное число войскъ. И такъ повелѣваю я этимъ указомъ немедленно отправить нинъ-ся'скія и хуху-хото'скія войска и приказать имъ идти по р. Кэрулэну, за р. Толу къ урочищамъ Шибтуй хатанъ-батура и, остановившись здѣсь, развѣдать о Галданѣ, гдѣ онъ стоитъ и что дѣлаетъ. Когда же будетъ узно, что онъ дѣйствительно стоитъ неподалеку отъ р. Толы и что онъ дѣйствительно грабитъ халхасовъ, то выбравъ удобный случай, идти прямо на него Галдана. Если же Галданъ, не дождавшись наступленія нашихъ войскъ, уклонится отъ нихъ, въ такомъ случаѣ

¹⁾ Ibid. Т. 63, л. 6.

²⁾ Та самая личность, которую наша лѣтопись называетъ дэдъ-сайтъ (членъ совѣта министерства) Вадай.

83. преслѣдовать его, не давая ему возможности подкрѣпляться и стремясь къ полученію желанныхъ успѣховъ. Я думаю, что генералъ Чжоу-лянъ-дунъ человекъ весьма исправный и надежный въ военныхъ успѣхахъ и что ему достаточно будетъ и 200 нинъ-ся'скихъ пушкарей. Настоящія обстоятельства такъ благопріятствуютъ для этой войны, что не остается желать ничего лучшаго. Если мы не воспользуемся ими, то будемъ очень жалѣть впоследствии. И такъ дайте мнѣ свое мнѣніе находите ли вы полезнымъ мое предложеніе, или нѣтъ?" Министры отвѣчали полнымъ согласіемъ и на должность главнокомандующаго арміею представили трехъ кандидатовъ — Фэй-янъ-гу, Ланьтан'я и Хи-фэ; императоръ утвердилъ перваго¹⁾.

Такимъ образомъ военныя дѣйствія съ цѣлью окончательнаго истребленія мятежнаго Галдана рѣшено было у маньчжуровъ открытъ собственно въ 1694-мъ году и если такому опредѣленію не суждено было осуществиться, то это произошло съ одной стороны вслѣдствіе неурядицъ въ средѣ самихъ халхасовъ, а съ другой, и еще болѣе, потому что Галданъ въ это время постоянно уклонялся отъ рѣшительныхъ сраженій. Выше представленный текстъ императорскаго предложенія ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что къ 1694-му году дѣла маньчжуровъ и халхасовъ значительно поправились, матеріальное положеніе какъ тѣхъ такъ и другихъ улучшилось; но если первые думали воспользоваться своими силами, чтобы обезпечить себѣ мирное существованіе на будущее время; то вторые, въ совершенную противоположность имъ, не только не заботились объ искорененіи своего врага, а напротивъ предавались полному политическому бездѣйствію и, что еще хуже, возвратились къ своимъ безконечнымъ распрямъ. Въ самомъ дѣлѣ, Чжэбцзунъ-дамба, а вслѣдъ за нимъ конечно и шабинары, все это время, повидному, проводили въ томъ, что переѣзжали съ мѣста на мѣсто, стараясь о новомъ возсозданіи своей упавшей, конечно съ вѣшной стороны, вѣры. Знаки благосклоннаго вниманія императора къ хутухтѣ еще болѣе поддерживали значеніе его въ народѣ, также точно какъ возвышалась въ глазахъ народа и самая религія, которой

¹⁾ Варги агарги ба-бо цэцихэмэ токтобуха бодохон'и битхэ Т. 14, л. 5

покровительствовалъ императоръ. Въ долонъ-норскомъ монастырѣ быстро начали составляться аймаки халхаскихъ ламъ и самъ хутухта, по замѣчанію нашей лѣтописи, въ 1694-мъ году уже окончательно возсоорудилъ кумиры, подвергшіеся порчѣ во время военныхъ дѣйствій. Что касается князей и свѣтскихъ правителей халхаскихъ, то хотя Канси, въ виду разстроеннаго положенія ихъ данниковъ, и избавилъ ихъ отъ оффиціального приношенія ихъ дани на первые три года послѣ подданства¹⁾, тѣмъ не менѣе движимые честолюбіемъ и любовью ко всякаго рода торжествамъ, они даже и въ это льготное время по нѣскольку разъ въ годъ являлись ко двору съ представленіемъ своихъ подарковъ. Для примѣра мы возьмемъ хотя хошунъ тушѣту хана. Послѣ долонъ-норскаго сейма, окончившагося лѣтомъ 1691-го года, тушѣту ханъ явился ко двору вмѣстѣ съ четвертымъ своимъ сыномъ зимою того же года; въ 1692-мъ году онъ самъ представлялся къ императору осенью, а зимою отправлялъ своего седьмого сына; въ 1693-мъ году представленіе ко двору отъ тушѣту хана было даже три раза²⁾. Понятно, что всѣ эти представленія и сопряженные съ ними расходы тяжелымъ бременемъ ложились на народъ, хозяйственный бытъ котораго если и улучшился подъ вліяніемъ нѣсколькихъ мирныхъ лѣтъ, однако не настолько чтобы выносить на себѣ постоянные поборы князей и духовенства; волей неволей обираемая халхаская чернь обращалась къ грабежамъ другъ у друга и къ набѣгамъ на своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ почти въ то самое время, когда Канси рѣшился предпринять походъ на Галдана, на сѣверѣ Халхи подняли споръ за имущества дядя сэцэнъ хановскаго цзасака Цэбдэна—Ильдэнъ-тайчжи съ Цзамбала-цзамбо хутухтою. Цэбдэнъ схватилъ ихъ обоихъ, а маньчжуры послали было тушѣту хановскаго хэ-цзюнь-вана Гурушики уговаривать ихъ; но Цзамбала-цзамбо-хутухту вскорѣ умертвилъ своего врага вмѣстѣ съ сыномъ его Данринъ-вамбо. Цэбдэнъ долженъ былъ ѣхать въ Пекинъ и донести обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, послѣ чего маньчжуры нарядили въ Халху своего чиновника для произ-

Поясненія на стр. 83

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 12; Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 6.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 12 и Т. 45, л. 16.

88. водства слѣдствія. Цзамбала-цзамбо хутухту, боясь отвѣтственности, бѣжалъ было чтобы поддаться Ѡлѣтскому Галдану; но его схватили на дорогѣ и казнили въ Пекинѣ. Цэбдэнъ не пережилъ этихъ волненій своего аймака и умеръ, оставивъ хошунъ въ наслѣдство своему малолѣтнему сыну Ванцзалу; но едва только Ванцзалъ, хотя и номинально, вступилъ въ управленіе, какъ возмущились другіе данники его — баргуты, кочевавшіе по урочищамъ Холо-улхуй, къ сѣверу отъ Хинганскихъ горъ. Образовавъ шайки, баргуты дѣлали безпре- станные набѣги то въ ту, то въ другую сторону и производили грабежи, нападая какъ на окрестные хошуны, такъ и на своихъ же однохошунцевъ. Мать Ванцзала Боди-сукъ, бывшая опекуншею своего сына и дѣйствительною правительницею его хошуна, послала тайчжівъ Банцзур и Цэванъ-дорчи, чтобы захватить этихъ разбойниковъ, но посланные не могли справиться и оказались совершенно без- сильными въ сравненіи съ мятежными шайками. Нужно было опять доводить до высочайшаго свѣденія и только уже хара-муреньскій цзянь-цзюнь Субусу, по особому приказу отъ двора, смирилъ баргу- товъ¹⁾. Почти одновременно съ этими событіями сынъ Эрхэ-ахай'я (правитель одного изъ сэцэнъ хановскихъ хошунѡвъ) Шарабъ, явив- шись на высочайшую аудіенцію, принесъ жалобу на своего троюрод- наго брата Ханду въ томъ, что Ханду захватилъ его шарабовыхъ данниковъ, жившихъ въ урочищѣ Хорлатъ. Посланному изъ Пекина для производства слѣдствія чиновнику Ханду объяснилъ, что 'хор- латскихъ людей еще сэцэнъ ханъ Шолой выдалъ въ вѣчное владѣніе его ханду'еву дѣду Гарма, и что объ этомъ знаетъ даже и Чжэбц- зунъ-дамба-хутухта. Чжэбцзунъ-дамба-хутухта однако утверждалъ, что они были отданы Эрхэ ахай'ю и когда фактъ этотъ былъ засви- дѣтельствованъ еще и опекуномъ сэцэнъ хановскаго аймака, хэцзюнь ваномъ Намчжил'омъ, то дѣло совершенно выяснилось. Данниковъ Эрхэ ахай'я возвратили по принадлежности этому послѣднему и, чтобы уменьшить смуты, отчислили ихъ отъ хошуна хандуева и при- соединили къ хошуну Намчжила. Ханду однако не успокоился и те-

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 3—4.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 4-й.

перь уже не одна корысть, но и жажда мести побуждала его къ постояннымъ набѣгамъ на владѣнія Эрхэ ахай'я ¹⁾.

Такого рода смуты въ халхаскихъ общинахъ, являвшіяся какъ результатъ бѣдности халхасовъ, въ свою очередь обусловливаемой несоразмѣрностью расходовъ халхаскихъ правителей съ доходами ихъ данниковъ, невольно должны были задерживать маньчжуровъ въ военномъ движеніи на Галдана. Вотъ почему даже совершенно приготовившись къ войнѣ, Канси все таки не хотѣлъ начинать ее: онъ еще разъ попробовалъ было добиться мирнаго окончанія чжунгаро-халхаскаго дѣла и въ томъ же 1694 году, когда издалъ указъ о походѣ на Галдана, отправилъ къ нему грамоту, приглашая его на свиданіе для заключенія трактата. Галданъ снова и уже въ послѣдній разъ уклонился отъ этого предложенія: онъ отвѣчалъ, что „дорога далека, что травы повисохли, что и самъ онъ наконецъ терпитъ недостатокъ въ провіантѣ и потому совершенно не можетъ явиться къ маньчжурамъ“ ²⁾. Вслѣдъ за этимъ отказомъ онъ выступилъ на халхасовъ, чтобы ограбить ихъ, а письмомъ къ маньчжурскому двору еще настоятельнѣе требовалъ выдачи тушѣту хана и Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. Фактъ убійства маньчжурскаго посланника ³⁾ окончательно убѣдилъ дайциновъ въ невозможности мира съ Галданомъ и съ наступленіемъ слѣдующаго 1695 года они рѣшили выдти противъ него войсками.

Галданъ однако предупредилъ въ своемъ движеніи маньчжуровъ. Лѣтомъ 1695-го года онъ снова, предводительствуя 30-ю тысячами конницы, двинулся изъ западныхъ степей халхаскихъ и, вторгнувшись въ восточную Халху, шелъ по Кэрулану до урочища Баянь уланъ ⁴⁾. Жотохойтскій цзасакъ Гэндунъ, посланный для наблюденія за движеніями Галдана, быстрыми переходами послѣдняго былъ отрѣзанъ отъ сообщенія съ маньчжурами и, запертый на сѣверѣ, долженъ былъ

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 58, л. 7.

²⁾ Сайн. ноин. айм. шаст. Т. 78, л. 3.

³⁾ Въ то время сынъ старшаго брата галданова — Цэванъ-рабтанъ, пригнанный Галданомъ, отпривилъ къ маньчжурамъ свое посольство съ данью, а маньчжуры съ своей стороны отправили къ нему посланника; этотъ то посланникъ и былъ убитъ Галданомъ. — Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 32.

⁴⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 32-й.

84. Поясненія на стр. перекочевать сначала на р. Селенгу, а потомъ переселиться на Чискибъ¹⁾, не имѣя никакой возможности подать маньчжурамъ вѣсть о походѣ непріятеля. Вообще движенія Галдана на этотъ разъ были такъ быстры, что маньчжуры не успѣли и опомниться, какъ онъ былъ уже на Кэрулэнтъ. Первую вѣсть о нападеніи Галдана на Халху принесъ, кажется, цзасакту хановскій цзасакъ Урцзанъ, кочевавшій неподалеку отъ границъ маоминганьскихъ²⁾. Маньчжуры встрепнулись: тѣмъ изъ халхасовъ, которые кочевали на границахъ Халхи и южныхъ хошуновъ, они приказали оставаться на своихъ мѣстахъ, но немедленно же подослали къ нимъ оберегательныя войска; такимъ образомъ охранять хошунъ Гурушики, кочевавшій въ то время въ восточныхъ окрестностяхъ сунитскаго аймака, откомандированъ былъ съ войсками адъютантъ Ананда³⁾; самъ тушѣту ханъ и Чжэбцунъ-дамба, по сказаніямъ нашей лѣтописи, должны были оставить Ару элэсугу и подвигнуться нѣсколько къ сѣверу, ибо въ срединѣ ихъ кочевьевъ и по всѣмъ окрестнымъ урочищамъ сунитскимъ расположены были, какъ мы увидимъ ниже, боевыя силы маньчжуровъ. Что касается тѣхъ изъ халхаскихъ хошуновъ, которые жили на сѣверѣ, въ земляхъ собственной Халхи, то имъ приказано было тотчасъ же перекочевать на югъ, въ земли внутреннихъ цзасакъ и подъ защиту маньчжурскихъ войскъ; при чемъ одни изъ халхасовъ безпрекословно повиновались этому распоряженію (каковы наприм. данники сайнъ нояновскаго аймака⁴⁾), а у другихъ оно породило собою большую смуту. Изъ вышепредставленнаго очерка тогдашняго разселенія халхасовъ мы знаемъ, что въ Халхѣ тѣмъ временемъ проживала большая часть цзасакъ сѣцэнъ хановскаго аймака. Маньчжуры посылая свой приказъ о перекочевкѣ, отправили его не каждому изъ этихъ цзасакъ отдѣльно, а одному только хэцзюнь вану Намчжилу, какъ опекуну малолѣтнаго сѣцэнъ хана и начальнику его аймачнаго сейма. Намчжилъ, получивъ грамоту маньчжурскаго министерства, тотчасъ же командировалъ сына своего

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 5.

²⁾ Ibid. Т. 66, л. 8-й.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 5.

⁴⁾ Сайн ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 12.

Ванцзала въ сопровожденіи чиновника Инцзана по отдѣльнымъ хошунамъ для передачи высочайшаго повелѣнія. Когда эти посланцы прибыли въ урочище Хара-хучжиръ и передали приказаніе извѣстному уже намъ своимъ смутами цзасаку Ханду, послѣдній, опасаясь, что его будутъ судить за притѣсненія, сдѣланныя Шарабу, не принявъ указа и задумавъ бѣжать къ русскимъ¹⁾. Чтобы на возможно большій срокъ скрыть вѣсти о своемъ побѣгѣ, Ханду захватилъ привезшаго ему приказъ Инцзана, но Ванцзалъ успѣлъ ускакать и донесъ обо всемъ случившемся Намчжилу²⁾. Ханду между тѣмъ, не теряя времени, собирался въ походъ и, увеличивая число своихъ сообщниковъ, принудилъ къ тому же побѣгу въ Россію еще тайчи Цамбала съ его данниками, а равно началъ переговоры о побѣгѣ съ братомъ цзасака Цэдэна, хотя послѣдній не только не послушался Ханду, но еще уговаривалъ его оставить свое намѣреніе и въ концѣ концовъ послалъ сына своего Тобу извѣстить обо всемъ Намчжила³⁾. Получивъ такимъ образомъ двукратное заявленіе о замыслахъ Ханду, Намчжилъ, въ сообществѣ съ чиновниками Абидою и Бэсыхэ, отъ р. Халхи отправился въ преслѣдованіе за Ханду и захватилъ множество изъ его данниковъ⁴⁾. Впрочемъ, погоня за бѣглецами начата была и прежде Намчжила старшимъ братомъ Ханду тайчию Цэдэномъ и бэйсэ Пунцукомъ, къ хошуну котораго принадлежалъ захваченный мятежнымъ Ханду чиновникъ Инцзана. Эти два князя, преслѣдуя Ханду, разбили его при урочищѣ Хулацзи, захватили жену и дѣтей Ханду, но самаго его не могли поймать, такъ какъ онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Весьма вѣроятно однако, что если бы Пунцукъ и Цэдэнъ продолжали свое преслѣдованіе, то Ханду былъ бы въ ихъ рукахъ; но, какъ видно, оба эти князя были весьма не дальновидны. Прослышавъ, что Намчжилъ также точно гонится за Ханду, они задумали соединить съ нимъ свои отряды и потому отъ урочища Хулацзи пошли на встрѣчу къ Намчжилу на Уршунъ-голъ⁵⁾. Такимъ образомъ Ханду получилъ время еще болѣе

Поясненія на стр. 84.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 7.

²⁾ Ibid. Т. 55, л. 4.

³⁾ Ibid. Т. 58, л. 9.

⁴⁾ Ibid. Т. 55, л. 4.

⁵⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 55, л. 12.

84. приближаться къ предѣламъ Россіи и когда отряды преслѣдователей дѣйствительно соединились, то дальнѣйшее движеніе на Ханду съ войсками было признано уже бесполезнымъ, а рѣшено было послать къ нему только гонцовъ съ увѣщаніями. Гонцы эти однако также точно не достигли своей цѣли, такъ какъ путь ихъ былъ загражденъ снѣгами, препятствовавшими быстротѣ движеній. Тогда Намчжилъ изъ урочища Галбари отправилъ новыхъ пословъ, увѣщавая тайчжи Цзамбала схватить Ханду и представить его. Цзамбала былъ не въ силахъ исполнить этого порученія, но самъ безпрекословно возвратился назадъ. Что касается Ханду, то онъ отъ р. Борци перешелъ въ русскіе предѣлы и когда русскіе не приняли его, то съ 500-ми своихъ данниковъ перекочевалъ на Ононъ, въ урочище Йэхэ аралъ. Нѣсколько времени спустя русскіе захватили и выдали его маньчжурамъ которые немедленно же и казнили этого мятежнаго цзасака¹⁾.

Галданъ между тѣмъ давно уже прибылъ въ Баянь-уланъ и разграблялъ здѣсь монголо-халхаскія кочевья. Не довольствуясь затѣмъ одними опустошительными грабежами и желая привлечь къ себѣ какъ можно больше союзниковъ, онъ разсылалъ по различнымъ хошунамъ своихъ гонцовъ, приглашая халхаскихъ цзасаковъ и родоправительныхъ тайчжиевъ переходить на его сторону. Нѣкоторые, увлекаемые успѣхами Галдана, дѣйствительно соглашались на его предложеніе, таковымъ былъ напримѣръ принадлежавшій къ хошуну цзасака Ваньшукъ тайчжи Битуда, который вздумалъ было перейти на сторону Галдана и уже отправился къ нему съ своимъ родомъ изъ урочища Хүсэнь-тарна; но хэцзюнь ванъ Шамба (владѣтель сайнъ нояновскаго аймака) командировалъ въ погоню за нимъ своего чиновника Шачжина и послѣдній возвратилъ бѣглецовъ вмѣстѣ съ ихъ родовымъ главою²⁾. На другихъ измѣнническихъ увѣщанія Галдана дѣйствовали совершенно обратно и буквально вооружали противъ него тѣхъ, которыхъ думалъ онъ къ себѣ приблизить. Такимъ образомъ изъ сказаній Илэтхэлъ шастры мы видимъ, что Галданъ несомнѣнно съ подобнаго же рода цѣлью отправлялъ письменное предложеніе къ Намчжилъ-тойну.

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 5, 6.

²⁾ Сайн ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 18.

брату Шибтуй-хатанъ-батурса, хотя въ письмѣ этомъ неопредѣленно приглашалъ только Намчжилъ тойна придти на свиданіе. Намчжилъ тойнъ съ негодованіемъ отвергъ и это предложеніе: онъ поспѣшилъ отправиться вслѣдъ за своимъ братомъ на сѣверную сторону хинганскихъ горъ и так. обр. уклонился отъ свирѣпыхъ войскъ галдановыхъ ¹⁾.

Это было въ 8-й лунѣ 1695-го года, когда Фэй-инъ-гу уже выступилъ изъ Хүхү хото и стоялъ съ своими войсками на границахъ сунитскаго аймака ²⁾. Высочайшимъ указомъ Шибтуй-хатанъ-батурса немедленно повелѣвалось перекочевать къ границамъ хуху хотоскимъ; но данники его, привязавшись къ роднымъ кочевьямъ, не хотѣли переселяться и потому Галданъ, преслѣдуя ихъ на сѣверѣ Хингана, напалъ на нихъ и подвергъ ихъ новому разграбленію ³⁾. Когда слухи объ этомъ дошли до Пекина, маньчжуръ страшно были возмущены противъ этихъ несчастныхъ халхасовъ и конечно не столько потому что разграбленіе ихъ должно было отозваться матеріальнымъ убыткомъ для самихъ маньчжуровъ, сколько потому что своимъ непослушаніемъ они завлекли Галдана на сѣверъ и отдалили его отъ мѣстъ, гдѣ маньчжуръ уже приготовили свои войска. Чтобы воротить Галдана на югъ, императоръ рѣшился теперь употребить хитрость. Онъ поручилъ дэдъ-сайть Шара'ю отправить къ Галдану письмо отъ имени Шачжина, т. е. того самаго хорчинскаго цинь-вана, который, какъ мы видѣли, еще въ 1690-мъ году заводилъ было сношенія съ Галданомъ; съ письмомъ этимъ былъ посланъ тотъ же самый чиновникъ Шачжина — Очиръ, содержаніемъ же своимъ письмо приглашало Галдана на югъ, обѣщая дѣятельное содѣйствіе противъ маньчжуровъ со стороны хорчинскаго аймака ⁴⁾. Исторія ничего не говоритъ намъ о томъ, что стало съ этимъ посломъ, не извѣстно даже возвратился ли онъ съ отвѣтомъ; но несомнѣнно, что маньчжуръ черезъ чуръ уже пересаливали съ этими посольствами: на ряду съ квазі-перебѣжчиками изъ халхасовъ они подсылали къ Галдану и своихъ

Поясненія на стр. 241

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 14.

²⁾ Варги амарги ба-бо нэцихэмэ токтобуха бодохони битхэ. Д. 16, л. 22.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50.

⁴⁾ Илэтхэлъ шастиръ. Т. 17, л. 24.

84. китайцевъ, такъ что хитрость ихъ безъ сомнѣнія была въ концѣ концовъ узнана Галданомъ: намъ достоверно извѣстно, что одного изъ такихъ пословъ онъ отправилъ пѣшкомъ назадъ, а самъ, оставаясь по старому въ Баянь-уланъ, распускалъ слухъ, что занялъ у русскихъ 60000 ружей, съ которыми и намѣренъ вторгнуться въ Китай. Китайцы замѣчаютъ по этому случаю, что такъ какъ прежнее пораженіе Галдана произошло главнымъ образомъ оттого, что императорскія войска были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ которымъ Галданъ не могъ тягаться, то онъ и разславлялъ теперь, будто занялъ у европейцевъ огнестрѣльное оружіе, чтобы возвысить значеніе своего войска; — въ дѣйствительности же, русскіе въ то время вовсе не имѣли намѣренія поддерживать вторженіе¹⁾. Въ русскихъ историческихъ памятникахъ мы не находимъ ничего ни за, ни противъ этого замѣчанія; намъ не извѣстно даже, обращался ли дѣйствительно Галданъ въ это время съ просьбою о какой либо помощи къ Россіи; но во всякомъ случаѣ онъ не рѣшился въ этомъ году идти въ Китай и съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ предпринялъ обратный путь въ западную Монголію. Въ 9-й лунѣ Фэй-янь-гу доносилъ уже императору о Галданѣ, что мятежный владыка чжунгарскихъ поколѣній послѣ сдѣланнаго разбойническаго набѣга на халхасовъ, ударился бѣжать внизъ по р. Толѣ къ Хүхэнэ-тарна'скому урочищу и такъ какъ изъ этого направленія пути было ясно, что Галданъ уже не пойдетъ на югъ, то войска, стоявшія на границахъ Халхи и кочевьевъ внутреннихъ монголовъ, приказано было возвратитъ назадъ и держать ихъ на хорошемъ корму. Къ цзянь-цзюнямъ мукдёнскому, уласкому и амурскому, а равно и къ хорчиньскимъ монголамъ послано было приказаніе, чтобы они не принимали новыхъ военныхъ приготовленій; наконецъ самъ Фэй-янь-гу также точно получилъ приказаніе возвратиться на свой старый постъ въ Хүхү-хото съ тѣмъ однако, чтобы постоянно быть готовымъ къ новому выступленію въ Монголію²⁾. Что касается халхасовъ, то единственный изъ цзасаковъ, особенно замѣшавшихся въ это дѣло —

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3, л. 32.

²⁾ Варги амарги ба-бо нэцхэмэ токтобуха бодохони битхэ. Д. 16, л. 27.

Шибтуй-хатанъ-батуръ въ то же время получилъ прощеніе за сдѣланное имъ ослушаніе; перекочевка его въ границы владѣній внутреннихъ монголовъ была отложена и для кочевьевъ ему были указаны мѣста по р. Селенгѣ, гдѣ такъ недавно жили еще данники хотохойтскаго Гэндунъ-дайчина ¹⁾.

Не смотря на неудачу 1695-го года, маньчжуры не покидали намеренія истребить Галдана хотя бы въ слѣдующемъ 1696-мъ году и потому, немедленно по возвращеніи войскъ на зимовку, начали готовиться къ новому походу и нападеніямъ. Въ 11-й лунѣ того же 1695-го года великій цзюнь цзюнь Фэй-янь-гу писалъ къ императору, что онъ намѣренъ поставить дивизіоннаго генерала города Нинъ-ся съ 1500 солдатъ къ сѣверу отъ Хүхү хото въ урочищѣ Элэсутай, а самъ съ такимъ же числомъ воиновъ стать въ урочищѣ Аршату-суму-хада, халхаскія же войска выѣстѣ съ асхани амбанемъ Мамшіемъ расположить между этими мѣстами. Такимъ путемъ, говорилъ Фэй-янь-гу, будетъ легче и удобнѣе пріобрѣтать всякія извѣстія о непріятелѣ ²⁾. Что касается болѣе западныхъ мѣстъ въ параллели улясутайской и хобдоской провинцій, то здѣсь для дозора за движеніями чжунгаровъ были разставлены халхасы сайнъ нояновскаго аймака и самъ правитель ихъ Шамба имѣлъ главный лагерь свой въ урочищѣ Хурѣнь-бальчиръ ³⁾. Въ томъ же 11-мъ мѣсяцѣ Фэй-янь-гу получилъ и нѣкоторыя распоряженія относительно похода на слѣдующій годъ: солдатамъ приказано было выдать въ провіантъ пшено на 50-ть дней ⁴⁾, пекинскія войска, назначенныя въ армію западной дороги, должны были выступить изъ Пекина въ Хүхү хото въ 12-й лунѣ ⁵⁾, наконецъ недостающее число лошадей и нѣкоторое число солдатъ, знающихъ мѣстности и дороги, приказано было Фэй-янь-гу взять изъ княжескихъ домовъ халхаскихъ ⁶⁾. Выступленіе въ походъ было назначено во 2-й лунѣ слѣдующаго 1696-го года.

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л.

²⁾ Варги амарги ба-бо нэц. токт. бодох. бит. Д. 17, л. 13.

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 19.

⁴⁾ Варги амарги ба-бо нэцх. токт. бодох. б. Д. 17, л. 19.

⁵⁾ Ibid. Д. 17, л. 19.

⁶⁾ Ibid. Д. 17, л. 19.

Съ наступленіемъ весны 1696-го года императоръ снова принесъ жертву предъ выступленіемъ въ походъ и опредѣлилъ оставаться въ столицѣ наслѣдному принцу (хуанъ-тай-цзы); цзянь-цзюню Субусу привазано было выступить по восточной дорогѣ съ войсками изъ Маньчжуріи, чтобы преградить непріятелю движеніе въ эту сторону; великій главнокомандующій (да цзянь-цзюнь) Фэй-янь-гу и чжэнь-ву-цзянь-цзюнь Сунь-сы-кэ должны были выступить по западной дорогѣ изъ Нинъ-ся съ войсками провинцій Шанси и Гань-су, чтобы дѣйствовать при отступленіи непріятеля; самъ императоръ, предводительствуя гвардіей, выступилъ изъ Ду-ши-коу по средней дорогѣ. Условлено было, что всѣ эти арміи, прибывъ одновременно на сѣверъ Хангаи, нападутъ на Галдана со всѣхъ сторонъ. Такъ какъ въ песчаныхъ степяхъ (Ша-цзи) не удобно проѣзжать на колесахъ, то большія пушки были оставлены, а взяты съ собой картечницы, которыя можно было вьючить на верблюдахъ (цзы-му-пао)¹⁾. Помимо сего впереди каждой арміи отправлены были разведочныя отряды, обязанностью которыхъ было отыскивать и раскапывать колодцы; въ этомъ дѣлѣ особенно отличился лама Шанна-дорджи, получившій впоследствии за услуги по нахожденію колодцевъ особенныя милости отъ императора; наконецъ императоръ неоднократно разсылалъ свои указы по войскамъ всѣхъ армій о томъ, чтобы во время нападеній на непріятеля, военачальники были бы крайне осторожны и разсматривали враговъ, чтобы по ошибкѣ вмѣсто блотовъ не напасть на халхасовъ²⁾. При таковыхъ наказахъ войска выступили съ своихъ зимовокъ и въ 3-й лунѣ великій главнокомандующій Фэй-янь-гу доносилъ, что 13-го числа этой луны онъ и генералъ Шу-шу съ войсками прибыли къ пограничнымъ китайскимъ карауламъ и что 15-го числа выступаютъ за границу онъ Фэй-янь-гу по восточной, а генералъ Шу-шу по западной дорогамъ. Станціи свои они расположили такъ, чтобы 3-го числа 4-й луны прибыть къ Онгину, 24-го числа прибыть къ р. Толѣ, а 27-го къ Баянь-улань³⁾.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цзянь 8-я, л. 32—33.

²⁾ Варги амарги ба-бо изд. ток. бодох. б. Д. 20, л. 23—24.

³⁾ Ibid. Д. 21, л. 51-й.

Что касается императорской армии, то она, какъ уже было сказано выше, выступила изъ Ду-ши-коу. Съ выходомъ ея въ степь, всякій разъ, когда разбивали лагерь, императоръ самъ высказывалъ заботливость о солдатахъ, осматривалъ воду и траву, во все время похода по Хангаю, по словамъ лѣтописцевъ, ключи выходили изъ земли и трава родилась въ изобиліи¹⁾. Китайцы все это приписывали могущественной силѣ своего императора и были совершенно увѣрены въ побѣдѣ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ Канси и халхаскіе нойны, но императоръ рѣдко принималъ ихъ и старался отдалять ихъ отъ своей армии отчасти въ силу опасенія, чтобы они своею трусливостію не вліяли на солдатъ, а отчасти, и можетъ быть даже еще болѣе, потому, что всѣ они были крайне бѣдны и своими силами, и своимъ вооруженіемъ. Только сѣцэнъ хановскій цзасакъ Пунсукъ, вмѣстѣ со вторымъ сыномъ своимъ Гунга-сампиломъ и адъютантомъ Моцахара, какъ опытные предводители, почти все время состояли при армии²⁾ и во время похода Пунсукъ получилъ даже награду отъ императора, которая состояла изъ одежды, украшенной изображеніями драконовъ, холщевой палатки, юрты, верблюдовъ и лошадей³⁾; большинство же другихъ халхаскихъ правителей было отправляемо Канси, или впередъ армии для развѣдокъ о Галданѣ, или же куда либо въ сторону. Такимъ образомъ исторія прямо сохранила намъ фактъ, что когда тушѣту хановскій цзасакъ Цэрэнъ-чжабъ явился съ своими войсками въ походный императорскій лагерь и просилъ позволенія отправиться въ походъ, то императоръ отвѣчалъ, что по причинѣ слабости силъ его Цэрэнъ-чжаба, онъ не можетъ взять его въ ряды своей армии; а какъ въ Хангаѣ паслись въ то время походные табуны лошадей, то отправилъ его для охраны этихъ табуновъ⁴⁾. Только впоследствии, когда армія прибыла уже на Кёрулэнъ, халхаскіе князья начали присоединяться къ войскамъ маньчжуровъ; до начала же столкновений съ Галданомъ и при походѣ чрезъ степи императоръ, повторяю снова, бралъ изъ халхасовъ

Поясненія на стр.

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 33.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-ю-ге. Цз. 4, л. 8.

³⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 55, л. 15.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 4.

81. только проводниковъ¹⁾. Въ 5-й лунѣ-отъ Кэту императорская армія дошла уже до предѣловъ непріятельскихъ, но войска восточной дороги еще не являлись; изъ западной арміи было также получено донесеніе, что непріятель выжегъ травы и войско должно было сворачивать съ дороги, чтобы откормить лошадей, — подвозы провіанта замедлились отъ дождей. Пробывъ въ пути 70 слишкомъ дней, солдаты и лошади пришли въ изнуреніе отъ голоду и усталости, а потому отрядные начальники просили императора замедлить движеніе войска въ ожиданіи арій другихъ дорогъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть, что русскіе помогаютъ чжунгарамъ войсками; тогда канцлеръ Исанга сталъ усиленно просить императора возвратиться назадъ. Императоръ съ гнѣвомъ отвѣчалъ: „я принесъ жертву небу и землѣ и въ храмѣ предковъ объявилъ о походѣ противъ непріятеля; какъ же теперь покажусь я вселенной, возвратившись и не выдавъ своихъ враговъ?! Сверхъ того, если наша армія отступить, то непріятель всѣми силами напустится на войска западной дороги, которыя не подвергнутся ли въ такомъ случаѣ опасности?“ Послѣ этого войска снова и быстрыми движеніями направились къ Хэрулэну²⁾.

Галданъ въ это время стоялъ уже на сѣверной сторонѣ Хэрулэна. По подложному письму Шачжина, которое получилъ онъ чрезъ Очира еще въ прошломъ году, Галданъ предполагалъ, что всѣ десять хорчинскихъ хошуновъ сдѣлались его сообщниками и рассчитывалъ на ихъ помощь³⁾. Весьма вѣроятно, что эти расчеты и были главною причиною его гибели, ибо они побуждали его во 1-хъ болѣе поверхностно относиться къ дѣлу своего приготовленія, а во 2-хъ предполагать не существовавшую въ дѣйствительности слабость враговъ.

По прибытіи императорской арміи на Хэрулэнъ, къ ней стали набираться халхаскіе цзасаки. Прежде всѣхъ явился тушѣту хановскій бэйлэ Шидашири⁴⁾, за нимъ сѣцэнъ хановскіе: хэцзюнь ванъ

¹⁾ Ibid. Т. 48, л. 3-й; сѣц. хан. айм. шастр. Т. 54, л. 9-й.

²⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 83.

³⁾ Илэтх. шаст. Т. 17, л. 34; Ibid. Т. 19, л. 7.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л.

Намчжилъ¹⁾, бэйсэ Пунцукъ²⁾, самъ сэцэнь ханъ Умухэй³⁾ и многіе другіе. Канси принималъ ихъ не включая въ ряды своей арміи, но рассчитывая употреблять на мелкія работы. Императоръ собственноручно нарисовалъ планъ расположенія войскъ и сдѣлалъ всѣ предначертанія. Относительно самаго образа веденія военныхъ дѣйствій сопровождавшіе Канси князья и вельможи говорили различно: одни совѣтовали подождать пока подойдутъ войска западной дороги, чтобы сдѣлать нападеніе соединенными силами; другіе предлагали, бросившись впередъ сдѣлать нечаянное нападеніе; иные говорили, что надобно напередъ отправить посланника къ Галдану, дабы извѣстить его о личномъ прибытіи императора и потомъ воспользоваться замѣшательствомъ и испугомъ враговъ при этомъ извѣстіи. Императоръ приказалъ совѣщаться объ этомъ своимъ сыновьямъ и всѣ рѣшились на отправленіе посланника. Въ это самое время одинъ изъ военачальниковъ галдановскихъ войскъ Даньцзила съ отрядомъ въ 1000 слишкомъ всадниковъ выступилъ отъ р. Хэрулэна, чтобы напасть на маньчжурскіе авангарды и отбить у нихъ лошадей;—на этой то дорогѣ и повстрѣчалъ онъ посланнаго гонца маньчжуровъ. „Что вы безчинствуете? началъ съ упрекомъ свою рѣчь къ Даньцзилѣ посланникъ. Его богдоханское величество самъ пришелъ сюда, собравши войска; великій цзянь цзюнь западной дороги Фэй-янь-гу также точно дошелъ уже до рѣкъ Орхона и Толы“. Даньцзила съ очевиднымъ замѣшательствомъ принялъ вѣсть о приходѣ императора и тотчасъ же поскакалъ къ Галдану доложить ему объ этомъ⁴⁾; но послѣдній, говорятъ китайцы, даже получивъ увѣдомленіе отъ своего вѣрнаго союзника, все еще не хотѣлъ допустить мысли о личномъ присутствіи императора въ лагерь. Только когда взомелъ онъ на сѣверную гору Мэнналянь и увидалъ издали императорскій лагерь съ желтыми палатками и драконовыми знаменами, увидалъ его окруженный стѣнами изъ занавѣсокъ (мань-чэнь), за которыми далѣе еще

1) Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 9.

2) Ibid. Т. 55, л. 15.

3) Ibid. Т. 53, л. 13.

4) Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 78, л. 4.

да слѣдоваль городъ изъ палатокъ (ванъ-чэнь), когда увидалъ онъ наконецъ, что армія представляетъ собою видъ стоящей неподвижно горы, то тутъ то онъ ужаснулся и, снявши лагерь, ночью бѣжалъ. На слѣдующій день, когда маньчжурское войско подошло къ рѣкѣ, то на сѣверномъ берегу ея не было уже ни одной юрты.

Рѣка Хэрүлэнъ составляла въ то время границу между внутренними и внѣшними монголами и императоръ сначала полагалъ, что не-приятель непременно дастъ сраженіе у этой рѣки, чтобы не допустить маньчжуровъ войти въ халхаскіе предѣлы, оттого и приказалъ войскамъ выступить по двумъ дорогамъ (восточной и западной), чтобы ударить на Галдана спереди и съ тыла. Теперь увидавъ, что Галданъ потерялъ мужество, императоръ приказалъ генералъ-адъютанту (кит. линъ-ши-вэй-нэй-да чэнь; маньчжурск. гочика амбань) Масыха дѣлать обыски въ окрестностяхъ Баянь-улань, а самъ съ авангардомъ устремился въ догонку¹⁾. Вмѣстѣ съ Масыха отправились сѣцэнъ хановскіе: хэцзюнь ванъ Намчилъ и бэйсэ Пунцукъ; они должны были заманить Галдана къ подножію горы Баръ-тайга²⁾; впрочемъ имъ не только не удалось исполнить это порученіе, а даже и догнать Галдана³⁾. Сѣцэнъ ханъ Умухэй сопровождалъ императору, но послѣдній, дойдя въ три дня до горы Тоно, опять таки долженъ былъ возвратиться въ свой лагерь, не догнавши Галдана. На этомъ обратномъ пути Канси посадилъ Умухэя на кочевье въ урочищѣ Ундуръ добо, которое находится къ сѣверу отъ Хэрүлэна и къ востоку отъ мѣстности Баянь-улань⁴⁾, — этимъ и окончилась военная дѣятельность Умухэя. Прибывъ въ лагерь, императоръ приказалъ вельможѣ Минъ-чжу отправить весь провіантъ средней дороги на вспомошествованіе западной арміи⁵⁾.

Галданъ между тѣмъ отъ р. Хэрүлэна бѣжалъ пять дней и пять ночей; по дорогѣ онъ хотѣлъ дать сраженіе у горы Тоно, но войска его бѣжали не останавливаясь и теряя по дорогѣ стариковъ, слабыхъ,

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 33—34.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-ло-ле. Цз. 4-я, л. 8-й.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л.

⁴⁾ Сѣц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 9.

⁵⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 8-я, л. 34.

обозъ и напитки (цзянь-хунь?) безъ счету¹⁾. Генераль Масыха, дошедши до урочища Баянь-улань, какъ мы уже видѣли, не могъ догнать непріятеля; но за всѣмъ тѣмъ, возвратившись въ императорскій лагерь, онъ первый имѣлъ счастье принести государю слухи о побѣдѣ, одержанной маньчжурами надъ Галданомъ. Дѣло въ томъ, что на обратномъ пути своемъ Масыха захватилъ одного ѳлота, по имени Бунди, который передался маньчжурамъ и сообщилъ, что Галданъ при р. Тэрельчи, разбитъ на голову арміею Фэй-янь-гу, почему онъ Бунди и бѣжалъ къ маньчжурамъ²⁾. Вслѣдъ за симъ было получено и официальное извѣстіе о побѣдѣ, обстоятельства которой представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Поясненіе на стр. 81.

13-го числа 5-й луны, когда армія западной дороги подходила къ урочищу Цзу модо, главнокомандующій ея Фэй-янь-гу получилъ извѣстіе отъ своихъ лазутчиковъ, что у тэрельчинскихъ буераковъ показались ѳлотскія войска. Фэй-янь-гу тотчасъ же отправилъ туда легкіе авангардные отряды (габшихянь) съ тѣмъ, чтобы перестрѣлкою и отступленіями они заманивали ѳлотовъ поближе къ урочищу Цзу модо, т. е. къ тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда минскій Чэнь-цзунъ (Юнь-ло) разбилъ Арутая. Урочище это находится къ югу отъ Гэнтэйскихъ горъ, на сѣверѣ отъ р. Толы, и къ востоку отъ горы Хань-шань (Хань-ѳла, близъ Урги или Да курѣня); по описанію китайцевъ, здѣсь „залегаеъ ровная степь, обильная водой и травой, сюда смотритъ высокій хребетъ, возвышающійся какъ щитъ на 1000 сажень, и съ самыхъ древнихъ временъ это мѣсто было полемъ сраженій на сѣверѣ Шамо“. Авангарды исполнили свое дѣло и заманили врага. Непріятельскаго войска пришло всего до 10 тысячъ, но это были солдаты, закоренѣлые въ битвахъ, маньчжурскія же войска, какъ говоритъ Шэнь-у-цзи, были изнурены голодомъ и утомлены; лошадей у нихъ пало до половины и большая часть солдатъ шла пѣшкомъ. Фэй-янь-гу рѣшилъ, что такъ какъ у лошадей нѣтъ силъ чтобы скакать въ нападеніе, то лучше изъ гостей сдѣлаться хозяе-

¹⁾ Ibid. Цз. 3, л. 34.

²⁾ Варги амарги ба-бо нѣцхѣмо токтобуха бодохони битхе. Д. 24, л. 47.

84. вами, лучше отдохнуть въ ожиданіи трудовъ и потому первоначально остановился лагерь въ 30 ли отъ непріятеля. Тутъ была небольшая гора, съ трехъ сторонъ окруженная рѣкой и деревьями, лѣсъ былъ такъ густъ, что въ немъ удобно можно было скрыть засаду. Когда непріятели приблизились, то Фэй-янь-гу, командуя лѣвымъ и правымъ крыломъ, занялъ сначала этотъ пригорокъ, а потомъ расположился на востокъ отъ него; остальные же войска были выстроены на западѣ, по р. Толѣ; наконецъ въ лѣсу поставлена была засада. Во всемъ этомъ Фэй-янь-гу пользовался планомъ, который начерталъ самъ императоръ. Всѣ войска сначала сошли съ коня и сражались пѣшкомъ, условившись сѣсть на коней только тогда, когда услышать звукъ рога. Цзянь-цзюнь Сунь-сы-кэ съ пѣхотою зеленого знамени (=китайскихъ войскъ), находясь въ центрѣ, занималъ вершину горы. Непріятель хотѣлъ овладѣть этой вершиной и бросился весьма храбро; маньчжурскіе солдаты напали изъ за неприступныхъ мѣстъ и прикрытій. Сначала стрѣляли попеременно изъ луковъ и ружей, потомъ выступили щитоносцы (тэнъ-пай). При всякомъ движеніи на непріятеля выставлялись впереди для укрѣпленія (безопасности) рогатки (цзюнь-ма-му). Непріятель, не смотря на стрѣлы и пули, сражался отчаянно, бился на смерть и не отступалъ до вечера. Всѣ были раздражены какъ тигры. Лѣсъ гудѣлъ. Фэй-янь-гу, увидавъ издали, что позади непріятельскаго строя люди и лошади не двигаются и заключивъ, что это непременно должны быть женщины, верблюды и скоть, далъ знакъ скрытой по рѣкѣ конницѣ пробиться сквозь строй и напасть на эту неподвижную толпу. Войска, стоявшія на горахъ, издали геройскіе крики и сдѣлали натискъ; тогда только непріятель побѣжалъ разбитый. Пользуясь ночью, маньчжуры преслѣдовали бѣгущихъ на пространствахъ 30-ти ли, а на слѣдующій день, собравъ войска, казнили нѣсколько тысячъ человѣкъ, взяли въ плѣнъ три тысячи, захватили несчетное число лошадей, верблюдовъ, коровъ, барановъ, юртъ и оружія. При этомъ убита была также и кэдунь (хатунь — княгиня) Ану. Кэдунь'ю чжунгары называютъ жену ихъ хана¹⁾. Она отличалась

¹⁾ По исторіи Танской династіи у Хуй-хэ (уйгуровъ) государь назывался — кэхань, а государыня кэдунь. (Примѣч. автора Шэнъ-у-цзи).

красотой и любила сражаться: надѣвъ на себя мѣдныя латы съ лукомъ и стрѣлами, ѣздила она на какомъ то странномъ звѣрѣ, похожемъ на верблюда, но который не былъ собственно верблюдомъ; самые лучшіе воины были подъ ея командой, — теперь и они также погибли отъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Галданъ убѣждалъ съ нѣсколькими десятками всадниковъ. Когда извѣстіе о побѣдѣ дошло до императорскаго лагеря, то императоръ приказалъ Фей-янь-гу остаться въ Кэту для защиты халхаскихъ кочевьевъ. Самъ Канси сочинилъ надписи, которыя вырѣзаны на горѣ Чаганъ-тоно и въ Чжао-модо и послѣ сего предпринялъ обратный путь въ Хүхү хото ¹⁾. На дорогѣ, какъ это было и въ прошлый разъ, его постоянно встрѣчали съ оваціями халхасы и особливо сэцэнъ хановцы, въ кочевьяхъ которыхъ и совершена была главнымъ образомъ побѣда. Самъ сэцэнъ ханъ выѣхалъ на встрѣчу къ Канси съ подарками, данники же его выходили тысячами ежедневно во все то время, пока Канси проѣзжалъ по ихъ кочевьямъ ²⁾. Прибывъ въ Хүхү хото, императоръ оставался здѣсь недолго и черезъ нѣсколько дней отправился въ Пекинъ, но черезъ мѣсяцъ снова возвратился въ Хүхү хото и прожилъ тамъ уже до половины зимы. Онъ лично осматривалъ представленныхъ ему блѣтскихъ плѣнниковъ, лично угощалъ возвращавшіяся послѣ побѣды войска западной дороги, устраивалъ пиршества для явившихся къ нему съ поздравленіями халхаскихъ воиновъ и, раздавая награды каждому изъ нихъ по заслугамъ, въ то же время не забывалъ благотворить и ихъ данникамъ, которые особливо нуждались въ помощи по причинѣ наступившей суровой зимы. Такимъ образомъ сэцэнъ хановскій цзасакъ Цэванъ банцзуръ, кочевавшій теперь въ урочищахъ Баянъ цзүрүхэ, на аудіенціи своей докладывалъ императору, что у него по первоначалу было 13 сумуновъ, а теперь осталось только 3 и изъ числа ихъ многіе не имѣютъ ни пищи для себя, ни пропитанія для скота по причинѣ громадныхъ снѣжныхъ заносовъ; императоръ приказалъ раздать хлѣбъ этимъ несчастнымъ ³⁾;

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 34—35.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 53, л. 13.

³⁾ Ibid. Т. 59, л. 6.

тотъ же приказъ за тѣмъ былъ отданъ имъ и относительно дани-
ковъ тушѣту хановскаго цзасака Дондобъ дорчжи, который прихо-
дился внукомъ тушѣту хану Чихунъ дорчжи, такъ какъ кошунъ Дон-
добъ дорчжи также точно страдалъ отъ голода и бѣдности¹⁾. Что
касается наградъ, которыя розданы были лично халхаскимъ князьямъ,
то большинство ихъ заключалось въ повышеніи чинами: бэйсэ Пу-
цукъ напр. былъ пожалованъ въ хэцзюнь ванъ²⁾; Цанцукъ-намчжилъ,
бывшій тайчжисъ 1-й степени, произведенъ въ улусъ-туръ тусалаки
гуны³⁾; хэцзюнь ванъ Шамба, особенно за свои пожертвованія въ
пользу войскъ⁴⁾, былъ возведенъ въ хошой цинъ ванъ⁵⁾ и пр.; по-
мимо сего были и другого рода пожалованія: такъ, тайчжи Чинъ-дорчжи,
родной братъ Шибтуй-хатанъ-батұра, за заслуги въ битвахъ, былъ
возведенъ въ тайчжи 1-й степени и сдѣланъ самостоятельнымъ цзаса-
комъ, причѣмъ для образованія хошуна его была отдѣлена часть своей
изъ хошуна Шибтуй-хатанъ-батұра⁶⁾.

Что касается Галдана, то разбитый при Цзү модо, онъ бѣжалъ
на западъ, гдѣ у него оставались еще войска подъ предводительст-
вомъ родственника его Арабтана. Галданъ рассчитывалъ теперь на
эти войска какъ на свою главную опору, совершенно не зная того,
что онъ давно уже точно также были разбиты. Дѣло въ томъ, что
Банси лишь только узналъ о движеніи Галдана на Кэрулэнъ, какъ
тотчасъ же изъ урочищъ Угюмүръ и Бургасутай послалъ одного изъ
даниковъ цзасака Цанцукъ-намчжила, по имени Мансоху⁷⁾, съ пись-
момъ къ хотохойтскому Гэндуну и въ письмѣ этомъ внушалъ Гэндуну
содѣйствовать къ истребленію мятежниковъ. Согласно этому наказу Гэн-
дунъ напасть на стоявшаго неподалеку отъ его кочевьевъ Арабтана и
разбилъ его⁸⁾. Арабтану удалось избѣжать при этомъ отъ плѣна, но
за снѣгъ, доведенный до крайности и получивъ извѣстіе о пораженіи

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 14.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 55, л. 15.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 48, л. 3.

⁴⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-ю-ге. Цз. 4, л. 5.

⁵⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 20.

⁶⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 8.

⁷⁾ Ibid. Т. 48, л. 3.

⁸⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 6.

Галдана, онъ не находилъ для себя ничего лучшаго, какъ просить Каяси о принятіи его въ подданство, маньчжуръ же, провѣдавъ объ этомъ, приказали тушѣту хановскому цзасаку Гурушики отправить своихъ чиновниковъ, чтобы уговаривать Арабтана исполнить поскорѣе его namjrenie¹⁾. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда разбитый при Цзу модо Галданъ снова явился въ западную Монголію. Преслѣдуемый Гэндуномъ²⁾, несчастный владыка чжунгаровъ добѣжалъ до р. Тамира и такъ какъ далѣе за нимъ уже не гнались, то остановился здѣсь въ урочищѣ Тай гуръ³⁾, обдумывая что предпринять ему въ настоящемъ случаѣ. Положеніе его было дѣйствительно безвыходнымъ. Со времени перваго своего похода на Халху, Галданъ такъ увлекся странами на сѣверъ отъ Гоби, что почти все время не оставлялъ ихъ; оттого старое владѣніе его въ Или перешло совершенно въ руки Цэванъ-рабтана, которому стали принадлежать и всѣ земли на западъ отъ Алтая. Въ то же время въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянныхъ битвъ съ китайцами у Галдана погибли отборные его воины и перевелся весь скотъ; туркестанцы, хухунорцы и хасаки (киргизы) также, находясь въ отдаленіи, отпали отъ него. Теперь онъ съ радостію возвратился бы въ Или,—но боялся притѣсненій со стороны Цэванъ-рабтана; хотѣлъ было уйти въ Тибетъ,—но дорога была дальняя и онъ не могъ туда добраться; хотѣлъ уйти на сѣверъ, въ Россію,—но русскіе его не принимали⁴⁾; ко всему этому прибавились еще недостатки въ сѣстныхъ припасахъ, заставлявшіе голодать и самого Галдана, и его немногочисленныхъ соратниковъ. Въ 7-й лунѣ 1696-го года Фэй-янь-гу доносилъ императору о полученномъ имъ извѣстіи, что Галданъ отъ р. Тамира снова пробирается къ востоку⁵⁾. Обстоятельствомъ, побудившимъ Галдана къ этому новому движенію на востокъ, было полученное имъ извѣстіе, будто на р. Онгинъ лежитъ излишній провіантъ, приготовленный для китайскихъ войскъ и долженствовавшій быть въ скоромъ времени отправленнымъ въ Нинъ-ся. Гал-

Поясненія на стр. 84.

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 6.

²⁾ Ibid. Т. 52, л. 4.

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 79, л. 5.

⁴⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3, л. 35—36.

⁵⁾ Варги амарги ба-бо цэцих. токтоб. бодох. битхэ Д. 27.

данъ дѣйствительно подъ начальствомъ своего храбраго соратни-
 Даньцилы отправилъ нѣсколько тысячъ чжунгаровъ, чтобы они, по-
 бравшись по горамъ и долинамъ, напали внезапно и овладѣли
 этимъ провинтомъ; но маньчжурскія войска подъ командой фу-ду-тун-
 Цзу-лянъ-би разбили по частямъ эти истомленные чжунгарскіе отряды,
 и почти ни одинъ солдатъ изъ нихъ не явился обратно къ Галдану.
 Вслѣдъ за этою неудачей Галданъ хотѣлъ напасть на вышедшихъ изъ за
 границъ имперіи для кочевья халхасовъ, но, услышавши, что на защиту
 этихъ послѣднихъ маньчжурами разставлены войска и приняты всѣ
 мѣры предосторожности, не осмѣлился ихъ тревожить. Отправленный
 имъ въ Тибетъ посланникъ былъ перехваченъ маньчжурскимъ фу-ду-
 тун'омъ въ Хүхү нурѣ, слѣдовавшіе же за этимъ посланникомъ улусы
 состояли изъ тысячи, или изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ все старшихъ
 и изнуренныхъ воиновъ, которые, въ силу своей бѣдности, отнимали
 другъ у друга лошадей и барановъ. Императоръ, удостовѣрившись
 о несчастномъ состояніи чжунгаровъ, думалъ воспользоваться край-
 нимъ положеніемъ Галдана и желалъ привести его въ поддан-
 ство¹⁾: маньчжурскіе генералы одинъ за другимъ посылали къ

¹⁾ Шань-у-цзи. Цзюань 3, л. 36-й.—Льстивость и хитрая политика мань-
 жуновъ по отношенію къ чжунгарамъ дѣйствительно были замѣчательны въ
 это время. Наравнѣ съ Галданомъ Канси посылалъ въ это время своихъ пос-
 ловъ и свои грамоты и ко всѣмъ болѣе вліятельнымъ изъ чжунгарскихъ тай-
 жиевъ, каковы напр. Арабтанъ, Даньцинь-омбо, Гэлэй-гуйэнь и др.; всѣхъ
 ихъ просилъ онъ переходить въ маньчжурское подданство и склонять къ тому
 же Галдана. Зная, что Даньцила почитается Галданомъ за одного изъ вѣр-
 нѣйшихъ союзниковъ, Канси приказалъ въ отправляемыхъ къ Галдану
 льстивыхъ грамотахъ писать имя Даньцилы непосредственно вслѣдъ за Га-
 дановымъ и такимъ образомъ всѣ письма Канси съ этого времени писались
 собственно не на имя Галдана, а на имя Галдана и Даньцилы. Вотъ обра-
 зецъ одной изъ таковыхъ грамотъ: «Галданъ и Даньцила, если вы, по истинѣ
 сознавъ свои проступки, придете въ подданство, то я, неполагающій различія
 ни въ комъ, непременно пожалую васъ землею, на которой вы можете жить;—
 ваши данники такъ же точно получать спокойствіе въ своемъ существованіи.
 Я ни въ какомъ случаѣ не буду помнить стараго зла. Подумайте тщательно!
 Есть ли у васъ человекъ который могъ бы васъ содержать и пропитывать?
 Такъ какъ теперь нѣтъ у васъ мѣста куда пойти, то поскорѣ собирайте сво-
 ихъ данниковъ и приходите поддаться. Если послушаетесь вы словъ недоб-
 рыхъ людей, то послѣ будете раскаяваться, да не достигнете своей цѣли. Не
 медлите и не бойтесь!» (Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 78, л. 10).

Галдану своихъ посланцевъ, стараясь склонить владыку чжунгаровъ къ признанію надъ собою маньчжурской власти; но Галданъ гордо отклонялъ отъ себя всѣ эти предложенія и не отвѣчалъ маньчжурамъ ни однимъ словомъ. Тогда Канси предпринялъ другую политику: онъ говорилъ своимъ генераламъ, что Галданъ, при его ничетѣ и крайности, долженъ будетъ погибнуть безъ всякихъ на него походовъ и что вся задача пограничныхъ чиновъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы перезывать на свою сторону блѣтовъ;— „когда люди галдановы разбредутся, то онъ волею и неволею долженъ будетъ покориться и придти къ намъ“. Такъ рассуждалъ Канси, но желая ускорить развязку, онъ въ 9-й лунѣ снова предпринялъ путь въ Хѹхѹ-хото¹⁾ и, остановившись въ Ордосѣ, приказалъ хѹху норскимъ тайчжіямъ ловить Галдана общими силами съ Цэванъ-рабтаномъ. Отправленный маньчжурами посланникъ подбиралъ бывшихъ приверженцевъ Галдана и чжунгарскихъ тайчжіевъ, которые передавались вереницей. Приходя въ большую и большую крайность, Галданъ рѣшился теперь отправить посланника въ походный лагерь императора въ Ордосѣ, чтобы развѣдать намѣренія Китая. Императоръ приказалъ черезъ этого посланника перечислить Галдану всѣ тѣ проступки, которыя произошли отъ его вторженія за пограничную линію; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, что маньчжуры примутъ его даже подъ свое покровительство наравнѣ съ халхасами, если онъ явится лично, а въ противномъ случаѣ отправятъ на него войско.

Когда Галданъ отправлялъ посланника, то, передавая ему письмо къ императору, сказалъ: „Судьба людей во вселенной не одинакова: китайскій хуанъ-ди пользуется особеннымъ благоволеніемъ неба; слышно, что куда ни приходило его войско, всюду посреди песковъ били ключемъ источники, трава выростала на каменистой почвѣ и ледъ растаявалъ въ рѣкахъ. Небо помогало ему и теперь всѣ, прежде подвластные мнѣ, перешли на его сторону, такъ что и люди помогаютъ ему. Когда ты прибудешь въ его резиденцію, то вникни въ дѣйствія его вельможъ, чтобы по возвращеніи твоёмъ я могъ сообразиться“. Посланникъ по прибытіи своемъ къ маньчжурамъ, тронутый ихъ ласко-

¹⁾ Шанъ-у-цзи. Цз. 3, л. 36-й.

84. Поясненія къ стр. вынѣ пріемомъ, передалъ вельможамъ тайкомъ всѣ эти обстоятель-
ства. Канси, полагая, что Галданъ въ этихъ словахъ выражалъ свое
намѣреніе поддаться, тотчасъ же приказалъ Ли-фань-юан'ю устроить
почтовые станціи между Нинъ-ся и Ду-ши-коу въ ожиданіи Галдана
и вслѣдъ за симъ немедленно же возвратился въ Пекинъ, чтобы здѣсь,
въ столицѣ имперіи, позать лавры своихъ побѣдъ и принять въ под-
данство владыку чжунгаровъ. Но Галданъ упорствовалъ и не явился¹⁾,
по слухамъ же, онъ въ это время направлялся въ Хами, думая найти
себѣ тамъ поддержку въ средѣ своихъ бывшихъ данниковъ.

Не дождавшись Галдана, императоръ во 2-й лунѣ 36-го года
правления (1697 г.) вторично переправился чрезъ Хуанъ-хэ и при-
былъ въ Нинъ-ся²⁾. Здѣсь онъ снова приказалъ выступить войскамъ
для истребленія Галдана, отправивъ ихъ по двумъ дорогамъ и подъ
начальствомъ двухъ генераловъ — Фэй-янь-гу и Масыха. Войска,
шедшія теперь на Галдана, состояли исключительно изъ китайцевъ и
маньчжуровъ. Сэцэнъ хановскій цзасахъ Цэрэнъ-даши просилъ было
у Канси позволенія также точно отправиться повоевать Галдана, но
императоръ, зная, что у Цэрэнъ-даши мало скота, отказалъ ему въ
этой просьбѣ³⁾; при томъ же Галданъ былъ такъ слабъ, что для
окончательнаго подавленія его и не нужно было особенныхъ усилій. Им-
ператоръ зналъ это и потому смотрѣлъ на предстоявшій походъ весьма
легко. Большая часть времени пребыванія его въ Нинъ-ся проходила
въ разнаго рода церемоніяхъ и пиршествахъ: онъ дѣлалъ смотръ вой-
скамъ, принималъ на аудіенцію халхаскихъ князей и даже снизошелъ
къ приглашенію побывать въ гостяхъ у монгольскаго цзасака Пун-
цукъ-рабтана⁴⁾. Вслѣдъ за выступленіемъ войскъ изъ предѣловъ соб-
ственнаго Китая въ Нинъ-ся получено было извѣстіе, что мѣйрэни
чжангинь Ананда схватилъ сына галданова Сэбтэнъ-балчжура, кото-
раго Галданъ откомандировалъ въ Хами для собиранія провіанта. Самъ
Галданъ кочевалъ въ это время въ урочищѣ Сакхули и существовалъ,
снискивая себѣ пропитаніе исключительно охотой. Вскорѣ однако дикія

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3, л. 36.

²⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-ю-ле. Цз. 4-я, л. 4.

³⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 58, л. 19.

⁴⁾ Ibid. Т. 55, л. 16.

животныя всѣ перевелись въ этомъ урочищѣ, тогда самые ближайшіе по родству и по довѣрію къ нему тайчжи начали осыпать его укоризнами. Даньцзила и Гэлэй-гуйэнь, поссорившись съ Галданомъ, откочевали отъ него въ Ширха гоби¹⁾, а другіе, менѣе предпримчивые и сильные тайчжи, услыхавши о движеніи и приближеніи китайскаго войска, другъ за другомъ начали передаваться маньчжурамъ и брались руководить войска ихъ въ дальнѣйшемъ походѣ. Цэванъ-рабтанъ также, собравъ отборныя войска, поджидалъ Галдана у Алтая, чтобы схватить его и, представивъ къ императору, выслужиться предъ этимъ послѣднимъ. Галдану не оставалось больше мѣста ни двинуться впередъ, ни отступить, — онъ не зналъ, что дѣлать. Каждый вечеръ случалась какая нибудь тревога и иногда по нѣскольку разъ. Ко всѣмъ этимъ безпокойствамъ военнаго времени вскорѣ присоединились еще и какія то странныя явленія природы: рѣзкій вѣтеръ и проливной дождь какъ бы преслѣдовали его. Видя самъ, что люди его оставили и небо отъ него отступилось, что рано или поздно онъ сдѣлается плѣнникомъ, Галданъ принялъ ядъ и умеръ.

Поясненія на стр.

Императоръ выступилъ изъ за границы и слѣдовалъ отъ Нинъ-ся по горамъ алашаньскимъ въ то время какъ Фэй-янъ-гу донесъ ему, что Галданъ самъ подпалъ подъ небесную кару. Приближенный и любимецъ Галдана — Даньцзила спѣшилъ представить ко двору его трупъ, его жену и его дѣтей и изъ урочища Баинъ Ундуръ послалъ своего посланника извѣстить обо всемъ этомъ маньчжуровъ, отправивъ при томъ и просьбу о принятіи въ подданство его Даньцзила²⁾; но пока посолъ этотъ ходилъ въ маньчжурскій лагерь, Цэванъ-рабтанъ напалъ на Даньцзилу у горъ Алтайскихъ и, отнявъ у него его драгоцѣнные подарки, представилъ ихъ отъ себя императору.

Тогда все на востокъ отъ Алтая стало принадлежать имперіи и предѣлы Халхи были отодвинуты на западъ на 1000 слишкомъ ли. Въ 4-й лунъ императоръ, сдѣлавъ еще надпись на горѣ Лань-цзюй-сюй, возвратился въ Пекинъ³⁾. Путешествіе его, какъ это бывало и прежде, сопровождалось непрерывнымъ рядомъ овацій, которыя устраи-

¹⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 78, л. 11.

²⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 78, л. 17.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, листъ 37-й.

84. вали ему китайцы, маньчжуры и монголы. Многие изъ халхаскихъ цзаса-
 ковъ и тайчжюевъ явились еще въ Нинъ-ся, чтобы здѣсь привѣ-
 ствовать своего новаго повелителя и, какъ любители всякаго ро-
 церемоній, отправились было сопровождать Канси до Пекина, но им-
 ператоръ, доѣхавъ до р. Хатунъ голь¹⁾, приказалъ всѣмъ имъ ѣха-
 по сухому пути домой, въ свои кочевья и оставилъ при себѣ только
 тушѣту хановскихъ цзасаковъ Цамцуъ намчила и Аюши²⁾. У рѣки
 Бургасутая, неподалеку отъ Калгана, императора встрѣтилъ Чжэб-
 зунъ-дамба и отсюда, какъ говоритъ наша лѣтопись, уже вмѣстѣ с-
 правились они въ столицу. Прибывъ въ Пекинъ, Канси снова прини-
 малъ поздравленія въ дворцовыхъ воротахъ по случаю умиротворен-
 странъ къ сѣверу отъ Гоби и наконецъ сочинилъ новую надпись д-
 памятнига; камень, на которомъ она была вырѣзана, по распоря-
 нію императора, былъ поставленъ въ великомъ училищѣ (тай сѣ)³⁾.

Такимъ образомъ покончена была война съ чжунгарями, возни-
 шая вслѣдствіе смутъ, поднятыхъ Галданомъ; теперь маньчжурамъ
 предстояло только принять и расселить плѣнныхъ ѳлотовъ, да успѣ-
 коить халхасовъ, такъ долго страдавшихъ подъ гнетомъ войны и ве-
 тренныхъ неурядицъ. Количество плѣнныхъ ѳлотовъ было особен-
 велико на сѣверѣ и изъ числа этихъ послѣднихъ главная часть со-
 держалась на Селенгѣ, гдѣ, какъ говорили мы уже выше, хотохойт-
 скимъ цзасакомъ Гэндунюмъ захвачена была цѣлая армія Арабана.
 Такъ какъ маньчжуры рѣшили расселить всѣхъ этихъ плѣнныхъ въ
 южной Монголіи, то предстояло теперь переправить ихъ на югъ. Гэн-
 дунъ, представляя свою добычу⁴⁾, долженъ былъ передать ее коман-
 дированному нарочито для принятія ѳлотовъ маньчжурскому чинов-
 нику и послѣдній, собравъ ихъ въ одну нестройную толпу, нап्रा-
 вилъ въ путь по дорогѣ чрезъ восточную Монголію. Чтобы облегчить
 доставку плѣнниковъ и предупреждать ихъ побѣги, высочайшимъ при-

¹⁾ Этихъ именемъ халхасы называютъ Желтую рѣку, болѣе извѣстную у насъ подъ китайскимъ прозваніемъ Хуанъ-хэ.

²⁾ Туш. хан. айм. наст. Т. 48, л. 5.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 8-я, л. 37.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. наст. Т. 63, л. 6.

казомъ повелѣно было данникамъ сэцэнъ хановскаго цзасака Ванц-зала сопровождать этихъ блѣтовъ вплоть до карауловъ срединной имперіи¹⁾, а тушѣту хановскому цзасаку Гурушики помочь имъ своими верблюдами, лошадьми и провіантомъ²⁾. Что касается халхасовъ, то имъ теперь дозволено было возвратиться въ свои родныя кочевья³⁾, причѣмъ сэцэнъ хану были назначены для его резиденціи мѣста по Хэрулену⁴⁾; а тушѣту хану Чихунъ дорчи маньчжуры указали кочевать къ востоку отъ р. Толы, при подошвахъ горъ Халіарскихъ. (Отроги г. Дуланъ хара къ СВ отъ монастыря Эрдэни цзу⁵⁾). Наша лѣтопись, рассказывая о возвращеніи халхасовъ на родину, повѣствуетъ при этомъ такимъ благодушнымъ тономъ объ ихъ сеймахъ, играхъ и забавахъ, что можно подумать, будто халхасы въ это время довольствовались уже полнымъ благоустройствомъ и порядкомъ въ своемъ бытѣ, наслаждались всецѣло экономическимъ благосостояніемъ, — на дѣлѣ же оно было далеко не такъ. Объединившіе и истощенные перекочевками по южной Монголіи халхасы, явившіеся на родину, представляли изъ себя смѣшанную массу народа, въ которой потеряно было не только старое административное, но подчасъ и родовое дѣленіе на группы: цзасаки не находили своихъ данниковъ, ибо послѣдніе, переселяясь съ юга, осаживались тамъ, гдѣ заставляла ихъ нужда, гдѣ останавливался ихъ истомленный и почти неспособный къ движенію скотъ. Замѣтимъ еще, что многіе изъ халхасовъ оставались на сѣверѣ во все смутное время: эти послѣдніе перемѣшались между собою и объединили конечно еще больше своихъ укрывавшихся на югъ собратій, такъ какъ во весь описанный періодъ смуть они должны были кочевать уже безъ всякой нормы, иногда даже и не хотеномъ, а отдѣльными юртами и подчиняясь только вліянію обстоятельствъ; понятно, что при таковыхъ условіяхъ судьба загоняла этихъ скитальцевъ иногда очень далеко отъ родины и отъ собратій. Для примѣра укажемъ хотя, что сэцэнъ хановскій цзасакъ Пунцукъ, вмѣстѣ съ ту-

Поясненія на стр. 84.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 6.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 6.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 12-й.

⁴⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 53, л. 14.

⁵⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 14.

84. салакчи Цанлу, явившись въ Халху, отправились на Гардадай гол
и нашли тамъ болѣе ста семей чибчинутовъ, данниковъ бэйла Ванд-
зала. Собравши ихъ, они перемѣстили ихъ на р. Уршунъ, гдѣ еще
до времени галданова нашествія располагались кочевья всѣхъ вообще
чибчинутскихъ поколѣній¹⁾. Ясно отсюда, что Халха въ первое время
по возвращеніи халхасовъ представляла собою картину такого страш-
наго неустройства, которое могло наводить отчаяніе на самыхъ ея обита-
телей; и дѣйствительно, тушѣту хановскій родоправитель Ухинъ-тон-
горонъ, прибывъ съ юга на свои старыя родныя кочевья, прямо гово-
рилъ, что „эта страна теперь стала бездольною“, а потому вмѣстѣ съ
150-ю семьями своихъ данниковъ перекочевалъ въ Россію, образовавъ
съ этого времени особый бурятскій родъ, извѣстный у насъ подъ име-
немъ цонгольскаго²⁾. Маньчжуры хорошо сознавали, что халхасы,
для скорѣйшаго ихъ обогащенія, нѣтъ ни въ чемъ такой нужды, какъ
въ обширныхъ и тучныхъ пастбищахъ и пекинское министерство дѣйстви-
тельно старалось расселить ихъ какъ можно просторнѣе. Кочевья
халхасовъ начали простираться теперь вплоть до горъ алтайскихъ на
западѣ³⁾, и на югозападѣ также значительно расширились: цзасакъ
хановскій цзасаекъ Сономъ-иши-чжабъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гэ-
ниномъ были посажены въ урочищѣ Булунгирь-баркюль-халъ⁴⁾, до
куда никогда не достигали прежде халхаскія поселенія; но за всѣмъ
тѣмъ оставались еще весьма многіе изъ халхасовъ, которые дошли до
такой крайности въ своихъ средствахъ къ существованію, что совер-
шенно не могли поправиться, даже и при условіи тѣхъ поземельныхъ
надѣловъ, которые даровали имъ теперь маньчжуры. Для поднятія
благосостоянія этихъ послѣднихъ Канси долженъ былъ изобрѣтать
еще новые способы и образецъ ихъ мы можемъ видѣть въ распоряже-
ніи его относительно тайчжіа Амила, бывшаго данникомъ сэцэнъ ха-
новскаго цзасака Цэрэнъ-даши. Когда о совершенномъ разореніи этого
родоправителя было доведено до свѣденія императора, то высочай-
шимъ указомъ его повелѣвалось освободить изъ подъ вѣдомства его

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 55, л. 15.

²⁾ Цонгол улус. тухъ л. 10.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 13-й.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 15.

халхаского правителя и переселить въ чахарскіе хошуны, гдѣ какъ самому Амила такъ и его родовичамъ назначалось вступить въ должность хранителей императорскихъ табуновъ и императорскаго скота, пасущагося въ странѣ чахаровъ¹⁾. При такомъ содѣйствіи своимъ интересамъ халхасы конечно могли скорѣе оправиться, но достигнуть своего прежняго благосостоянія они были не въ силахъ не только въ то время, но не могутъ даже и донинѣ, ибо развитіе ихъ богатствъ и благосостоянія постоянно подрывается вліяніемъ на жизнь ихъ Китая и буддизма. Рассмотрѣніе всей дальнѣйшей исторіи Халхи ясно подтверждаетъ эту истину.

Одною изъ самыхъ первыхъ причинъ, подрывавшихъ благосостояніе халхасовъ было постоянное тяготѣніе халхаской аристократіи къ кибичскому двору, въ сношеніяхъ съ которымъ думала она найти довлетвореніе своимъ честолюбивымъ и корыстолюбивымъ замысламъ. Маньчжурѣ никогда не препятствовали этому тяготѣнію, напротивъ время отъ времени они старались покровительствовать ему, ибо смотрѣли на свое сближеніе съ кочевниками не только какъ на источникъ своего спокойствія, но и какъ на единственное вѣрное средство для бузданія своихъ самыхъ ненавистныхъ враговъ. Историческіе факты подтверждаютъ это самымъ очевиднымъ образомъ, такъ: въ первый годъ по возвращеніи халхасовъ на сѣверъ, императоръ, желая въ возможно большей степени образовать свою связь съ халхасами, выдалъ за внука тушѣту ханова Дондобъ-дорчжіа дочь свою Тулінь-гчиѣнгуй²⁾ и такимъ образомъ возвелъ его въ почетное званіе „хошой-ху“ т. е. императорскаго зятя. Пять лѣтъ спустя (1702), онъ возлюбилъ въ свои зятя и цзасакту хана Цэванъ-чжаба, женивъ его на дочери одного изъ китайскихъ князей 1-й степени, которой передъ тѣмъ пожаловалъ званіе императорской дочери³⁾. Въ 1703-мъ году императоръ женилъ на своей дочери сайнъ нояновскаго цзасака Цэна⁴⁾, а на дочери одного изъ своихъ мандариновъ брата этого Цэ-

84.
Поясненія на стр.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 58, л. 19.

²⁾ Монгольскій переводъ кит. имени этой принцессы—Цё-цзинъ (Хуанъ-о-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 12-й.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хур. Т. 61, л. 29.

⁴⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 70, л. 2-й.

84—85. рена — Гунга-рабтана¹⁾; около того же времени была выдана замужь одна изъ императорскихъ дочерей за олѣтскаго цзасака Цэрэнъ-ванбо, сына тайчжіа Арабтана, который, какъ мы видѣли, по первоначально былъ заклятымъ врагомъ маньчжуровъ и вѣрнымъ союзникомъ Галдана и только по смерти его принужденъ былъ принять маньчжурское подданство²⁾. Всѣ эти браки безъ сомнѣнія дѣлались маньчжурами въ виду того, чтобы усилить свою связь съ вліятельнѣйшими изъ халхаскихъ правителей, ближе слѣдить за ними и удобнѣе открывать всѣ замышляемые ими планы; но халхасы едва ли проникали эту цѣль: въ простотѣ сердца они гордились своимъ родствомъ съ императорскимъ домомъ и всѣми силами добивались его, какъ будто совершенно забывая, или не домышляя, что эта связь ведетъ только къ тому, чтобы всецѣло отдать ихъ въ руки маньчжуровъ и постепенно ослаблять силы ихъ страны. Въ самомъ дѣлѣ, китайскія принцессы, являясь въ Халху, пріѣзжали сюда конечно не однѣ, но окруженныя цѣлымъ дворомъ изъ китайской и маньчжурской прислуги; монгольскій князь такимъ образомъ даже у себя на дому былъ не свободенъ: его осаждали со всѣхъ сторонъ китайцы и маньчжуры, за нимъ слѣдили и ни одинъ мало мальски значительный шагъ его не совершался безъ того, чтобы не быть ему извѣстнымъ въ Пекинѣ. Съ другой стороны весь этотъ штатъ и вся челядь китайскихъ принцессъ, живя въ Халхѣ, требовали конечно не тѣхъ расходовъ, которыми могли довольствоваться халхасы; — щадить же въ своихъ поборахъ чуждую народность китайцы никогда не имѣли обыкновенія и естественно отсюда, что содержаніе всего двора ложилось тяжелымъ бременемъ на хошуны, а иногда и на цѣлые аймаки. Помимо этихъ расходовъ и стѣсненій на дому халхаскіе князья, связанные родствомъ съ китайскимъ домомъ, должны были конечно гораздо чаще пріѣзжать и въ Пекинъ, а слѣдовательно еще болѣе увеличивать сумму своихъ издержекъ. Всѣ прочіе халхаскіе правители ѣздили въ Пекинъ, по обычаю, ежегодно; но сверхъ такого официальнаго представленія нѣкоторые являлись

¹⁾ Ibid. Т. 70, к. 51.

²⁾ Ibid. Т. 77, к. 26.

ко двору еще и по два, и по три раза въ годъ. Относительно Чжэбцзунъ-дамба-хутухты мы, просматривая лѣтопись, только и видимъ, что онъ переѣзжаетъ то въ Жэхо, то въ Пекинъ; можно представить чего стоила Халхѣ эта постоянная жизнь его при дворѣ, особливо если по сказаніямъ другихъ лѣтописей мы знаемъ, что гэгэнъ ѣздилъ въ Пекинъ обыкновенно не одинъ, а съ цѣлымъ штатомъ своихъ ламъ, съ походными храмами, со множествомъ кумировъ и номовъ, ѣздилъ, такъ сказать, полнымъ дворомъ. Біографія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, рассказывая одинъ изъ случаевъ возвращенія гэгэна изъ Пекина, увѣряетъ, что верблюды, завьюченные его сварбомъ, выходили изъ города чрезъ Ань-динъ-мынь'скія ворота въ теченіе трехъ дней¹⁾; весьма вѣроятно, что сказаніе это преувеличено, за всѣмъ тѣмъ одна переправка гэгэновскаго поѣзда изъ Китая въ Монголію несомнѣнно должна была стоить халхасамъ десятки тысячъ рублей. Не смотря на все это, въ Халхѣ, по крайней мѣрѣ отдѣльные, частные дома несомнѣнно годъ отъ года и даже довольно быстро поднимались въ своемъ благосостояніи; весьма вѣроятно, что и всѣ халхасы вскорѣ окрѣпли бы совершенно, если бы было у нихъ побольше единодушія, да на бѣду не страдали они религіозною ревностію. Еще не успѣвъ построить и увѣршить свои дома, они принялись уже за поправки и возсооруженіе старыхъ монастырей, потомъ и за постройки новыхъ храмовъ. По лѣтописи Эрдэни цзускаго монастыря тушѣту ханъ Дондобъ дорчжи, вступившій на мѣсто дѣда своего Чихунъ дорчжия, виѣстѣ съ супругою своею китайскою принцессою, или гунчжу, и Чжэбцзунъ-дамба-хутухтою уже въ 40-мъ году правленія Канси (1700) дѣятельно принялись за поновленіе Эрдэни цзу. Они отдѣлали за ново главный цзускій соборъ и монастырскую ограду; а ширѣту, или настоятель этого монастыря, помимо поновленія старыхъ монастырскихъ храмовъ построилъ еще новый дуганъ въ честь бурхана Абыды²⁾. Вслѣдъ за симъ произошло еще новое обстоятельство, доказывающее какъ быстро развивался буддизмъ въ Халхѣ и какъ сильно овладѣлъ онъ въ то время душами халхасовъ. Мы знаемъ, что

84-85.
Поясненія на стр.

¹⁾ Чжэбцз. дам. хутух. турул. тэухэ л. 30.

²⁾ Эрдэни цзуйнъ тухэ л. 28.

84—85.
П о л о ж е н і я   н а   с т р .
до времени подчиненія маньчжурамъ, всѣ халхаскіе цзасакъ, ринъ какъ и всѣ халхасы совокупно, почитали Эрдэни цзу своимъ общимъ храмомъ; а при своихъ кочевьяхъ имѣли только молитвенные доны, теперь, не довольствуясь этими храмами, они представились къ императору и просили у него позволенія основать свои отдѣльные монастыри въ каждомъ хошунѣ. Канси конечно не могъ препятствовать этой мысли и вотъ въ Халхѣ сразу появилось около 50 новыхъ монастырей. Эрдэни цзу осталось монастыремъ, исключительно принадлежащимъ въ роду тушѣту хана; но какъ содержаніе его не могло быть обременительнымъ для одного тушѣту хана, то рѣшено было раздѣлить весь монастырь на три части, такъ что главный храмъ содержали на свой счетъ и приносили въ немъ свои жертвы самъ тушѣту ханъ и Чжэбцзунъ-дамба-хутухта; бэйлэ Шидашири, братъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, принялъ на себя содержаніе восточнаго храма, а цзасакъ Баранъ — западнаго; что же касается бурхана Гомбо-гуру, который почитался хранителемъ всего монастыря, то чествованіе его распредѣлялось въ году поочередно. Не смотря на этотъ очевидный упадокъ средствъ содержанія монастыря, въ немъ все продолжались новыя и новыя постройки. Въ 1702-мъ году маргэванъ, по убѣжденію Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, построилъ здѣсь новый храмъ Хоншимъ бодисатвы, совершеніе богослуженій и принесеніе жертвъ въ которомъ принялъ на себя Чжэбцзунъ-дамба. Въ томъ же году, вновь вступившій тогда въ управленіе тушѣту ханъ Доржэрдэни-ахай построилъ такъ называемую Цзунъ субурганъ, т. е. восточную пирамиду, — громадное зданіе, возвышающееся по правую сторону храма Цзу; а бэйлэ Шидашири воздвигъ новый храмъ Майдарп, опредѣливъ съ своего хошуна сборъ на содержаніе и принесеніе жертвъ въ этомъ храмѣ. Въ слѣдующемъ 1703 году гэгэнъ, ханъ и бэйлэ построили еще четыре субургана, стоящія на оградѣ монастыря. (Необходимо замѣтить что всѣ эти храмы и субурганы стоятъ и до настоящаго времени и содержаніе ихъ точно также собирается помянутыхъ хошуновъ¹⁾). Все это были однако храмы, основывае

¹⁾ Эрдэни-цауйн тухэ л. 23—24; неизданныя записки автора о путешествіи его по Монголіи.

е въ родовыхъ кочевьяхъ тушѣту хановъ и Чжэбцзунъ-дамба-хуты, но помимо того гэгэнь строилъ монастыри и въ другихъ мѣстахъ; въ числу таковыхъ мы можемъ причислить построенный, по извѣстіямъ нашей лѣтописи, въ 1705 году монастырь Эруанчинъ-нданъ-шатдублинъ въ урочищѣ Цэцэрлигунъ эрдэни толгой, и основанный въ 1700-мъ году на Хэрулэнѣ Цзунъ хуръ¹⁾. Наконецъ другіе гэгэни халхаскіе также точно не отставали въ постройкѣ храмовъ: въ 1709 году Цзамьянъ-шатба основалъ монастырь Дашинъ, и около того же времени Ромба гэгэнь, прибывшій изъ Тибета, построилъ свой монастырь на высокомъ холмѣ вблизи озера Угэй-нуръ²⁾.

Что касается внутренней, гражданской жизни и дѣятельности халхасовъ, то со времени возвращенія ихъ на сѣверъ Гоби, эта жизнь и эта дѣятельность, повидимому, на цѣлыя 18 лѣтъ, т. е. до времени возникновенія китайскихъ войнъ съ Цэванъ-рабтаномъ, продолжала быть такою же безцвѣтною, какою была она и до подданства халхасовъ маньчжурамъ. Просматривая нашу лѣтопись, мы рѣшительно находимъ въ ней никакихъ указаній на то, чтобы въ Халхѣ существовали какія либо гражданскія преобразованія, нововведенія, улучшенія, вообще никакихъ разсказовъ о гражданскомъ бытѣ халхасовъ. Истѣхъ шастра, равно какъ и другія монгольскія лѣтописи въ сѣбѣ незначительной степени восполняютъ этотъ недостатокъ, хотя и сказаніямъ ихъ мы и можемъ себѣ представить кое что о характерѣ халхаской жизни за упомянутый періодъ. Прежде всего здѣсь описаны значительныя перемѣны въ личностяхъ правителей: почти всѣ главные начальники Халхи умерли вслѣдъ за возвращеніемъ на родину послѣ галдановскаго погрома и прежде всѣхъ, т. е. въ 1698-мъ году, скончался тушѣту ханъ Чихунъ дорчи³⁾, умершій одновременно шестымъ сыномъ своимъ Цэванъ дорчиємъ. По общему халхаскому

¹⁾ Монастырь этотъ въ настоящее время располагается на правой сторонѣ р. Хэрулэна, у южнаго склона горъ Банинъ цзурхэ; въ административномъ отношеніи раздѣляется онъ на 7 аймаковъ, изъ которыхъ каждый состоитъ въ себѣ до 450 ламъ

²⁾ Незаданныя записки автора о путешествіи его по Монголіи.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 12-й.

85.
закону о престолонаслѣдіи, тушѣту ханство должно было перейти къ Галдань-дорчжію, старшему сыну Чихунь-дорчжіеву, но какъ Галдань-дорчжи этотъ умеръ еще прежде своего отца¹⁾, то званіе тушѣту хана по новому преемству перешло къ старшему сыну Галдань-дорчжіа — Дондобъ-дорчжію, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возведенъ въ цинь-ваны и, какъ мы видѣли уже выше, носилъ званіе императорскаго зятя. Дондобъ-дорчжи однако не долго удержался на тушѣту ханствѣ, и въ 1701-мъ году онъ снова былъ разжалованъ въ хэцзюнь ваны и отрѣшенъ отъ званія и соединенныхъ съ нимъ обязанностей тушѣту хана. Что было причиною этой немилости, мы не можемъ опредѣлить съ точностію и Илѣтхэлъ шастра, толкуя объ этомъ вопросѣ, выражается общими фразами, будто Дондобъ-дорчжи унижилъ свое званіе, а потому и былъ пониженъ²⁾. Вступившій послѣ него на тушѣту хановскій престолъ, второй сынъ Чихунь-дорчжіа Дорчжи-эрдэни-ахай былъ на столько безцвѣтенъ по своей дѣятельности, что Илѣтхэлъ шастра, описывая время его правленія, не нашла ни одного факта, достойнаго быть записаннымъ въ страницы лѣтописи, оттого всѣ ея рассказы о тушѣту ханствѣ Дорчжи-эрдэни-ахай ограничиваются голословными замѣтками, что вступилъ онъ на тушѣту хановскій престолъ въ 1701-мъ году, а умеръ въ 1710-мъ и что послѣ него тушѣту ханство досталось старшему сыну его Ванчжилъ-дорчжію³⁾. На престолѣ сайнъ-нояновскомъ послѣ Шамбы, умершаго въ 1706-мъ году, сѣлъ также старшій сынъ его Даши-дондобъ, одновременно возведенный въ цинь-ваны и сдѣланный даже даргою на сеймѣ въ своемъ аймакѣ; но Даши-дондобъ, подобно Дорчжи-эрдэни-ахайю, рѣшительно ничѣмъ не ознаменовалъ своего правленія, которое продолжалось до 1726-го года, когда онъ былъ смѣненъ за старость⁴⁾. Что касается стола сэцэнъ хановскаго, то на немъ послѣ Умукхайя, скончавшагося въ 1708-мъ году, сѣлъ старшій сынъ его Гунцэнъ, человекъ, какъ можно думать, совершенно

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 46, л. 14.

²⁾ Ibid. Т. 46, л. 15.

³⁾ Ibid. Т. 46, л. 16.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 69, л. 22.

Созданный; потому что въ теченіе 24-хъ лѣтънаго управленія его въ
лѣтописяхъ не только не записано ничего объ его дѣятельности, или
о какомъ либо пожалованіи ему отъ маньчжуровъ¹⁾; но напротивъ
оказывается, что во все это время онъ и правителемъ былъ только
номинальнымъ, въ дѣйствительности же всѣми дѣлами завѣдывала
мать его Ногонъ-дара и соправитель ея Дэлэкъ гунъ. По бурятской
лѣтописи табунангутскихъ родовъ оказывается, что Гунцэнъ былъ
женатъ на дочери Эрхэ-хунъ тайчжия, одного изъ правителей тушѣту
хановскаго аймака и въ приданое за нею получилъ три рода табунан-
гутовъ²⁾. Прибывши такимъ образомъ въ сэцэнъ хановскій аймакъ
въ правленіе Гунцэна, табунангуты были поражены насиліями, кото-
рыя совершались здѣсь Дэлэкъ-гуномъ, ибо, не говоря уже о громад-
ныхъ податяхъ и поборахъ, наложенныхъ законнымъ образомъ въ
пользу князя, хошунные дарги и сборщики податей буквально гра-
били всякое имущество у данниковъ: „захватывали женскіе наряды,
вырывали серьги изъ ушей и отрывали руки съ браслетами“. Табунан-
гуты были посажены по Онону и Хэрулэну и состояли подъ управле-
ніемъ своихъ трехъ родовыхъ старшинъ. Они поступали весьма осмо-
трительно въ сношеніяхъ съ своими новыми аймачными правителями
и это дало имъ возможность просуществовать здѣсь нѣсколько лѣтъ;
но когда за симъ въ аймакъ вообще начались междоусобные грабежи
и на табунангутовъ въ частности стали нападать монголы родовъ—
Бодонгутъ, Шити и Хурмахай, табунангуты были выведены изъ тер-
пѣнія и въ періодъ отъ 1717-го по 1719-й годъ всѣ перекочевали
въ русскіе предѣлы и приняли русское подданство³⁾. Таково было
положеніе восточнаго и двухъ срединныхъ халхаскихъ аймаковъ; ос-
тается еще одинъ, самый западный аймакъ — цзасакту хана, но о
немъ также нельзя сказать многого. Правитель его Цэванъ-чжабъ,
въ 1702-мъ году возведенный въ званіе императорскаго зятя и по-

Поясненія на стр. 88.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 54, л. 9.

²⁾ Табунаи улус. тѹхэ, л. 14; явленіе это представляется весьма стран-
нымъ, ибо у халхасовъ существуетъ обычай, по которому браки между ли-
цами, происходящими отъ одной кости буквально воспрещаются.

³⁾ Табунаи улус. тѹхэ л. 10.

86. лучившій вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ цзасаку хановскій, постоянно ѣз-
 дилъ въ Пекинъ¹⁾ и, по сказанію Илѣхель шастры, получалъ тамъ
 богатые подарки, но правленіе его было также точно ни чѣмъ не
 ознаменовано, какъ и у другихъ халхаскихъ хановъ²⁾. Понятно, что
 если такова была дѣятельность главныхъ халхаскихъ нояновъ, то не-
 чего и говорить о низшихъ правителяхъ хошунныхъ, въ рукахъ кото-
 рыхъ было сосредоточено при томъ и менѣе власти. Они жили и уми-
 рали; на смѣну cadaго умершаго Канси, по обычаю, назначалъ стар-
 шаго изъ его сыновей въ порядкѣ первородства, изрѣдка только от-
 ступая отъ этого правила по какимъ либо своимъ соображеніямъ; та-
 кимъ образомъ когда въ 1705 году скончался тушѣту хановскій бэйлэ
 Шидашири, то мѣсто его было предоставлено императоромъ какъ болѣе
 способному второму сыну его Даньцзинь-дорчжію, а старшій сынъ Ши-
 дашири—Цампиль-дорчжи былъ назначенъ только помощникомъ къ
 брату по управленію хошуномъ³⁾. Если цзасаекъ умиралъ бездѣтнымъ,
 то хошунъ его передавался въ завѣдываніе кому либо изъ его родст-
 венниковъ, а иногда, въ силу особыхъ ходатайствъ, на мѣсто такихъ
 цзасаковъ назначались и пріемные ихъ дѣти; примѣръ этого мы можемъ
 видѣть на хотохойтскомъ хошунѣ знаменитаго своими военными под-
 вигами цзасака Гэндунуа. Самъ Гэндунъ умеръ въ годъ возвра-
 щенія халхасовъ съ юга (1696) и тогда мѣсто его было занято сы-
 номъ его Сонджинъ-сэнгэ; но когда этотъ послѣдній въ 1703-мъ
 году умеръ бездѣтнымъ, то Канси назначилъ его наслѣдникомъ пріем-
 наго сына его Бубэй'я⁴⁾; подобнымъ же образомъ въ сайнъ-ноянов-
 скомъ аймакѣ былъ назначенъ Цэванъ-норбо вмѣсто цзасака Тодо-
 эрдэни⁵⁾ и др. Достойно замѣчанія при этомъ, что, возводя новыхъ
 правителей, Канси постоянно понижалъ ихъ въ званіяхъ, такъ что
 съ небольшимъ черезъ десятокъ лѣтъ не только титулы вановъ, но
 даже званія бэйлэ и бэйсэ стали попадаться въ Халхѣ гораздо рѣже.

Въ дѣлѣ внутренняго благоустройства Халхи главнѣйшею забо-

¹⁾ Хуань-чао-фань-бу-яо-ге. Цз. 4, л. 13-й.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 29.

³⁾ Туп. тан. айм. шаст. Т. 51, л. 23.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 8.

⁵⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 72, л. 26.

тою всѣхъ халхаскихъ князей, по возвращеніи ихъ на родину, было собрать своихъ разбредшихся данниковъ. По первоначально вниманіе правителей естественно обратилось на тѣ отдѣльные роды и семьи халхасовъ, которые силою обстоятельствъ не были загнаны далеко, а кочевали тутъ же, въ Халхѣ, только не на своихъ земляхъ, а въ чужихъ аймакахъ. Этотъ разбредшійся людъ князья собирали сами, собственными силами, т. е. сами узнавали объ ихъ мѣстонахожденіи, сами посылали своихъ гонцевъ для ихъ призыва, сами выдавали вспомошествованіе для переселенія нуждающимся въ немъ, сами и устраивали перекочевывавшихъ на старыхъ мѣстахъ. Такъ какъ князья халхаскіе въ то время были сравнительно еще очень бѣдны, то естественно они не могли много работать по переселенческому вопросу и вспомошествовать переселенцамъ, а отсюда и самыя перекочевки ихъ данниковъ, равно какъ зависящая отъ этихъ перекочевоекъ упорядоченность въ административномъ и хозяйственномъ отношеніи совершались въ Халхѣ чрезвычайно медленно. Впрочемъ эта медленность была еще зломъ второстепеннымъ, ибо всѣ послѣдствія ея ограничивались только болѣе или менѣе продолжительною затяжкой въ поднятіи экономическаго благосостоянія халхасовъ и гораздо губительнѣе для страны и народа были положительные отказы отъ перекочевоекъ со стороны переселенцевъ, которые иногда встрѣчали князья, приглашая тотъ или другой родъ возвратиться на старыя мѣста. Изъ разсмотрѣнія сказаній „Илѣтхѣль шастры“ оказывается, что причины для этихъ отказовъ отъ переселеній были чрезвычайно разнообразны: одни возставали противъ призывавшихъ ихъ нояновъ потому, что находили вновь занятія ими мѣста гораздо болѣе богатыми и обильными для пастбищъ, чѣмъ ихъ родовыя кочевья; другіе, смотря безразлично на кочевья, почитали губительною и изнурительною для своего скота самую перекочевку, какъ дальнее и утомительное передвиженіе; третьи не хотѣли подчиняться власти старыхъ и еще прежде изнурившихъ ихъ правителей; четвертые наконецъ были рады, что избавились отъ своихъ беспокойныхъ сосѣдей, на соединеніе съ которыми теперь вновь приглашали ихъ нояны. Помимо сего было множество и другихъ мелкихъ и разнородныхъ обстоятельствъ, побуждавшихъ хал-

Поясненія на стр. 26

86. Поясненія на стр. хасовъ оставаться на чужбинѣ, и предпочитать ее родинѣ. Понятно, что при такомъ обиліи предлоговъ, отказовъ отъ переселеній должно было быть весьма не мало. Что касается значенія этихъ отказовъ для страны и народа, то оно обуславливалось особенно тѣмъ, что данники, не желая уступать требованіямъ князей, выражали иногда свой протестъ съ такою силою и такимъ упорствомъ, что дѣло принимало съ ихъ стороны характеръ открытыхъ сопротивленій княжеской волѣ, которыя въ свою очередь вынуждали князей принимать болѣе энергичныя мѣры и достигать свои цѣли уже военною силою. Очевидно, что въ такой борьбѣ князья должны были своими войсками побивать своихъ же данниковъ и нужно ли послѣ того распространяться и уяснять все гибельное значеніе упорства переселенцевъ? Первый примѣръ этого рода сопротивленій подали баргуты, съ которыми родовой правитель ихъ Шибтуй-хатанъ-батуръ, начиная съ 1699-го года и въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ долженъ былъ вести положительную войну для того чтобы заставить ихъ возвратиться на старыя кочевья. Позднѣе сопротивленія уже не выражались съ такимъ упорствомъ, ибо примѣръ баргутовъ, по всей вѣроятности, убѣдилъ другіе роды въ бесполезности вооруженнаго протеста: различнымъ князьямъ приходилось правда, и даже не разъ, поднимать оружіе противъ своихъ отдѣлившихся и непокорныхъ данниковъ¹⁾, тѣмъ не менѣе послѣдніе въ большинствѣ случаевъ не затягивали дѣла, а сознавая необходимость подчиниться требованіямъ силы, перекочевывали и соединялись съ своими однохошунцами. Впрочемъ самый фактъ этой борьбы, даже если бывала она незначительною, служить для насъ самымъ очевиднымъ и непреложнымъ доказательствомъ того нравственнаго разъединенія, того внутренняго неурейства и той гнетущей бѣдности, которыя характеризуютъ жизнь Халхи въ этотъ періодъ. Поразительнѣе всего представляется для насъ именно эта картина нравственной разъединенности: не только каждый родъ, но даже и каждая отдѣльная личность жили въ Халхѣ въ это время преслѣдуя исключительно свои частныя интересы, совершенно не думая о благѣ другаго и напротивъ помышляя только о томъ, какъ бы поживиться

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 58, л. 13.

на счетъ своего ближняго. Эти явленія составляютъ отличительную черту жизни халхасовъ въ первые годы по возвращеніи ихъ на родину изъ предѣловъ Китая и зная ихъ, мы легко объясняемъ себѣ, повидимому, самыя противурѣчущія одно другому событія изъ халхаской жизни. Такимъ образомъ намъ достовѣрно извѣстно, что почти всѣ халхаскіе князья и даже многіе изъ состоятельныхъ халхасовъ въ упомянутые годы строятъ себѣ буддійскіе монастыри и храмы, ведутъ непохѣрные расходы на содержаніе ламства, затрачиваютъ громадныя суммы на поѣздки въ Тибетъ и Пекинъ, а на ряду съ этимъ сородичи ихъ изнуряются отъ бѣдности и неустройства, терпятъ крайность до такой степени, что Канси въ 40-мъ году своего правленія долженъ былъ снова раздавать для пропитанія скотъ и лошадей бѣдному люду въ цѣлыхъ аймакахъ¹⁾. Для насъ представляются почти непонятными эта холодность со стороны халхасовъ, и особенно со стороны князей, къ бѣдствіямъ своихъ сородичей, это узкое пониманіе ими даже своихъ собственныхъ интересовъ; но тѣмъ не менѣе все это существовало какъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Мало по малу успѣвъ однако собрать своихъ данниковъ, разбредшихся по Халхѣ и съ помощію маньчжуровъ кое какъ устроить ихъ на старыхъ земляхъ, халхаскіе князья простерли свои поиски за сородичами и далѣе, за предѣлы халхаскихъ кочевьевъ. Въ 1703-мъ году цзасаку ханъ представилъ докладъ къ императору о томъ, что данники одного изъ принадлежащихъ къ его аймаку цзасаковъ и именно Мэдэ Цзорикуту'я, при нападеніи Галдана, бѣжали почти всѣмъ своимъ хошуномъ въ Хуху-норъ, почему просилъ императора возвратить ихъ назадъ. Канси приказалъ исполнить его просьбу и поселилъ Мэдэ Цзорикуту съ его хошуномъ въ Алтаѣ, на урочищахъ, прилегающихъ къ Черному Иртышу и по р. Урунгу²⁾. Обстоятельство это опять указываетъ намъ на то, какъ далеко начинали распространяться теперь границы халхаскихъ кочевьевъ. Подобнымъ же образомъ были возвращены съ Хуху-нора данники цзасаку хановскихъ тайчжіа Банди, брата цзасака Бубэй'я³⁾; цзасака Даши-пунцу-

86.
на стр.
Поясненія

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 12.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 65, л. 3.—³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 9.

86. По мѣрѣ приведенія въ болѣе большой порядокъ и увеличенія населенія въ Халхѣ, маньчжуръ старались увеличивать и число халхаскихъ правителей; этимъ конечно достигали они сразу нѣсколькихъ цѣлей: съ одной стороны путемъ якобы своихъ милостей и расположенія, выражавшихся въ пожалованіи какого либо князя самостоятельнымъ цзасакомъ, они пріобрѣтали себѣ сторонниковъ въ ряду халхаскихъ князей; съ другой этимъ же самымъ увеличеніемъ числа халхаскихъ владѣтелей, естественно ослабляли они власть ихъ, равно какъ и усиливали разнь въ средѣ всего вообще халхаскаго народа. Это новое дѣленіе Халхи и увеличеніе числа халхаскихъ правителей маньчжуръ совершали также медленно и послѣдовательно, какъ и вообще не торопясь проводили они всѣ свои нововведенія въ жизнь халхасовъ. Обыкновенно если у какого либо цзасака бывалъ братъ или родственникъ, особливо чѣмъ либо отличившійся на службѣ у маньчжуровъ, то императоръ, какъ бы въ награду за его заслуги, приказывалъ цзасаку отдѣлить въ пользу такового родственника нѣсколько сумунъ и отдать ихъ ему въ управленіе. Номинально такимъ образомъ существовалъ одинъ хошунъ, ибо въ немъ считался одинъ цзасагъ, который могъ сноситься съ пекинскимъ дворомъ, а новопоставленный правитель былъ какъ бы чѣмъ то въ родѣ утвержденнаго маньчжурами помощника по дѣламъ мѣстнаго управленія; кочевья таковыхъ правителей также точно не раздѣлялись и данники ихъ жили совмѣстно на старыхъ мѣстахъ, владѣя одинаково всѣми землями единого хошуна. Но какъ помимо отношеній къ маньчжурамъ, права новопоставленнаго въ самыхъ кочевьяхъ были совершенно одинаковы съ цзасакомъ старшимъ, а народъ, подлежащій его вѣденію, естественно долженъ былъ группироваться около своего правителя, то на дѣлѣ скоро оказывалось два хошуна, ибо въ немъ было два совершенно отдѣльныхъ правителя, съ двумя отдѣльными группами данниковъ, обычай же скоро устанавливалъ у нихъ и поземельныя границы для двухъ отдѣльныхъ кочевьевъ. Послѣ того какъ время устраивало само собою это дѣленіе, маньчжурское министерство,

¹⁾ Ibid. Т. 67, л. 16.

²⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 76, л. 12.

уже не боясь никаких волнений въ народѣ, могло дѣлать хошунъ, объявляя прежде зависимаго правителя самостоятельнымъ. Такимъ образомъ еще въ 34-мъ году правленія Канси (1695) былъ причисленъ къ хошуну сэцэнъ хановскаго цзасака Намчжила тайчжи Таолай, управленію котораго было поручено 600 семей данниковъ возмущившагося цзасака Ханду; по возвращеніи же халхасовъ на родину Таолай былъ объявленъ цзасакомъ отдѣльнымъ¹⁾. Въ 36-мъ году (1697) были объявлены самостоятельными: тайчжи Гунцугъ, состоявшій прежде при хошунѣ сэцэнъ хановскаго цзасака Ананды²⁾; и тайчжи Судэни³⁾, состоявшій при сайнѣ ноянѣ Шамбѣ⁴⁾; въ 40-мъ году (1701): тайчжи Чжамсо, бывшій при хошунѣ сэцэнъ хана Умухэй'я⁵⁾; тайчжи Эрдені⁶⁾ и тайчжи Гэндунъ⁷⁾ сыновья бывшаго сэцэнъ хана Норбо и состоявшіе при хошунѣ сэцэнъ хана. Въ 45-мъ году (1706) были поставлены помощниками по управленію въ тушѣту хановскомъ аймакѣ: тайчжи Цампилъ-дорчжи къ брату своему цзасаку Даныцзинъ-дорчжию⁸⁾ и Цэнгунъ-чжабъ къ брату своему хэцзюнь вану Дорчжи-арабтану⁹⁾; оба эти тайчжия въ 58-мъ году правленія Канси (1719) также точно были объявлены самостоятельными. Въ 46-мъ году (1707) былъ поставленъ самостоятельнымъ цзасакомъ въ сайнѣ нояновскомъ аймакѣ—Цэрэнъ-даши¹⁰⁾, данники же его были отчислены отъ хошуна Даши-дондоб'а, при которомъ состоялъ Цэрэнъ-даши до сего времени¹¹⁾; въ 48-мъ году (1709) отъ хошуна сайнѣ нояна Шамбы былъ отдѣленъ тайчжи Чжинамита¹²⁾; въ 50-мъ году (1711) былъ объявленъ самостоятельнымъ цзасакомъ тайчжи Дорчжи-даши, состоявшій прежде къ качеству помощника при сэ-

Поясненія на стр. 86.

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 59, л. 18.

²⁾ Ibid. Т. 59, л. 14.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-хе. Цз. 4, л. 11.

⁴⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 76, л. 2-й.

⁵⁾ Ibid. Т. 59, л. 6.

⁶⁾ Ibid. Т. 59, л. 9.

⁷⁾ Ibid. Т. 60, л. 12.

⁸⁾ Тушѣту хан. айм. шаст. Т. 51, л. 23.

⁹⁾ Ibid. Т. 52, л. 16.

¹⁰⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 73, л. 12.

¹¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-хе. Цз. 4, л. 14.

¹²⁾ Ibid. Т. 76, л. 9.

86. Поясненія къ стр. цэнь хановскомъ цзасаиъ Цэрэнь-даши¹⁾; въ 51-мъ году (1712)— Цэрэнь вамбо, причислявшійся прежде къ хошуну сэцэнь хановскаго цзасака Цэбдэна²⁾ и тайчжи Дорчжи, состоявшій до сего времени при хошунъ сайнъ нояна³⁾; въ 52-мъ году (1713) въ сэцэнь хановскомъ аймакѣ составилъ отдѣльный хошунъ изъ 500 семей тайчжия Цойцзура, причислявшагося къ хошуну сэцэнь хановскаго бэйсэ Раб-тана⁴⁾; въ 54-мъ году (1715) объявлены самостоятельными цзаса-ками въ цзасаку хановскомъ аймакѣ: Шакчжа, причислявшійся къ хошуну цзасака Бубэй'я⁵⁾ и Рабтанъ, состоявшій при хошунѣ бэйлэ Норбо-банди⁶⁾; въ 56-мъ году утвержденъ былъ цзасакомъ въ цза-сакту-хановскомъ аймакѣ Гомбо-чжабъ, состоявшій при хошунѣ цза-сака Урцзана⁷⁾ и въ сайнъ нояновскомъ аймакѣ — Норбо-чжабъ по раздѣлѣ хошуна Тодо-эрдэніева⁸⁾. Относительно всѣхъ помянутыхъ правителей мы, на основаніи лѣтописей, можемъ указать время, когда каждый изъ нихъ былъ объявленъ какъ помощникомъ, такъ и само-стоятельнымъ цзасакомъ, но помимо того въ историческихъ сказаніяхъ халхасовъ касательно этого времени трактуются какъ самостоятель-ные цзасаки въ тушѣту хановскомъ аймакѣ — Пунцукъ-рабтанъ, о которомъ замѣчается также, что онъ былъ тусалакчи тайчжнемъ въ хошунѣ цзасака Цамцукъ намчжила⁹⁾; тайчжи Сундубъ, причисляв-шійся прежде къ хошуну Минцзуръ дорчжи¹⁰⁾; въ сэцэнь хановскомъ аймакѣ тайчжи Лубсанъ до времени своей самостоятельности числив-шійся въ хошунѣ Пунцука¹¹⁾; въ сайнъ нояновскомъ аймакѣ, цзасаки: Гунга-рабтанъ¹²⁾, Шару-ильдучи¹³⁾ Намчжилъ¹⁴⁾ и др. Объ этихъ пра-

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 59, л. 1.

²⁾ Ibid. Т. 58, л. 13.

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 76, л. 12.

⁴⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-лс. Цзюанъ 4-я, л. 15.

⁵⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 65, л. 4.

⁶⁾ Ibid. Т. 65, л. 23.

⁷⁾ Ibid. Т. 66, л. 11.

⁸⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 73, л. 18.

⁹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 20.

¹⁰⁾ Ibid. Т., 52 л. 25.

¹¹⁾ Сэцэн. хан. айм. шаст. Т. 60, л. 2.

¹²⁾ Сайн ноян. айм. шаст. Т. 70, л. 51.

¹³⁾ Ibid. Т. 75, л. 18.

¹⁴⁾ Ibid. Т. 75, л. 15.

вителихъ мы не можемъ сказать съ точностію, когда именно были объявлены они самостоятельными цзасаками; достовѣрно только одно, что такъ какъ они не были утверждены въ своихъ должностяхъ въ періодъ пребыванія халхасовъ на югѣ Шамо, то несомнѣнно получили свои титулы и владѣнія въ самые первые годы по возвращеніи въ Халху. Такимъ образомъ Халха все болѣе и болѣе дѣлилась и распадалась на мелкія владѣнія, а вмѣстѣ съ симъ все болѣе и болѣе падалъ въ этой странѣ духъ братства, всегда служившій залогомъ силы у халхаскаго народа. Въ настоящую пору это распаденіе имѣло особенно дурныя послѣдствія, потому что время мира для Халхи далеко еще не наступило и вскорѣ цѣлый рядъ новыхъ смутъ еще болѣе обезсилилъ и безъ того уже упавшее благосостояніе халхасовъ.

86.
Поясненія на стр.

Виновниками новаго смутнаго времени въ Халхѣ были опять таки тѣже чжунгары, во главѣ которыхъ стоялъ теперь такъ недавно изъяснявшій свою преданность маньчжурамъ и искавшій у нихъ защиты отъ нападеній Галдана — Цэванъ-рабтанъ. Выше мы говорили уже, что послѣ перваго пораженія Галдана при Улѣнъ бутунѣ, Цэванъ-рабтанъ тайкомъ вернулся въ Или, расположилъ свои кочевья по р. Боро тала и съ помощію семи своихъ друзей началъ собирать своихъ разсѣявшихся данниковъ. Прежде другихъ подчинились ему дурбѣтскіе тайчжи и такимъ образомъ владѣнія Цэвана расширились до Иртыша, потомъ мало по малу перешла къ нему и большая часть чжунгаръ. Въ 36-мъ году правленія Канси (1697), когда маньчжуръ совершенно уничтожили войска Галдана и самаго его довели до гибели, Или, на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ ли, совершенно запустѣла и осталась безъ владѣтеля; у Цэванъ-рабтана въ то время войска были еще очень не многочисленны и если бы Китай, воспользовавшись тогда своею готовою арміею, двинулъ бы свои войска въ Чжунгарію, привелъ въ полное подчиненіе цэванъ-рабтановскіе аймаки и ограничилъ его значеніе и силу, поставивъ для надзора за нимъ даже самые незначительные отряды; то вся Чжунгарія, какъ и Халха, безъ сомнѣнія вскорѣ превратилась бы въ кптайскую область. Но Канси, принимая въ соображеніе, что при пустынности и отдаленности края расходы по передвиженію войскъ должны быть очень

86. велики, а также и то, что Цэванъ въ это время только что заявилъ свою преданность представленіемъ Галдана, указавъ ему для кочевьевъ мѣста отъ Алтая на западъ до Иля и такимъ образомъ опять возстановилъ великій аймакъ западнаго края. Съ подчиненіемъ Цэванъ-рабтану воинственныхъ чжунгаръ, вскорѣ напшлись у него мятежные совѣтчики изъ чжунгарскихъ тайчжіевъ и подъ влияніемъ ихъ Цэванъ началъ замышлять тоже самое, за что ратовалъ и Галданъ: онъ думалъ соединить подъ своею властію всѣ четыре рода древняго ойратскаго союза, сдѣлаться самостоятельнымъ ханомъ всѣхъ ойратскихъ поколѣній¹⁾ и возстановить сполна старыя границы чжунгарскихъ владѣній; въ этомъ то послѣднемъ стремленіи Цэванъ и долженъ былъ столкнуться съ халхасами. Извѣстно, что до времени возникновенія войнъ Галдана чжунгары занимали своими кочевьями мѣста вплоть до низовьевъ р. Хобдо и даже далѣе къ востоку, въ Уланъ-комъ и урочищахъ по Кэму и Кэмчику, жили смѣшанно съ халхасами; по пораженіи же Галдана халхаскія кочевья раздвинулись далеко на западъ, такъ что заходили на ту сторону Алтая и простирались вплоть до р. Иртыша. На эти то земли и объявилъ свое притязаніе Цэванъ, заявивъ маньчжурскому правительству, что мѣста къ востоку отъ Или вплоть до Кэма и Кэмчика искони принадлежали чжунгарамъ и должны быть теперь возвращенными имъ²⁾. Маньчжуры, получивъ это заявленіе Цэвана, ясно поняли его намѣренія возстановить чжунгарскія владѣнія и тотчасъ же начали принимать мѣры къ обузданію „дерзкихъ стремленій властолюбиваго князя“. Съ этою цѣлью они старались прежде всего уменьшить число его сообщниковъ, а посему кочевавшихъ къ западу отъ горъ танну'скихъ урянхаевъ, на которыхъ болѣе всего могъ разсчитывать Цэванъ какъ на своихъ дѣятельныхъ помощниковъ въ возмущеніи Халхи, подчинили вѣденію цзасакту хановскаго цзасака Донмока, кочевавшаго въ урочищахъ по Иртышу и Урунгу-голу³⁾; одновременно съ симъ маньчжуры объявили цзасакту хановскій и сайнъ нояновскій аймаки на военномъ по-

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 52.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 14.

³⁾ Ibid. Т. 65, л. 4.

ложеиіи ¹⁾ и наконецъ двинули свои войска къ Алтаю, на западныя границы халхаскихъ владѣній съ цѣлью охранять ихъ отъ набѣговъ чжунгаровъ. По всѣмъ халхаскимъ хошунамъ также точно былъ объявленъ призывъ къ оружію и въ 54-мъ году правленія Канси (1715) войска тушѣту хановскаго, равно какъ и другихъ аймаковъ за исключеніемъ только сэцэнъ хановскаго, уже выступили по дорогѣ къ Алтаю, гдѣ вмѣстѣ съ войсками маньчжурскими должны были сторожить Цэвана. Сторожевая линія эта тянулась изъ срединной Халхи на западъ отдѣльными отрядами, при чемъ самый восточный маньчжурскій отрядъ стоялъ на р. Туи подѣ предводительствомъ сула сайтъ Хилитэй'я; (вит. Ци-ли-де ²⁾); изъ числа халхаскихъ войскъ при Хилитэй'ѣ находились отряды цзасаку хановскихъ цзасаковъ Хиликъ-янпила ³⁾, Минцзура ⁴⁾ и бэйлэ Бубэй'я; здѣсь же впервые началъ свою дѣятельность и сайнъ нояновскій цзасаку Цэрэнъ, впоследствии прославленный маньчжурами до такой степени, до которой не восходилъ въ ихъ почестяхъ ни одинъ изъ халхасовъ ⁵⁾. На Цзабханѣ стоялъ второй болѣе сильный маньчжурскій отрядъ подѣ начальствомъ главнокомандующаго правымъ крыломъ маньчжурской арміи именно „защищающаго западныя страны“ цзянь-цзюня Гуянь гу; при немъ же состояли съ своими отрядами изъ халхаскихъ цзасаковъ тушѣту хановскіе: Цэрэнъ-балъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Вампилъ-дорчжи ⁶⁾ и Пунцукъ рабтанъ, младшій братъ и соправитель Цамцукъ-намчжила; впрочемъ послѣдній оставался на Цзабханѣ не долго и вскорѣ, вмѣстѣ съ отрядомъ маньчжурскихъ войскъ подѣ начальствомъ хя Нисхуна, командировали его къ высотамъ Уланъ-ком'скимъ, гдѣ онъ также долженъ былъ поставить караулы; въ слѣдующемъ 1716-мъ году войска Пунцукъ-рабтана были опять таки раздѣлены на два отряда и должны были образовать еще новый станъ на р. Эдэръ ⁷⁾. Такое постоянное

Поясненія на стр. 86.

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 4.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4, л. 16.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61.

⁴⁾ Ibid. Т. 64, л. 28.

⁵⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 70, л. 3.

⁶⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 20.

⁷⁾ Ibid. Т. 52, л. 20.

86. передвиженіе обуславливалось повидимому тѣмъ, что маньчжуръ съ одной стороны хотѣли имѣть у себя побольше сторожевыхъ пунктовъ, съ другой — не могли удовлетворить этому своему желанію сразу, такъ какъ халхаскіе цзасаки собирались съ своими войсками медленно, да и тѣ, которые приходили, являлись съ такими скудными силами, что прежде нужно было обезпечить ихъ существованіе, а потомъ уже можно было ожидать отъ нихъ какой либо пользы. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства Канси въ 54-мъ году своего правленія особымъ декретомъ, даннымъ на имя министровъ, повелѣвалъ имъ обсудить вопросы по изысканію средствъ для содержанія охранныхъ войскъ, по избранію мѣстъ для расположенія сторожевыхъ отрядовъ и вообще обработать весь планъ военныхъ дѣйствій. Дѣло это было рассмотрѣно и вслѣдъ за симъ совѣтомъ амбаней былъ представленъ императору докладъ, которымъ испрашивалось разрѣшеніе на посѣвы хлѣба въ мѣстностяхъ рѣкъ Орхона и Толы, чтобы такимъ образомъ обезпечить до нѣкоторой степени продовольствіе войскамъ. Императоръ приказалъ тушѣту хану Ванчжилъ-дорджи изслѣдовать земли его аймака, равно какъ и мѣста ему сопредѣльные и опредѣлить, гдѣ именно возможны посѣвы хлѣба. По сему наказу Ванчжилъ-дорджи произвелъ дознаніе и отвѣчалъ, что „урочища: Сухоту, Хара усу, Минъхай, Цаганъ-гэръ и Хуркиху, прилежащія къ рр. Толѣ и Орхону, а также урочища по Цабханъ голу, Цаганъ сѹль, Вулаганъ амсаръ, Уланъ гумъ и около десятка мѣстностей, лежащихъ у монастыря Эрдэни цзу, все это мѣста, которыя могутъ быть засѣяны хлѣбомъ“. Тогда императоръ высочайшимъ указомъ поручилъ Гуну Фурданю набрать людей опытныхъ въ земледѣліи и обрабатывать пашни въ означенныхъ мѣстахъ¹⁾. Одновременно съ симъ и цзянь-цзюню Хилитэй'ю вмѣстѣ съ цзасаками халхаскими поручено было размѣщать свои войска, выбирая для сего урочища, обильныя пастбищами и годныя для земледѣлія по близости къ рр. Эдэръ и Чилүту и на всемъ пространствѣ между озеромъ Ъхэ араломъ, р. Хобдо и землями Уланъ-ком'скими²⁾. Обсуждая послѣдній вопросъ по дѣлу самаго

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. хурянгуй Т. 45, л. 17.

²⁾ Цзасак: хан. айм. шаст. Т. 64, л. 22.

производства военныхъ дѣйствій хотохойтскій бэйла Бубэй представилъ императору докладъ ¹⁾, въ которомъ излагалъ свое мнѣніе будто бы „пустая напыщенность чжунгаръ основывается на томъ, что они полагаютъ своею опорою и своими сотоварищами урянхай'евъ. Пошлите меня, говорилъ Бубэй, и я надѣюсь привести въ подданство этихъ урянхай'евъ миромъ, если же они начнутъ сопротивляться, — я возьму ихъ съ бою“ ²⁾. Императоръ согласился на это предложеніе и разрѣшилъ Бубэй'ю походъ, такъ какъ маньчжуръ дѣйствительно желали видѣть урянхай'евъ въ какомъ либо опредѣленномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что урянхай'скія поколѣнія, бывшія прежде цѣликомъ подъ властію чжунгаровъ, послѣ войнъ Галдана явились въ совершенномъ броженіи: одна часть ихъ поддалась маньчжурамъ, другая осталась въ чжунгарскомъ подданствѣ, третья, наконецъ, не признавая надъ собою ни чьей власти, кочевала кое гдѣ въ халхаскихъ хошунахъ отдѣльными хотонами. Въ такомъ положеніи урянхайскія поколѣнія раскинулись на громадномъ пространствѣ отъ береговъ Кэма и Кэмчика до верховьевъ р. Или и маньчжуръ постоянно опасались мятежа и возмущеній со стороны собственно урянхай'евъ, жившихъ въ Халхѣ, которые уже по одному родству своему легко могли войти въ связь съ чжунгарами ³⁾. Помимо сего, опасенія маньчжуровъ поддерживались и тѣмъ безпокойнымъ характеромъ, которымъ отличались урянхайскія поколѣнія, то признавая надъ собою маньчжурское подданство, то снова нападая на маньчжурскихъ же данниковъ — халхасовъ. Бубэй, получивъ отъ императора позволеніе идти въ походъ для подчиненія урянхай'евъ, выступилъ съ соединенными силами тайчжіевъ Чжинанита, Арія, Гэндуна и Лубсана ⁴⁾ и заставилъ одного изъ прежде подчинившихся маньчжурамъ и самаго вліятельнаго изъ урянхайскихъ князей — Хурулмай'я перекочевать на Тэсѣ. Впрочемъ зимою того же года Хурулмай бѣжалъ снова, и Бубэй'ю нужно было идти въ новое преслѣдованіе, которое очевидно велъ онъ съ одинаковымъ успѣ-

86.
Поясненія на стр.

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4, л. 16.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 9.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 15.

⁴⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 76, л. 10.

86. хомъ, ибо изъ урочища Харханъ-шабаръ воротилъ Хурулмай'я снова въ его становища на Тасъ.

Было однако очевидно, что эти мелкія движенія и битвы съ урянхай'ями не приведутъ маньчжуровъ къ желанной цѣли и не обезопасятъ Халху отъ притязаній и нападеній Цэванъ рабтана. Правда, что самъ Цэванъ въ это время еще не вторглся въ Халху и, собственно говоря, не показывалъ даже вида, чтобы онъ хотѣлъ добиваться военною силою земель, которыя желалъ возвратить чжунгарамъ; но на границахъ Чжунгаріи олѣтскіе тайчи постоянно нападали на халхаскія владѣнія и глухой ропотъ ихъ на захватъ чжунгарскихъ земель предвѣщалъ, что военныя дѣйствія могутъ начаться не въ далекомъ будущемъ. Маньчжуры хотѣли предупредить чжунгаровъ и не дать имъ времени выстроиться вполне готовыми къ бою предъ рядами богдохановской арміи. Къ началу 56-го года правленія Канси (1717) въ Халху явились новыя силы маньчжуровъ, состоявшія изъ китайцевъ и монголовъ 49 кошуновъ; всѣми ими предводительствовалъ „распространяющій величіе“ цзянь-цзюнь Фурданъ, (или по халхаскому произношенію „Бурданъ“ и „Бурду“), который на первое время занялъ съ своими войсками, равно какъ и съ присоединившимися къ нему отрядами тушѣту хановскихъ цзасаковъ — Банцзура¹⁾, Цэрэнъ-бала, Шакдуръ-чжаба²⁾ и др., позицію по рр. Цзабхану и Кунгую, а стоявшія здѣсь до сего времени маньчжурскія войска двинулись далѣе на западъ къ горамъ Алтайскимъ. Имъ сопутствовали и многочисленные цзасаки халхаскіе, успѣвшіе собраться къ этому времени каждый съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ воиновъ, болѣе же другихъ отличавшіеся и извѣстныя намъ были, тушѣту хановскіе: бэйлэ Даньцинъ-дорчжи³⁾, тушѣ-гунъ Цэбдэнъ⁴⁾, тайчи Вампилъ-дорчжи⁵⁾, Пунцукъ-рабтанъ⁶⁾; цзасакту хановскіе:

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 17.

²⁾ Ibid. Т. 51, л. 23.

³⁾ Ibid. Т. 49, л.

⁴⁾ Ibid. Т. 50, л. 6.

⁵⁾ Ibid. Т. 50, л. 21.

⁶⁾ Ibid. Т. 52, л. 20.

Килигъ-яньпилъ¹⁾, хотохойтскій бэйлэ Бубэй²⁾, тайчжи Донмогъ³⁾ и др. Достигнувъ Алтая, соединенныя силы маньчжуровъ и монголовъ раздѣлились по отдѣльнымъ дорогамъ и начали повоевывать олѣтскія поколѣнія, жившія по границѣ и причинявшія безпокойства халхасамъ. Такимъ образомъ тушѣ-гунъ Цэбдэнъ разбилъ поколѣніе алтайскихъ теленгутовъ⁴⁾; Вампилъ-дорчжи, сопутствуя бариньскому хэ-цзюнь-вану, эфу Ургуну, поразилъ чжунгарскія войска близъ озера Хизиль-башъ (Улюнгуръ); но самое видное дѣло принадлежало отряду хотохойтскаго бэйлэ Бубэй'я. Императоръ, зная, что Бубэй всегда отличался преданностію маньчжурамъ и былъ искусенъ въ военныхъ дѣлахъ, высочайшимъ указомъ повелѣлъ ему вмѣстѣ съ причисленнымъ къ нему мэйрэнцзангиномъ Цэнгу-ванбо изъ Бурула отправиться въ Боро-бургасу и образовать отдѣльную дорогу. Въ 1-й осенней лунѣ Бубэй разбилъ отрядъ мятежниковъ въ урочищахъ Ходакъ-шири и Энэтхэкъ и, захвативъ въ плѣнъ цзайсановъ Лубсанъ-шараба, Кырса и Гала, возвратился⁵⁾. Этимъ, повидимому, и окончилась экспедиція 1717-го года: маньчжуры почитали свою цѣль совершенно достигнутою, ибо этимъ походомъ доказали чжунгарамъ, что они не могутъ рассчитывать на безнаказанность за нападенія на Халху; а такъ какъ Цэванъ въ это время самъ еще не вторглся въ халхаскія владѣнія, то Канси и не захотѣлъ затрогивать его съ этой стороны: за всѣмъ тѣмъ высочайшимъ указомъ онъ повелѣлъ усилить караулы по границѣ съ чжунгарами и протянуть линію ихъ до Баркуля, куда посланы были для охраны изъ халхаскихъ цзасаковъ тушѣту хановскій бэйлэ Даньцзинь-дорчжи⁶⁾ и цзасакту хановскій тайчжи Донмогъ.

Для насъ можетъ показаться страннымъ, почему Цэванъ-рабтанъ, несомнѣнно знавшій о движеніи маньчжурскихъ войскъ, ихъ нападеній на Чжунгарію и битвахъ съ подчиненными ему олѣтскими пле-

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 62, л. 5.

²⁾ Ibid. Т. 63, л. 11.

³⁾ Ibid. Т. 65, л. 4.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 6.

⁵⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 11.

⁶⁾ Ibid. Т. 65, л. 4.

86. менами, оставался совершенно безучастнымъ къ этимъ военнымъ
дѣйствіямъ и не только не явился самъ для защиты своихъ владѣ-
ній, но, повинуясь, не отдавалъ даже и никакихъ приказаній отно-
сительно отраженія маньчжуровъ? Дѣло это объясняется однако весьма
просто. Какъ по количеству маньчжурскихъ войскъ, явившихся въ
Чжунгарію, такъ и по самому образу ихъ военныхъ дѣйствій, Цэванъ
ясно видѣлъ, что маньчжуры вовсе не намѣрены были начинать здѣсь
серьезное дѣло. Они явились сюда только для охраны халхаскихъ
границъ и незначительныя экспедиціи ихъ имѣли единственную
цѣль — наказать мелкія ойтскія поколѣнія, нападавшія на халха-
совъ. Собравши свои силы, Цэванъ могъ конечно разбить не только
эти, дѣйствовавшіе въ одиночку и весьма незначительныя маньчжур-
скіе отряды, но и всю армію, посланную въ Халху маньчурами; но
такой образъ дѣйствій удалилъ бы его отъ преслѣдуемой имъ цѣли и
заставилъ бы его совершенно бесполезно для дѣла перенести свое
оружіе съ одного поля битвы на другое. Мы говорили уже выше, что
завѣтною цѣлью Цэванъ-рабтана было соединить подъ своею властію
всѣ ойтскія поколѣнія прежняго ойратскаго союза. Преслѣдуя эту
цѣль, онъ обратился сначала на дѣрбетовъ, которые признали надъ
собою его господство еще при жизни Галдана-Бошукту. За симиъ, на-
мѣреваясь подчинить себѣ торгоутскія поколѣнія, Цэванъ, путемъ
брака, вступилъ въ родство съ ихъ ханомъ Аюкою и, сдѣлавшись та-
кимъ образомъ человѣкомъ близкимъ семьѣ Аюки, поссорилъ послѣд-
няго съ собственнымъ сыномъ его — Санъ-чжабомъ. Ссорою этою
Цэванъ достигъ прежде всего раздѣленія торгоутскихъ поколѣній:
Санъ-чжабъ съ 15-ю тысячъ кибитокъ откочевалъ отъ своего отца
въ Чжунгарію, а въ силу этого раздѣла ушедшая съ нимъ часть тор-
гоутскихъ поколѣній естественно должна была ослабѣть въ своей
самозащитѣ. Послѣ сего Цэвану стало уже не трудно бороться съ
торгоутами: онъ началъ тѣснить Санъ-чжаба, преградилъ ему дорогу
съ данью и воспретилъ входъ въ Тибетъ для поклоненія. Санъ-чжабъ
былъ конечно безсиленъ для того, чтобы одними собственными силами
противустоять чжунгарамъ и Цэванъ вскорѣ же овладѣлъ всѣми его
торгоутами, между тѣмъ какъ Аюка оставался въ подданствѣ Рос-

сін¹⁾). Присоединеніе хошоутовъ Цэванъ по первоначально также точно 86
думалъ было совершить исподволь и путемъ мира. Съ этою цѣлью въ
1714-мъ году онъ выдалъ дочь свою за сына Лацзанъ-хана тибет-
скаго и старѣйшаго въ средѣ владѣтелей хошоутскихъ поколѣній²⁾,
но, жала держать Лацзана въ рукахъ, оставилъ зятя своего залож-
никомъ въ Или. Подбирался за сямъ поближе къ хошоутамъ, разсе-
лившимся на громадныхъ пространствахъ степей Алашаня и Хуху
мора, Цэванъ хотѣлъ овладѣть Хамійскою областью, чтобы, утвер-
дившись въ Хами, получить возможность содержать здѣсь свои войска
и быть совершенно на границахъ кочевьевъ хошоутскихъ. Съ этою
то цѣлью началъ онъ дѣлать постоянныя вторженія въ Хами, вы-
ставляя какъ причину своихъ нападеній — месть хамійцамъ за то,
что они выдали маньчжурѣ сына Гадданова — Сэбтэнъ-бальчжура³⁾.
Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ чжунгары разграбили хамійскій ка-
раванъ, шедшій для торговли по дорогѣ въ Турфанъ и когда объ об-
стоятельствѣ этомъ было доложено императору, то Канси послалъ
Цэвану строгій выговоръ. Такой оборотъ дѣла еще болѣе раздра-
жилъ чжунгаровъ, почему въ 54 году правленія Канси (1715), т. е.
именно въ то самое время когда маньчжуры отправили свои войска
къ сѣверо-западнымъ границамъ Чжунгаріи, Цэванъ двинулъ на
Хами уже стройные отряды своей арміи. Вступивъ въ хамійскую об-
ласть, чжунгары овладѣли пятью сѣверными ея крѣпостями, но въ
дальнѣйшемъ движеніи были остановлены маньчжурами, пришедшими
на защиту хамійцевъ изъ Су-чжоу⁴⁾. Не успѣвъ такимъ образомъ
утвердиться въ Хами, Цэванъ уже изъ Чжунгаріи предпринялъ рядъ
набѣговъ на хѣхѣнорскихъ хошоутовъ и, несмотря на то, что маньч-
журы отправляли въ Хѣхѣноръ почти всѣ свои охранные гарнизоны
изъ Си-ан'я и Сы-чуани, что на пути изъ Чжунгаріи въ Хуху-норъ
было расположено до 8500 человекъ китайскаго войска въ Урумчи
и Турфани, чжунгары послѣдовательно являлись и грабили хуху-

П о я с н е н і я   н а   с т р .   86

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цзюань 3-я, л. 52.

²⁾ Бараг. цзуйнъ айм. шаст. Т. 91, л. 43.

³⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3-я, л. 52.

⁴⁾ Хаминъ ходон айм. шаст. Т. 108, л. 15.

86. норскія области въ 1715-мъ, 1716-мъ и 1717-мъ годахъ¹⁾. По-
слѣдній походъ 1717-го года, т. е. опять таки того самаго года, въ
который соединенныя силы маньчжурскихъ и халхаскихъ войскъ
предпринимали движеніе на сѣверо-западные границы Чжунгаріи,
былъ особенно важенъ для Цэвана. Необходимо знать, что Цэванъ,
ради скорѣйшаго подчиненія хошутовъ, задумалъ было въ это время
вліять на нихъ еще со стороны Тибета, а для сего ему необходимо
было подобрать въ свои руки верховную власть въ Тибетъ и управ-
лять дѣйствіями Будалинскаго двора. И такъ съ наступленіемъ
1717-го года Цэванъ умертвилъ своего зятя, обвинивъ его въ чаро-
дѣйствѣ²⁾ и, лишивъ такимъ образомъ Лацзанъ-хана тибетскаго пря-
маго и законнаго его наслѣдника, тихонько двинулъ свои войска въ
Тибетъ. Измѣнникъ Шакдуръ-чжабъ отворилъ чжунгарамъ ворота
Будалы и войска Цэванъ-рабтана, вступивши въ столицу Тибета,
убили Лацзанъ-хана, а отселъ двинулись въ Хуху-норъ и въ цѣломъ
рядѣ сраженій умертвили послѣдовательно сыновей и родственниковъ
Лацзанъ-хановыхъ, управлявшихъ поколѣніями хухунорскихъ хошуо-
товъ³⁾. Страшныя смуты постигли Тибетъ и Хуху-норъ при этомъ по-
громѣ. Маньчжуры, власть которыхъ признавали надъ собою владѣтели
хухунорскіе, почитали своею обязанностію защищать ихъ; но, отразивъ
Цэвана, они въ заботахъ о совершенномъ прекращеніи чжунгарскихъ
набѣговъ думали было, какъ то всегда было у нихъ въ обычаѣ, упо-
требить по первоначалу мягкія мѣры и порѣшить дѣло путемъ мир-
ныхъ совѣщаній, переговоровъ и т. п. О таковыхъ мѣрахъ свидѣ-
тельствуемъ намъ и записанное въ нашей лѣтописи подъ 1718-мъ
годомъ письмо императора къ Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ, въ кото-
ромъ хуанди проситъ халхаскаго гэгэна подѣйствовать на Цэвана
увѣщаніями и такимъ образомъ повліять на окончаніе военныхъ дѣй-
ствій. Лѣтопись продолжаетъ далѣе, что Чжэбцзунъ-дамба неодно-
кратно посылалъ своихъ пословъ съ наставленіями къ Цэвану, но

¹⁾ Хухэ-нагурун. угэлэд айм. шаст. Т. 81, л. 52.

²⁾ Бараг. цзу. айм. шаст. Т. 91, л. 45.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 52.

несомнѣнно всѣ эти наставленія остались для чжунгарскаго хана гла- 86.
сомъ вопіющаго въ пустынѣ. Военныя дѣйствія чжунгарь продол-
жались съ не меншею силою: отряды войскъ цэвановыхъ послѣдова-
тельно переходили въ Хуху-норѣ изъ одного улуса въ другой, раз-
грабляя несчастныхъ хошоутовъ и приводя ихъ въ подданство къ Цэ-
вану. Все это побудило наконецъ императора въ слѣдующемъ 1719-мъ
году принять уже новыя, болѣе энергичныя мѣры противъ чжунгаровъ.
Онъ назначилъ четырнадцатаго своего сына „успокоивающимъ отдален-
ныя страны“ великимъ цзянь-цзюнемъ и приказалъ ему стать войсками
въ Хуху норѣ для отраженія Цэвана, а помимо того двинулъ еще по
двумъ дорогамъ чрезъ Сы-чуань и Хуху-норъ двѣ отдѣльныя арміи, ко-
торыми предводительствовали два великихъ цзянь-цзюня. Специаль-
нымъ назначеніемъ этихъ армій было нанести ударъ ѡлтамъ въ Ти-
бетъ и возвести на „великій престолъ созерцанія“ новаго Далай ламу,
опредѣленіе личности котораго также точно подавало Цэванъ рабтану
поводъ къ возбужденію смутъ между поклонниками секты Цзонхавы
какъ собственно въ Тибетѣ, такъ равно въ Монголіи, въ Халхѣ и въ
средѣ поколѣній ойратскихъ¹⁾.

Поясненія на стр.

Эти событія въ странахъ Восточнаго Туркестана, Тибета и Хуху
нора совершенно поясняютъ намъ, почему Цэванъ такъ равнодушно от-
носился къ движенію и дѣйствіямъ китайской арміи на сѣверѣ Чжунга-
ріи въ періодъ 1715—1717 гг. Дѣйствительно, въ то самое время
какъ маньчжуры наносили мелкія пораженія отдѣльнымъ и незначи-
тельнымъ поколѣніямъ данниковъ Цэвановыхъ, побѣдоносныя войска его
совершали для него дѣло гораздо болѣе важности, оканчивая полное
объединеніе подъ его властію ойратскихъ поколѣній и подчиняя ему
громадную страну отъ южнаго подножія Тянь-шаньскаго хребта до
Тибета и отъ степей Алашаньскихъ до береговъ Яркенда и Кашгара.
Понятно, что ради такихъ громаднхъ пріобрѣтеній не трудно было
поступиться разграбленіемъ нѣсколькихъ ночевьевъ, или плѣненіемъ
нѣсколькихъ сотенъ чжунгарцевъ. Всѣ свои военныя дѣйствія Цэ-
ванъ сосредоточилъ въ это время на югѣ, сюда же стянулъ онъ и

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, т. 52.

86. главную массу своихъ войскъ. Маньчжуръ, для которыхъ важно было нанести полное пораженіе Цэвану, должны были поэтому двинуть свои главныя арміи также въ Тибетъ и Хуху-норъ; но Канси не могъ оставить беззащитными и сѣверныя страны, оттого онъ командировалъ двухъ цзянь-цзюней жить въ Баркулъ и Алтаѣ и такимъ образомъ защищать сѣверъ и вліять на западъ.

Что касается Халхи, то въ ней очевидно не могло быть въ эту пору особенно сильныхъ движеній. По возвращеніи изъ похода въ Чжунгарію на свои старыя сторожевыя посты въ 1718-мъ году, халхасы прежде всего должны были сопровождать партіи плѣнныхъ блѣнтовъ и урянхаевъ и размѣщать ихъ, согласно опредѣленію маньчжуровъ, по кочевьямъ въ средней и восточной Халхѣ. Это дѣло исполняли впрочемъ уже не одни только цзасаки, привлеченные къ отбыванію воинской повинности въ походномъ лагерѣ, но равно и тѣ которые оставались въ своихъ кочевьяхъ. Такимъ образомъ сэцэнь-хановскому цзасаку Тамаринъ-чжабу высочайшимъ приказомъ повелѣно было собрать 600 человекъ войска и, посадивъ плѣннаго блѣтскаго тайчжіа Лубсанъ шараба вмѣстѣ съ данниками его въ урочищахъ Ханъ-улы, охранять этихъ новопоселенцевъ впредь до новыхъ распоряженій императора¹⁾. За сѣмъ въ теченіе лѣтнаго времени 1719-го года халхасы должны были помогать маньчжурамъ въ возведеніи крѣпостей, въ которыхъ съ большимъ удобствомъ и безопасностію могли сидѣть охранные гарнизоны какъ маньчжурскіе, такъ и халхаскіе: такіа крѣпости или города zaloжили они на рр. Цзакъ и Байдарикъ²⁾, при чемъ верховными распорядителями работъ со стороны маньчжуровъ былъ „защищающій западныя страны“ цзянь-цзюнь Фэй-янь-гу, (?) а со стороны халхасовъ тушѣту хановскій цзасакъ Цэрэнь-балъ³⁾. Наконецъ въ 59-мъ году правленія Канси (1720) соединенныя войска маньчжуровъ и халхасовъ снова двинулись въ Чжунгарію, чтобы новыми пораженіями обезсилить Цэвана и, елико возможно, отвлечь его отъ всецѣлаго сосредоточенія силъ своихъ на

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 59, л. 15.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ге. Цз. 4-я, л. 19-й.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 20.

югѣ. На этотъ разъ маньчжурскія войска выступили изъ предѣловъ Халхи по двумъ дорогамъ: сѣверная армія, подъ предводительствомъ „побѣждающаго обитателей западныхъ странъ“ цзянь-цзюня Хилтэй'я, направилась къ урочищамъ Буруль и изъ числа халхаскихъ цзасаковъ при ней состояли тушѣту-хановскій цзасакъ Пунцукъ-рабтанъ¹⁾ и хотохойтскій Бубэй-бэйлэ²⁾; южная же армія, предводительствуемая „распространяющимъ величіе“ цзянь-цзюнемъ Фурдан'емъ, двинулась къ верховьямъ р. Булаганъ (Булгунъ), а изъ халхаскихъ цзасаковъ къ ней присоединились тушѣту-хановскіе: цзасакъ Даныцзинъ-дорджи³⁾, тусалакчи тайчжи Шакдуръ-чаабъ⁴⁾, цзасакъ Бахай съ братомъ своимъ Цэбдэномъ⁵⁾, цзасакту хановскій тайчжи Норбо-банди⁶⁾ и др. Движеніе этихъ армій во внутрь Чжунгаріи, равно какъ и результаты достигнутые ихъ походомъ были впрочемъ и теперь также незначительны, какъ въ походѣ 1717-го года, а именно: южная армія отъ Бурула дошла до урочища Гэр-эрхэ (по другому названію Гэръ угэй) и здѣсь безъ особенныхъ усилій разбила войска цзайсана Буйгуна, захвативъ въ плѣнъ болѣе 100 человекъ изъ его ратниковъ⁷⁾; помимо сего ею же были сожжены провіанты, которые заготовилъ было Цэванъ рабтанъ для своей арміи въ урочищѣ Уланъ-хучжиръ⁸⁾. Что касается сѣверной арміи, то она отъ Булгуна направилась къ Кэнгаръ-гол'у, гдѣ сосредоточилъ свои силы чжунгарскій цзайсанъ Сэбтэнъ и на долю ея пришлось вести болѣе сложное дѣло. Не успѣвъ поразить Сэбтена въ первомъ сраженіи, армія должна была раздѣлиться по отдѣльнымъ дорогамъ и уже по частямъ разбивать чжунгарскіе отряды; за всѣмъ тѣмъ маньчжурамъ удалось захватить болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ изъ чжунгаровъ⁹⁾, въ числѣ которыхъ было болѣе 100 цзайсановъ, пой-

86.
на стр.
Поясненія

¹⁾ Ibid. Т. 52, л. 22.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 11.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 3.

⁴⁾ Ibid. Т. 51, л. 23.

⁵⁾ Ibid. Т. 50, л. 27.

⁶⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 5.

⁷⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 3.

⁸⁾ Цзас. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 6.

⁹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 23.

86. маннхъ эфу Цэрэномъ¹⁾, хотохойтскій же бэйлэ Бубэй въ свою очередь плѣнилъ 400 слишкомъ человекъ урянхайцевъ²⁾. Этимъ и окончился маньчжуро-халхаскій походъ 1720-го года, ибо одновременно съ симъ маньчжурамъ удалось разбить Цэвана на югѣ и оттѣснить его войска на сѣверную сторону Тянь-шаня, т. е. совершить все то, чего собственно домогался Канси. Въ 61-мъ году своего правленія (1722) высочайшимъ указомъ повелѣлъ онъ ввести войска въ Урумчи; но какъ Или была отдѣлена отсюда тремя большими хребтами, то дальнѣйшее движеніе императорскихъ войскъ на сѣверъ для занятія кочевьевъ Цэвана было остановлено. Вскорѣ Чжэбцзунь-дамба-хутухту представилъ къ императору отъ имени Цэванъ рабтана докладъ, въ которомъ умолялъ его о прощеніи чжунгаровъ; тогда Канси послалъ объявить свою волю о постепенномъ выводѣ китайскихъ войскъ съ запада³⁾ и оставилъ только охранные гарнизоны въ Урумчи, въ Баркулѣ, въ Хами, въ Алтаѣ и въ вышеозначенныхъ мѣстахъ халхаскихъ кочевьевъ.

Описанный періодъ военныхъ дѣйствій маньчжуровъ съ чжунгарами, очевидно, далеко не сопровождался для Халхи такими движеніями, какія были въ ней въ періодъ смутъ Галдана. Изъ числа халхаскихъ князей сэцэнъ-хановцы вовсе не вооружались на эту брань, да и по отношенію къ цзасакамъ другихъ аймаковъ можно сказать, что развѣ только $\frac{1}{8}$ часть ихъ лично участвовала въ походѣ, прочіе же оставались въ своихъ кочевьяхъ и мирно проводили свою жизнь у домашняго очага. Весьма вѣроятно, что въ силу этого относительнаго спокойствія нашъ лѣтописецъ и не останавливается на описаніи чжунгарскихъ походовъ; но за всѣмъ тѣмъ военныя дѣйствія не могли конечно не отзываться на жизни халхасовъ и, собственно говоря, вся Халха должна была болѣе или менѣе испытать на себѣ тяжесть войны. Помимо присутствія нѣкоторыхъ цзасаковъ съ своими силами въ самомъ военномъ лагерѣ, участіе Халхи въ этой войнѣ выражалось прежде всего пожертвованіями, которыя время отъ времени дѣлали

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 16-й.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 11.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цзюань 3, л. 53.

халхаскіе князья въ пользу маньчжурской арміи. Такимъ образомъ въ 1715-мъ году сэцэнъ хановскій цзасагъ Рабтанъ принесъ маньчжурамъ въ даръ верблюдовъ ¹⁾, а тушѣту хановскій тайчжи Ванбо доставилъ овецъ ²⁾; въ 1716-мъ году съ сэцэнъ хановскаго аймака собрано было 6000 верблюдовъ подъ предлогомъ доставки хлѣба изъ Китая къ войскамъ, находящимся на р. Туѣ ³⁾; въ 1717-мъ году тотъ же тушѣту хановскій цзасагъ Ванбо снова представилъ отъ своего хошуна лошадей и верблюдовъ ⁴⁾, а когда по войскамъ объявлено было движеніе къ Алтаю, то на потребности похода сдѣлалъ значительное пожертвованіе тушѣту хановскій цзасагъ, тайчжи Цэнгунъ чжабъ ⁵⁾; на обратномъ пути изъ Алтая помогъ войскамъ провіантомъ цзасагъ хановскій тайчжи Киликъ ямпилъ, представилъ въ походный лагерь быковъ и овецъ ⁶⁾; въ 1719-мъ году тушѣту хановскій цзасагъ Пуццукъ рабтанъ подарилъ въ Баркульскій военный лагерь 100,000 овецъ ⁷⁾, а сэцэнъ хановскій хэцзюнь ванъ Намчжилъ отправилъ отъ своего хошуна лошадей ⁸⁾; тоже самое пожертвованіе было сдѣлано и со стороны цзасака Рабтана ⁹⁾. Фактъ, что нѣкоторые цзасаки оказывали помощь войскамъ по два и по три раза, между тѣмъ какъ другіе съ своей стороны не дѣлали никакихъ пожертвованій, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что пожертвованія эти собирались только съ болѣе богатыхъ хошуновъ и такимъ образомъ можетъ подать мысль, что онѣ были для Халхи почти незамѣтны; но это заключеніе было бы весьма несправедливо. Для халхаса, даже самаго богатаго, но живущаго исключительно скотоводствомъ, нѣтъ ничего губительнѣе побора скотомъ. Это и весьма понятно, ибо суть дѣла заключается не въ томъ, что онъ жертвуетъ 6000 верблюдовъ или 100,000 овецъ, а въ томъ, что выдавая ихъ одновременно,

Поисненія на стр. 86

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 57, л. 3.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 12.

³⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 53, л. 14.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 13.

⁵⁾ Ibid. Т. 52, л. 16.

⁶⁾ Цзасаг. хан. айм. шаст. Т. 62, л. 5.

⁷⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 15.

⁸⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 55, л. 4.

⁹⁾ Ibid. Т. 57, л. 4.

86. онъ необходимо долженъ лишиться по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{4}$ этого
 числа производителей и такимъ образомъ онъ теряетъ даже не столько
 въ настоящемъ, сколько въ будущемъ. Помимо пожертвованій халхасы
 участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ перевозкою по своимъ кочевьямъ
 провіанта въ военные лагеря: для этой цѣли напр. въ 1716-мъ году
 изъ одного только сэцэнъ-хановскаго аймака было вызвано 5000
 человѣкъ¹⁾; переправкою, разселеніемъ въ своихъ кочевьяхъ и охра-
 ною плѣнниковъ: такъ, послѣ взятія въ плѣнъ цзайсана Лубсанъ-
 шараба съ его данниками, маньчжурами въ 1718-мъ году былъ вы-
 званъ сэцэнъ хановскій цзасакъ Тамаринъ чжабъ съ 600 человѣкъ
 войска и ему поручено было размѣстить плѣнниковъ въ урочищахъ
 Ханъ-улы и охранять ихъ²⁾; въ 1721-мъ году изъ сэцэнъ ханов-
 скаго же аймака были вызваны войска въ урочища Банинъ-цзурухэ
 для охраны плѣненныхъ въ 1720-мъ году урянхай'евъ³⁾; въ 1722-мъ
 году, когда императоръ указалъ переселить Лубсанъ Шараба изъ
 урочищъ Ханъ-улы въ чахарскія кочевья, то дѣло перемѣщенія его
 было возложено на хошунъ тушѣту-хановскаго цзасака Цэрэнъ-
 бала⁴⁾. Всѣ эти повинности, безъ сомнѣнія, тяжело отзывались на
 жизни халхасовъ, хотя опять таки эта тяжесть была собственно го-
 воря ничѣмъ, въ сравненіи съ испытаннымъ Халхою въ войны Гал-
 дана. Дѣло въ томъ, что халхасы не оставляли въ это время своихъ
 домовъ, не терпѣли отъ опустошительныхъ набѣговъ и грабежей, слѣ-
 довательно жизнь ихъ текла мирно и могла свободно развиваться въ
 данномъ ей направленіи.

Каково было это направленіе, намъ уже извѣстно до нѣкоторой
 степени. Мы знаемъ, что маньчжуры, принявши халхасовъ въ свое
 подданство и возвративъ имъ родныя кочевья послѣ галдановскаго
 погрома, по первоначалу не сдѣлали въ Халхѣ никакихъ преобразо-
 ваній кромѣ лишь увеличенія числа халхаскихъ правителей и раздѣ-
 ленія халхасовъ на большее число хошуновъ: они не опредѣляли

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 53, л. 14.

²⁾ Ibid. Т. 59, л. 15.

³⁾ Ibid. Т. 53, л. 14.

⁴⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ге. Цз 4-я, л. 22-й.

въ Халху ни одного изъ своихъ чиновниковъ, не вводили въ этой странѣ своихъ законоположеній, однимъ словомъ, — предоставили ей цѣликомъ вѣдаться своими старыми порядками. И халхасы дѣйствительно начали свою жизнь по старому. Ихъ князья какъ и прежде были полновластными господами въ своей землѣ; управляли своими данниками, налагали на нихъ подати и чинили у нихъ судъ и праву, руководствуясь единственно изстари установившимися обычаями, да своимъ личнымъ смысломъ и произволомъ; короче сказать, — власть законодательная, административная и судебная всецѣло находилась теперь въ рукахъ халхаскихъ князей также точно, какъ это было и до времени подданства Китаю. Народъ халхаскій, въ свою очередь, продолжалъ беззавѣтно вѣровать въ своихъ князей и подчиняться имъ, почиталъ все благо своего существованія въ увеличеніи своихъ стадъ и, оставаясь неподвижнымъ въ культурномъ отношеніи, не предпринималъ ничего для упроченія своего благосостоянія, помимо умиловительныхъ жертвъ Буддѣ, въ волѣ котораго полагалъ онъ причину всего добраго въ своей жизни, равно какъ и причину всѣхъ своихъ несчастій. Очевидно стало быть, что вассальныя отношенія халхасовъ къ Китаю по первоначалу были именно тѣ самыя, въ которыхъ и до нынѣ находится по отношенію къ дайциньской династіи Корея; народъ же халхаскій, не смотря на всю вынесенную имъ горечь жизненнаго опыта, оставался дѣтски наивнымъ и беззаботнымъ. Впрочемъ Канси, не измѣнившій отношеній халхаскихъ князей къ своимъ данникамъ съ самаго начала по возвращеніи халхасовъ на сѣверъ Гоби, не далѣе какъ черезъ десять двѣнадцать лѣтъ, началъ уже ограничивать произволъ халхаскихъ правителей. Первую степень этого ограниченія составляло постановленіе, по которому халхаскіе князья не могли самовольно заводить какія бы то ни было сношенія съ иноземнымъ народомъ, равно и въ своей странѣ рѣшать тѣ уголовныя дѣла, за которыя преступники должны были подвергаться смертной казни. Обо всѣхъ случаяхъ дипломатическихъ или торговыхъ сношеній съ иностранцами, равно и обо всѣхъ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ халхасы должны были доводить до свѣденія императора черезъ посредство Ли-фань-

86. юаня. Нѣсколько позже халхаскимъ князьямъ вѣнено было въ обя-
занность представлять въ Пекинъ и обо всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ
гражданскаго судопроизводства и рѣшеніе этихъ дѣлъ, согласно новымъ
порядкамъ, также точно подлежало власти пекинскаго министерства,
или даже самага императора. По каждому такому представленію изъ
Халхи составлялось въ Пекинѣ особое рѣшеніе, которое и посылалось
обратно къ исполненію. Всѣ эти отдѣльныя рѣшенія и разнаго рода
указы, какіе только издавались по дѣламъ монголовъ, спустя 60 лѣтъ,
въ царствованіе императора Цянь-луна, были собраны въ одно цѣлое
и составили собою такъ называемые монгольскіе законы, извѣстные у
насъ въ переводѣ о. Іакинфа и изданные въ его сочиненіи „Записки о
Монголіи“. Что касается до сношеній съ иностранцами, т. е. собственно
съ русскими (потому что русскіе были единственными иноземными со-
сѣдами Халхи, да и во внутрь этой страны въ то время кромѣ нихъ
не проникалъ еще никто ни изъ европейскихъ, ни изъ восточныхъ
народовъ), то онѣ въ послѣдніе годы царствованія Канси велись съ
постоянно усиливавшеюся энергіею. Съ одной стороны халхаскіе князья
съ гораздо болѣею настойчивостью чѣмъ прежде добивались теперь
отъ русскихъ возврата своихъ данниковъ, въ разное время перебѣжав-
шихъ и перебѣгавшихъ въ русскіе предѣлы¹⁾; съ другой и торговли
сношенія Россіи съ Халхою въ это время значительно усилились, такъ
что если торговля эта и была черезъ чуръ мелочною по своему содер-
жанію, то по количеству участниковъ въ ней, а равно и по количеству
обмѣняваемыхъ товаровъ, она несомнѣнно возростала годъ отъ года. Все
это побуждало Канси уже не довѣрять надзору за сношеніями съ Россіей
въ отдѣльности каждому князю, хошунъ котораго былъ сопредѣленъ ея
границамъ, а сосредоточить наблюденіе за порядкомъ и производствомъ
пограничныхъ дѣлъ въ одномъ лицѣ, каковымъ и былъ назначенъ въ
60-мъ году правленія Канси (1721) тушѣту ханъ Ванчжиль-дорджи²⁾.
Какъ пограничному комиссару, ему одному изъ халхасовъ поручалось

¹⁾ Съ особенною настойчивостью требовали они возвращенія 700 юргъ
табунагатовъ, бѣжавшихъ, какъ мы видѣли уже выше, въ періодъ 1717—
1719 годовъ. (Табунаг. улус. тухэ л. 15).

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 21-й.

вести сношенія съ русскими властями и наблюдать за ходомъ всѣхъ дѣлъ по границѣ; за всѣмъ тѣмъ дѣла, болѣе выдающіяся, онъ опять таки не могъ рѣшать самолично и произвольно, а долженъ былъ сообщать о нихъ въ Пекинъ и просить указаній и наставленій къ ихъ разрѣшенію¹⁾. Надо замѣтить, что переписку по всѣмъ этимъ вновь установленнымъ сношеніямъ Халхи съ маньчжурскимъ министерствомъ князья обязаны были вести не иначе, какъ на маньчжурскомъ языкѣ и такимъ образомъ въ дѣлопроизводство Халхи впервые былъ введенъ языкъ маньчжурскій. Чтобы облегчить халхасамъ въ этомъ отношеніи сношенія съ Пекиномъ, Канси, въ 55-мъ году своего правленія (1716 г.), особливимъ указомъ повелѣлъ издать и обнародовать въ переводѣ на монгольскій языкъ маньчжурскій лексиконъ подъ названіемъ „Толи“. Трудъ этотъ, появившійся въ Пекинѣ въ слѣдующемъ 1717-мъ году, представляетъ собою 20 толстыхъ тетрадей въ форматѣ большемъ чѣмъ наша $\frac{1}{8}$ и носить полное заглавіе „Хагану бичихсэнъ манчжу монголъ үгэн'у толи бичикъ“, т. е. „зеркало маньчжурскихъ и монгольскихъ словъ, составленное императоромъ“; въ послѣдствіи онъ послужилъ для халхасовъ средствомъ къ ознакомленію и со всѣми важнѣйшими образцами маньчжурской литературы²⁾.

Вообще Канси въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своего правленія высказалъ особенныя заботы о просвѣщеніи халхасовъ, хотя, въ угоду общему настроенію монгольскихъ племенъ, эти заботы и выражались въ изданіи книгъ почти исключительно буддійскаго содержанія. Такъ, обр. въ 47-мъ году своего правленія (1708) императоръ обнародовалъ для халхасовъ въ переводѣ съ тибетскаго на монгольскій языкъ нравственно-богословское сочиненіе „Хутухту Молонъ-тойнь эхэ-дуръ-йэн ачи харигулихсанъ судуръ“³⁾, и догматическо-

¹⁾ Этимъ назначеніемъ и объясняется теперь, почему всѣ наши сношенія съ Китаемъ за эти годы велись чрезъ тушѣту хана.

²⁾ Маньчжу монг. угэн. толи бич. л. 9-й.

³⁾ Въ переводѣ на русскій языкъ оглавленіе это означаетъ «Сутра о томъ, какъ святой Молонъ тойнь отблагодарилъ свою мать». Уже по самому смыслу этого заголовка мы можемъ предполагать, что сочиненіе это должно имѣть повѣствовательный характеръ и дѣйствительно, въ цѣломъ своемъ составѣ, оно описываетъ подвиги Мутгальвани (Молонъ-тойна), одного изъ ближайшихъ учениковъ Шигемунія будды, въ дѣлѣ доставленія духовныхъ благъ

86. богословское „Хутухту Йэхэдэ тонилгахчи“; въ 50-мъ году (1711)—

П о я с н е н і я
н а
с т р.

своей матери. Историческаго значенія книга эта не имѣетъ никакого и можетъ быть причислена къ числу такихъ повѣствованій, въ которыхъ образно раскрывается буддійское ученіе о мірахъ, а также и нравственное ученіе, излагаемое здѣсь въ рѣчахъ Будды; съ этой только стороны книга и имѣетъ значенія. Все сочиненіе содержитъ въ себѣ безчисленное множество повтореній,—это, можно сказать, его отличительный характеръ: каждую рѣчь, высказанную въ прозѣ, какъ Будда, такъ и всѣ выводимыя въ разсказѣ лица непрерывно повторяютъ въ стихахъ; такая двойственность впрочемъ имѣетъ то значеніе, что неудобопонятно выраженное въ одномъ мѣстѣ дѣлается яснымъ чрезъ другое выраженіе. Языкъ сочиненія легкій и удобопонятный. Стихи, имѣвшіе свое мѣсто въ первоначальномъ текстѣ тибетскомъ, въ переводѣ монгольскомъ вовсе не соблюдаются и стихотворныхъ размѣровъ рѣчи, равно какъ и рифмы здѣсь нѣтъ никакой, такъ что о мѣстонахожденіи стиховъ въ тибетскомъ подлинникѣ можно узнавать только по надписанію «шилѹглэнь учіба». Все сочиненіе раздѣляется на 5 частей, называемыхъ здѣсь—бѹлѹкъ въ отличіе отъ главъ, которыхъ въ сочиненіи считается 27, или 28 и которыя называются—цзѹилъ.

Въ частности:

1-я глава называется «Ицзагури дуратхой». Она описываетъ состояніе Мутгальвани до времени знакомства его съ Буддою; затѣмъ излагаетъ обстоятельства призванія Мутгальванія въ число послѣдователей будды однимъ изъ учениковъ Шигемунѹи—Асокою и заканчивается извѣстіемъ о рѣшимости Мутгальванія вмѣстѣ съ своимъ другомъ Эбурь-эцэ туруксѹн'омъ отправиться на свиданіе къ Буддѣ.

2-я глава носитъ названіе «Тутхаритчу эсэ чихахсан». Она содержитъ въ себѣ изложеніе разсказовъ о томъ, какъ шимнусъ (злой духъ) покушался отклонить друзей отъ посвященія въ духовное званіе и для сего, принявъ на себя видъ Асоки, предсталъ Мутгальванію и его другу въ то время, какъ они уже шли Буддѣ. Подъ видомъ Асоки шимнусъ увѣрялъ ихъ, что все, прежде разсказанное имъ о Буддѣ, не вѣрно, а потому-де лучше будетъ для нихъ, если возвратятся они назадъ и будутъ жить наслаждаясь мірскими удовольствіями. Но Мутгальвани провидѣлъ духа злобы и убѣдилъ своего друга продолжать путь и принять тойниство, ради уничтоженія вращенія во вселенной и смерти.

3-я глава, носящая имя «Цзэтхэри усатхагахсан», заключаетъ описаніе новыхъ затрудненій, представленныхъ шимнусомъ Мутгальванію и его сотоварищамъ (теперь уже вмѣсто одного друга у Мутгальвани набралось до 500 спутниковъ). На этотъ разъ шимнусъ предпринимаетъ намѣреніе помѣшати путникамъ въ дорогѣ и заграждаетъ имъ путь сначала озеромъ, величиною въ 100 бэрэ, а потомъ горою, высотой въ 1000 бэрэ, на которой слышится имъ рычаніе 100 львовъ. Но Будда указываетъ стремящимся къ нему избранныкамъ прямой путь, на которомъ они избавляются отъ всякихъ страховъ и наконецъ достигаютъ до мѣста, гдѣ сидѣлъ Шигемунѹи, окруженный 100,000 приближенныхъ и преподававшъ свое ученіе.

Хутүхтү Ихэ нигүлэсүхчи цаганъ линхоа нэрэтү эйхэ хүлгэн судурь; 86.

4-я глава, озаглавливаемая «Тойнъ болохсанъ», описываетъ принятіе духовнаго званія Мутгальваніемъ и его другомъ. Будда, увидавъ приближавшихся къ нему друзей, сообщилъ своимъ ученикамъ, что это великіе избранники судьбы и что одинъ изъ нихъ, именно Мутгальвани, сдѣлается главою хубилганства, а второй, другъ его, главою мудрецовъ изъ среды шраваковъ. Послѣ сего аяга тахимники съ женами (?!!) и тайнами встрѣчаютъ пришедшихъ. Юноши объявляютъ Шигэмунію о своемъ происхожденіи и говорятъ, что на принятіе званія тойна они имѣютъ дозволеніе отъ родителей. Будда дозволяетъ имъ остаться при немъ и они дѣлаются тойнами.

5-я глава подписывается «Бошокъ сойрхахсанъ». Мутгальвани, уже будучи ученикомъ Будды, говоритъ ему, что онъ томится невѣденіемъ о своей матери, проводившей грѣховную жизнь и проситъ Будду указать ему мѣсто ея перерожденія. Будда посему совѣтуетъ ему, чтобы видѣть свою мать, предаться подвигамъ созерцанія на горѣ Кандаригунъ.

6-я глава, по имени «Эцигъ хубогун агулцаадухсан», описываетъ свиданіе Мутгальванія съ отцемъ. По силѣ вышепомянутого созерцанія, Мутгальвани изслѣдуетъ всѣ царства буддъ и узнаетъ, что отецъ его возродился въ обители Ишвары, а мать въ аду. Получивъ чудотворную силу отъ Будды, Мутгальвани отправляется въ царство Ишвары, гдѣ убѣждаетъ тенгриевъ оставить пристрастіе къ матери, и тенгрии, прослушавъ его проповѣди, получаютъ аригухсанъ номунъ нидун (очи святой духовности). Увидавшись съ отцомъ, который былъ ханомъ царства Ишвары, Мутгальвани, по поводу возрожденія своей матери въ аду, развиваетъ мысль, что всѣ существа, какъ прошедшія отъ материн, влекутся къ нисванису, но что міръ не вѣченъ и увлеченіе наслажденіями можетъ прельщать только малодушныхъ, почему только эти послѣдніе и впадаютъ въ злополучныя перерожденія. Отецъ въ стихахъ восхваляетъ своего сына, а послѣдній преподаетъ ему ученіе о 4 номахъ, послѣ чего ханъ Ишвары получаетъ хиръ угэй номунъ нидунъ (очи нескверной духовности).

7-я глава — называется «Номунъ убадисъ сойорхахсанъ». Изъ царства Ишвары Мутгальванія уходитъ невидимымъ и, явившись къ Буддѣ, проситъ у него наставленія, какъ спасти свою мать. Будда совѣтуетъ ему отправиться въ злополучныя перерожденія и повидаться съ матерью.

8-я глава носитъ названіе «Усунъ углигэтү бираманъ» и описываетъ пребываніе Мутгальванія въ аду. Слѣдуетъ подробное описаніе ада и чертей, которые въ присутствіи Мутгальвани мучили одного брамина, такъ какъ онъ, будучи богатымъ, никогда не подавалъ милостыни. Браминъ проситъ Мутгальванія поучить его родственниковъ добродѣтели; послѣ сего зрѣлики оставляютъ его.

9-я глава, «Буянъ-хилинцэсунъ илгали илгахсанъ» и 10-я — «цагурату дурахсанъ» описываютъ различныя отдѣленія ада, которыя посѣщаютъ Мутгальвани, отыскивая свою мать.

11-я глава начинается собою 2-ю часть сочиненія, хотя логически она представляетъ прямое продолженіе предыдущей главы. Наименованіе ея «Эрлигудун дэргэдэ хүрүхсэнъ», въ содержаніе же входитъ описаніе дальнѣй-

86. въ 51-мъ году (1712) обширное сочиненіе догматическаго содержа-

П о я с н е н і я
н а
с т р.

шаго пребыванія Мутгальванія въ адѣ и наконецъ рѣшеніе его идти въ царство Эрликъ-хана, находящееся въ 8000 бэрз по ту сторону дверей адскихъ. Чудотворною силою достигаетъ Мутгальвани до страны эрликовъ. Слѣдуетъ за симъ описаніе этой страны и мученій, которыя испытываютъ грѣшники въ царствѣ эрликовъ.

12-я глава—«Молонъ тойнъ эрликъ хан агулцалдунцохой», излагаетъ описаніе дворца Эрликъ хана и города, въ которомъ онъ живетъ. Принятый съ радостію Эрликъ ханомъ Мутгальвани объясняетъ ему, что онъ явился въ царство эрликовъ для блага одушевленныхъ существъ вообще, но что у него есть и маленькая своя нужда, причѣмъ передаетъ Эрлику свои намѣренія касательно матери. Эрликъ ханъ сообщаетъ Мутгальванію, что онъ не въ силахъ спасти свою мать, ибо грѣхи ея такъ велики, что очистить ихъ и такъ обр. избавить отъ перерожденій адскихъ, можетъ только Будда, или Арія-бало; къ нимъ онъ и совѣтуетъ Мутгальванію отправиться съ своею просьбою.

13-я глава «Эрхотѣ Арія балойн нигулэсхѣй бэрз хубилган уцэгулхусэнъ». Отправившись къ Арія-бало, Мутгальвани застаётъ его преподающимъ ученіе бодисатвамъ и махасатвамъ. Мутгальвани даетъ имъ вопросы о путяхъ одушевленныхъ существъ, о причинахъ возрожденія на томъ или другомъ пути, о происхожденіи пяти грѣховъ и о средствахъ спасенія. Бодисатвы подробно выясняютъ ему ученіе о помянутыхъ вопросахъ, послѣ чего Мутгальвани проситъ ихъ спасти его мать. Бодисатвы, пораженные его сыновнею любовью, сначала восхваляютъ его, а потомъ показываютъ ему силы своего рити хубилганства, чрезъ посредство которыхъ всѣ существа, находившіяся въ адскихъ мученіяхъ, сдѣлались блаженными и предались созерцанію.

14-я глава—«Бодисунъ, Махасунъ Арія балойн рити хубилганъ уцэгулхусэнъ». Мутгальвани похвалаетъ силу рити хубилганства бодисатвъ, почему они освѣщаютъ весь міръ силою чудесъ, а вышедшіе изъ порокъ ихъ хубилганы успокоиваютъ существа, претерпѣвавшія страданія и Мутгальвани видитъ эти существа въ состояніи совершенно противоположномъ тому, которое описано въ главѣ 11-й. За это благодареніе Арія-бало посылаетъ Мутгальванія въ адъ проповѣдать тамъ объ его имени.

15-я глава «Амитанъ таму-дуръ отчу цзобазантан амитани ўцэксэнъ». Мутгальвани предается созерцанію, по силѣ его снова достигаетъ ада и входитъ въ то отдѣленіе его, которое населяютъ существа, увлекашіеся въ мірѣ любострастными пожеланіями. Описываются мученія этихъ грѣшниковъ, которыхъ Мутгальвани призываетъ обратиться съ молитвою къ Арія-бало.

16-я глава начинается собою третью часть сочиненія и надписывается «Эхъ хубэгунъ хояръ агулцалдунхсанъ». Мутгальвани глазами рити хубилгана увидѣлъ мать свою заключенною въ отдѣленіе ада, извѣстное подъ именемъ «Цзабсар угэй». Слѣдуетъ описаніе этого ада. Для спасенія существъ его Мутгальвани взлетаетъ на небо и произноситъ имя Арія-бало, почему всѣ адскія существа успокоиваются и вѣруютъ въ Арія-бало и въ Будду. Послѣ сего Мутгальвани идетъ на свиданіе съ своею матерью, которую выводитъ къ нему Эрликъ. Мутгальвани совѣтуетъ своей матери раскаяться и возбу-

нія „Мани гамбушъ“; въ 53-мъ году (1714 г.) приказалъ вырѣзать 86.

дить въ своей душѣ спятыя пожеланія, а Эрлики, какъ бы въ свое оправданіе за доставленныя ей мученія, въ пространной рѣчи излагаютъ ту мысль, что всѣ они эрлики не давали клятвы дѣлать зло одушевленнымъ существамъ, но, по волѣ судьбы, исполняютъ только свое назначеніе. Послѣ сего Эрлики снова уносятъ отъ Мутгальванія его мать.

17-я глава «Молоной хатуні таму эцэ тонилухсанъ» начинается проповѣдью Мутгальванія къ эрликамъ, въ которой онъ убѣждаетъ ихъ не дѣлать зла, и увѣщаніемъ къ своей матери обратиться на путь добродѣтели. Молоной хатунъ (имя матери) увѣряетъ Мутгальванія, что причиною порочной жизни вообще, а ей въ частности, было и бываетъ невѣденіе о добрѣ и злѣ, равно какъ и мысль о продолжительности земнаго существованія: въ концѣ она проситъ у него избавленія отъ страданій и говоритъ, что упоаетъ на вѣчно милосердаго Будду. При этихъ словахъ она избавилась отъ адскихъ мученій.

18-я глава, подписываемая «чжиргагдахсанъ» излагаетъ обстоятельства, какимъ образомъ Мутгальвани спасъ изъ ада другихъ существъ.

19-я глава—Тогүнчилэнь прѣхсэн'у номогатхатун'и үпэмхсэнъ». Въ это время Будда находился въ Рачжагрихѣ и показывалъ ученикамъ силу своего рити хубилганства. Посланный за Мутгальваніемъ, Ананда приглашаетъ его оставить адъ и явиться къ Шигемунію для прославленія его величія и когда Мутгальвани пришелъ, то Будда находился въ созерцаніи. Силою этого созерцанія онъ видѣлъ и потрясъ всѣ царства міра. Тотчасъ же явились къ нему тенгрии и, послѣ хвалебнаго привѣтствія, начали просить уяснить имъ путь истины. Будда начинаетъ проповѣдь о необходимости знанія (мэдэхүй). За тѣмъ Мутгальвани описываетъ свои походы и подробно рассказываетъ объ адскихъ мученіяхъ, что вынуждаетъ тенгриевъ семи странъ обратиться къ Буддѣ съ просьбою объ укрощеніи мученій ада. Будда отвѣчаетъ имъ проповѣдью о причинахъ возрожденія въ аду, средствахъ отъ него избавиться и подробно рассказываетъ ученіе о 12-ти свойствахъ Будды. Тенгрии, прослушавъ это ученіе, прозрѣли духовно.

20-я глава. Молоной тоинъ снова проситъ Будду указать ему мѣсто возрожденія его матери и Будда, похваливъ его сыновнюю заботливость, возвращаетъ ему, что мать его, силою благословенія Арія-бало, возродилась изъ ада:—но эта сила благословенія Арія-бало, замѣчаетъ Будда, есть моя собственная. Уясняя это положеніе, онъ показываетъ различіе свойствъ буддъ и бодисатвъ, по которому первые являются во всемъ безконечно совершенны, а вторые спасаются отъ злой судьбы только въ томъ случаѣ, если исполняютъ 8 правилъ (найманъ номъ). Объяснивъ значеніе этихъ правилъ, Будда сообщаетъ Мутгальванію что мать его возродилась въ странѣ биритовъ.

21-я глава начинается собою четвертую часть сочиненія и носитъ названіе «Молоной хатуні биритъ эцэ тонилухсанъ».—Мутгальвани чудотворною силою достигаетъ страны биритовъ и здѣсь также видитъ ужасныя мученія. Слѣдуетъ подробное описаніе этой страны и изложеніе обстоятельствъ какимъ образомъ избавилъ Мутгальвани отсюда свою мать. Выведши ее изъ страны биритовъ, Мутгальвани отправляется съ нею въ царство Кунала. Здѣсь мать

86. доски для печатанія сочиненія „Ўлигэрүнъ-далай“¹⁾; въ 54-мъ году

П о я с е н і я
н а
с т р.

его, какъ не успѣвшая еще раскаться, проявляетъ жадность свойственную биритамъ и умираетъ на берегахъ р. Ганга, послѣ чего возрождается въ царствѣ животныхъ.

22-я глава въ изданіи пропущена, т. е. ею собственно обозначается конецъ предыдущей главы.

23-я глава—«Адугусунъ түрул-тү нохай энц тонилухсанъ». Молонъ тойнь, возвѣстивъ Буддѣ, что могуществомъ его онъ спасъ свою мать изъ царства биритовъ, получаетъ отъ Шигмунія новое извѣстіе о томъ, что мать его переродилась собакою въ домъ одного брамина. Мутгальвани отправляется къ брамину, который поражается тѣмъ, что собака его, бывшая всегда злою, теперь ласкается къ чужому человѣку. Мутгальвани объясняетъ брамину истинную причину этого обстоятельства и потомъ начинаетъ проповѣдь о возмездіи за дѣла и воздаяніи за грѣхъ и добродѣтели. Собака, прослушавъ это ученіе, тотчасъ раскаявается и получаетъ возрожденіе въ человѣка, а браминъ дѣлается почитателемъ Будды.

24-я глава подписывается «Ўцэгүлүхсәнъ ном'ун убадус'ун рити хубилганъ». Мутгальвани, а вслѣдъ за нимъ и браминъ являются къ Буддѣ. Браминъ съ своими приближенными чествуетъ Шигмунія жертвами, а послѣдній объясняетъ имъ качества, которыми должно обладать, чтобы сдѣлаться Буддою (наиманъ номъ). За тѣмъ, улыбнувшись, Будда пророчествуетъ, что браминъ этотъ въ послѣдствіи принесетъ великую пользу для вѣры и объясняетъ ему средства для полученія святости (боди-хутукъ); наконецъ, обращаясь къ Молонъ тойну, онъ также говоритъ пространную рѣчь о томъ, какимъ образомъ бодисатвы могутъ достигнуть и усвоить себѣ качества «воистину пришедшихъ». Рѣчь эту Будда оканчиваетъ созерцаемъ, по силѣ котораго подавляетъ своимъ величіемъ всѣ существа міра и они дѣлаются блаженными.

25-я глава.—«Тэгүнчилэн прохсэн'у хуңу бэр Молон тойн эхэ дур йэн ачи харигулхуйги сэтхихсәнъ». Мутгальвани, желая опредѣлить докуда достигаетъ голосъ ученія Будды, ходитъ по разнымъ мірамъ и отсюду слышитъ его какъ бы на разстояніи одной сажени; на послѣдокъ приходитъ онъ въ страну Доцза, гдѣ хану этой страны показываетъ чудеса. По молитвѣ Молонъ тойна сюда же является Будда, у котораго Молонъ тойнь спрашиваетъ о своей матери. Будда говоритъ ему, что мать его возродилась въ городѣ Кабаликѣ дочерью богача Цокъ оюту. Мутгальвани приходитъ туда и удивляется Цокъ оюту своими чудесами, причемъ возвѣщаетъ, что Будда можетъ творить чудеса еще болѣе удивительныя. Цокъ оюту желаетъ видѣть у себя Будду.

26-я глава начинается собою пятую часть сочиненія. Въ домѣ Цокъ оюту Будда показываетъ чудеса рити хубилгана, по силѣ которыхъ всѣ земли Цокъ оюту оросились дождемъ. Послѣ первой проповѣди Шигмунія Цокъ оюту и вся семья его дѣлаются бодисатвами, а Будда начинаетъ имъ говорить о дѣяніяхъ бодисатвъ, потребныхъ для достиженія святости боди хутукъ. Въ то же время онъ пророчествуетъ, что дочь Цокъ оюту, мать Мутгальванія, сдѣлается Буддою.

(1715 г.) издалъ „Соносогатъ йэхэдэ тонилгахчи нэрэтү судурь“²⁾; въ 55-мъ году (1716 г.) Арбан цзүг'үн эцзэн Гэсэр хаган'у түчжи³⁾; Хутухту Аюши нэрэтү судурь⁴⁾ и Хутухту нэрэ сангади нэрэтү судурь⁵⁾; въ 58-мъ году (1719 г.) — Сайнъ цаг'уд'ун номлалга гай-

86.
на стр.

27-я глава. «Номун йосон үцзэгүлүхсэнтъ». Будда убѣждаетъ якшасовъ стремиться къ добродѣтели, а Кашибу объясняетъ какія опущенія свойственны званію тойна; за какіе пороки принявшій званіе тойна возрождается въ адъ; излагаетъ 20-ть отличительныхъ свойствъ бодисатвъ и рассказываетъ о значеніи подаянія милостыни.

28-я глава называется «Номун убадис'ун» и заключаетъ въ себѣ похвалу этого сочиненія.

1) Содержание этого сочиненія изложено проф. Ковалевскимъ въ Учен. Зап. Казанск. Универ. за 183 г. кн.

2) Содержание этого сочиненія можно найти въ статьѣ Г. Бобровникова «Курсъ буддійскаго ученія».

3) Монгольскій текстъ этого сочиненія былъ изданъ у насъ, въ Россіи, академикомъ Шмидтомъ въ 1836-мъ году, а переводъ его на нѣмецкій языкъ, составленный тѣмъ же академикомъ, появился въ печати въ 1839 году подъ заглавіемъ: «Die Thaten Bogda Gesser Chan's des Vertilgers der Wurzel der zehn Uebel in den zehn Gegenden».

4) Т. е. сутра подъ названіемъ «Святой Аюши». — Составитель этой сутры приводитъ будду Шигэмуніа въ городъ Ширавасту и, посадивъ его въ Чжэ-ватан'ѣ (монастырѣ) благотворительнаго богача — Анатапиндады, заставляетъ бесѣдовать съ Маньчзупріемъ о кратковременности настоящей человѣческой жизни, исполненной постоянныхъ лишеній и страданій. При этомъ случаѣ Шигэмуніа, по словамъ сутры, указалъ на средство для продолженія жизни. «Въ превыспреннихъ областяхъ, сказалъ Шигэмуніа, обитаетъ безконечно живущій будда Аюши. Постоянное благоговѣйное перечисленіе 108 эпитетовъ этого будды и восхваленіе многоразличныхъ заслугъ его мало того что могутъ доставить всякому человѣку долгоденствіе, но еще имѣютъ чудодѣйственную силу поправлять его матеріальное благосостояніе, помогаютъ ему добывать себѣ славное имя, почести, многочадіе и пр. и пр. За сими слѣдуетъ перечисленіе эпитетовъ Аюши на монгольскомъ языкѣ и произносимы въ честь его тарни».

Въ бытность мою въ Халхѣ одинъ изъ ургинскихъ ламъ, объясняя мнѣ содержаніе этого сочиненія, говорилъ, что оно представляетъ собою выборку и сокращеніе изъ другой болѣе обширной сутры о буддѣ Аюши, извѣстной на монгольскомъ языкѣ подъ именемъ «Хутухту цагзаши угэй насунъ хигэтъ бэлэгъ бидикту нэрэтү йэхэ хулганъ судурь»; но какъ это послѣднее сочиненіе не попадало ко мнѣ въ руки, то я и не могу сказать объ этомъ ничего достовѣрнаго.

5) Т. е. «Сутра подъ названіемъ правильное исповѣданіе святаго имени» (или эпитеты Маньчжурія). Составитель этого величанія, мѣстами усыпаннаго мистическими изрѣченіями, выводитъ на сцену скинтродержавнаго укро-

86. хамшигъ бая-хуланги эгүсэхэчи судурь ¹⁾); Ямандага, Махагала, Эрлигъ

П о я с н е н і я   н а   с т р . тителя противниковъ буддизма, побѣдителя трехъ міровъ, мощнаго владыку таннствъ Вачирвани и заставляеть его съ умиленно сложенными руками умо-
лять блаженнаго будду Шигемунія объяснить ему настоящее значеніе и чудо-
творную силу именъ и эпитетовъ Маньчжури. Шигемуніи внявъ этому мо-
ленію скиптродержавнаго и началъ произносить свое широковъщательное
славословіе царю краснорѣчія. Послѣ тарци, которыми заключается похвала,
восторженный Вачирвани еще разъ благоговѣйно складываетъ свои ладони и
превозноситъ Шигемунія за сообщеніе ему тайны.

¹⁾ Т. е. «Сутра, созидающая великую радость,—ученіе о праздникахъ». Въ
этой сутрѣ, изданной на 203-хъ листахъ, подробно излагается исторія такъ
называемаго рити хубилгана, т. е. чудеснаго превращенія лицъ и предметовъ,
совершеннаго Шигемуніемъ на 36-мъ году отъ рожденія. Не входя здѣсь въ
подробное изложеніе рити хубилгана Шигемуніева, побѣдоносно утвердив-
шаго ученіе буддъ, ограничимся изложеніемъ отдѣленія названной книги,
трактующаго о введеніи у буддистовъ праздника въ честь и памяти рити ху-
билгана.

Блаженный Будда, показавъ свою силу въ рити хубилганствѣ, воздвиг-
нулъ въ южной части Шравасты памятникъ, извѣстный подъ именемъ «рити
хубилгану субурганъ». Въ слѣдующемъ году учреждено было по сему случаю
жертвоприношеніе. Въ Индіи ученые, пандиты, цари, сановники, хозяева до-
мовъ и пр. начали каждый у себя приносить жертвы и праздновать торжество
великаго «рити хубилгана». Потомъ это учрежденіе перешло въ Тибетъ и
тамъ, начиная съ хановъ, ламы и всѣ свѣтскіе люди мало по малу приняли
обыкновеніе торжественно прославлять подвиги Шигемунія. Въ особенности
же Маньчжушири лама богда Цзонхава, поставивъ въ хлассійскомъ храмѣ
статую Цзу-Шигемуніи предъ тремя другими изображеніями будды, въ при-
сутствіи 70 слѣшкомъ тысячъ хуvaraковъ, приготовивъ все потребное къ
богослуженію, въ послѣднее число 12-й луны лѣта мужчины, дерева и мыши
(1884), съ 1-го по 15-е число первой луны въ лѣто женщины, дерева и телца
служилъ молебствіе, извѣстное подъ именемъ «хлассангъ йэхэ пругэлъ» и
заповѣдалъ совершать его ежегодно. Наконецъ въ Китаѣ императоръ Ши-
цзу (маньчжурской династіи), построивъ желтый храмъ (хуанъ сы), въ лѣто
женщины, земли и курицы (1669) повелѣлъ совершать рити хубилгану пруг-
элъ съ 1-го числа 1-й луны, что и исполняется до нашего времени. импера-
торъ Канси, построивъ храмъ Цзанданъ-цзу и при немъ монастырь въ лѣто
мужчины, земли и дракона (1688), къ празднику съ 1-го по 8-е число 1-й луны
прибавилъ еще пять дней.

Хотя праздникъ этотъ бываетъ и въ продолженіе 15-ти начальныхъ
дней 1-й луны, но собственно въ 7-е число бываетъ память рити хубилган-
ства, а въ 8-е память побѣды, одержанной Шигемуніемъ надъ учителями
Тирты и обращенія 90000 ихъ послѣдователей. Праздникъ этотъ называется
Цаганъ сара и отъ него считаютъ буддисты начало новаго года.

Подобнаго же рода свѣденія находимъ мы въ поминутомъ сочиненіи и
относительно праздниковъ: Чойнхоръ дуйчинъ, или по монгольски Номунъ
хурдэ эргигулхуй сайнъ эдуръ; Хлабунъ дуйчинъ: Яра или «Цзюу тахиль»;
Довъ-чото или Минганъ тахиль и пр.

хаганъ, Ухинъ-тэнгри, дүрбэнъ дохшитъ судуръ ¹⁾; Чарія аватара-йнь иругәръ, — теригүнъ, думда, ацусъ, гурбану иругәръ, — Сукавадйинъ иругәръ ²⁾; Хутухту сайнь ябудал'ун иругәръ ³⁾; въ 60-мъ году

¹⁾ Т. е. «сutra о четырехъ свирѣпыхъ божествахъ: Ямандагъ, Махагалъ, Эрликъ ханъ и Ухинъ тенгри». Содержаніе этой книги выражается самымъ ея заголовкомъ; въ частности она содержитъ въ себѣ описаніе и толкованіе вида, атрибутовъ и свойствъ помянутыхъ четырехъ божествъ, посвятивъ каждому изъ нихъ по отдѣлу: изъ отдѣла Ямандага 44 листа, Магахала описывается на 28 листахъ, Эрликъ ханъ на 20-ти и наконецъ Ухинъ тенгри на 35-ти листахъ.

²⁾ Т. е. «благожеланіе Чаріи аватары; благожеланіе перваго, средняго и послѣдняго; благожеланіе Сукавади». Книга эта состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ иругәрѣ, или желаніи благополучія, возносится молитва о томъ, да шествуютъ всѣ одушевленные существа стезею боди, да избавятся они отъ сансары, т. е. міроваго вращенія, да получаютъ блаженное состояніе буддъ и пр. Распространивъ свою молитву и въ прошеніяхъ за спасеніе адскихъ существъ, составитель иругэра переходитъ потомъ къ дѣйствительной жизни и проситъ, чтобы беременныя женщины рождали безъ страданій, чтобы алчущіе приобрѣтали безъ труда пищу, жаждущіе—воду, страждущіе—твердость, больные—испѣленіе, безсильные крѣпость и т. д. Проникаясь буддйскою любовію къ существующему, онъ проситъ, чтобы звѣри перестали истреблять другъ друга, чтобы шилмали, зловѣщее дерево, превратилось въ кашадруму,—дерево удовлетворяющее всѣ пожеланія... Словомъ, молитва эта обнимаетъ весь саба иртыңу, или весь міръ и все что въ мірѣ.

Во 2-мъ моленіи излагаются истины о трехъ заслугахъ и приобрѣтаемыхъ чрезъ оныя наградахъ. Прошенія здѣсь болѣе аскетическаго, чѣмъ общечеловѣческаго характера.

3-я молитва, подъ названіемъ «благожеланіе Сукавади», или буддйскаго рая, заключаетъ въ себѣ прошеніе молящагося за себя и за ближняго, чтобы увидѣть ему и всѣмъ людямъ бурхана Абиду, двухъ старшихъ бодисатвъ его и прочихъ небожителей. Сподобясь этого блаженства, продолжаетъ онъ, да стяжу я духовную силу (самбага) и собраніе неизмѣримыхъ заслугъ, да сдѣлаюсь для одушевленныхъ существъ подобнымъ кормчому; для совершенныхъ—источникомъ мудрости, какъ Маньчжүшри; для тиртиковъ (еретиковъ) и противниковъ Будды—подобнымъ владыкѣ таинствъ Вачирванію: да получу я власть давать жизнь всякому и т. д. и т. д.

³⁾ Т. е. «желаніе святыхъ и добрыхъ дѣяній». Единому только Буддѣ извѣстно, говоритъ авторъ, какъ велика сила и чудно дѣйствіе этой молитвы! Принимающій, читающій и изучающій ее войдетъ въ область Сукавади и увидитъ бурхана Абиду.

Къ этой молитвѣ, хотя совершенно отдѣльно и съ отдѣльнымъ счетомъ листовъ присоединена другая молитва святаго бодисатвы Майдари, которую онъ, шествуя нѣкогда по пути боди, читаетъ три раза въ день, и три раза въ ночь, преклонивъ правое колено на землю. По силѣ этого иругэра молящійся, подобно Майдари, можетъ точнось послѣ смерти самъ войти и другихъ ввести во всерадостную область Тушита.

86. (1721) Табунъ үцзэгүртү агулаин цадикъ и Дэгэдү оронъ табунъ
 үцзэгүртү агулаин сайшійял баясхуланъ-ту кумуда-ин цэцэглэгтүн
 эрихэ хэмэхү¹⁾, въ 61-мъ году Дэгэдү бүтүхсэнъ цаганъ шихүртэй²⁾;
 стр.

П о я с н е н і я   на 1) Содержание этого сочинения составляет описание горы, болѣе извест-
 ной у насъ подъ именемъ У-тай-шан'я, касательно же составленія его авторъ
 въ предисловіи замѣчаетъ, что онъ компилировалъ свой трудъ изъ многихъ
 древнихъ сказаній, важнѣйшимъ изъ которыхъ было сочиненіе: «Табунъ
 үцзэгүртү тунгалак сэригун агула хэмэнъ алдаршихсан оронъ, шитугэи
 шитугэхчин анхан'у йэхэ түчи». Все сочиненіе раздѣляется на три
 части, изъ которыхъ въ первой описываются безразлично всѣ пять горъ
 У-тай-шан'я и разсматривается съ историческо-буддйской точки зрѣнія ея
 божественное значеніе. Здѣсь говорится какъ пребывалъ на ней Будда, когда
 хотѣлъ просвѣтитъ вѣроу Китай и не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ по первому разу
 никакого успѣха; описывается постоянное пребываніе на вершинѣ этой горы
 Маньчжуширія, родившагося изъ падмы, выросшей на деревѣ, воспринявшемъ
 въ себя лучъ Будды; излагаются проповѣди Маньчжуширія и разсказывается
 объ усердіи его въ дѣлѣ просвѣщенія вѣроу китайцевъ; но какъ труды его
 опять таки не увѣнчались успѣхомъ, то Маньчжушири сложилъ въ ищикъ
 священныя книги и закопалъ ихъ на сѣверо-восточной сторонѣ горы. Вслѣд-
 ствіе этого въ мірѣ начались смуты, которыя прекратились не ранѣе того
 времени, какъ Падма-Самбава выкопалъ книги и сталъ снова проповѣдывать
 по нимъ вѣру.

Вторая часть, самая интересная, описываетъ подробно гору У-тай-шань.
 Краткое изложеніе этой главы невозможно по отрывочности и многосторонно-
 сти представляемыхъ ею свѣденій. Описаніе горы состоитъ въ исчисленіи ея
 достопримѣчательностей; другими словами, здѣсь указывается на построенныя
 въ горѣ монастыри, храмы, субурганы, на оставшіеся здѣсь слѣды ногъ буддъ,
 на протекающіе здѣсь священныя ручьи, потоки и проч., при этомъ о каж-
 домъ храмѣ, или субурганѣ коротко говорится чѣмъ онъ замѣчателенъ, когда
 и кѣмъ сооруженъ, или же онъ нерукотворенный и въ такомъ случаѣ когда
 и при какихъ обстоятельствахъ появился. Выставляется иногда польза и бла-
 годѣтельное значеніе этихъ храмовъ для одушевленныхъ существъ въ родѣ
 того что они исцѣляютъ болѣзни, сообщаютъ душевную чистоту и физиче-
 скую крѣпость, а въ будущей жизни приводятъ къ блаженной жизни. Это
 общее содержаніе всѣхъ 5-ти отдѣловъ второй части по числу пяти горъ
 составляющихъ У-тай-шань.

Третья часть говоритъ о благѣ и пользѣ для одушевленныхъ существъ
 этой горы обыденнымъ для буддйскихъ книгъ языкомъ, т. е. увѣряетъ, что не
 только бывшіе на этой горѣ, но и съ вѣроу слушавшіе о ней получаютъ спасеніе.

2) Т. е. «верховно исполненная (находящаяся) подъ бѣлымъ балдах-
 номъ». Главнѣйшее содержаніе этого сочиненія составляютъ предохра-
 нительныя, мистическія изрѣченія или тарни, легенда же, которою начинается
 сочиненіе, говоритъ, что тарни эти прозвучали изъ головной прически Будды
 Шигемунія, когда онъ сидѣлъ однажды съ Хормустою въ сонѣ тенгріевъ и
 бодисатвъ. Человѣкъ который будетъ носить эти тарни на шеѣ, говорить

Хутухту хирь үгэй алдаршихсан и ухагулхуй нэрэтү йэхэ хүлгэн судур¹⁾ и мн. др. Но самым обширнымъ предприятиемъ Канси въ дѣлѣ обогащенія монгольской литературы необходимо должно признать изданіе имъ Ганьчжура, громаднаго сборника буддійскихъ сочиненій въ 108 томовъ. Свѣденія объ этомъ изданіи мы находимъ въ монгольскомъ сочиненіи „Мэргэтъ гархуйнъ оронъ“, а вслѣдъ за нимъ и въ другомъ, недавно изданномъ, компилятивномъ трудѣ „Тэнгри-эцэ цзаагату богда Чингисъ хагану домокъ“; оба упомянутыя сочиненія одними словами говорятъ, что „Канси, по всегдашней благотворительности къ существамъ, населяющимъ поднебесную вообще, а въ особенности ко всему монгольскому народу, собралъ многихъ переводчиковъ и приказалъ имъ провѣрить Ганьчжуръ, переведенный въ старое время²⁾, и приготовить для него типографскія доски“³⁾. Нынѣ этотъ сборникъ

86.
на стр.
Поясненія

Шигемуни, на водѣ не утонетъ и на огнѣ не сгоритъ, отъ нечаянной смерти не умретъ, въ якша, въ бирита и въ ницаго не переродится и пр. Очень полезно привязывать эти тарни къ знаменамъ войскамъ, ибо войска чрезъ то будутъ всегда побѣдоносны.

¹⁾ Книга, принадлежащая къ отдѣлу Махаяны, подъ названіемъ «вразумленія бодисатвы, извѣстнаго подъ именемъ Хирь угэй». Сочиненіе это можно назвать лечебникомъ душевныхъ болѣзней, которымъ подвержено человечество. Послѣ великолѣпнаго пролога, авторъ выводитъ на сцену одного доблестнаго бодисатву по имени Хирь угэй (санскр. Вималакирти) который съ благою цѣлью притворился больнымъ. Между тѣмъ какъ вся знать города Вайсали дѣлала визиты мнимому больному и получала отъ него разнаго рода назиданія, Шигемуни въ свою очередь предлагалъ Шарипутръ, Мутгальванію, Маха-кашибу и другимъ приближеннымъ своимъ ученикамъ сходить и навѣдаться о болѣзни Вималакирти. Лица эти уклонились по разнымъ причинамъ. Наконецъ очередь дошла до Маньчжуширія и онъ отправился. Вималакирти вступилъ съ Маньчжуширіемъ въ продолжительную бесѣду. «Я боленъ, началъ онъ свою рѣчь, боленъ изъ за сочувствія къ одушевленнымъ существамъ, страдающимъ отъ душевныхъ недуговъ; боленъ, какъ отецъ, который терзается невыносимыми мученіями при видѣ опасно болящаго единственнаго своего сына». Затѣмъ Вималакарти переходитъ къ описанію душевныхъ болѣзней и подробно перечисляетъ средства къ ихъ леченію. Корень всѣхъ душевныхъ болѣзней, говоритъ онъ, самолюбіе (хамукъ эбетчин'у ундусун—би, минухэй хэмэху); лекарство противъ нихъ—84000 поученій Будды, а равно образъ жизни и соблюденіе религіозныхъ правилъ.

²⁾ Первый переводъ Ганьчжура на монгольскій языкъ былъ совершенъ чахарскимъ Ликданъ-багатуръ ханомъ (1604—1634 г.).

³⁾ Мэргэтъ гарх. оронъ,—отд. Абидарма л. 14; Тэнгри-эцэ цзааг. богда Чинг. хан. домокъ л. 19-й.

не печатается уже болѣе въ Китаѣ, но въ одномъ изъ пекинскихъ монастырей и именно въ Юнъ-хо-гун'ѣ хранится еще экземпляръ Ганьчжура этого изданія въ переводѣ на языкъ монгольскій.

Если мы видѣли уже и прежде, что халхасы всѣмъ своимъ существомъ и всецѣло предавались буддизму, то понятно, что эта преданность еще болѣе возрасла у нихъ при такомъ содѣйствіи и вниманіи къ ихъ религіи самого императора. Дѣйствительно, едва ли было въ Халхѣ болѣе славное время процвѣтанія буддизма, какъ послѣдніе годы царствованія Канси. Всѣ имѣющіяся у насъ историческія сказанія монголовъ относительно этого времени говорятъ о буддизмѣ и только о буддизмѣ. Важнѣйшимъ дѣятелемъ въ его развитіи былъ конечно гэгэнъ Чжэбцунъ-дамба-хутухты и вотъ мы узнаемъ, что за это время онъ ввелъ въ Халхѣ нѣсколько новыхъ богослуженій, въ Ургѣ же, для совершенія богослуженій соборныхъ, построилъ спеціальный храмъ, извѣстный подъ именемъ цокчинскаго и замѣчательный по своей величинѣ и архитектурѣ¹⁾; въ это же время установилъ онъ въ Халхѣ особые напѣвы и особливые строи для музыки при совершеніи богослуженій²⁾, далъ халхаскому духовенству новыя и отличныя отъ тибетскихъ формы одежды³⁾, со всей Халхи собиралъ мальчиковъ и, выбирая изъ нихъ способнѣйшихъ, отправлялъ ихъ въ Тибетъ для усовершенствованія въ наукахъ, конечно относящихся до религіи⁴⁾. Въ свою очередь изъ Тибета и даже изъ Индіи въ Халху приходили ученые ламы и здѣсь проповѣдывали халхасамъ слово буддѣйской истины, ознакомляя ихъ съ ученіемъ буддизма въ своей странѣ и распространяя неизвѣстные дотогѣ халхасамъ литературные памятники буддизма. Такимъ образомъ біографія Чжэбцунъ-дамба-хутухты извѣщаетъ насъ, что въ одинъ изъ пріѣздовъ Ундуръ гэгэна изъ Китая въ Халху, къ нему явился какой то индѣецъ, который наизусть прочиталъ ему сказаніе о Викрамадитѣѣ, послѣ чего легенды эти были записаны, переведены и сдѣлались извѣстны на мон-

¹⁾ Позднѣевъ. Города сѣверной Монголіи л. 20—25.

²⁾ Чжэбц. дам. хут. тѣр. тѣхэ л. 33—34.

³⁾ Ibid. л. 35.

⁴⁾ Ibid. л. 31.

гольскомъ языкѣ¹⁾. Въ послѣдніе годы царствованія Канси ламаи-ство развилось въ Халхѣ уже такъ сильно, что въ одной Ургѣ считалось тогда до 14,000 ламъ, а между тѣмъ и другіе монастыри халхаскіе также точно не отставали въ заботахъ о своемъ преуспѣяніи. Въ 55-мъ году правленія Канси (1716) въ Эрдэни цзу были введены всѣ тѣ богослуженія, которыя съ недавняго времени начали совершаться въ Ургѣ; въ 57-мъ году (1718) здѣсь (въ Эрдэни-цзу) начать былъ постройкою новый, громаднѣй, трехъ-этажный храмъ въ честь богини Дара-эхэ и предпринято было новое изданіе Ганьчжура; въ слѣдующемъ 58-мъ году (1719) оба эти предпріятія были окончены и какъ храмъ, такъ и ганьчжуръ были подарены настоятелемъ монастыря гэгэну, по случаю 85-ти лѣтняго юбилея его жизни. Гэгэнъ принялъ подарокъ и пожаловалъ этому новосооруженному храму прозваніе „Тэгусъ баясхуланту аганишта“, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ онъ въ Эрдэни цзу и до сего времени²⁾. Канси чрезвычайно уважалъ Ундуръ гэгэна именно за это сочувствіе его интересамъ буддизма и потому исполнялъ большинство ходатайствъ, представляемыхъ хутухтою не только по дѣламъ религіознымъ, но даже и общественнымъ, гражданскимъ. Такимъ образомъ по просьбѣ хутухты, какъ это видно изъ лѣтописи, въ 1721-мъ году тушѣту хану Ванчжиль-дорджи были наконецъ пожалованы титулы и печать, которыхъ дѣдъ его Чихунъ-дорджи домогался еще лѣтъ 35-ти тому назадъ; почти одновременно съ симъ маньчжурами прекращены были войны съ Цэванъ-рабтаномъ и это сдѣлано было опять таки по просьбѣ хутухты. Въ 1722-мъ году Чжэбцунъ-дамба, перекочевавъ съ своимъ курѣнемъ на Тамиръ, отправился было отсюда въ Пекинъ благодарить императора за всѣ оказанныя ему милости; но мы не знаемъ, удалось ли ему засвидѣтельствовать свою признательность Канси, ибо въ самый мѣсяцъ прибытія Ундуръ гэгэна въ Пекинъ императоръ Канси (Энхэ амугуланъ) скончался.

Поясненія на стр. 37.

¹⁾ Чжэбцз. дам. хут. тūr. тūхэ л. 38.—Сборникъ этихъ совершенно неизвѣстныхъ у насъ легендъ пріобрѣтенъ мною изъ библіотеки Чжэбцунъ дамба хутухты; онъ имѣетъ монгольскій заголовокъ «Эртэ балай цак-тур энэтхэг»-ун орон-дур анхан'у хаган Маха-самбадйин тучжи» и хранится теперь въ библіотекѣ СІБ. Университета, въ отдѣлѣ коллекціи Позднѣева, подъ № 1571-мъ.

²⁾ Эрдэни цзуйнъ тūхэ л. 28.

V.

ЦАРСТВОВАНИЕ НАЙРАЛТУ ТҮБ'А.

П о я с н е н і я   н а   с т р .   87.

По свѣденіямъ, сообщаемымъ намъ іезуитскими миссіонерами, Канси умеръ скоропостижною смертію отъ удара 20-го декабря 1722-го года и на другой же день послѣ его кончины вступилъ на китайскій престолъ новый императоръ, принявшій для годовъ своего правленія названіе „Юнь чжэнъ“¹⁾, каковое имя на маньчжурскій языкъ переводится — „Хуалясунъ тобъ“, а на монгольскій — „Найралту түбъ“ и означаетъ на русскомъ — „ненарушимое спокойствіе“. Такимъ образомъ извѣстіе нашей лѣтописи, будто Юнь-чжэнъ, или, какъ говорятъ монголы, Найралту түбъ, вступилъ на престолъ въ 1723-мъ году, оказывается невѣрнымъ и если халхасы все таки считаютъ 1723-й годъ первымъ годомъ правленія Юнь-чжэнова, что пожалуй по сущности и справедливо, то тѣмъ не менѣе годъ этотъ, по принятому обычаю счета годамъ правленія императоровъ, былъ уже вторымъ годомъ правленія Юнь-чжэна. Новое восшествіе на престолъ, какъ это бываетъ всегда и у всѣхъ народовъ, сопровождалось объявленіемъ разнаго рода милостей для данниковъ, между прочимъ и изъ числа монгольскихъ князей многіе получили повышеніе въ титулахъ, были пожалованы подарками, грамотами и знаками отличій. Что касается собственно халхаскихъ правителей, то изъ нихъ въ это время были особенно отличены тушѣту хановскій цзасагъ Данызинъ-дорджи, гэгэнъ Чжэбцунъ-дамба-хутухты и хэцзюнь-ванъ, эфу Дондобъ-дорджи. Первый, при своемъ повышеніи изъ званія бэйла въ хэцзюнь-ваны, удостоился получить императорскую грамоту, содержаніе которой хотя и передается намъ въ біографіи этого князя, тѣмъ не менѣе не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго и принадлежитъ къ типу самыхъ обыкновенныхъ рескриптовъ, выдаваемыхъ императорами своимъ заслуженнымъ данникамъ. „Со времени объявленія на военномъ положеніи сѣверной и западной дорогъ, пи-

¹⁾ Du Halde. Description de la Chine T. II p.

салъ императоръ, бэйлэ Даньцзинь-дорчжи весьма старательно заботился и, отдавая всё свои силы, работалъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Шэнь-цзу үрүшіѣлтү хуанди относился съ большою похвалою къ его способностямъ. Нынѣ, доставляя ему особенную милость, выразите ему отличное поощреніе, возведши въ званіе түрүинъ хэцзюнь вана¹⁾. Грамота, данная на имя Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, была написана гораздо витіеватѣе; она излагала собою заслуги гэгэна на пользу страны какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи и въ концѣ сообщала о пожалованіи гэгэна титуломъ „просвѣтителя вѣры“ и о выдачѣ ему новой золотой печати съ надписью, сообразною этому новому пожалованію. Нужно замѣтить, что всё эти награды были розданы въ 7-й день наступившаго новаго года—черноватаго зайца (1723), т. е. только за семь дней до кончины Ундуръ гэгэна, такъ что для ургинскихъ ламъ и для Халхи это выраженіе хутухты новыхъ милостей императора сдѣлалось извѣстнымъ тогда, когда самого хутухты не было уже въ живыхъ, — онъ скончался въ пекинскомъ желтомъ монастырѣ (кит. Хуанъ-сы, монг. Шара сүмэ) 14-го числа 1-й луны года черноватаго зайца (1723). Что касается хэцзюнь вана Дондобъ-дорчжи, то онъ пожалованъ былъ въ хошой цинь вана и это вторичное возведеніе его въ княжеское званіе 1-го ранга являлось, по словамъ приказа, какъ богоуханское милостію при случаѣ торжественнаго событія, такъ и результатомъ отличной службы его, Дондобъ-дорчжіа, въ Тибетѣ, куда послѣ отрѣшенія отъ должности тушѣту хана и разжалованія въ хэцзюнь вана отправился онъ, чтобы на мѣстѣ военныхъ дѣйствій искупить свои проступки, совершенные въ Халхѣ. Пожалованіе это для самого Дондобъ-дорчжіа имѣло несомнѣнную важность какъ свидѣтельство того, что опала, которая тяготѣла надъ нимъ до сего времени, была теперь снята маньчжурами. Конечно, возвратить себѣ все старое, стать снова тушѣту ханомъ для Дондобъ-дорчжіа было невозможно, ибо тушѣту ханство переходило уже по новому преемству и въ другомъ колѣнѣ; но, всматриваясь внимательно въ лѣтописныя сказанія халхасовъ, мы

Поясненія на стр. 87.

¹⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 4, л. 22.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, ст. 4.

87. Поясненія на стр. можемъ не безосновательно предполагать, что въ умахъ лицъ, распоряжавшихся судьбами Халхи, составилъ въ то время уже новый планъ для возвышенія Дондобъ-дорчжіа и именно, рѣшено было, чтобы первый новорожденный сынъ Дондобъ-дорчжіа былъ объявленъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. Въ самомъ дѣлѣ, по біографіи ургинскихъ хутухтъ мы находимъ касательно этого обстоятельства слѣдующій рассказъ. Передъ самою смертію Ундуръ гэгэна халхаскій вторичный ванъ (т. е. Дондобъ-дорчжі) и находившіеся при хутухтѣ шабинары спросили у гэгэна, гдѣ возродится его слѣдующій хубилганъ? „Хояръ ванъ бэчи тахя чжилътэй хѹхэн-ни ацара“ (т. е. — вторичный ванъ возьми дѣвушку, родившуюся въ годъ обезьяны, или курицы) отвѣчалъ гэгэнъ. Объ этихъ словахъ буддійскаго святителя тогда же было доложено императору и Дондобъ-дорчжі немедленно получилъ высочайшее повелѣніе возвратиться въ Халху по почтовымъ станціямъ. Тотчасъ по пріѣздѣ на родину онъ женился на дѣвушкѣ, рожденной именно въ годъ обезьяны и принадлежавшей къ роду хотохойтскаго табунанъа Даши; — имя ея было Цаганъ-дара-баярту¹⁾. Читая такое сказаніе, не трудно догадаться, что мѣсто рожденія будущаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты было предрѣшено императоромъ и приближеннѣйшими къ гэгэну лицами изъ халхаскаго духовенства еще при жизни Ундуръ гэгэна. Объ этомъ зналъ, или по крайней мѣрѣ могъ догадываться, еще и будущій отецъ этого хубилгана Дондобъ-дорчжі; во всякомъ случаѣ ему, очевидно, сказано было, чтобы онъ торопился своею новою женитьбою, ибо лѣтопись не безъ причины прибавляетъ, что Дондобъ-дорчжі отправленъ былъ изъ Пекина даже не на своихъ, вольныхъ лошадяхъ, какъ обыкновенно ѣздили тогда халхаскіе князья, а „үртүгэ-бөрү“, т. е. по казеннымъ почтовымъ станціямъ²⁾.

¹⁾ Чжэбцз. дам. хут. турул. намт. л. 41.

²⁾ Три года тому назадъ, когда писалъ я свое изслѣдованіе объ «Ургинскихъ хутухтахъ», мнѣ не было извѣстно это обстоятельство и фактъ избранія втораго халхаскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты былъ описанъ мною почти единственно на основаніи устныхъ преданій халхасовъ, которые собралъ я во время поѣздки по Монголіи. Согласно этимъ преданіямъ я говорилъ, что при избраніи втораго хубилгана въ средѣ халхаскихъ князей «на-

Помимо вышепомянутых трех лиц въ тоже время представ- 87.
лялись къ императору съ поздравленіями и получили пожалованія
сайнгъ-нояновскій цзасагъ Цэрэнь, возведенный въ достоинство хэ-

чалисъ происки и какъ результатъ ихъ раздоры между князьями: каждому хотѣлось, чтобы хубилганомъ былъ признанъ его сынъ, каждый, подъ пред-
логомъ просьбы Далай ламѣ о скорѣйшемъ указаніи хубилгана, ѣхалъ въ Ти-
бетъ и тамъ такъ или иначе заводилъ свой искъ и строилъ козни противъ
своихъ собратій... Въ письменности, говорилъ я далѣе, нѣтъ указаній на всѣ
эти обстоятельства, но монголы сами, не стѣсняясь, говорятъ объ этомъ».

Читая этотъ разсказъ и сопоставляя его съ настоящимъ извѣстіемъ, нѣ-
которые, можетъ быть, заподозрятъ справедливость того или другаго и возра-
зятъ, какіе же могли быть происки князей, если мѣсторожденіе хубилгана
было предрѣшено прежде, кто могъ рѣшиться на нихъ, какой былъ смыслъ
въ этихъ проискахъ? Но мнѣ кажется, что нѣтъ никакого основанія ни отвер-
гать сообщаемый мною теперь и заимствованный изъ біографіи Чжэбцзунъ-
дамба-хутухты фактъ о предрѣшеніи мѣсторожденія хубилгана, ни заподо-
зривать вѣрность устныхъ преданій монголовъ, изложенныхъ мною въ из-
слѣдованіяхъ объ ургинскихъ хутухтахъ: онѣ только дополняютъ другъ
друга и болѣе ясно рисуютъ намъ положеніе дѣла. Суть въ томъ, что маньч-
журами и представителями халхаской власти было заранѣе рѣшено объявить
слѣдующимъ хубилганомъ сына Дондобъ-дорчжіева, но это рѣшеніе не было
ковенно обнародовано, ибо въ противномъ случаѣ самое избраніе хутухты
могло бы показаться народу насильственнымъ, умысленнымъ, а потому ко-
нечно и не божественнымъ. И такъ происки могли имѣть полное основаніе,
ибо настоящаго предрѣшенія не знали ни кто. Очень можетъ быть, что всѣ
знали пророческія слова Ундуръ гэгэна, но онѣ были сказаны такъ осто-
рожно, что только намекомъ утверждали рѣшеніе маньчжуровъ: онѣ не ука-
зывали ни на какіе либо отличительные признаки хубилгана, ни на время
его рожденія; и въ самомъ дѣлѣ указать какую нибудь особенную примѣту
будущаго ребенка было невозможно, опредѣлить время его рожденія опять
таки нельзя, ибо могло быть, что жена Дондобъ-дорчжіева родитъ на первый
разъ дѣвочку, да и на второй тоже. При той неопредѣленности пророчества,
которая скрывалась въ словахъ Ундуръ гэгэна, дожидаться сына Дондобъ-
дорчжіева можно было цѣлый десятокъ лѣтъ, а опредѣленіе времени есте-
ственно грозило соблазнительнымъ скандаломъ, который и случился при из-
браніи четвертаго хутухты (см. Тр. Росс. дух. мис. въ Пек. т. II, стр. 488). Ни-
чего не говоря так. обр. о самой личности хубилгана, пророчество указывало
только на его отца и мать; но и это указаніе было опять таки такъ двусмы-
сленно, что по нему трудно было угадывать истину. Теперь, когда мы знаемъ
обстоятельства, мы даемъ слову «хояръ» значеніе «вторичный» и намъ ка-
жется дѣло яснымъ, но собственно слова «хояръ ванъ» могли имѣть значе-
ніе—два вана, второй ванъ; а можетъ быть находились мудрецы, которые истол-
ковывали ихъ и еще какъ нибудь. Богѣе точно было сказаніе о матери—она
должна была быть родившеюся въ годъ обезьяны или курицы. Но и оно давало
съ своей стороны широкое поле для происковъ, ибо всѣ князья, у которыхъ

87. цзюнь вана¹⁾; сэцэнь хановскій цзасакъ Янцзубъ-дорчжи пожалован-
ный титуломъ бэйсэ²⁾; Шацдуръ-чжабъ, возведенный въ тусалакчи
гуны³⁾ и ин. другіе.

Не успѣли однако и окончиться эти аудіенціи монгольскихъ князей, явившихся въ Пекинъ какъ для поздравленія новаго императора со вступленіемъ на престолъ, такъ и для поклоненія тѣлу почившаго хутухты, какъ въ Халхѣ снова начались послѣдовательныя возстанія урянхаевъ, плѣненныхъ маньчжурами и халхасами въ періодъ войнъ съ ойлтами. Первый примѣръ такихъ возстаній подалъ цзайсанъ Лубсанъ-шарабъ (по происхожденію урянхаецъ), который, какъ мы уже упоминали объ этомъ выше, въ послѣднемъ году правленія Канси былъ переселенъ маньчжурами изъ урочищъ Ханъ ули въ чахарскія кочевья⁴⁾. Недовольный этимъ перемѣщеніемъ и тяготясь удаленностью отъ роднаго края и роднаго народа, Лубсанъ-шарабъ возмутился, собралъ своихъ данниковъ и бѣжалъ съ ними на сѣверъ Гоби. Маньчжуры тотчасъ же поручили халхаскимъ правителямъ усмирить мятежниковъ и главнокомандующимъ войскъ халхаскихъ явился въ данномъ случаѣ тушѣту хановскій цзасакъ Цамцукъ-намчжилъ. Предводительствуя войсками своего хошуна и получивъ еще подкрѣпленіе отъ хошуна сэцэнь хановскаго гуна Цэбдэнъ-а, Цамцукъ-намчжилъ отправился въ преслѣдованіе Лубсанъ-шараба и ловкими нападеніями нѣсколько разъ поразилъ урянхайцевъ, убивъ и главнаго сообщника Лубсанъ-шарабова — Аюши-эбэли⁵⁾. Самъ Лубсанъ-шарабъ однако спасался бѣгствомъ отъ этихъ пораженій и только когда къ войскамъ Цамцукъ-намчжила присоединились еще отряды сэцэнь хановскаго цзасака Ванцзала, удалось имъ захватить Лубсанъ шараба въ урочищѣ Ухэръ бусэ, а вѣстѣ съ нимъ оконча-

были жены или наложницы, родившіяся въ годъ обезьяны, или курицы, могли разсчитывать на то, что сынъ ихъ будетъ избранъ хубилганомъ а слѣдов. и могли донскиваться этого избранія.

¹⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 70, л. 4.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 57, л. 21.

³⁾ Ibid. Т. 60, л. 3.

⁴⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 22-й.

⁵⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 7-й.

тельно усмирить возстаніе¹⁾. Императоръ съ особеннымъ благоволеніемъ встрѣтилъ побѣдителей: онъ возвелъ Цамцукъ-намчжила въ званіе түрүйн бэйлэ²⁾, а Ванцзала повысилъ въ хэ-цзюнь вань³⁾. Съ этого времени положеніе плѣнныхъ обратило на себя особенное вниманіе маньчжурскаго правительства и самъ императоръ, хорошо сознавая значеніе вопроса „о состояніи плѣнниковъ“ въ дѣлѣ обезпеченія внутреннего спокойствія своей страны, оказывалъ не мало содѣйствія къ тому, чтобы, такъ сказать, завлечь новопоселенцевъ и улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта заставить ихъ позабыть о родинѣ⁴⁾. Немедленно же ко всѣмъ цзасакамъ халхаскимъ, въ хошунахъ которыхъ состояли на жительствѣ плѣнные ѳлты и урянхай, посланы были высочайшіе указы, повелѣвавшіе этимъ цзасакамъ обратить особенное вниманіе на обезпеченіе внѣшней обстановки плѣнниковъ. Впослѣдствіи Канси точно также не разъ высказывалъ о нихъ свою заботливость: такъ, когда въ слѣдующемъ 1724-мъ году хотохойтскій бэйлэ Бубэй явился на аудіенцію ко двору, императоръ спрашивалъ его о положеніи вѣрннхъ его надзору урянхайевъ и результатомъ этого допроса былъ указъ на имя министровъ слѣдующаго содержания: „Когда, разговаривая съ бэйлэ Бубэй’емъ, я спросилъ его о томъ, какъ поживаютъ теперь подчиненные ему урянхай, онъ объяснилъ, что, состоя при цзянь цзюнь Хилитэй’ѣ, взялъ подъ проценты 18-ть тысячъ слишкомъ ланъ серебра казенныхъ денегъ и, купивши на нихъ скотъ, роздалъ его урянхай’ямъ, которые пріобрѣли такимъ образомъ средства къ существованію и живутъ теперь лучше стараго. Эти деньги, взятые подъ проценты, говорилъ онъ, я уплачиваю изъ своего жалованья по званію бэйлэ. Какъ подумаю я, писалъ далѣе императоръ, Бубэй доказалъ ревностную дѣятельность свою въ битвахъ и помимо того урянхай’и вѣдь мои же подданные; развѣ есть законъ брать проценты съ денегъ, потраченныхъ на пропитаніе моего же народа, да еще (вычитая ихъ) изъ жалованья моего же чиновника? Прекратить вычетъ этихъ денегъ и извѣстить объ этомъ Хи-

Поясненія на стр. 87.

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 48, л. 6-й.

²⁾ Ibid. Т. 48, л. 5.

³⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 6.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 12.

87. литэй'я¹⁾). Таковы были ходъ обстоятельствъ и мѣры, которыми обезпечивались въ Халхѣ существованіе плѣнныхъ въ это время²⁾).

Между тѣмъ маньчжурскія войска, еще въ послѣднемъ году правленія Канси получивъ предписаніе прекратить военныя дѣйствія противъ блѣтовъ и возвратиться за великую стѣну, въ теченіе всего 1-го года царствованія Юнъ чжэнова въ разное время оставляли занимаемые ими лагеря и другъ за другомъ являлись въ Китай. Къ началу 2-го года (1724) въ Халхѣ остались только одни охранные гарнизоны изъ мѣстныхъ войскъ, число которыхъ маньчжуры ограничили въ 2000, назначивъ верховнымъ правителемъ ихъ одного цзянь-цзюня изъ маньчжуровъ, а непосредственный надзоръ надъ ними вручивъ помощникамъ цзянь-цзюней. На эти послѣднія должности, какъ видно изъ нашей лѣтописи, были назначены лучшіе изъ халхаскихъ цзасак-ковъ по одному отъ cadaго аймака;—и съ этого времени, заключаетъ лѣтопись, получили свое существованіе въ Халхѣ должности тусалахчи цзянь-цзюней. Должно замѣтить однако, что юнъ-чжэн'овскіе тусалахчи цзянь-цзюни значительно разнились отъ тусалахчи цзянь-цзюней современныхъ. Первые имѣли значеніе *только* въ военное время и для *тѣхъ* войскъ своего аймака, которые состояли на *дѣйствительной* службѣ въ строю; настоящіе же тусалахчи цзянь-цзюни напротивъ завѣдуютъ военнымъ дѣломъ *цѣлаго* аймака во *всякое* время и имъ подчиняются одинаково *всѣ*, подлежащіе отбыванію воинской повинности, какъ состоящіе на *дѣйствительной* службѣ, такъ равно и *числящіеся въ запасъ*. Въ слѣдующемъ (1725-мъ) году императоръ пожаловалъ войскамъ cadaго изъ тусалахчи цзянь-цзюней особые значки и знамена, которые потомъ были присвоены также войскамъ cadaго изъ халхаскихъ аймаковъ³⁾). Очевидно, что всѣми этими нововведеніями Юнъ-чжэнъ стремился приблизить формы строя халхаскихъ войскъ къ китайскимъ порядкамъ, но за всѣмъ тѣмъ мѣстныя, т. е. инородческія войска ни въ Халхѣ, ни въ Тибетѣ не замѣнили ему маньчжурской арміи и лишь только императорскіе солдаты выступили изъ этихъ странъ,

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 4-я, л. 24-й.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 12.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 5, л. 1-й.

какъ снова начались здѣсь возмущенія, потребовавшія новыхъ и усиленныхъ трудовъ отъ китайской арміи.

По болѣе близкому сосѣдству съ Тибетомъ маньчжурская армія могла конечно возвратиться въ Китай изъ Тибета гораздо скорѣе, чѣмъ напр. изъ Халхи и отъ отдаленныхъ горъ Алтайскихъ. Дѣйствительно, отряды, командированные Кансіемъ изъ Сы-чуани и Гань-су, пришли на родину почти вслѣдъ за изданіемъ высочайшаго повелѣнія объ отозваніи арміи, такъ что уже въ 61-мъ году правленія Канси Хүхү норъ и Тибетъ были совершенно свободны отъ лагерей дѣйствовавшей здѣсь маньчжуро-китайской арміи. Сообразно этому болѣе раннему оставленію китайскими войсками Тибета и Хүхү нора и возмущенія начались здѣсь ранѣе безпокойствъ, возникшихъ въ Халхѣ и прежде всего, т. е. въ первомъ же году правленія Юнь-чжэна, въ Хүхү норѣ начали бунтъ хошоуты, подъ предводительствомъ князя своего Лубцзанъ-даньцзиня, внука знаменитаго хошоутовскаго Гуши-хана¹⁾. На жизнь халхасовъ, по отдаленности ихъ

Поясненія на стр. 87.

¹⁾ Такъ какъ свѣденія наши о странахъ Хуху нора и особливо за время царствованія въ Китаѣ маньчжурской династіи весьма незначительны, то я почитаю не лишнимъ сообщить здѣсь краткій очеркъ историческихъ событій въ этомъ краѣ и рассказать болѣе подробно о возмущеніи Лубцзанъ-даньцзиня, которое явилось для маньчжуровъ, такъ сказать, главнѣйшею побудительною причиною къ постановкѣ Хуху нора въ то положеніе, въ которомъ находится онъ теперь. Свѣденія эти заимствованы мною изъ китайскаго сочиненія Шэнь-у-цзи, гдѣ онъ излагаются въ главѣ «о двухъ походахъ Юнь-чжэна на элютовъ».

Куку норъ, Камъ, Цзанъ и Вэй изстари составляли четыре большихъ тангутскихъ аймака. Въ концѣ правленія минской династіи изъ Гань-чжоу и Лянъ-чжоу вторгнулся въ эти провинціи Гуши-ханъ и овладѣлъ ими. Такъ какъ Камъ изобилуетъ хлѣбомъ, а Куку норъ представляетъ собою обширную степь, то Гуши-ханъ завѣщалъ своему потомству кочевать въ Куку норѣ и собирать оброкъ съ Кама, а Цзанъ и Вэй отдавалъ онъ Далай ламѣ и Баньчэню. Въ 13-мъ году правленія Шунь-чжи Гуши-ханъ умеръ. Потомки его подѣлились на двѣ вѣтви: Лацзанъ-хановъ — въ Тибетѣ и Очирту-хановъ съ алашаньскими ваномъ — въ Куку норѣ и въ Ордосѣ. Вскорѣ Очирту-ханъ былъ убитъ Галданомъ, а алашаньскій ванъ передался маньчжурамъ и императоръ подарилъ ему для кочевьевъ горы Алашань. Такимъ образомъ линія кукунорскихъ хановъ пресѣклась. При походѣ Канси за границу восемь тайчжэи, происходившихъ отъ Гуши-хана, лично представились императору. Изъ сыновей Гуши-хана тогда былъ живъ Даши-бату. Маньчжуры дали ему званіе цинь-вана, остальнымъ же пожаловали титулы бэйлэ, бэйсэ и гун'овъ. Вслѣдъ за симъ

87. страны отъ Хүхү нора, этотъ быть конечно могъ имѣть самое незна-
 чительное вліяніе; все значеніе его обусловливалось тѣмъ, что воз-
 мутившіеся хошоуты могли быть поддержаны чжунгарами и такимъ

П о я с н е н і я на
 ст р . они оказали маньчжурамъ услуги въ усмиреніи Тибета и съ тѣхъ поръ эти
 восемь домовъ поднялись вновь. Галданъ и Цэванъ во всю свою жизнь по-
 стоянно имѣли виды на Куку норъ; но, опасаясь могущества китайскихъ
 войскъ, не смѣли дѣлать сюда вторженій и жили мирно. Тибетскіе хошоуты,
 правда, должны были въ послѣднее время признать надъ собою власть Цэ-
 вана, но кукунорскіе хошоуты оставались въ своемъ старомъ (независимомъ
 отъ чжунгаровъ) положеніи. Сынъ Даши-бату — Лубцзанъ-даньцзинъ наслѣ-
 довалъ (отъ отца) званіе цинь-вана и ходилъ въ Тибетъ вслѣдъ за мань-
 журскими войсками. По возвращеніи оттуда Лубцзанъ-даньцзинъ, памятуя,
 что тангуты и Куку норъ подчинялись хошоутамъ, а самъ онъ законный
 внукъ Гуши-хана, началъ стремиться къ порядкамъ, бывшимъ въ старину, у
 старыхъ людей: онъ старался возстановить ихъ владѣнія и стать во главѣ
 всѣхъ аймаковъ. Лѣтомъ 1-го года правленія императора Юнь-чжэна (1723) онъ
 уговорилъ аймаки составить сеймъ въ Цаганъ-тологойѣ и здѣсь приказалъ
 всѣмъ носить старыя званія, а не называться ван'ами, гун'ами, бэйлэ'ми и дру-
 гими титулами; самъ онъ принялъ прозваніе Далай-хунъ-тайчжия, сталъ во
 главѣ всѣхъ и хотѣлъ принудить, чтобы всѣ тайчжи провозгласили его Отчир-
 ту-ханомъ; наконецъ онъ хотѣлъ овладѣть тангутами, чтобы господствовать
 надъ всѣмъ Куку норомъ. Цинь ванъ Цаганъ-даньцзинъ и цзюнь-ванъ Эр-
 дуня не подчинились Лубцзанъ-даньцзиню, но, будучи не въ силахъ проти-
 востоять войскамъ его, осенью, въ 8-й лунѣ, бросились къ Китаю къ хэ-чжоу-
 гуань'скому караулу. Императоръ дозволилъ всѣмъ имъ войти въ предѣлы
 имперіи и командировалъ жившаго въ Си-нинѣ ши-лана Чанъ-шоу для пере-
 говоровъ; но Лубцзанъ-даньцзинъ задержалъ его. Въ Куку-норѣ изстари на-
 ходился великій лама — Цаганъ номынъ ханъ, который, вышедши изъ Ти-
 бета, поселился въ кумирнѣ Тарлѣ и былъ послѣдователемъ желтаго ученія.
 Фани были у него въ послушаніи. Лубцзанъ-даньцзинъ разнаго рода кознями
 и хитростями увлекъ этого ламу на свою сторону и тогда вліяніе его распро-
 странилось повсюду. Двѣсти слишкомъ тысячъ кочевыхъ фаней и ламъ одно-
 временно поднялись и вторглись въ Си-нинъ: они ограбили (у жителей) ко-
 ровъ, лошадей и оказали сопротивленіе маньчжурскому войску. Зимой, въ
 10-й лунѣ императоръ приказалъ цзун-ду провинцій Шань-си и Сы-чуань—
 Нянь-гэнь-яо быть «успокоивающимъ отдаленныя страны» великимъ цзянь-
 цзюнемъ и поселиться на житье въ Сининѣ, а сычуань'скому та-ду Юэ-чжунъ-
 ци быть въ качествѣ «возвышающаго величіе» цзянь-цзюня и состоять по-
 мощникомъ въ военныхъ дѣлахъ. Нянь-гэнь-яо, съ цѣлью обезопасить Ки-
 тай отъ нападенія мятежниковъ, отдѣлилъ часть войскъ на Юнь-чанъ и на
 Булунгиръ; сторожа на югѣ Батанъ, Литанъ и Хуанъ-тэнь-гуанъ, занявъ до-
 рогу, по которой мятежники могли войти въ Тибетъ; и просилъ высочайшаго
 повелѣнія, чтобы Фу-нинъ-юаню и другимъ указано было поселиться въ Тур-
 фани и на оз. Касъ (къ востоку отъ Лобъ-нора и въ 2000 ли отъ западныхъ
 границъ Си-нинъ-фу), чтобы такимъ образомъ отрѣзать мятежниковъ отъ

образомъ возстаніе могло распространиться до предѣловъ Халих. Предвидя возможность такого исхода, маньчжуры призвали халха-

сообщеній съ чжунгарамн. Послѣ сего (Нянъ-гэнь-яо) отправилъ войска для атаки укрѣпленій — Нань-шэнь-чуань, Нань-чуань, И-чуань, Бэй-чуань и Гуй-дэ, разсѣялъ главнѣйшихъ пособниковъ Лубсанъ-даньцзиня и переселилъ аймакъ Цаганъ-даньцзиня въ Лянъ-чжоу. Устрашенный Лубсанъ-даньцзинь обратился къ Чанъ-шоу съ просьбою о прощеніи и послѣднее было ему даровано. Въ 12-й лунѣ монгольскіе бэйлэ, бэйсэ, гуны и тайчжи, избивая и приводя въ подданство мятежниковъ, доставили маньчжурамъ свыше 100 тысячъ человекъ изъ аймаковъ, состоявшихъ въ вѣденіи Лубцзанъ-даньцзиня. Въ 1-й лунѣ 2-го года правленія юнь-чжэнова Юэ-чжунъ-ци напалъ на состоявшихъ въ союзѣ съ мятежниками ламъ въ кумирнѣ Го-лунъ-сы, которая находится къ сѣверо-востоку отъ Си-нина; овладѣлъ тремя горными хребтами, сжегъ 17 поселеній, болѣе 7000 жилыхъ домовъ и убилъ свыше 6000 человекъ. Въ это же время были разрушены кумирни Ши-мынь, Ци-цзя и Го-манъ. Что касается Лубцзанъ-даньцзиня, то онъ утвердился въ ущельи Ча-да-му, что въ Уланъ хуръ, откуда до Си-нинской охраны будетъ болѣе тысячи ли. Нянъ-гэнь-яо докладывалъ, чтобы командировать туда отрядъ въ 20000 слишкомъ солдатъ, которые двинулись бы для нападеній по четыремъ дорогамъ: изъ Сининъ, Сунъ-фаня, Гань-чжоу и отъ р. Булунгира. Юэ-чжунъ-ци, принимая въ соображеніе, что Куку норъ великъ; что численность фаней простирается не менѣе какъ на 100000; что, если при углубленіи маньчжуровъ въ степи мятежники разбредутся и завлекутъ ихъ, то маньчжурскія войска побивая однихъ, въ тоже время несомнѣнно будутъ упускать другихъ; что войска эти наконецъ будутъ окружены со всѣхъ четырехъ сторонъ непріятелями и что вообще этотъ путь опасный, считалъ за лучшее воспользоваться тѣмъ временемъ, когда весенняя трава еще не проросла и съ пятью тысячами отборныхъ солдатъ, да съ десяткомъ тысячъ коней поспѣшно напасть на мѣста незащищенные. Юнь-чжэнь одобрилъ эти соображенія и исполненіе ихъ возложилъ исключительно на Юэ-чжунъ-ци. Во второй лунѣ выступило войско. По дорогѣ оно встрѣтило стадо дикихъ звѣрей и, догадываясь изъ сего, что впереди стоятъ мятежники, начало двигаться тихою со свернутыми знаменами и дѣйствительно встрѣтило нѣсколько сотъ бѣгущихъ непріятелей. Ночью маньчжурскія войска напали на непріятельскіе отряды, охранявшіе р. Хада и преслѣдовали ихъ день и ночь, такъ что люди и лошади истомились отъ жажды. За границей (собственного Китая, т. е. въ Куку норѣ) въ то время все смерлось, но Юэ-чжунъ-ци умолялъ небо и вдругъ забилъ ключъ, изъ котораго можно было напоить всѣ десять тысячъ коней. За тѣмъ маньчжуры загнали мятежниковъ въ гору Чунъ-шань и побили ихъ здѣсь числомъ до 2-хъ тысячъ. У мятежниковъ въ то время не было ни кордону, ни шпионовъ и маньчжуры, шествуя безмолвно и осторожно, прошли цѣлую ночь. Минувъ 160 ли, на разсвѣтѣ подошли они къ непріятельскимъ юртамъ. Мятежники еще спали, лошади у нихъ не были наготовѣ. Всѣ они разбѣжались въ суматохѣ. Лубцзанъ-даньцзинь переодѣлся въ платье фаньской женщины и бѣжалъ на бѣломъ верблюдѣ. Маньчжурскія войска преслѣдовали ежедневно мятежниковъ на 300 ли и черезъ нѣсколько

87. совъ къ оружію для защиты ихъ владѣній и цзасаку хановскій тайчи Донмокъ долженъ былъ, собравъ войска своего хошуна, от-

П о я с е н і я на стр.

дней пришли къ озеру Санкэ, гдѣ красныя ивы закрывали небо: ничего не стало видно и дорога потерялась. Тогда маньчжуръ возвратились назадъ. Озеро Санкэ находится на границѣ Куку-нора и Тибета, въ 700 сличкомъ ли отъ истока Желтой рѣки, на сѣверъ отъ р. Му-лу и на западъ отъ инородческой волости Юй-шу. Тутъ безтравный солончакъ. Маньчжуръ боялись, чтобы Лубцзанъ-даньцинь съ своими отрядами не ушелъ въ Тибетъ и потому преслѣдовали ихъ вдоль рѣкъ на юго-западъ; но мятежники сами (повернули на сѣверъ) и отъ р. Гашунъ начали пересѣкать Гоби, а на сѣверъ передались чжунгарамъ. Такимъ образомъ Лубцзанъ-даньцинь не былъ пойманъ; тѣмъ не менѣе маньчжуръ захватили въ плѣнъ его мать, братьевъ, сестру и главныхъ сообщниковъ, убили до 80000 его данниковъ и нѣсколько десятковъ тысячъ заставили вступить въ подданство; что же касается до захваченныхъ верблюдовъ, лошадей, коровъ, овецъ, оружія и юртъ, то имъ не было и счета. До притона мятежниковъ войска дошли въ 15 дней, а всего были въ экспедиціи два мѣсяца. По доставленіи плѣнниковъ въ Пекинъ, было извѣщено объ этой побѣдѣ на императорскомъ кладбищѣ и розданы были соответственныя награды участникамъ похода. Въ 4-й лунѣ войска выступили снова, чтобы повоевать остальныхъ сообщниковъ Лубцзанъ-даньциня. Западные горы военного округа Чжуанъ-ланъ тянутся на 200 сличкомъ ли къ Шин-баочэнь танской династіи, на югъ онѣ подходятъ къ р. Да-тунъ. Тутъ повсюду неприступныя мѣстности. Съ востока эти горы образуютъ увалъ въ 400 сличкомъ ли. Нѣсколько тысячъ туфаней заняли это междугорье и, пользуясь тѣмъ, что маньчжуръ имѣли дѣло въ Куку норѣ, отрѣзали провіантъ и побили маньчжурскихъ чиновниковъ. Нянь-гэнь-ю много разъ повоевывалъ ихъ и много разъ они бунтовали; теперь пошелъ на нихъ Юэ-чжунъ-ци съ 20000 войска. Воры однако по прежнему начали употреблять хитрости: они перевезли стариковъ и слабыхъ въ восточныя горы и оставили только хорошихъ наѣздниковъ, которые разъѣзжали взадъ и впередъ. Юэ-чжунъ-ци раздѣлялъ свое войско по двумъ дорогамъ и въ двухъ пораженіяхъ рѣшительно разбилъ туфаней, которые теперь начали просить о принятіи ихъ въ подданство. Тогда войска были отозваны. Маньчжуръ послѣдовательно раздвинули свои владѣнія въ Куку норѣ болѣе чѣмъ на тысячу ли, по частямъ одѣлили эту землю всѣмъ монголовъ и учредили здѣсь 29 хошуновъ. Съ этого времени халхасы, хошууты и хойты образовали изъ себя самостоятельныя аймаки и не подчиняются кукунорцамъ.

Двѣсти или триста поколѣній сининскихъ инородцевъ — фаней, которые на сѣверѣ располагались (своими кочевьями) вдоль Гань-чжоу и Лянъ-чжоу, на западѣ соприкасались съ тюркскими племенами, а на югѣ граничили съ провинціями Сы-чуань и Юнь-нань, проживали совершенно самостоятельно въ отношеніи другъ друга. Во времена династіи Минь элюты вторглись къ нимъ съ сѣверной границы и поработили ихъ. Фани начали платить имъ оброкъ за кочевья и признавали власть только монголовъ, а Китая не знали. Теперь, согласно высочайшему докладу, здѣсь постановлены были фаньскіе

правиться на р. Булунгирь¹⁾, гдѣ раскинулъ онъ свой лагерь и подъ командою тусалакчи цзянь-цзюня маньчжурскихъ войскъ Аранай'я наблюдалъ за движеніями непріятелей. Впрочемъ роль, которую играли здѣсь халхасы, была весьма незначительна: за все время похода Донмоку представилось только двѣ стычки съ непріателемъ, изъ которыхъ въ первой итѣлъ онъ дѣло съ отрядами цзайсановъ Арабтана и Субади, овладѣвшихъ дорогою на оз. Хара-нуръ и производившихъ здѣсь грабежи и набѣги. Донмокъ вмѣстѣ съ маньчжурскимъ цзянь-цзюнемъ Сунь-чжи-цзюань отправился чтобы повоевать этихъ мятежниковъ, но, когда дошли они до урочища Туймэръ, то войска непріятелей сами обратились въ бѣгство. Въ другой разъ Донмокъ выходилъ противъ хошуотовъ вмѣстѣ съ мэйрэни-цзангинемъ Аюши и тогда удалось ему захватить въ плѣнъ хошуотскаго цзайсана Давьцзиня, котораго и представилъ онъ къ императору. Юнь-чжанъ выразилъ свое полное одобреніе Донмоку и наградилъ его званіемъ „улустуръ тусалакчи гуна“²⁾; когда же вслѣдъ за симъ сдѣлалось извѣстнымъ, что виновникъ всего возстанія Лубсанъ-даньцзинъ бѣжалъ къ

Поясненія на стр. 37.

старшины въ инородческихъ волостяхъ и всѣ они (фани) были росписаны по дао, тин'амъ и вой'ямъ. Этимъ также было ослаблено могущество элюотовъ. Кромѣ того здѣсь установлены были сроки для дани, опредѣлена была торговля и указаны для производства ея (пункты); установлены были сеймы, на обязанности которыхъ было докладывать о выбранномъ старшинѣ; рѣшено было, чтобы для производства дѣлъ обмѣниваться донесеніями и приказами и чтобы ваны и гуны были встрѣчаемы всѣми низшими колѣнопреклоненно; учреждены были военные округа: Да-тунъ, Ань-си, Ша-чжоу и Лю-гоу, а для охраны сѣверной и западной сининскихъ дорогъ прибавлено коннаго и пѣшаго войска 5000; поставлены были цзунъ-бины въ Да-тунѣ и Ань-си, а Сининъ изъ военнаго округа переформированъ въ область. Здѣсь долженъ былъ имѣть свое мѣстопробываніе кукунорскій правитель. Кочевье алашаньскаго вана было переведено за гору, а (южная) часть горы, въ видахъ надлежащаго отношенія къ Нинъ-ся, была обращена въ китайскую землю. Розданы были печатныя грамоты знаменитымъ государственнымъ учителямъ (минъ го-ши); во всякой кумирнѣ опредѣлено было быть ламамъ въ количествѣ не свыше 300 человекъ и запрещено имъ хранить у себя оружіе. Городскіе гарнизоны должны были сторожить по ночамъ. Положеніе стало грозное и элюоты не смѣли уже болѣе посѣщать Куку норъ.

¹⁾ Рѣка Булунгиръ находится въ 300 сличкомъ ли отъ Куку нора. Хошуоты при движеніи на сѣверъ, за Цзя-юй-гуань, непремѣнно должны были переправляться черезъ эту рѣку (Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 55).

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 65, л. 4.

87. Поясненія на стр. 87. олѣтамъ, то халхасы получили позволеніе возвратиться на родину. Это было въ самомъ началѣ 1724-го года¹⁾. Съ приходомъ Донмока въ Халху, наступило здѣсь время полнѣйшаго мира и ни одинъ изъ халхаскихъ цзасаковъ не рисковалъ въ эту пору пролить свою кровь въ борьбѣ со врагами: всѣ они находились дома, въ своихъ кочевьяхъ, за исключеніемъ только тѣхъ немногихъ, которые составляли собою охранный гарнизонъ халхаскій на границѣ съ Чжунгаріей; но и эти послѣдніе опять таки не имѣли у себя никакого браннаго дѣла и мирно кочевали, перегоня табуны своихъ боевыхъ лошадей съ одного мѣста на другое. Въ эту то пору наступившаго затишья родился въ Халхѣ второй монгольскій хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, какъ бы дѣйствительно подтверждая общее повѣрье монголовъ, по которому полагаютъ они, что явленіе на землѣ хутухтъ ознаменовывается именно всеобщимъ миромъ.

Мы оставили дѣло перерожденія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты на томъ моментѣ, когда цинь-ванъ Дондобъ-дорчи, согласно пророчества Ундуръ гэгэна и высочайшаго повелѣнія Юнь-чжэнова, отправился въ Халху и женился на дѣвушкѣ, принадлежавшей по рожденію къ году обезьяны. И вотъ едва только забеременѣла эта молодая княгиня, какъ по Халхѣ начали разноситься слухи о необыкновенныхъ сновидѣніяхъ и явленіяхъ, предвѣщавшихъ, что именно въ этомъ домѣ цинь-вана долженъ появиться новый хубилганъ Ундуръ гэгэна: говорили, будто самъ Дондобъ-дорчи видѣлъ во снѣ, что его пальцы превратились въ божество Вачжра дары; что княгинѣ приснилось, будто Ундуръ гэгэнъ вошелъ и поселился въ ихъ домѣ; что юрта Дондобъ-дорчій для всѣхъ, смотрѣвшихъ на нее, казалась желтою, то есть того цвѣта, которымъ украшаютъ себя ламы, послѣдователи секты Цзонхавы; что наконецъ въ пору беременности княгини на голову ея упалъ какой-то необыкновенный свѣтъ, который, совершенно наглядно для окружавшихъ ее въ то время, прошелъ до ея плечъ и потомъ скрылся въ ея тѣлѣ. При такихъ то чудесныхъ знаменіяхъ княгиня на разсвѣтъ 1-го числа средней весенней луны

---

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л 54.

1724-го года разрѣшилась наконецъ отъ бремени сыномъ и тотчасъ же надъ домою ея протянулась свѣтлая радуга¹⁾. Всѣ знали по слухамъ объ этихъ необычайныхъ событіяхъ, но, по всей вѣроятности, подобныхъ разсказовъ ходило тогда много и о самыхъ различныхъ княгиняхъ, ибо, когда дѣло дошло до предварительныхъ выборовъ хутухты, то въ Тибетъ было послано извѣстіе о четырехъ, также точно съ чудесными знаменіями рожденныхъ князьяхъ. Къ этому то времени и относятся тѣ споры халхаскихъ князей касательно выбора новаго хубилгана, о которыхъ замѣчалъ я въ своемъ изслѣдованіи объ ургинскихъ хутухтахъ. Повторю однако снова, что въ письменности нѣтъ прямыхъ указаній на эти споры, хотя въ біографіи Чжэб-цзунъ-дамбы и упоминается обвинякомъ, будто въ то время, когда ѣздило посольство изъ Халхи въ Тибетъ для опредѣленія личности гэгэна, цинь-ванъ Дондобъ-дорчжи говаривалъ о *возможности* про него *слуховъ*, что онъ „дѣлаетъ втораго своего сына хутухтою, чтобы доставить такимъ образомъ выгоды своему старшему сыну“. Само собою разумѣется, что дѣло избранія хутухты въ концѣ концовъ рѣшено было такъ, какъ предопредѣлено оно было на первомъ совѣтѣ маньчжуровъ. Далай лама и цойчжины удостовѣрили халхасовъ, что сынъ дарханъ цинь-вана имѣетъ божественное происхожденіе, а императоръ Юнь-чжэнь объявилъ, будто онъ видѣлъ во снѣ Ундуръ гэгэна и послѣдній якобы самъ сказалъ ему, что онъ переродился въ сына Дондобъ-дорчжіева, который былъ рожденъ имъ 1-го числа средней весенней луны отъ побочной жены; на этихъ-то основаніяхъ и послѣдовало высочайшее повелѣніе посадить на хутухтинскій престолъ этого малютку²⁾. Должно замѣтить все-таки, что пока шли эти выборы, пока ѣздили посольства въ Тибетъ, дѣлались представленія къ императору и наконецъ состоялось опредѣленіе о возведеніи на хутухтинскій престолъ сына Дондобъ-дорчжіева, со времени рожденія хубилгана миновало уже около шести лѣтъ.

Въ этотъ шестилѣтній періодъ первыхъ годовъ правленія Юнь-

¹⁾ Чжэбцз. дам. хут. турул. намт. л. 42.

²⁾ Ibid. л. 43.

88. чжена въ Халхѣ имѣли свое мѣсто нѣсколько весьма замѣчательныхъ
событій, относящихся впрочемъ болѣе до внутренней, чѣмъ до внѣш-
ней политики Халхи. Въ отношеніяхъ къ своимъ сосѣдямъ для хал-
хасовъ это время, какъ я говорилъ уже выше, было порою полного
мира. Правда, когда Лубцзанъ-даньцзинъ передался чжунгарамъ, а
Цэванъ рабтанъ принялъ его, то Халхѣ можно было опасаться возник-
новенія новыхъ военныхъ дѣйствій, ибо на требованія китайскаго двора
выдать Лубцзанъ-даньцзиня Цэванъ рабтанъ отвѣчалъ отказомъ; но
китайцы не захотѣли поддерживать свои требованія съ особенною
настойчивостію и такимъ образомъ дѣло о выдачѣ хукунорскихъ мя-
тежниковъ прекратилось безъ всякихъ послѣдствій для Халхи¹⁾. Нѣ-
которое движеніе въ халхасахъ произвелъ за симъ новый, представ-
ленный Цэванъ рабтаномъ къ маньчжурскому правительству въ на-
чалѣ 1726-го года докладъ, которымъ поддерживалъ онъ свое старое
домогательство о передачѣ чжунгарамъ халхаскихъ земель по Кэму и
Кэмчику. Юнъ-чжэнъ, получивъ этотъ докладъ Цэванъ-рабтана, при-
казалъ халхасамъ опредѣлить точнѣе и исполнять тщательнѣе над-
зоръ на чжунгарской границѣ, вслѣдствіе чего увеличено было число
халхаскихъ войскъ на караулахъ вообще, а хотохойтскому бэйлэ
Бубэйю вмѣстѣ съ командиромъ легкихъ авангардныхъ маньчжур-
скихъ войскъ Диншу приказано было образовать новый охранный
станъ на р. Тэсѣ²⁾; сюда же за симъ былъ вызванъ съ 1000 ратни-
ковъ и тушѣту хановскій цзасакъ Ванбо³⁾; наконецъ, какъ сообщаетъ
о томъ и наша лѣтопись, для изслѣдованія и точнаго опредѣленія
границъ чжунгарскихъ командированъ былъ хэцзюнь ванъ сайнъ-ноя-
новскаго аймака, эфу Цэрэнъ. Но Цэванъ рабтанъ очевидно не хо-
тѣлъ добиваться силою искомыхъ имъ земель, онъ рассчитывалъ до-
стигнуть своихъ цѣлей главнымъ образомъ хитростями и производ-
ствомъ внутреннихъ смутъ въ Халхѣ, а потому постоянно волновалъ
блотовъ и урянхаевъ, которые, состоя въ плѣну у маньчжуровъ, были
разселены въ разныхъ мѣстахъ халхаскихъ кочевьевъ. Небрежность

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3-я, л. 57.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 63, л. 17.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 13.

чисто патріархальний способъ управленія данниками, практиковавшійся у халхаскихъ князей, вполнѣ способствовали Цэвану въ исполненіи задуманнаго имъ плана и оттого предпринятаго образа дѣйствій онъ одинаково держался какъ до времени отправленія своего доклада къ маньчжурамъ о передачѣ земель, такъ и послѣ того какъ маньчжуры уже приняли мѣры къ отраженію могущихъ быть чжунгарскихъ нападений. Такимъ образомъ еще въ 1724-мъ году Цэванъ подготовилъ бѣжать въ Чжунгарію плѣннаго ѓлѣтскаго цзайсана Цампила и по разслѣдованіи этого дѣла оказалось, что халхаскій цзасакъ Убаши, въ хошунѣ котораго состоялъ помянутый Цампиль, самъ былъ причиною этого побѣга, ибо совершенно распустилъ отданныхъ ему въ надзоръ и завѣдываніе плѣнниковъ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1725-мъ году, по наущеніямъ Цэвана же, бѣжалъ изъ хошуна хотохойтскаго бѣйлэ Бубѣй'я урянхайскій цзайсанъ Хурулмай и, подявшись съ урочища Арикъ, направился къ чжунгарскимъ границамъ. Бубѣй тотчасъ же командировалъ своего втораго сына Эринчина для поимки Хурулмая въ урочищѣ Тучжи, а самъ отправился въ мѣстности, лежащія по Кэму и Кэмчику, гдѣ захватилъ и казнилъ всѣхъ сотоварищей Хурулмая, принимавшихъ участіе въ возстаніи²⁾. Такого рода безпокойства, возникавшія собственно подъ вліяніемъ чжунгаръ, но оканчивавшіяся только внутренними безпорядками, совершались на различныхъ концахъ Халхи почти ежегодно и продолжались они вплоть до самой смерти Цэванъ рабтана, случившейся въ 1727-мъ году. Въ отношеніяхъ къ Россіи разсматриваемый нами, шестилѣтній періодъ ознаменовался для Халхи составленіемъ въ 1727-мъ году русско-китайскаго трактата и яснымъ обозначеніемъ границъ какъ русскихъ, такъ и китайскихъ владѣній³⁾; но, говоря другими словами, въ это время положены были точныя предѣлы халхаскихъ кочевьевъ на сѣверѣ и это въ свою очередь должно было послужить къ прекращенію постоянныхъ прерѣканій и споровъ изъ-за земли между халхаскими и русскими подданными. Конечно договоръ этотъ долженъ быть разсматриваемъ не иначе, какъ актъ китайскаго и русскаго пра-

88
Поясненія на стр.

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 64, л. 10.

²⁾ Ibid. Т. 63, л. 13.

³⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ге. Цз. 5-я, л. 3-й.

П о я с н е н і я   н а   с т р .
 вительствъ; ибо de jure эти только государства, будучи политически самостоятельными и могли войти въ соглашеніе между собою: оба они давно уже тяготились неясностью своихъ взаимныхъ отношеній, неопредѣленностью своихъ границъ и взаимными ссорами своихъ данниковъ; еще болѣе близкими причинами трактата являлось для китайцевъ — желаніе добиться отъ русскихъ выдачи перебѣжавшихъ въ предѣлы Россіи халхасовъ, а для русскихъ — стремленіе получить большую свободу для своей торговли. Очевидно стало быть, что какъ инициатива производства договоровъ, такъ и окончательное утвержденіе ихъ всецѣло зависѣли отъ русскихъ и китайцевъ, а слѣдовательно и всѣ обстоятельства заключенія договора должны собственно принадлежать исторіи этихъ государствъ. За всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что ближайшее значеніе договора было осязательно не для собственнаго Китая, а для халхасовъ; вотъ почему, рассматривая самыя обстоятельства заключенія трактата, мы видимъ, что со стороны Китая главными дѣателями этого дипломатическаго акта являются не сами китайцы, а именно халхасы и если маньчжуры номинально и ставили во главѣ своихъ полномочныхъ пословъ дядю богдоханова — Лонготу и амбана Бэсикэ, то тѣмъ не менѣе всѣ переговоры о границѣ ведены были, собственно говоря, командированнымъ вмѣстѣ съ этими представителями сайнъ нояновскимъ цзасакомъ, эфу Цэрэномъ¹⁾. По мимо того болѣе видную роль въ этомъ дѣлѣ играли цзасакту хановскій тайчжи Рабтанъ²⁾, и сэцэнъ-хановскій цзасакъ Галданъ, о дѣятельности котораго упоминается даже и въ русскихъ актахъ³⁾.

¹⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 70, л. 5.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 65, л. 23.

³⁾ Достойно замѣчанія, что не смотря на заслуги, оказанныя эфу Цэрэномъ при заключеніи трактата и особенно при разграниченіи земель, эта командировка не обошлась для него безъ потери. По окончаніи переговоровъ съ русскими посланниками, маньчжуры обвинили Цэрэна въ томъ, что онъ выставлялъ строи войска, стрѣлялъ изъ пушекъ и кланялся небу (?); министерство приговорило Цэрэна за эти проступки къ лишенію чина, но императоръ наказалъ его только вычетомъ жалованья за три года (Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 70, л. 4). По всей вѣроятности проступокъ этотъ относится къ образу встрѣчи русскаго посла Владиславича, который, какъ извѣстно, при проѣздѣ

Еще болѣе важное значеніе для Халхи имѣли преобразованія, совершѣнныя императоромъ Юнъ-чжэномъ съ первыхъ же годовъ его правленія, въ дѣлахъ внутренней халхаской политики. Подобно отцу своему Канси стремясь къ ограниченію и раздѣленію власти халхаскихъ правителей, Юнъ-чжэнь пошелъ еще дальше своего предшественника и первымъ дѣломъ его на этомъ поприщѣ было раздѣленіе уже не хошуновъ, какъ это было при Канси, а цѣлаго тушѣту хановскаго аймака. Исходя изъ того положенія, что потомки сайнъ-нояна Шамбы, состоявшіе до сего времени въ вѣденіи тушѣту хана, черезъ чуръ размножились и численностію превосходятъ даже ханскіе роды, Юнъ чжэнь, въ 3-мъ году своего правленія, высочайшимъ приказомъ, даннымъ на имя Ли-фанъ-юаня, повелѣлъ выдѣлить ихъ изъ вѣденія тушѣту хана и образовать изъ нихъ отдѣльный аймакъ—сайнъ-нояновскій¹⁾. Такимъ образомъ въ Халхѣ организовался новый, уже четвертый по счету аймакъ, въ составъ котораго вошелъ прежде всего хошунъ старѣйшаго въ главномъ колѣнѣ Шамбы князя—цинъ-вана Даши-дондоба; за этимъ княземъ собственно былъ признанъ маньчжурами и титулъ Шамбы — сайнъ-нояна, ему же за симъ вѣрено было и главнѣйшее наблюденіе надъ новоустроеннымъ аймакомъ. Далѣе къ сайнъ-нояновскому аймаку были причислены хошуны: хэ-цзюнь-вана Цэрэна; бэйлэ Намчжилъ-чисорона; бэйсэ Цэванъ-норбо; улусъ туръ Чусалакчи гун'овъ: Анури, Дондоба, Эринчина, Чжам-цана, Ванцзала и тайчжіевъ: Гампила, Цэвана, Шара-чжаба, Тарачжія, Гѣндуна, Цэбдэна, Барана, Яньда-боди, Нима, Тэкши, и Норбо-чжаба. Всего въ аймакѣ этомъ состояло 19 хошуновъ, которые и были названы среднею халхаскою дорогою²⁾. Но Юнъ-чжэнь хорошо понималъ, что ослабленіе Халхи путемъ одного только дѣленія айма-

Поясненія на стр. 88.

отъ русской границы въ Китай, былъ повсюду встрѣчаемъ монголами съ почетными оваціями. У стѣнъ Пекина онъ также велъ переговоры о томъ, что бы, при въѣздѣ его въ столицу, была пушечная пальба, какъ это соблюдалось въ Монголіи; но маньчжурское министерство отказало въ этой чести Владиславичу, хотя и согласилось на пути его по улицамъ Пекина поставить 8000 челобѣкъ войска и салютовать ружейными выстрѣлами.

¹⁾ Сайнъ-ноянъ аймагъ. шаст. хуріянгуи Т. 69, л. 9.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 5-я, л. 1.

88.
П о я с н е н і я   н а   с т р .
ковъ и хошуновъ, хотя и несомнѣнно должно было въ послѣдствіи обезопасить Китай отъ халхаскихъ нападений, но за всѣмъ тѣмъ своимъ конечнымъ результатомъ далеко не вело къ полному исполненію желанной цѣли дайцинскаго правительства. Эти дѣленія были уже черезъ чуръ изнурительны для халхаскаго народа, навязывая ему массу новыхъ правителей, отягощая его новыми, удвоенными и даже утроенными поборами; понятно, что въ концѣ концовъ это чрезмѣрное истощеніе народа могло быть не выгодно и для самихъ маньчжуровъ. При томъ же могущество халхасовъ заключалось не въ однѣхъ только ихъ матеріальныхъ силахъ: гораздо важнѣе здѣсь было единеніе народа подъ одною властію, каковою представлялась въ Халхѣ власть ханская. Конечно, съ устройствомъ новаго, сайнъ-нояновскаго аймака, въ Халхѣ было уже, собственно говоря, четыре хана; но и при этомъ числѣ власть cadaго изъ нихъ простиралась не менѣе какъ на 300, 400 тысячъ душъ аристократіи и простолудиновъ. Ханы эти были сильны наконецъ своею родовою связью, своими историческими преданіями и хотя значеніе ихъ было уже много ограничено постановленіями Канси, однако въ дѣлѣ внутренняго благоустройства Халхи они все таки являлись полновластными правителями своихъ аймаковъ и распоряжались всѣми дѣйствіями хошунныхъ цзасаковъ, коль скоро дѣло касалось интересовъ цѣлаго аймака. Эту ханскую власть и порѣшилъ теперь уничтожить Юнь-чжэнь, давъ Халхѣ новое внутреннее управленіе. Согласно узаконенныхъ имъ порядковъ, верховное распоряженіе аймачными дѣлами вручалось уже не хану, а цѣлому сейму хошунныхъ цзасаковъ, входящихъ въ составъ того или другаго аймака. Этотъ сеймъ долженъ былъ собираться одинъ или два раза въ годъ для совѣщаній относительно всѣхъ внутреннихъ дѣлъ аймака: онъ распредѣлялъ между хошунами обязанности отбыванія натуральныхъ повинностей, онъ распоряжался количествомъ сбора и расходованія общественныхъ суммъ, онъ утверждалъ статьи прихода и расхода, онъ былъ первою инстанціею для суда халхаскихъ правителей и проч. и проч. Верховнымъ главою этого княжескаго совѣта поставлялся такъ называемый „Чигулгану дарга“, т. е. сеймовой старшина и кромѣ того при немъ состоялъ еще

особый, такъ сказать, товарищъ сеймоваго старшины, называемый „дэдъ чигулгану дарга“. Оба эти лица должны были поставляться по выбору и утверждаться богдоханскою властью. Понятно, что при такихъ преобразованіяхъ значеніе хановъ утратилось вовсе: ханы превратились въ простыхъ хошунныхъ цзасаковъ, власть которыхъ не простиралась далѣе своего хошуна и которые на общемъ сеймѣ халхасовъ имѣли такой же голосъ, какъ и всякій халхаскій правитель. Нѣтъ сомнѣнія, что понятія, сложившіяся въковымъ бытомъ, переломить сразу было трудно; оттого халхасы по первоначально относились къ своимъ ханамъ съ прежнимъ подобострастіемъ и покорностію; но Юнь-чжэнъ очевидно и не хотѣлъ насиловать этихъ понятій, ибо зналъ, что время и обстоятельства сдѣлаютъ свое дѣло и установятъ тѣ отношенія, которыхъ онъ добивался: теперь же первымъ сеймовымъ старшиною онъ назначилъ того же тушѣту хана и можетъ быть именно въ виду того, чтобы переходъ изъ одного положенія въ другое былъ не особенно замѣтенъ для халхасовъ. Преобразование это было покончено въ 1727-мъ году и „съ этого времени, заключаетъ наша лѣтопись, начали свое существованіе сеймовые старшины въ тушѣту хановскомъ аймакѣ“; а такъ какъ вся Халха всегда управлялась и управляется однимъ общимъ положеніемъ, то слѣдовательно и во всей Халхѣ. На ряду съ этими пережѣнами въ гражданскомъ самоуправленіи, Юнь-чжэнъ стремился поддержать и всякое новое проявленіе культурнаго развитія халхасовъ, стараясь лестными письмами, наградами и отличіями поощрять халхаскихъ правителей къ усовершенствованію быта ихъ данниковъ. Примѣръ сего мы можемъ видѣть на тушѣту ханѣ Ванчжиль-дорчжи, который въ четвертомъ году правленія (1726) представилъ императору докладъ о томъ, что у него обнаружился недостатокъ хлѣбныхъ сѣмянъ какъ для засѣва пашень, разрабатываемыхъ въ урочищахъ, прилежащихъ къ эрдэницзускому монастырю, такъ и для прокормленія солдатъ, работавшихъ на этихъ пашняхъ; на этомъ основаніи Ванчжиль-дорчжи просилъ у императора дозволенія отправить людей своихъ въ русскіе предѣлы для закупки хлѣба. Юнь чжэнъ не только съ радостію принялъ этотъ докладъ и, не смотря на свои натянутыя въ то время отношенія къ

Россіи, разрѣшилъ Ванчжиль-дорчжію эту просьбу, но тотчасъ далъ еще на имя своихъ министровъ высочайшій рескриптъ такого содержания: „Прежде, когда шли разсужденія о поствѣхъ казенныхъ нашенъ, нѣкоторые говорили „развѣ есть къ чему нибудь склонность у халхасовъ?“ Какъ подумаю я, такое мнѣніе обосновывается на старинныхъ понятіяхъ о халхасахъ. Какой же поступокъ доказываетъ ихъ несочувствіе или нежеланіе? Нынѣ, благоговѣнно помышляя о милостяхъ, выражаютъ они свои стремленія, которыя вполне согласуются съ прежде дарованными мною повелѣніями. Это достойно великой похвалы. Поручить это дѣло палатѣ вѣдѣвшихъ сношеній для обсужденія“. Вслѣдъ за симъ палата вѣдѣвшихъ сношеній представила къ императору докладъ, о награжденіи тушѣту хана шелковыми матеріями и Юнь-чжэнь утвердилъ эту награду¹⁾. Не забывалъ Юнь-чжэнь и литературнаго образованія монголовъ и съ самыхъ начальныхъ годовъ своего правленія издалъ въ Пекинѣ впервые монгольскую грамматику, извѣстную подъ именемъ „Чжирухэну толта“²⁾; за

¹⁾ Туш. тан. айм. шаст. Т. 46, л. 17.

²⁾ Чжирухэну толта до настоящаго времени составляетъ почти единственное грамматическое руководство у монголовъ; ибо послѣдніе ихъ произведенія по этой части литературы, каковы «Монгол усуг'ун йосон'и сайтур номлахсан хэлэн'у чимэка», «Монгол усуг'ун тобчи номлал» и «Монгол усуг'ун номлалга нилхас'ун тэчжигэлъ хэмэхдэху», представляютъ собою ничто иное, какъ краткую выборку изъ Чжирухэну толта съ весьма незначительными и подчасъ неудачными попытками создать что либо новое. Чжирухэну толта въ изданіи Юнь-чжэня, по свидѣтельству составлявшихъ его ламъ, есть сокращеніе изъ болѣе обширнаго сочиненія того же имени, написаннаго первымъ изобрѣтателемъ монгольской письменности, сакьяскимъ ламою Цойджи-опцэромъ. По содержанію своему Чжирухэну толта изданія Юнь-чжэня раздѣляется на три части, изъ которыхъ первая часть излагаетъ историческія свѣдѣнія о происхожденіи монгольской письменности, а двѣ послѣднихъ собственно говорятъ о грамматикѣ монгольскаго языка. Первая часть раздѣляется на три отдѣленія и начальное изъ нихъ говоритъ о появленіи буддизма у монголовъ при Чингисъ ханѣ; второе — о развитіи этой религіи въ средѣ монголовъ при Мункэ ханѣ и Хубилаѣ, а третье—о происхожденіи письменности и переводѣ священныхъ книгъ. При этомъ довольно подробно излагаются свѣдѣнія о неудачной попыткѣ составить монгольскій алфавитъ Сакъя Пандиты; объ изобрѣтеніи квадратнаго монгольскаго алфавита Пакба ламою въ царствованіе императора Хубилая и наконецъ объ окончательномъ изобрѣтеніи монгольскаго письма Цойджи опцэромъ, который, отвергнувъ

ситъ въ 5-мъ году (1727) распорядился онъ собрать и издать всѣ сочиненія Чжанчжа хутухты, которыя носятъ у монголовъ названіе чжанчжа хутухтинскаго сумбума¹⁾; обширный трудъ „Илагухсанъ тугэмэл’унъ эцэнъ Йэхэ вачжра дара-ин мурун цзэргэ нигуца бүгүдэинъ ундусуни асуру илгахсан судуръ“, или полное собраніе сочиненій Цзонхавы, составляющее семь большихъ томовъ убористой монгольской печати²⁾. Въ 6-мъ году Юнь-чжэнъ переиздалъ вновь сочиненіе „Улигерунъ далай“, обнародованное впервые въ 53-мъ году правленія Канси и расходившееся между монголами въ такомъ громадномъ количествѣ, что типографскія доски вырѣзанныя для печати его совершенно вытерлись. Не безъ удовольствія конечно принимали халхасы эти заботы императора объ ихъ религіи, но очевидно еще съ большимъ восторгомъ встрѣтили они высочайшее повелѣніе Юнь-чжэна, по которому опредѣлялъ онъ въ честь перваго ургинскаго хутухты построить буддійскій монастырь на р. Ибэн’ѣ, — въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ курънь во время кончины Ундуръ гэгэна. Монастырь этотъ былъ начатъ постройкою въ 1727-мъ году и для сооруженія его были посланы китайскіе художники, которымъ вѣнялось въ обязанность отдѣлать храмъ „съ великолѣпіемъ, ни въ чемъ не уступающимъ храмамъ Срединнаго государства“. Юнь-чжэнъ приказалъ сдѣлать это опять таки для того, чтобы „съ одной стороны доказать свою милость къ халхаскому народу, а съ другой показать имъ образъ достойнаго чест-

Поясненія на стр. 88

квадратную письменность Пакба ламы, обратилъ вниманіе на алфавитъ Сакъя-пандиты, послѣ чего дополнилъ и исправилъ его на столько, что онъ сталъ совершенно пригоденъ къ выраженію звуковъ монгольской рѣчи. Вторая часть Чжирухэну толта, т. е. собственно грамматика, раздѣляется на отдѣленія, излагающія ученіе а) о звукахъ (дѣленіе: на гласныя, согласныя и среднія; гласныхъ — на твердыя и мягкія и пр.), б) о склоненіи именъ, г) спряженіи глаголовъ; за симъ она снова возвращается къ ученію о произношеніи звуковъ и правописаніи словъ, обѣщая въ награду за правильность въ устной и письменной рѣчи — наследованіе царства Сукавади. Третья часть заключаетъ въ себѣ изложеніе о различіи звуковъ (дѣленіе на гортанныя, губныя, язычныя и пр.). Это дѣленіе, по словамъ Чжирухэну толта, имѣетъ приложеніе въ астрологіи и специально назначается для производства гаданій.

¹⁾ Дэсгду шапинъ эрдэни бэр монгол орон’и тугэгулухсан уг’и унцэгулухсан л. 11.

²⁾ Это сочиненіе доставлено въ СПб. университетъ проф. В. П. Васильевымъ и хранится въ университетской библіотекѣ подъ № 12972-мъ.

88. вованія высокородныхъ“¹⁾. Впрочемъ примѣръ этотъ мало подѣйство-
валъ на халхасовъ. Около этого же времени, говоритъ преданіе хал-
хасовъ, упоминаніе о которомъ находится впрочемъ и въ письменныхъ
монгольскихъ памятникахъ, въ Халху явился изъ Тибета хубилганъ
Зая Пандиты и основалъ въ сайнъ нояновскомъ аймакѣ свое мѣсто-
пробываніе. Халхаскіе князья надарили ему шабинаровъ, построили
ему и храмы, но всѣ эти храмы помѣщались въ то время въ войлоч-
ныхъ кибиткахъ, да и до нынѣ представляютъ собою самыя незатѣй-
ливыя деревянныя постройки тибетской архитектуры²⁾.

Такъ прошли для Халхи первые шесть годовъ царствованія им-
ператора Юнъ-чжэна и въ теченіе послѣдняго изъ нихъ состоялся
наконецъ выборъ личности и хубилгана ургинскаго хутухты. Какъ я
говорилъ уже и выше, новымъ хубилганомъ былъ признанъ сынъ дар-
ханъ цинъ-вана Дондобъ-дорчжия и теперь халхасы торопились воз-
веденіемъ его на каѳедру. Впрочемъ, еще прежде сего хутухтѣ надле-
жало принять посвященіе въ духовное званіе и послѣднее было пре-
подано ему жившимъ въ то время въ Халхѣ же ламою Донхоръ-ху-
тухту Наванъ Лубсаномъ въ концѣ 1728-го года, причемъ малютка
получилъ себѣ новое монашеское имя — Лубсанъ-дамба-донми. Тор-
жество возведенія его на каѳедру было отложено тогда до наступле-
нія теплой погоды слѣдующаго года и совершилось, по сказаніямъ
монгольскихъ лѣтописей, въ средней весенней лунѣ лѣта черноватой
курицы, что соответствуетъ нашему іюню мѣсяцу 1729-го года. Мы
имѣемъ однако и подробный разсказъ объ этомъ торжествѣ въ опи-

¹⁾ Чжэбц. дам. лам. ца-цзы л. 13.

²⁾ Дэгэду шаш. эрд. 6. монг. орон. тугэг. уг'и уцзэгул. л. 11.—Кочевья шабинаровъ Зая-Пандиты располагаются въ долинахъ средняго теченія трехъ Тамировъ и ограничиваются на сѣверѣ горами Баянъ цзурухэ, а на югѣ р. Уриду Тамиромъ. Ближайшій путь къ монастырю Зая-пандиты изъ Россіи можетъ быть на ургинско-улясутайскій торговый трактъ къ почтовой станціи Шибакту. Отъ этой станціи монастырь Зая-пандиты располагается верстахъ въ 25, неподалеку отъ высокой и чествуемой шабинарами Зая-пандиты горы Даши-лунъ. Въ 1879-мъ году Зайнъ хурѣ, какъ называютъ этотъ монастырь халхасы, содержалъ въ себѣ до 800 ламъ. Здѣсь же хранятся въ серебряномъ субурганѣ и мощи этого буддійскаго святаго (Неизданныя записки о путеш. автора по Монголіи).

саніяхъ его очевидцевъ и на основаніи этого разсказа узнаемъ, что возведеніе хутухты на каеэдру совершенно было именно 22-го іюня 1729-го года въ урочищѣ на р. Ибэнѣ, по всей вѣроятности въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла Урга при смерти Ундуръ гэгэна и гдѣ теперь начатъ былъ постройкою новый монастырь его имени. Самое торжество было отправлено съ великолѣпіемъ достойнымъ важности праздника и ко дню его собрались въ Ургѣ три халхаскихъ хана, амбанъ, присланный богдоханомъ изъ Пекина, дарханъ цинь-ванъ — отецъ молодого хутухты, цэцэнъ ванъ и большинство халхаскихъ цзасаконъ; число ламъ простиралось до 26000, а простаго народа было болѣе 100000 человекъ.

38.
П о я с н е н і я   н а   с т р .

22-го іюня при громѣ трубъ и барабановъ, среди многочисленной толпы народа и по дорогѣ, окаймленной разнаго рода знаменами и хоругвями, перенесли хутухту изъ юрты его отца сначала во дворецъ Ундуръ гэгэна, а потомъ въ Цокчинъ, или соборный храмъ ургинскій, гдѣ и посадили на каеэдру. Въ то же время было отслужено передъ гэгэномъ первое молебствіе и самъ онъ преподавъ свое первое благословеніе народу.

23-го іюня было отправлено второе молебствіе передъ хутухтою, послѣ чего амбанъ, командированный изъ Пекина, поднесъ гэгэну дары, пожалованные ему богдоханомъ и состоявшіе изъ золотого подноса, вѣсомъ въ 300 ланъ (около 29-ти фунтовъ золота), у котораго въ срединѣ было вставлено восемь драгоцѣнныхъ камней; на подносѣ этомъ были положены шелковыя бѣлые хадаки, 1000 ланъ (около двухъ съ четвертью пудовъ) серебра и 81 кусокъ парчевыхъ матерій. Помимо сего былъ поднесенъ 81 подносъ съ разнаго рода яствами. По окончаніи молебствія начались игрища и прежде всего явилось 268 борцовъ, которые поочередно начали борьбу между собою. Въ числѣ побѣдителей на этотъ разъ было насчитано 35 человекъ.

24-е іюня было проведено въ молебствіяхъ, которыя совершали ламы по просьбѣ халхасовъ.

25-го іюня было отправлено молебствіе передъ хутухтою по просьбѣ цзасакту хана и цэцэнъ вана, по окончаніи же богослуженія оба эти князя поднесли гэгэну свои подарки, состоявшіе въ золотыхъ и серебрянныхъ сосудахъ, шелковыхъ матеріяхъ, чаѣ, и пр. и пр. То же

89. самое было потомъ сдѣлано и со стороны прочихъ цзасаку хановцевъ, при чемъ одинъ изъ весьма не знатныхъ людей пригналъ въ Ургу, на подарокъ гэгэну 300 лошадей. Китайскіе купцы, проживавшіе въ хутухтинскомъ монастырѣ для торговли, въ этотъ же день поднесли гэгэну 150 кусковъ шелковыхъ матерій и 400 цибиковъ кирпичнаго чаю.

27-го іюня была опять борьба; тѣже самыя зрѣлища продолжались потомъ и отъ 28-го іюня по 3-е іюля.

3-го іюля всѣ ханы, ваны и цзасаки отправились къ р. Орхону въ урочище Ураку, отстоящее отъ Урги верстѣ на 50, при чемъ взяли съ собою и вышепомянутыхъ 35 человѣкъ борцовъ.

5-го іюля въ этомъ урочищѣ Ураку былъ конскій бѣгъ, разстояніемъ на 18 верстѣ, при чемъ пущено было сразу 1110 лошадей. 100 передовымъ лошадямъ были розданы почетные титулы и награды; владѣльцамъ ихъ, по приговору князей, были также предоставлены разнаго рода льготы и вольности.

6-го іюля былъ опять конскій бѣгъ на разстояніи 16 верстѣ: всего пущено было въ бѣгъ 1627 шести-лѣтнихъ лошадей, изъ которыхъ опять таки 100 передовымъ были розданы награды.

7-го іюля былъ третій конскій бѣгъ четырехлѣтнихъ лошадей: всего было пущено 995 лошадей на разстояніи 12 верстѣ. 100 переднимъ лошадямъ снова были розданы награды. Всѣ эти бѣгунцы числомъ 3732 были собраны со всѣхъ халхаскихъ улусовъ и принадлежали людямъ безразлично по званію и состоянію.

Въ этотъ же день была снова борьба, при чемъ борцы были раздѣлены на двѣ стороны, одна — тушѣту ханова, а другая — цзасаку ханова. Боролись тѣ 35 человѣкъ, которые привезены были изъ Урги и изъ числа ихъ побѣдителями было признано семеро. Ихъ снова опредѣлено было вести въ Ургу. Въ то же время была совершена стрѣльба въ цѣль изъ луковъ, на пространствѣ 25 саженой. Цѣль была сдѣлана изъ четырехъ большихъ бараньихъ кожъ, а стрѣляло всего 302 человѣка, каждый четырьмя стрѣлами. Лучшими изъ нихъ было признано только 25 человѣкъ, которыхъ, какъ и борцовъ, обратно отправили въ Ургу.

8-го іюля всѣ ханы, ваны и цзасаки монгольскіе возвратились въ Ургу, послѣ чего 9-го іюля въ присутствіи гэгэна и всего народа было послѣднее генеральное игрище, на которомъ стрѣляли въ цѣль вышепомянутые отборные 25 стрѣлковъ и боролось семь борцовъ.

10-го іюля былъ обѣдъ у тушѣту хана, на которомъ присутствовали всѣ знатные люди какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія изъ халхасовъ, за исключеніемъ только хутухты. Послѣ сего снова была стрѣльба изъ луковъ.

11-го іюля были присуждены и розданы награды лучшимъ стрѣлкамъ и лучшимъ борцамъ. Какъ тѣ такъ и другіе прежде всего получили разныя почетныя титулы къ своему имени и кромѣ того первому борцу были пожалованы: ружье, панцырь, 15 головъ рогатаго скота, 15 лошадей, 100 барановъ, 1 верблюдъ, 1000 кирпичей чау, нѣсколько кусковъ шелковой матеріи, нѣсколько лисицъ и нѣсколько выдръ. Тоже самое было дано и лучшему стрѣлку. Послѣднимъ по достоинству борцу и стрѣлку были также даны титулы, а досталось имъ только по 2 головы рогатаго скота, да по 2 барана.

12-го іюля всѣ ханы, ваны, цзасаки и ламы разѣхались и торжество окончилось¹⁾. Можно сказать за симъ, что имъ пресѣлись на довольно долгое время и ясные дни халхасовъ; ибо не далѣе какъ черезъ три мѣсяца по окончаніи этихъ празднествъ въ предѣлахъ Халхи начались у китайцевъ съ чжунгарами новыя войны, которыя едва не напомнили собою халхасамъ времена Галданова нашествія.

Зимой 5-го года правленія Юнъ-чжэнова въ Чжунгаріи умеръ хунтайжчи Цэванъ-рабанъ, надѣлавшій такъ много безпокойства халхасамъ въ послѣдніе годы правленія Канси. Престолъ его по обычному порядку, соблюдаемому монгольскимъ народомъ, достался старшему по нисходящей линіи въ родѣ Цэванъ-рабановомъ, или что тоже старшему сыну Цэванъ-рабана — Галданъ-цэрэну. Этотъ новый правитель чжунгаровъ былъ коваренъ не менѣе своего отца, любилъ войну и много разъ нападалъ на китайскую границу. Импе-

¹⁾ Описание это помѣщено въ Histoire et description de tous les peuples. — Tartarie p. 213.

89. раторъ, выведенный изъ терпѣнія дерзостью чжунгаровъ, порѣшилъ
наконецъ въ 7-мъ году своего правленія (1729) наказать ихъ.
Правда, мнѣнія пекинскаго кабинета значительно расходились въ
обсужденіи этого вопроса: да-сѣ-ши Чжунъ-ши и главный прокуроръ
Чанъ-цзинъ-сы оба представляли императору, что время для борьбы
съ чжунгарами еще не наступило и что народъ еще не готовъ для
этой войны; ду-тунъ Да-фу также точно старался увѣрить, что не-
пріятель можетъ еще пользоваться теперь своими старыми и опытными
полководцами и потому трудно разсчитывать на побѣду; но да-сѣ-ши
Чжанъ-тинъ-юй всячески подговаривалъ къ войнѣ и императоръ
внялъ его рѣчи. Полководецъ Фурданъ былъ назначенъ „успокоиваю-
щимъ границу“ великимъ цзянь-цзюнемъ: онъ долженъ былъ стать
лагеремъ въ Алтаѣ и выступить по сѣверной дорогѣ. Юэ-чжунъ-ци
былъ назначенъ „успокоивающимъ дали“ великимъ цзянь-цзюнемъ, —
ему повелѣно было стать лагеремъ въ Барекюль и выступить по за-
падной дорогѣ. Какъ и при походѣ на чжунгаръ во времена Канси,
было возвыщено объ этомъ въ храмѣ предковъ; въ Тай-хо-дянь ис-
полнилъ императоръ церемонію передаванія сѣкиры и затѣмъ изъ жел-
той палатки на Чанъ-анъ-мынь смотрѣлъ какъ великіе цзянь-цзюни
выступали въ путь. Отъ проливнаго дождя значки и знамена въ это
время намокли и знающіе люди считали это за недобрый знакъ.

Тою порою какъ шли эти приготовленія къ войнѣ и наконецъ
выступили войска со стороны китайцевъ, Галданъ-цэрэнъ едва не по-
гибъ отъ заговора въ своихъ собственныхъ кочевьяхъ, — его замыс-
лили было убить прежніе хошоутовскіе тайчжи Лубсанъ-даньцзинъ и
родственникъ его Лубсанъ шэлэнъ, которыхъ такъ предупредительно
пріютилъ было у себя на дому Цэванъ-рабтанъ. Впрочемъ Галданъ-
цэрэнъ провѣдалъ козни злоумышленниковъ и тотчасъ же схватилъ
Даньцзиня, а чтобы достойнымъ образомъ отплатить ему, въ 8-й
лунѣ того же 1729-го года командировалъ своего посла Тэ-то въ
Китай съ объявленіемъ намѣренія выдать императору Лубцзанъ-дань-
цзиня. Уже Лубцзанъ-даньцзинъ былъ отправленъ и находился въ
дорогѣ, какъ Галданъ-цэрэнъ услышалъ о выступленіи противъ него
китайскихъ войскъ и пріостановилъ посольство. Императоръ, въ свою

очередь, прослышавъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, приказалъ обоимъ великимъ цзянь-цзюнямъ повременить движеніемъ войскъ и въ 5-й лунѣ слѣдующаго 1730-го года явиться въ Пекинъ для полученія приказаній лично отъ императора. Такимъ образомъ великіе цзянь-цзюни должны были оставить свои арміи, должности же ихъ исполняли ти-ду Цзи-чэнъ-бинь и фу цзянь-цзюнь Басай. Нужно сказать, что обычный путь чжунгаровъ въ Китай лежалъ чрезъ урочище Кошоту¹⁾; но урочище это отстояло довольно далеко отъ главнаго лагеря, а заступающій мѣсто великаго цзянь-цзюня Цзи-чэнъ-бинь не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности къ его охранѣ. Галданъ-цэрэнъ, воспользовавшись отсутствіемъ (охраны у прохода Кошоту) въ ту зиму (т. е. съ 1729 на 1730 годъ), послалъ 20000 своего войска ограбить скотъ у хошоутовъ. Цзунъ-бинь, Фанъ-тинъ и фу цзянь-Бда-сюнь съ двухъ тысячнымъ отрядомъ сопротивлялись имъ, а цзунъ-бинь Чжанъ-юань-цзо поспѣшилъ на помощь и ударилъ съ боковъ. Сражались семь дней и ночей, причемъ китайцамъ удалось отнять у мятежниковъ назадъ болѣе половины захваченныхъ ими верблюдовъ и лошадей. Императоръ изъявилъ свою похвалу Фанъ-тину и прочимъ, а Цзи-чэнъ-биня понизилъ въ фу-цзяни и приказалъ помощнику цзянь-цзюня сѣверной дороги Ча-на-би отправиться къ западному войску; наконецъ императоръ приказалъ еще отрядить 11 тысячъ монгольскаго и маньчжурскаго войска въ Гоби, для защиты кочевьевъ внутреннихъ монголовъ²⁾.

Такимъ образомъ въ началѣ 1730-го года на югѣ Халхи все

¹⁾ «Между Баркюлемъ и Хами, говоритъ китайскій толкователь, есть хребетъ Кошоту, что по монгольски значитъ «имѣющій памятникъ», такъ какъ на вершинѣ этого хребта есть танскій памятникъ (отъ временъ) похода на западъ Бэй-синъ-цзянь. Отъ хребта этого къ югу до Хами—три станціи, а къ сѣверу до Баркюля—двѣ станціи». Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ хребетъ Кошоту, есть тотъ самый перевалъ чрезъ Тянь-шань, которымъ проходилъ Тянь-шань изъ Баркюля въ Хами нашъ путешественникъ Потанинъ и обратно изъ Хами въ Баркюль докторъ Пясецкій въ экспедиціи г. Сосновскаго. Оба эти путешественника въ своихъ книгахъ, описывая перевалъ Кошоту, ничего однако не упоминаютъ о стоящемъ на немъ памятникѣ. Какъ горный проходъ, этотъ перевалъ имѣлъ несомнѣнно очень большое значеніе для китайцевъ и чжунгаръ въ стратегическомъ отношеніи.

²⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 58.

89. было уже готово къ открытію военныхъ дѣйствій и къ отраженію
 неприятели. На сѣверѣ Монголіи, т. е. въ самой Халхѣ, дѣло шло
 нѣсколько медленнѣе. Прибывъ къ Алтаю, великій цзянь-цзюнь Фур-
 дань прежде всего распорядился о должномъ переселеніи тамошнихъ
 обывателей и размѣщеніи охранныхъ войскъ: зная напримѣръ, что земли
 цзасака Донмока находятся неподалеку отъ урочищъ Ачжи-Бичжи¹⁾,
 къ которымъ, по слухамъ, намѣревались собраться войска чжунгарскія,
 онъ командировалъ начальника легкаго авангарднаго отряда Динъ-шу
 и мэйрэн-цзангина Марчи-раши изъ урочища Кукэръ пройти къ озеру
 Икэсь и основать тамъ военный лагерь²⁾; самому Донмоку приказалъ
 онъ переселиться въ урочища Тарби-ару-гоу³⁾ и здѣсь, вмѣстѣ съ тысяч-
 нымъ отрядомъ войскъ цзасаку хановскаго хэцзюнь-вана Хиликъ-янъ-
 пила, помогать Диншу въ охраненіи Халхи отъ набѣга чжунгаровъ⁴⁾.
 Вмѣстѣ съ симъ Фурдань рѣшилъ какъ необходимость постройку крѣ-
 пости на р. Кобдо, чтобы поселить въ ней передовые охранные гарни-
 зоны и имѣть провіантныя склады для содержанія арміи. Основаніе
 этой крѣпости разрѣшено было Фурданю въ теченіе полутора мѣсяца
 и одновременно съ симъ тушѣту хановскому цзасаку Вампиль-дорчжію
 вмѣстѣ съ хошунными его данниками поручено было доставлять же-
 лѣзо и все необходимое для сооруженія крѣпостныхъ стѣнъ и зда-
 ній⁵⁾. Вообще Юнь-чжэнь съ необычайною горячностью относился
 къ дѣлу этой войны: гонцы его то и дѣло ѣздили по Халхѣ, разнося
 по разнымъ мѣстамъ то тѣ, то другія приказанія императора. Самъ
 императоръ одинаково милостиво награждалъ халхасовъ за ихъ усер-
 діе, какъ строго и взыскивалъ съ нихъ за ихъ опущенія. Разсѣдуя
 напримѣръ заслуги тушѣту хановскаго цзасака Даньцзинь-дорчжія,

¹⁾ Ачжи, или Ачжи-богдо есть общее названіе горной цѣпи южныхъ ал-
 тайскихъ горъ. Потанинъ переваливалъ чрезъ эти горы на обратномъ пути
 своемъ изъ Хами въ Улясутай. Бичжи, по показаніямъ того же путешествен-
 ника, есть названіе рѣки, протекающей верстахъ въ 70 отъ горъ Ачжи-богдо
 къ сз. Оба упомянутые пункта находятся въ хошунѣ Мани цзасака цзасаку
 хановскаго аймака.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 65, л. 5.

³⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 5, л. 3.

⁴⁾ Ibid. Т. 62, л. 5.

⁵⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 21.

онъ не только повысилъ его самого въ хошой цинь-ваны, но и сына его Дорчжи-собтана пожаловалъ званіемъ бэйсэ; съ другой стороны сэцэнъ-хановскаго цзасака Ванцзала за одно замедленіе въ доставкѣ верблюдовъ разжаловалъ изъ хэцзюнь вановъ въ бэйлэ¹⁾, а цзасака Хэлэка за тотъ же проступокъ не только лишилъ званія, но и управленія хошуномъ²⁾. Впрочемъ, какъ ни торопился Юнь-чжэнъ съ окончаніемъ военныхъ приготовленій, но Фурданъ только въ 4-й лунъ 9-го года правленія (1731) могъ начать сооруженіе стѣнъ Хобдо³⁾.

Въ это время Галданъ-цэрэнъ въ свою очередь былъ уже окончательно рѣшенъ похотѣ на Халху и, чтобы облегчить себѣ ея завоеваніе, онъ отправилъ одного изъ своихъ даругъ, извѣстнаго подъ именемъ старшаго Цэрэнъ-дондоба, переманить на свою сторону ѳлотовъ, въ разное время передавшихся маньчжурамъ и поселенныхъ ими въ предѣлахъ халхаскихъ кочевьевъ. Цэрэнъ-дондобъ, миновавъ переваль Ачжи, и дошедши до урочища Бэхэръ цаганъ эрхэ, льстиво приглашалъ придти и соединиться съ Галданъ-цэрэнъ ѳлотскаго цзасака Бачжи, а равно кочевавшихъ по р. Туинъ-голу ѳлотскихъ: улусъ-туръ тусалакчи гуна Мухая, тайчжія Цэрэна и пр. Даши-дорчжа, Чжанчжи-чжабъ, тусалакчи тайчжи Пунсукъ-дайчинъ и многіе другіе возмущились и стали въ ряды мятежниковъ; тѣ же изъ ѳлотовъ, которые остались вѣрными маньчжурской власти, перекочевали вѣстѣ съ халхаскимъ тусалакчи гуномъ Донжокомъ въ урочища Намулту, Хара, Боро и др.⁴⁾. Одновременно съ командированіемъ Цэрэнъ дондоба, Галданъ-цэрэнъ отправилъ письмо свое и къ сайинъ-нояну Лама-чжабу (незадолго передъ симъ наслѣдовавшему званіе сайинъ-нояна отъ отца своего Даши-дондоба) и также приглашалъ его на соединеніе съ собою;—письмо это однако не дошло по назначенію, ибо его перехватилъ хэцзюнь-ванъ, афу Цэрэнъ и представилъ императору. Юнь-чжэнъ послалъ къ халхасамъ высочайшую грамоту, убѣждая ихъ не поддаваться соблазнамъ и обманамъ мятежника⁵⁾, а самъ

89. Поясненія на стр.

¹⁾ Сэцэн. хан. айм. шаст. Т. 56, л. 6.

²⁾ Ibid. Т. 59 л. 8.

³⁾ Шэнь-у-цзи л. 58.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 68, л. 12.

⁵⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. хуріянг. Т. 69, л. 23.

89. между прочимъ все таки приказалъ маньчжурскимъ военачальникамъ строго слѣдить за направленіемъ мыслей халхаскихъ правителей. Въ 6-й лунѣ Галданъ-цэрэнъ снарядилъ старшаго и младшаго Цэрэнъ-дондоб'овъ и во главѣ тридцати тысячнаго войска отправилъ ихъ для нападенія на сѣверную дорогу маньчжурскихъ войскъ, т. е. собственно на Халху¹⁾. Выступивъ съ Хуа-ирцис'а (Чернаго иртыша) соединенныя силы чжунгарскихъ полководцевъ дошли до урочища Сольби-улакчинъ²⁾ и отсюда подослали одного изъ своихъ солдатъ, какъ бы шпіона, съ нарочитою цѣлью, чтобы онъ былъ схваченъ маньчжурами³⁾. На допросѣ шпіонъ этотъ обманулъ маньчжуровъ, рассказывая имъ о томъ, что главный отрядъ элютовъ еще не прибылъ, но что передовой отрядъ ихъ войскъ, въ которомъ имѣется не болѣе 1000 солдатъ и до 20000 лошадей и верблюдовъ, стоитъ въ Бу-кэ-ту да-ба-ганъ⁴⁾ и находится отъ мѣста расположенія маньчжурскихъ войскъ всего въ трехъ переходахъ. Храбрый, но мало смѣтливый Фурданъ довѣрился этимъ показаніямъ и поспѣшилъ двинуть въ нападеніе слишкомъ 10000 человекъ маньчжурскаго и монгольскаго войска. Тщетно убѣждали его фу-ду-тунъ Динь-шоу, Юнь-го, Хай-шоу и др. быть осторожнѣе, но онъ не послушался ихъ и былъ жестоко наказанъ. Мятежники небольшимъ отрядомъ завлекли маньчжуровъ въ засаду, которая была скрыта въ долину и состояла изъ 20000 человекъ чжунгарскаго войска. Такъ, въ то время какъ гнались маньчжуры за увлекавшимъ ихъ незначительнымъ отрядомъ, вдругъ раздался на далекомъ разстояніи звукъ скрипки; со всѣхъ сторонъ показались блѣтскія одежды, съ высотъ было сдѣлано нападеніе на маньчжуровъ. Чжунгары окружили 4000-ный маньчжурскій авангардъ при озерѣ Хотунъ-хурха-норъ⁵⁾ и осыпали его градомъ стрѣлъ.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 58.

²⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 5, л. 4.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 10.

⁴⁾ Горный перевалъ, находящійся въ восточныхъ отрогахъ Алтая.

⁵⁾ По сказаніямъ Шэнь-у-цзи, это озеро находится въ 200 ли отъ города Кобдо и приблизительно именно въ такомъ разстояніи отъ этого пункта показывается оно на картѣ Клапрота. Посѣтивъ эти мѣста вмѣстѣ съ экспедиціею Потанина въ 1876 г., я не обратилъ specialнаго вниманія на изслѣдованіе объ этомъ озерѣ; но въ дневникѣ моемъ значится, что долина, которую,

Меньшинство не могло сопротивляться силѣ большинства. Фурданъ съ стоявшими позади войсками явился на помощь, но непріятель, разсѣявъ отрядъ (помощника цзянь-цзюня), устремился на главный лагерь. Фурданъ приказалъ солонамъ и монголамъ выступить впередъ для отраженія непріятеля: Корциньцы первые, выставивъ красное знамя, разстроились и побѣжали, а тумоты съ бѣлымъ знаменемъ храбро нападали на непріятельскіе окопы. Солонское войско лишь только узнало о томъ, что монголы разбиты, по ошибкѣ разнесло вѣсть, что разбито бѣлое знамя; тогда совершенно разбѣжались и всѣ войска. Всю ночь слышенъ былъ звукъ отъ шлемовъ и оружія: 4000 маньчжуровъ, защищавшихъ обозъ, то нападали, то отступали

Поясненія на стр. 89.

повидимому, занимаетъ у Клапрота озеро Хотонъ норъ, теперь имѣетъ общее названіе долины оз. Дайнъ гола. Потанинъ утверждаетъ, что самое это озеро называется урянхями Хотонъ; но по всей вѣроятности свѣденіе это добыто имъ уже послѣ моего оставленія его экспедиціи (Очерки сѣверозападной Монголіи ч. II примѣч. стр. 16), киргизы же кочевавшіе вокругъ этого озера ничего не могли сообщить мнѣ помимо того, что озеро называется Дайнъ голомъ. Изъ этого Дайнъ гола вытекаетъ дѣйствительно рѣчка Кутанъ (Хотонъ), какъ называли ее окрестные киргизы. Кутанъ течетъ по направленію къ сѣверу не болѣе какъ на разстояніи 12—15 верстъ и впадаетъ въ Кобдо. Рѣка Кутанъ изобилуетъ рыбою, равно какъ и всѣ мелкіе ручейки и озера, наполняющіе долину Дайнъ гола. У истоковъ своихъ, т. е. близъ озера Дайнъ гола, Кутанъ протекаетъ по болотистой равнинѣ, берега рѣки вообще открытые и только при впаденіи въ р. Кобдо поросли они деревьями. Въ долинахъ Дайнъ гола мы повстрѣчали множество хошо-чилуновъ, т. е. памятниковъ съ изображеніями на нихъ героевъ, въ честь которыхъ они, вѣроятно, поставлены. Важнѣйшіе изъ нихъ описаны и представлены въ рисункахъ у Потанина (Очерки сѣверозападной Монголіи, часть II) подъ № 33 и 34; къ этому прекрасному описанію ихъ нашимъ наблюдательнымъ путешественникомъ трудно было бы прибавить что либо, хотя относительно хошо чулуна № 33-й мы еще можемъ сказать, что онъ вытесанъ изъ гранита, высота его отъ земли 1 метръ, ширина камня 34 сантиметра, а толщина 15 сантиметровъ. Изображенное на камнѣ лицо обращено на СВ. На груди у изображеннаго человѣка высѣченъ углубленными чертами четырехъ-угольникъ и мнѣ показалось, что рѣзчикъ хотѣлъ изобразить этимъ бурхана, который обыкновенно носятъ на груди буддисты. Если это такъ, то настоящій хошо чилу относится по времени своей постановки уже къ тому періоду, когда въ этихъ странахъ былъ извѣстенъ буддизмъ, а слѣдовательно и не составляетъ собою особенной древности. Къ этому послѣднему заключенію меня располагаетъ еще болѣе прекрасно исполненный и сохранившійся хошо-чилу Дайнъ-батыря (у Потанина № 34). Камень, на которомъ изсѣчено это изображеніе, возвышается отъ

и наконецъ успѣли переправиться чрезъ р. Харна. Помощникъ великаго цзянь-цзюня Басай и генералъ Ча-на-би съ своими отрядами пали въ бою. Въ Хобдо къ 1-му числу 7-й луны успѣло возвратиться только двѣ тысячи человѣкъ. Мятежники, захватывая маньчжурскихъ солдатъ, продѣвляли имъ голени, сажали ихъ въ кожаные мѣшки и привязывали къ лошадинымъ хвостамъ, сами же возвращались, распѣвая монгольскія пѣсни. Корциньскій ванъ, скрывшись въ траву, избѣжалъ всего, но онъ увѣрялъ Фурдана, что сначала было разбито бѣлое знамя и Фурданъ, повѣривъ ему, приказалъ схватить тумэскаго гуна Шачжина и предать его казни. Эта несправедливость совершенно раздражила солдатъ. Юэ-чжунъ-ци, получивъ извѣстіе, что армія сѣверной дороги окружена непріятелями, командировалъ Цзи-чэнъ-биня напасть на Урумчи, чтобы такимъ образомъ раздѣлить силы мятежниковъ, но элюты сами оставили этотъ городъ и еще прежде ушли изъ него неизвѣстно куда¹⁾.

Маньчжурскій кабинетъ, получивъ извѣстіе о пораженіи своихъ

земли на 1 метръ и 50 сантиметровъ, ширина его 38 сантиметровъ, а толщина 17 сантиметровъ. Совершенно монгольскія черты лица Данинъ-батыря, приподнятые кверху и скошенные глаза, закрученные усы, уши, и серьги все это исполнено по мѣстамъ мелко и сохранилось такъ отчетливо, что невольно вселяетъ сомнѣніе къ его древности;—всесокрушающее время какъ будто бы не коснулось этого памятника и на лицѣ его уцѣлѣли даже краски, положенныя во время оно для приданія большей живости изображенію: такимъ образомъ сохранились еще красные ободы глазныхъ вѣкъ. Подъ подбородкомъ у этого истукана изсѣчено также точно подобіе квадратнаго четырехугольника (которое я принимаю за изображеніе бурхана), а линіи, которыя андреевскимъ крестомъ переплетаютъ грудь Данинъ-батыря, чрезвычайно напоминаютъ собою расположеніе снуровъ и перевязей въ костюмѣ китайско-монгольскихъ солдатъ. По всему сказанному я склоненъ предполагать, что хошо чилу Данинъ-батыря есть именно памятникъ какого либо урянхайскаго богатыря временъ Канси, или Юнъ-чжэна, когда рассматриваемыя нами мѣста постоянно служили ареною для военныхъ дѣйствій. Замѣтимъ при этомъ, что китайскіе географы до сего времени не знаютъ озера Данинъ гола, хотя на картахъ ихъ и изображаются тѣ три бассейна, которые намъ называли Данинъ голомъ (два южные называются у китайцевъ Хотонъ, а сѣверный Хурха-норъ); сообщавшій же намъ свѣденія о Данинъ голѣ киргизскій султанъ Самарканъ прямо говорилъ, что озеро получило свое настоящее имя отъ прозванія хошо чилуна. Ясно, что названіе Данинъ голъ есть позднѣйшее.

¹⁾ Шэнъ-у-ци. Цз. 3-я, л. 59-й.

войскъ, пришелъ въ страшное озлобленіе противъ чжунгаровъ и порѣшилъ всеконечно истребить ихъ; начальниковъ же своихъ войскъ, проигравшихъ битву, почти всѣхъ подвергъ строгой опалѣ. Главный предводитель ихъ Фурданъ былъ пониженъ въ „распространяющіе величіе“ цзянь-цзюни, а мѣсто его, какъ великаго цзянь-цзюня, занялъ Шунь-чэнь цзюнь-ванъ Си-бао (по монгольски титулъ этого цзянь-цзюня переводится „эбтэй“, а имя его въ произношеніи халхасовъ звучитъ — „Ши-бу“); прежде другихъ побѣждавшій помощникъ цзянь-цзюня Чэнь-тай былъ казненъ¹⁾ на одной изъ площадей Пекина. Приготовляясь за сѣмъ къ новымъ битвамъ съ чжунгарами, маньчжуры разослали ко всѣмъ правителямъ цзасагту хановскаго аймака свои указы съ повелѣніемъ немедленно перекочевать за великую стѣну, чтобы избавиться такимъ образомъ отъ могущихъ быть нападѣній и погромовъ во время военныхъ дѣйствій²⁾; сайнъ нояновскому аймаку приказано было уклониться къ среднему теченію р. Селенги, т. е. почти къ русской границѣ³⁾; въ тушѣту хановскомъ аймакѣ данникамъ Даньцзинь дорчжия опредѣлено было перекочевать къ границамъ аймака Дурбентъ-хүхэтѣ⁴⁾, но Даньцзинь-дорчжи, представивъ въ соображеніе, что мѣста, назначенныя ему для кочевьевъ, суть голая степь и что въ зимнее время тамъ трудно даже найти и топливо, просилъ разрѣшенія перекочевать ему къ границамъ Хуху-хото. Это было ему дозволено⁵⁾ но только отчасти, ибо почти половина его данниковъ была посажена на охрану по р. Толѣ⁶⁾. Еще далѣе къ востоку, на р. Хэрулэнѣ, для охраны же были расположены отряды хорчинскихъ цзасаковъ: хошой дарханъ цинь-вана Лубсанъ-гомбо, бэйсэ Раши и тусалакчи гуна Харби⁷⁾. Такъ разстановлены были охранные отряды въ средней и восточной Халхѣ; на западной сторонѣ ея и на мѣстѣ самыхъ военныхъ дѣйствій маньчжуры также точно забо-

90.
Поясненія на стр.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 8-я, л. 59.

²⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 30.

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 71, л. 30.

⁴⁾ Сы-цзы-бу-ло.

⁵⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 5-я, л. 4.

⁶⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 10.

⁷⁾ Илэтхэмъ шаст. Т. 19-й, л. 10.

90. тились объ увеличеніи сторожевыхъ пунктовъ и съ этою цѣлью кромѣ
хобдоскаго лагеря основали еще новый боевой станъ въ Цаганъ-
сүлѣ¹⁾: сюда по первоначалу была передвинута часть хобдоскихъ
войскъ, нѣсколько же времени спустя здѣсь поселился и новый вели-
кій цзянь-цзюнь Си-бао, а въ Хобдо, какъ сообщаетъ о томъ и наша
лѣтопись, оставлены были войска подъ предводительствомъ „распро-
страняющаго величіе“ цзянь-цзюня Фурдана. Помимо сего для усиле-
нія лагеря цаганъ сүлскаго императоръ приказалъ вызвать 3000
солдатъ изъ сэцэнъ-хановскаго аймака²⁾, и командировалъ въ Ца-
ганъ-сүлѣ цзасакту хана Цэванъ-чжаба³⁾, тушѣту хановскаго цза-
сака Даньцзинь-дорчжіа⁴⁾, сайнъ-нояновскаго хэ-цзюнь вана, эфу
Цэрэна⁵⁾ и другихъ цзасаковъ халхаскихъ каждаго съ его хошун-
ными войсками. На югѣ Монголіи былъ поставленъ еще военный ла-
герь въ Гуй-хуа-чэнѣ и главнокомандующимъ въ немъ состоялъ „уми-
ротворяющій дали“ великій цзянь-цзюнь Марсай⁶⁾. Галданъ-цэрэнъ въ
свою очередь приготовился къ войнѣ, поставивъ войска на обѣихъ
дорогахъ и приказавъ всѣмъ своимъ тайчжіямъ особенно сторожить
и поджидать маньчжуровъ вокругъ Урумчи, на западной дорогѣ; на
Иртышѣ онъ поселилъ земледѣльцевъ и также точно поручилъ имъ
наблюдать за сѣвѣрною маньчжурскою дорогой. Такъ какъ эта сѣ-

¹⁾ Цаганъ сүлѣ, иначе Цаганъ норъ находится въ 200 ли (около 100 верстъ) къ ЮВ. отъ Хобдо. О. Іакинфъ, сообщая этотъ фактъ, говоритъ, что маньчжуры не могли содержать своихъ войскъ въ Хобдо потому будто бы, что это мѣсто было отдаленно отъ китайской границы и маньчжуры якобы затруднялись удержать его за собою. Но очевидно, что о. Іакинфъ не зналъ положенія Цаганъ-сүля, не изслѣдовалъ основательно образа дѣйствій маньчжуровъ, а потому и придумалъ, къ несчастію впрочемъ крайне неудачно, свое объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, если маньчжуры затруднялись отдаленностью Хобдо, до котораго считали они около 5000 ли отъ великой стѣны, то много ли значило для нихъ передвиженіе лагеря на какихъ нибудь 100 верстъ къ югу?—Маньчжуры во все время не оставляли Хобдо и содержали хобдоскій лагерь, въ Цаганъ сүлѣ же былъ поставленъ ими новый охранный отрядъ, совершенно отдѣльный отъ хобдоскаго.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріянгутъ Т. 53, л. 14.

³⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 30.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 10.

⁵⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 16.

⁶⁾ Ibid. Цз. 3-я, л. 59-й.

верная дорога проходила по Халхѣ, или сосѣдила съ Халхою, то конечно мысль о земледѣліи имѣла здѣсь очень большое значеніе ¹⁾).

Въ 9-й лунѣ 1731-го года оба Цэрэна, ободряемые одержанною ими побѣдою надъ маньчжурами, задумали произвести вторженіе на востокъ, въ Халху; но такъ какъ на Цаганъ сүлѣ и въ Хобдо стояли большія войска, то они порѣшили идти по южной сторонѣ Алтая одному съ малаго, а другому съ большаго Иртыша. Младшій Цэрэнь-дондобъ, предводительствуя 6000 отборныхъ всадниковъ, вторгнулся въглубъ страны, а Цэрэнь-дондобъ старшій съ 20000-мъ войскомъ составлялъ резервъ и остановился съ своимъ лагеремъ въ урочищѣ Сүхэ алдаху ²⁾. Халхасы, получивъ первую вѣсть о вторженіи чжунгаровъ, тотчасъ же поспѣшили спастись бѣгствомъ отъ ихъ грабительствъ: сайнъ нояновскій цзасакъ бэйлэ Намчжалъ-чисоронъ, цзасакту хановскіе, — бэйлэ Банди и тайчжи Гэндунъ успѣли перекочевать на Селенгу ³⁾, прочіе же цзасакту-хановцы, не внявшіе повелѣнію маньчжуровъ перекочевать за великую стѣну, въ большинствѣ случаевъ подверглись разграбленію и въ нападеніяхъ чжунгаровъ потеряли весь свой скотъ и все свое имущество ⁴⁾. Основнымъ планомъ маньчжуровъ при отраженіи чжунгаръ было воспрепятствовать соединенію Цэрэнь-дондобовъ и разбить каждого изъ нихъ по одиночѣ. На этомъ основаніи хэцзюнь-ванъ, эфу Цэрэнь, соединивъ свои войска съ войсками цинь-вана Даньцинъ-дорчжіа и имѣя у себя еще подкрѣпленія изъ отрядовъ тушѣту хановскихъ цзасаковъ: Ванбо, улусъ туръ тусалакчи гуна Вампилъ дорчжіа ⁵⁾, Цэбэкъ-чжаба ⁶⁾, Цэбдена ⁷⁾, Вампилъ дорчжіа ⁸⁾ сайнъ-нояновскаго цзасака Норбо-чжаба ⁹⁾ и проч., направился прежде всего на армію Цэрэнь-дондоба старшаго. Нужно сказать, что армія эта въ то время была уже раздѣлена на нѣсколько

90.
Поясненія на стр.

¹⁾ Ibid. л. 59.

²⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3-я, л. 60.

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 71, л. 30.

⁴⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хурянг. Т. 61, л. 30.

⁵⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 13.

⁶⁾ Ibid. Т. 52, л. 4.

⁷⁾ Ibid. Т. 50, л. 7.

⁸⁾ Ibid. Т. 50, л. 21.

⁹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 5-я, л. 5.

90. лагерей, изъ которыхъ каждый, будучи совершенно готовъ къ походу, имѣлъ у себя опредѣленное назначеніе для дѣйствій въ Халхѣ. Соединенныя силы войскъ халхаскихъ, выступивъ изъ Цаганъ сѣля, быстрымъ движеніемъ дошли до р. Удэнъ-цѣль¹⁾ и здѣсь прежде всего столкнулись съ чжунгарскими отрядами военачальниковъ Хайлуна, Маньчжи и нѣкоторыхъ другихъ, получившихъ отъ Цэрэнъ-дондоба старшаго приказаніе сначала захватить сѣверную алтайскую дорогу, а потомъ идти на Хэрулэнъ и разграбить тамошнія кочевья. Обдумывая за сию планъ нападеній, халхаскіе князья порѣшили употребить противъ чжунгаръ тотъ же самый пріемъ, которымъ такъ недавно пользовались сами чжунгары для пораженія маньчжуровъ; именно, устроить засаду и разбить чжунгарскіе отряды нечаяннымъ нападеніемъ. И такъ цинь-ванъ Даньцзинь-дорчжи отрядилъ изъ своихъ войскъ храброго тушѣту-хановскаго тайчжіа Бахая, далъ ему въ распоряженіе 600 человекъ воиновъ и приказалъ завлечь непріятелей къ р. Удэнъ цуль, гдѣ расположена была засада. Ночью, съ громомъ выстрѣловъ и гикомъ налетѣлъ Бахай на непріятельскій лагерь, захватилъ трехъ человекъ и началъ отступать. Храбрый вождь мятежниковъ Гунцукъ-чжабъ-харабатуръ съ 3000 чжунгаровъ первый бросился въ преслѣдованіе и первый же поплатился своею жизнью, а отрядъ его былъ разбитъ засадными халхаскими войсками²⁾. Той же участи за сию подвергались постепенно подходившіе въ подкрѣпленіе чжунгарскіе отряды Хайлуна, Маньчжи и самаго Цэрэнъ-дондоба: всѣ они были разбиты такимъ образомъ по одиночкѣ и наконецъ, видя свое полное пораженіе, обратились въ бѣгство.

Императоръ съ живѣйшею радостію принялъ это извѣстіе о побѣдѣ и милостиво наградилъ побѣдителей. Онъ возвелъ Цэрэна въ званіе хошой-цинъ-вана³⁾, Даньцзинь-дорчжію пожаловалъ въ награ-

¹⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 5, л. 5.

²⁾ Туш. хан. айм. Т. 50, л. 29.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 60. По нашей лѣтописи Цэрэнъ въ 1731-мъ году былъ пожалованъ титуломъ «отличнаго богатыря» и сдѣланъ великимъ цзасаконъ халхаскимъ; но это пожалованіе, какъ увидимъ ниже, относится не къ настоящему а къ слѣдующему году, когда Цэрэномъ было выиграно сраженіе съ чжунгарами при Эрдэни-цэу.

ду 10000 лань серебра¹⁾; цзасаку Цэбдэну далъ титулъ „бату багатура“ и сверхъ того трехъ-очковое перо на шапку и красновато-желтый поясъ²⁾; храбрый Бахай изъ тайчжидэв 3-й степени былъ возведенъ въ 1-ю степень³⁾; наконецъ удостоены были соотвѣственныхъ заслугамъ наградъ и всѣ прочіе цзасаки халхаскіе, участвовавшіе въ походѣ. Но маньчжуры хорошо сознавали, что эта побѣда надъ чжунгарами далеко не составляетъ еще полного пораженія воровъ, какъ называли они тогда чжунгаровъ; что побѣда эта напротивъ должна только болѣе раздражить Галданъ-цэрэна и послѣдній потому самому не замедлитъ снова явиться въ Халху съ своими войсками. И такъ нужно было готовиться къ новой оборонѣ и къ новымъ пораженіямъ. Наученные опытомъ маньчжуры увидали теперь всѣ невыгоды построенныхъ ими крѣпостей на Цаганъ сүлтѣ и Хобдо: послѣднія, стоя на сѣверѣ Алтая, не могли всецѣло защитить Халху отъ чжунгарскихъ вторженій, ибо для чжунгаръ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, оставалась совершенно открытою дорога по южной сторонѣ Алтайскаго хребта. Принимая во вниманіе это обстоятельство, императоръ приказалъ возвести новыя крѣпости на р.р. Туй, Онъги и Байдарикъ, въ которыхъ также поселилъ онъ свои войска и главнымъ начальникомъ ихъ назначилъ „умиротворяющаго отдаленныя страны“ цзянь-цзюня Марсая; послѣднему по этой причинѣ указано было переселиться изъ Гуй-хуа-чэна на Байдарикъ и отсюда уже наблюдать за дѣйствіями остальныхъ, новоустроенныхъ крѣпостей: впрочемъ дѣятельность Марсая была въ свою очередь поставлена въ полную зависимость отъ распоряженій главнокомандующаго всею арміею цзянь-цзюня, жившаго въ Цаганъ сүлтѣ. Съ наступленіемъ весны 1732 года начали проноситься слухи о готовящемся новомъ и страшномъ нападеніи чжунгаръ на Халху. Императоръ опять таки разослалъ грамоты къ халхасамъ, приглашая ихъ укрыться отъ погрома на югѣ Гоби, а Чжэбцзунь-дамба-хутухтѣ приказалъ переселиться въ Долонъ-норъ, ибо положеніе его, даже и на границѣ восточной Халхи считалось не безо-

Поясненія на стр. 30.

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ге. Цз. 5, л. 6.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 7.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 50, л. 31.

90. паснымъ. Въ 7-й лунѣ 10 года правленія Юнъ-чжэнова (1732) вторгнулся въ Халху со всѣми своими людьми и съ большимъ войскомъ самъ Галданъ-цэрэнъ¹⁾. Онъ обогнулъ главные лагери маньчжуровъ въ Хобдо и въ Цаганъ сѣлъ и, держа путь по южной сторонѣ Алтая, пробрался до Хангая и вступилъ въ кочевья Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. Отсюда онъ отправилъ нѣсколько своихъ пословъ, чтобы подговорить къ возстанію олѣтовъ, занимавшихъ своими кочевьями мѣста по лѣвому берегу р. Тамира²⁾, а самъ, раздѣливши на отдѣльные отряды свою армію, намѣревался повоевать окрестныя ему теперь мѣста. Впрочемъ такъ какъ хутухта съ своими шабинарами въ это время перекочевала уже къ Доломъ нору, то земли его оставались пусты и Галданъ-цэрэнъ не представилось здѣсь ни сопротивленій, ни поживы³⁾. Въ 8-й лунѣ провѣдавъ, что эфу Цэрэнъ вмѣстѣ съ цзянь-цзюнемъ Дардай'омъ⁴⁾ отправился съ своими войсками къ горамъ Бомботу, Галданъ вторгнулся въ его кочевья, располагавшіяся по р. Таміру и произвелъ здѣсь полное опустошеніе, ограбивъ данниковъ Цэрэна и захвативъ всю его семью, скотъ и имущество⁵⁾. Го-

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3-я, л. 60.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 48, л. 6.

³⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3, л. 60.

⁴⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-де. Цз. 5, л. 7.

⁵⁾ О. Іакинфъ въ своемъ сочиненіи «Историческое обозрѣніе ойратовъ» на стр. 99 разсказывая объ этомъ событіи, говоритъ слѣдующее: «Осенью 1732-го года Галданъ-цэрэнъ со всѣми своими силами произвелъ нападеніе на земли чжасахту хана Цэрына и захватилъ все его имущество, скотъ, двухъ сыновей и наложницу. Чжасахту ханъ, за нѣсколько дней передъ сямъ отправившійся въ Пекинъ, еще въ дорогѣ получилъ извѣстіе о несчастіи, случившемся въ его владѣніяхъ». Изъ настоящихъ описаній явствуется во 1-хъ, что Галданъ-цэрэнъ въ этотъ походъ на Халху не нападалъ на земли цзасакту хана, а обогнулъ ихъ по южной сторонѣ Алтая; во 2-хъ—что Цэрэнъ не только не былъ цзасакту ханомъ, но даже и не принадлежалъ къ цзасакту хановскому аймаку (цзасакту ханомъ въ это время былъ Цэванъ-чжабъ) и наконецъ въ 3-хъ считаемъ долгомъ пояснить на основаніи біографіи эфу Цэрэна и сказаній Шэнъ-у-цзи, что Цэрэнъ въ это время совершенно не ѣздилъ въ Пекинъ: онъ былъ сначала въ цаганъ сѣльской крѣпости, за снѣгъ отправился оттуда въ свои кочевья набрать себѣ новыхъ солдатъ и съ ними долженъ былъ идти и сторожить хангайскій горный проходъ Бомботу, находящійся въ вершинахъ рѣки Цзака, въ урочищахъ, занятыхъ нынѣ кочевьями Чинъ-суцзукту ламы. Маньчжурскій планъ пораженія Галданъ-цэрэна при этомъ походѣ былъ слѣдующій: пропустивъ чжунгаровъ на сѣверную сто-

нецъ принесъ извѣстіе объ этомъ событіи Цэрэну, когда послѣдній 30. былъ еще въ дорогѣ къ Бомботу и пораженный ужасными разсказами князь тотчасъ же, оставивъ назначенный ему постъ, поспѣшилъ на спасеніе своихъ родовыхъ владѣній. Быстро собрались къ нему на помощь съ войсками халхаскіе князья, явился цинь-ванъ Даньцинъ-дорчжи и тушѣту хановскіе цзасаки: Ванбо ¹⁾, Вампиль дорчжи ²⁾, Бахай ³⁾, сэ-цэнъ хановскій тайчжи Гуру-чжабъ ⁴⁾ и многіе другіе. Цэрэнъ принялъ верховное начальство надъ всѣми силами этихъ князей и поспѣшилъ отправить донесеніе шунь-чэнъ-цинъ вану, прося у него войскъ для атаки непріятеля съ боковъ, а самъ выступилъ въ преслѣдованіе, каждый разъ посылая впереди своихъ отрядовъ развѣдчиковъ и лазутчиковъ въ разныя стороны. Между этими лазутчиками у Цэрэна былъ нѣкто То-кэ-хунъ, который, говорятъ, могъ проходить въ сутки по тысячѣ ли. Поднимаясь на высочайшіе горные пики, онъ распахивалъ свое платье и становился въ этомъ положеніи, походя на черного орла съ распростертыми крыльями; такимъ то образомъ, не узнанный мятежниками, онъ высмотрѣлъ положеніе всѣхъ чжунгарскихъ отрядовъ и донесъ обо всемъ Цэрэну. Халхаскій вождь поручилъ тому же То-кэ-хуню быть вожакомъ своей арміи и послѣдній повелъ по невѣдомымъ дорожкамъ все халхаское войско, численность котораго простиралась до 30-ти тысячъ. Шли день и ночь. На разсвѣтъ слѣдующаго дня Цэрэнъ напалъ на непріятелей съ вершины горъ Кэрсэнъ-чилу. Чжунгары были совершенно не подготовлены къ сраженію: они вскакивали и съ просонку оставались безъ луковъ, а лошади ихъ безъ сѣделъ. Соединенныя силы халхаскихъ войскъ преслѣдовали ихъ вплоть до

Поясненія на стр. 30.

рону Хангая, загородить имъ горные проходы и такимъ образомъ уничтожить Галданъ-цэрэна на сѣверной сторонѣ Хангая совершенно: добить его предполагалось или у горныхъ проходовъ, если бы Галданъ-цэрэнъ бросился на югъ; или же у Хобдо и Цаганъ сүля, если бы онъ избралъ путь возвращенія сѣверный. Этотъ то планъ и заставилъ Цэрэна идти къ горному проходу Бомботу въ то время, какъ непріятели были уже не подальше отъ его кочевьевъ.

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 14.

²⁾ Ibid. Т. 50, л. 22.

³⁾ Ibid. Т. 50, л. 28.

⁴⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 59, л. 11.

30. оз. Хара шэнцзи и здѣсь послѣ двухдневныхъ сраженій мятежники были разбиты совершенно¹⁾. Большинство халхасовъ, въ томъ числѣ и сильнѣйшіе изъ вождей цинь-ванъ Даныцзинь-дорджи, тушѣту хановскій цзасакъ Цѣдэнъ и сайнъ-ноянъ Лама-чжабъ, празднуя эту побѣду, считали дѣло поконченнымъ и оставили эфу Цэрэна съ однимъ только тайчжіемъ Цэваномъ²⁾ доканчивать преслѣдованіе; сами же частію возвратились въ свои кочевья, какъ Лама-чжабъ³⁾, частію сдѣлали привалъ въ обильныхъ пастбищахъ урочищахъ, какъ Даныцзинь-дорджи и др. Между тѣмъ вспомогательныя войска маньчжуровъ не успѣли подойти къ гнавшимся за чжунгарами халхасамъ и оттого то дальнѣйшія сраженія ихъ во время преслѣдованія были сравнительно слабы. На дорогѣ отъ Хара-шэнцзи до приорхонскаго Хангая эфу Цэрэну пришлось выдержать не менѣе десяти стычекъ съ чжунгарами, но нанести имъ полное пораженіе онъ все таки былъ не въ силахъ⁴⁾. У

¹⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3, л. 16 и 60-й.

²⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-яо-де. Цз. 5, л. 8.

³⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 23.

⁴⁾ Относительно упоминаемыхъ мѣстностей, равно какъ и о направленіи пути бѣжавшихъ чжунгаръ мы можемъ сказать слѣдующее: первое урочище, въ которомъ дано было халхасами сраженіе блѣтамъ, — Кэрсэнъ чилу находится верстахъ въ 50 къ сѣверу отъ Улясутая; нынѣ здѣсь располагается вторая станція почтоваго тракта изъ Улясутая на Дзиндзиликъ. Падеринъ называетъ ее Кэргэнъ чилу; на картѣ Клапрота она подписывается Kerlen tsiloo; но г. Потанинъ, посѣтившій эти мѣста и собравшій о нихъ преданія монголовъ, увѣряетъ, что всѣ монголы называли ему эту станцію Кэрсэнъ чило. Тѣже монголы рассказывали Потанину, что здѣсь происходили сраженія между дурбѣтами и халхасами (очевидно, что рассказчики имѣли въ виду сказать о битвахъ между чжунгарами или блѣтами и халхасами; но какъ представителями чжунгарскихъ или блѣтскихъ поколѣній являются теперь въ этихъ мѣстахъ дурбѣты, то они и говорятъ, что битвы происходили между дурбѣтами и халхасами). «3000 дурбѣтовъ, говорили монголы Потанину, ходили войной на халхасовъ: первая битва была при Кэрсэнъ чилу; вторая въ урочищѣ Эмэгэнъ тологой (къ сѣверо-востоку отъ озера Тирхинъ цаганъ нора, изъ котораго вытекаетъ рѣка Чилу); третья при урочищѣ Абыгылтай къ востоку отъ р. Хануя (между Хануемъ и Хунинъ-голомъ); здѣсь было убито 1000 дурбѣтовъ. На Орхонѣ была послѣдняя битва, гдѣ остальные двѣ тысячи дурбѣтовъ были уничтожены» (Потанинъ. Очерки сѣв. зап. Монголіи Ч. II, стр. 76). Очевидно, что рассказчики вели свою рѣчь именно о настоящемъ походѣ, но имъ все таки не были извѣстны всѣ тѣ пункты, въ которыхъ происходили битвы у Цэрэна съ чжунгарами; между прочимъ они не знаютъ и о битвѣ при озерѣ Хара шэнцзи, о которой упоминаетъ Шэнъ-у-цзи. Мѣстонахожде-

приорхонскаго Хангая-чжунгары остановились лагеремъ ¹⁾. Здѣсь пред- ставилась имъ долина, ограниченная слѣва хангайскими горами, а справа рѣкою Орхономъ. Долина эта, узкая сама по себѣ, заграждалась еще стоящими поперекъ ея постройками ламской кумирни Эрдэни-цзу ²⁾ и понятно, что такія условія мѣстности естественно должны были задер- жать чжунгарскую армію, двигавшуюся вмѣстѣ съ обозами провіанта, стадами скота, табунами лошадей и пр. Но чжунгары еще и сами за- медлили свое движеніе. Жадные къ добычѣ, они напали на богатый монастырь монгольскій и принялись его грабить: вытащили изъ хра- мовъ драгоценныя сосуды, богатые облаченія, литые изъ золота и се- ребра бурханы; у тѣхъ кумировъ, которые по ихъ громадной величинѣ не возможно было взять съ собою, они выламывали драгоценныя камни, золотыя украшенія и пр. ³⁾. Ближайшіе изъ халхасовъ, узнавъ о та- комъ поруганіи и расхищеніи своего славнаго святынями монастыря, поспѣшили на его защиту и немедленно же присоединились съ своими отрядами къ войскамъ эфу Цэрэна. Біографія тушѣту хановскаго цза- сака Пунсукъ-рабтана рассказываетъ, что цзасакъ этотъ находился на постройкѣ своего аймачнаго храма въ то время, когда пришла къ нему вѣсть о нападеніи чжунгаровъ на Эрдэни цзу; тотчасъ же то- ропливо собралъ онъ бывшихъ у него воиновъ и поспѣшилъ съ ними присоединиться къ войскамъ Цэрэна ⁴⁾. Такимъ образомъ чжунгары продолжали еще грабёжъ монастыря, какъ къ войскамъ Цэрэна опять таки собралось свѣжее и довольно сильное подкрѣпленіе. Къ вечеру слѣдующаго дня стремительно налетѣлъ Цэрэнъ на чжунгаровъ и по- гналъ ихъ. Одобрительные крики со стороны халхасовъ и вопли смя- тенія со стороны чжунгаръ огласили воздухъ. Халхасы истребили

90.
на стр.

ніе этого озера намъ неизвѣстно и не показывается ни на китайскихъ, ни на европейскихъ картахъ; принять его за Терхинъ цаганъ норъ едва ли воз- можно, потому что послѣднее на картахъ китайскихъ всегда называется Улчжэйту норомъ. Во всякомъ случаѣ помянутыя показанія монголовъ имѣютъ большой интересъ, какъ выясняющія намъ путь, по которому дви- гались чжунгары.

¹⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-но-ге. Цз. 5, л. 8.

²⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 61.

³⁾ Эрдэни цзуйн тѣхэ л. 23.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 22.

91. здѣсь до 30-ти тысячъ чжунгарь, изъ которыхъ половина была из-
бита, а половина, спасаясь бѣгствомъ, потонула въ р. Орхонѣ¹⁾. Что
касается маньчжурскихъ войскъ, то они не подоспѣли еще и къ этому
времени. Шунь-чэнъ цинь-ванъ, какъ оказалось впоследствии, не
былъ готовъ къ сраженію и докладывалъ императору, что изъ коман-
дированныхъ имъ въ дѣйствіе 10-ти тысячъ маньчжуровъ, только
3000 могло отправиться въ Усунъ цзунь²⁾, хотя и эти послѣдніе
очевидно явились поздно къ мѣсту своего назначенія. Между тѣмъ
на полѣ сраженія дѣло не медлило. Эфу Цэрэнъ съ одними только
своими халхасами напавшій на чжунгарь съ сѣвера и быстрымъ на-
тискомъ нанесшій имъ страшное пораженіе, въ концѣ концовъ все
таки не могъ окружить чжунгарскую армію такими плотными рядами
своихъ солдатъ, которые были бы въ силахъ сопротивляться въ каж-
домъ данномъ пунктѣ натиску чжунгаровъ; оттого ночью Галданъ-
цэрэнъ успѣлъ вырваться изъ окружавшей его цѣпи и бѣжалъ по го-
рамъ въ направленіи къ р. Туи. Цэрэнъ немедленно разослалъ своихъ
гонцовъ ко всѣмъ окрестнымъ цзасакамъ халхаскимъ, приглашая ихъ
преслѣдовать бѣгущихъ чжунгарь и поспѣшилъ извѣстить стоявшаго
на р. Байдарикѣ цзянь-цзюня Марсая, чтобы онъ съ своей стороны
также точно перерѣзалъ непріятелямъ путь возвращенія. Изъ числа
халхаскихъ цзасаковъ нѣсколько человекъ, по призыву Цэрэна, тот-
часъ же выступили съ своими отрядами и по частямъ разбивали бѣ-
гущихъ чжунгаровъ; особливо прославился тогда тушѣту хановскій

¹⁾ Эрдені-цзунъ тухъ л. 23-й

²⁾ Определить съ положительною точностію этотъ пунктъ для насъ пока
невозможно, вслѣдствіе недостаточности историческихъ данныхъ. Урочище съ
именемъ Усунъ-цзунъ въ настоящее время извѣстно намъ три. Первое изъ
нихъ, прославленное какъ мѣстороженіе Ундуръ гэгэна, находится въ тушѣ-
ту хановскомъ аймакѣ; второе—въ аймакѣ цзасакту хана, получаетъ свое на-
званіе отъ рѣки Усунъ цзунъ, вытекающей изъ восточныхъ оконечностей
горъ Цасуту бугдо, что на сѣверѣ Цицикѣ нора; а третье, заимствующее свое
названіе также отъ рѣки, находится верстахъ въ 30 къ сѣверо-западу отъ Уля-
сута и въ такомъ же разстояніи къ юго-западу отъ Кэрсэнъ чилу. Судя пото-
му, что маньчжурскія войска шли по требованію Цэрэна, и что послѣдній въ
своемъ извѣщеніи къ главнокомандующему маньчжурскихъ войскъ несомнѣн-
но указалъ пунктъ, въ которомъ стоятъ чжунгары (т. е. Кэрсэнъ чилу), можно съ
большимъ вѣроятіемъ предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь именно объ этомъ
послѣднемъ Усунъ цзунъ, прилежащемъ Кэрсэнъ чилу и Улясутаю.

тайчжи Сундубъ, успѣвшій собрать до тысячи человѣкъ своихъ данниковъ и болѣе другихъ избившій и плѣнившій чжунгаровъ¹⁾. Что касается самого эфу Цэрэна, то онъ хотя по первоначалу и преслѣдовалъ чжунгаровъ, тѣмъ не менѣе не могъ нанести имъ ни какого существеннаго ущерба: войска его прежде всего были страшно утомлены походомъ и постоянными сраженіями; движеніе ихъ за сѣмъ задерживали брошенные чжунгарами обозъ и скотъ, которые буквально запрудили собою горныя долины Хангая, такъ что пока цэрэновцы подбирали этотъ скарбъ, да пробирались мимо него, чжунгары успѣли уйти уже довольно далеко; наконецъ третьимъ и, собственно говоря, самымъ важнымъ, препятствіемъ къ преслѣдованію чжунгаровъ для Цэрэна было то, что самые отряды его войскъ значительно сократились вслѣдствіе одного новаго и совершенно непредвидѣннаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что послы Галданъ-цэрэна, командированные имъ съ цѣлью возбудить къ мятежу халхаскихъ олотовъ, сдѣлали свое дѣло: данники олотскаго бэйсэ Сэбтэнъ-ванбо дѣйствительно возмутились и мятежъ ихъ почти именно совпалъ съ временемъ сраженія при Эрдэни-цэу. Тушѣту хановскій цзасагъ Цамцукъ-намчжилъ, проходившій въ ту пору мимо ихъ кочевьевъ, бросился было къ усмиренію возставшихъ мятежниковъ, но послѣдніе разбили его отряды и самъ Цамцукъ-намчжилъ палъ въ этомъ сраженіи, будучи пораженъ стрѣлою²⁾. Вѣсть обо всѣхъ этихъ событіяхъ подоспѣла къ эфу Цэрэну, когда онъ только что двинулся въ преслѣдованіе разбитаго и бѣжавшаго Галданъ-цэрэна; но понятно, что всѣ хошунные цзасаки, кочевья которыхъ лежали вблизи урочищъ, населенныхъ олотами, тотчасъ же оставили армию Цэрэна и воротились домой въ заботахъ о спасеніи своихъ родовыхъ владѣній отъ могущаго постигнуть ихъ разоренія. Между прочими оставилъ Цэрэна и цзасагъ Пунсукъ-рабтанъ, которому, вмѣстѣ съ тайчжіемъ Цзампилъ-дорчжіемъ, китайцы приписываютъ главную дѣятельность въ усмиреніи этихъ возставшихъ олотскихъ поколѣній³⁾. Впрочемъ, по той или другой причинѣ Цэрэнъ

Поясненія на стр. 91.

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 26.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 48, л. 6.

³⁾ Ibid. Т. 52, л. 26.

91. съ оставшимися у него войсками очевидно преслѣдовать бѣжавшихъ чжунгарь крайне слабо: нѣкоторому успѣху его нападеній содѣйствовали конечно выходившіе къ нему на помощь цзасаки халхаскіе; но ихъ единичные отряды были опять таки черезъ чуръ незначительны для того, чтобы нанести полное пораженіе Галдань-цэрэну; на это можно было надѣяться только тогда, когда въ дѣло вступятся болѣе стройныя и многочисленныя полки жаньчжурской арміи. Въ Байдарикской крѣпости, на которую лежалъ теперь путь чжунгаровъ, состояло въ то время до 13-ти тысячъ солдатъ и если бы изъ числа ихъ даже одна половина была отряжена для дѣла, то чжунгары несомнѣнно были бы разбиты окончательно и не возвратились бы на свою родину. Помощникъ цзянь-цзюня Дарци вполне понималъ это дѣло и потому, получивъ извѣстіе отъ Цэрэна, тотчасъ же приготовилъ войска къ выступленію; но Марсай не разрѣшилъ своему гарнизону этого похода. Солдаты съ крѣпостныхъ стѣнъ видѣли, какъ пробѣгали чжунгарскіе всадники, какъ пускали они палы для отраженія преслѣдованія, какъ совершенно безъ всякаго порядка шли они нестройными толпами. На слѣдующій день, уже не дожидаясь приказаній цзянь-цзюня, китайскій гарнизонъ самъ отворилъ ворота и, двинувшись въ погоню, перебилъ до тысячи человекъ чжунгаровъ¹⁾, но за всѣмъ тѣмъ ему не удалось ни разбить болѣе сильныхъ отрядовъ Галдань-цэрэна, ни захватить хотя бы то одного изъ старѣйшихъ чжунгарскихъ полководцевъ, такъ какъ всѣ они прошли именно подъ прикрытіемъ сильнѣйшихъ переднихъ партій²⁾. Не менѣе удачно пришлось чжунгарамъ проскользнуть и по западной Монголіи, въ параллели Улясутая, Кобдо и Цагань-сүля. Командующій здѣсь войсками цзянь-цзюнь Фурдань, получивъ просьбу эфу Цэрэна выслать войска для преслѣдованія чжунгаровъ, распорядился отко-

¹⁾ Шэнь-у-ци л. 61.

²⁾ О. Іакняфу по всей вѣроятности не былъ извѣстенъ фактъ перемѣщенія цзянь-цзюня Марсая изъ Куку-хотоской крѣпости на Байдарикъ; оттого, прочитавши въ лѣтописяхъ, что эфу Цэрэнь извѣстилъ Марсая о необходимости пересѣчь дорогу разбитымъ чжунгарамъ, онъ и передаетъ, что это извѣстіе было послано въ Куку-хото. Такимъ то образомъ и получился у него тотъ забавный разсказъ, что китайскіе солдаты со стѣнъ Куку-хотоской крѣпости видѣли какъ чжунгары бѣжали въ вершинахъ Байдарика.

мандировать съ этою цѣлью цинь-вана Даньцзинь-дорчи; но послѣд-
ній отнесся къ дѣлу съ крайнею небрежностью и дѣйствовалъ необык-
новенно медленно, а потому по пусту пробродилъ только по южной
сторонѣ Хангая, въ то время какъ чжунгары быстро приближались къ
границамъ своей родины¹⁾. Такимъ образомъ послѣ китайскихъ на-
паденій у Байдаринской крѣпости войска Галданъ-цэрэна подверглись
преслѣдованію только со стороны цзасака Хиликъ яньпила. Послѣдній
отъ р. Байдарика гналъ ихъ до крѣпости Ха-линь и отъ Букэ-хара
до урочища Уланъ булакъ. Здѣсь Хиликъ яньпилъ имѣлъ довольно
значительное дѣло съ отрядами чжунгарскихъ тайчжіевъ, убилъ нѣ-
сколько сотъ чжунгарскихъ солдатъ и отнялъ у нихъ громадное ко-
личество щитовъ, дѣлаемыхъ изъ кожи и выставляемыхъ во время
сраженій впереди войска для прикрытія отъ стрѣлъ непріятельскихъ.
Еще далѣе, провѣдавъ о намѣреніи чжунгаровъ двинуться къ урочи-
щамъ Ку-р-ту-ла, Хиликъ яньпилъ продолжалъ свою погоню и въ
одномъ изъ ночныхъ нападеній перебилъ до 400 мятежниковъ; но
за сямъ его отряды уже такъ истомились, что онъ долженъ былъ пре-
кратить свое преслѣдованіе и остановиться. Въ параллели Цаганъ
сүля еще разъ напалъ на чжунгаровъ сайнъ нояновскій цзасакъ Гэм-
пилъ съ 3000 китайскаго войска и отъ горы Хара ачжирга гналъ
ихъ черезъ Алтай до вершины р. Бичжи. Достигнувъ этихъ предѣ-
ловъ, чжунгары вступили уже въ свои владѣнія, а потому и преслѣ-
дованіе ихъ со стороны китайцевъ и халхасовъ должно было прекра-
титься²⁾.

Таковы были обстоятельства этого послѣдняго похода Галданъ-
цэрэна на Халху; похода, окончившагося для чжунгаръ такъ не-
счастливо, что изъ общаго состава ихъ арміи едва десятый человекъ
успѣлъ возвратиться на свою родину. Посмотримъ теперь, что же пред-
ставляла собою Халха за все это время походовъ Галданъ-цэрэна и
каково было отношеніе халхасовъ къ этимъ походамъ?

Мы почти не считаемъ нужнымъ говорить о той холодности къ

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 12.

²⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-яо-те. Цз. 5-я, л. 8-й.

91. обстоятельствомъ военныхъ дѣйствій, которую обнаружили халхасы при послѣднемъ движеніи Галданъ-цэрэна на Халху: она такъ ярко рисуется на каждомъ шагѣ этого похода, что если бы мы не знали объ исконной враждѣ халхасовъ съ блѣтами, то ихъ можно было бы заподозрить въ тайномъ заговорѣ съ Галданъ-цэрэномъ и обвинять въ попускательствѣ его къ грабежу и набѣгамъ. Но было бы весьма несправедливо приписывать эту холодность одному только послѣднему времени, потому что она начала уже проглядывать при самомъ первомъ движеніи китайскихъ войскъ на Халху и за симъ увеличивалась, кажется, совершенно пропорціонально той горячности, съ которою Ючъ-чжэнъ все болѣе и болѣе втягивался въ войну съ чжунгарами; надѣясь въ конечномъ результатѣ достигнуть полнаго уничтоженія чжунгарскаго ханства. Другаго отношенія халхасовъ къ этимъ походамъ трудно было однако и ожидать. Да-се-ши Чжу-ши еще при самомъ началѣ войны вполнѣ основательно говорилъ императору, что народъ его не готовъ къ военнымъ дѣйствіямъ и такое мнѣніе болѣе чѣмъ гдѣ либо могло найти свое оправданіе въ Халхѣ, которой именно и приходилось быть ареною для этихъ дѣйствій. Пятьдесятъ лѣтъ почти непрерывной войны и борьбы съ внѣшними и внутренними врагами тяжело сказались Халхѣ: онѣ утомили ея обитателей, истощили ихъ богатства, самую страну превратили изъ ровной и мирной пастушеской степи въ какой то сплошной боевой станъ, въ которомъ чуть ни на разстояніи каждаго 40, 50 верстъ разставлены были шикеты, въ которомъ прорѣзалась масса дорогъ отъ непрерывно скачущихъ курьеровъ и проходящихъ рядовъ войска, въ которомъ все дышало бездомовностью, все было налегкѣ и какъ бы ежеминутно ожидало вѣсти о движеніи въ ту или другую сторону. Нѣтъ сомнѣнія, что для осѣдлаго народа подобное состояніе было бы совершенно не выносимо и только привыкшіе къ постояннымъ передвиженіямъ, кочевые халхасы продолжали жить при таковыхъ условіяхъ, относились сравнительно легко къ этимъ невзгодамъ внѣшняго быта и, повидимому, находили возможность даже улучшать противъ прежняго свое благосостояніе, лишь только наступалъ для нихъ хотя малѣйшій промежутокъ покоя. Но за всѣмъ тѣмъ и для халхасовъ подобный образъ жизни казался

непосильнымъ бременемъ: они громогласно возвѣщали объ этомъ и открыто говорили далѣе, что не столько истощаютъ ихъ самые походы, сколько военное положеніе страны. Содержаніе почтовыхъ станцій, постоянная перевозка войскъ и провіанта, непрерывная скачка китайскихъ курьеровъ, старавшихся при томъ сорвать съ народа его послѣдній достатокъ, вотъ что по преимуществу изнуряло халхасовъ. Юнъ-чжэнъ какъ будто и не хотѣлъ понять этого положенія. Онъ не думалъ облегчить Халхъ налагаемое на нее бремя устройствомъ какихъ либо приспособленій, или указаніемъ какихъ либо порядковъ, онъ не заботился объ искорененіи лихоимства своихъ чиновниковъ и всѣ его указы въ Халху за это время выражаются обыкновенно словами: „поскорѣе собрать“, „поскорѣе доставить“, „поскорѣе идти“. Есть ли возможность удовлетворить тому или другому требованію, объ этомъ не говорилось и не спрашивалось. Выбываясь изъ силъ, халхасы исполняли по первоначальному порученію маньчжурскаго двора и министерства, но Юнъ-чжэнъ не довольствовался и этимъ: по своей горячности онъ преслѣдовалъ самымъ жестокимъ образомъ всякое, даже малѣйшее замедленіе со стороны халхасовъ, всякую мельчайшую ихъ оплошность. Мы видѣли уже, что въ 1730-мъ году онъ разжаловалъ цзасаковъ Ванцзала и Кэлэка за одну только позднюю доставку въ боевой станъ верблюдовъ, нѣсколько спустя тоже самое случилось съ цзасакомъ Тамаринъ-дорджи и нѣкоторыми другими¹⁾. Эти несправедливости уже просто возмущали халхаскихъ правителей и они открыто начали возставать противъ распоряженій Юнъ-чжэна. Такимъ образомъ въ 1731-мъ году, вопреки призыву къ военнымъ дѣйствіямъ, не пошелъ въ походъ тушѣту хановскій мэргэнъ-ванъ Минцзуръ-дорджи²⁾, а цзасакъ Цэнгунъ чжабъ, обремененный возложенными на хопунъ его порученіями, самовольно ушелъ изъ хобдоской крѣпости гдѣ стоялъ на охранѣ³⁾. Въ 1732-мъ году также самовольно уклонились съ мѣста военныхъ

Поясненія на стр. 91.

¹⁾ Сэд. хан. айм. шаст. Т. 55, л. 5.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 47, л. 7.

³⁾ Ibid. Т. 52, л. 17.

91. дѣйствій сайнъ ноянъ Лама-чжабъ¹⁾, цзасаку ханъ Цэванъ-чжабъ²⁾ и многіе другіе. Само собою разумѣется, что эти преступники тотчасъ же предавались суду, лишались своихъ должностей и званій, а мѣста ихъ занимали новыя лица, которыя гнули народъ въ угоду маньчжурской власти. Но силы этого народа были уже истощены и вотъ одна часть его, жившая неподалеку отъ русскихъ предѣловъ, спасаясь отъ непосильныхъ поборовъ, бросилась бѣжать въ Россію съ такою поразительною стремительностію, что наприжѣръ втеченіи двухъ, 1730 и 1731-го годовъ, перебѣжали на русскую границу изъ сэцэнъ-хановскаго и тушѣту хановскаго аймаковъ всего болѣе 3839 семей, а въ 1732-мъ году направились сюда же изъ сэцэнъ хановскаго аймака поколѣнія халхаскихъ баргутовъ, въ количествѣ 8 сумуновъ, т. е. цѣлаго-своего хошуна³⁾. Другая часть халхасовъ, болѣе удаленная отъ Россіи и потому не имѣвшая возможности найти себѣ спасеніе въ бѣгствѣ, предалась грабежамъ, нападая безъ разбора на китайцевъ и на маньчжуровъ, на монголовъ южныхъ хошуновъ и на своихъ соплеменниковъ — халхасовъ. Въ этихъ разбойническихъ набѣгахъ расхищалась безразлично и частная и общественная собственность⁴⁾, забыты были всѣ прежнія клятвы, не уважались ни старыя договоры, ни новоутвержденные постановленія. По Халхѣ не было проѣзда отъ разбойничьихъ шаякъ и въ концѣ концовъ императоръ долженъ былъ командировать особые отряды своихъ войскъ, назначивъ верховнымъ предводителемъ ихъ президента Цзакдана и поручивъ имъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ цзасаковъ халхаскихъ, усмирить разбойниковъ⁵⁾. По всей вѣроятности однако это дѣло усмиренія шло не особенно успѣшно, ибо мы знаемъ, что начиная съ 1731-го года русскіе посланцы и казенные караваны, изъ боязни грабежей въ Халхѣ, ѣздили въ Китай уже не на Кяхту и Калганъ, а по дорогѣ отъ Цурухайту на Цицикаръ, Бодунэ и Си-фынь-коу, да и на этомъ пути они не

1) Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 69, л. 23.

2) Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 33.

3) Сэц. хан. айм. шаст. Т. 59, л. 21.

4) Цзасак. хан. айм. шаст. Т. 61, л. 32.

5) Сэц. хан. айм. шаст. Т. 60, л. 3.

были вполне безопасны. Біографія сэцэнъ хановскаго цзасака Дондоба рассказываетъ, что „когда въ 1732-мъ году русскіе шли въ Пекинъ для представленія дани, то на дорогѣ они были ограблены, и только благодаря распорядительности этого Дондоба, снабдившаго ихъ проводниками и провіантомъ, добрались они до Пекина¹⁾. Всѣ эти обстоятельства ясно рисуютъ намъ положеніе Халхи въ періодъ войнъ Галданъ-цэреновыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно утверждаютъ тотъ фактъ, что большинство халхасовъ не только не участвовало въ этихъ войнахъ, но и не могло въ нихъ участвовать, ибо ему скорѣе нужно было заботиться о спасеніи своего живота, чѣмъ объ этихъ войнахъ. Другіе, болѣе обезпеченные по своему благосостоянію халхасы, также точно не принимали участія въ походахъ, но это было уже или потому, что они надѣялись на силы маньчжуровъ, или потому что самыя войны и особенно цѣль этихъ войнъ считали они грѣховными въ силу укоренившихся уже у нихъ буддійскихъ воззрѣній на міръ; эти люди, какъ и большинство современныхъ халхасовъ, тогда уже по всей полнотѣ усвоили себѣ ученіе ламъ, что одна только религія достойна человѣческой заботы и единственно дѣлу ея прощѣтанія надлежитъ посвящать свои силы. Примѣръ такого отношенія къ дѣлу мы можемъ видѣть хоть на томъ же цзасакѣ Пунсукуъ-рабанѣ, который спокойно занимался постройкою своего аймачнаго храма, въ то время какъ въ 100 верстахъ отъ него шла кровопролитная битва при озерѣ Хара-шэнцзи и только оскорбленіе святыни, выразившееся въ нападеніи чжунгаровъ на монастырь эрдэни-цзу'скій, заставило его съ своей стороны поднять оружіе. Такимъ образомъ къ дѣлу пораженія Галданъ-цэрэна хотя и привлекалось большинство халхаскихъ пояновъ, но участвовали въ немъ весьма не многіе; точнѣе сказать, въ него втянулись только тѣ, которые по природѣ своей были воинственны и для которыхъ бранное дѣло составляло самое завѣтное желаніе духа. Таковъ былъ напримѣръ эфу Цэрэнъ, о которомъ Шэнъ-у-цзи рассказываетъ, что еще до начала набѣговъ Галдана набралъ онъ изъ своего хошуна тысячу молодцовъ и обра-

Поясненія на стр. 31.

¹⁾ Ibid. Т. 57, л. 23.

91. зоваль изъ нихъ свое войско; о немъ же продолжается далѣе, что
 такъ какъ халхасы въ то время въ своей обыденной, внутренней
 жизни не знали никакихъ гражданскихъ порядковъ, то Цэрэнъ распо-
 рядился, чтобы всѣ данники его при кочевкахъ размѣщались по строе-
 вымъ приемамъ: всѣ у него даже въ мирное время обучались военному
 дѣлу и были подтянуты такъ, какъ будто стоятъ передъ окопѣмъ.
 Ясно, что это былъ человѣкъ, для котораго война и военныя экзер-
 циціи были конькомъ и который ничего и не видѣлъ лучше боевыхъ
 порядковъ¹⁾.

Такъ или иначе, но войны съ Галданъ-цэрэномъ были все таки
 покончены и двукратное пораженіе чжунгаровъ сначала при Кэрсэнъ
 чилу, а потомъ при Эрдэни цзу было совершившимся фактомъ. Шунь-
 чэнъ цинь-ванъ немедленно послалъ гонца извѣстить императора объ
 этихъ обстоятельствахъ и, подробно изложивъ разсказъ о двухъ вы-
 шепомянутыхъ битвахъ, заключилъ свой докладъ извѣстіемъ, что
 чжунгары обратились въ бѣгство. Вмѣстѣ съ симъ великій цзянь-
 цзюнь не преминулъ засвидѣтельствовать и о заслугахъ халхаскихъ
 нояновъ, указавъ, какъ на главныхъ дѣятелей похода, на эфу Цэ-
 рэна, цинь-вана Даньцзинь-дорчжи, цзасака Пунсукъ-рабтана и проч.,
 наконецъ онъ извѣстилъ императора и о печальной участи, постигшей
 цзасака Цамцукъ-намчжила. Впрочемъ халхаскіе князья съ своей
 стороны также точно послали доклады ко двору, сообщая какъ обо
 всѣхъ совершившихся событіяхъ, такъ и свидѣтельствуя каждый за
 себя о своихъ личныхъ заслугахъ; такимъ образомъ императоръ
 вскорѣ уже получилъ самыя подробныя и разнообразныя свѣденія о
 случившемся на поляхъ сраженій. Восхищенный успѣхомъ военныхъ
 дѣйствій Юнь-чжэнь, по свойственному ему обыкновенію, тотчасъ
 же назначилъ награды всѣмъ участникамъ похода и торопился при-
 вести въ исполненіе свое распоряженіе. Эфу Цэрэна онъ наградилъ
 титуломъ страшнаго богатыря (чжао юнь), званіемъ великаго хал-
 хаскаго цзасака и поясомъ красновато-желтаго цвѣта; сверхъ того
 пожаловалъ ему припискою къ его хошуну—три сумуна блѣтовъ изъ

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 16.

числа плѣнныхъ, взятыхъ во время войнъ императора Канси и причислявшихся до сего времени къ хошунамъ чахарскимъ¹⁾; опредѣлить выдать ему въ награду 2000 лошадей, 1000 коровъ, 5000 овецъ, 50000 ланъ серебра и наконецъ вмѣсто разрушенныхъ олѣтами юртъ эфу Цэрэна приказалъ построить ему каменный дворецъ у р. Тамира²⁾, который, по сказаніямъ Шэнь-у-цзи, не уступалъ жилищамъ вановъ въ Пекинѣ³⁾. Цинь-вану Даньцзинь-дорчжію императоръ также пожаловалъ титулъ „искуснаго богатыря“ (мэргэнъ батуръ), возвелъ его въ званіе сеймоваго старшины въ тушѣту хановскомъ аймакѣ и отличилъ пожалованіемъ пояса красновато-желтаго цвѣта; а за сѣмъ, продолжая свои милости еще далѣе, возвелъ сына его Дорчжи-сэбтэна въ званіе Ши-цзы, т. е. императорскаго сына⁴⁾. Это, такъ сказать, усноовленіе было, какъ говорить и наша лѣтопись, дѣйствительно высшею наградою, которую только можно было ожидать халхаскому правителю. За сѣмъ соотвѣтственныя заслугамъ награды были розданы и остальнымъ участникамъ похода, такъ: тусалакчи тайчжи Сундубъ былъ возведенъ въ званіе тайчжи 1-й степ. и получилъ 5000 ланъ серебра⁵⁾; цзасакъ Бахай былъ повышенъ въ званіе гуна⁶⁾; цзасакъ Ванбо пожалованъ перомъ на шапку⁷⁾; убитый на полѣ сраженія бэйлэ Цамцукъ-намчжилъ былъ пожалованъ уже послѣ своей смерти званіемъ хэцзюнь-вана. Монголы называютъ такого рода посмертныя награды „пожалованіемъ въ догонку“; смыслъ же этихъ наградъ тотъ, что церемоніи погребенія такихъ „пожалованныхъ въ догонку“ чиновниковъ совершаются уже по классу вновь полученнаго ими званія, а не по тому, въ которомъ они умерли; на этомъ то основаніи несомнѣнно пекинское министерство и распорядилось высылкою на похороны Цамцукъ-намчжила 1000 ланъ серебра, т. е. именно такого количества денегъ, какое обыкновенно отпуска-

Поясненія на стр. 91

¹⁾ Хуанъ-чао-фань-бу-яо-ле. Цз. 5-я, л. 11-й.

²⁾ Сайн. ноян. айм. шаст. Т. 70, л. 10.

³⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3-я, л. 17.

⁴⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 9.

⁵⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 26.

⁶⁾ Ibid. Т. 50, л. 28.

⁷⁾ Ibid. Т. 51, л. 14.

91. ють маньчжуръ на погребеніе монгольскихъ хэцзюнь-вановъ¹⁾. Не
была наконецъ забыта императоромъ и р. Орхонъ, потопившая въ
своихъ волнахъ такое громадное количество блотовъ. Юнь-чжэнь по-
жаловалъ ей званіе тушъ гуна и опредѣлилъ жалованье по этому
званію, т. е. 300 ланъ серебра въ годъ. Съ тѣхъ поръ деньги эти
ежегодно присылались Тушъту хану и, по рассказамъ халхасовъ, въ
день чествованія р. Орхона эрдэни-цзү'скими ламами и хошуномъ ту-
шъту хана, эти 300 ланъ серебра публично бросались въ быстрыя
воды р. Орхона²⁾.

Не успѣлъ однако Юнь-чжэнь и покончить изъясненіе своей
радости наградами тѣмъ, которые доставили ему эту радость, какъ
великій цзянь-цзюнь Си-бао прислалъ ему новый и подробный до-
кладъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Въ докладѣ этомъ шунь-
чэнь цинь-ванъ сообщалъ императору, что во 1-хъ, въ двухъ сраже-
ніяхъ при Кэрсэнь чилу и при Эрдэни цзү чжунгары потерпѣли такое
страшное пораженіе, что тотчасъ же бросились бѣжать къ своимъ ко-
чевьямъ и теперь, безъ сомнѣнія, не осмѣлятся уже снова вступить
въ предѣлы Халхи; но что во 2-хъ, потерпѣвъ эти пораженія, они
все таки успѣли спастись бѣгствомъ и именно вслѣдствіе бездѣятель-
ности главнокомандующихъ отдѣльными частями войскъ маньчжур-
скихъ. Такимъ образомъ императору сдѣлалось теперь извѣстно, что
Марсай воспретилъ своимъ войскамъ преслѣдовать Гадданъ-цэрэна;

¹⁾ Ibid. Т. 48, л. 6.

²⁾ Фактъ пожалованія мѣстностей титулами, кажется, довольно обыкно-
венный у восточныхъ народовъ. Извѣстно, что озеро Зайсанъ также точно
получило отъ чжунгаръ свое вельможное прозваніе въ награду за то, что
прокормило своею рыбою чжунгарскій народъ въ голодное время. Я не встрѣ-
чалъ нигдѣ извѣстій о томъ, воздавались ли далѣе чжунгарами какія либо
почести Зайсану; что же касается Орхона, то въ бытность мою въ монастырѣ
Эрдэни цзү, мнѣ пришлось видѣть обрядъ чествованія этой рѣки. Онъ со-
стоитъ изъ обыкновеннаго ламскаго выхода изъ монастыря для чествованія
горъ и рѣкъ; за симъ у берега Орхона ламы читаютъ рѣкѣ этой макталы
(хвалебныя пѣсни) и въ молитвахъ испрашиваютъ у генія владыки Орхона
всякаго рода благоденствіе для окружающихъ рѣку мѣстъ и жителей. Въ
жертву Орхону при мнѣ бросали обыкновенныя китайскія пшеничныя ле-
пешки, жалованья же изъ Пекина не присылалось, какъ впрочемъ не присы-
лалось и никому изъ халхаскихъ правителей. Обрядъ этотъ въ 1877-мъ году
былъ совершенъ эрдэни-цзү'скими ламами 9-го іюля.

выяснилось, что Данызинь-дорчжи не только не участвовал въ битвѣ при Эрдэни цзу, а даже и не преслѣдовалъ чжунгаровъ на дорогѣ къ этому монастырю и, отошедши отъ Кэрсанъ чилу на разстояние не свыше 10-ти ли, остановился здѣсь лагеремъ; впоследствии же, когда чжунгары были уже разбиты при Эрдэни цзу, онъ, имѣя у себя свыше 20000 войска, не употребилъ никакихъ усилій для того, чтобы догнать непріятелей, атаковать и истребить ихъ¹⁾; тоже самое обвиненіе было выставлено за симъ и противъ тушѣту хановскаго цзасака Цэбдона, цзасакту хана Цэванъ-чжаба и многихъ другихъ. Императоръ былъ взбѣшенъ этимъ извѣстіемъ едва ли не больше чѣмъ обрадовался побѣдѣ. Онъ приказалъ казнить Марсая²⁾; Данызинь-дорчжия разжаловалъ въ хэцзюнь-ваны, отнялъ у него данные ему титулы мэргэнъ батүра и красновато-желтый поясъ, а у сына его отнялъ званіе Ши-цзы; цзасакъ Цэбдонъ былъ также лишенъ хэцзюнь-ванскаго титула и пояса, которые получилъ годъ тому назадъ³⁾. Но все это не могло конечно поправить дѣла: чжунгары все таки остались не истребленными и слѣдовательно спокойствіе не было обезпечено на будущее время; въ настоящемъ — оставалась полная неопредѣленность въ военныхъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ какъ Халха по своему внутреннему состоянію требовала о себѣ неотложныхъ и самыхъ усиленныхъ заботъ со стороны правительства; все это представляло особенную трудность для рѣшеній касательно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ военнымъ дѣйствіямъ докладъ Си-бао прямо и положительно утверждалъ, что чжунгары не имѣютъ болѣе возможности вторгаться въ Халху, слѣдовательно de facto война была уже окончена и для маньчжуровъ нужно было теперь заботиться только о томъ, чтобы заключить миръ на болѣе выгодныхъ условіяхъ; но въ тоже время de jure война еще продолжалась, нельзя было ни вывести войска, ни поставить страну въ ея обыкновенное мирное положеніе и было неизвѣстно даже чѣмъ

Поясненія на стр. 91.

¹⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 49, л. 12.

²⁾ Шэнъ-у-цзи. Цз. 3, л. 61.

³⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 51, л. 10

окончится дѣло, потому что требовать мира маньчжуры не хотѣли сами, а чжунгары не искали его. По отношенію къ устройству Халхи дѣло было еще сложнѣе, ибо тутъ многіе хошунъ, со времени выступленія въ походъ Галданъ-цэрэна, были переселены на другія мѣста и кочевали безъ всякаго порядка; отъ этого, равно какъ и отъ чрезвычайныхъ поборовъ, почти половина Халхи была разорена и большинство халхасовъ дошло до такой крайности, что спасалось отъ гнетущей ихъ бѣдности однимъ только бѣгствомъ въ Россію. Эти перебѣжчики въ свою очередь запутывали отношенія Китая къ Россіи, но главнѣйшее зло, причиняемое ими, было въ томъ, что они постоянно переманивали еще за собою своихъ родовичей и халхасы почти непрерывною цѣпью даже изъ южныхъ степей Монголіи потянулись на сѣверъ.

Конецъ 1732-го и первая половина 1733-го годовъ были всецѣло посвящены Юнь-чжэномъ на исполненіе разнаго рода мѣропріятій чтобы выдти изъ этихъ сложныхъ и затруднительныхъ обстоятельствъ. Прежде всего императоръ назначилъ на границу Халхи и Чжунгаріи новаго великаго цзянь-цзюня — дорогой пинъ цзюнь-вана Фу-пина (монгольск. Бү-бинъ), которому поручилъ онъ отдѣльно отъ дѣйствующей арміи наблюдать за ходомъ дѣлъ и на мѣстѣ изслѣдовать на какихъ именно условіяхъ возможно при наибольшихъ выгодахъ для маньчжурскаго правительства заключить миръ съ чжунгарами. Сообразно такому назначенію цзянь-цзюнь этотъ получилъ титулъ „устройства пограничныхъ“, поселиться же ему приказано было въ Улясутаѣ. Прибывъ въ Халху, Фу-пинъ долженъ былъ представить императору свѣденія о границѣ, найти и указать такую линію, отдѣльные пункты которой могли бы служить сплошною естественною межою для халхасскихъ и чжунгарскихъ владѣній; наблюдая при этомъ, чтобы не были отданы чжунгарамъ мѣста годныя для земледѣлія, выгодныя для крѣпостей, могущія приносить прибыльный сборъ оброка и проч. Понятно, что такая задача требовала самыхъ основательныхъ изысканій и свѣдѣній. Чтобы облегчить ея исполненіе, Фу-пину приданъ былъ въ помощники съ званіемъ „устройства пограничныхъ тусалакчи цзянь-цзюня“ эфу Цэрэнъ, который, какъ

человѣкъ, уже много лѣтъ ходившій съ войсками, хорошо зналъ положеніе горъ и рѣкъ сѣверной степи¹⁾. Эфу цэрэну назначено было жить въ Хобдо, чтобы быть еще ближе къ мѣсту рекогносцировокъ, непосредственно руководить розысканіями и имѣть возможность даже самому изслѣдовать главнѣйшіе пункты.

Въ заботахъ о возстановленіи спокойствія въ Халхѣ императоръ прежде всего обратилъ вниманіе на пресѣченіе халхаскихъ переселеній въ русскіе предѣлы. Съ этою цѣлью онъ распорядился собрать изъ разныхъ хошуновъ сэцэнъ-хановскаго аймака 1000 солдатъ и, раздѣливъ ихъ на отряды, поселить на западныхъ границахъ аймака съ тѣмъ, чтобы они ловили перебѣжчиковъ и тотчасъ же возвращали ихъ въ соотвѣтственные хошуны²⁾. Само собою разумѣется, что этою чисто полицейскою мѣрою нельзя было достигнуть многого: перебѣжчики являлись иногда въ такомъ количествѣ, противъ котораго охранная стража бывала совершенно безсильною³⁾; они легко могли за симъ обходить сторожевые отряды, наконецъ прямо таки вступали съ ними въ соглашеніе о пропускѣ за извѣстный посулъ, или подачку. Такимъ образомъ учрежденіе кордоновъ только въ самой незначительной степени способствовало уменьшенію количества перекочевовъ. Чтобы уничтожить ихъ совершенно, Юнь-чжэну нужно было удалить самыя причины, вызывавшія эти перекочевки, т. е. прекратить притѣсненія, которыя терпѣли халхасы отъ своихъ правителей, уничтожить взяточничество и чрезмѣрные поборы, которыми ханы и князья халхаскіе непосильно обременяли народъ, нужно было наконецъ положить предѣлы развитію той бѣдности, которая годъ отъ года все болѣе и болѣе распространялась въ народѣ. Необходимо замѣтить, что Юнь-чжэнъ еще со второй половины годовъ своего царствованія заботился

Поясненія на стр. 91.

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 16.

²⁾ Сэц. хан. айм. шаст. хуріанг. Т. 53, л. 15.

³⁾ Мы знаемъ напр. изъ русскихъ дипломатическихъ актовъ, что въ 1732 г. на русскую границу за одинъ разъ явилось 935 юртъ монгольскихъ переселенцевъ, въ которыхъ насчитывалось 2150 человѣкъ способныхъ къ военному дѣлу. Очевидно, что остановить такое количество перебѣжчиковъ было весьма трудно для пикета, на которомъ едва насчитывалось 150-тъ, 200 воиновъ.

32. Поясненія на стр. объ улучшеніи отношеній халхаскихъ князей къ ихъ данникамъ и строго наказывалъ первыхъ за ихъ небрежность, несправедливость и корыстолюбіе; такъ, въ 8-мъ году правленія онъ лишилъ званія хошуннаго цзасака сэцэнъ хановскаго тайчжія Шакдуръ-чжаба за его лѣность и нерадѣніе относительно своего народа ¹⁾; въ 10-мъ году тоже наказаніе было назначено тушѣту хановскому цзасаку Цэванъ чжабу опять таки за упущенія въ управленіи ²⁾ и сэцэнъ хановскому тайчжію Цэвану за то, что онъ, получивъ взятку, не осудилъ какого то преступника ³⁾. Такихъ примѣровъ по Илэтхэлъ шастрѣ можно насчитать до пятнадцати; но особенно сильно началъ преслѣдовать Юнь чженъ несправедливости халхаскихъ правителей именно съ 1733-го года, когда по преимуществу озабочивало его положеніе халхаскаго народа: первою жертвою этихъ преслѣдованій явился для него тогда сэцэнъ хановскій цзасакъ Тамаринъ чжабъ, котораго императоръ осудилъ именно за рѣзкость въ отношеніяхъ къ данникамъ и корыстолюбіе ⁴⁾; вслѣдъ за симъ былъ разжалованъ сэцэнъ хановскій же цзасакъ Даванъ ⁵⁾ и нѣкоторые другіе. Ограничиваемые почти на каждомъ шагѣ въ своихъ поборахъ и болѣе другихъ потерпѣвшіе разжалованій, сэцэнъ хановцы первые же обратились къ императору и о назначеніи имъ средствъ для содержанія, коль скоро имъ воспрещается получать эти средства съ народа. Императоръ, какъ то видно изъ нашей лѣтописи тогда же согласился на ассигновку жалованья халхаскимъ ханамъ въ количествѣ 2500 ланъ каждому, а всѣмъ прочимъ хошуннымъ правителямъ, (о чемъ не замѣчаетъ наша лѣтопись) сообразно званію въ которомъ каждый изъ нихъ находился ⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что все это дѣлалось Юнь-чженомъ главнымъ образомъ въ виду того, чтобы уменьшить поборы съ народа и такимъ образомъ облегчить его бѣдственное положеніе. Въ концѣ 1733-го года, когда сдѣлалось совершенно яснымъ, что чжунгары

¹⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 60, л. 3.

²⁾ Туш. хан. айм. шаст. Т. 52, л. 18.

³⁾ Сэц. хан. айм. шаст. Т. 60, л. 10.

⁴⁾ Ibid. Т. 59, л. 16.

⁵⁾ Ibid. Т. 60, л. 15.

⁶⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-ле. Цз. 5-я, л. 13-й.

уже не будутъ вторгаться болѣе въ предѣлы Халхи, императоръ разрѣшилъ данникамъ цзасакту хановскаго и сайня нояновскаго аймаковъ возвратиться въ ихъ родныя кочевья, при чемъ цзасакту хановцамъ написалъ онъ рескриптъ слѣдующаго содержанія: „Въ минувшіе годы я повелѣлъ вамъ переселиться во внутрь имперіи, но вы не послушались и не пошли и только послѣ новыхъ и неоднократныхъ побужденій, видя полнѣйшую необходимость исполнить требованіе, вы перекочевали. Теперь, когда, по счастью, великое войско дважды разбило мятежниковъ при Сѣхэ алдаху и при Эрдэни цзу, вы снова получили возможность жить спокойно. Но если бы это не было такъ, то развѣ могли бы вы сохранить въ цѣлости своихъ лошадей и свой скотъ? Какъ подумаю я, — ваши халхасы всѣ какъ одинъ человѣкъ. Есть ли на свѣтѣ законъ, пришедши въ бѣдность и безсиліе по своей волѣ, дожидаться, что придутъ люди охранять и помогать?! Отселѣ будьте мужественнѣе, поощряйте другъ друга, и если это будетъ такъ, то вы не только станете жить въ довольствѣ и радостяхъ, но и потомству оставите по себѣ блестящую память въ исторіи и литературѣ“¹⁾. Стараясь за симъ даже въ родныхъ кочевьяхъ обезпечить довольство халхасовъ, императоръ приказалъ бѣднымъ всѣхъ аймаковъ выдать вспомошествованіе скотомъ и деньгами; а чтобы доставить имъ полное утѣшеніе и такимъ образомъ еще болѣе привязать къ себѣ халхасовъ, онъ командировалъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ Эрдэни цзу и поручилъ ему составить смѣту на поновленіе эрдэни цзускихъ храмовъ и монастырской стѣны, разрушенныхъ во время нападенія ѳлотовъ²⁾. Всѣ эти поправки опредѣлено было сдѣлать на императорскій счетъ.

Впрочемъ въ заботахъ о поднятіи благосостоянія буддизма халхасы очевидно и не требовали особенной помощи правительства; онъ возрасталъ и развивался у нихъ на частныя средства и теперь ничуть не меньше, чѣмъ до начала ѳлотскихъ походовъ. Изъ сказаній нашей лѣтописи мы знаемъ, что уже на другой годъ послѣ выступленія ѳлотовъ изъ Халхи, т. е. въ 1733-мъ году, лама Донхорь-маньчжури

¹⁾ Цзасак. хан. айм. шаст. хуріянг. Т. 61, л. 13.

²⁾ Эрдэни цзуйн тухэ л. 23.

32. на южной сторонѣ Ханъ-улы началъ постройку громаднaго храма тибетской архитектуры, величина котораго простиралась до 80 чжанъ, или до 160 маховыхъ саженьей¹⁾. Одновременно съ симъ, т. е. въ томъ же 1733-мъ году, нѣкто галунъ Лубсанъ-донъ-митъ, болѣе извѣстный у халхасовъ по прозванію Цаганъ даянчи и принадлежащій по происхожденію къ сэцэнъ хановскому аймаку, построилъ въ монастырѣ Эрдэни цзу одинъ храмъ въ честь бурхана Абиды и еще пять храмовъ, которые посвятилъ различнымъ божествамъ; помимо того тотъ же Цаганъ-даянчи исполнилъ перепискою новое изданіе Ганьчжура и всѣ эти драгоценности вмѣстѣ съ своими учениками приподнесъ гэгэну. Въ то же время ширѣту или настоятель эрдэни цзу скаго монастыря построилъ здѣсь еще одинъ новый храмъ Абиды и также приподнесъ его гэгэну²⁾. Наконецъ намъ извѣстно, что на земляномъ валѣ, окружающемъ монастырь Эрдэни цзу, находится 81 субурганъ, изъ которыхъ 24, по свидѣтельству сохранившихся на нихъ надписей, относятся своею постройкою также къ этому времени и именно они воздвигнуты въ 1734-мъ году³⁾.

Пока такимъ образомъ въ Халхѣ и у маньчжуровъ проходило время въ возсозданіи своего внутренняго благосостоянія, къ императору въ началѣ 1735-го года явились наконецъ чжунгарскіе послы съ просьбою о мирѣ⁴⁾. Императоръ, вполне сознавая важность имѣющаго состояться договора, приказалъ составить большой совѣтъ своимъ министрамъ и пригласить на него всѣхъ сановниковъ, могущихъ служить съ пользою дѣлу совѣщаній. Основываясь на этомъ приказаніи, былъ вызванъ изъ Халхи въ Пекинъ и эфу Цэрэнъ и, по сказанію нашей лѣтописи, ему также поручено было присутствовать при переговорахъ вановъ и сановниковъ. Первымъ вопросомъ этого совѣта было то, принять ли миръ, предлагаемый чжунгарами, или же снова идти на

¹⁾ Чжанъ китайская мѣра протяженія, названіе которой на монгольскій языкъ переводится словами «хосъ-алда». Переводъ этотъ, повидимому, заимствованъ буквально отъ маньчжурскаго «чжуда».

²⁾ Эрдэни цзун тѣхэ л. 24.

³⁾ Неизданныя записки автора о путеш. по Монголіи.

⁴⁾ Хуанъ-чао-фанъ-бу-ю-ле. Цз. 5. л. 14-й.

нихъ войною и добывать ихъ? Чжу-ганъ цинь-ванъ съ двумя цзянь-цзюнями настаивали идти походомъ; да-сё-ши Чжанъ-тинъ-юй и другіе говорили объ условіяхъ мира и предполагали идти въ походъ только въ томъ случаѣ, если чжунгары откажутся принять предложенныя имъ условія. Оба помянутыя мнѣнія были вслѣдъ за симъ представлены императору. Нужно сказать, что Юнь-чжэнь имѣлъ у себя по каждому важному вопросу особливныя наставленія императора Канси и въ отношеніи войнъ съ чжунгарами наставленія эти давали ему слѣдующій совѣтъ: „притоны воровъ — далеко; движеніе наше туда, равно какъ и вторженія воровъ соединены съ затрудненіями; завлекать ихъ войскомъ и бить, — вотъ наилучшій планъ (которымъ можно подчинить ихъ)„. Такъ какъ, со времени прекращенія военныхъ дѣйствій, чжунгары, безъ сомнѣнія, успѣли уже уйти далеко и еще менѣе подлежало сомнѣнію то, что они не осмѣлятся теперь подступить къ границамъ имперіи, то Юнь-чжэнь издалъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи войны. Послѣ сего ши-ланъ Фу-най и да-се-ши А-кэ-дунъ были посланы разслѣдовать вопросы относительно вывода войскъ съ обоихъ дорогъ и постройки крѣпости на р. Орхонѣ, гдѣ предполагалось оставить гарнизонъ для земледѣлія, охраны и собиранія оброковъ ¹⁾. На западной дорогѣ императоръ приказалъ оставить гарнизоны въ Хами и въ Баркюль. Вслѣдъ за симъ въ Пекинѣ же было приступлено къ переговорамъ относительно пограничной земли. Эфу Цэрэнь хотѣлъ, чтобы за Халхою остались все прежнія земли въ Алтаѣ, но императоръ не

92.
на стр.
Поясненія

¹⁾ Крѣпость на Орхонѣ была построена несомнѣнно въ томъ же году, ибо отъ конца 13-го года правленія, т. е. того же 1735 года, мы имѣемъ докладъ цзянь-цзюня Фу-пина къ императору, въ которомъ онъ извѣщаетъ богдохана о своемъ перемѣщеніи изъ Улясутая въ Орхонскую крѣпость и о построеніи оной. Выступивъ изъ Улясутая, доносилъ Фу-пинъ, я прибылъ на Орхонъ и къ сѣверу отъ монастыря Эрдэни цзу построилъ крѣпость, помѣстивъ въ ней 5768 человекъ солдатъ маньчжурскихъ, монгольскихъ и китайскихъ, принадлежащихъ къ зеленому знамени. Что касается самой крѣпости, то она имѣетъ въ окружности 1080 сажень; стѣны ея у основанія толщиною въ 1 сажень и 3 фута, а вверху—1 сажень; высота ихъ достигаетъ 14 футовъ. По различнымъ сторонамъ крѣпости располагается трое воротъ, а на стѣнахъ ея имѣется 7 дозорныхъ башенъ: 3 надъ воротами, да 4 по угламъ. Вокругъ крѣпостныхъ стѣнъ прорыты каналы, которыя входятъ и въ самую крѣпость; по каналамъ течетъ вода, проведенная изъ р. Орхона.

32. согласился на это¹⁾ и пограничная линия, выработанная на совѣтъ пекинскихъ министровъ, была именно та самая, которую представляетъ намъ наша лѣтопись. Съ этими то условіями разграниченія земель эфу Цэрэнъ долженъ былъ отправиться для переговоровъ къ ѳлѣ-тамъ; но дождаться соглашенія ѳлѣтовъ и утвердить этотъ договоръ съ ними пришлось уже не Юнъ-чжэну, а его преемнику—Цинь-луну. Въ послѣднемъ году царствованія Юнъ-чжэна были выведены только маньчжурскія войска изъ Халхи и здѣсь, по прежнему, остались одни охранные гарнизоны въ крѣпостяхъ хобдоской и цаганъ-сульской, да еще въ двухъ новыхъ на Орхонѣ и Улясутаѣ.

Для халхасовъ снова наступило время мира и лѣтомъ 1735-го года они спокойно поставили курѣнь своего великаго ламы на берегахъ небольшой р. Улясутая, что находится верстахъ въ 11 отъ нынѣшней Урги, по направленію къ востоку.

---

¹⁾ Шэнь-у-цзи. Цз. 3, л. 63.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Дорожная записъ слѣдованія войскъ на сѣ- веръ по Монголіи придворнаго вельможи Ма-сы-ха.

Въ 29 г. (правленія) Канси (гэнь-у), лѣтомъ, въ 4-й лунѣ вторг-
лись чжунгары; поэтому было повелѣно „успокоивающему отдаленные
края“ великому цзянь-цзюню Ю-цинъ-вану, вооружившись, отпра-
вляться въ походъ, выступивъ чрезъ Гу-бэй-коу по восточной дорогѣ;
а мнѣ приказано было сопровождать его.

Въ день синь-сы пришли къ пограничному дозорному пункту.

Въ день жэнь-у вышли чрезъ Великую стѣну и черезъ 50 ли
отъ Калгана, достигли до кумирни Ча-ганъ-тологой, гдѣ и стали
лагеремъ.

Въ день гуй-вэй выступили на разсвѣтъ, чрезъ 60 ли ходу, при-
были въ Ши-па-ла-тай, (Шабартай) гдѣ и стали лагеремъ.

Въ день цзя-шэнь шли 50 ли и остановились лагеремъ въ Хара-
балгасунъ. Въ этотъ день переваливали чрезъ хребетъ Да-ба-ханъ.
Вслѣдствіе сильнаго дождя и рѣзкаго холода, всѣ надѣли мѣховую
одежду. Хребетъ высотой въ 30 ли. Ширина дороги по нему 4, или
5 чи (футовъ). Отъ дождя стало скользко, такъ что люди и лошади
спотыкались. Хребетъ этотъ мало доступенъ; по высотѣ — онъ под-
ходитъ къ облакамъ. Переваль черезъ него идетъ отъ юга къ сѣверу.

Съ юга виднѣется вдали маленькая полоска, похожая на легкое облачко посреди неба, — это старая великая стѣна; на сѣверѣ стоятъ прямо какъ стѣна высокія горы и нѣтъ черезъ нихъ проходовъ. Прислы ихъ тянутся порой на нѣсколько сотъ ли, порой на 1000 ли; посреди нихъ нечаянно открывается тропинка, по которой могутъ пройти путники. Она какъ бы небомъ поставлена на землѣ! Поднявшись на высоту, я, держа въ поводу (лошадь), прибылъ въ лагерь, все смотря въ даль.

Въ день и-ю изъ подъ хребта пошли на сѣверо-западъ и, пройдя 70 ли, остановились лагеремъ въ А-ха-ку-ли. Люди и лошади страдали отъ безводія, отсюда начали копать колодцы и отыскивать ключи.

Въ день бинъ-суй, пройдя 90 ли, остановились лагеремъ у Чаганъ-норъ. Въ этомъ озерѣ есть самородная бѣлая соль.

Въ день динъ-хай, черезъ 70 ли ходу, остановились лагеремъ въ Тэ-лэ. Здѣсь трава не больше дюйма, нѣтъ воды глубиною въ чи. Люди откапываютъ колодцы и пьютъ. Лошадиныя изверженія — топло.

Въ день у-цзы, черезъ 70 ли, стали лагеремъ у хребта Ту-лэ-кэнь-та-па. (Тургэнь даба). Въ этотъ день присоединились къ намъ пятьсотъ человѣкъ солдатъ чахарскаго вѣдомства и имъ приказано было идти впереди вожакими.

Въ день сы-чоу, черезъ 50 ли ходу, стали лагеремъ въ У-ланъ-а-ри-цы (уланъ арца). Былъ дождь и градъ величиною съ персикиъ.

Въ день гэнъ-инъ, черезъ 60 ли ходу, остановились лагеремъ въ Чжао-до-хэ.

1-го числа пятой луны, черезъ 70 ли ходу, остановились лагеремъ въ Да-бу-сунъ-до (Дабасуту).

2-го числа прошли 90 ли и остановились лагеремъ въ Ча-ханъ-до-ло.

3-го числа прошли 100 ли и стали лагеремъ въ Цю-цзя-ло.

4-го числа прошли 20 ли и стали лагеремъ въ Ба-су-дай-ху-ту.

По выходѣ за границу, пройденнаго нами разстоянія, считая отъ Калгана до этого мѣста, всего 820 ли.

5-го числа прошли 80 ли и стали лагеремъ въ Ча-хань-си-ли. Этотъ день почитается праздничнымъ. Начальникъ китайскаго войска, простаго желтаго знамени фу-ду-тунъ Ли везъ въ обозъ свинью, которая на этой стоянкѣ была заколота, сварена и всѣми съѣдена. По всей вѣроятности (эта свинья) была заготовлена прежде. По выходѣ за границу приобрести подобное угощеніе дѣйствительно рѣдкость.

6-го числа дневали, чтобъ дать отдыхъ лошадямъ и верблюдамъ.

7-го числа прошли 60 ли и стали лагеремъ въ Бай-цзэ-бу-лэ.

8-го числа прошли 50 ли и стали лагеремъ въ Ка-лу.

9-го числа дневали.

10-го числа прошли 40 ли и стали лагеремъ въ Вай-фынь-ху-ту. Въ этотъ день вошли въ предѣлы Гоби. Грунтъ сталъ вязко-песчанымъ, песокъ былъ отъ 1 до 2-хъ чи (самый легкій), до 3-хъ—4-хъ чи (самый глубокий), такъ что телѣги двигаться не могли. Военныя обозныя тяжести переложили на верблюдовъ и лошадей; но и пустыя телѣги едва могли тащить 3, или 4 лошади. По Гоби на 1000 ли не бываетъ слѣдовъ человѣка, въ водѣ здѣсь также сильный недостатокъ и это причина нераспространенности между монголами земледѣлія.

11-го числа прошли 30 ли и остановились лагеремъ въ Си-лэ-бу-ли-ду (Шара-буриту). Здѣсь нѣтъ воды, горы голыя, и по степи особенныхъ травъ нѣтъ, только душистая полынь, дикій лукъ, да лекарственная ди-гу-пи окаймляютъ дорогу. Дикій лукъ по вкусу и запаху одинаковъ съ настоящимъ лукомъ и съѣдобенъ. Душистая полынь идетъ въ кормъ лошадямъ. Есть еще насѣкомое чинь-чжай, цвѣта черной туши, безобразное, ползающее по землѣ. За время стоянки лагеря всѣ юрты и вещи были окрашены имъ; эти (черви) насѣкомыя во множествѣ успѣли также взобраться на спины и шеи лошадей.

12-го числа, пройдя 60 ли, остановились лагеремъ въ Го-би-кэ-лэ-су-тай. Го-би—это другое, монгольское названіе хань-хая. Въ Гоби птицъ и животныхъ немного. Изъ крылатыхъ (ю-цзэ) тамъ есть большой орелъ и жаворонокъ, а изъ животныхъ прыгающихъ—заяцъ, у котораго туловище длиною 5 или 6 дюймовъ, а хвостъ 4 или 5

дюймовъ. Цвѣтъ конца хвостика какъ у горносталя. Переднія лапы длиною съ 1 дюймъ, а заднія достигаютъ 7, или 8 дюймовъ. Уши ихъ походятъ на футляръ отъ стрѣлъ, величиною 4 или 5 слишкомъ дюймовъ. Еще есть порода, у которыхъ ухо будетъ съ дюймъ слишкомъ. Зайцы высоко прыгаютъ, какъ бы летаютъ. По (книгѣ) Эр-я въ западныхъ краяхъ есть звѣрекъ по имени цзюэ, у котораго также переднія ноги короче заднихъ, но тотъ двигается припадая къ землѣ, ползаетъ какъ червякъ и такимъ образомъ не принадлежитъ къ породѣ прыгающихъ зайцевъ. Кромѣ того есть летучая муха цвѣта туши и величиною съ точку. Если эта муха успѣетъ проникнуть до глаза, то впослѣдствіи въ глазу является маленькій червячекъ, который проникаетъ въ зрачекъ и здѣсь вдругъ вырастаетъ до 4 или 5 фынъ (линій?); при такомъ положеніи если не лѣчиться, то можно совсѣмъ потерять зрѣніе. Лечать же прикладываніемъ вареной баранины къ глазу, отчего чрезъ короткое время червякъ выходитъ и зрѣніе восстанавливается. Потому то всѣ путники и защищаютъ глаза флеромъ. Здѣшній климатъ и произведенія одинаковы съ Си-лэ-бу-ли-ду.

13-го числа дневка.

14-го числа прошли 60 ли и остановились лагеремъ въ Хара—нюду.

15-го числа, пройдя 40 ли, остановились у Жу-няо-хэй-ли-тай-шанъ-да.

16-го прибыли чрезъ 80 ли въ А-ли-нинъ-ду-соу-ци. Въ этомъ мѣстѣ вода изъ откопанныхъ ключей, имѣла запахъ трупъ. Если сварить въ ней кушанье, то человекъ, поѣвшій его, чувствуетъ въ продолженіи всего дня тошноту въ горлѣ. Поэтому всѣ люди и лошади томились жаждой.

17-го числа прошли 70 ли и такъ какъ вчера не было воды, то окольными путями прибыли на лагерную стоянку въ Эрчжу-гуй. Это мѣсто чрезвычайно низменное, тѣмъ не менѣе чтобы дойти до воды, въ степи нужно рыть колодцы на 4 или 5 футовъ глубины; вокругъ со всѣхъ четырехъ сторонъ все сухой тростникъ въ глубь на одну или двѣ сажени (?). Травы вовсе нѣтъ и лошади голодали весь день; сильный вѣтеръ сорвалъ въ лагерѣ всѣ палатки.

18-го числа войско, пройдя 80 ли, остановилось лагеремъ у Дэрэсутай. Добываемая прорытіемъ ключей вода, имѣла по прежнему запахъ трупъ.

19-го числа чрезъ 70 ли остановились лагеремъ у Хана-хадабулэ. Дорога, пройденная до сего времени представляетъ только голыя горы и безводную пустыню, что составляетъ мало различія отъ (мѣстности) Си-лэ бу-ли-ду.

20-го числа для отдыха лошадей и верблюдовъ пробыли на томъ же мѣстѣ.

21-го, пройдя 50 ли, остановились лагеремъ въ урочищѣ И-лэ-ху. Тутъ не было воды; ее надобно было отыскивать въ каменныхъ вершинахъ; надобно прорубить 8 или 9 сажень, чтобъ увидать воду. Дикіе ослы ходятъ здѣсь стадами, монголы называютъ ихъ ци-кэ-тань (чихэтэй, чжигатай), цвѣта они желтаго и весьма быстры. Тотъ, кто ищетъ воды, если станетъ копать на томъ мѣстѣ, гдѣ они бьютъ копытомъ, найдетъ воду. Они весьма пугливы; застрѣленные вѣсили нѣсколько сотъ фунтовъ, такъ что на одного верблюда можно было взвалить только одного осла.

22-го числа, пройдя 50 ли, остановились лагеремъ у Уланъ кубулю (Уланъ кубурь?). Тутъ сѣверозападные предѣлы Ханхая. До сихъ мѣстъ поперекъ Ханхая пройдено 540 ли въ продолженіе 12 дней. Все, что мы видѣли и все что мы слышали, было чудно и странно; потому, записывая въ стихахъ, составили 20 строфъ.

23-го войско, пройдя 50 ли, остановилось у Гу-лу-фынь-тулу (Гурбанъ туру), гдѣ нашли въ первый разъ проточную воду; здѣсь встрѣтили рѣдкую птицу, которая бѣгаетъ скорѣе чѣмъ летаетъ; она можетъ подражать голосу всѣхъ птицъ; какъ будто это птица калинта (калавинка), упоминаемая въ буддійскихъ книгахъ. Монголы называютъ ее кэ-ѣ-лэ-гуа (чжуа)-лань; еще называютъ цзи-лю-гуа-лань.

24-го войско, пройдя 100 ли, прибыло въ Нала (Нара) и остановились лагеремъ; здѣсь также была вода.

25-го стояли въ томъ же лагерѣ. Вдругъ горные потоки полились такъ неожиданно, что нельзя было принять мѣръ предосторожности; люди и лошади чуть не потонули, а вещи и палатки чуть не уплыли.

27-го стояли на томъ же мѣстѣ въ ожиданіи присоединенія Э, дутуна синяго съ кайной знамени, который шелъ съ 10,000 монголовъ Цзя-сы-ха. Пришло извѣстіе, что лагерь дутуна Э находится еще въ 4-хъ или пяти дняхъ пути, и (что онъ) не можетъ идти впередъ по недостатку провіанта; поэтому наше войско въ тотъ же день послало курьера съ донесеніемъ; а само, послѣдуя прежде данному императорскому приказанію, приготовилось къ движенію впередъ.

28-го войско, пройдя 15 ли, остановилось лагеремъ у Нала-була.

29-го пребыло по прежнему на томъ же мѣстѣ.

1-го числа шестой луны по прежнему оставались въ томъ же лагерѣ. Тутъ слышали, что Галданъ хочетъ вторгнуться въ границы.

2-го числа (6-й луны) войско, пройдя 50 ли, остановилось лагеремъ въ (урочищѣ) Уту-лу-була.

3-го числа, пройдя 50 ли, прибыли къ Ба-на-ли-ду-хада.

4-го пребыли на томъ же мѣстѣ. Всѣ повозки, слѣдовавшія за войскомъ, были возвращены къ пограничнымъ карауламъ.

5-го, пройдя 60 ли, остановились лагеремъ у Дабухуду. Тутъ чрезъ шпионовъ получили вѣрное извѣстіе о томъ, что Галданъ съ войскомъ вторгнулся въ наши границы. Тогда Масыха сталъ совѣтоваться съ другими генералами, участвовавшими въ походѣ и сказалъ: мы получили повелѣніе раздѣлить непріятельскія силы, образовавъ коровій рогъ (т. е. составляя отдѣльный вспомогательный корпусъ, дѣйствовать совместно съ главной арміей и поддерживать ее), теперь же напротивъ, непріятель обошелъ насъ сзади и потому движеніе наше впередъ сдѣлалось бесполезно. При томъ же наше легкое войско усиленно поспѣшало и оттого, ежели бы непріятель, провѣдавъ (о нашей удаленности отъ большой арміи), собралъ множество негодяевъ и воспользовался нашимъ положеніемъ, то намъ было бы трудно съ нимъ справиться. Надо было соединиться съ великой арміей, чтобъ поразить непріятеля. Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ. Вслѣдствіе этого повернули съ дороги и, направясь на ЮВ, поспѣшили на соединеніе съ войсками главнокомандующаго. Возвращеніе войска началось въ тотъ же день.

10-го числа войско, пройдя 60 ли, прибыло обратно въ Бала-хэйдун-хада и остановилось лагеремъ.

11-го, пройдя обратно 50 ли, стали лагеремъ у Тайбу-ху-ду.

12-го, пройдя 50 ли, стали лагеремъ у Утулу-була.

13-го, пройдя 15 ли, остановились у Нала-була.

14-го, пройдя назадъ 100 ли, остановились у Нала.

15-го, пройдя 50 ли, остановились у Гулубань-тугу.

16-го, пройдя 50 ли, остановились лагеремъ у Улань-кубулу и снова вступили въ предѣлы Ханхая.

17-го, пройдя 50 ли, остановились лагеремъ у Илэху.

18-го, пройдя 50 ли, остановились лагеремъ у Ла-ха-ла-да-була.

19-го, пройдя 70 ли, остановились лагеремъ у Далэсутай.

20-го, пройдя 80 ли, остановились лагеремъ у Чжургуи.

21-го, узнавъ, что Галданъ вторгся въ границу и что министр (шаньшу) Ли-фань-юаня Ари, предводительствуя арміей, остановился въ Чи-чэнъ (красный городъ) и Хань-чэнъ, поспѣшили усиленнымъ маршемъ и окольными путями на соединеніе съ нимъ. Каждый день шли по 100 и болѣе ли, по неизвѣстнымъ дорогамъ; шли даже ночью, оттого и нельзя ясно показать мѣста, на которыхъ останавливались лагеремъ.

22-го числа войско остановилось лагеремъ пройдя 120 ли. Послѣ этого каждый день пускались въ путь на разсвѣтъ; пройдя болѣе 80 ли, останавливались обѣдать, послѣ того опять спѣшили въ путь и только въ часъ чэнъ, останавливались лагеремъ.

24-го числа войско, пройдя 140 ли, остановилось лагеремъ.

25-го числа войско, пройдя 80 ли, остановилось лагеремъ.

26-го прошли 90 ли и остановились лагеремъ.

27-го прошли 70 ли и остановились лагеремъ.

28-го прошли 130 ли и остановились лагеремъ.

29-го прошли 120 ли и остановились лагеремъ.

30-го прошли 110 ли и остановились лагеремъ.

Осенью 1-го числа седьмой луны прошли 80 ли и остановились лагеремъ.

2-го числа прошли 180 ли и остановились лагеремъ. Тутъ вошли въ предѣлы внѣшнихъ пограничныхъ карауловъ, на земли 49

внутреннихъ монгольскихъ знаменъ и получили извѣстіе, что Галданъ вторгнулся въ предѣлы, а министръ Арни потерпѣлъ неудачу, почему усиленнымъ маршемъ днемъ и ночью поспѣшали на соединеніе съ арміей (Юй) цинь-вана.

3-го прошли 160 ли и остановились лагеремъ.

4-го прошли 100 ли и остановились лагеремъ.

5-го прошли 120 ли и остановились лагеремъ.

6-го прошли 170 ли и остановились лагеремъ.

7-го прошли 150 ли и остановились лагеремъ. Соединились съ Янь дутун'омъ, командовавшимъ желтымъ безъ каймы китайскимъ знаменемъ и узнали, что непріятельское войско день ото дня наступаетъ и находится только въ 100 ли отъ передовыхъ постовъ нашего войска. Рассказывали, что болѣе 100,000 непріятелей гонятся въ догонку и находятся весьма близко, но въ дѣйствительности непріятель только распускалъ преувеличенный слухъ, войскъ же его было не болѣе 20, или 30-ти тысячъ. Такъ какъ наше войско было немногочисленно, а непріятель близокъ, то поспѣшили быстро на соединеніе съ главной арміей.

8-го числа войско, пройдя 15 ли, остановилось лагеремъ. Безпокоясь о томъ, что непріятель можетъ неожиданно приблизиться, шли медленно, соблюдая осторожность, чтобъ быть готовыми къ сраженію.

9-го числа войско прошло 100 ли и остановилось лагеремъ, сдѣлало стѣнки и прокопало рвы (окопалось) въ видахъ предосторожности.

10-го числа по прежнему простояли въ томъ же лагерѣ. Наши пикеты переглядывались съ непріятельскими; въ нашемъ лагерѣ войска весь день стояли выстроившись и стрѣляли изъ пушекъ, солдаты были накормлены, а лошади горячились и какъ тѣ, такъ и другіе обнаруживали энергію и бодрость. 11-го, 12-го и 13-го стояли въ томъ же лагерѣ; ночью около 20-й стѣянки случилось великое землетрясеніе съ сильнымъ гуломъ. 14-го оставались въ томъ же лагерѣ. 15-го былъ сильный вѣтеръ и дождь; стояли въ томъ же лагерѣ. Въ часу вѣй дозоры дали знать, что непріятель хочетъ напасть ночью на

лагерь; потому, не смотря ни на дождь, ни на вѣтеръ, лошади стояли на готовѣ, а солдаты были въ латахъ. Къ разсвѣту непріятель, узнавъ, что наше войско въ готовности, не осмѣлился приблизиться; почему наше войско получило возможность двинуться впередъ и соединиться съ главной арміей.

16-го, войско прошло 120 ли и стало лагеремъ.

17-го, войско прошло 120 ли и остановилось лагеремъ.

18-го оставались въ томъ же лагерѣ. Въ часъ вѣй Галданъ послалъ шпиона высмотрѣть. Въ это время только что взошло солнце, но наше войско не двигалось и крѣпко оберегалось, почему непріятель и пришелъ въ большое смущеніе. Если бы въ этотъ день наше войско хотъ немного двинулось изъ лагеря, то къ вечеру непріятель вдругъ бы явился, въ лагерѣ не знали бы что дѣлать, и едва ли бы не пришли въ смятеніе.

19-го войско, пройдя 120 ли, остановилось лагеремъ.

20-го войско, пройдя 120 ли, остановилось лагеремъ.

21-го войско, пройдя 120 ли, остановилось лагеремъ.

22-го войско, пройдя 80 ли, остановилось лагеремъ.

23-го войско, пройдя 80 ли, соединилось съ главной арміей Юй цинь-вана и стало вмѣстѣ съ ней лагеремъ; тутъ всего было 40 отдѣльных лагерей и весь станъ простирался на 60 слишкомъ ли въ длину, и 20 въ ширину; всѣ части были соединены и стояли крѣпко какъ гора.

24-го войско, пройдя 60 ли, остановилось лагеремъ.

25-го стояло въ томъ же лагерѣ.

25-го пройдя 70 ли, остановилось лагеремъ.

26-го пройдя 20 ли, остановились лагеремъ. Здѣсь узнали, что непріятельскіе окопы находятся въ урочищѣ Улань-бутунъ, только въ 30 ли отъ нашего войска. Главнокомандующій приказалъ каждому лагерю окопаться и быть въ строгой осторожности. Съ 27-го числа въ продолженіе 28-го и 29-го солдаты были въ латахъ и шлемахъ (ожидаѣя нападенія) съ осѣдланными лошадьми и держа въ рукахъ луки и сабли. Масыха вмѣстѣ съ другими стоялъ въ авангардѣ, командуя пушками и былъ насупротивъ непріятельскихъ окоповъ. Ка-

раульные той и другой стороны переглядывались другъ съ другомъ. 30-го числа мятежный Галданъ отправилъ одного ламу въ лагерь, чтобы вести переговоры. Нашъ главнокомандующій, видя однако, что непріатель вовсе не имѣлъ намѣренія покориться, приказалъ тремъ родамъ войска выстроиться въ боевой порядокъ. Съ развернутыми знаменами и барабаннымъ боемъ на разсвѣтъ 1-го числа восьмой луны, предводительствуя арміей, прибылъ онъ въ Улань-бутунъ, чтобы, встрѣтись съ непріателемъ, вступить въ рѣшительное сраженіе. Непріательская конница, въ числѣ 100,000 слишкомъ человѣкъ, выстроилась у горныхъ отлогостей и, для прикрытія себя, расположила вмѣсто рогатокъ, тысячи или 10,000 верблюдовъ, положенныхъ со связанными ногами на землю, на спинахъ у этихъ верблюдовъ были поставлены ящики прикрытые намоченными войлоками. Это называлось верблюжьей стѣной. Изъ промежутковъ амбразуры выпускали стрѣлы, палили изъ ружей, а также бросали крючья и копья чтобы беспокоить наше войско; имъ казалось, что они приняли мѣры, которыхъ нельзя преодолѣть. Но наше войско бросилось впередъ съ мужествомъ; затѣмъ придвинули артиллерію; ровный огонь поддерживался съ часу вой (4) до часу суй (8), земля и небо затрепетали. Убитые артиллеріею верблюды повалились и строй разорвался на двѣ части. Наше войско, пользуясь этимъ, бросилось стремительно и въ немъ каждый имѣлъ храбрости за десятерыхъ; непріатель вздрогнулъ, и, разсѣявшись, не зналъ что дѣлать. Тогда овладѣли непріательскими окопами и одержали великую побѣду. Галданъ, воспользовавшись ночью, убѣжалъ, а наше войско возвратилось въ свой лагерь.

2-го числа съ разсвѣтомъ, снова выстроились въ боевой порядокъ, и пустились преслѣдовать. Галданъ отправилъ въ лагерь Да ламу и въ униженныхъ выраженіяхъ изъявлялъ покорность, почему и поворотили войско обратно въ лагерь. Съ 30-го до 7-го числа простояли въ томъ же лагерѣ. Галданъ хотя и отправилъ посланника съ условіемъ покориться, но, не дожидаясь приказаній главнокомандующаго, собравъ скорѣе всѣхъ латниковъ, тихонько убѣжалъ.

8-го числа наше войско снова скорымъ маршемъ устремилось въ догону; но прежній лагерь остался не снятымъ, и отъ cadaго изъ

4-хъ знаменъ откомандировано было по одному галайда, для охраненія его.

Масыха былъ сдѣланъ галайда праваго крыла и главнымъ начальникомъ солдатъ. Съ 9-го до 15-го числа, въ продолженіе 8 дней, онъ, командуя войсками, охранялъ лагерь. 16-го числа безпокоясь о томъ, что не подвозятъ провіанту, онъ, пройдя съ войсками прежняго лагеря 80 ли, прибылъ къ войскамъ главнокомандующаго, чтобы принять мѣры.

17-го войско, пройдя 80 ли, остановилось лагеремъ.

18-го войско, пройдя 80 ли, остановилось лагеремъ.

19-го я, получивъ приказаніе главнокомандующаго, что, по императорскому повелѣнію всѣ войска артиллерійскаго лагеря должны возвратиться въ столицу, въ тотъ же день поворотилъ съ войскомъ и пройдя 80 ли, остановился лагеремъ.

20-го войска обратно прошли 70 ли и остановились лагеремъ.

21-го войска прошли обратно 80 ли и остановились лагеремъ.

22-го войска прошли обратно 50 ли и перешли чрезъ хребетъ Хамаръ-да-баганъ, по мѣстному Би-цзы-линъ. Въ сравненіи съ Калганскимъ дабаганомъ (хребтомъ) онъ высотой въ половину, и тропа шириной въ 5 футовъ, но налѣво отъ нея отвѣсныя скалы, а вправо разверзшіяся пропасти; проѣзжающій проходитъ съ робостью и торопливостью по этимъ мѣстамъ. Въ этотъ день остановились лагеремъ у подошвы хребта, и соединились съ различными отрядами возвращающейся изъ похода арміи главнокомандующаго.

Послѣ этого шли еще 13 дней, и 6-го числа 9-й луны вошли въ Гу-бэй-коу, гдѣ и остановились лагеремъ.

Со вступленіемъ въ проходъ, погода совершенно измѣнилась и нисколько не походила на заграничную. За границей, не разбирая зимой ли то или лѣтомъ, каждый день дуетъ сильный вѣтеръ, поднимающій песокъ и бросающій его въ глаза. Хотя въ 5-й и 6-й лунѣ и мало бурь, но въ одни сутки перебиваетъ всѣ четыре времени года. Вообще утрожъ надобно одѣваться въ шубу, въ полдень надобно жѣвать ее на флеръ, послѣ полудня (надѣвать) ватное (платье), а ночью шерстяное (войлочное), или мѣховое. Если уже такъ въ жар-

кое лѣто, то каково же должно быть зимой въ трескучіе морозы?!
Поговорка древнихъ: въ грудяхъ снѣга вязнетъ нога, куски льда въ
бородѣ, — еще, кажется, слабо выражаетъ это.

5-го числа войско, пройдя (отъ Губэй-коу) 60 ли, остановилось
лагеремъ у Ши-ся (каменный ящикъ) и тутъ выѣхали къ намъ на
встрѣчу домашніе.

6-го пройдя 70 ли, остановились въ Ми-юнь-сянь.

7-го пройдя 70 ли, остановились у горы Ню-тоу-шань.

8-го пройдя 30 ли, остановились лагеремъ у р. Сунь-хэ. 9-го
стояли на томъ же мѣстѣ въ ожиданіи когда подойдетъ великая ар-
мія, чтобы вмѣстѣ съ ней вступить въ столицу. 10-го къ вечеру сое-
динились, а 11-го въ часъ чань, вступили въ городскія ворота и та-
кимъ образомъ воротились въ столицу.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Краткая записка ти-ду Инъ-хуа-синъ о по- ходѣ на западъ.

Зимою 34-го года (правленія) Канси элиты сдѣлались непокорны.
Императоръ порѣшилъ самому идти на нихъ войною и опредѣлить дви-
нуть войска по тремъ дорогамъ, причемъ войско провинціи Шэнь-си
должно было составить армію западной дороги. Командированный (по
высочайшему повелѣнію) предѣдатель уголовной палаты Ту-на от-
правился въ Чжуанъ-лянь, чтобы съ цзянь-цзюнемъ, цзунъ-ду, сюнь-
фу и заордосскими: ти-ду и цзунъ-бинъ'ами обсудить дѣло выступленія
въ походъ. Я, Хуа-синъ, былъ цзунъ-бинъ'омъ въ Нянъ-ся и сдѣлать
представленіе относительно восьми предметовъ: 1) о точности вожа-

ковъ; 2) о количествѣ солдатъ и лошадей; 3) о заблаговременной выдачѣ солдатамъ провіанта; 4) о предварительномъ назначеніи сроковъ войскамъ; 5) о предводителяхъ; 6) о пособіяхъ для провіанта; 7) о надлежащихъ передвиженіяхъ войскъ; 8) о возвращеніи войскъ и жѣрахъ, имѣющихъ быть принятыми по окончаніи военныхъ дѣйствій. Собственноручно нарисовалъ я карту расположенія войскъ лагерями за границей и поставилъ слова „черный“ и „бѣлый“ тамъ, гдѣ нужно было ѣхать верхомъ, и гдѣ идти пѣшкомъ; при этомъ я всегда имѣлъ въ виду средства ко взаимной защитѣ всѣхъ частей. Всѣ согласились и представили отвѣтнѣй докладъ. На общемъ засѣданіи члены государственнаго совѣта не приняли моихъ мнѣній относительно взаимной защиты, но во всемъ остальномъ послѣдовали моимъ планамъ. Сущность доклада была такова: „Галданъ нынѣ находится въ А-бу-ту; поэтому отъ Шень-си должна проходить одна изъ (военныхъ) дорогъ. Среднюю декаду 3-й луны, когда начинается зелень, должно назначить временемъ выступленія войскъ изъ Гань-чжоу'скаго Чжэнь-и. Войска эти, слѣдуя чрезъ мѣсто сліянія р.р. Хуй-хэ и Таолай-хэ, направятся на Кундулунъ, гдѣ должны будутъ соединиться (съ войсками другихъ дорогъ?) и вступить въ дѣйствіе; при этомъ данники халхаскихъ чжасаковъ будутъ вожаками. Изъ Си-ан'я должно выступить 3 тысячи маньчжурскихъ латниковъ, 1 тысяча китайскихъ латниковъ и 6 тысячъ конныхъ войскъ заордосскаго ти-ду и 4-хъ цзунъ-бин'овъ; эти 10 тысячъ соединенныхъ маньчжурскихъ и китайскихъ войскъ и составятъ армію западной дороги. Они должны войти вглубь, чтобы вступить въ дѣло. Одинъ изъ цзунъ-бин'овъ, имѣя подъ командою 3 тысячи заордосской конницы, возведетъ стѣны и валы въ срединѣ перехода для соединенія линій. Начальниками маньчжурскаго войска будутъ: си-ань'скій цзянь-цзюнь Во-цзи; фу-ду-туны: Си-р-ха-да, Цзу-лан-би, Ма-цзы-дэ, Ба-линъ и др.; а начальниками китайскаго зеленого знамени будутъ: „возвышающій воинственность“ цзянь-цзюнь Сунъ-сы-кэ и цзунъ-бинны: въ Нинъ-си — Ванъ-хуа-синъ, — въ Лянъ-чжоу — Чжунъ-да-чэнь, въ Су-чжоу — Панъ-юй-лунъ. Всего офицеровъ, солдатъ и слугъ 12,400 слишкомъ человекъ. На каждого человека въ мѣсяцъ

надлежить выдать рису два доу. Провіанту опредѣлялось имѣть на 5 мѣсяцевъ. Такъ какъ дорога была дальняя, то на одного верблюда рѣшили влать одинъ мѣшокъ и 5 доу, при чемъ три лошади или мула приравнивались къ одному верблюду. Въ видахъ громаднaго числа потребностей, мѣсячное содержаніе рассчитывалось по коровамъ и баранамъ; так. обр. одна корова полагалась въ дневное содержаніе для 60 человѣкъ, и одинъ баранъ въ дневное содержаніе для пятнадцати человѣкъ; кромѣ того приказано было нести съ собою, кто сколько можетъ, шэн'овъ или доу. Такъ какъ въ войскѣ зеленого знамени не было лишнихъ лошадей, то каждому солдату надлежало выдать по одному запасному коню для перевозки палатокъ и вещей. На верблюдахъ, коней и муловъ опредѣлялось выдать заранѣе мѣсячный фуражъ сѣномъ и горохомъ для движенія вглубь. Всѣмъ войскамъ предположено выдать пятимѣсячное содержаніе впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пожертвовать (каждому солдату) по 10 ланъ серебра на дорожныя приготовки. Каждый долженъ нести съ собою провіантъ и отъ провинціи Шэнь-си оставить перевозочныя средства. Войска посылались съ цѣлью бить исключительно элютовъ, что же касается хамйцевъ, помогавшихъ мятежу, то (предполагалось) на возвратномъ пути усмирить ихъ соединенными силами. Императоръ на это согласился.

Начальство маньчжурскаго войска западной дороги составили два цзянь-цзюня и четыре фу-ду-тун'а. Генералъ Сунь опредѣлилъ, чтобы войска зеленого знамени углубились (въ степь) и, вмѣстѣ съ поселенными на срединѣ дороги составивъ 9-ти тысячный отрядъ, соединились бы съ командами ти-ду и цзунъ-бин'овъ, командированными въ Заордосъ. Нинъ-ся должно было выставить 1500 всадниковъ. Начало второй луны назначилъ онъ срокомъ для соединенія съ ганьжоу'сцами и откармливанія лошадей, готовясь къ походу. Прежде указанныя мѣста отъ Чжэнь-и до Кундулунъ въ минувшую зиму подверглись паламъ и въ 3-й лунѣ трава еще не показывалась, поэтому войску приходилось обождать до 4-й луны. Въ это время полученъ былъ высочайшій приказъ, чтобы войско провинціи Шэнь-си выступило изъ Нинъ-ся и, соединившись съ „успокоивающимъ дали“ великимъ цзянь-цзюнемъ Фэй-янь-гу, двинулось по

р. Опъги; чтобы изъ командированныхъ первоначально 13-ти тысячъ нинъ-ся'скихъ, китайскихъ и маньчжурскихъ войскъ убавить три тысячи, ибо при такомъ условіи провіанту можетъ быть доста точно. Но савновники и Туна, по совѣщаніи, просили, чтобы выступить изъ Нинъ-ся въ 1-й декадѣ 3-й луны и не уменьшать численности войска; что же касается до неудобствъ командировки дальше Нинъ-ся, то можно бы приказать Сунъ-сы-кэ, при первой возможности, отиѣнить командировки. Первое мнѣніе о движеніи войскъ съ Куньдулуна нисходило отъ императора; но этотъ путь въ степи былъ мало извѣстенъ. Я полагалъ, что мѣстопробываніе Галдана должно быть прямо на сѣверъ отъ Шанъ-си и на сѣверовостокъ отъ Нинъ-ся; такъ что если отъ Куньдулуна податься еще на западъ, то можно было подозрѣвать, что вовсе не встрѣтишься съ разбойниками; никто не смѣлъ возражать противъ этого. Былъ нѣкоторый фу-ду-тунъ Ананьда, который прежде получалъ командировку въ ордосскій аймакъ Чжу-нань и бывалъ на границахъ Нинъ-ся, а потому зналъ о дорогахъ сѣверной Гоби. Къ нему отправили человека для справокъ и дѣйствительно (движеніе на западъ) онъ нашелъ ошибочнымъ. Въ это время полученъ былъ высочайшій указъ о выступленіи войскъ изъ Нинъ-ся и съ утвержденіемъ всего вообще отвѣтнаго доклада. Я предполагалъ, что войско уже измѣнило направленіе и что поэтому первоначально командированные въ отдаленныя мѣстности отряды, въ большинствѣ случаевъ, не могли придти; отсюда вытекала еще большая необходимость усилить отряды нинъ-ся'скаго войска и приказать изготавиться въ путь всѣмъ командамъ. Въ концѣ этого мѣсяца получено было еще высочайшее сообщеніе о томъ, что великій цзянь-цзюнь Фэй-янъ-гу выступаетъ 30-го числа 2-й луны, поэтому цзянь-цзюню Сунъ-сы-кэ также приказано было 20-го числа 2-й луны выступить изъ Нинъ-ся; опасаясь однако, что путь первоначально командированныхъ на всѣ дороги войскъ далекъ и что срокъ наступаетъ, повелѣно было отправить передовыми отрядами первоначально командированныхъ 2 тысячи маньчжурскаго войска изъ Нинъ-ся и Си-ан'я, 1 тысячу китайскихъ артиллеристовъ, да по 3 тысячи отъ командъ Нинъ-ся и Юй-линь зеленого знамени. Войска Сунъ-сы-кэ должны были слѣдовать сзади. Но для лошадей не хватало

корму и для пополненія (фуража) сдѣланъ былъ подборъ (изъ запасовъ) лошадей лагерныхъ и станціонныхъ. Фу-ду-туну Ананьда приказано было, находясь во главѣ ордосскихъ чжу-нань и другихъ аймаковъ, доставлять возжаконъ. Согласно сообщенія министерства, великая армія средней дороги 10-го числа 3-й луны выступила изъ Хуху-хото. Въ это время вдругъ былъ измѣненъ путь выступленія за границу. Сѣно и провіантъ, собираемые чиновниками, не могли быть собраны въ скорости. Амбарный хлѣбъ моей команды былъ растащенъ и попорченъ въ громадномъ количествѣ. Собрать (его вновь) частнымъ, или казеннымъ образомъ было (для меня) затруднительно; а между тѣмъ станціонныя лошади разныхъ дорогъ и отобранные кони, вслѣдствіе дальняго пути, были утомлены, отошала. Я сталъ думать, что на выдаваемые изъ казны хлѣбъ и лошадей полагаться нечего. Отъ неимѣнія прислуги. людей, годныхъ къ бою, въ моемъ войскѣ было мало. Поэтому мною приказано было, чтобы каждый два солдата подыскали себѣ одного лишняго, который бы рубилъ дрова, былъ водоносомъ, погонщикомъ и пр. По расчету, подъ пищу и провіантъ (таковыхъ прислужниковъ) заготовили на каждого двухъ муловъ. Помимо того провіантное содержаніе было выдано солдатамъ деньгами, чтобы (провіантъ) они закупили сами; такимъ образомъ была обойдена небрежность чиновниковъ, а солдаты, какъ мѣстные уроженцы, сами умѣли закупить хорошій рисъ и все немедленно приготовить. Вмѣстѣ съ симъ приказано было большинству взять сухарей, сушеной говядины и утоляющихъ жажду средствъ. Сверхъ военныхъ принадлежностей были взяты мѣшки, дождевики, шубы, заступы, кирки, косы, топоры, веревки, цѣпи, лѣстницы и сбруя. Были приняты во вниманіе силы лошадей и скота и сообразно съ этимъ приняты всѣ мѣры. Къ назначенному времени прибыли цзянь-цзюнь Сунъ и два цзунъ-бина, — Чжунъ и Панъ; они разсудили, что 7 тысячъ заордосскаго войска состоятъ въ командировкѣ уже давно, а войско юй-линь'ской команды назначено уже послѣ, поэтому оно еще не успѣло подготовиться и должно остаться для защиты (края), для похода же нужно отобрать у него только хорошихъ лошадей. За симъ 22-го числа 2-й луны выступили одинъ за другимъ „возвышающій воинственность“ цзянь-цзюнь Сунъ съ отрядомъ въ 1800 человекъ;

си-ань-скій цзянь-цзюнь г. Чжуанъ съ 3000 маньчжуровъ и китайцевъ; лянъ-чжоу'скій цзунъ-бинъ Чжунъ съ отрядомъ въ 1200 человекъ. 25-го числа выступилъ въ путь и я съ своимъ отрядомъ и направился по горамъ алашань'скимъ. При мнѣ состояло: 35 человекъ чиновъ ю-цзи, шоу-бэй, цянъ-цзунъ и ба-цзунъ; 3000 конницы и лишнихъ солдатъ въ количествѣ 1500 человекъ, да еще нѣсколько сотъ человекъ писарей и слугъ. Лагерь средняго войска занималъ у меня центръ, авангардный лагерь находился впереди, лѣвую колонну составилъ артиллерійскій лагерь, правую — аріергардный лагерь и так. обр. всѣ они опоясывали центръ.

Выступивъ за границу, мы шли вѣстѣ другъ за другомъ и въ день дѣлали то отъ 40 до 50 ли, то отъ 50 до 60 ли. 10 слишкомъ дней шли вдоль Хуанъ-хэ; затѣмъ, оставивъ рѣку и, взявъ съ собою воду и траву, переходили Гоби. Гоби—это значитъ каменистое мѣсто. Въ ней сыпучій песокъ, нѣтъ травы и воды. Черезъ 200 слишкомъ ли на горѣ Лянъ-ланъ-шанъ (гора двухъ волковъ) есть старый памятникъ, на которомъ написаны только слова „Лянъ-ланъ-шанъ“ и не объяснено кто его ставилъ; иные полагаютъ, что Ланъ-цзюй-суй. Отсюда шли по горамъ и долинамъ и 4-го числа 4-й луны дошли до Ко-до-ли-ба-га-сунъ, каковое мѣсто было назначено для соединенія съ гуй-хуа-чен'скою арміею, однако войско великаго цзянь-цзюня ушло уже отсюда впередъ. Тогда мы пошли вдвое скорѣе и черезъ 16-ть дней, достигли до р. Онъги. Здѣсь утверждено было мнѣніе о сокращеніи количества солдатъ. Изъ Нянъ-ся прежде другихъ выступили три команды войскъ, именно отъ округовъ Гань, Су и Лянъ. Такъ какъ дорога была дальняя, а движеніе было быстрое, то у нихъ не хватило фуража, тѣмъ болѣе что, при полученіи провіанта, верблюдовъ и скотъ они себѣ не выбирали; вышли они за границу въ первый разъ, и къ условіямъ (мѣстности) были непривычны; наконецъ они были убѣждены, что встрѣчи съ элутами не будетъ, — „слухи о величій распространятся-де за границей и войско вернется“. Такимъ образомъ не приняли они надлежащихъ мѣръ и, при переходѣ, лошади у нихъ валились: а между тѣмъ, чѣмъ дальше шли, тѣмъ больше было недостатка въ водѣ и травѣ. Случилась имъ на нѣ-

сколько суток непогода и дождь: солдаты мерзли и голодали, люди и кони валялись, бросали деньги и провiантъ, а потомъ мало по малу начали разбѣгаться. Бѣглецовъ догоняли и казнили, но 'это не останавливало другихъ. Тогда генераль (гунъ) Сунъ посовѣтывалъ выбрать лучшихъ солдатъ, дать имъ двойное количество коней и провiанта, и двигаться. Такимъ образомъ изъ отряда г. Сун'я, было оставлено 400 человѣкъ; изъ командъ лянъ-чжоу'ской и су-чжоу'ской по 300 человѣкъ; мнѣ же было приказано сократить свой отрядъ до 500 человѣкъ и съ 500-ми маньчжуровъ стать лагеремъ на р. Онъ-ги, для охраны задняго провiанта, имѣющаго служить пищею войску на обратномъ пути. Въ моемъ отрядѣ все было исправно. При остановкахъ лагеремъ, высылались подъ наблюдениемъ офицеровъ солдаты отыскивать по сторонамъ воду и траву, иногда я и самъ смотрѣлъ и откапывалъ. Всего у меня было достаточно. Шадя своего коня, я много дней шелъ пѣшкомъ передъ строемъ. Если случался вѣтеръ или дождь, я приказывалъ прикрыться и согрѣться, оттого и смертность была малая. Въ провiантѣ всегда соблюдалась законная бережливость: не позволялось бросать или самовольно тратить, оттого и былъ у меня остатокъ, равно и солдаты мои не поддавались на соблазнъ другихъ — бѣжать. Я хотѣлъ обратиться съ просьбою дозволить мнѣ не сокращать (количества моего отряда), но г. Сунъ ушелъ впередъ уже на нѣсколько дней пути; и такъ я, по необходимости, отобралъ 1800 человѣкъ, оставилъ 500 человѣкъ изъ нихъ стоять лагеремъ на рѣкѣ Онъги, остальные же и прислуга, всего нѣсколько сотъ человѣкъ, пошли со мною впередъ.

Чрезъ нѣсколько дней мы догнали великую армию. По дорогѣ всѣ надѣвали латы. Горный воздухъ былъ холоденъ, трава еще не показывалась. Старая трава была выжжена ворами на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ ли, всюду пепелъ и угли били въ лице, все было черное. Отрядъ великаго цзянь-цзюня былъ гвардейскій; лошади его валялись, провiанта было много побросано, безпрестанно по дорогѣ лежали солдаты. Тогда войско провинціи Шэнь-си опредѣлило пожертвовать въ пособіе (отряду цзянь-цзюня часть своего) провiанта и отъ моего отряда поступило вдвое противъ другихъ. Вечеромъ 4-го

числа 5-й луны при дождѣ и снѣгѣ пришли къ Ту-ла, гдѣ было условлено императорскому лагерю соединиться съ (войсками) великаго цзянь-цзюня. Вначалѣ при дворѣ было опредѣлено, чтобы, по прибытіи великой арміи, войско провинціи Шэнь-си отправить въ походъ отдѣльною дорогою чрезъ Селенгу, теперь однако великій цзянь-цзюнь не могъ отдѣлить, что либо отъ войскъ, такъ какъ воры были близко. На разсвѣтъ 13-го числа этой луны мы успѣли уже развѣдать о непріятелѣ. Маньчжурскія и китайскія войска стояли въ строю и ожидали, но воры долго не показывались и великій цзянь-цзюнь приказалъ двинуться впередъ строемъ. Чрезъ 20-ть ли мы, пройдя озеро, дошли до урочища Чжао-модо, что въ переводѣ значить „лѣсистое мѣсто“. Съ сѣвера тутъ были горы, возвышающіяся на 1 тысячу сажень, стоящія прямо какъ ширмы, и не видно было ихъ конца. Подъ горою залегала низменность на нѣсколько ли. Здѣсь поднимается лѣсъ, и между нимъ протекаетъ рѣка, которая извивается чѣмъ южнѣе тѣмъ больше. Постепенно нисходя (дальше), встрѣчается здѣсь маленькая горка, похожая на перекладину у лошадинаго сѣдла, — это и есть мѣсто боя. Горка направо соединяется съ южными горами и будетъ сажень 20-ти, съ западной стороны у ней три уступа, какъ ступени лѣстницы, восходящія къ вершинѣ, на восточной сторонѣ одинъ уступъ, а затѣмъ равнина. Эти правый и лѣвый уступы обрывисты. Подошву горы окружаетъ рѣка, — это Ту-ла. Авангардъ, встрѣтивъ воровъ въ ущельи Тэрэлычи, притворился разбитымъ, и такимъ образомъ успѣлъ въ томъ, что воры, почитая себя побѣдителями, повернулись въ бою и пошли впередъ. Мой отрядъ находился за маленькою горкою и не зналъ о мѣстонахожденіи непріятеля. Встрѣтись съ г. А, который былъ фу-ду-туномъ и командиромъ авангарда, шедшаго на перерѣзъ къ югу, я спросилъ его (о непріятеляхъ); онъ, указывая хлыстомъ отвѣтилъ: „за этой горой непріятели, поэтому поднимайтесь и смотрите“. Спѣша взойти, я встрѣтился съ войскомъ цзянь-цзюня Суня, которое только что подходило.

„Должно спѣшить занять эту гору, сказалъ я.

„Вечерѣтъ, отвѣчалъ великій цзянь-цзюнь, сражаться нужно завтра; воры очень близко, на горѣ трудно продержаться ночью“.

“Бой завтра, но эта гора должна быть занята, возразилъ я. Если воры займутъ вершины, то внизу быть нашимъ лагерямъ очень опасно; если вы беспокоитесь, что ночью трудно защищать, то почему же не перейти (во все) подъ гору и не обставить всю ее строениями для защиты?”

„Поздно, отвѣчалъ цзянь-цзюнь, передвигать лагерь не удобно. Пусть воры займутъ гору, завтра мы будемъ бить ихъ пушками“.

„Искони вѣку ставили войска на высоты, а не уступали ихъ врагу“, сказалъ я.

„Ну такъ вы передвиньте лагерь на верхъ и защищайте“, отвѣчалъ цзянь-цзюнь.

Я поспѣшилъ возвратиться внизъ и бичемъ командовалъ идти на гору. Дойдя до вершины, мы увидали, что воры поднялись уже на пол-горы. Увидавъ, что мы заняли вершину, воры остановились подъ прикрытіемъ восточнаго уступа и стали стрѣлять вверхъ. Тогда великій цзянь-цзюнь, по моимъ словамъ, командовалъ, чтобы все войско построилось по горѣ, и приказалъ заордосскимъ войскамъ зеленого знамени, составлять центръ, а тремъ маньчжурскимъ отрядамъ: пекинскому, правой охраны и си'ань'скому, составлять правое и лѣвое крыло. Когда открылся бой, мнѣ было приказано командовать нинъ-ся'скимъ отрядомъ въ 1300 человекъ и быть на лѣвой сторонѣ, а цзунъ-бину Танъ, изъ охраны Вэй-нинъ, съ отрядомъ въ 1 тысячу человекъ изъ Ланъ-чжоу и Су-чжоу, быть на правой сторонѣ. Всѣ мы выстроились лагеремъ, занявъ гору, а дай-тун'ская команда, прибывшая впоследствии, должна была стать подъ горою, чтобы по рѣкѣ, съ сѣверной и западной стороны, обезопасить насъ отъ непріятельской засады въ лѣсу. Войска монгольскихъ чжасаковъ стояли по правую и лѣвую стороны маньчжурскаго войска. Такъ какъ воры, оспаривая горку, напали на нашъ центръ, то заордосское войско пошло къ нимъ на встрѣчу. Полдень уже наступалъ. Воры были въ запальчивости. Тогда солдатамъ приказано было спѣшиться и между тѣмъ какъ одинъ долженъ былъ вести пять лошадей, остальные должны были вступить въ бой пѣшими. Началась непрерывная пальба изъ царской пушки, пожалованной императоромъ, и изъ пу-

шекъ самодѣлокъ формы „Цзы-му“. Галданъ, его жена Ану и другіе, не взирая на ядра и стрѣлы, вступили въ свалку пѣшкомъ. Нападеніе ихъ было весьма сильно и несокрушимо. Удары и раны были съ обоихъ сторонъ, но бой былъ не рѣшенъ. Я, такъ какъ уже вечерѣло, а дѣло было очень спѣшное, послалъ доложить великому цзянь-цзюню слѣдующее: „необходимо приказать прирѣчному войску пройти чрезъ пвовый лѣсъ и съ лѣвой стороны броситься на непріятельскіе фланги, которые отъ сего непремѣнно разстроятся. Видно, что за непріятельскимъ строемъ стоятъ очень много людей и лошадей, которые однако не помогаютъ въ сраженіи; несомнѣнно это верблюды, скотъ и женщины. Слѣдуетъ командировать отрядъ, который оцѣнилъ бы ихъ съ восточной и южной сторонъ и бросился бы грабить. Если воры увидятъ тревогу въ тылу и въ то же время наше войско, находящееся на горѣ, стремительно бросится на нихъ, то разбить будетъ легко“. Великій цзянь-цзюнь на все это согласился. Я, увидавъ издали, что два отряда уже приближаются къ непріятелямъ, командовалъ своему отряду двинуться съ гикомъ. Мы атаковали сверху и снизу. Гулъ потрясалъ небо и землю. Воры пришли въ смятеніе и, сваливаясь подъ уступъ, наполнили (своими тѣлами) рѣчной рукавъ. Побросаннаго ими оружія было какъ полни, или конопли (т. е. очень много). Я, пользуясь побѣдою, погналъ (непріятелей) на сѣверъ и запретилъ войскамъ подбирать побросанныхъ ими верблюдовъ, коней, обозъ и оружіе. Во время преслѣдованія я стрѣлялъ и при свѣтѣ луны гнался на 30-ть ли. Воры разбѣгались какъ птицы, или звѣри. Оглянувшись назадъ, я увидалъ, что преслѣдующихъ солдатъ было только съ небольшимъ 300 человекъ, съ такимъ количествомъ, конечно, нельзя было идти далѣе впередъ. Тогда великій цзянь-цзюнь командировалъ цзянь-цзюня Шу стать въ аріергардъ и передать приказъ о сборѣ войскъ;—я также собралъ свои войска и воротился въ лагерь уже на разсвѣтѣ. На другой день великій цзянь-цзюнь, собравъ всѣхъ, казнилъ плѣнниковъ, принесъ жертву передъ знаменемъ, далъ вина отличившимся и похвалилъ меня такъ: „Во вчерашнемъ сраженіи, благодаря вашимъ планамъ, совершенно великое дѣло“. Съ этого времени я удостоивался особеннаго вниманія со стороны великаго цзянь-

цзюня и онъ при встрѣчѣ съ императоромъ, или съ кѣмъ либо другимъ, постоянно упоминалъ объ этомъ. Я былъ тронутъ тѣмъ, что великій цзянь-цзюнь съ пользою употребляетъ совѣты своихъ генераловъ и офицеровъ и такимъ образомъ совершаетъ подвиги; кромѣ того онъ отличается, выставляя на видное мѣсто, не завидуя и не скрывая; — это духъ древнихъ сановниковъ. Военныя правила гласили такъ: „смотрите на высоты какъ на мѣста жизни“; оттого то Чжао-шэ и Юй-юй и одержали побѣду при своихъ бояхъ, занявъ съверную гору. Въ настоящемъ случаѣ если бы наши войска не заняли вершину, а уступили бы ее врагъ, то еще неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы дѣло. Правило для побѣдъ — „знать засады и бить на недостатки“: если бы мы не послали двухъ отрядовъ солдатъ атаковать непріятелей съ боку и произвести грабежъ у нихъ въ тылу, то воры не обратились бы въ бѣгство. Причина побѣды или пораженія — дѣло минутное. Если бы ни указанія государя, да ни счастье нашего (царствующаго) дома, то какъ бы мы достигли этихъ результатовъ?!

Во время побѣды звуки радости гремѣли и колебались. Нинъ-ся'ское войско превозносили за верхъ подвиговъ. Я думалъ, что должно преслѣдовать до конца и потому выразилъ мнѣніе, что Галданъ долженъ быть схваченъ; но великій цзянь-цзюнь не желалъ гнаться далѣе, такъ какъ лошади отощали. Я не смѣлъ обращаться съ своею просьбою вторично. Тогда великій цзянь-цзюнь поставилъ войска на мѣста, принялъ вѣдомость о передавшихся, пересмотрѣлъ все взятое въ плѣнъ и захваченное и, объявивъ обо всемъ этомъ, оповѣстилъ великую побѣду и сборъ войска. Императоръ въ это время стоялъ лагеремъ на 28-мъ станкѣ. Получивъ докладъ, онъ очень обрадовался, приказалъ, чтобы ши-вэй Ма-у встрѣтилъ участвовавшихъ въ дѣлѣ и объявилъ имъ высочайшее повелѣніе изъ трехъ по одному явиться въ императорскій лагерь для полученія награды. Что касается походнаго войска провинціи Шэнь-си, которое состояло изъ китайцевъ и маньчжуровъ, то ему повелѣно было прибыть въ столицу для полученія большихъ почестей. И такъ, (обратный) путь нашъ былъ не старинъ, а пошелъ на востокъ. Перейдя Кэрулэнъ, мы отдѣлили войско, которое съ обозомъ должно было возвратиться на-

передъ по кратчайшему пути, но оставили при себѣ 500 всадниковъ. Между 15-ю и 16-ю станціями получена была бумага, въ которой заключался къ великому цзянь-цзюню запросъ, почему по поражении Галдана мы не преслѣдовали и не поймали его; вмѣстѣ съ симъ извѣщалось, что такъ какъ самыя донесенія о поражении и казни были не точны, то командируется чиновникъ освидѣтельствовать поле битвы. Тогда всѣ чиновники въ страхѣ остановились съ своими войсками и ожидали указа. Въ теченіе 40 дней было ненастье, обнаружился недостатокъ въ дровахъ, а большинство войска не имѣло и варева. Г. Сунь представилъ императору, что воры, по поражении ихъ, были въ крайности и нѣкоторые изъ нихъ бѣжали къ западу; что пограничные сановники всѣхъ командъ выступили вмѣстѣ, кого же изъ нихъ можно было назначить для охраны? Высочайшимъ указомъ повелѣно было трехъ цзунъ-биновъ отправить каждого къ своему гарнизону и только г. Сунь'ю явиться ко двору. Я чрезъ Гуй-хуа-чэнь и Ордосъ возвратился въ Нинъ-ся, — это было уже 27-го числа VIII луны, а войска, оставленные на рѣкѣ Онъги, между тѣмъ все еще не вернулись. При началѣ компаніи, мѣсячный провіантъ былъ разсчитанъ по быкамъ и овцамъ. Я говорилъ, что быки и овцы отъ дальняго перергона будутъ непремѣнно тощать и валиться и будутъ бесполезны какъ провіантъ для войска: къ тому же земледѣліе и перевозка тяжестей совершаются на быкахъ; слѣдовательно, ежели отовсюду пособрать ихъ, то пограничные жители непремѣнно будутъ поставлены въ затруднительное положеніе. Вслѣдствіе этого (заявленія) г. Туна приостановилъ приказъ о сборѣ быковъ. За симъ рѣшено было оставить мѣсячный провіантъ и съ особымъ отрядомъ войскъ перевезти его къ р. Онъги, чтобы онъ могъ служить пособіемъ возвращающемуся войску. Для охраненія этого провіанта было оставлено 500 солдатъ изъ Нинъ-ся и 500 солдатъ китайцевъ. Послѣ битвы и побѣды войска возвратились восточнѣе и потому не было никакой нужды сохранять провіантъ въ отдаленной степи. Я предложилъ великому цзянь-цзюню командировать кого либо, чтобы воротить (эти охраняемые войска и провіантъ), но между тѣмъ еще до прибытія этого посланнаго, стоявшій на р. Онъги фу-ду-тунъ Цзу-ланъ-би, такъ какъ

трава тамъ посохла и не было воды, въ 9-й лунѣ, сжегъ провіантъ и двинулъ войско, которое выступило въ походъ разсѣянно и не по правиламъ. Оно встрѣтилось съ племянникомъ Галдана Даньцзила, который, потерпѣвъ пораженіе, пробирался на западъ. Нашего войска составилось около тысячи человѣкъ. Ю-цзи, Чанъ-вай-бинъ, Цань-цзунъ Лю-цзинь-сяо бились на смерть: убитыхъ и раненыхъ здѣсь было больше чѣмъ въ Чжао-модо; но воры успѣли уйдти. Я, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „если бы прежде поставили тамъ для охраны одного Цзунъ-бина съ 3000-ми солдатаъ, то тутъ былъ бы совершенъ удивительный подвигъ. Жалко, что не исполнены прежніе планы!“

Въ 36-мъ году я возвратился на свой постъ, гдѣ въ теченіе полугода составлялъ военный отчетъ, училъ войска, кормилъ лошадей и въ прошеніи представилъ проэктъ, чтобы съ 2000-ми солдатаъ, прошедши черезъ Го-до-ли, вторгнуться вглубь, захватить главу мятежниковъ и вырвать ихъ корень. Вообще я выражалъ мнѣніе, что противъ сильныхъ мятежныхъ шаекъ нужно употреблять регулярныя войска, а противъ обезсиленныхъ — иррегулярныя. Нинъ (говорилъ я) племянникъ Галдановъ Цэванъ-рабтанъ заграждаетъ ему дорогу на сѣверо-западъ; великое войско провинціи Гань-су — на юго-западъ; обезсиленный Галданъ долженъ бѣжать на востокъ. Если пройдетъ онъ р. Онъги, то отыскать его будетъ трудно; должно поспѣшить прижать его, — случай терять невозможно. Случилось, что императоръ выѣхалъ изъ Пекина на западъ. По докладѣ (этого прошенія и проекта), сопутствующіе императору вельможи присудили подождать (своего) прибытія въ Нинъ-ся, гдѣ и постановить точное рѣшеніе. Въ первыхъ числахъ 3-й луны я съ чжи-фу У-хэ встрѣтилъ императора въ Динъ-бянь, гдѣ высочайшимъ приказомъ повелѣно было У-хэ возвратиться для приведенія въ исправность военныхъ потребностей, а мнѣ повелѣвалось, поспѣшая днемъ и ночью, доѣхать до Цинъ-пинъ-бао. На другой день мы остановились посреди Ордоса, гдѣ совѣтникамъ правительства приказано было обсуждать со мною дѣло о выводѣ войска. Я настаивалъ, что количество войска должно было бы быть уменьшеннымъ, а провіантъ и лошади должны быть въ надлежащемъ числѣ, сполна. 26-го числа императоръ

прибыль въ Нинъ-ся, гдѣ и остановился. 15-го числа высокосной 3-й луны императоръ изъ Нипъ-ся выступилъ за границу на 500 слишкомъ ли; здѣсь императорская лодка временно пріостановилась. 18-го числа съ 500-ми отборной конницы, съ 200-ми пѣхоты съ писарями и прислугой отряда мы выступили за границу.

Гунъ Ма-сы-ха, маньчжуръ по происхожденію, былъ назначенъ проявляющимъ воинственность цзянь-цзюнь и командовалъ 1500 гвардейцевъ; ула'скій цзянь-цзюнь, г. Са, командовалъ 500-ми маньчжуръ изъ Ляо-дуна. Всѣ они выступили одновременно, всякій у нихъ имѣлъ провіанту на 4 мѣсяца, всякому было выдано по верховому верблюду, коню и мулу, на каждые два человѣка полагался одинъ вьючный верблюдъ и каждый получилъ по три барана въ мѣсячное содержаніе. Прокурору Юй-чэнь-луну приказано было собрать пожертвованіями верблюдовъ, коней, муловъ и мѣсячное содержаніе и идти вслѣдъ за войскомъ. 1-го числа 4-й луны, забравъ воду въ мѣшкахъ и сѣно въ снопахъ, опять двинулись къ переходу черезъ Гоби. Около 2-хъ часовъ пополудни всѣ отряды, выставивъ свои знамена, ожидали императора. Онъ выѣхалъ верхомъ изъ своего лагеря и, подъѣхавъ къ войскамъ, сѣлъ на табуреткѣ. Съ правой стороны помѣстился старшій его сынъ. Они произвели смотръ такимъ образомъ, что всѣ отряды прошли мимо нихъ другъ за другомъ. Послѣ сего императоръ, переправившись черезъ Желтую рѣку, Ордосомъ возвратился въ столицу. Я съ войскомъ, благодаря ночной прохладѣ, шелъ быстро и на другой день въ полдень прибылъ къ горѣ Лянь-лапъ-шань. Въ четырнадцать дней дошелъ я до Ко-до-ли ба-га-сунъ и здѣсь сошелся съ войскомъ великаго цзянь-цзюня. Въ это время уже сдѣлалось извѣстно о самоубійствѣ Галдана. Галданъ послѣ своего пораженія и бѣгства, собралъ болѣе тысячи своихъ искалѣченныхъ солдатъ и хотѣлъ уйдти съ ними на западъ, въ Ула-цзанъ; но, услыхавъ, что на пути его стоитъ войско провинціи Гань-су, прошелъ полдороги и не смѣлъ двигаться дальше. Припасы его истощились и онъ послалъ сына собирать провіантъ въ Хами. Сыну его тогда было только съ небольшимъ 10 лѣтъ и онъ былъ схваченъ и представленъ туркестанскимъ старшиною. Галданъ, услыхавъ, что выступило наше большое войско, былъ въ безвыход-

номъ положеніи и 13-го числа 3-й луны отправился. Аймакъ его разсѣлся. Племянникъ Галдана Даньцзила съ его трупомъ, дочерью и 400 данниковъ пришелъ съ покорностію, но на разстояніи 20 дней пути его до Ко-до-ли у него не было нищи и онъ, отправивъ посла доложить объ этомъ великому цзянь-цзюню, просилъ провіанта и помощи лошадьми. Великій цзянь-цзюнь, представивъ это дѣло императору, послалъ людей для сопровожденія Даньцзила и приказалъ войскамъ тихонько двигаться. Черезъ нѣсколько дней дошли до Ула-чжала и, оставивъ прошлогоднюю дорогу, пошли на СЗ. То десятками, то сотнями принимали мы и провожали въ столицу людей Галдана, которые встрѣчались и передавались намъ. За симъ мы получили указъ о возвращеніи напередъ уласкаго войска, объ оставленіи на мѣстѣ надлежащихъ частей отряда и о движеніи остальныхъ. Услыхавъ, что Даньцзила въ дѣйствительности не приходилъ съ покорностію и ушелъ къ западнымъ предѣламъ, мы двинули войска, чтобы войти вглубь и дошли до Кунъ-го-ло-а-цзи-рл. Въ предположеніи, что Даньцзила ушелъ далеко, цзянь-цзюню Ма было приказано поспѣшить съ легкою конницею догнать его. Въ теченіе десяти-слишкомъ дней мы не догнали и, дойдя до великой Гоби, возвратились. Въ великой Гоби на пространствѣ 500 ли нѣтъ ни воды, ни травы. Проходили мы по ней трое сутокъ съ большою поспѣшностію, отчего и пришлось пожертвовать половиною людей и лошадей. Всѣ согласились идти вглубь, но въ это время императоръ получилъ изъ Гань-су извѣстіе, что Даньцзила съ западной границы бьетъ челомъ и проситъ подданства. Тогда великаго цзянь-цзюня пожаловали въ гуны 1-й степени и всѣмъ войскамъ приказано было возвратиться. Отъ Годоли всѣ маньчжурскія войска направились прямою дорогою къ Пекину, только я съ своимъ отрядомъ пошелъ къ предѣламъ Нинъ-ся и 11-го числа VIII луны прибылъ къ своему посту.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Погодичная записъ цзунъ-ду провинціи Чжи-ли Юй-чэнъ-лун'а.

Въ 35 году правленія Канси Галданъ опять обезпокоилъ Монголію и императоръ самъ сталъ во главѣ 6 войскъ, чтобы наказать его. Такъ какъ при этомъ обозъ былъ очень великъ, то императоръ повелѣлъ гуну Юй, въ качествѣ оберъ-прокурора прокурорскаго приказа, быть главноуправляющимъ провіантомъ и суммами при великомъ войскѣ средней дороги. Всѣ внутренніе и внѣшніе, большіе и малые чиновники слушали императорскія распоряженія и въ 6 войскахъ все исполнялось по повелѣніямъ государя. Такъ какъ Шамо представлялъ собою мѣстность, не имѣющую травы не извѣстно до сколькихъ тысячъ ли, а между тѣмъ императоръ самъ принялъ начальство надъ великимъ войскомъ, численность котораго простиралась до нѣсколькихъ сотъ тысячъ, то понятно что вопросъ о провіантѣ, несомнѣнно, представлялъ собою жизненный вопросъ. Я вначалѣ предложилъ построить 6-ть тысячъ телѣгъ для перевозки провіанта и подѣ всякую телѣгу требовалось четыре подводы, а всего нѣсколько десятковъ тысячъ. Отыскать ихъ скоро—было трудно; покупать—казнѣ было бы долго; поэтому во всеподданнѣйшемъ докладѣ было-испрошено высочайшее повелѣніе на воззваніе, чтобы маленькіе чиновники и простолюдины явили ревность къ обществу и за это давать имъ похвалы и помѣтки. Черезъ мѣсяцъ число было полное. Способные люди помогали и собирались у (императорскихъ) носилокъ. Все приготовлялось и въ назначенный срокъ было готово. Тогда я получилъ указъ идти съ войсками и обозомъ въ Хай-цзы для ученія. Я разставлялъ ряды войска и указывалъ лагерное построеніе телѣгъ, которыя составили

27 отдѣленій. По окончаніи жертвоприношенія знамени, я поднялся на холмъ и объявилъ войску идти рядами, а обозу слѣдовать за строемъ; начальствовать — колонновожатому и ху-вэй'ямъ; въ походѣ—составлять цѣпь, при остановкахъ—помогать и взаимно охранять другъ друга; ежели бы во время остановокъ или движенія случилось бы, что непріятель вдругъ напасть на лѣвую сторону, то правая обязана помогать и обратно (правой сторонѣ должна помогать лѣвая), при нападеніи же на центръ, обязаны помогать обѣ стороны; сначала должно дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, а потомъ луками и стрѣлами, длинными же коньями бить въ пылу храбрости. Разумѣется, при такого рода условіяхъ можно сломать всякую твердню. Всѣ начальники должны были двигаться сообразно требованію обстоятельствъ. Прежде такого объясненія съ солдатами, я сдѣлалъ внушеніе рабочимъ, чтобы они усердствовали въ дѣлѣ перевозки и каждый поставилъ бы себѣ цѣлью исполнить свое дѣло въ точности. 30-го числа 2-й луны императоръ съ большимъ войскомъ выступилъ впередъ; 20-го числа 3-й луны двинулся и я, командуя рядами провіантскихъ телѣгъ. Съ легкою конницею я послѣдовалъ напередъ въ Су-ту — мѣстопребываніе императора, и здѣсь имѣлъ высочайшую аудіенцію. Я освѣдомился объ императорскомъ здоровьи и представилъ свой докладъ, послѣ чего опять возвратился уже въ окрестности Хо-рл-бо ан-цзи-рл. Степь и песокъ залегаютъ здѣсь на 400 слишкомъ ли; въ песокъ вязли на два и на четыре дѣйма, такъ что людямъ и скоту было идти очень трудно, а грузнымъ телѣгамъ тѣмъ болѣе. Я приказалъ тогда всѣмъ чиновникамъ, солдатамъ и рабочимъ рубить вѣтви тальника, находившагося по лѣвую сторону отъ дороги, чтобы, выровнявъ почву, сдѣлать путь пригоднымъ для телѣгъ. Объ этихъ трудившихся я общалъ поименно докладывать императору съ просьбою награды или повышеній. Въ то же время я самъ, впереди другихъ, саблею обрубилъ одно дерево и тогда всѣ перевозные чиновники стали стараться исполнить мой приказъ и въ нѣсколько дней изготовили дорогу такъ, что люди, скотъ и телѣги могли спокойно двигаться. Первые телѣги съ провіантомъ подошли къ императорскому лагерю въ 59-ть переходовъ,

затѣмъ подходили среднія партіи, а наконецъ и послѣднія уперлись въ спускъ холма. Узнавъ, что у великаго цзянь-цзюня западной дороги, г. Фэй, нѣтъ провіанта, я получилъ приказъ отрядить партію для его войска; такимъ то образомъ и было достаточно провіанта и у войска западной дороги (вплоть до того времени), когда оно окончило свои дѣйствія и у войска средней дороги при его возвращеніи. Мятежные воры въ то время были уже разбиты и бѣжали. 26-го числа 6-й луны императоръ возвращался въ столицу. Дойдя до Чар-хань на-ло, онъ повелѣлъ мнѣ вмѣстѣ съ председателемъ Ли-фань-жана Баньди сложить хлѣбъ въ Чар-хань на-ло и въ Пинъ-куй-су. Въ 7-й лунѣ получился приказъ отправить провіантъ для войскъ амурскаго цзянь-цзюня Са-кэ-су, находившихся на западной дорогѣ въ Ха-лунь. Въ 9-й лунѣ вступили въ столицу. За симиъ, услыхавъ, что воры вторглись на сѣверо-западъ, императоръ хотѣлъ идти войною на западъ. Я, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, осмотрѣлъ назначенный къ перевозкѣ хлѣбъ и вмѣстѣ съ ними завѣдывалъ перевозкою. Въ 1-й лунѣ 36-го года императоръ отправился въ Нинъ-ся и остановился въ Юнъ-чжунъ. Черезъ нѣсколько дней получился приказъ о выступленіи впередъ. 23-го числа 3-й луны мы вошли въ Нинъ-ся. 16-го ч. я встрѣтилъ императора на перевозѣ черезъ Хуанъ-хэ. Императоръ потрепалъ меня по плечу и довольно долго разговаривалъ со мною по секрету, но (о разговорѣ нашемъ) никто не зналъ. 15-го числа высокосной 3-й луны отправленъ былъ изъ Нинъ-ся провіантъ на быкахъ и верблюдахъ, причемъ императоръ повелѣлъ си-ань'скому фу-ду-тун'у съ 300 латниковъ конвоировать его, а мнѣ по прежнему заправлять имъ. По возвращеніи, императоръ назначилъ меня главнокомандующимъ. Тогда я во главѣ ши-лан'овъ направился на сѣверъ и дошелъ до каменнаго мыса, гдѣ останавливаются лодки. Здѣсь, въ отдаленности, во исполненіе милостивыхъ указовъ, награждалъ я вмѣсто императора монгольское войско и главы инородцевъ колѣбно-преклоненно внимали приказаніямъ. Черезъ нѣсколько дней мы отправились въ путь. Есть мѣстность по имени Гоби, въ ней нѣтъ ни травы, ни воды на 200 слишкомъ ли. Прежде мы искали по ней большую дорогу на сѣверъ; теперь узнавъ, что у войскъ, идущихъ

впереди, лошади отошали, я послалъ шау-бэй'я Линь-чжи-бэнь проводить провіантъ къ великому цзянь-цзюню и высмотрѣть мѣста, обильныя водою и травою. Но Линь ночью, потерявъ своего проводника, приказалъ солдатамъ сѣсть въ кружокъ и дожидаться разсвѣта. На разсвѣтѣ онъ двинулся въ путь и, направившись по положенію звѣздъ, дошелъ до Хуанъ-хэ, гдѣ напоилъ лошадей и приготовилъ пищу. Видъ сѣверо-западныхъ горъ былъ его путеводителемъ; это тѣ самыя горы, которыя монголы называютъ горами двухъ волковъ, — Лянъ-ланъ-шань. Ведя свои отряды по направленію къ горѣ, къ вечеру втораго дня нашелъ онъ воду и траву. На другой день опять шелъ онъ по направленію къ горамъ и за сямъ откопалъ онъ вкусный колодезь, изъ котораго можно было напоить нѣсколько тысячъ людей и лошадей. Такъ какъ (мѣстность) здѣсь представляетъ исключеніе изъ общаго безводья Гоби и грунтъ земли хорошій, то въ донесеніи своемъ онъ просилъ перевести сюда почтовую станцію (тай). На третій день, миновавъ гору двухъ волковъ, прошелъ онъ прямо на лагерь великаго цзянь-цзюня. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ съ провіантомъ шли по этому мѣсту. Въ началѣ V луны я въ мѣстности Го-до-ли ба-га-сунъ получилъ бумагу отъ великаго цзянь-цзюня о томъ, что отправка впередъ провіанта теперь уже не представляется нужною. И такъ я рѣшился остановиться здѣсь и черезъ 3 мѣсяца, такъ какъ провіанту накопилось довольно много, приказалъ солдатамъ вырыть рвы въ 9 футовъ глубиною и построить стѣну въ 6 футовъ вышиною съ воротами на сѣверную и на южную стороны и съ рогатками отпирающимися и запирающимися. Между тѣмъ великій цзянь-цзюнь уже сообщилъ о побѣдѣ, представлялась голова главнаго мятежника и плѣнныхъ было множество. Великій цзянь-цзюнь возвращался съ побѣдою. 28-го числа 7-й луны онъ прибылъ въ Го-до-ли-ба-га-сунъ и каждому солдату изъ великой арміи было выдано тогда провіанту на 45 дней; за сямъ я возвратился по недавно отысканной, хорошей дорогѣ. Черезъ 58 дней я прибылъ въ Пекинъ. Послѣ представленія императору, получился приказъ, чтобы ши-вэй У-дэ-чанъ представилъ меня Даньцилѣ съ словами: „это оберъ-прокуроръ прокурорскаго приказа Юй-чэнь-лунъ, который перевозкою провіанта унич-

тожилъ твое царство“. При такихъ словахъ Даньцзила поникъ головою и, нагнувшись, казался сильно смущеннымъ. Даньцзила былъ предводителемъ войскъ Галдана.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Браткія записки о походѣ за границу, составленныя Цянь-лянь-цзѣ изъ Чанъ-шу.

Лѣтомъ, въ началѣ V луны 27-го года правленія Канси (1688) императоръ, находясь въ Цянь-цинъ-мынь, отправилъ къ русскимъ послами придворныхъ вельможъ: Со-э-ту, Дунъ-го-вэй и Ма-ла, а съ ними завѣдующаго сыскными дѣлами при военномъ министерствѣ — Чжанъ-пынь-гэ и военного прокурора Чэнь-чжи-ань. Имѣя въ виду правила древнихъ, по которымъ въ свитѣ сановниковъ всегда бывали войска и по которымъ посланные въ дальніе края, тѣмъ болѣе проходя черезъ Гоби, всегда брали охрану, императоръ назначилъ имъ въ свиту 10000 отборныхъ всадниковъ, да помимо того за ними частнымъ образомъ послѣдовало тоже слишкомъ 10000 прислуги, такъ что знамена и значки ихъ растянулись на пространствѣ 30-ти слишкомъ ли. Императоръ приказалъ старшему сыну своему проводить ихъ на 20 ли, до р. Цинъ-хэ. 3-го числа вышли изъ Цзюй-юнь-гуань; 18-го числа прибыли въ Гуй-хуа-чэнь; 21-го числа, переправивъ чрезъ Инъ-шань, прибыли на р. Кунъ-ду-лэ. На другой день провѣдавъ, что впереди не было воды и травы, рѣшили великому войску идти по частямъ. 23-го числа раздѣлились на три дороги; генералъ Со съ тремя знаменами — чистымъ желтымъ, чистымъ краснымъ и голубымъ съ каймою, пошелъ по восточной дорогѣ; генералъ Дунъ съ тремя знаменами пошелъ по западной дорогѣ; генералъ Ма

съ двумя знаменами пошелъ по средней дорогѣ. Китайскіе чиновники Чжанъ и Чэнъ остались при чистомъ красномъ знамени; въ этомъ случаѣ было поступлено такъ точно, какъ было заусловлено объ этомъ въ столицѣ. 30-го числа остановились у горы Ха-лунъ-а-ба-ту-бу-ла-шань; здѣсь самая сѣверная граница 49-ти хошуновъ. На вершинѣ горы куча камней представляла собою батарею; насыпь эта напоминала могилу: тутъ мѣсто защиты и охраны отъ иноземцевъ. Здѣсь уже Халха. Отъ Калгана мы дошли досюда въ 10 слишкомъ дней, миновавъ тысячу слишкомъ ли и ли-фанъ-юань'скіе путеводители ошиблись въ дорогѣ, такъ какъ рассчитали путь на 700 слишкомъ ли, или съ небольшимъ на десять дней. Дорога здѣсь не ровная: лошади утомились и не могли идти далѣе; поэтому мы оставили тяжести и, собравшись налегкѣ, поѣхали только сами (безъ всякаго обоза) да и то верхомъ на лошадяхъ. Чистое красное знамя оставило при этомъ 400 лошадей, во всемъ же войскѣ пропало безъ вѣсти до нѣсколькихъ тысячъ и сотенъ. 8-го числа пройдя 7 или 8 ли, мы увидѣли жителей урочища Кэ-ла-а-цзи-лэ-хань (Хара ачжирга), которые шли съ ребятами на спинахъ. Посланному нами переводчику они отвѣчали, что халхаскій ханъ, будучи разбитъ элутами, бѣжитъ. Тогда главнокомандующій генералъ Со тайно присудилъ съ помощниками, чжанъ-гин'ами послать ли-фанъ-юань'скаго юань-вай-лан'а къ войскамъ генераловъ Дунъ и Ма, чтобы привести въ исполненіе планъ соединенія войскъ. 9-го числа остановились въ Цзи-р-ту. Халхаскіе мужчины и женщины, верблюды и лошади вереницею тянулись къ югу въ количествѣ болѣе 10000 душъ. Тѣ изъ нихъ, которые шли сзади, извѣстили, что владыка ихъ тушѣту ханъ имѣлъ бой съ элутами на границѣ, послѣ котораго войска у него не оказалось, а люди его какъ птицы или звѣри разбѣжались. Младшій братъ хана, Чжэб-цзунъ-дамба-хутухту, съ малыхъ лѣтъ былъ ламою и имѣлъ значеніе равное съ братомъ, всѣ слушали его приказаній; теперь не было извѣстно, куда онъ дѣвался. Пребываніе его находилось на р. Тула въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Селенги и чрезъ него должна была идти наша дорога. Элуты все выжгли и идти впередъ намъ было не возможно. 10-го числа мы ожидали присоединенія войскъ генераловъ

Дунъ и Ма, но за симъ, такъ какъ мы остановились въ совершенно безтравномъ и безводномъ мѣстѣ, то повернули лагерь назадъ какъ разъ противъ Кэла ацзилэханъ. Тутъ посланецъ цэцэнъ хана извѣстилъ наше войско о пораженіи. Элюты, воспользовавшись побѣдою, неправильными отрядами (ци-бинь) вторглись во владѣнія тушѣту хана и ограбили его обозъ. Цэцэнъ ханъ былъ младшимъ братомъ тушѣту хана и раздѣлялъ съ нимъ господство надъ восточными аймаками, откуда (халхасы) начали также неудержимо разбѣгаться; поэтому то онъ и послалъ извѣстіе о пораженіи. Тогда генераль Со послалъ обо всемъ этомъ всеподданнѣйшій докладъ съ курьеромъ. Въ тотъ же день мы получили извѣстіе о приближеніи войска элютовъ и наши войска, не смотря на запрещенія, начали разбѣгаться какъ волки. Всѣ три лагера цѣлый день не ѣли. Главнокомандующій въ нанцырѣ и шлемѣ у коня и съ оружіемъ ожидалъ разсвѣта. Въ это время тушѣту ханъ, будучи въ затруднительномъ положеніи, распространилъ молву, что императоръ срединнаго государства специально командировалъ своихъ генераловъ съ войсками и приказалъ имъ оказать ему военную помощь. Элютскій ханъ, услыхавъ объ этомъ, затанлъ подозрѣніе и не смѣлъ приблизиться къ войску; оттого Халха и осталась цѣлою. Затѣмъ чрезъ нѣсколько дней случилось, что императоръ даровалъ высочайшій приказъ элютамъ, возвратить свои войска и выѣстъ съ симъ командированъ былъ особый посланникъ уговорить (Галдана) прекратить войну. Элюты, во исполненіе указа императора, замѣнили свое подозрѣніе добрымъ отношеніемъ и, свернувъ знамена, возвратились.

Русское государство, куда было отправлено посольство, по раскинутости и отдаленности его, нельзя изслѣдовать. Его границы на западѣ — великій западный океанъ (да-си-янь — Европа), на востокѣ Амуръ, на югѣ соприкасается оно съ хуй-хуй, элютами и халхасами. На всѣ эти мѣста распространяется господство русскихъ, изъ чего можно заключать о величіи ихъ государства. Въ минувшіе годы ихъ люди побезпокоили Солоновъ. Наше войско окружило ихъ, тогда ихній государь послалъ своего посла договориться и условиться въ дружбѣ; оттого нашъ императоръ и пожелалъ послать пословъ разузнать о пу-

тахъ и мѣстностяхъ. Они издавна служатъ Христу. Бумаги у нихъ пишутся европейскимъ шрифтомъ. На случай дѣлъ съ ними, было вмѣстѣ съ нами два европейскихъ чиновника, но такъ какъ они жили отдѣльно отъ насъ, то разузнать (отъ нихъ?) все было невозможно. 12-го числа XI-й луны лагери поджидали съ трепетомъ войскъ отдѣльныхъ дорогъ. Ночью, посланный ли-фань-юань'скій Юань-вай возвратился въ поту и задыхаясь. Онъ говорилъ, что въ 4 дня пробѣжалъ 1000 слишкомъ ли, что заусловился о соединеніи войскъ для путешествіи впередъ и что генералы Дунъ и Ма ожидали разсвѣта для выступленія 13-го утромъ. На дорогѣ онъ повстрѣчалъ будто бы множество халхасовъ, кочующихъ къ югу на пространствѣ 60 ли. У нихъ лошадей было мало, а верблюдовъ много. Вели верблюдовъ женщины. Платье у нихъ было одинаково съ мужскимъ, только въ обѣихъ ушахъ были серьги, между тѣмъ какъ у мужчинъ, и то только у нѣкоторыхъ, было по одной серьгѣ въ правомъ ухѣ. Не смотря на жару, всѣ они были въ лисьихъ шапкахъ и въ бараньихъ шубахъ. Коровы и овцы слѣдовали за ними въ порядкѣ и спокойно. Яковъ было еще больше. Совершенно черные хвосты ихъ волочились по землѣ. Хвостъ ихъ годится на висти. Тамъ гдѣ за день раньше кочевали халхасы, оставленные ими лошади и коровы издыхали, ваясь одна на другую; отъ этого вонь была на нѣсколько ли. 16-го вечеромъ прибылъ посланецъ отъ генерала Ма и пообѣщалъ черезъ три дня присоединеніе войскъ. 17-го числа нашли воду и траву, что было полезно и для людей и для лошадей, оттого мы и остановились въ ожиданіи войскъ отдѣльныхъ дорогъ. Черезъ два дня прибыли генералы Ма и Дунъ и совѣщались о томъ, что по случаю истощенія провіанта, они не могутъ идти дальше: при движеніи впередъ и отступленіи мы не имѣли бы средствъ. 26-го числа неожиданно получился приказъ о возвращеніи войска. На другой день мы повернули назадъ. 18-го числа 7-й луны достигли до Ка-лу. 8-го числа 8-й луны прибыли къ Калгану. 13-го числа приказано намъ было идти въ столицу. Ежели бы указъ пришелъ нѣсколькими днями позже, то всѣ бы мы пропали въ степи. Но Чжэбцзунъ-дамба-хутухту, по разбитіи, послалъ въ Пекинъ съ курьеромъ просьбу о помощи. На вопросъ императора „гдѣ

войско?" курьеръ этотъ совралъ, что оно все уничтожено, надѣясь этимъ расшевелить императора. Дворъ изумился. Тотчасъ же приказано было двумъ ши-вэй'ямъ скакать и разузнавать. Въ столицѣ было необычайное движеніе и все это отъ пустыхъ рѣчей халхаса. На обратномъ пути лошади пропали, провіанту не было, войско двигалось пѣшкомъ, голодъ и жажда одолѣвали. Солдатъ умерло 900 слишкомъ человѣкъ, пропало лошадей 27000 слишкомъ, а верблюдовъ болѣе 1000; дорожныхъ расходовъ было 2500000 ланъ. Хотя прямая цѣль этой командировки и не была исполнена, но судьбѣ угодно было, чтобы Халхъ было продолжено ея искалѣченное существованіе и чтобы она не была поглощена элитами.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

Сокращенія: айм.=аймакъ; Т. Х.=тушѣту хановскій; С. Х.=сэцэнгъ хановскій; Ц. Х.=цзасакту хановскій; С. Н.=сайнъ нояновскій; и-рѣ=императоръ; уроч.=урочище; с=сѣверъ; ю=югъ; в=востокъ; з=западъ; кн.=князь; пок.=поколѣніе; халх.=халхаскій; кит.=китайскій; манчж.=маньчжурскій; цз.=цзасакъ.

А.

Абага, айм. южн. Монг. 117.
Абаганаръ, айм. южн. Монг. 74, 75, 177, 198.
Абатай, тушѣту ханъ 82, 100, 104, 106, 108, 109, 111, 123, 133, 144, 155.
Абида, бурханъ 263, 301, 364.
Абида, чиновникъ маньчжурскій 239.
А-бу-ту уроч. въ Халхѣ 379.
Абуху мэргэнъ ноянъ, или Абуху, тайчжи Т. Х. айм. 82, 100, 140.
Акэдунъ, да-сѣ-ши маньчжур. 365.
Алашанъ 283, 313.
Алданъ поръ 151.
А-ли-нинъ-ду-соу-ци, уроч. въ Гоби 370.
Алтай, горы 86, 88, 92, 181, 188, 142; 204, 253, 257, 271, 275, 276, 281, 286, 288, 289, 313, 332, 334, 343, 365.
Алтанъ гэрэлъ, догматическое сочиненіе 165.
Алтанъ тобчи, монгольская гѣтопись 95.

Алтанъ, ханъ тумэтскій 106, 107, 110.
Амбулгу, посолъ и-ра Шунь-чжи въ Халху 66.
Амдунаръ айм. въ Ургѣ 56.
Амила, тайчжи С. Х. айм. 260, 261.
Аминъ дуралъ, или Аминъ, халхаскій тайчжи 96, 97.
Амуръ, рѣка 178, 399.
Ананьда, посолъ и-ра Канси 199.
Ананьда, тайчжи С. Х. айм. 80, 200, 203, 273.
Ананьда, военачальникъ маньчж. 238, 256, 381.
Ану, жена Галдана бошокту, 250, 287.
Анури, цзасакъ С. Н. айм. 323.
Анхахай, халхаскій тайчжи, 100, 161.
Ань - динъ - мынь, ворота въ Пекинѣ 262.
Ань-си, военный округъ з. Китая 317.
Аоханъ, айм. въ южн. Монголіи 117.
Арабтанъ, тайчжи С. Х. айм. 80.
Арабтанъ, чжунгарскій тайчжи 188, 231, 252, 253, 254, 258, 261.

Арабтанъ, цзайсанъ хошоутовскій 317.
 Арабтанъ-дайчинъ-ахай, тайчжи С. Н. 202.
 Аранай, кит. Арни, президентъ кит. палаты виѣшнихъ сношеній 64, 65, 66, 67, 68, 78, 184, 186, 212, 213, 314, 373, 374.
 Аранай, тусалакчи цзянь цзюнь маньчж. 317.
 Арбитху, посолъ пра Шуньчжи 65.
 Аргалинту уроч. въ Т. Х. айм. 89.
 Арикъ, уроч. въ Ц. Х. айм. 321.
 Ариѣа, тайчжи Ц. Х. айм. 279.
 Ариѣа было, бодисатва 247.
 Артуйнъ, уроч. на гран. айм. Учжумуцинъ 203, 229.
 Ару элэсуту, уроч. на с. гран. сунитскаго айм. 84, 201, 238.
 Арутай, олотскій полководецъ 249.
 Арцзанъ, тайчжи Т. Х. айм. 211.
 Арцу-болотъ, кн. внут. монголовъ 95.
 Аршату-суму-хада, уроч. къ с. отъ Хуху-хото 243.
 Асока, ученикъ будды 294.
 Атаганъ, поколѣніе бурятъ 99.
 Ахаули, уроч. въ южн. Монголіи 368.
 Ахай-дайчинъ. прав. Ц. Х. айм. 60, 169, 173.
 Ачжи, южная цѣпь Алтая 334, 335.
 Ачиту гэлунъ, посолъ пра Канси 60, 61, 62, 63, онъ же называется Ачиту дорчжи 65, 66, 184.
 Ашабагаты, покол. бурятъ 181.
 Ашихай, халх. тайчжи 96, 97, 98.
 Аюка, ханъ торгоутскій 175, 282.
 Аюши, бурханъ 299.
 Аюши, тайчжи Т. Х. айм. 193, 258.
 Аюши, мэйрэнн цзангянъ маньчжурскій 317.
 Аюши-эбэли, чжунгарскій тайчжи 310.
 Аюши-эрхэ-ахай, тайчжи С. Н. айм. 81, 202.
 Айбуха, рѣка 151.

В.

Бабу, сэдэнъ ханъ 159, 160.
 Бадаря, ванъ хорчинскій 138.
 Бадма-пши, посолъ и-ра Канси 65, 66, 184.
 Баннь-гу, или Баннь-уланъ, уроч. 100, 194, 228, 237, 240, 241, 344, 249.
 Баннь-улэнъ, уроч. въ айм. Абага 204.
 Баннь ундуръ, уроч. въ Халхѣ 257.
 Баннь цзурухъ, горы въ вост. Халхѣ 158, 251, 265.
 Бансхалъ, хорчинскій цзюнь-ванъ 138.
 Ба-ла-хэй-ду-ха-да, уроч. 373.
 Балданъ - дорчжи, тайчжи Т. Х. айм. 83.
 Ба-линь, фу-ду-тунъ маньчж. 379.
 Балютай, уроч. въ С. Х. айм. 200.
 Ба-на-ли-ду-хада, уроч. 372.
 Банцзуръ, тайчжи С. Х. айм. 236.
 Банцзуръ-дорчжи цз. Т. Х. айм. 80, 280.
 Баньди, тайчжи Ц. Х. айм. 204, 271, 341.
 Баньди, предсѣдатель Ли-фанъ-юани 395.
 Баньди-дайчинъ, абаганарскій тайчжи 198.
 Баньди, дарханъ цинъ ванъ хорчинскій 213.
 Баньчэнь-эрдэни, титулъ тибетск. пер. посвященника 56, 59, 313.
 Баранъ, сынъ цзасак. хана Шары 192, 210, 211, 220, 222.
 Баранъ, цзасакъ С. Н. айм. 323.
 Баранъ, тайчжи 80, 193, 201, 264.
 Баргуты, поколѣніе народа 118, 354.
 Баринъ, айм. южн. Монголіи 55, 56, 57, 58, 137.
 Баркуль, городъ въ вост. Туркестанѣ 281, 286, 288, 332, 333, 365.
 Барни, халх. тайчжи 100, 101-
 Барсъ-болотъ, князь южн. Монголіи 95.

- Барсъ-хото, старинный городъ и урочище въ С. Х. айм. 196.
- Барунъ - хуръ, монастырь въ Т. Х. 156.
- Баруцакъ урочище 92.
- Баръ-тайга, горы въ С. Х. айм. 348.
- Басай, фу-цзянь-цзюнь маньчж. 333, 338.
- Басудай ху-ту, уроч. 368.
- Басутъ, халх. поколѣніе 96.
- Батанъ, 314.
- Бату, сунитскій тайчжи 140.
- Батуръ - хунъ - тайчжи, чжунгарскій 131, 170, 175.
- Бахай, тайчжи Т. Х. айм. 90, 287, 342, 343, 345, 357.
- Бачжи, блѣтскій цзасакъ 335.
- Баянту, посолъ и-ра Канси 65.
- Баяръ, вице-президентъ кит. пал. вн. сношеній 71.
- Баясхуланъ, посолъ и-ра Канси 65.
- Баясхуланъ-хадату, монг. прозваніе прохода Си-фынь-коу 172.
- Бай-цзэ-бу-лэ, уроч. 369.
- Байдарикъ, р. въ ср. Халхъ 86, 87, 286, 343, 348.
- Байтакъ, горы въ юз. Халхъ 92.
- Бэ-сы-кэ, чиновникъ маньчжур. 239, 322.
- Бэхэръ-цаганъ-эрхэ, урочище 385.
- Биликту, цзангинъ уратскаго айм. 217.
- Биликту, маньчж. мандаринъ 56, 150, 151.
- Биликту лама, посолъ и-ра Канси 65, 66, 184.
- Бималикиридай-батуръ-эрдэни-ноянъ, сынъ сайнъ нояна Тумэкиня 101.
- Битуда, тайчжи С. Х. айм. 240.
- Бичжи, рѣка въ юз. Халхъ 334, 351.
- Биширэлту ханъ, титулъ Норбо, владѣтеля Ц. Х. айм. 58, 147, 161.
- Бода - чжабъ, тайчжи С. Х. айм. 80, 200, 203.
- Боди-сукъ, княгиня С. Х. айм. 236.
- Бодонгутъ, халх. покол. 267.
- Бодунэ, городъ въ Маньчжуріи 354.
- Большой-курѣнь, или Урга 158.
- Бомботу, горный перевалъ въ Халхѣ 344, 345.
- Боро, урочище 335.
- Боро-бургасу, урочище въ Чжунгаріи 281.
- Боро-будасу, урочище въ С. Х. айм. 200.
- Боро-тала, рѣка въ Чжунгаріи 226, 275.
- Борцзя, рѣка на границѣ Халхи съ Россіею 240.
- Бо-цзи, маньчж. цзянь-цзюнь 379.
- Боцзо, посолъ и-ра Канси 66.
- Брайбунъ, монастырь въ Тибетѣ 56, 59, 158.
- Брэвэнъ хитъ, монастырь въ В. Халхѣ 153.
- Бубэй, бэйлэ Ц. Х. айм. 80, 87, 88, 182, 204, 205, 210, 268, 271, 274, 276, 279, 281, 287, 288, 311, 320, 321.
- Бу-бинъ см. Фу-пинъ.
- Бузантай, маньчж. родопрavitель 115.
- Бупръ, оз. въ С. Х. айм. 200, 229.
- Букэ - хара, урочище въ зап. Халхѣ 351.
- Букэту дабаганъ, перевалъ въ Алтай 336.
- Булаганъ, рѣка въ Чжунгаріи 278, 287.
- Булунгиръ, рѣка 314, 317.
- Булунгиръ-баркуль-ханъ, урочище на границѣ В. Туркестана съ Халхою 260.
- Бумба, сынъ С. Х. Шолоя 237.
- Бумба-шики, халх. тайчжи 82.
- Бунди, олоъ 249.
- Бунидара, жена Ц. Х. Шары 192.
- Бунтаръ, халх. тайчжи 57, 82, 102, 150, 151.
- Бунцзаль-мэргэнъ, тайчжи С. Н. айм. 202.
- Бургасутай, урочище близъ Хуху-хото 64, 183.
- Бургасутай, урочище близъ Калгана 84, 268.

Бургултай, урочище въ Т. Х. айм. 89.
 Бурданъ, см. Фур-данъ.
 Буруль, урочище въ СЗ. Халхъ 281, 287.
 Бурхату, урочище 140.
 Бусэ-улугэй, урочище въ С. Х. айм. 200.
 Бутала, или Будала, гора въ Тибетъ 56, 284.
 Буха-холай, урочище на с. границахъ айм. Учжумуцнпъ 203.
 Буянту, сунитскій тайчжи 140.
 Буйгунъ, цзайсанъ чжунгарскій 287.
 Вадай, или Бантай, предводитель кит. армій 227, 233.

В.

Вампилъ дорчжи, тайчжи Т. Х. айм. 277, 280, 334, 341, 345.
 Ванбо, тайчжи Т. Х. айм. 289, 320, 341, 345, 357.
 Ванши бурулэгу, халх. лама 54, 133.
 Ванцзаль тайчжи, С. Х. айм. 238, 239.
 Ванцзаль, цзасакъ С. Н. айм. 323.
 Ванцзаль, цзасакъ С. Х. айм. 236, 259, 260.
 Ванцукъ, ц. ханъ 169, 170, 171, 173.
 Ванцукъ, тайчжи Т. Х. айм. 83.
 Ванчжиль-дорчжи, т. ханъ 85, 86, 89, 90, 266, 278, 292, 305, 325.
 Вачиръ вани, бурханъ 301.
 Вачиръ-дара, или Вачжра-дара, бурханъ 56, 60, 318.
 Вачиръ-дара-эрхэйнъ ванъ, названіе молитвословія 56.
 Вачпрай-дара-хутухту гунчжи чжабъ, братъ Т. Х. Чихунъ дорчжи.
 Вайфынь-ху-ту, уроч. 369.
 Вэй, тибетская провинція 313.
 Вэйчинъ - бурцзай, тайчжи С. Х. айм. 197, 200, 228.
 Виндурія карпо, назв. астрономическаго сочиненія 71.

Г.

Галбарн. урочище въ С. Х. айм. 240.
 Галданъ-дорчжи, цзасакъ Т. Х. айм. 74, 80, 85, 186, 192, 212, 213, 220, 266.
 Галданъ-тайчжи, владѣтель Ц. Х. айм. 67.
 Галданъ, ханъ ойратскій 60, 63, 70, 74, 76, 77, 78, 84, 91, 94, 100, 169, 174, 175, 177, 180, 181, 186, 189, 190—195, 198, 204, 305, 208, 210, 212, 215, 217, 218, 225—228, 231—235, 237—242, 244, 246, 248, 251—254, 256, 257, 262, 271, 282, 290, 372, 374, 375, 376, 379, 387, 388, 391, 393.
 Галданъ, цзасакъ С. Х. айм. 322.
 Галданъ хитъ, монастырь въ Тибетъ 184.
 Галданъ ширѣту, тибет. лама 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 219.
 Галданъ цэрэнъ, ханъ чжунгарскій 331, 332, 333, 336, 340, 343, 344, 349, 350, 351, 352, 356, 360.
 Галъ, цзайсанъ чжунгарскій 281.
 Гампилъ, цзасакъ С. Н. айм. 323, 351.
 Гань-су, провинція въ Китаѣ 244, 313, 390, 391, 392.
 Гань-чжоу, провинція въ Китаѣ 313, 315.
 Ганьчжуръ, сборникъ буддійскихъ книгъ 303, 304, 364.
 Гарбай-гоби 172, 177.
 Гардадай, рѣка въ Туш. Хан. айм. 260.
 Гарма, тайчжи С. Х. айм. 236.
 Гарма, сынъ С. Н. Тумэкиня 101.
 Гарма, сунитскій тайчжи 138, 140.
 Гарма-гуйнъ, тайчжи С. Х. айм. 197, 200, 228.
 Гашунъ, рѣка въ Хуху-норѣ 316.
 Гайкинъ, родопрavitель атаганскихъ бурятъ 102.

Хорлатъ, уроч. въ С. Х. айм. 236.
 Хорлосъ, халх. поколѣніе 96.
 Хорога, халх. покол. 96.
 Хороли батуръ эрхэ чжинунъ, ала-
 шанскій 195, 229.
 Хорцинъ, айм. въ ю. Монголіи 76,
 117.
 Хосунъ-тохай, урочище 92.
 Хотохойты, поколѣніе 162, 168, 191.
 Хошу тохой, уроч. въ Ц. Х. айм. 205.
 Хойоркинъ, халх. тайчжи 100.
 Хойфа, маньчж. покол. 115.
 Хуа-синъ, цзунъ-бинъ въ Нинъ-ся
 378.
 Хуалисунъ тобъ, маньчж. прозв. Юнъ
 чжэна 306.
 Хуанъ-хэ, рѣка 256, 383, 395.
 Хубилай, ханъ монгольскій 326.
 Хулацзи, уроч. въ С. Х. айм. 239.
 Хулунъ, озеро въ С. Х. айм. 200,
 213.
 Хулусутай, уроч. въ айм. Ару кор-
 цинъ 204.
 Хуль, уроч. въ в. Халхѣ 74.
 Хунгэй, сынъ Ц. Х. Шары 192, 222.
 Хунгуй-хатагунъ, уроч. въ з. Халхѣ
 231.
 Хундулэнъ-бошокту-гомбо, тайчжи Т.
 Х. айм.
 Хундулэнъ тойинъ, тайчжи Т. Х. айм.
 58, 162, 163, 185.
 Хургиху, уроч. въ Т. Х. айм. 278.
 Хурмахай, халх. покол. 267.
 Хурулмай, влад. урянх. 279, 280,
 321.
 Хуръ-дохоръ, халх. покол. 96.
 Хурэнъ-бэлычиръ 70, 100, 184, 185,
 186, 243.
 Хусэнэ тарна, урочище 240.
 Хухэ бороту, уроч. въ Т. Х. айм. 100.
 Хухэ-норъ, или Хуху-норъ, озеро въ
 ю. з. Монголіи 64, 116, 205, 254,
 271, 283, 285, 286, 313, 314,
 315, 317.
 Хухэй шотонъ, уроч. въ средней
 Халхѣ 233.
 Хухэйтъ, халх. поколѣніе 96.

Хухэнъ бацзаръ, сынъ С. Н. Тумэн-
 кини 101.
 Хухэнъ номъ, айм. въ Ургѣ 56.
 Хухэ-хото, или Хуху-хото, городъ у
 великой стѣны 64, 65, 76, 107,
 110, 127, 128, 183, 205, 207,
 208, 230, 232, 241, 242, 243,
 251, 254, 339, 382.
 Хучжиръ добронъ, уроч. въ С. Х. айм.
 223.
 Хучжирту булукъ, уроч. въ Т. Х. айм.
 89.
 Хуй-хэ, рѣка въ ю. Монголіи 379.
 Хуй-цзунъ-сы, кумирня въ Долонъ-
 норѣ 224.

Ц.

Цаганъ гэръ, уроч. въ Т. Х. айм. 278.
 Цаганъ-даньцзинъ, кукунорскій тайч-
 жи 314, 315.
 Цаганъ-дара-баарту, халх. княжна 87.
 308.
 Цаганъ эрхэкъ, урочище 71.
 Цаганъ лама, посолъ маньчж. и-ра
 125.
 Цаганъ номинъ ханъ, лама куку-
 норскій 314.
 Цаганъ нуръ, озеро въ Т. Х. айм. 55,
 133.
 Цаганъ сүль, уроч. въ з. Халхѣ 87,
 90, 92, 278, 340, 341, 343, 350.
 Цаганъ тайчжи, даруга Гадана бо-
 шокту 212.
 Цаганъ толгой, уроч. въ Кукунорѣ
 314.
 Цаганъ шэгунъ, уроч. въ з. Халхѣ 232.
 Цакиръ, родоправ. Бурятъ атаган-
 скихъ.
 Цампинъ, блотскій цзайсанъ 321.
 Цампинъ дорчжи, тайчжи Т. Х. айм.
 268, 273.
 Цамцукъ-намчигъ, цзасагъ Т. Х.
 80, 84, 87, 91, 252, 258, 274,
 277, 310, 311, 349, 356, 357.
 Цангу, тусалакчи С. Х. айм. 260.

Данринъ ванбо, тайчжи С. Х. айм. 235.
Даньцзилла, родоправитель чжунгарский 188. 247. 254. 257, 390, 392.
Даньцзинь, хошоутовский цзайсанъ 317.
Даньцзинь банцзуръ, сынъ С. Н. Тумэньина 101.
Даньцзинь гэлунъ, посолъ и-ра Канси 65.
Даньцзинь дорчжи, цзасакъ Т. Х. айм. 85, 87, 88. 99, 91, 268, 273, 280, 281, 287, 306, 308, 334, 339. 342. 346. 351. 356. 357, 359.
Даньцзинь-эрдэни, цзасакъ С. Н. айм. 81, 181.
Даньцзинь лама, владѣтель С. Н. айм. 57. 58. 100, 130. 144. 153. 154, 161, 164, 169, 172.
Даньцзинь-омбо, родоправитель чжунгарский 74. 188, 197. 254.
Даньцзинь-рамбалъ, тайчжи Т. Х. айм. 83.
Дара, тайчжи С. Х. айм. 200.
Дара-эхэ, богиня 82, 85, 305.
Дардай, цзянь-цзюнь маньчж. 344.
Дарма-шири, халх. хошунный владѣтель 65.
Дарханъ ноянь, цзасакъ Т. Х. айм. 57.
Дарханъ-эмчи, аймакъ въ Ургѣ 56.
Дарцзи, помощн. цзянь-цзюня 350.
Даши, табунань хотохойтский. отецъ матери 2-го хутукты 308.
Даши-балъ, тайчжи Т. Х. айм. 83.
Даши бату. владѣтель кукуворский 313.
Даши дондобъ, сайнь ноянь 81, 88, 266, 273. 323. 335.
Даши-дорчжа, олотский тайчжи 335.
Даши лунъ, гора въ С. Н. айм. 328.
Даши пунцукъ, тайчжи Ц. Х. айм. 272.
Даши хлунбо, монастырь въ Тибетѣ 56.

Даши-чинъ монастырь, въ Халхѣ 85.
Даянь сэцэнъ ханъ, монгольский 94, 95, 96, 103.
Дайчинъ, тайчжи Ц. Х. айм. 210.
Дайчинъ-ноянь-хонхоръ, родоправитель Т. Х. айм. 193, 210.
Дэгэду эрдэмту, года маньчж. и-ра 54.
Дэкдэхэй, тайчжи Ц. Х. айм. 63, 70, 71, 191.
Дэлэкъ, гуянь правитель С. Х. айм. 267.
Дэмчи дарханъ, посолъ и-ра Канси 65.
Дэрэсутай. уроч. 371, 373.
Джама, посолъ Галдана бошокту 283.
Динъ-шоу, кит. военачальникъ 336.
Динъ-шу, кит. военачальникъ 320, 334.
Дова-дондокъ, бурханъ 60.
Додо, главнокомандующій маньчжур. арміи 55, 138, 142.
Долонъ-норъ, городъ въ ЮВ. Монголіи 78, 81, 83, 90, 220, 221, 223, 343, 344.
Долонъ, урочище въ айм. Учжумуцинъ 204.
Дондобъ, цзасакъ С. Н. айм. 355.
Дондобъ, цзасакъ С. Н. айм. 323.
Дондобъ дорчжи, тшп. ханъ 84, 85, 87, 252, 261, 265. 306, 307, 308, 318, 319.
Донмокъ, цзасакъ Ц. Х. айм. 276. 280, 281, 316, 317, 334.
Донхоръ - маньцзушри, халх. хутукта 110, 364.
Дорчжи, тайчжи С. Н. айм. 274.
Дорчжи, тайчжи Ц. Х. айм. 99, 179, 221.
Дорчжи, сунитскій тайчжи 140.
Дорчжи, цзасакъ С. Н. айм. 272.
Дорчжи-арабтанъ, цзасакъ Т. Х. айм. 273.
Дорчжи-даши, цзасакъ С. Х. айм. 273.
Дорчжи сэбтэнъ, цзасакъ Т. Х. айм. 89, 91, 335, 357.

Дорчжи-эрдэни-ахай, туш. ханъ. 85, 264, 266.
 Дорчжиска, сунитскій тайчжи 137.
 Дундукъ-дорчжи, тушѣту ханъ 90, 91.
 Дунъ-го-вэй, посолъ Канси въ Россію 397, 400.
 Дурагъ табунагъ, тайчжи С. Х. айм. 197, 200, 228.
 Дурбэнъ хухэть, айм. южн. Монголіи 150, 339.
 Ду-ши-коу, проходъ въ великой стѣнѣ 220, 244, 255.

Ж.

Жэ-хо, уроч. въ ю. Монгол. 82, 83, 84, 85, 262.
 Жу-яло-хэй-ли-дай-шанъ-да, уроч. въ Гоби 370.

З.

Занъ хуръ 328.
 Западное цзу (Тибетъ) 59, 60, 86.
 Зая-пандита 107, 328.
 Зайсанъ, озеро въ Чжунгаріи 358.

И.

Ибэнъ, уроч. въ Т. Х. айм. 87, 88, 327, 329.
 Икэсъ, озеро въ Ц. Х. айм. 334.
 Илагуксанъ хутухту халхаскій 208, 209, 218, 219.
 Или, рѣка и область въ Чжунгаріи 186, 225, 253, 275, 279, 283.
 Илэху, уроч. 371, 373.
 Ильдэнъ, тайчжи С. Х. айм. 235.
 Ильдэнъ, гунъ С. Н. айм.
 Ингарцакъ, гора на границахъ и Сунит. айм. 138.
 Индія 304.
 Инцзана, чиновникъ С. Х. айм. 238, 239.
 Иртышъ, рѣка въ Чжунгаріи 226, 275, 276, 340, 341.
 Ирцзахай, хотохойтскій тайчжи 212.

Исанга, канцлеръ Дайцинск. имперіи 246.
 Ишвара, божество 295.

І.

Іакинфъ, монахъ, синологъ 199.

К.

Калганъ, или Халганъ, городъ и проходъ у великой стѣны 57, 78, 82, 84, 150, 208, 258, 354, 367, 368, 398, 400.
 Камъ, тибетская провинція 313.
 Кандаригунъ, гора въ Индіи 295.
 Канси, года правленія кит. и-ра 166, 167, 170, 173, 177, 183, 187, 190, 195, 199, 205, 208, 222, 231, 237, 245, 253, 258, 264, 268, 271, 275, 286, 291, 303, 305, 312, 323, 357, 365.
 Каракорумъ, столица монг. хановъ 110.
 Касъ, озеро 314.
 Кашгаръ, рѣка въ В. Туркестанѣ 285.
 Кэла-а-цзи-лэханъ см. Хара-атжирга.
 Кэмъ, рѣка въ с. Халхѣ 276, 279, 320.
 Кэмчинъ, рѣка въ с. Халхѣ 276, 279, 320.
 Кэнгэръ-голь, рѣка въ Чжунгаріи 287.
 Кэрсэнъ чилу, уроч. въ с. отъ Улусутая 90, 345, 356, 358, 359.
 Кэрулэнъ, или Хэрулэнъ, рѣка въ в. Халхѣ 74, 76, 90, 98, 101, 116, 138, 193, 194, 196, 200, 213, 227, 233, 237, 238, 245, 247, 248, 259, 265, 267, 339, 242, 388.
 Кэшидэ, сунитск. тайчжи 137.
 Кирса, чжунгарскій цзайсанъ 281.
 Кишикъ, цзасакъ Ц.Х. айм. 80.
 Кобдо, рѣка и крѣпость 81, 89, 91, 92, 188, 218, 225, 232, 275, 278, 334, 336, 337, 340, 341, 343, 350, 361.

Кодоли ба-га-сунь, уроч. 383, 391, 396.
 Корея, государство 130, 291.
 Кошоту, горный перевалъ чрезъ Тянь-шань 333.
 Кубкэръ, урочище въ Ю.З. Халхъ—334.
 Кубкэръ гэринъ, урочище 104.
 Куку-норъ см. Хуху-норъ.
 Кукчинъ, тайчжи Ц.Х. айм. 80.
 Кун-го-ло-а-ци-ръ, уроч. 392.
 Кунгуй, рѣка въ З. Халхъ 86, 280.
 Кундулунъ, рѣка въ южн. Монголіи 379, 380, 381.
 Куртула, уроч. въ З. Халхъ 351.
 Кутанъ, рѣка въ Алтаѣ 337.
 Кушала, область въ Индіи 297.
 Кяхта, пограничное съ Россіею поселеніе китайское 354.

Л.

Лабдаръ, тайчжи Т.Х. айм. 137.
 Ладунъ-наванъ-габъ, тибетск. лама 63.
 Лакъ-балмо, посолъ Галдана-бошокту 232.
 Лама чжабъ, с. ноянь 335, 346, 354.
 Ланьтанъ, кит. полководецъ 234.
 Лань-цзюй-суй, гора 257.
 Лацзанъ, ханъ тибетскій 283, 284, 313.
 Лайхоръ, ханъ халхаскій 103.
 Ли, фу-ду-тунъ маньчж. 369.
 Лидаръ, тайчжи Т.Х. айм. 82, 83.
 Лиданъ батуръ, ханъ чахарскій 103, 112, 115, 124, 303.
 Ливъ-чжи-бэнь, чиновникъ маньчж. 396.
 Литанъ, тангутская область 314.
 Лобъ норъ 92.
 Лодой-чжамцо, настоятель Галданъ кита въ Тибетѣ 70.
 Лонготу, маньчж. посолъ въ Россію 322.
 Лубсанъ, цзасакъ С.Х. айм. 274.
 Лубсанъ, тайчжи Ц.Х. айм. 279.

Лубсанъ гомбо, тайчжи алашаньскій 195.
 Лубсанъ гомбо рабтанъ, блѣтскій тайчжи 70, 71.
 Лубсанъ гомбо, хорчинскій ванъ 339.
 Лубсанъ-дамба-донми, второй ургинскій хутухта 87, 328.
 Лубсанъ-дамба-чжампанъ, первый ургинскій хутухта 54, 76, 87, 133, 134, 135, 156, 158.
 Лубсанъ донмитъ, халх. лама 364.
 Лубсанъ ноянь, или Лубсанъ тайчжи, цзасакъ Ц.Х. айм. 58, 59, 60, 161, 169, 180, 182, 186.
 Лубсанъ-шарабъ, чжунгарскій цзайсанъ 281, 286, 289, 310.
 Лубсанъ-шэлэнъ, хошоутовскій тайчжи 332.
 Лубсанъ эринчинъ, блѣтскій полководецъ 204.
 Лубцзанъ-даньцзинъ, владѣтель хошоутовской 313, 314, 315, 316, 317, 320, 332.
 Лунъ-шу—214.
 Луякъ, сынъ С.Н. Тумэнкина 100.
 Лю-гоу, военный округъ З. Китая 317.
 Лянъ-ланъ-шанъ, гора 383, 391, 396.
 Лянъ-чжоу, провинція въ Китаѣ 313, 315, 379, 385.
 Ляо-дунъ, область 391.

М.

Майдари, бурханъ 59, 264, 301.
 Майдари хутухту, проповѣдникъ ламанизма въ Халхѣ 107.
 Ма-ла, посолъ Канси въ Россію 397, 400.
 Мамни, асхани амбанъ маньчжурскій 243.
 Мангусъ, сунитскій тайчжи 137.
 Маниту, родовой старшина Ц. Х. айм. 222.
 Мансоху, гонецъ и-ра Канса 252.
 Манчжи, чжунгарскій военачальникъ 90, 342.

Маньчжурія 197.
 Маньчжуршри, бурханъ 299, 300, 301, 302.
 Маньчжуршри хутухту, проповѣдникъ ламаизма въ Халхѣ 107.
 Маньчжуршри, маньчжурскій полководецъ 139.
 Маомипганъ, айм. внутр. монголовъ 150.
 Марсай, великій цзянь-цзюнь маньчж. 340, 343, 348, 350, 358, 359.
 Марчи-раши, кит. военачальникъ 334.
 Масиха, маньчжурскій полководецъ 205, 248, 249, 367, 372, 375, 377, 391.
 Мата, цзасакъ Ц. Х. айм. 204.
 Мататъ, уроч. въ С. Х. айм. 196.
 Мати, посолъ н-ра Канси 65.
 Махагала (Махакала), божество 301.
 Маха-кашпѣ, ученикъ будды 303.
 Мачи, президентъ палаты вѣш. сношеній 79.
 Ма-цзы-дэ, фу-ду-тунъ маньчж. 379.
 Ма-у, ши-вэй маньчж. 388.
 Мэдэ цзорикту, тайчжи Ц. Х. айм. 271.
 Мэнналанъ, гора въ СХ. айм. 247.
 Мэргэнъ полянъ, владѣтельный князь Т.Х. айм. 57, 58, 65, 206.
 Мп-юнь-сянь, кит. уѣздный городъ 378.
 Мппцзуръ, цзасакъ Ц.Х. айм. 277.
 Мппцуръ дорчжи, цзасанъ Т.Х. айм. 274, 353.
 Мпнъхай, уроч. въ Т.Х. айм. 278.
 Мпнъчжу, военачальникъ маньчжурскій 139.
 Молонь тойнь, ученикъ будды 294, 298.
 Монахара, чиновникъ С.Х. айм. 245.
 Мункэ, ханъ монгольскій 326.
 Муруй хошу, уроч. въ С.Х. айм. 196.
 Мутгальвани, ученикъ Шигэмуни будды 293, 294, 295, 296, 297.
 Муугинъ аясаръ, уроч. на с. границ. айм. Уратъ 202.
 Муухай, сунитскій тайчям 139.

Муухай, цзасакъ олотскій 335.
 Муцзанъ мэргэнъ цохоръ, тайчжи С.Х. айм. 160.

Н

Наванъ - дубсанъ - донхоръ - хутухту халхаскій 89, 328.
 Наванъ-дубсанъ-чжамцо, далай лама 56.
 Нала (Нара), уроч. 371, 373.
 Наманъ, посолъ Галдана бошоку 232.
 Намулату, урочище въ Халхѣ 335.
 Намчжилъ, цзасакъ С.Н. айм. 274.
 Намчжилъ, тайчжи Т.Х. айм. 211.
 Намчжилъ, цзасакъ С.Х. айм. 76, 80, 196, 199, 203, 213, 223, 236, 238, 246, 248, 272, 289.
 Намчжилъ, тайчжи Ц.Х. айм. 210.
 Намчжилъ-тойнь, тайчжи Т.Х. айм. 194, 240.
 Намчжилъ-чисоронъ, цзасакъ С.Н. айм. 341.
 Найманъ, айм. въ ю. Монголіи 117.
 Найралту тубъ, Им. маньчжурскій 81, 87, 306.
 Нэйчжи тойнь, проповѣдникъ ламаизма въ Халхѣ 107, 113.
 Ниліитту, озеро въ Халхѣ 74.
 Нима, цзасакъ С. Н. айм. 312.
 Нинъ-ся, кит. городъ 243, 244, 253, 256, 257, 258, 317, 378, 379, 380, 381, 383, 389, 391, 392, 395.
 Нисхунъ, хя маньчжурскій 277.
 Ноговъ дара, халхаская княгиня 267.
 Ноннъ лама, хутухта халхаскій 157.
 Ноннъ хутухту, халхаскій 202, 211.
 Номунъ ханъ, титулъ С. Нояновъ 55, 144.
 Номчи, хотойскій тайчжи 212.
 Номчи дайчинъ, тайчжи С.Н. айм. 202.
 Номчитай, посолъ н-ра Канси.
 Норбо С.Ханъ 71, 76, 178, 184, 187, 273.
 Норбо, владѣтель Ц.Х. айм. 147, 160, 161, 163, 164, 168.

Норбо-баньди, тайчжи Ц.Х. айм. 287.
Норбо-эрхэ, тайчжи Т.Х. айм. 82, 184.
Норбо-чжабъ, цзасак С.Н. айм. 274, 323, 341.
Нолнтай - хатанъ - батуръ, халхаскй тайчжи 96, 97, 162.
Нунуху, халх. тайчжи 96, 97, 98, 100, 104, 105.
Нунуй, цинъ нанъ 82, 202.
Нурчинъ, цзасакъ Ц.Х. айм. 80, 206.
Ню-тоу-шанъ, гора въ пров. Чжи-ли 378.
Нянь-гэнь-ю, кит. полководецъ 314, 316.

О.

Олонъ-булакъ. уроч. на границахъ Уратскаго айм. 202.
Олорай, уроч. въ С.Х. айм. 200.
Олътъ, поколѣнiе народа 63, 107.
Омбо-даньцзинъ-чжамцо-гелунъ, посолъ и-ра Канси 65.
Омбо эрдэпи, тайчжи Ц.Х. айм. 144, 146, 162.
Овьги, или Овьгинъ голъ, рѣка — въ средней Халхѣ 74, 100, 193, 244, 253, 343, 380, 383, 384, 389, 390.
Овонъ, рѣка въ в. Халхѣ 226, 240, 267.
Опчонъ, князь чжунгарскй 170, 171.
Ордосъ — 255, 313, 389, 390, 391.
Орхонъ, рѣка въ ср. Халхѣ 91, 92, 98, 225, 231, 247, 278, 330, 346, 348, 358, 365, 366.
Отба, тайчжи Т.Х. айм. 202, 206, 213.
Отхонъ-ноянъ, халх. тайчжи 97.
Очиръ, гонецъ хорчинск. вана 217, 240, 246.
Очиръ-биньту, тайчжи Ц.Х. айм. 210.
Очиръ-бозотъ, князь внутр. монголи 95.
Очиръ-ванн, бурханъ 107, 109.
Очирту, ханъ блѣтскй 70, 144, 171, 175, 313.
Ойраты — 103.

П.

Падма-самбава, проповѣдникъ буддизма въ Тибетѣ 302.
Пакба лама, изобрѣтатель письма монгол. 326.
Панъ-юй-лунъ, цзунъ-бинъ маньчж. 379, 382.
Пекинъ 81, 82, 84, 149, 163, 205, 215, 220, 232, 241, 255, 257, 262, 268, 271, 292, 305, 310, 355, 365, 390, 400.
Пянгу см. Фэй-янь-гу.
Пунсукъ-дайчинъ, блѣтскй правитель 335.
Пунсукъ-дорчжи-линъ, монастырь въ Т.Х. айм. 157.
Пунсукъ-рабанъ, тайчжи Ц.Х. айм. 60, 65, 80, 173, 184, 221.
Пунсукъ рабанъ, тайчжи С.Х. айм. 80, 190, 203, 223, 239, 245, 247, 248, 252, 256, 259, 274.
Пунсукъ рабанъ, цзасакъ Т.Х. айм. 274, 279, 280, 287, 289, 347, 355, 356.
Пунсукъ тоннаръ, имя халхаса простолюдина 84.

Р.

Рабтанъ тайчжи, родственникъ Галдана бошокту 190, 191.
Рабтанъ, тайчжи Ц.Х. айм. 210.
Рабтанъ, цзасакъ С.Х. айм. 322.
Ранчжимба-лубсанъ-норбо, тибетскй лама 63.
Раху, посолъ и-ра Канси 66.
Рахули, халх. тайчжи 55, 57, 82, 100, 140.
Раши, хорчинскй бэйсэ 339.
Рибо гэчжи, монастырь въ Гентэй-скихъ горахъ 59.
Рибо-гэчжи-галданъ-шатдублинъ, тибет. имя Барунъ-хуръ 55.
Рибо гэчжи линъ, тиб. имя Урги 56.
Рикба гэлупъ, посолъ и-ра Канси 66.
Ромба, гэгэнь халхаскй 265.
Россія 253, 260, 321, 326.

С.

Сава Владиславичъ. посолъ русскій 87, 322.
 Са-кэ-су, маньчж. цзянь-цзюнь 395.
 Сакхули, уроч. въ Халхѣ 256.
 Салай, посолъ и-ра Канси 65.
 Самади, тайчжи Ц.Х. айм. 99, 179.
 Самданъ гэлунъ, посолъ и-ра Канси 65.
 Саму-буйма, халх. тайчжи 96, 97.
 Сананъ-сэцэнъ, ордосскій князь и представитель монгольской хѣтописи 94, 95, 110, 111.
 Сангай, аймакъ въ Ургѣ 56.
 Санкэ, озеро на границѣ Тибета и Хухунора 316.
 Санцзай чжампо, тибетскій дига 71.
 Санъ-чжабъ, тайчжи торгоутовскій 282.
 Сайнъ мянжикъ, князь урянхайскій 103.
 Сайнъ-харцза-далай-дайчинъ, халх. тайчжи 82.
 Сайнъ-харцза-йэльдэнь-хочучи, сынъ С.Н. Тумэкини 101.
 Сарайнъ-голь, рѣка въ Т.Х. айм. 156.
 Сарта голъ, рѣка въ Халхѣ 185.
 Сартагуль, халх. покол. 96.
 Сэбтэнъ, чжунг. тайчжи 287.
 Сэбтэнъ-бальчжуръ, сынъ Галдана-бошокту 256, 283.
 Сэбтэнъ-ванбо, цзасакъ блѣтскій 349.
 Сэгэръ, уроч. въ Т.Х. айм. 86.
 Сэлэнгэ (Селенга), рѣка. 167, 190, 192, 193, 232, 238, 243, 258, 339, 341, 384, 398.
 Сэнгэ, ханъ блѣтскій 170, 171, 175.
 Сэрэнъ, дурбэтскій гунъ 138, 139.
 Сэрэнъ-ахай, халх. тайчжи 65, 69, 77, 185.
 Сэрэнъ-даши. халх. тайчжи 80, 176.
 Сэцэнъ-ноянъ. хочучи. прав. въ Зап. Халхѣ 58, 162: онъ же Сэцэнъ чжинуль стр. 162, 163.
 Си-анъ, кит. городъ 283.

Си-бао, маньчжур. главнокоманд. 90, 339, 340, 358, 359.
 Си-лэ-бу-ли-ду см. Шара буриту.
 Си нинъ, кит. городъ 64, 314, 315.
 Си-р-ха-да, фу-ду-тунъ маньчж. 379.
 Си-финъ-коу, проходъ въ велик. стѣнѣ 214, 354.
 Со-э-ту, маньчж. вельможа 397, 398, 399.
 Сольби, перевалъ въ Алтаѣ 92.
 Сольби-улакчинъ, урочище въ ю. Алтаѣ 336.
 Сонготу, посолъ Канси въ Россію 190.
 Сономъ-ванцукъ, тайчжи Т.Х. айм. 83.
 Сономъ-дайчинъ, халх. тайчжи 161.
 Сономъ-иши-чжабъ, цзасакъ Ц.Х. айм. 80, 204, 205, 221, 260.
 Соноръ, уроч. въ Т. Х. айм. 90.
 Сончжинъ-сэнгэ, цзасакъ хотохойтскій 268.
 Су-чжэу, городъ въ пров. Гань-су 283, 379, 385.
 Субагатай, сынъ Т.Х. Абатая 104.
 Субади, цзайсанъ хошоутовскій 317.
 Субуди Ц. Ханъ. 54, 117, 126, 127, 128, 147.
 Субурганъ, уроч. на гран. Уратскаго айм. 202.
 Субусу, кит. цзянь-цзюнь 236, 244.
 Судэй, цзасакъ С.Н. айм. 80.
 Судэни, цзасакъ С.Н. айм. 273.
 Сумэту геръ, уроч. на гран. маоминганьскаго айм. 205.
 Сундубъ, цзасакъ Т.Х. айм. 274, 349, 357.
 Сунитъ, айм. южн. Монголіи 55, 76, 84, 117, 142.
 Сунъ-хэ, р. на с. отъ Пекина 378.
 Сунъ-сы-кэ-маньчж. цзянь-цзюнь 244, 250, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 389.
 Сунъ-чжи-цзюанъ, маньчж. цзянь-цзюнь 317.
 Сурэ-ханъ, назв. годовъ правленія маньчжурскаго тайцзуна 117.
 Су-ту, уроч. 394.

Суха алдаху, уроч. 90, 341, 363.
 Сухоту, уроч. въ Т.Х. айм. 278.
 Сухуни, уроч. въ С.Х. айм. 200.
 Сы-цзы-бу-ло, айм. Дурбэнъ хухэтъ
 150.
 Сы-чуань, область въ Китаѣ 283,
 285, 313, 314.

Т.

Табунъ ицагурту, бурханъ 56, 83.
 Табунъ нигурту, бурханъ 60.
 Табунагуты, родъ Бурятъ 267.
 Тадэ орчжиту, посолъ маньчж. и-ра
 145.
 Тамаринъ чжабъ, цзасакъ С.Х. айм.
 286, 289, 362.
 Тамиръ, р. въ средней Халхѣ 87, 98,
 100, 253, 305, 328, 344, 357.
 Тангутъ, халх. поколѣніе 96.
 Танну, горы 167, иначе Танну-Онну
 205.
 Тянь, цзунъ-бинъ маньчж. 385.
 Тоалай хэ, р. въ ю. Монголіи 379.
 Тоалай, цзасакъ С.Х. айм. 273.
 Тарачжія, цзасакъ С.Н. айм. 323.
 Тарби-ару-гоу, урочище 334.
 Таргунъ, рѣка въ юж. Монголіи 57,
 151.
 Таргъ, монастырь въ Кукунорѣ 314.
 Тарип, халх. тайчжи 96, 97, 100.
 Тарни, цзасакъ С.Х. айм. 80.
 Таскибъ, владѣлецъ С.Н. айм. 145,
 172.
 Тай-вань (Формоза) 214.
 Тай-бу-ху-ду, уроч. 373.
 Тай-гурѣ, уроч. на р. Тамирѣ 253.
 Тай-хо-дань, дворецъ въ Пекинѣ
 332.
 Тэкши, цзасакъ С.Н. айм. 323.
 Тэ-лэ, уроч. въ юж. Монголіи 368.
 Тэмтэй, сунит. тайчжи 140.
 Тэмуръ, уроч. въ Т.Х. айм. 74, 192.
 Тэнгитэй, сунит. тайчжи 137.
 Тэрэльчжи, уроч. въ Т.Х. айм. 92,
 249, 384.
 Тэсъ, р. въ СЗ Халхѣ 279, 280, 320.

Тэ-то, чжунгарскій посолъ въ Китаѣ
 332.
 Тибетъ 110, 133, 135, 157, 164,
 166, 253, 254, 271, 282, 284,
 285, 286, 304, 312, 313.
 Тингисъ, владѣтель сунит. айм. 55,
 136, 137, 138, 139, 140, 142,
 143, 144, 145.
 Тоба, тайчжи С.Х. айм. 239.
 Тоба, цзасакъ С.Н. айм. 81.
 Тоговь, тэмуръ ханъ монгольскій
 110.
 Тодо эрдэни, цзасакъ С.Н. айм. 80,
 268, 274.
 То-кэ-хунъ, халх. лазутчикъ 345.
 Тола, рѣка въ Халхѣ 74, 78, 84, 97,
 98, 100, 140, 193, 198, 213, 227,
 228, 233, 242, 244, 247, 249,
 259, 278, 339, 384, 398.
 Тоно, гора въ Т.Х. айм. 248.
 Тулінь кичіиугуй, кит. принцеса 84,
 261.
 Тумэнкинъ, С. Ноянь 88, 100, 105,
 130, 144.
 Туна, предсѣдатель уголов. палаты
 въ Пекинѣ 378, 380, 381.
 Тургень даба, уроч. въ юж. Монголіи
 368.
 Туркестанъ 205.
 Туру-болотъ, кн. внут. монголовъ 95.
 Турфанъ, городъ въ В. Туркестанѣ
 175, 225, 282, 314.
 Туши, уроч. въ айм. Учжумуцинь 204.
 Тушѣ, уроч. на с. границахъ айм.
 Уратъ 202.
 Туй, рѣка въ средн. Халхѣ 276, 289,
 335, 343, 348.
 Туймэръ, уроч. въ Кукунорѣ 317.
 Тянь-шань, горы 285, 288, 333.

У.

У-бянь-дань-цѣ, кит. сочиненіе 94.
 Убантай, сунит. тайчжи 137.
 Убаши, цзасакъ Ц. Х. айм. 321.
 Убаши, чинов. Т.Х. айм. 211.
 Убаши-хунъ-тайчжи халхайскій 103.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY

DATE DUE

~~AUG 26 1970~~

~~OCT 28 1970~~

JAN 7 1993
MAY 24 1994